

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ

ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

В. Альминскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

(27)

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ маленькомъ городкѣ одной изъ приволжскихъ губерній, у смотрителя уѣзднаго училища Петра Ивановича Слободина родился сынъ Алексѣй. Рожденіе ребенка и притомъ первенца — событіе радостное въ каждомъ семействѣ. Вступаетъ ли маленькое существо въ міръ при великомъ торжествѣ, окутанное кружевами, атласомъ и бархатомъ, или при нагорѣвшей лучинѣ, завернутое въ посконную тряпицу, положенное въ корыто, фактъ одинаково важенъ: явился новый человѣкъ. Въ великолѣпныхъ палатахъ и въ курной избѣ природа одинаково дѣлаетъ свое дѣло, по законамъ неизмѣннымъ. Это старая истина, оттого-то мы рѣдко вспоминаемъ ее, что она старая.

Бѣдное, безпомощное, жалкое твореньице заявляетъ о своемъ появленіи отчаяннымъ крикомъ. Если вы внимательно вслушаетесь въ этотъ крикъ, то ясно различите въ немъ назойливое требованіе: „дайте то, что мнѣ нужно"—и въ этомъ требованіи уже

зрѣетъ будущій вопросъ: „а что вы до сихъ поръ дѣлали, — все ли вы приготовили, чтобы достойно принять меня?“

Мы конфузимся и спѣшимъ заткнуть ротъ этому будущему нашему грозному судьѣ готовою пищей. Но одному рту предлагается здоровая, обильная молокомъ грудь, а другому холодная, кислая соска.

И мы готовимся дать оправдательный отвѣтъ, но, увы! — перебирая все, что нами сдѣлано, вмѣсто отчетливаго оправданія мы робко вымаливаемъ помилованіе: „прости насъ, не осуди, мы сдѣлали, что могли...“

Петръ Иванычъ взялъ на руки ребенка, долго и серьёзно смотрѣлъ на него, потомъ передалъ бабушкѣ и вышелъ въ другую комнату; кажется онъ тамъ заплакалъ.

Въ квартирѣ Слободина, во флигелѣ при училищѣ не было и тѣни бѣдности; напротивъ, все въ ней отзывалось домовитостью и даже достаткомъ. Изъ четырехъ комнатъ маленькаго деревяннаго домика, одна носила званіе гостинной и щеголяла мебелью подъ красное дерево, обитою кумачомъ; стѣны ея были украшены аршиннымъ зеркаломъ и множествомъ купленныхъ у коробейниковъ картинокъ, изображавшихъ Кутузова, Платова, Кульнева и другихъ героевъ 12-го года, бывшаго тогда еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. На окнахъ зеленѣла резеда и герань. Въ другихъ комнатахъ не было такихъ затѣй, но въ стеклянномъ высокомъ шкафѣ, какіе теперь можно встрѣтить на постоялыхъ дворахъ подъ Москвой — красовался полный комплектъ чайной посуды и по дюжинѣ ложекъ столовыхъ и чайныхъ чистаго серебра 84-й пробы, — а въ сундукѣ подъ кроватью, вмѣстѣ съ мундиромъ и новою фрачною парой, у смотрителя была, какъ всѣ говорили, припрятана копѣйка на черный день. Въ кладовой и въ подвалахъ у него было настоящее изобиліе: годовые запасы муки, крупъ, окороковъ, сотового меда въ деревянныхъ кадочкахъ, холста, сушеной рыбы, варенья, чернослива и прочихъ благодатей, кажется, никогда не переводились. Все это было некупленное, а приносилось и присылалось возами отъ родителей обучавшагося въ училищѣ

юношества. Не такъ давно Слободинъ обзавелся лошадкой и бѣгунками, для собственнаго удовольствія, и пріобрѣлъ серебряные часы, которые носилъ на голубомъ бисерномъ шнурочкѣ.

Такую домашнюю обстановку Слободина въ настоящее время никто не назоветъ роскошною, но тогда, 50 лѣтъ назадъ, она удовлетворяла всѣмъ потребностямъ зажиточнаго уѣзднаго чиновника. Жалованья онъ и прожить не могъ, издерживая въ день копѣекъ по 20-ти ассигнаціями, нося лѣтомъ нанковый сюртукъ и одѣвая жену въ ситцевое платье и козловые башмаки. Теперь нѣтъ и серебряной монеты равной 20-ти ассигнаціоннымъ копѣйкамъ, а серебряные часы — луковица на бисерномъ шнурочкѣ, сдѣлались археологическою рѣдкостью.

Петръ Иванычъ былъ человѣкъ лѣтъ 35-ти, весьма скромный, солидный, трезвый и по своему времени довольно образованный. Въ теченіи трехъ лѣтъ отъ назначенія его смотрителемъ онъ снискалъ любовь и уваженіе всего города. Подарки, получаемые отъ родителей учениковъ, по большей части натурою, считались не только дѣломъ невиннѣйшимъ, но даже отказъ въ принятіи ихъ былъ бы поступкомъ страннымъ, предосудительнымъ и обиднымъ для общества. По своей домовитости и аккуратности Слободинъ пріобрѣлъ право и полнѣйшую возможность обзавестись семействомъ.

И вотъ у него сынъ, здоровый, славный мальчикъ, который, родясь, прямо попалъ въ теплую колыбельку, заботливо огражденную отъ нужды и лишеній горькой бѣдности; а между тѣмъ отецъ не радъ его появленію, встревоженъ, озабоченъ...

Однакожъ крестины Алёши были отпразднованы весело.

Воспріемниками были соляной приставъ Егоръ Кузьмичъ Раскатаевъ и вдова прапорщица Наталья Лаврентьевна Матвѣева, женщина „историческая“ — отецъ ея былъ повѣшенъ Пугачовымъ въ Саранскѣ, а мужъ убитъ подъ Бородинымъ. Гостямъ поданы были на нѣсколькихъ тарелочкахъ варенье, моченые яблоки и кедровые орѣхи, а за ужиномъ выпито двѣ бутылки цымлянскаго. Отецъ Никонъ, соборный священникъ, крестившій ребенка,

балагурилъ и смѣшилъ, по обыкновенію, все общество; потѣшался надъ старушкой Матвѣевой, какъ она ухватомъ съ Пугачомъ воевала, и совѣтовалъ ей, ради повышенія въ рангѣ, выдти замужъ за безрукаго капитана инвалидной команды. Соляной приставъ часто заглядывалъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ графинчикъ ерофеича, и потомъ лѣзъ цѣловаться съ попадьей, женщиной необыкновенно бѣлаго тѣла, носившей на головѣ гарнитуровый платокъ, повязанный вилочкомъ.

На другой день послѣ крестинъ, Наталья Лаврентьевна пришла не въ обычную пору и долго бесѣдовала съ Петромъ Иванычемъ, запершись въ кабинетѣ. По окончаніи секретной конференціи, она прошла къ ребенку и матери, дала ей нѣсколько практическихъ совѣтовъ на счетъ ухода за Алёшей и, обнимая ее, съ нѣжностью примолвила: „Не тужи, Анна Митревна, не плачь, мой свѣтикъ; наше дѣло поправное! Коли не для тебя, такъ для младенца онъ это сдѣлаетъ... Онъ чувствуетъ самъ и на все согласенъ“. Аннушка глядѣла на старуху ясно и покойно. На ея кругломъ и румяномъ, русскомъ лицѣ, какъ будто было написано: это воля Петра Иваныча, а я какъ есть вся его, и потому теперича мнѣ все равно!

Время шло; Аннушка выкармливала ребенка, обшивала его, мыла и холила, а Петръ Иванычъ все ходилъ задумчиво, что-то соображалъ, надъ чѣмъ-то затруднялся. Иногда по часамъ просиживалъ наединѣ съ отцемъ Никономъ и все-таки ничего не предпринималъ.

Наталья Лаврентьевна тяжело и укоризненно вздыхала.—Наконецъ, когда Алёша сталъ уже ходить безъ посторонней помощи, въ одно зимнее утро Петръ Иванычъ съ Аннушкой, сопутствуемые приставомъ Раскатаевымъ и уѣзднымъ лекаремъ, внезапно укатили въ широкихъ саняхъ подъ ковромъ въ подгородную деревню Барановку.

Наталья Лаврентьевна благословила ихъ на дорогу образомъ, а сама осталась въ домѣ съ Алёшей. Она перевернула вверхъ дномъ всю кладовую и, при помощи кухарки и работницы, цѣ-

лый день хозяйничала въ кухнѣ. Къ вечеру компанія воротилась; помолясь на образа, Петръ Иванычъ и Аннушка поклонились земно почтенной старушкѣ: „Ну, теперь здравствуй, жена моя!“ воскликнулъ Слободинъ и горячо расцѣловалъ свою Аннушку въ обѣ щеки.

Вечеромъ подошелъ отецъ Никонъ и еще кое-кто изъ самыхъ близкихъ пріятелей.

Отецъ Никонъ принесъ гусли и съигралъ нѣсколько стиховъ, подпѣвая нѣжнымъ теноромъ. Всѣ были настроены такъ радостно; ужинъ изготовленъ изобильный, изъ кладовой вытащены и поставлены на столъ всѣ бутылки, какія были, безъ разбору—и шипучка, и цымлянское, и наливка; попалась даже одна бутылка съ уксусомъ и при общемъ смѣхѣ отнесена обратно; однакожъ Наталья Лаврентьевна поморщилась; она не сказала ни слова, но сочла это дурнымъ предзнаменованіемъ.

Алёша въ этотъ день кричалъ и воевалъ неутомимо, объѣдался всевозможными гадостями и не хотѣлъ идти спать, пока не разошлись всѣ гости. Онъ одинъ и не зналъ, что присутствуетъ на свадьбѣ отца съ матерью.

II.

Исторія Аннушки мало кому была извѣстна.

Одно лѣто Петръ Иванычъ, бывшій тогда еще молодымъ учителемъ, гостилъ у знакомаго священника въ селѣ, принадлежащемъ богатой помѣщицѣ Кушинцовой. Тамъ приглянулась ему крестьянская дѣвушка, дочь садовника Дмитрія. Встрѣчалъ онъ ее часто то въ барскомъ саду, то въ церкви, то на улицѣ у колодца, заводилъ съ нею разговоры, и такъ ему эта дѣвушка

полюбилась, что, уѣзжая изъ села, онъ словно съ жизнью разставался. Впослѣдствіи, когда ужъ былъ назначенъ штатнымъ смотрителемъ, Слободинъ, ѣдучи на мѣсто, не утерпѣлъ—заѣхалъ въ село госпожи Кушинцовой съ рѣшительными намѣреніями на счетъ Аннушки. Дѣло было трудное, да спасибо священникъ помогъ, уговорилъ барыню — и Петръ Иванычъ купилъ Аннушку за 50 рублей ассигнаціями — цѣна за дѣвку въ то время немалая. Отецъ не посмѣлъ противиться распоряженію барыни; онъ былъ даже очень доволенъ, получивъ въ подарокъ синюю ассигнацію и разсудивъ, что дѣвка-молъ добрая, смирная, работящая. матери нѣтъ; еще, пожалуй, баловствомъ займется, а тутъ, можетъ, все ея счастье лежитъ. Поплакала Аннушка и поѣхала съ бариномъ, который ей показался добрымъ и обходительнымъ.

Въ городѣ Аннушку всѣ считали потомъ женою Слободина, такъ и звали ее смотрительшей; впрочемъ, Анна Дмитріевна показывалась въ люди весьма рѣдко, развѣ въ церковь, да на базаръ; одѣвалась она хоть не по-деревенски, но просто, на головѣ всегда большой платокъ, такъ что и лица почти не видно. Знакома была только съ Натальей Лаврентьевной и любила ходить къ ней — лѣтомъ полоть грядки въ огородѣ, а зимою прясть пряжу, въ чемъ была великая мастерица. Старушка полюбила ее какъ дочь родную и, конечно, знала обстоятельно ея положеніе.

Петръ Иванычъ глубоко привязался къ Аннушкѣ; — а ей все было, особенно сначала, чудно и дико; ее томило бездѣлье барской жизни,—нѣжности много, а рукъ приложить не къ чему. Слободинъ принялся-было передѣлывать ея деревенскую натуру; началъ учить грамотѣ, но эта наука не давалась бѣдной женщинѣ: непонятлива была. Уроки стоили ей всегда горькихъ слезъ, хоть учитель былъ терпѣливый и ласковый. Но чѣмъ онъ ласковѣй, тѣмъ она больше мучится; чего ужъ не дѣлала—и била себя по головѣ, и молилась по часамъ на колѣняхъ,—ничто не помогаетъ. Разъ она кинулась въ ноги Петру Иванычу и взмолилась, заливаясь слезами: — „Голубчикъ мой! Дѣлай ты надо мною что хочешь: возьми убей меня, али прогони отъ себя, какъ

собаку, только не могу я угодить тебѣ, не дается мнѣ эта грамота мудреная. Дурой жила, такъ знать, дурой и померѣть придется. Прости ты меня, Петръ Иванычъ, не сердись; я мужичка, тебѣ неровня; а коли надоѣла тебѣ, такъ пошли меня, рабу твою, хоть свиней пасти, я и то буду съ удовольствіемъ, только бы знать, что твоихъ свиней пасу. Вишь, какая я простуха сиволапая, ничего нестоющая... родной ты, баринъ мой золотой!"

Петръ Иванычъ остолбенѣлъ передъ ея горемъ, съ минуту помолчалъ, весь поблѣднѣлъ, схватился за голову. Но въ словахъ Аннушки было не одно горе, въ нихъ била ключомъ горячая, привязчивая любовь ея — и эта любовь отозвалась въ груди его — и черезъ минуту Аннушка сидѣла у него на колѣняхъ веселая, ласковая, утѣшенная... Букварь брошенъ въ печку — и любо было смотрѣть, какъ ретиво, разумно, умѣючи принялась эта женщина за работу по хозяйству, въ этой работѣ она видѣла доступный ей смыслъ, а потому въ ней чувствовала себя ловкой, полезной.

Петръ Иванычъ былъ любящій и честный человѣкъ, но мысль повѣнчаться съ Аннушкой ему и въ голову не приходила. Причина тому лежала долею въ атмосферѣ общихъ понятій того времени, долею въ пассивности характера Петра Иваныча. Ему было хорошо, жизнь его съ Аннушкой устроилась такъ просто, уютно и покойно, въ нее не врѣзывались никакіе разъѣдающіе посторонніе элементы; въ своей взаимной любви они и конца не видѣли, — стало быть о чемъ тутъ думать, что загадывать впередъ?—Да наконецъ, если будетъ нужно, то это можно сдѣлать во всякое время.

Послѣ двухъ лѣтъ такой ровной беззаботной жизни, вдругъ приключилась беременность Аннушки и рожденіе Алёши.

Петръ Иванычъ задумался. Въ головѣ его шевельнулся строгій вопросъ: честный ли я человѣкъ? — Конечно, оно дѣло поправимое относительно Аннушки, но мальчикъ?.. Что же съ нимъ будетъ? — Какія его права и какое мѣсто въ обществѣ? — Вѣнчаться теперь—да вѣдь это сейчасъ разнесется по городу и, уза-

конивъ положеніе Аннушки, не только не поможетъ, а еще повредитъ сыну... Что тутъ дѣлать?—Петръ Иванычъ, какъ человѣкъ книжный, былъ теоретикъ и выдумалъ-было удивительную штуку: теперь младенца не крестить, а припрятать его, потихоньку перевѣнчаться съ Аннушкой и спустя мѣсяцевъ семь-восемь послѣ вѣнчанія окрестить ребенка, выдавъ его за новорожденнаго. Но противъ такого чудовищнаго плана грозно возстала Наталья Лаврентьевна:

— Ты никакъ съума, батюшка, спятилъ! — Ужли-жъ попъ такой будетъ дуракъ, что не отличитъ восьмимѣсячнаго ребенка отъ новорожденнаго?—Еще бы ты черезъ восемь лѣтъ вздумалъ крестить, когда мальчикъ и въ купель-то ужъ не влѣзетъ! — А неровенъ часъ — помретъ дитя въ это время, пока ты крестить его соберешься,—куда его душа-то угодитъ?—А, ну-ка, скажи, куда?—Ты вѣдь ученый, чай и самъ знаешь, къ кому въ когти идетъ некрещеная душа... Да ты на себя наложишь такой грѣхъ, что и во вѣки вѣковъ не отмолишь... Да, пожалуй еще и подъ уголовный судъ угодишь за дѣла-то за этакія...

Петръ Иванычъ смутился: онъ былъ набоженъ, вѣрилъ въ чорта и боялся уголовной палаты.

— А ты не мудри, поступи по-христіански, да попросту, продолжала старушка: — не откладывая дѣла, перевѣнчайся съ нею какъ должно по закону, а потомъ ужъ и старайся, чтобы сынка-то въ законные приписали; метрику-то можно другимъ годомъ выправить, что за бѣда; это дѣло бывалое и никто тебя не осудитъ. У насъ въ Наровчатѣ былъ засѣдатель, такъ онъ этакимъ манеромъ пятерыхъ дѣтей, рожденныхъ до свадьбы, всѣхъ въ законные приписалъ—и ничего. Да ты оглянись кругомъ — гдѣ-жъ этого не бываетъ! А концысторія-то у насъ на что! — Это ужъ ея дѣло; тамъ сидятъ дѣльцы, ужъ они это умѣютъ, имъ не въ первой. Разумѣется, тебѣ оно станетъ въ копѣйку, даромъ не сдѣлаютъ; имъ тоже хлѣбъ надо ѣсть. Да вотъ у отца Никона въ концысторіи-то рука — шуринъ, вотъ ты и посовѣтуйся съ нимъ. Онъ тебѣ поможетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, разсужденіе Натальи Лаврентьевны показалось ему до того ясно и просто, что незачѣмъ было и голову ломать.

Успокоившись на этомъ практическомъ рѣшеніи вопроса, казавшагося сначала неразрѣшимымъ и запутаннымъ, Петръ Иванычъ посовѣтовался съ отцомъ Никономъ и — все-таки не спѣшилъ. Его останавливало сознаніе, что подобное дѣло не совсѣмъ чисто; неискушенному въ канцелярскихъ каверзахъ, ему представлялись все какіе-то страхи и опасенія; — наконецъ, ему просто было стыдно идти къ какимъ-то незнакомымъ чиновникамъ, разсказывать имъ всѣ подробности своей интимной жизни, торговаться съ ними о совершеніи беззаконнаго дѣла. Для стыдливыхъ и честныхъ натуръ публичность семейныхъ дѣлъ нестерпима; она ихъ сламываетъ, или развращаетъ.

Эту внутреннюю, мучительную борьбу Петръ Иванычъ рѣшился покончить внезапно, разомъ — и покончилъ. Оттого-то по возвращеніи отъ вѣнца и вырвалось изъ наболѣвшей груди его нѣсколько аффектированное восклицаніе: „здравствуй, жена моя“!— и оттого же Петръ Иванычъ въ день своей свадьбы напился пьянъ мертвецки, до безпамятства, — напился первый разъ въ жизни.

При помощи отца Никона, переговоры съ консисторіей начались и шли довольно успѣшно, хотя требовали безпрерывной высылки денегъ. Петру Иванычу дѣло это обошлось втрое дороже, чѣмъ покупка Аннушки.

Но пока такимъ образомъ устроивалась законность появленія на свѣтъ нашего маленькаго героя, онъ жилъ себѣ преблагополучно и самымъ рѣшительнымъ образомъ игнорировалъ метрики, паспорты и всѣ установленныя классификаціи людской породы: солнце ему свѣтило также какъ и всѣмъ, аппетитъ имѣлъ отличный;—крѣпчалъ и выросталъ мальчишка на славу, не зная никакихъ болѣзней, какъ рѣдко удается любому ребенку, явившемуся на свѣтъ самымъ наизаконнѣйшимъ образомъ.

Домашнимъ воспитаніемъ нашъ Алёша не могъ похвалиться,

по той основательной причинѣ, что таковаго онъ совсѣмъ не зналъ. Воспитаніе предполагаетъ нѣкоторую систему, извѣстные пріемы, дисциплину и опредѣленныя цѣли,—а Алёша выросталъ не зная никакой неволи и принужденія. Дѣтство онъ провелъ дома, въ это время развивались и упражнялись его познавательные органы, онъ замѣчалъ окружающіе его предметы, сравнивалъ ихъ, выводилъ заключенія; примѣнялся къ людямъ и обстоятельствамъ, приспособлялся какъ ловче и удобнѣе достигать своихъ цѣлей и прирасталъ корнями, какъ молодое деревцо, къ той почвѣ, которая его питала;—все это такъ, но во всѣхъ этихъ упражненіяхъ Алёши не было никакой руководящей системы, никакой преднамѣренности и опытной помощи, онъ, какъ говорится, измѣщался собственными средствами, среди полнѣйшей анархіи и житейской безпорядочности, дающей что попало и какъ попало.

Попытаемся изобразить этотъ калейдоскопъ дѣтскихъ впечатлѣній во всей его безпорядочности и фантастической, пестрой разорванности.

III.

Въ памяти человѣка событія минувшей жизни ложатся одно на другое, и чѣмъ далѣе отодвигаются къ началу пробужденія сознанія, тѣмъ гуще смѣшиваются краски, перепутываются линіи, факты теряютъ связь и естественные размѣры; остаются какіе-то обрывки впечатлѣній, которыхъ смыслъ забытъ, значеніе потеряно; иногда въ таинственной лабораторіи нашей памяти самопроизвольно, безъ всякихъ внѣшнихъ стимуловъ, возникаетъ образъ, звукъ какъ будто новый, незнакомый, но органически связанный со всѣмъ міросозерцаніемъ человѣка. Откуда онъ?

Какъ ни былъ малъ Алёша, но тотъ день, когда въ домѣ

происходила стряпня и суматоха, когда вечеромъ зажгли много свѣчей и откуда-то пріѣхали, будто новые люди, отецъ и мать съ толпой гостей, — мать была одѣта не такъ какъ одѣвалась потомъ всякій день, а отецъ оказался необыкновенно шумливъ, веселъ и подъ конецъ свалился съ дивана на полъ,—этотъ день рѣзко отмѣтился въ его памяти; и тогда едва ли не впервые въ сознаніи Алёши изъ хаоса безразличныхъ представленій выдѣлились фигуры отца и матери.

Черезъ всю жизнь Алёши прошло впечатлѣніе этого дня, но темный смыслъ его сталъ выясняться уже въ болѣе зрѣлые годы.

Затѣмъ, первыя личности, съ которыми встрѣтился Алёша, были Наталья Лаврентьевна, которую онъ звалъ бабенькой, и два старыхъ инвалида Орловъ и Артемьевъ, служившіе сторожами при училищѣ. Бабенька вѣчно находила для Алёши въ своемъ глубокомъ карманѣ пряникъ, голову сверхъ волосника повязывала чернымъ платкомъ, котораго концы торчали спереди, словно крылья черной бабочки; нюхала табакъ изъ круглой табакерки съ пожаромъ Москвы и зимою постоянно носила валенки, отчего шаги ея были совершенно неслышны. Алёша любилъ прислушиваться, иногда сквозь сонъ, къ вечернимъ разсказамъ бабеньки о томъ, какъ страшный Пугачъ со свитою лихихъ есауловъ и толпою казаковъ-разбойниковъ судилъ-рядилъ и гулялъ по приволжскимъ городамъ и селамъ, казнилъ и вѣшалъ дворянъ да господъ; и какъ Наталья Лаврентьевна, бывши тогда еще молодою дѣвицей, убѣжала съ матерью и подругами изъ Саранска, какъ онѣ, надѣвши крестьянскіе сарафаны, скитались по темнымъ дремучимъ лѣсамъ, питаясь черствымъ хлѣбомъ да ягодой.

При этихъ разсказахъ мать Алёши всегда допытывалась, а гдѣ-жъ въ то время былъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ? и сомнительно качая головой, всегда прибавляла: „никому этого знать не дано... а онъ, гляди, опять вдругъ гдѣ-нибудь объявится... великая это тайна!“ Жутко становилось ребенку отъ этихъ разсказовъ подъ мѣрное жужжаніе веретена, которымъ мать его, сидя на рѣзномъ донцѣ, управляла особенно ловко и искусно.

И кажется, этотъ страхъ и лихорадочный трепетъ зимнихъ вечеровъ ребенокъ предпочиталъ безмятежному лѣтнему наслажденію въ огородѣ у бабеньки, гдѣ мать его, распѣвая родную пѣсню, полола грядки, вмѣстѣ съ старушкой, а онъ бѣгалъ вокругъ, отыскивая въ зеленой травѣ кузнечиковъ и угощаясь только-что выдернутой изъ земли молоденькой морковкой.

Орловъ и Артемьевъ были тоже весьма близкіе люди, дядьки и пестуны маленькаго барченка. Въ свободное время отъ службы въ училищѣ они всегда находились при квартирѣ смотрителя, исполняя разныя домашнія работы, преимущественно по уходу за лошадью, такъ какъ Петръ Иванычъ ни кучера, ни работника не держалъ. Артемьевъ былъ высокій сухой старикъ, съ гладко выбритымъ, степеннымъ лицомъ и длинными желтовато-серебряными волосами; онъ носилъ высокіе сапоги въ родѣ ботфортъ и синій казакинъ, украшенный одною продолговатою серебряною медалью. Орловъ — приземистый унтеръ въ форменномъ сюртукѣ со многими медалями.

Онъ былъ черноволосъ съ легкою просѣдью, гладко остриженъ и всегда плохо выбритъ; носилъ бакенбарды, оловянную серьгу въ ухѣ и прихрамывалъ на лѣвую ногу, въ которой сидѣла французская пуля. Артемьевъ былъ трезвъ и набоженъ, любилъ подпѣвать дьячку на клиросѣ; Орловъ занимался промышленностью — шилъ башмаки и коты для бабъ, съ которыми же вмѣстѣ и прогуливалъ заработанную копѣйку; отъ него всегда пахло, какъ отъ человѣка только-что закусившаго. Артемьевъ на него смотрѣлъ, какъ на молокососа и вертопраха, даже къ боевымъ его подвигамъ и походамъ относился нѣсколько недовѣрчиво и свысока.

Алёша постоянно переходилъ съ рукъ на руки отъ одного дядьки къ другому. Бывало, подъ вечерокъ, во всякое время года, на завалинкѣ у воротъ смотрителевой квартиры сидятъ эти почтенные служивые и у одного изъ нихъ непремѣнно на рукахъ барченокъ, закутанный полою овчиннаго тулупа; сидятъ, посматривая вдоль пустынной улицы и заводя иногда споры про Напо-

леона, или разсуждая, въ какомъ рангѣ надо полагать соборнаго протопопа,—въ капитанскомъ или майорскомъ.

Эти дядьки были первыми просвѣтителями относительно политическаго воспитанія Алёши. Отъ нихъ онъ узналъ, что живетъ въ русскомъ царствѣ, и что есть другія царства все бусурманскія, съ которыми нашъ Бѣлый царь завсегда долженъ воевать и въ полонъ ихъ брать, а когда заберетъ всѣхъ въ полонъ, тогда шабашъ—конецъ свѣту и придетъ Антихристъ.

Особенно памятенъ былъ для Алёши одинъ зимній день: морозъ стоялъ жестокій; въ соборѣ гудѣлъ самый большой колоколъ, хотя день былъ будничный. По улицѣ ѣхали въ санкахъ и шли пѣшкомъ люди большею частью въ трехъугольныхъ шляпахъ; все населеніе стремилось къ собору.

Артемьевъ старательно смазалъ свои ботфорты, Орловъ выбрился, пріодѣлся, нацѣпилъ всѣ регаліи—и оба вслѣдъ за отцомъ, тоже надѣвшимъ мундиръ и трехъуголку, пошли туда же, куда шелъ весь городъ. Часа черезъ два Артемьевъ, воротясь, доложилъ барынѣ, что баринъ обѣдать дома не будетъ, потому что всѣ господа и духовенство приглашены на закуску къ городничему... Алёша кинулся къ дядькѣ съ разспросами и узналъ, что воцарился новый императоръ. — „Присягу принимали, — съ достоинствомъ прибавилъ Артемьевъ;—я вотъ уже третьему присягаю, да матушкѣ-императрицѣ невступно двадцать лѣтъ прослужилъ вѣрой и правдой, вотъ и смѣкай сколько годовъ царевъ хлѣбъ жую“. — Потомъ прибѣжалъ Орловъ, успѣвшій уже потолкаться на базарѣ и на дворѣ у откупщика, гдѣ инвалидную команду и весь честной народъ даровой водкой угощали, вслѣдствіе чего Орловъ былъ рѣчистъ и разительнѣе обыкновеннаго распространялъ свой спиртный запахъ; онъ разсказывалъ что-то совсѣмъ непонятное для Алёши, что „въ Питерѣ лейбъгвардейцы въ атаку ходили стѣна на стѣну, антелерія палила, народу побито видимо-невидимо, потому сначала не могли распознать, а когда явилось на небеси знаменіе царя Константина и митрополитъ вышелъ съ крестомъ и святой водой, тогда на-

родъ палъ ницъ, сейчасъ ударили отбой и повалили всѣ поголовно въ соборъ на присягу Николаю".—Артемьевъ выслушалъ внимательно и промолвилъ таинственно: „Значитъ, смущали; оно всегда это смущеніе бываетъ, — отъ иностранныхъ кабинетовъ такая секретная политика идетъ... вонъ откуда оно! — А ты, слышь, камрадъ, зря тоже не болтай, потому присяжному человѣку это непристойно; — аль у тебя спина-то чужая!" — Но Орловъ все брюзжалъ и горячился утверждая, что будетъ другой настоящій манифестъ. „Ай ты, парень, шпицрутеновъ не пробовалъ? то-то тебѣ такъ захотѣлось, чтобы спину почесали!" — обрезонивалъ Артемьевъ.

Вечеромъ къ отцу собрались гости, и тоже говорили о чемъ-то необыкновенномъ, но такъ тихо и загадочно, что Алёша едва могъ уловить изъ многихъ незнакомыхъ ему именъ одного какого-то „Апостола". Къ именамъ этимъ отецъ Никонъ прибавлялъ: „извергъ, злодѣй, безбожники окаянные". Тутъ уже Алёша ровно ничего не понялъ и убѣдился, что Артемьевъ гораздо свѣдущѣе отцовыхъ гостей и разсказы его гораздо понятнѣе и занимательнѣе. А тутъ—апостолъ и вмѣстѣ безбожникъ—ну, какъ понять!

Въ теченіи всего дѣтства Алёши это былъ единственный случай, когда событіе, совершившееся вдалекѣ, отозвалось нѣкоторою минутною тревогой въ захолустномъ городишкѣ.

На почтѣ получался только одинъ экземпляръ „Московскихъ Вѣдомостей", выписываемый генераломъ, предводителемъ, но и тотъ въ городѣ не оставался, а по прочтеніи почтмейстеромъ, — считавшимъ себя въ правѣ читать ради любопытства все, что проходитъ черезъ его руки,—былъ отсылаемъ въ генеральскую деревню; такъ что въ мірѣ могли совершаться громадныя событія, а богоспасаемый городокъ могъ о нихъ вовсе не знать, или знать настолько, насколько знали сторожа уѣзднаго училища.

Артемьевъ и Орловъ также просвѣтили Алёшу на счетъ училища. Этотъ большой, безобразный домъ, окрашенный дикою краской, придававшей ему мрачную наружность, привлекалъ дѣтское

любопытство. Алёша примѣчалъ, что туда каждое утро приходило множество мальчиковъ, съ холщевыми мѣшочками; порою изъ оконъ разносился на всю улицу нестройный, веселый крикъ сотни звонкихъ голосовъ, потомъ водворялась мертвая тишина, прерываемая изрѣдка плачемъ и отчаянными взвизгиваніями. По субботамъ эти взвизгиванія принимали характеръ болѣе правильный и постоянный. Когда Алёша въ первый разъ ступилъ за порогъ этого дикаго дома, имъ овладѣлъ холодный ужасъ. Это случилось вечеромъ; училище было пусто; въ первой комнатѣ на низенькомъ деревянномъ чурбанѣ сидѣлъ Орловъ въ рубашкѣ и фартукѣ, и прикусивъ на сторону языкъ, усердно наколачивалъ подмётку на старый башмакъ. Эта домашняя фламандская картинка подѣйствовала на ребенка успокоительно, но едва Алёша заглянулъ въ слѣдующую комнату, снова тоскливо забилось его сердце и не рѣшился онъ войти туда: на него пахнуло мертвящею и грязною суровостью не то госпиталя, не то тюрьмы... Видъ каждому хорошо извѣстный.

— Ты что, — въ науку что-ли скорѣй хочешь? насмѣшливо замѣтилъ Орловъ.

— Что они тутъ дѣлаютъ? боязливо спросилъ мальчикъ.

— Кто? — ребятишки-то? — Извѣстно — букварь зудятъ, цыфирь. Нѣтъ, ты посмотри-ка, вонъ она стоитъ — наша крестная-то маменька, — и онъ кивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ стояла деревянная, сильно подержанная скамейка, а подъ нею въ лаханкѣ лежали пучки обхлестанныхъ розогъ.

Алёшу покоробило; онъ дико взглянулъ на сей учебный эшафотъ.

— Давай, я те спрысну легонько, для пробы; подымай рубашенку, да ложись. Ужъ тогда настоящій молодецъ будешь... важно спрысну! — Алёша опрометью бросился вонъ, и встрѣтивъ на дворѣ Артемьева, со слезами жаловался ему на Орлова. Старикъ разсмѣялся, выругалъ сослуживца хромымъ лѣшимъ и почелъ долгомъ дать барченку успокоительныя объясненія.

— За что те сѣчь розгой? Ты у меня умникъ, парнишка знатный.

— А тамъ, дядька, знать все нехорошіе мальчики, коли ихъ сѣкутъ?

— Нѣтъ, и тамъ есть хорошіе, только не сѣчь ихъ тоже нельзя, на то наука. Твой папенька велитъ, мы и сѣчемъ.

— Зачѣмъ-же папенька велитъ?—развѣ онъ злой?

— Онъ не злой, — добрый; а только это его такая служба. Порядокъ заведенъ и онъ долженъ исполнять, на то онъ отъ начальства поставленъ. А онъ добрый; вонъ отецъ Никонъ тоже какой добрый и веселый, — шутникъ! — а придетъ въ школу-то, такъ больше всѣхъ жаритъ; иной разъ инда рука устанетъ махамши-то... Особливо живодеръ этотъ Орловъ — у него со втораго удара кровь брызнетъ. Ужъ онъ и самъ не радъ, да что дѣлать-то—рука тяжелая.

Мальчикъ задумался и потомъ, поднявъ на старика серьёзныя глазенки, проговорилъ протяжно:

— Я туда не хочу, Артемьичъ.

— Какъ не хочу!—Нельзя,—подростешь, отдадутъ.

— Не пойду.

— Дворянину безъ науки быть невозможно.

— Не хочу я быть и дворяниномъ, коли такъ! рѣшительно отрѣзалъ мальчикъ.

— Хе, хе... экой ты шустрый! А небось, какъ самъ науку-то пройдешь, въ офицерскіе чины произведутъ, такъ будешь нашего брата солдата, аль мужика иного, такъ стегать, что любо!

Мальчикъ задумался еще глубже...

Онъ никакъ не могъ помирить противорѣчія, возникшія въ его сознаніи: — почему, напримѣръ, такіе люди, какъ его отецъ, попъ Никонъ — люди добрые, ласковые, веселые, а въ „дикомъ домѣ“ истязаютъ дѣтей до крови? — Почему эти истязанія называются наукой? — и почему, пройдя эту науку, дворянинъ получаетъ такую охоту стегать мужика и солдата. — Вѣдь онъ на себѣ испыталъ, что это больно, зачѣмъ же причинять боль другому?—Ужъ полно, нѣтъ ли въ этомъ какого удовольствія!.. На-

конецъ, ужли-жъ на свѣтѣ непремѣнно надо или бить, или терпѣть побои?..

Алёша помышлялъ о „дикомъ домѣ“ съ боязнью и отвращеніемъ; онъ рѣшилъ, когда придется круто, убѣжать отъ науки въ лѣсъ, какъ бабенька бѣгала отъ Пугача.

Вообще на счетъ стеганья русскій человѣкъ недавно-прошедшаго времени просвѣщался очень скоро и въ видахъ самыхъ разнообразныхъ. Прутья и ремни съ визгомъ рѣзали воздухъ не въ однихъ только храмахъ науки, а вездѣ,—въ барскихъ хоромахъ и конюшняхъ, въ сѣняхъ канцелярій и въ переднихъ начальниковъ, на площадяхъ и базарахъ,—всюду кровавыми рубцами преподавалась русскому человѣку цивилизація.

Однажды Алёша напросился съ матерью идти на базаръ. День былъ торговый; съ окрестныхъ деревень наѣхало множество народа,—кто привезъ овсеца, кто муки и крупъ; бабы толкались съ кузовками яицъ или груздей,—иная несла подъ мышкой гуся, хохлатую курочку, иная кусокъ домашняго холста, или тальки пряжи. Тамъ лежалъ на возу волнистый лёнъ, тутъ блестѣли на солнцѣ, словно золотые, новые лапти; въ иномъ мѣстѣ торчали гнутыя ободья и росписныя дуги. Татары навезли меду въ липовыхъ кадочкахъ; привели лошадокъ. Какой-то негоціантъ-горожанинъ, въ сибиркѣ и помятой высокой шляпѣ, на разостланной на землѣ цыновкѣ разложилъ кремни, огнива, старые ножи, пуговицы оловянныя, мѣдные крестики, нитки бисера, дробь и подобную галантерею, среди которой самое видное мѣсто занимало кремневое ружье необыкновенно длинное, подернутое ржавчиной, которое онъ называлъ персидскимъ. Картина была пестрая и чрезвычайно оживленная. Мужики галдили, бабы визжали, кто расхваливалъ товаръ, кто торговался до поту изъ-за двухъ копѣекъ, кряхтя доставалъ изъ-за пазухи кожаную мошну и выкладывалъ на ладонь мѣдные пятаки; знакомые, встрѣчаясь, цѣловались троекратно и калякали о домашнихъ дѣлахъ. Покончившіе дѣла торговцы, а съ ними и гуляки, праздно шлявшіеся по базару, шли въ кабакъ, украшенный зеленой елкой. Глаза маль-

чика разбѣгались, — кругомъ его словно мирный праздникъ совершался. — Вдругъ раздался глухой бой барабана; толпа повернула головы. Показались штыки и высокіе черные кивера; толпа разступилась: среди конвойныхъ солдатъ тихо шла женщина въ сѣромъ армякѣ; низко кланялась она по сторонамъ, не подымая глазъ, глубоко впавшихъ, обведенныхъ темными кругами; на лицѣ ея, нѣкогда красивомъ, не было ни страха, ни отчаянія, — ни одинъ мускулъ не шевелился; и оно подернулось какимъ-то землянымъ цвѣтомъ, какой бываетъ на лицахъ покойниковъ. Точно окоченѣлою рукою держала она передъ собой деревянную чашечку, въ которую добрые люди, крестясь, клали свои копѣечки. Сзади шагалъ коренастый мужикъ въ полушубкѣ, съ лицомъ заплывшимъ отъ сна и отъ водки; онъ несъ подъ мышкой инструментъ, обвязанный ремнями. — „Убійца! — Убійца! — пронеслось въ толпѣ. — Свою барыню зарѣзала. — А еще какая молодая! — Говорятъ, дѣвка? — Дѣвка. — Эка горемычная, сердяга! — Что у ней, братцы, теперь на душѣ-то, ахъ! — Пожалуй, еще не вынесетъ...“ Толпа сдвинулась плотнѣе къ тому мѣсту, гдѣ остановился конвой. — Алёша задрожалъ, вцѣпился въ платье матери до того крѣпко, что ногти заныли. „Уйдемъ уйдемъ!“ шептала мать, а у самой слезы въ три ручья, и словно оцѣпенѣлая, стоитъ, не можетъ глазъ отвести отъ мѣста, гдѣ сперва долго читали, потомъ привязывали къ „кобылѣ“ нагое, бѣлое, худенькое тѣло... Алёша, притиснутый толпою, ничего этого не видѣлъ. — Въ воздухѣ что-то взвизгнуло, раздался нечеловѣческій вопль... Алёша ничего уже не слышалъ и не сознавалъ: онъ стоналъ и корчился въ судорогахъ. Окружающіе подняли его на руки и вынесли изъ тѣсноты вмѣстѣ съ матерью. — „Накинь на него платокъ-то матушка, накинь! — разѣ не видишь, что съ нимъ приключилось... Это родимчикъ, — ничего, пройдетъ, Христосъ съ нимъ! только платокъ-то накинь на лицо, а то оно такъ-то негоже“ — совѣтовала деревенская старуха.

Анна Дмитріевна, ничего не помня, схватила сына въ охабку и бѣгомъ пустилась домой.

Алёша весь день до вечера пролежалъ въ кроваткѣ; онъ не спалъ; ему не хотѣлось ни ѣсть, ни пить, ни на бѣлый свѣтъ глядѣть. Закутавшись съ головой въ одѣяло и свернувшись клубочкомъ, онъ лежалъ неподвижно.

Отецъ подошелъ, взглянулъ на него, поцѣловалъ и попрекнулъ жену за путешествія съ ребенкомъ по базарамъ! Аннушка со злостью отвѣтила: „нѣшто я это знала? базаръ—дѣло житейское, и ничего худого въ немъ нѣтъ; а вольно-жъ было выдумать, чтобъ средь базара творилось такое смертное убоище. Ужъ кому надо взяться за ножъ, такъ того этимъ не испугаешь и не удержишь,—а вонъ малаго ребенка пожалуй въ гробъ вгонишь...“

Эти слова ясно слышалъ Алёша.

Къ вечеру онъ какъ будто успокоился; въ ушахъ его уже не стонало и не визжало; онъ могъ уже о чемъ-то думать: о чемъ? — онъ самъ не зналъ, но это были мысли травленнаго волченка... злыя мысли.

Время шло; у Алёши явился маленькій братишка. — Коля, но такой маленькій, что никуда негодился по мнѣнію Алёши, а по мнѣнію Орлова это былъ «*заправскій* барченокъ»;— за такія слова Артемьевъ обругалъ его „крупой“ съ прибавленіемъ непечатнаго слова. Орловъ сильно обидѣлся.

— Ну какъ же не крупа ты гарнизонная, — продолжалъ Артемьевъ, — нѣшто можно при барскомъ дитѣ такія слова говорить!

— Почему-жъ мнѣ и не говорить?—Кто запретъ положилъ,— ты, что ли? Выростетъ, небось, самъ узнаетъ, насъ съ тобой не спроситъ.

— Прахвостъ! плюнулъ старикъ.

— Ты не больно ругайся: ежели я вѣрой и правдой служилъ Богу и Государю, почетную пулю отъ непріятеля подъ Лейпцыгомъ получилъ, стало быть не даромъ отличія имѣю... а ты что? — Пра-а-хвостъ!?

— Пуля, пуля! Да шутъ-те знаетъ, какая тамъ у тебя пуля. Нѣтъ, мы съ батюшкой Суворовымъ какъ Измаилъ штурмовали,

такъ вы бы оттоль штановъ не унесли... Вѣдь мужики, артикулу не знаете, а тоже — пуля! Да тебѣ, можетъ, колѣнко-то крыса въ чехаузѣ прокусила, а онъ—пуля!

Перебранка продолжалась въ томъ же родѣ. Алёша изъ нея понялъ только то, что Орлова въ самомъ дѣлѣ можетъ быть крыса укусила.

IV.

Черезъ годъ опять увеличилось семейство смотрителя: бабушка гдѣ-то подъ лопухомъ нашла для Алёши сестрицу Алёнку. Какъ человѣкъ домовитый, Слободинъ долженъ былъ соразмѣрно семьѣ увеличить и хозяйство. Онъ купилъ у судьи семью дворовыхъ людей: кучера Финогена съ женой Катериной и сыномъ Яшкой.

Алёша видѣлъ, какъ пришли эти купленные люди, худые, оборванные, точно нищіе, и первымъ дѣломъ повалились въ ноги передъ новыми господами.

— Отцы наши, помилуйте!—взмолился Финогенъ;—мы, какъ Богу, такъ и вамъ все равно... по гробъ живота готовы...

— Надъ нами власть ваша... мы ко всему прывычны... Мнѣ бы только вотъ парнишку-то мово... значитъ, чтобы пожалѣть... махонькой, въ работу еще неспособенъ... силёнки мало, а изобидѣть его всякій можетъ...—сквозь слезы шептала Катерина, утирая носъ Яшкѣ, глядѣвшему вокругъ съ безсмысленнымъ испугомъ.

Петру Иванычу эта сцена была тяжела. Онъ стоялъ отворотясь къ окну и сконфуженно едва проговорилъ:

— Не бойтесь, у меня будетъ вамъ хорошо, тужить о прежнемъ баринѣ не станете... мы тоже люди... по человѣчеству надо...

Но эти слова мало ободрили бѣдныхъ людей; гораздо свободнѣй почувствовали они себя, когда вступилась въ дѣло барыня Анна Дмитріевна; она первымъ дѣломъ принялась осматривать, что́ у нихъ на себѣ и съ собой. Оказалось, что судья прислалъ эти души чуть не голыми, одежёнку всю отобралъ, даже сапоги у Финогена были собственные и тѣ задержалъ, — „какіе они, говоритъ, собственные, чай у меня же наворовалъ, когда грошъ, когда два, да и купилъ“.—Вмѣсто сапогъ далъ старые опорки. Катерина была въ крашенинномъ заплатанномъ сарафанѣ, босикомъ; а на мальчишкѣ оказалась одна только посконная рубашка, да мѣдный крестикъ. Катерина съ добросердечною покорностью открыла передъ барыней котомочку, плетеную изъ лыка, чтобы барыня видѣла все ихъ имущество, чтобы потомъ поклёпу какого не было. Въ котомочкѣ оказался мотокъ пряжи, игольникъ, варежки, образокъ и двѣ краюшки хлѣба.

— Ахъ, люди, люди!—вздохнулъ Петръ Ивановичъ.—А вѣдь судья первый тутъ богатѣй промежъ насъ!

Анна Дмитріевна не говорила никакихъ жалкихъ словъ, а внимательно разсматривала каждую тряпицу, серьёзно качая головой и соображая все положеніе дѣла.

Тотчасъ же эти люди были отведены на кухню и похлебали горячихъ щецъ съ бужениной. Потомъ Анна Дмитріевна позвала Катерину въ кладовую и выдала ей холста, нитокъ, пестряди, и два бумажныхъ платка.

Къ вечеру Яшка, разфранченный въ старое платье барченка— въ ситцевую синенькую рубашенку и нанковые очень короткіе штанишки, уже сидѣлъ въ дѣтской на полу вмѣстѣ съ Алёшей. Барченокъ показывалъ ему лубочныя картинки и грубо-оболваненную деревянную куклу—Езопа съ двумя горбами, на которомъ отъ частаго употребленія остались только признаки яркой зеленой краски.

Унтера́ тоже приласкали новокупленныхъ людей. Орлову уже была заказана кожаная обувь на всѣхъ. Ихъ разсказы про господъ и про житье у нихъ сытое, безобидное, харчи какъ надо быть христіанскіе—окончательно успокоили Финогена и жену его.

— Ну, а ты, парнишко,—примолвилъ Артемьевъ,—долженъ состоять при нашемъ барченкѣ; ты будешь при немъ ка́мардинъ; такъ надо полагать: онъ пойдетъ на службу, и ты съ нимъ,— онъ на войну, и ты за нимъ.

— Личарда, вѣрная слуга!—влѣпилъ Орловъ.

Такъ съ тѣхъ поръ и пошли всѣ въ домѣ звать Яшку Личардой,—и не было ему другого имени—все Личарда да Личарда.

Яша былъ годами тремя старше Алёши; по возрасту и по складу понятій они отлично подходили другъ къ другу и стали навсегда неразлучны. Алёша ужасно былъ радъ, что пріобрѣлъ товарища и серьёзно выпросилъ у отца, чтобы Яша былъ его *собственный* на всю жизнь, и чтобы ужъ никто не смѣлъ имъ распоряжаться; вслѣдствіе этого онъ каждымъ кускомъ, каждымъ лакомствомъ дѣлился съ своею *собственностью* и ревниво оберегалъ ея неприкосновенность.

Личарда не оставался въ долгу и сообщилъ своему маленькому господину много вещей, о которыхъ тотъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія. Во-первыхъ, Яша выучилъ его дѣлать изъ березовой коры пищикъ; потомъ, бродя по садочку, заросшему бурьяномъ, научилъ находить щавель и вообще распознавать такіе стебельки растеній, которые можно ѣсть, вкусные и кисленькіе; тутъ же, замѣтивъ въ густомъ вишенникѣ множество птицъ, Личарда подалъ блистательную мысль устроить силки, а еще лучше — расчистить токъ и лучкомъ ловить пичужекъ, между которыми есть прекрасивыя и поютъ отлично; можно ихъ и продавать: на базарѣ за чижика дадутъ по грошу, а за щеглёнка такъ и еще больше.

Мысль эту Алёша провѣрилъ въ разговорѣ съ Артемьевымъ, который вообще ее одобрилъ и помогъ устроить всѣ необходимые снаряды. И пріятели запялись птицеловствомъ; въ дѣтской появились клѣтки и конопляное сѣмя.

Алёша отдавался со страстью всѣмъ новымъ впечатлѣніямъ, его радовало, что число предметовъ, входящихъ въ кругъ его познаній и занятій, ежедневно расширяется. Онъ думалъ, что такъ

и вся жизнь пройдетъ, за такими дѣлами, которыя по сердцу; но ему уже шелъ седьмой годъ и отецъ началъ чаще поговаривать о томъ, что пора бы молодца и за азбуку посадить.

Мать отстаивала свободу Алёши со дня на день, увѣряя, что ребенокъ малъ и слабъ, еще пожалуй чахнуть начнетъ за книжкой-то. Жизнь впереди долга, — успѣетъ всякимъ наукамъ обучиться.

Къ училищу Алёша питалъ неодолимое отвращеніе; отцу сказать объ этомъ не смѣлъ, а передъ матерью высказался откровенно, что учиться онъ не хочетъ и никогда не будетъ, потому что это совсѣмъ не нужно. На возраженія матери, конечно слабыя, пѣтыя съ чужого голоса, мальчикъ категорически объяснялъ, что дворяниномъ онъ быть не желаетъ, что можно отлично прожить и безъ дворянской науки, что онъ умѣетъ дѣлать то что ему нужно,—ужъ теперь можетъ продавать птицъ, а выростетъ большой, такъ узнаетъ еще много такихъ вещей, занимаясь которыми будетъ пріобрѣтать деньги и на нихъ кормить себя и Личарду.

Личарда порывался заглянуть въ „дикій домъ“ и не прочь былъ завести знакомство съ ходившими туда мальчуганами, но Алёша энергически остановилъ эти покушенія.

— Не ходи туда: нехорошо.

— Ой ли,—отчего?

— Тамъ всѣхъ сѣкутъ розгами, знаешь?

— Знаю. Мово тятьку разъ наказывали.

— На базарѣ? — почти закричалъ Алёша; глаза его широко раскрылись, въ нихъ вспыхнулъ огонёкъ гнѣва и злости.

— Нѣтъ, въ сараѣ драли,—спокойно отвѣтилъ Личарда.

— Больно?—Кровь текла?

— Ничего, отлежался.

Упорное отвращеніе Алёши отъ ученія, поддерживаемое молчаливымъ потворствомъ матери, приводило Петра Иваныча въ сильное негодованіе; онъ рѣшилъ безотлагательно засадить мальчика за грамоту, но какъ человѣкъ слабовольный, мягкій, пошелъ на сдѣлку: мысль объ училищѣ была оставлена, а поло-

жено начать уроки на дому, для чего былъ приглашенъ соборный дьячокъ Фортификантовъ, съ платою по одному рублю въ мѣсяцъ, при чемъ укрощенному дикарю объявлено, что въ случаѣ нерадѣнія и плохихъ успѣховъ, онъ будетъ насильно отведенъ въ „дикій домъ“ и тамъ немедленно познакомится со всѣми внутренними распорядками.

Въ назначенный день бабенька Наталья Лаврентьевна сходила къ ранней обѣднѣ, потомъ принесла сдобный хлѣбъ съ бѣлой солонкой и поставила на столъ въ гостинной. Явился и самъ отецъ Никонъ съ просфорой и новѣйшею азбукой. Торжественно ввели Алёшу, словно приговореннаго къ смерти паціента, всѣ помолились; женщины плакали. Никонъ сѣлъ и обнявъ мальчика рукою, тихо и ласково вручилъ азбуку и произнесъ краткое поученіе, пообѣщавъ, что по маломъ времени самъ Господь Богъ пошлетъ ему духъ любомудрія и украситъ его умственный вертоградъ благопотребными познаніями, на утѣху родителямъ. Алёша задумался-было надъ тѣмъ, что̀ значитъ слово „любомудріе“, какъ увидѣлъ въ дверяхъ передней Личарду, унылаго, запустившаго въ ротъ четыре пальца, — и вдругъ забылъ всѣ мудреныя слова, произнесенныя священникомъ. Наконецъ, всѣ ушли въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ ерофеичъ и закуска; Алёша остался съ глазу на глазъ съ своимъ наставникомъ. Ему показалось, что онъ брошенъ на необитаемый островъ, откуда нѣтъ никакого хода; но скоро его вниманіе обратилось на короткую косицу, въ видѣ хвостика торчавшую на затылкѣ у учителя.

Фортификантовъ началъ съ того, что какъ-то своротивъ наискось физіономію, ожесточенно поковырялъ въ правомъ ухѣ и предложилъ ученику взять въ руки деревянную указку.

Дѣти, обучающіяся теперь по звуковой методѣ, едва ли въ состояніи вообразить ту премудрость, которая заключается, напримѣръ, въ такихъ штукахъ, какъ буки-живете арцы-азъ-ра, — бжра“; или нашъ-земля-добро-арцы-аздра-нздра“; что „корень ученія горекъ“ — это было величайшею истиной, а плоды

его... Ну, да вѣдь не всякій и доживаетъ до созрѣванія плодовъ!

Ученикъ Фортификантова сначала былъ внимателенъ и послушенъ, нараспѣвъ повторялъ за нимъ неудобопроизносимые склады и старательно выписывалъ на разграфленой тетрадкѣ палочки и нули.

Потомъ частое созерцаніе учителевой косички навело его на мысли, что учитель самъ заплетаетъ эту косичку и притомъ искусно, стало быть занимается и многими другими домашними, такъ-сказать, партикулярными дѣлами, а стало быть онъ совершенно такой же человѣкъ, какъ и другіе, и съ нимъ совершенно свободно можно поговорить не объ одной только азбукѣ, а обо всякихъ житейскихъ вещахъ. Учитель же оказался человѣкомъ весьма словно-обильнымъ и большимъ охотникомъ на перепеловъ; вотъ и пошли у нихъ любезные разговоры о томъ, какъ перепелъ идетъ на дудочку, — да такъ и проходитъ три четверти урока. Фортификантовъ однакожъ скоро смекнулъ, что такимъ образомъ не далеко они уйдутъ въ наукѣ, сталъ уклоняться отъ заигрываній Алёши; тогда начали пропадать у ученика тетрадки и азбука, которыхъ отыскать было совершенно невозможно, такъ что учителю поневолѣ приходилось или идти домой, или читать лекцію о нравахъ пернатыхъ.

Вдругъ отецъ сдѣлалъ повѣрку успѣховъ сына; сконфуженный Алёша не могъ строки прочесть безошибочно. Учитель получилъ жестокую головомойку за даромъ-получаемые рубли, а ученику объявлено, что если онъ черезъ мѣсяцъ не будетъ умѣть бѣгло читать всякую книгу, то немедленно будетъ отведенъ Орловымъ въ училище, гдѣ познаетъ всю горечь ученія.

Когда грозный экзаменаторъ вышелъ изъ комнаты, Фортификантовъ уныло и дрожащимъ отъ слезъ голосомъ сказалъ слѣдующее:

— Что вы надѣлали? Эхъ, горе мнѣ! Ну, попалась незнакомая страница, вамъ бы взять да потихонечку, незамѣтно для папеньки, и перевернуть на другую, которую твердо знаете — и

гладко бы прошло. А то что теперь? И вамъ и мнѣ неудовольствія... да если еще папенька скажетъ отцу Никону, такъ бѣда, у него расправа коротка... большія неудовольствія могутъ послѣдовать!

— Развѣ онъ смѣетъ васъ?...

— Вотъ-те разъ, владыко-то да не смѣетъ!!.. Ино мѣсто за косу оттаскаетъ, а ино, коли въ служеніи ошибешься, за ухо рванетъ... да ты и не пикни, продолжай свое „Блаженъ мужъ иже не иде"... Наше дѣло тоже подначальное.

Алёша вспыхнулъ: ему стало больно и стыдно, какъ это такого большого человѣка, съ такимъ здоровымъ басомъ, дерутъ за ухо?..

Онъ внутренно бранилъ себя за то, какъ ему не пришла мысль перекинуть страницу. Онъ призналъ, что этотъ способъ очень можетъ быть полезенъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ... Хотя это называется обманъ, а обманывать, говорятъ, не хорошо, однако почему же вотъ теперь совѣсть положительно упрекала его за то, что онъ не обманулъ отца и сдѣлался причиною всѣхъ ожидающихъ учителя неудовольствій?.. А какъ-то попъ станетъ таскать его за ухо, или за косичку? мелькнуло въ головѣ Алёши... Но дѣло сдѣлано; надо его поправить. Алёша всталъ и горделиво выпрямившись во весь ростъ, проговорилъ: папенька сказалъ — через мѣсяцъ, а я говорю, черезъ двѣ недѣли... вотъ увидите, непремѣнно буду умѣть читать безъ ошибки всякую книгу какую угодно... Вотъ вамъ— (мальчикъ взглянулъ на образъ и перекрестился) — теперь вѣрите?

И дѣйствительно, Алёша твердо сдержалъ слово;—изумленный Фортификантовъ возлюбилъ его всѣмъ сердцемъ, пообѣщавъ непремѣнно подарить весною соловья.

Зимою учиться Алёшѣ было несравненно легче, чѣмъ весною и лѣтомъ. Когда въ окно глядитъ зелень и льется горячій свѣтъ солнца, онъ никакъ не могъ пересилить своей вольнолюбивой натуры: или засыпалъ надъ книжкою, или выйдя на минутку

изъ класса, пропадалъ такъ, что и найти его было невозможно. Фортификантовъ спокойно и безбоязненно смотрѣлъ на эти, какъ онъ называлъ—отлыниванья, будучи убѣжденъ недавнимъ опытомъ, что мальчикъ, если захочетъ, въ одинъ мѣсяцъ самостоятельно выучитъ то, что проходится цѣлый годъ. Онъ упросилъ Петра Иваныча дать сыну мѣсяца два вакаціоннаго времени.

Алёша и Личарда ликовали и замышляли нѣсколько отважныхъ предпріятій — напримѣръ, однимъ убѣжать на рѣку купаться, или на всю ночь отправиться съ учителемъ за-городъ въ поле на перепелиную охоту.

Бабенька Наталья Лаврентьевна хотя была и не очень важная птица—вдова-прапорщица, а извѣстная русская пословица и самого-то прапорщика приравниваетъ къ курицѣ, стало быть о вдовѣ его и разговора большого быть не можетъ, тѣмъ неменѣе старушка презирала „хамово отродье“.

Такому взгляду на крѣпостныхъ людей, безъ сомнѣнія, немало содѣйствовало воспоминаніе о пугачовщинѣ... Особенно не нравилась бабенькѣ закадычная дружба Алёши съ Яшкой. Она считала эту дружбу дѣломъ противоестественнымъ и пагубнымъ для барскаго ребенка. Однажды, мальчики,—видавшіе, какъ по городу водятъ на цѣпи медвѣдей-плясуновъ, затѣяли на огородѣ у бабеньки игру въ медвѣдя. Сперва былъ вожакомъ Алёша, а медвѣдя изображалъ Личарда, потомъ роли перемѣнились: Алёша мычалъ и ползалъ на четвереинькахъ, а Личарда командовалъ и кончилъ спектакль тѣмъ, что сѣлъ на барченка верхомъ и заставилъ возить себя отъ грядокъ до колодца и обратно. Наталья Лаврентьевна съ крылечка, заслонивъ глаза рукой отъ солнца, глядѣла на импровизованныхъ медвѣдей, но при послѣдней штукѣ не выдержала, подбѣжала къ нимъ, схватила оторопѣвшаго Личарду за вихорь, стащила съ медвѣдя, нагнула, ущемивъ его голову между колѣнокъ, и поднявъ рубашёнку, отсыпала десятка два горячихъ ударовъ ладонью.

— Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!— пострѣлёнокъ ты этакій!—приговаривала бабенька... Вотъ тебѣ! чтобъ не смѣлъ ты, чумазый,

на свово барина верхомъ садиться!.. Ахъ ты сoплякъ!—Да я тебя!.. Если въ другой разъ увижу, такъ и не то еще будетъ,—возьму вотъ зеленой крапивы, да крапивой-то такъ выпорю, что будешь вѣкъ баню помнить! — Ишь что выдумалъ! — Смотри пожалуй. Да ты этакъ-то дитяти спинку переломишь, паскудёнокъ!

Напрасно Алёша увѣрялъ бабеньку, что это такая игра, что они поочереди, что ему совсѣмъ не было тяжело — старушка и на него прикрикнула: „Стыдно тебѣ, сударь! амбиціи никакой въ тебѣ нѣтъ; съ кѣмъ ты связался-то? — Нешто этотъ щенокъ ровня тебѣ, дворянскому сыну?—Погоди, вотъ я ужо отцу скажу“... И она отвела друзей въ горницу, Алёшу посадила къ столу, а Яшку поставила въ уголъ и рекомендовала имъ остаться въ этихъ позиціяхъ, пока она одѣнется и отведетъ ихъ домой. При этомъ, чтобъ смягчить участь Алёши, она дала ему ломоть папошника, намазанный медомъ, а на Яшку молча погрозила кривымъ, костлявымъ пальцемъ.

Личарда, стоя въ углу, потихоньку опустился, присѣлъ на корточки и закрывъ руками рожицу, плутовато хихикалъ. Ему было очень смѣшно и кричалъ-то онъ, когда била бабенька, единственно только для приличія.

— Хочешь?—спросилъ его Алёша, протягивая половину своего ломтя.

— Нѣтъ,—не надо, а то еще тебѣ за это достанется. Не надо!

Жуя сладкій кусокъ, Алёша размышлялъ, отчего такая разница между нимъ и Яшкой?—и сознавалъ, что быть въ его положеніи несравненно пріятнѣе.

При другомъ случаѣ разница общественныхъ положеній еще рѣзче обозначилась въ пониманіи Алёши.

Дворъ и небольшой садикъ смотрителя отдѣлялся плетнемъ отъ огромнаго, совершенно заглохшаго, запущеннаго и темнаго сосѣдняго сада, до того темнаго, что дѣтскому воображенію представлялись въ немъ разныя чудеса и невѣдомые страхи. Людей въ немъ почти никогда не было видно. Возможное ли

дѣло, чтобъ наши молодцы не проникли въ этотъ заманчивый и никѣмъ неохраняемый міръ? Прямо черезъ плетень махнуть они однако побоялись, а нашли секретную лазейку за конюшней подлѣ кучи навоза. Въ первый разъ имъ было очень страшно,— затрещитъ ли подъ ногою хрупкій валежникъ, захрустятъ ли прошлогодніе листья, птица ли вспорхнетъ изъ гущи, — они остановятся, вздрогнутъ, насторoживъ глаза и уши, а въ груди такъ сладко замираетъ и ноетъ, словно струна звенитъ. Впослѣдствіи эти экскурсіи стали повторяться чаще, шаги нашихъ искателей приключеній дѣлались смѣлѣе, увѣреннѣе, но этотъ сладкій ознобъ перваго впечатлѣнія уже ослабѣлъ и скоро совсѣмъ утратился; вмѣсто него сами собою возникли практическія цѣли. Мальчики нашли одну старую яблоню, на которой хоть и немного было яблоковъ, но яблоки чудесные, назывались они бѣлый наливъ. Когда Алёша подсаживалъ Личарду, карабкавшагося по вѣтвямъ, чтобы нарвать яблоковъ,—они оба испытывали то же неопредѣленно-сладкое чувство страха, которое охватило ихъ въ первый день вторженія въ заповѣдной садъ. Они совсѣмъ не сознавали, что не яблоки прельщаютъ ихъ, а непобѣдимая жажда испытать всѣми нервами это необыкновенное, почти сладострастное ощущеніе опасности... Нервы Алёши были впечатлительнѣе, чѣмъ Яшины;—они уже испытали нѣсколько сильныхъ раздраженій, какъ, напримѣръ, при сценѣ на базарѣ, а потому и настойчивѣе требовали все новыхъ и новыхъ ощущеній.

На другой день послѣ перваго похищенія яблоковъ, Алёша привязчиво зазывалъ въ садъ Личарду; этотъ сперва не хотѣлъ, но въ качествѣ вѣрнаго слуги долженъ былъ отправиться. Едва Алёша подсадилъ товарища до перваго сучка, какъ вдругъ будто изъ земли выросъ высокій, жилистый, рыжій мужикъ и, связавъ за руки похитителей, повелъ къ смотрителю.

— Вы ихъ, ваше благородіе, путемъ проучите, потому намъ нельзя:—мы вотъ каждый часъ барина ждемъ; это у насъ то-есть первое дерево. Спроситъ: гдѣ яблоки?—А мы что ему?—Почесть всѣ оборваны;—вѣдь намъ за это спину всчешутъ.

Петръ Иванычъ въ эту минуту только-что воротился изъ училища, гдѣ изрядно отпоролъ ученика за кражу карандаша у товарища,—а потому былъ раздраженъ и отнесся къ пойманнымъ преступникамъ съ строгостью, совсѣмъ несвойственною его характеру.

— А, такъ вы вотъ какъ—во-ро-вать! Я вамъ задамъ! Воровство самый гнуснѣйшій порокъ—и мой сынъ воровать? Вотъ я васъ, канальи!—Воришки дрянные!

Безъ всякихъ объясненій и оправданій, судъ и расправа произведены немедленно тутъ же въ сѣняхъ. Первымъ пострадалъ Личарда, котораго Финогенъ держалъ, а Артемьевъ угощалъ березовой кашей. На крикъ мальчика въ комнатахъ отозвались плачемъ испуганные Коля и Алёнка, изъ двери показалась Анна Дмитріевна и какъ-то особенно взглянула на мужа... Гнѣвъ его мгновенно упалъ. „Довольно!“ закричалъ онъ. Личарда вскочилъ, а Алёша, скрежеща зубами, принялся молча и торопливо растегивать штанишки.—„Не надо!“ еще крикнулъ отецъ и хлопнувъ дверью, ушелъ въ свою комнату. Преступники были отправлены въ кухню, гдѣ Финогенъ еще напустился на сына, приговаривая: „ахъ ты воръ, воровская ты петля, мошенникъ!“—и хотѣлъ его еще постегать ремнемъ изъ отцовскихъ рукъ; но Алёша кинулся между ними, вцѣпился Финогену въ бороду и задыхаясь прошипѣлъ: „не смѣй,—не смѣй его трогать!“

Черезъ полчаса Личарда съ отличнымъ аппетитомъ хлебалъ грешневую похлебку, поставленную передъ нимъ матерью, а Алёша, забившись на печку, отказался идти въ горницу обѣдать и на всѣ лады переворачивалъ событія этого дня...

Послѣ этой исторіи за Яшкой начали примѣчать, и сталъ онъ частенько попадаться, то съ кускомъ сахару, то лоскутикъ какой-нибудь стащитъ;—у Орлова похитилъ шило, а у Натальи Лаврентьевны стибрилъ маленькую стеклянную коробочку съ дынными сѣмечками, — предметы все не очень соблазнительные и которые Яшка самъ не зналъ куда и дѣвать; однако его стали остерегаться, дразнить воришкой, и Финогенъ раза два отечески

поучилъ первою, попавшеюся на дворѣ, хворостиной. А уже предсказывали-то ему самую что ни есть скверную будущность! Неизвѣстно, что думалъ мальчуганъ, но повидимому относился къ этой травлѣ равнодушно, тѣмъ болѣе, что задушевный товарищъ его Алёша ни разу не только не попрекнулъ его, даже не спросилъ, зачѣмъ-де ты это дѣлаешь? — Въ немъ самомъ въ это время назрѣвала какая-то внутренняя боль, которой онъ не умѣлъ найти исхода, но чувствовалъ, что того и гляди онъ сдѣлаетъ что-нибудь такое необыкновенное, за что его непремѣннѣйшимъ образомъ высѣкутъ. И въ этой мысли Алёша находилъ какое-то странное, необъяснимое сладострастіе... Онъ былъ увѣренъ, что тогда ему станетъ легче... И все ждалъ—ждалъ...

V.

Нѣсколько дней спустя послѣ неудачной экспедиціи за яблоками, въ глухомъ сосѣднемъ саду обнаружились признаки жизни: иногда слышался лай собакъ и порсканье по кустарникамъ, иногда сквозь чащу деревьевъ пробѣгали огоньки, перекликались голоса, а однажды явственно раздался ружейный выстрѣлъ. Какъ ни громаденъ былъ садъ, но охотиться въ немъ едва ли представлялась возможность, — не потому что онъ стоялъ среди города— въ тѣ времена это не составляло серьёзнаго препятствія, —а потому, что не могли же въ немъ водиться волки, лисицы или хоть-бы зайцы.

Петръ Иванычъ въ это время надолго уѣхалъ по дѣламъ въ губернію, то-есть въ губернскій городъ, и въ домѣ главная охрана спокойствія была ввѣрена Артемьеву.

Почтенные служаки сами крѣпко дивились тому, что за притча такая дѣется въ сосѣдскомъ саду и рѣшили, что должно быть

самъ потѣшается; — „надысь, слышь, ночью прикатилъ и не замѣтили“. Вечеромъ пошли они и оба мальчика съ ними, вдоль улицы посмотрѣть, не замѣтно ли чего въ домѣ сосѣда. Домъ этотъ, обширное и низкое деревянное зданіе, лежалъ, точно гнѣздо огромной птицы, посрединѣ двора, обнесеннаго съ улицы частоколомъ, имѣлъ по фасаду двѣнадцать оконъ, покрытъ соломой, почернѣвшей отъ времени. Окна постоянно были закрыты наружными ставнями, и теперь въ немъ было совершенно темно; изъ одной трубы вилась легкая струйка дыма. Любопытствующіе узнали немного, — ворота были заперты, а вызвать знакомаго рыжаго мужика они не рѣшились.

Однажды часу въ четвертомъ, когда зной началъ уже спадать, Анна Дмитріевна, какъ обыкновенно по домашнему одѣтая — въ ситцевой юбкѣ безъ таліи, кофточекъ она и знать не знала, — станъ бѣлой рубахи спустился у нея съ одного плеча и обнаженныя руки держали надъ головой легкую косыночку отъ солнца, — такъ она вышла на дворъ и пробралась медленнымъ шагомъ въ садикъ къ плетню, возлѣ котораго на протянутыхъ веревкахъ сушилось дѣтское бѣлье. Посмотрѣла она, хорошо ли выстираны рубашечки и пелёнки и скоро ли высохнутъ; вдругъ изъ-за плетня, какъ музыка пріятный и ласковый, мужской голосъ словно пропѣлъ надъ нею:

— Здравствуйте!

Анна Дмитріевна, стоявшая спиной къ плетню, на голосъ повернула голову; за плетнемъ стоялъ краснощекій молодой господинъ съ длинными усами, въ пестренькомъ татарскомъ архалукѣ и военной фуражкѣ. Лицо Анны Дмитріевны нахмурилось, она молча обратилась къ своему занятію, но мысли ея разбѣжались, а руки не знали что дѣлать—лицо ли закрыть косынкой, или опустить ее на плечи, съ которыхъ совсѣмъ скатилась широкая рубашка. Она чувствовала, что и лицо, и шея, и плечи, и руки—все словно полымемъ занялось. Даже убѣжать ей было стыдно.

— Я хочу съ вами познакомиться, — продолжалъ тотъ же ласковый голосъ.

Анна Дмитріевна не отвѣчала и дрожащею рукой ощупывала сырое бѣлье.

— Слышите! я познакомиться съ вами хочу.

— Милости просимъ, какъ добрые люди ходятъ, а не черезъ заборъ,—не поворачивая головы отвѣтила смотрительша.

— Я не умѣю, какъ добрые люди: вѣдь я окаянный... Можетъ слышали—помѣщикъ Эрастъ Ильичъ Милоновъ,—это я самый и есть.

— Я васъ не знаю.

— Ну такъ вотъ узнаете. Только я хочу познакомиться съ вами покороче, поближе... Экая красавица-то какая? — проговорилъ Милоновъ уже не къ ней, а будто высказывая вслухъ свои впечатлѣнія. — Вѣдь уродитъ же Господь Богъ такое чудо... Да вы полноте, не закрывайте личика... И шейки и плечъ тоже не закрывайте, — страстно шепталъ онъ, слѣдя за ея движеніями. Вѣдь эти всѣ прелести Богъ сотворилъ для того, чтобы ими любовались вотъ этакіе окаянные, какъ я...

Анна Дмитріевна улыбнулась, а въ глазахъ туманъ сталъ. слезы задрожали на рѣсницахъ.

— Не хорошо это вы говорите... Я замужняя... опустивъ голову, сказала она, и не торопясь, степенно пошла къ дому.

А вслѣдъ ей слышалось: „красавица!—душенька! богиня!“...

Придя въ горницу, Анна Дмитріевна горько заплакала... Чувствовала она обиду и тревогу... Ну какъ же можно? Замужняя женщина, мать троихъ дѣтей... и по душѣ должна быть аки вѣрная собака для Петра Иваныча, за всю его доброту... А тутъ этакое... и никогда она такихъ словъ не слыхала: никто, ни даже самъ Петръ Иванычъ никогда ей не говорилъ такихъ словъ... Красавица?—ужъ будто и въ самомъ дѣлѣ красавица?... Баба какъ баба,—и сладости-то во мнѣ, поди, чай столько же, какъ въ каждой нашей сестрѣ... А голосъ-то какой у него... праздничный... словно гладитъ тебя по сердцу... Въ-первой слышу я такой голосъ... Что-жъ мнѣ теперь дѣлать-то, Господи! Владычица, помози!...

Такъ волновалась Анна Дмитріевна, не замѣчая, что давно уже подлѣ нея стоитъ Алёнка и каши проситъ...

Помѣщикъ Милоновъ былъ очень извѣстенъ въ губерніи. Единственный наслѣдникъ трехъ тысячъ душъ крестьянъ въ разныхъ деревняхъ, онъ служилъ юнкеромъ въ „безсмертныхъ гусарахъ“ (такъ въ то время назывался Александрійскій гусарскій полкъ). Шалуновъ между гусарами было много, но Милоновъ отличался крайнею необузданностью и эксцентричностью своихъ подвиговъ. Подстрѣлить жида, высѣчь станціоннаго смотрителя или чиновника-штафирку, увезти изъ женскаго монастыря крылошанку,—это ему ничего не значило и все какъ-то благополучно сходило съ рукъ, разумѣется, съ придачею большихъ денегъ; — но послѣдняя его штука не удалась; товарищъ похитилъ барышню, дѣло очень обыкновенное; надо было ихъ повѣнчать, попъ согласился, отперъ церковь (дѣло было въ глухой заброшенной бѣлорусской деревнюшкѣ). Только - что молодые стали къ аналою, батька и заупрямился—не хочу, да не хочу—и резоновъ никакихъ не слушаетъ, даже денегъ не беретъ—сдурѣлъ. Дѣлать нечего—Милоновъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ, самъ надѣлъ ризу и обвелъ молодыхъ три раза вокругъ аналоя. Дьячокъ въ это время пѣлъ „Исайя ликуй“,—и дѣло кончено; въ книгу записано, свидѣтели подписались—все въ порядкѣ;—и поѣхали молодые въ эскадронную штабъ-квартиру; попа Милоновъ захватилъ съ собой. Попойка, разумѣется, была невѣроятная. Ушаты вина и двѣ тысячи рублей сдѣлали свое дѣло: попъ клятвенно подтвердилъ и далъ подписку, что вѣнчалъ такихъ-то самолично. Однако слухъ объ этомъ происшествіи дошелъ до корпуснаго командира, — и Милоновъ принужденъ былъ выдти въ отставку. Года три онъ велъ бродячую, цыганскую жизнь, то въ Москвѣ, то по ярмаркамъ, и, обремененный страшными долгами, поселился въ родовомъ имѣніи. Чтó онъ творилъ въ своемъ помѣстьи, про то знали одни только подвластные ему безгласные люди... Но скоро начали доходить до начальства жалобы сосѣднихъ дворянъ, —то онъ тра-

витъ кого-нибудь гончими, то подожжетъ скирды сѣна, то мостъ на дорогѣ велитъ подпилить такъ, чтобы рухнулъ вмѣстѣ съ проѣзжимъ помѣщичьимъ рыдваномъ. Пріѣзжалъ къ нему предводитель, почтенный отставной генералъ, урезонивалъ, усовѣщивалъ, а онъ и съ нимъ какой-то фокусъ выкинулъ—кажется, угостилъ трубкой табаку, начиненной порохомъ. Наконецъ, Милоновъ былъ взятъ въ опеку съ запрещеніемъ выѣзжать изъ деревни. Въ деревнѣ вѣдь скука, что ни выдумай, все на другой же день опротивѣетъ. Даже гаремныя затѣи Милонову опостылѣли. Въ припадкѣ злой хандры, велѣлъ онъ согнать съ деревни всѣхъ бабъ не старѣе тридцати лѣтъ, чтобы пололи траву въ цвѣтникѣ подъ окнами его кабинета, а самъ сидитъ у окна, да попаливаетъ въ нагнувшихся бабъ изъ ружья дробью... Бабамъ это угощеніе показалось не втерпёжъ, — двѣ-три изъ нихъ побойчѣе побѣжали къ капитанъ-исправнику и объявили. И вотъ вышелъ отъ губернатора приказъ, впредь до особаго распоряженія жить Милонову въ уѣздномъ городѣ, гдѣ у него былъ старый, полуразрушенный домъ, принадлежавшій его теткѣ, которая окончила дни свои настоятельницей въ женскомъ монастырѣ.

Переселеніе Милонова въ городъ озаботило, кажется, только одного городничаго, получившаго по этому предмету секретный ордеръ; а обыватели, живя по простотѣ, не особенно имъ интересовались. Весьма немногіе, бывавшіе въ уѣздѣ, слыхали-молъ, что блажной, да нонѣ мало ли ихъ, блажныхъ-то!...

На другой день послѣ встрѣчи съ Милоновымъ у плетня, Анна Дмитріевна нашла на окнѣ своей спальни запечатанное письмо. Сердце въ ней ёкнуло; сама не зная почему, она была увѣрена, что письмо это отъ него... отъ окаяннаго... Вертѣла она, вертѣла въ рукахъ письмецо, и дивилась, какимъ манеромъ оно могло попасть на окошко; — въ щель просунуто, или такъ подброшено?.. И дорого бы она дала, чтобы умѣть прочесть, что въ этой грамоткѣ написано. Она улыбнулась какъ-то и горделиво и насмѣшливо, словно ее, простую женщину, кто-нибудь княжной назвалъ, — и сунула письмо въ карманъ.

Въ этотъ день Анна Дмитріевна не выходила изъ горницы, усиленно занималась хозяйствомъ, сосчитывала и принимала вымытое бѣлье, чулки штопала. Уже вечеромъ, накормивъ дѣтей и уложивъ ихъ въ постельки, она плотно затворила двери своей спальни и сѣла къ раскрытому окну. На улицѣ было тихо, пустынно, даже собаки не лаяли; полный мѣсяцъ, поднявшись изъ-за черныхъ крышъ, катился все выше и выше. Становилось холодно. Завернувшись въ кацавейку, Анна Дмитріевна высунулась по поясъ въ окно, поглядѣла вдоль улицы, и прошептавъ: „ахъ, кабы Петръ Иванычъ поскорѣй воротился“—заперла окошко, опустила ситцевую занавѣску, и помолясь передъ образами, легла спать.

Слѣдующій день прошелъ для Анны Дмитріевны точно также; вечеромъ, когда она сѣла къ окошку, послышалась далекая, тихая пѣсня: въ перерывахъ голоса ворковали струны гитары и такъ складно сливались съ пѣніемъ... Тягучая, унылая поволжская пѣсня то приближалась, то удалялась и словно замирала въ холодномъ ночномъ воздухѣ... Анна Дмитріевна заслушалась, вся унеслась за этой родимой пѣсней, и ничего вокругъ себя не примѣчала.

— А прочли вы письмо мое? раздался подъ самымъ окномъ знакомый, ласковый голосъ.

Анна Дмитріевна будто проснулась, ахнула и хотѣла затворить окошко; но Милоновъ положилъ локти на подоконникъ, такъ что затворить было невозможно. Онъ глядѣлъ на нее смѣло и весело.

Она плотнѣе завернулась въ кацавейку и отшатнулась отъ окна.

Онъ робкимъ, умоляющимъ голосомъ повторилъ своей вопросъ.

— Прочитала... солгала Анна Дмитріевна и закрыла лицо до самыхъ глазъ въ воротникъ кацавейки. А глаза эти въ упоръ смотрѣли на Милонова съ любопытствомъ и боязнью.

— И что-жъ, — получу я отвѣтъ?

Глаза все смотрѣли неподвижно; она молчала; по плечамъ пробѣжала дрожь.

— Я все знаю.... шепталъ Милоновъ. Онъ купилъ рабу Божью... Заперъ въ клѣтку, заставилъ дѣтей рожать, да пелёнки мыть... Развѣ это жизнь... Хоть минуточку урвать, да волюшкой вздохнуть... Эхъ, волюшка золотая, ничего-то нѣтъ тебя милѣй! А у меня троечка на-готовѣ... Подхватятъ птицы — только насъ съ тобой и видѣли!... Разлапушка ты моя!..

И онъ хватилъ ее за руку; но сильная, не барская рука, привыкшая таскать ведра изъ колодца, шутя вырвалась.

— Оставьте вы меня, идите прочь... Бога бойтесь!...

— Когда я полюблю, такъ ничего не боюсь въ свѣтѣ — знай это! А безъ отвѣта не уйду... Коли сказать робѣешь, напиши...

— Ладно, дожидайся... послѣ дождичка въ четвергъ!.. съ хохотомъ крикнула она, и ударивъ его кулакомъ въ грудь, такъ что онъ отшатнулся, быстро заперла окно.

Въ комнатѣ было темно, даже лампадка не теплилась; Анна Дмитріевна спряталась за занавѣску, затаивъ дыханіе, и прислушивалась, что будетъ за окномъ.

Забренчала гитара, лихая беззаботная пѣсня пошла вдоль по улицѣ, повернула за уголъ и гдѣ-то далеко оборвалась высокой нотой и мягкимъ длиннымъ посвистомъ.

Анна Дмитріевна не спала до бѣлаго свѣта—и мерещились ей луга зеленые, лѣса дремучіе, да удалые ребята, добры-молодцы, что гуляютъ по матушкѣ-Волгѣ безданно-безпошлинно.

Ясный солнечный день съ его будничною трескотнею и копѣечными заботами отрезвилъ охмѣлѣвшую голову Анны Дмитріевны. Пришла Наталья Лаврентьевна, оповѣстила, что протопопицѣ Богъ сынка далъ и тарани навезли на базаръ страсть много.

— Оно теперь въ госпожники-то [1]) какъ разъ надо. Ты, мать, будешь нонѣ говѣть-то? — спросила старушка.

---

[1]) Успенскій постъ въ просторѣчіи называется „госпожники“.

— Нѣтъ, я ужъ великимъ постомъ отговѣю. Приходите ко мнѣ ночевать.

— Что такъ? Ай безъ мужа-то скучно?

— Пусто въ домѣ-то...

— Нешто людей у васъ мало?

— Много ихъ, да всѣ въ разбродѣ: Орловъ ночуетъ въ училищѣ, Артемьевъ устроился на сѣновалѣ, Финогенъ въ конюшнѣ. Я, почитай, одна тутъ съ дѣтьми въ горницахъ-то. Катерина въ сѣняхъ спитъ... Оно ничего, да все какъ-то боязно...

— Чево бояться! У насъ тихо: съ тѣхъ поръ, какъ третьяго года откупщикову контору разбили, у насъ никакихъ шалостей не слышно. — А я вотъ что, — мнѣ свово дома бросить тоже нельзя, а на этой недѣлѣ я говѣю, такъ все равно проживу у тебя, а Матрена моя пусть сидитъ дома. На той недѣлѣ она будетъ говѣть, а ужъ я уйду отъ тебя, посижу дома. Тѣмъ временемъ, можетъ, Петръ Иванычъ воротится.

— Хорошо кабы воротился, — разсѣянно глядя въ пустой уголъ, сказала Анна Дмитріевна.

Въ теченіи недѣли, пока у смотрительши гостила Наталья Лаврентьевна, Милоновъ исчезъ; только поздними вечерами ходила далеко по улицѣ его пѣсня.

— Чу, никакъ поютъ? пробормотала старушка, помолившаяся уже Богу и улегшаяся на полу въ спальнѣ.

— Да, пѣсня... отозвалась Анна Дмитріевна, безпокойно ворочавшаяся на жаркой перинѣ.

— Это должно быть приказные... они любятъ по ночамъ хороводиться. — Анну Дмитріевну мучило письмо; она постоянно носила его въ карманѣ. „Прочесть не умѣю, а сжечь какъ-то жалко... хочется знать, что тамъ написано, соображала она. Пожалуй, бабушку попросить,—а какъ вдругъ тамъ срамное что написано?.. Да старуха впрочемъ плохо маракуетъ,—говоритъ, очки плохи, а сама только церковную печать по складамъ разбираетъ“.

— Бабушка, вы слыхали про помѣщика, господина Милонова?—разъ рѣшилась она спросить.

— Про озорника-то? Какъ не слыхать, слышала... Тьфу! и поминать-то его къ ночи не годится... Я знавала тетку его, княгиню; во дѣвичествѣ свой вѣкъ провела и ангельскій чинъ принять сподобилась. Душа была голубиная у ней, совсѣмъ не мірская.... Пѣшкомъ въ Саровскую пустынь ходила. „Я, говоритъ, должна умолить за Эрастиньку, чтобы Господь его образумилъ. Этотъ Эрастинька всей фамиліи нашей несчастье... Нечего сказать, отецъ его былъ свирѣпый человѣкъ, много погрѣшилъ; вѣдь бывало всѣ мелкопомѣстные передъ нимъ, какъ передъ грозой дрожали. Вотъ Богъ и наказалъ дѣтищемъ, чтобы казнились на него глядючи“. И что́ она добра вокругъ себя творила! всю казну по святымъ обителямъ роздала; ну, однако и ему осталось имѣніе, да вотъ этотъ домъ, что сосѣдній-то. Не видала его я никогда, да Богъ съ нимъ! — говорятъ, и видѣть-то его надо съ остережкой, опасно...

Такія слова про господина Милонова не могли, конечно, ободрить Анну Дмитріевну на откровенность — показать письмо старухѣ, или посовѣтоваться.

VI.

У поздней обѣдни, за которой причащалась благополучно отговѣвшая Наталья Лаврентьевна, были съ нею Анна Дмитріевна и Алёша. Выходятъ они изъ церкви-то, на паперти стоитъ Милоновъ въ бархатномъ черномъ чекменѣ, стянутъ въ рюмочку черкесскимъ серебрянымъ поясомъ; крестится такъ усердно. Увидя ихъ чинно поклонился и пошелъ провожать, словно давно знакомый. Дорогой рѣчь велъ степенную; хвалилъ очень пѣвчихъ (изъ мѣщанъ-любителей); — говорилъ, что́ предпочитаетъ кіевскій напѣвъ и что служеніе въ страстную седь-

мицу еще ни разу въ жизни не пропускалъ — оно восторгаетъ и умиляетъ душу. Старушка полюбопытствовала про кіевскую лавру — и онъ обстоятельно разсказалъ о святыхъ мощахъ. Но среди этихъ душеспасительныхъ разговоровъ раза два-три онъ взглянулъ на Анну Дмитріевну такими глазами, что она вся зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Слѣпая бабушка, умиленная разсказами о лаврѣ, ничего не видѣла; но это видѣлъ Алёша... И вскипѣла въ немъ какая-то жгучая боль обиды и дѣтской ревности. Какъ смѣетъ онъ такъ глядѣть на мою мать?! Мальчикъ, конечно, не понималъ всего значенія этихъ взглядовъ, но его, должно быть, поразила ихъ наглость и хищническая плотоядность. Онъ вопросительно посмотрѣлъ въ лицо матери — и увидѣлъ, что это милое, доброе лицо вспыхнуло густымъ румянцемъ и озарилось почти счастливой улыбкой; — глаза потуплены, но нѣтъ въ нихъ ни гнѣва, ни угрозы, ни злости... Что-жъ это, она не сердится? Алёшу душили слезы, какъ будто кто его за горло схватилъ. Изъ-подлобья взглянулъ онъ на господина Милонова и пошелъ сторонкой, подъ самымъ заборомъ, сбивая палочкой верхушки крапивы...

Въ дѣтяхъ есть это чуткое, будто инстинктивное пониманіе опасности, угрожающей ихъ матери. Они часто инстинктивно угадываютъ отношенія къ матери постороннихъ людей и тонко различаютъ честную, пускай даже самую нѣжную дружбу, отъ поползновеній грубой чувственности. Они знаютъ страданія ревности, — и ревность эта едва ли не сильнѣе ревности мужа къ женѣ; по крайней мѣрѣ она, не имѣя силы найти ни исхода, ни выраженія, уходитъ внутрь и темной тѣнью ложится на все дѣтское міросозерцаніе. Въ семействахъ животныхъ замѣчается нѣчто подобное этой ревности дѣтей — въ тотъ періодъ, когда щенки еще сосутъ мать...

Дойдя до калитки своего дома, смотрительша робко пригласила Эраста Ильича зайти въ горницу.

— Пожалуйте, не побрезгайте, — у насъ сегодня пирогъ пекли: можетъ откушаете.

— Пирогъ-то у насъ, Митревна, постный, съ рыбой; поди, они его и кушать не станутъ, — сухо отговаривала старушка.

— Есть и скоромное — ватрушки для дѣтей стряпали.

Милоновъ съ улыбкою отказался зайти на пирогъ.

— Я лучше въ другой разъ. А вотъ позвольте мнѣ вашего молодца затащить къ себѣ въ гости, — примолвилъ онъ, взявши за подбородокъ Алёшу.

Прикосновеніе мягкой и бѣлой руки барина передернуло Алёшу, — точно жаба по шеѣ проползла. Онъ крѣпко ухватился за руку своей бабеньки и шепталъ: „я не хочу, не хочу“.

— Чего ты дичишься? стыдно дичиться. Поди, коли тебя приглашаютъ, честь дѣлаютъ, поди! приказала мать, и окончательно срѣзала Алёшу; онъ машинально повиновался.

Ловко приподнявъ заломленную на бекрень гусарскую фуражку, Милоновъ простился и повлекъ за руку Алёшу, который, опустивъ носъ, разсматривалъ заплатку на своихъ сапожкахъ.

Наталья Лаврентьевна, непринимавшая цѣлую недѣлю горячей пищи, выпила, благословясь, рюмку ерофеича и накинулась на рыбный пирогъ съ тою жадностью акулы, какая замѣчается только въ очень старыхъ людяхъ. Легла соснуть часика на два и потомъ весь день до вечерень бродила заспанная, въ однихъ чулкахъ, шлыкъ на боку; она томилась жаждой и оглашала домъ громкой икотой, сопровождавшейся попеременно то крещеніемъ рта, то пришептываніемъ „Господи Іисусе, помилуй насъ!“

Послѣ вечерни, за чаемъ, Анна Дмитріевна сказала:

— И хорошо, что онъ давеча не пришелъ... я учтивость соблюла, да ну его къ Богу!

На эти слова Наталья Лаврентьевна ничего не отвѣтила, а съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ зарядила носъ изъ „московскаго пожара“.

Воротился и Алёша, принесъ цѣлый картузъ сахарныхъ пряниковъ и конфектъ съ билетиками, да съ десятокъ хорошенькихъ раскрашенныхъ гравюръ. Всѣ эти подарки Милонова онъ

подѣлилъ между Колей и Алёнкой, а самъ, неохотно отвѣтивъ какъ провелъ въ гостяхъ время, отправился съ Личардой налаживать чапки [1]).

— Что ты тамъ дѣлалъ? Занятно было? вопросилъ Личарда.

— Ничего.

— А рыжаго того видѣлъ? что надысь словилъ насъ подъ яблоней?

— И, нѣтъ; у него тамъ все азіяты прислуживаютъ. Одинъ такой высокій-высокій, съ бородой, весь въ зеленомъ; за кушакъ ножикъ заткнутъ, страшный!

— Э-ва! это знать онъ-то и палитъ изъ ружья.

— Ружьевъ у него много, — по стѣнѣ развѣшаны; — сабли, пистолеты, арапникъ здоровенный... Трубки такія длинныя; онъ все трубку куритъ.

— А угощалъ, поди, важно?

— Да, хорошо. И пьетъ онъ изъ такого серебрянаго ковшика. Много пилъ, ужасть, какъ много! и меня подчивалъ. Вкусное вино, совсѣмъ не такое, какъ нашъ ерофеичъ. Ну, а потомъ игралъ на гитарѣ, пѣсни пѣлъ. Послѣ, какъ лежалъ, такъ и заснулъ на полу, на такомъ знатномъ коврѣ растянулся, а мнѣ велѣлъ гулять по горницамъ.

— Покои богатые?

— Только одна горница убрана, гдѣ мы сидѣли,—а то все пустыя, стулья поломанные, паутина виситъ; а мышей страсть! такъ и прыгаютъ. По стѣнкамъ картины навѣшаны, ужъ больно старые, совсѣмъ черные, ничего не разберешь. Я ходилъ-ходилъ, скучно стало. Спасибо, попались книжки.

— Съ картинками?

— Нѣтъ, простыя книжки; одинъ „Пѣсенникъ“ съ картинкой...

— А ты бы его въ карманъ да и притащилъ бы...

— Ничего мнѣ отъ него не надо... Вонъ онъ сколько гостин-

---

[1]) Клѣтка для ловли птицъ, родъ мышеловки.

цевъ надавалъ, а я ничего себѣ не взялъ. Не надо. И въ другой разъ ужъ ни за что къ нему не пойду. Не хочу!

— Отчего-такъ?

— Ужъ такъ!

VII.

Очистившая грѣховную душу и обременившая грѣшную утробу, Наталья Лаврентьевна отправилась во-свояси. Въ домѣ смотрителя водворился обычный порядокъ; дѣти, какъ галчата, цѣлый день кричатъ, а въ девятомъ часу вечера уже весь домъ спитъ; не спитъ одна Анна Дмитріевна, и думаетъ и вспоминаетъ она все такое печальное. „Вотъ ужъ который годъ я замужемъ, а къ отцу всего одно письмо послала и пять рублей денегъ; совсѣмъ забыла мужицкую родню... съ тѣхъ поръ, какъ барыней стала, — со злостью попрекнула она себя. Петръ Иванычъ тоже вспоминать не любитъ; все говоритъ, оказіи нѣтъ въ ту сторону, а отецъ-то чай въ нуждѣ бьется, сердечный“.... Она всплакнула и жизнь ей показалась куда не красна. Про господина Милонова она старалась не думать, и если бы не его вечернія пѣсни, постоянно разливавшіяся по сонной улицѣ, то и совсѣмъ бы, кажется, его забыла. А то эти пѣсни только злили Анну Дмитріевну.

— Вишь гуляетъ, потѣшается, — шептала она, прислушиваясь къ знакомому голосу. — И что это у господъ ничего заправскаго нѣтъ, а все блажь одна? Имъ бы только забава была. И все, что ни говорятъ они, — пустяки, не надо вѣрить... Говоритъ окаянный, — окаянный и есть. Вишь какъ заливается!... У, чтобъ-те!...

Вѣдь какъ прежде любила его пѣсни, а теперь и сама понять не можетъ, отчего ее такая лютая злость разбираетъ...

А окошко всякій вечеръ открыто и сидитъ она въ своей теплой кацавеечкѣ. Вдругъ двѣ сильныя руки оперлись о подоконникъ, и чрезъ мгновеніе Милоновъ стоялъ передъ нею въ комнатѣ. Онъ улыбался, а взглядъ сверкалъ угрозой и барской властью, непривыкшею встрѣчать сопротивленіе. Она отступила и, прислонясь къ стѣнѣ, мѣрила его глазами, блѣдная, ошеломленная. Еще мгновеніе — онъ заперъ окно, опустилъ занавѣску...

— Разбойникъ ты, разбойникъ!... вырвалось изъ груди Анны Дмитріевны.

Въ ея голосѣ слышался подавленный вопль смертнаго отчаянія... Но въ немъ звучала и другая нота — исполать-де тебѣ, добрый молодецъ, за твою удаль-отвагу разбойницкую...

VIII.

Петръ Иванычъ въ халатѣ пилъ чай въ гостинной. Передъ нимъ на столѣ сидѣла маленькая Алёнушка, окруженная куклами и игрушками, привезенными отцемъ. Колька возилъ по полу деревянную пушку, стрѣляющую горохомъ; Алёша разсматривалъ зоологическій атласъ. Всѣ были счастливы возвращеніемъ отца и подарками, невиданными въ уѣздномъ городкѣ.

— А у тебя, Анюта, порядокъ, какъ видно, былъ строгій: подъѣзжаю къ дому еще не свѣтало, а ужъ Орловъ маршируетъ подъ окнами. Что такъ? спрашиваю. Говоритъ: барыня приказала.

— Они чередовались съ Артемьевымъ и Финогеномъ. Все,

думаю, лучше: неравенъ часъ.... Да и собакъ нужно разгонять,— а то лаютъ всю ночь подъ окнами,—дѣтямъ заснуть не дадутъ, объясняла Анна Дмитріевна.

— Ладно, хозяюшка! Пойдемъ-ка въ спальню, я долженъ сообщить тебѣ нѣчто поважнѣе собачьяго лая... Люди не собаки, а подъ-часъ не только лаютъ,—кусаются, да еще какъ больно!—съ печальной улыбкой промолвилъ Петръ Иванычъ, идя въ спальню. Анна Дмитріевна пошла за нимъ, суровая, слегка поблѣднѣвшая.

Въ спальнѣ на ея кровати лежалъ лисій салопъ, крытый атласомъ,—дорогая обновка, только-что привезенная мужемъ. Видъ этого салопа какъ-то болѣзненно ущемилъ ея сердце... Она хотѣла убрать его, чтобъ мужъ сѣлъ на постель, но Петръ Иванычъ остановилъ ее, взявъ за руку, и печально вымолвилъ:

— Аннушка, намъ здѣсь не житье...

Она подняла на него глаза; ждала чего-то ужаснаго. „А вѣдь померeть легче, чѣмъ это“,—мелькнуло въ ея головѣ.

— Намъ придется отсюда уѣхать.... Со мною поступили безбожно и безчестно. И деньги взяли, и мѣста лишаюсь...

При этихъ словахъ у Анны Дмитріевны отлегло отъ сердца.

— На меня поступилъ безъименный доносъ: будто я недодаю учителямъ жалованья, вымогаю у родителей подарки и деньги... Эхъ, Господи!.. Ты знаешь, вымогаю ли я! Ну, да это бы еще ничего. Только-что я по этимъ предметамъ объяснился съ директоромъ училищъ, и кладу этакъ передъ нимъ на столъ сто рублей, онъ вдругъ встаетъ; положилъ деньги въ карманъ и тонъ совсѣмъ перемѣнилъ: „это, любезнѣйшій, все пустяки,—говоритъ,— дѣла житейскія,—кто Богу не грѣшенъ—царю не виноватъ! За это мы казнить васъ не станемъ,—а вотъ тутъ другое про васъ пишутъ, это поважнѣе“. Онъ взялъ со стола бумагу и началъ читать; и батюшки мои, чего только тамъ не было!—и вольнодумецъ-то я, масонскія книги читаю, въ Бога не вѣрую, въ храмѣ Божіемъ рѣдко бываю, постовъ не соблюдаю;—и въ до-

машней-то жизни я самый развратный человѣкъ, пьяница... Тутъ и про нашего Алёшу выведена вся подноготная... У меня волосъ на головѣ дыбомъ сталъ. Неугодно ли, говоритъ директоръ, по этимъ статьямъ объясниться и сказать по совѣсти — могу я васъ терпѣть на службѣ, или нѣтъ?—Какъ объясняться?—У меня языкъ отнялся... „Вы,—говоритъ,—въ нашемъ вѣдомствѣ служить не можете. Не я гоню васъ, а законъ. Учитель долженъ быть человѣкомъ высокой нравственности. Скрыть не могу, извините, потому что все это легко можетъ дойти до его превосходительства, господина попечителя,—ну. а нашего (Магницкаго) вы сами знаете—онъ и меня и васъ упечетъ куда Макаръ телятъ не гонялъ... Жаль мнѣ васъ,—но что же дѣлать!—Подавайте въ отставку, иначе черезъ три мѣсяца будете уволены съ дурнымъ аттестатомъ. Не просите, не могу,— я вамъ говорю по зрѣломъ размышленіи...“ И вышелъ я отъ него, какъ ошпаренный... Такъ-то, дорогая моя Аннушка — мы тутъ живемъ съ тобой по простотѣ души и воображаемъ, что мы честные люди, а высшее начальство другой взглядъ на вещи имѣетъ. Поди, спорь съ нимъ, доказывай!—Петръ Иванычъ горько засмѣялся.

Анна Дмитріевна выслушала разсказъ мужа, подперши ладонью щеку и глядя на него съ тупою, безсознательною печалью. Казалось, она не поняла и половины этихъ служебныхъ каверзъ и ихъ великой важности для мужа.

— Кто-жъ бы этой такой—какой ворогъ могъ про тебя такое написать?—спросила она.

— И это извѣстно. Какой тутъ ворогъ! это самый что ни есть первѣйшій пріятель удружилъ.... Отецъ Никонъ.

Анна Дмитріевна всплеснула руками.

— Да, да, это онъ, нашъ медоточивый царь Давидъ, что на гусляхъ Господа славословитъ.... Вотъ увидишь, онъ придетъ сегодня же и какое сладкое лобзаніе мнѣ дастъ! А вся штука въ томъ, что свояку его понадобилось сѣсть на мое мѣсто: и дѣло это уже полажено—половина обѣщанной суммы уже вручена ди-

ректору. Узнавши это, хотѣлъ-было я придти къ нему да и ляпнуть прямо: Леонтій Никифоровичъ, полно намъ съ вами комедію ломать! Давайте на чистоту—сколько обѣщано?—Я дамъ больше.... ха, ха, ха!—Да ужъ такъ—махнулъ рукой на всю эту мерзость!—Мнѣ обѣщано мѣсто чиновника особыхъ порученій при казенной палатѣ въ С—кой губерніи,—а потомъ, дастъ Богъ, буду и совѣтникомъ. Поѣдемъ-ка въ С.—отсюда всего пятьсотъ верстъ. С. городъ хорошій. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Не тужи.

Но послѣднее слово было сказано Петромъ Иванычемъ больше для собственнаго ободренія, потому что Анна Дмитріевна казалась не очень опечаленною. Она была равнодушна сколько по собственной субъективной причинѣ—у нея было свое тяжкое горе, котораго, казалось, не выплакать, да и сравнить ни съ чѣмъ невозможно,—столько же и по строю общихъ понятій русской женщины того, да, пожалуй, и иного времени. Русская женщина не только совершенно чужда гражданской жизни, но ее даже вчужѣ не волнуютъ свѣтлыя и темныя стороны общественныхъ порядковъ;—интересы мужа ей близки только по количеству денегъ, выдаваемыхъ на наряды и хозяйство. Отрадныя исключенія чрезвычайно рѣдки, но за то часты исключенія такого рода, напримѣръ, когда барыня управляетъ губерніей, командуетъ полкомъ, завѣдываетъ судомъ и расправой, принимаетъ съ задняго крыльца просителей,—или, наконецъ, интригуетъ въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ;—но да избавитъ насъ Богъ отъ такихъ безшабашныхъ гражданокъ...

Послѣ обѣда, дѣйствительно, явился отецъ Никонъ и далъ троекратное братское лобзаніе „многоуважаемому“ Петру Иванычу. Однако смотритель былъ съ нимъ весьма сдержанъ, холоденъ, неразговорчивъ; это замѣтилъ даже и Алёша. Когда попъ ушелъ, Алёша слышалъ, какъ отецъ сказалъ матери: „Іуда Искаріотскій!“ — а та отвѣтила, что промежъ народа ходитъ старинная поговорка: „доносчику первый кнутъ...“

Не зная въ чемъ суть дѣла, Алёша однако подумалъ, что

попъ Никонъ долженъ быть дурной человѣкъ и сдѣлалъ отцу зло. Перебирая въ памяти своей все, что относилось къ Никону, Алёша пришелъ наконецъ къ положительному заключенію, что онъ и не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, потому что дѣтей сѣчетъ розгами немилосердно; апостола называетъ извергомъ и всегда какъ-то подозрительно жмуритъ свои лукавые, масляные глазки, точно къ тебѣ въ душу хочетъ заглянуть....

IX.

Господинъ Милоновъ свирѣпствовалъ. Съ утра до глухой ночи по саду раздавался свистъ, лай, атуканье и ружейная пальба.

Горящіе пыжи залетали въ садъ смотрителя; двѣ-три пули попали въ заборъ на противуположной сторонѣ улицы. Мимо дома проходить стало небезопасно.

Особенно пугала эта пальба Наталью Лаврентьевну; при каждомъ выстрѣлѣ старушка, даже сидя въ комнатѣ, взвизгивала и оборонительно поднимала надъ головою руки, какъ будто ожидая, что вотъ-вотъ упадетъ на нее бомба. Увидя поднятый на дворѣ Алёшею горящій пыжъ, она не своимъ голосомъ завопила:

— Спалитъ онъ, злодѣй, насъ!—безпремѣнно, извергъ, спалитъ!—и не услышимъ, какъ вдругъ всѣ въ полымѣ очутимся.

— Да какъ же спалитъ, бабенька?—Нешто отъ этого можетъ полымя вспыхнуть?—спросилъ Алёша.

— Извѣстно; попади этакая зажженная пакля въ солому, али въ сѣно. Вотъ и вся недолга,—въ моментъ пожарище вспыхнетъ. А еще нонѣ сушь такая стоитъ, бѣда!

Хотѣли жаловаться городничему, но оказалось, что отецъ и благодѣтель города самъ въ страшной переполохѣ. Какъ чинов-

никомъ гражданскимъ, имѣвшимъ мирныя дѣла больше съ купцами да мѣщанами, имъ овладѣлъ трусъ, и онъ собиралъ даже военный совѣтъ—изъ начальника инвалидной команды, смотрителя острога и уѣзднаго форстмейстера. На совѣтъ былъ приглашенъ еще одинъ исключенный изъ службы повытчикъ Запрыгинъ, какъ спеціалистъ по части ружейной охоты, но оказался мало полезнымъ, ибо съ недѣлю тому назадъ запилъ (онъ, по несчастью, страдалъ запоемъ) и на всѣ предлагаемые ему вопросы только мычалъ, а потому немедленно запертъ въ кутузку для отрезвленія,—авось потомъ на что-нибудь пригодится. Военный совѣтъ рѣшилъ вступить въ воителемъ въ мирные переговоры и предложить ему упражняться въ стрѣльбѣ на городскомъ выгонѣ, чего ради послать парламентеромъ квартальнаго; но квартальный воротился весь мокрый и съ оторваннымъ обшлагомъ, и объявилъ, что разговаривать съ *ними* благороднымъ манеромъ невозможно, потому что находятся въ нетрезвомъ видѣ, „велѣли своимъ гайдукамъ вылить на меня ведро квасу и угрожали пущимъ насиліемъ"....

Что было дѣлать? Инвалидный начальникъ предложилъ собрать свою „негодницу" и учредить вокругъ дома господина Милонова караулъ, но по мнѣнію другихъ членовъ, это могло бы повести къ кровопролитію и недостигало цѣли. Городничій въ особенности стѣснялся губернаторскимъ секретнымъ ордеромъ; онъ перечитывалъ его десятки разъ и не могъ понять, какъ ему надлежало дѣйствовать въ настоящемъ, непредвидѣнномъ случаѣ. „Имѣть бдительный надзоръ и неослабное наблюденіе, памятуя между прочимъ, что дворянинъ сей, въ разсужденіи правъ персональныхъ, пользуется всѣми огражденіями, благородному россійскому дворянству присвоенными. Во всемъ прочемъ имѣете вы поступать на точномъ основаніи закона и по исполненіи неукоснительно доносить мнѣ".

— Вотъ оно это проклятое „памятуя" да „во всемъ прочемъ",—горячился городничій, тыкая пальцомъ въ бумагу;—и поступай тутъ какъ знаешь!—Вѣрите ли, господа, нѣтъ той бумаги, въ которой бы не было подобной закорючки. Читаешь-читаешь, ни-

чего не поймешь да такъ и предашься на волю Божію!—Это они въ губерніи нарочито такъ темно пишутъ, на пагубу нашего брата. Ей-ей!—Начнешь дѣйствовать по усмотрѣнію—опять бѣда: какъ смѣлъ разсуждать?—порядокъ службы не терпитъ разсужденій.... Я уже давно этакія бумаги постигъ?—складываю ихъ въ одно мѣсто,—да и не подхожу, сторонюсь, какъ отъ нечистой силы.... То ли дѣло взысканіе казенныхъ недоимокъ и иныхъ статей.... Это самое любезное дѣло!—Тутъ ты вѣдаешься съ народомъ простымъ, смирнымъ, и польза есть, и, въ случаѣ чего, всегда отписаться можно.... А то пришлютъ въ городъ этакую чортову куклу, носись съ ней—и прикоснуться не смѣешь, и себя бережешь—а отвѣтственность страшная!

Наконецъ, рѣшено было оставить господина Милонова въ покоѣ,—авось самъ угомонится,—поставить двухъ будочниковъ, чтобы не пропускать народъ проходить по улицѣ мимо его дома, а о случившемся послать въ губернію секретный рапортъ.

Милоновъ освирѣпѣлъ съ того вечера, какъ увидѣлъ стражу у окна Анны Дмитріевны. Онъ не то что бы испугался, или встрѣтилъ неодолимое препятствіе своимъ разбойническимъ подвигамъ—убрать этого инвалида ничего не стоило, но почувствовалъ жестокую обиду. Онъ думалъ властвовать безгранично; думалъ, что его боятся и любятъ, какъ существо выходящее изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ,—а тутъ вдругъ противъ него приняты такія пошлыя, совсѣмъ не романическія мѣры, какъ противъ уличнаго воришки,—сторожъ съ дубинкой... Ему захотѣлось мстить, мстить на всемъ и на всѣхъ. Мертвецки пьяный онъ валялся по-полу, съ пѣною у рта кричалъ „приведите мнѣ Аннушку... Аннушку подайте!“ Потомъ плакалъ навзрыдъ и съ сентиментальностью дикаря хотѣлъ умереть, разлученный съ предметомъ своей пламенной страсти, или убить кого-нибудь и пойти въ Сибирь, чтобъ знала жестокая, что черезъ нея погибъ человѣкъ...

Петръ Иванычъ только-что воротился изъ училища, семья собиралась обѣдать; вдругъ съ трескомъ растворилась на отмашь калитка, и показался господинъ Милоновъ.

Онъ шелъ нетвердыми шагами, едва попалъ на ступеньки крыльца, опрокинулъ въ передней вѣшалку и, войдя въ гостинную, тяжело опустился на первый попавшійся стулъ.

Семья смотрителя въ испугѣ попряталась, защелкали въ дверяхъ замки. Петръ Иванычъ, немного блѣдный, вышелъ къ непрошенному гостю. Алёша въ дѣтской не усидѣлъ, — выскочилъ съ Личардой въ переднюю и сталъ за дверью; ему было любопытно, что случится,—и за отца страшно...

— Имѣю честь рреконмен-доваться,—замычалъ Милоновъ, не вставая. Эрастъ Милоновъ... а ты мнѣ отдай Аннушку... я тебѣ полсостоянія... озолочу... подавишься моимъ золотомъ...

— Извините,—робко заговорилъ Петръ Иванычъ,—вы вѣрно ошиблись... не туда зашли...

— Врешь, рябчикъ!.. я знаю куда зашелъ... подъячій ты, строка!.. Подавай сюда Аннушку... Убью, коли честью не хочешь,—заревѣлъ пьяный гость.

Алёша не вытерпѣлъ, бросился къ отцу.

— Я васъ покорнѣйше прошу выдти изъ моего дома, — твердо и строго сказалъ смотритель.

— Постой... чернильная душа!.. это Аннушкинъ сынишка... ну-да! поди сюда, щенокъ... поди я те голову сверну...

И, махая руками, Милоновъ поймалъ Алёшу за полу, притиснулъ къ себѣ и, положивъ руку ему на голову, глядѣлъ на него какъ-то безсмысленно, качая головой.

Алёша не вскрикнулъ, оцѣпенѣлъ, только чувствовалъ, что рука, будто свинцовая гиря, придавила его темя.

— Оставьте ребенка! что вы, разбойничать пришли?.. Эй, люди!—крикнулъ отчаяннымъ голосомъ Петръ Иванычъ, и кинулся отнимать Алёшу.

— Милоновъ приподнялся, размахнулся кулакомъ,—Петръ Иванычъ наклонился, кулакъ пролетѣлъ надъ его головой, а за нимъ и весь корпусъ господина Милонова грузно хлопнулся на полъ. Вбѣжали люди, взяли посѣтителя за ноги и за руки и понесли вонъ изъ комнаты. Онъ даже не барахтался, хрипѣлъ,

его душили отвратительные позывы тошноты. Пьяные глаза налились кровью.

Орловъ, Артемьевъ и Финогенъ вынесли тѣло на улицу, прислонили къ частоколу и, воротясь, заперли ворота и калитку на запоры.

Въ домѣ смотрителя словно смерть прошла. Обѣдъ разстроился; отецъ шагалъ по комнатамъ блѣдный, мрачный, все твердилъ; „зачѣмъ? почему? съ какого повода?“ мать плакала... Бодрствовала только одна Наталья Лаврентьевна. Всѣ ругательныя слова, какія только знала, старушка высыпала на имя Милонова. Она весьма неискусно и неловко мѣшала Петру Иванычу остаться наединѣ съ женой и старалась свести разговоры на капусту, соленья огурцовъ и другіе невинные предметы. Петръ Иванычъ наконецъ замѣтилъ маневры старухи и сказалъ, что ему нужно поговорить съ Аннушкой съ глазу-на-глазъ.

— О чемъ тебѣ съ ней говорить? Разѣ не видишь, бабѣ отъ испуга да отъ стыда на бѣлый свѣтъ глядѣть тошно, а онъ разговаривать хочетъ!.. Ты разговаривай лучше со мной: я тебѣ всѣ резоны представлю... И старушка разсказала ему встрѣчу на улицѣ послѣ обѣдни; оказалось, что Аннушка виновата въ томъ, что вступила въ разговоръ съ незнакомымъ бариномъ и пригласила его зайти на пирогъ.

— По настоящему, конечно, она и взглянуть на него не должна бы,—прибавила Наталья Лаврентьевна. Да что станешь дѣлать!.. нонѣ нравы стали вольные, почали моды заводить,—и все съ тѣхъ поръ повредилось, какъ французъ пришелъ. Въ старину на этотъ предметъ лучше было и благочестія въ народѣ было больше. Бывало дѣвку, али замужнюю такъ держали, что посторонній глазъ и лица-то ея никогда не видитъ;—а теперь сами виноваты: говорятъ, учтивство надо соблюдать, а черезъ это учтивство-то къ женскому полу и соблазнъ въ міръ входитъ.

— И только... больше ничего не было? нерѣшительно спросилъ Петръ Иванычъ.

— А ты чего еще захотѣлъ? Да что ты это въ голову взялъ? До нешто она у тебя таковская, жена-то твоя? напустилась на него старуха. Никакъ ты, отецъ, съума своротилъ! Я у нее цѣлу недѣлю тутъ гостила. Женщина смирная, богобоязненная, а одно, что какъ она изъ крестьянскаго происхожденія, такъ не можетъ къ господскимъ порядкамъ примѣниться; думаетъ по простотѣ какъ-бы учтивство соблюсти, анъ иной разъ не попадетъ въ настоящій манеръ. Вотъ что!.. а то какъ можно! Да опять же, возьми ты, отъ лихого человѣка развѣ можно уберечься? Ужъ коли злой человѣкъ, такъ отъ него ни крестомъ, ни пестомъ, ни молитвой. Это вонъ все равно, какъ Пугачъ ходилъ (старуха свернула на свою любимую тэму); мало онъ злодѣйскихъ дѣлъ натворилъ? Дворянскихъ женъ и дочерей въ полонъ бывало заберетъ, да вся шайка-то его и почнетъ надъ ними потѣшаться... разбойство, насиліе... вымолвить непригоже. А потомъ дня черезъ три отпуститъ, да еще моли Бога, что живую отпустилъ... И что-жъ ты думаешь—чѣмъ эти несчастныя бабы виноваты? Что-жъ мужья-то да отцы по твоему должны были дѣлать? Казнить ихъ, прогнать, али на народное посмѣяніе выдать? Этого и въ законѣ не показано. Жили себѣ, оплакиваючи втихомолку божеское попущеніе,—и никто корить не смѣлъ. Такъ-то. Ну, у тебя, Богъ миловалъ, ничего такого не дѣялось,—и то вонъ она, голубка, плачетъ; и не стыди ты ее, Петръ Иванычъ, сдѣлай милость, плюнь на все это. А этотъ господинъ Милоновъ, говорю тебѣ, тотъ же Пугачъ, да еще хуже Пугача, потому того по крайней мѣрѣ словили, въ клѣтку заперли и лютой казни предали, а этому что сдѣлаешь? Вольный баринъ! Да еще, пожалуй, онъ тебя шпагой проткнетъ, или какъ застрѣлитъ—и такая у нихъ тоже мода есть. Плюнь да отчурайся!

Петръ Иванычъ крѣпко задумался надъ словами старухи. На душѣ его стало теплѣе, онъ успокоился и за чаемъ былъ необыкновенно нѣженъ съ женою; ухаживалъ за нею, какъ ухаживаютъ за другомъ, перенесшимъ тяжкую болѣзнь. Однако во-

ображеніе его было сильно раздражено: ему всю ночь чудился Пугачъ въ образѣ Милонова, или Милоновъ въ образѣ Пугача, и пробѣгала передъ нимъ вереница всѣхъ ужасовъ Пугачевскаго разгула; онъ вздрагивалъ и шепталъ. „Господи, помилуй насъ!.. да вѣдь это требуетъ мести, крови...“ и какъ всѣ тихіе, смирные люди, онъ съ особеннымъ болѣзненнымъ наслажденіемъ примѣривалъ на себѣ роль безпощаднаго, жестокаго мстителя.

Но мститель нашелся другой.

X.

На другой день Алёша проснулся на зарѣ, накинулъ сѣренькій ватошный халатикъ и потихоньку пробрался въ кухню. Катерина затопила печь, поставила горшки и пошла на базаръ. Въ кухнѣ остались только Алёша съ Личардой. Пошептались они межъ собой и, подпоровъ подкладку халатика, Алёша надергалъ изрядный комъ ваты.

— Ну, а какъ не подѣйствуетъ? замѣтилъ Личарда.

— Молчи. Бабенька говорила, что отъ одного пыжа и то пойдетъ: надо только въ сѣно да въ солому.

Затѣмъ Алёша выгребъ изъ печки уголекъ, завернулъ въ вату, еще подулъ,—и сообщники бѣгомъ пустились черезъ знакомую лазейку.

Солнце еще не всходило. На травѣ и листьяхъ лежалъ ранній сентябрьскій утренникъ. Мальчики остановились у знакомой яблони.

— Ну, ты стой тутъ—командовалъ шопотомъ Алёша. И

коли что увидишь, закричи, а самъ драло... Пусть ужъ я одинъ... слышь, улепетывай!.. я одинъ...

Личарда сталъ за деревомъ, и не только всматривался и прислушивался, онъ разнюхивалъ воздухъ. Было слышно біеніе его сердца. Алёша, согнувшись, прокрался къ дому съ боковой стороны, мигомъ вскарабкался на лѣстницу, приставленную снаружи къ слуховому окну. На мгновеніе онъ пропалъ изъ глазъ Личарды...

Послѣ ночного пьянства весь домъ спалъ мертвецки: даже собаки, свернувшись калачикомъ, лежали неподвижно у конюшни.

Черезъ нѣсколько минутъ мальчики, не помня себя, бѣжали обратно къ своей лазейкѣ; присѣли за навозъ духъ перевести. Алёша легъ на спину, какъ человѣкъ потрудившійся; онъ глядѣлъ самоувѣренно и гордо на дрожавшаго, посинѣлаго Личарду.

— Подождемъ тутъ,—сказалъ онъ. Вишь я всѣ пальцы пережегъ, проклятая вата прогорѣла... Пузыри будутъ... да ништо... А ну, глянь-ка, есть?

— Нѣту ничего... я говорилъ, что не пойдетъ...

Потянулъ легкій вѣтерокъ, какой всегда бываетъ съ восходомъ солнца. На верхушкахъ деревьевъ заигралъ розовый блескъ.

Вдругъ крыша Милоновскаго гнѣзда будто зѣвнула и изъ зѣва ея вылетѣлъ клубъ чернаго дыма. Въ ту-же минуту съ легкимъ трескомъ струйки того же чернаго дыма стали пробиваться во многихъ мѣстахъ сквозь гнилую солому и слились въ одинъ столбъ, высоко и прямо поднявшійся надъ домомъ. Еще мгновеніе—и длинные языки краснаго пламени, торопливо вырываясь изъ густого дыма, побѣжали по крышѣ.

Съ улицы кто-то закричалъ,—послышался тяжелый топотъ бѣгущаго человѣка.... тревога зашевелилась кругомъ...

Маленькіе поджигатели сидѣли уже въ кухнѣ и ковыряли изъ горшка остатки вчерашней каши.

Скоро весь городокъ былъ на ногахъ и въ смятеніи толпился передъ пожарищемъ. Нѣкоторые обыватели прибѣжали съ топорами и ведрами, позже всѣхъ явилась полиція и пожарная команда съ однимъ не совсѣмъ исправнымъ брандспойтомъ, но безъ бочекъ, которыя предварительно поѣхали на рѣку за водою. Впрочемъ тушить разгулявшійся огонь было невозможно, да и безполезно.

Милоновъ въ халатѣ стоялъ спокойно на дворѣ и курилъ трубку. Лошадей его изъ конюшни вывели, экипажъ выкатили, ружья и ковры вынесли, а объ остальномъ онъ не только не горевалъ, даже радостно покрикивалъ, когда огонь забиралъ какой-нибудь уцѣлѣвшій уголъ. Усердныхъ гасителей баринъ разгонялъ арапникомъ. Крыша рухнула, поднявъ ураганъ искръ и пыли.

— Вотъ славно!.. лихо!.. вали его!.. Ай-да пожаръ! Умнѣе этого пожара я еще не видывалъ!.. любовался Милоновъ.

Дѣйствительно, пожаръ былъ „умный". Горящій домъ стоялъ совсѣмъ особнякомъ посередь широкаго двора, однимъ только фасомъ, съ котораго начался огонь, примыкалъ къ саду; конюшни и сарай стояли далеко; горѣть кругомъ было нечему, только близкія деревья пострадали,—листья затлѣли, свернувшись въ трубочку, сучья обуглились. При совершенномъ безвѣтріи сосѣдніе дома были въ полной безопасности.

Городничій вѣжливо, по-военному поздоровался съ Милоновымъ и предложилъ поселиться въ его домѣ.

— Благодарю. Не надо—отвѣтилъ онъ тономъ начальника. У васъ такой поганый городишко, что нѣтъ ни одной гостинницы. Я перейду пока на почтовую станцію.

Отвернувшись къ толпѣ, городничій съ облегчительнымъ вздохомъ примолвилъ:

— Ну, логово сгорѣло, авось и медвѣдя отъ насъ выведутъ!

Изъ сосѣдей только одинъ домъ смотрителя подвергался нѣкоторой опасности; тамъ начали-было укладываться, но Артемьевъ, постоявъ на дворѣ съ поднятой къ верху ладонью, убѣдился,

что вѣтра почти нѣтъ и успокоилъ Петра Иваныча. Орловъ едва разогналъ толпу бабъ и ребятишекъ, которые лѣзли въ окна, напрашиваясь помогать выносить пожитки.

Петръ Иванычъ не велѣлъ трогать изъ комнатъ ни одного стула, однако же на всякій случай вынулъ изъ сундука толстенькій сафьянный бумажникъ, обвязанный ленточкой, положилъ его въ боковой карманъ и принялся отбирать на письменномъ столѣ болѣе важныя бумаги. Углубленный въ эти занятія онъ едва замѣтилъ, что сзади его въ комнатѣ кто-то давно уже всхлипываетъ и сморкается.

— Что съ тобой? окликнулъ Петръ Иванычъ.

— Ничего.... отозвался Алёша, прижавшійся лбомъ къ стѣнѣ.

— О чемъ же хнычешь? Пошелъ къ матери, не мѣшай.

— Папенька... это я... я виноватъ... — глотая слезы, прошепталъ мальчикъ.

— Въ чемъ виноватъ?—Опять что-нибудь набѣдокурилъ!— строго поворотился къ нему отецъ.

— Я... я одинъ... накажите меня, какъ угодно... только я одинъ.... виноватъ... Яшки не было... я зажегъ крышу...

Отецъ бросилъ бумаги и кинулся на него. Алеша зажмурился, безропотно отдавая себя на жестокую расправу...

Но онъ почувствовалъ, что отецъ крѣпко прижалъ его къ груди, отираетъ ему глаза и носъ, цѣлуетъ въ голову и съ нѣжностью шепчетъ: „молчи, сынокъ.—молчи, милый... Вѣдь ты мой голубчикъ родной... Не дамъ я тебя никому въ обиду... только молчи, умничекъ, молчи...“

XI.

Какъ ни тяжело семьянину разставаться съ насиженнымъ гнѣздомъ, однако Петръ Иванычъ старался ускорить свой выѣздъ. Жизнь въ городкѣ ему стала тяжела, занятія и предметы, любезные сердцу, къ которымъ успѣлъ-таки и привыкнуть, теперь опротивѣли. Думалось ему даже, что тутъ онъ напрасно убилъ свои лучшіе годы, и что впереди — въ губернскомъ городѣ — ждетъ его болѣе широкая и привлекательная дѣятельность. Не такъ смотрѣла на дѣло Анна Дмитріевна; ей и вообразить-то было трудно, какъ все это благоустроенное хозяйство должно разориться, и возможно ли въ новомъ мѣстѣ такъ же уютно устроиться? Ей казалось, что какъ только они отсюда выѣдутъ, то и пойдутъ мыкаться по бѣлу-свѣту безъ надежнаго пристанища — и никогда ужъ не согрѣютъ себѣ постояннаго мѣстечка. Сообщила она мужу свои опасенія и предчувствія, а тотъ еще больше напугалъ ея лѣнивую неподвижность: конечно, говоритъ, и въ губерніи засиживаться нечего; подростутъ дѣти—въ столицу махнемъ, — тамъ и я найду себѣ настоящее дѣло. Тамъ свѣтъ, а тутъ что?

Крупныя и цѣнныя статьи хозяйства кое-какъ распродали, а мелочь раздарили. Кто станетъ покупать, когда тутъ люди живутъ, ни въ чемъ не нуждаясь! Домашній скарбъ и обиходъ у всякаго заведенъ кажется на два вѣка; среди сонной, апатичной жизни и вещи-то какъ будто спятъ, неизнашиваются.

Алёшѣ было жалко разстаться съ своими „дядьками"—впрочемъ, отецъ обѣщалъ и этихъ служакъ современемъ перетащить въ С—кую губернію. Замѣчательно выразилась ихъ преданность: они оба просили уволить ихъ изъ училища, — коли не съ Петромъ Иванычемъ, такъ мы и служить не хотимъ? Новый-то еще

неизвѣстно каковъ будетъ, а этотъ былъ для насъ—и отца не надо.—Впрочемъ, не одни сторожа у насъ смотрятъ такимъ образомъ на свою службу.

Бабенька тоже не мало слезъ пролила. Въ семьѣ Слободиныхъ она была дѣйствительно родная: живя на свѣтѣ лѣть семьдесятъ, прапорщица всю родню свою растеряла. Сказывали проѣзжіе купцы, что гдѣ-то, въ Наровчатѣ кажется, живетъ ея двоюродная племянница, замужемъ за лекаремъ,—и хорошо живетъ,—только Наталья Лаврентьевна и не думала къ ней навѣдаться. Здѣсь у нея былъ какой ни на есть, а все-таки свой домишко, получала пенсію, добрые люди и особенно Петръ Иванычъ—дай Богъ здоровья—помогали; а тамъ что?—И городъ-то такой,—вонъ говорится же: „Наровчатъ—одни колышки торчатъ“...

— А къ вамъ, мои внучонки милые,—говорила она дѣтямъ,—безпремѣнно пріѣду. Выростете, будете умниками—и бабеньку свою не забудете. Хоть помирать, а все-таки къ вамъ пріѣду,—легче будетъ душѣ съ тѣломъ разставаться.

Лишь только установился первый санный путь, Петръ Иванычъ купилъ двое окованныхъ розвальней, къ которымъ Финогенъ съ Орловымъ придѣлали кибитки, обили внутри войлокомъ, снарядили какъ слѣдуетъ. Ямщики были договорены знакомые, надежные, и съ условіемъ везти до самаго губернскаго города С., не сдавая другимъ, а то съ этими сдаточными всегда непріятности выходятъ. А везти не меньше 30-ти верстъ въ день. Въ тѣ времена семейные люди все такъ ѣздили—и переѣзды тянулись иногда по мѣсяцу. Спѣшить было некуда, а оно покойно и дешево.

Въ день выѣзда явился отецъ Никонъ, побуждаемый собственнымъ усердіемъ отслужить напутственный молебенъ, при пожеланіи счастія и успѣховъ.—И спокойный Петръ Иванычъ не выдержалъ.—Что-жъ вы, за круглаго дурака что ли меня считаете? вспылилъ онъ.—Лицемѣріе ваше ужъ давно мнѣ извѣстно. Я молчалъ—полагалъ, что въ васъ заговоритъ совѣсть—Увы!—я ошибся. И можетъ ли быть совѣсть у человѣка, который одной

рукой пишетъ доносы, а другой обнимаетъ свою жертву! Мнѣ отвратительны были ваши лобзанія и... и не надо вашихъ благословленій!..—Попъ Никонъ не отвѣтилъ ни однимъ словомъ. а, подобравши подрясникъ, улепетнулъ безъ оглядки.

Пришелъ и Фортификантовъ. Онъ нѣсколько скорбѣлъ. что лишается заработка: рубль въ мѣсяцъ все-таки подспорье бѣдному человѣку. За то ему былъ подаренъ старый хомутъ съ шлеей и возжами. Онъ казался весьма тронутъ ласковымъ вниманіемъ, хотя, по неимѣнію лошади, могъ надѣть этотъ подарокъ развѣ только на собственную выю. Наставникъ искренно заплакалъ, цѣлуя Алёшу, — предсказывалъ ему великую будущность и робко, безнадежно просилъ:

— Найдите вы тамъ моего родного братишку, семинариста Сіонскаго... Онъ весьма бѣдствуетъ; а малый смышленый, учится похвально; онъ отслужитъ вамъ при случаѣ... Не забудьте, Сіонскій, Андріянъ.

Бабенька разсовала по разнымъ мѣшечкамъ крендельки. булочки и пирожки собственнаго издѣлія. Отъѣзжающіе усѣлись— въ одну кибитку Петръ Иванычъ съ женой и Алёнушкой, Финогенъ на облучкѣ; въ другую Алёша, Коля и Личарда съ матерью,— и двинулись въ путь-дорогу. Порошилъ мелкій снѣжокъ. Провожавшіе стояли у воротъ безъ шапокъ до тѣхъ поръ, пока кибитки поворотили къ спуску на рѣку и пропали изъ вида.

Однообразна и бѣдна впечатлѣніями зимняя дорога. Бѣлыя равнины, обнаженные лѣса, опять равнины, морозъ, фырканье лошадей и визгъ полозьевъ,—все клонитъ ко сну, не возбуждаетъ работу мысли, заставляетъ уйти ее въ заколдованный міръ старыхъ воспоминаній, пережитыхъ думъ и ощущеній.

На четвертый или на пятый день путешественники заѣхали въ большое селеніе. Вечерѣло; по избамъ зажигались скудные огоньки.—Вези къ священнику!—закричалъ Петръ Иванычъ, высунувшись изъ кибитки. Подъѣхали къ деревянной церкви, облѣпленной стаей крикливыхъ галокъ, усѣвшихся на ночлегъ.— Остановились; отецъ пошелъ въ какой-то домишко и немного по-

годя воротился, сопровождаемый священникомъ и мужикомъ.— Ступайте дальше, вотъ человѣкъ покажетъ, куда ѣхать,—сказалъ священникъ.

Проѣхали черезъ всю деревню, поднялись на косогоръ и остановились у большой новой, крытой тесомъ избы, стоявшей особнякомъ. Пока отворяли скрыпучія ворота, дѣти высунули свои носы изъ кибитки и подъ крутымъ обрывомъ увидѣли широкую синеватую полосу, на которой тамъ-и-сямъ чернѣли разбросанныя бревна, опрокинутыя на бокъ лодки и извивалась наискосокъ дорожка, проторенная къ недалекому сосновому бору.

— Это рѣка большая,—пояснилъ ямщикъ.

— Ахъ, лѣтомъ тутъ славно должно быть!—вырвалось у Алёши.

Во дворѣ и въ сѣняхъ слышались радостныя восклицанія. „Батюшка!—Аннушка!—Петръ Иванычъ!—Дмитрій Логинычъ!—Вотъ Господь радость послалъ!...“ „Тащи ребятишекъ-то въ горницу!“

Въ жарко натопленную просторную избу, вмѣстѣ съ клубами пара, ввалили всѣ пріѣхавшіе. Хозяинъ суетился; вынесъ вонъ какіе-то канаты; каганецъ съ лучиною замѣнилъ сальною свѣчей въ желѣзномъ шандалѣ,—и побѣжалъ отпустить ямщикамъ сѣна и овса. Финогенъ вносилъ вещи; Катерина ставила самоваръ.

Когда порядокъ установился и вся семья Слободина сидѣла на лавочкахъ вокругъ кипѣвшаго самовара, снова вошелъ хозяинъ. Это былъ мужикъ высокій, худой, но широкоплечій, съ русою рѣденькой бородкой, лѣтъ немного за сорокъ, въ синей рубахѣ и сапогахъ. Анна Дмитріевна встала, подошла къ нему и хотѣла упасть на колѣни; онъ не допустилъ и, поцѣловавъ троекратно, долго смотрѣлъ ей въ лицо, поглаживая по головѣ мозолистой рукою. Въ глазахъ его стояли слезы. Аннушка почтительно поцѣловала его руку.

— Ну, садись, Дмитрій Логинычъ, садись—приглашалъ Петръ Иванычъ.

—Постой, Петръ Иванычъ. Это твои парнишки-то... и дѣвчонка.... только трое? —

—Трое. —

—Чево такъ? По настоящему тебѣ съ этакой бабой, какъ Аннушка, слѣдовало бы цѣлую дюжину припасти.—Ну, познакомимся... у дѣдушки вона какая борода-то, мочалка!—Непріятно это, а все поцѣловаться надо,—нельзя, внучки вѣдь!

Анна Дмитріевна назвала дѣтей по именамъ; всѣхъ охотнѣе пошла къ дѣдушкѣ Алёнка.

Ловко посадивъ дѣвочку на лѣвую руку, Дмитрій Логинычъ сѣлъ къ столу и принялъ отъ дочери чашку чая.

— Душевно радъ, что вижу тебя въ такомъ положеніи. Мы съ женой частенько бывало тужимъ, какъ-то ты тутъ бѣдуешь? а ты слава тебѣ Господи!—Разскажи пожалоста, какимъ это манеромъ случилось, что ты хозяиномъ сталъ, да еще богатѣемъ?—

— Богъ счастья послалъ, Петръ Иванычъ!—мужику вѣдь никто, какъ Богъ... Барыня наша померла и всѣ мы, значитъ, сынку достались. Пріѣхалъ онъ изъ Питера, привезъ управителя изъ нѣмцевъ; завелъ у насъ новые порядки,— только мы и видѣли его. Мое положеніе, самъ знаешь, каково было. Что садовникъ, что дворовый — все одно слово, — бобыль безсемейный. А тутъ Карла Карлычъ взялъ новаго садовника изъ своихъ, тоже нѣмца, а меня въ конюха опредѣлилъ, за то, что я ему не уважилъ. Что дальше, то хуже. Не могу ему покориться и шабашъ,— душа претитъ. Ну, ужъ и онъ меня выглаживалъ... Сталъ я проситься въ тягло къ брату,—куды!—Ни подъ какимъ видомъ. А самъ все лютѣй. Притѣсняетъ, просто хоть руки на себя накладывай.—Ахъ, въ ротъ-те лыко!—думаю, что тутъ дѣлать?— Только—слушай—какъ бымши еще садовникомъ-то, ѣзжалъ я въ городъ и дѣлалъ тамъ прививки въ саду у купца Гаврилы Федулыча Конникова—можетъ слыхали—богатѣйшій купецъ, не то что по нашимъ мѣстамъ, а и въ Москвѣ почтеніе имѣетъ. Только онъ запримѣтилъ меня, стало быть, что дѣло свое понимаю... И полюбился я ему сильно, угодилъ.—Вотъ я къ ему; такъ-и-такъ, разсказалъ свою причину. Порѣшилъ онъ выкупить меня на волю. Я въ ноги.—Однако не удалось, потому баринъ отписалъ,

что энто баловство, а коли не хочетъ, молъ, служить, такъ сослать на поселеніе. Долго хозяинъ вождался съ нѣмцемъ и денегъ не жалѣлъ: мнѣ што, баитъ, Митрій—наплевать!—а какъ ты можешь меня не уважить, когда я энтого хочу? Вѣдь ты меня позоришь, нехристь поганая!—Ну, однако покончили на томъ, что не то я вольный, не то крѣпостной—и самъ не знаю!

— Какъ же это такъ?

— А такъ. Гаврило Федулычъ купилъ меня, да не на свое имя, потому купецъ, а на одного судейскаго секлетаря. А служу я ему; и вотъ теперича онъ мнѣ избу поставилъ, обрядилъ,—какъ видишь, все отъ Гаврилы Федулыча. Мы тутъ лѣсъ его сплавляемъ, плоты гонимъ—и я какъ-бы замѣсто прикащика; грѣхъ сказать, житье хорошее, всѣмъ доволенъ. Ну, а какъ вдругъ энтотъ секлетарь къ себѣ потребуетъ,—ты мой, дескать... Что я тогда?—сказывалъ я Гаврилѣ Федулычу, не равенъ-молъ часъ, либо ты помрешь, либо секлетарь, какое мое тогда будетъ званіе?—Такъ онъ даже выругалъ меня;—на волю, говоритъ, подлецъ, захотѣлъ. А я: да ужъ коли будетъ такая ваша великая милость, все одно я вашъ рабъ и повиненъ служить по гробъ. Посумнился,—врешь, говоритъ, обманешь. Оно и точно, Петръ Иванычъ, коли по совѣсти молвить, я бы обманулъ. Чуть вольный, сейчасъ бы ушелъ...—Дмитрій разсмѣялся.

—Зачѣмъ же, вѣдь онъ твой благодѣтель?

— Хоша бы и то, а воля-то, чай, прежде насъ родилась... хе-хе.—Теперича вотъ лѣсное дѣло я понялъ во всей тонкости, да будь вольный человѣкъ—почемъ знать—самъ бы въ хозяева вышелъ! Нетокма что съ полѣсовщиками, объѣздчиками,—съ самимъ лѣсничимъ умѣю обойтись. У меня бы самовольной порубки никогда не произошло, небось!—И зналъ бы я, что изба—моя, скотина—моя, все мое. Силу бы получилъ. Да какъ можно? вольный человѣкъ самъ себѣ голова, а не то что взяли тебя, да взашей. Мы это тоже смѣкаемъ.

Алёша впился въ разсказы дѣдушки. Въ нихъ ему слышалось что-то знакомое, вполнѣ созвучное съ тѣмъ строемъ понятій,

до которыхъ его маленькій умишко успѣлъ уже додуматься. И вспомнилось ему, какъ привели Финогена съ женой и Личардой,—худыхъ, голодныхъ, оборванныхъ;—какъ на базарѣ зарокоталъ глухой барабанъ.... и все это чуднымъ образомъ сливалось въ одну картину съ разсказами дѣдушки...

Слободины прогостили у Дмитрія Логиныча съ недѣлю. Тутъ подоспѣлъ большой праздникъ—зимній Микола; брагу варили, пироги пекли съ севрюжиной; веселье было необыкновенное по всему селу. Алёша съ Личардой бѣгали на рѣку, завели обширное знакомство съ ребятишками и отлично выучились гонять кубарь по льду.—Анна Дмитріевна была вполнѣ счастлива и не разъ говорила: „то ли дѣло этакое-то привольное житье?—вѣкъ бы тутъ осталась, чѣмъ томиться по городамъ, гдѣ все на политикѣ, а народъ живетъ коварный и злой“. Добродушный Петръ Иванычъ подсмѣивался надъ словами жены, а сынъ отзывался на нихъ серьезно и сочувственно. Онъ съ любопытствомъ глядѣлъ на дѣдушку, наблюдалъ всю обстановку его крестьянскаго быта, разспрашивалъ: какъ лѣсъ рубятъ, плоты вяжутъ, и куда ихъ сплавляютъ. Занятія дѣдушки, близкія къ природѣ и нетребующія „господской“ науки, чрезвычайно нравились мальчику. „Какъ бы славно было,—думалъ онъ,—когда выросту большой, жить такъ, какъ дѣдушка, и заниматься такимъ же веселымъ дѣломъ въ лѣсахъ, да на большой рѣкѣ“!—Но тутъ же возникъ въ его головѣ вопросъ: отчего дѣдушка такъ крѣпко тужитъ по волѣ?—И что такое воля?—И остановился онъ пока на томъ, что если человѣка не бьютъ и не продаютъ—это и есть воля. А такъ какъ людей бьютъ и продаютъ одни только господа, то Алёша еще болѣе утвердился въ давнишнемъ своемъ намѣреніи—не хочу я дворянской науки....

Наконецъ, пора было пуститься въ дальнѣйшій путь. Передъ прощаньемъ, Дмитрій Логинычъ сказалъ зятю, кланяясь въ поясъ, такую рѣчь:

— Спасибо тебѣ, Петръ Иванычъ, за ласку. Хоша ты баринъ, а не погнушался нашимъ братомъ — мужикомъ. Господь

Богъ тебя наградитъ за это; вѣдь ты для меня, кормилецъ, такое сдѣлалъ, что никакъ больше Свѣтла-Христова Воскресенья! Человѣкъ я одинокій, не далъ мнѣ Господь другого счастья окромя васъ. Уже не знаю, чѣмъ тебѣ и отслужить за одно то, что ты Аннушку мою такъ выхолилъ.... глянь, какая она гладкая стала. А ребятишки твои — ужъ не знаю что и молвить... Тѣ еще махонькія, а въ Алёшкѣ я и души не чаю,—такой паренёкъ, что на удивленье! — И вотъ что тебѣ скажу, не погнѣвись, Петръ Иванычъ, — ты баринъ и кормитъ тебя теперича служба государская, хорошо, — а неровенъ часъ, коли что пойдетъ не ладно—оборони Богъ, только оно бываетъ и съ большими господами,—случись тебѣ бѣда, али тѣснота какая, вспомни ты Митрій Логинова—не побрезгуй, родимый... А про твою милость у Митрія найдется завсегда... Не токма сотни,—тыщи потребуются—и тыщи найдемъ!—Ты не смотри, что мы лапотники... И великъ будетъ для меня тотъ день, когда сослужу тебѣ мою вѣрную службу... Не погнѣвись, что я такъ спроста тебѣ баю....

Съ этимъ словомъ Дмитрій повалился въ ноги Петру Иванычу.

Опять та же зимняя дорога, тѣ же трескучіе морозы, та же суровая, однообразная природа... А въ кибиткѣ, подъ медвѣжьимъ одѣяломъ неустанно кишатъ въ дѣтской головкѣ горячія мысли. Все пережитое встаетъ широкою и пестрою картиной, полною смысла и пророческаго значенія.

Прощай, бѣдный городокъ!—Прощай дѣтство!—Для Алёши оно уже кончилось, осталось позади. Добромъ или лихомъ современемъ помянетъ Алёша свое дѣтство, а все же оно легло устойчивымъ балластомъ въ основу его характера и міровоззрѣнія, сдѣлало его сыномъ родной земли, глубоко-способнымъ радоваться ея радостями, болѣть ея страданіями и чутко понимать ея кровныя нужды... Но людямъ, прошедшимъ такую школу,

рѣдко удается возвратить милой родинѣ хоть зерно изъ той жатвы, которую она же въ нихъ посѣяла... Бросаютъ зерна въ благодатную всепринимающую русскую почву совсѣмъ другіе люди, выходящіе совсѣмъ изъ другой школы (мы встрѣтимся и съ ними); а эти—голытьба худородная—всегда почти кончаютъ скверно; большинство ихъ тонетъ, захлебываясь мутными волнами мелкой повседневной жизни; порой нѣкоторые изъ нихъ этими же волнами выбрасываются на поверхность, но и тутъ они являются, какъ нарывъ, указывающій только на больное мѣсто общественнаго организма... Въ житейской толчеѣ они пропадаютъ безполезно, безслѣдно, — а часто — и безславно.... Правда изъ нихъ же выходятъ подъ-часъ и Ломоносовы, и Сперанскіе.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

I.

Общество губернскаго города С., куда переселилась наша семья, то-есть зажиточные и чиновные обыватели, было внезапно взбудоражено необыкновеннымъ событіемъ.

Въ мѣстномъ батальонѣ военныхъ кантонистовъ, между мальчиками-евреями обнаружилось поголовное желаніе принять православную вѣру. Архіерей, увѣдомленный объ этомъ батальоннымъ командиромъ, посѣтилъ казарму кантонистовъ, бесѣдовалъ съ неофитами и убѣдился, что желаніе ихъ не возбуждено угрозами, или приманками земныхъ благъ, а возникло изъ твердаго убѣжденія въ превосходствѣ и чистотѣ истинъ христіанскаго ученія. Въ первое же воскресенье преосвященный сказалъ въ соборѣ прекрасную проповѣдь и пригласилъ именитыхъ гражданъ, ревнующихъ о славѣ имени Христова, быть воспріемниками отъ купели сихъ отроковъ, заблуждавшихся, но нынѣ возжаждавшихъ спасенія души и жизни вѣчной.

Человѣкъ пятьдесятъ сыновъ Израиля послѣ обѣдни были

введены фронтомъ въ церковь и немедленно разобраны высшими лицами губернской администраціи, дворянства и первостатейнаго купечества; многимъ, желавшимъ пріобрѣсти духовныхъ дѣтей — таковыхъ недостало.

Слѣдующее воскресенье было назначено для совершенія таинства крещенія въ тѣхъ приходскихъ церквахъ, въ которыхъ воспріемники состояли прихожанами.

Дѣло это возникло не вдругъ, оно давно уже втихомолку созрѣвало въ стѣнахъ батальонной казармы.

Годъ тому назадъ въ городъ С. пришла большая партія евреевъ-кантонистовъ, уроженцевъ западныхъ губерній. Впредь до распоряженія они были расквартированы въ пригородной слободкѣ; пора стояла лѣтняя—и весь городъ, томившійся застоемъ сонной жизни, обрадовался появленію невиданныхъ пришельцевъ: большая толпа глазѣла на улицѣ, когда по барабану выстраивалась въ двѣ шеренги эта сѣрая команда мальчугановъ. По фронту расхаживали строгіе дядьки, повѣряя ряды, оправляя безобразно-надѣтыя на уши фуражки, и обдергивая мѣшкомъ сидѣвшія широкія шинели. У каждаго дядьки, какъ у ловкаго фокусника, иногда мгновенно выскакивала изъ рукава маленькая плеточка и, мелькнувъ разъ-два, живо пряталась опять на свое мѣсто. Видно было, что ребятишки еще не приспособились молодцовато носить военную одежду, но уже привыкли къ колотушкамъ, при полученіи которыхъ не пищали, а только слегка хмурились. Передъ фронтомъ посерединѣ стоялъ офицеръ, заставлявшій ихъ много разъ кричать: „здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе“, пока этотъ крикъ не выходилъ въ надлежащую мѣру дружнымъ и веселымъ; командовалъ: „на-пра-во! на-лѣ-во!“ и потомъ распускалъ войско по квартирамъ. Спектакль незатѣйливый, ученье гарнизоннаго батальона гораздо занимательнѣе. Но обыватели С. не видывали никакихъ инородцевъ, кромѣ татаръ, мордвы и калмыковъ, къ этимъ они уже приглядѣлись, привыкли, находили въ нихъ все свое, близкое, и даже не считали ихъ инородцами; а тутъ появились экземпляры новой,

маловиданной людской расы, и, конечно, возбудили оживленные разговоры.

Слово „жидъ“ изстари извѣстно всей Россіи, какъ слово ругательное, но въ описываемое нами время, въ восточной полосѣ нашего отечества, живой, настоящій еврей былъ явленіемъ необыкновеннымъ. Общеизвѣстные толки о томъ, что евреи похищаютъ христіанскихъ младенцевъ, которыхъ кровь имъ необходима для совершенія пасхальныхъ обрядовъ, возникли въ разныхъ уголкахъ города С. между любителями *ученыхъ* разговоровъ, и, конечно, подобные толки, проходя въ массу, не могли сочувственно расположить населеніе къ бѣднымъ, оторваннымъ отъ семьи еврейчикамъ. По вечерамъ они высыпали на улицу и затѣвали игру въ мячъ; городскіе мальчуганы смотрѣли на нихъ, стоя въ сторонѣ и дѣлая обидныя, насмѣшливыя замѣчанія надъ жалкими фигурками и непріятно-гортанною ихъ рѣчью; особенное вниманіе обращено было на ихъ уши—дѣйствительно большія и торчавшія въ видѣ парусовъ.

— У-у! свиное ухо!—закричалъ кто-то въ толпѣ. Восклицаніе это повторилось двадцатью разными голосами при всеобщемъ хохотѣ.

Евреи бросили игру, сплотились въ тѣсную кучку и показывали кулаки. Русская толпа, въ которой между мальчишками видны были и взрослые мастеровые въ фартукахъ и ременныхъ кружкахъ на головѣ, двинулась дружно впередъ, евреи обратились въ постыдное бѣгство. Толпа разразилась хохотомъ; очевидно, аттака была ложная, для пробы. Подобныя потѣхи повторялись ежедневно. Взаимное раздраженіе росло; толпа зрителей увеличивалась. Однажды къ обычнымъ крикамъ „свиное ухо“ какой-то бывалый парень присоединилъ штуку невыносимо-обидную: изъ полы своего халата сдѣлалъ совершенное подобіе свиного уха; эта штука чрезвычайно понравилась публикѣ, и мальчуганы, какъ застрѣльщики, выскакивали впередъ, поднося подъ самый носъ евреямъ свернутыя полы своей одежонки. Евреи обозлились и загудѣли, обращаясь къ одному изъ своихъ товарищей стар-

шему лѣтами и выше всѣхъ ростомъ: „Нухимъ! Нухимъ! а ну!—ну!“—Долговязый Нухимъ выдвинулся впередъ; желтовато-смуглое, сухощавое лицо его побѣлѣло, глаза сверкнули злостью; онъ бормоталъ коверкая всѣ извѣстныя ему русскія ругательства. Немедленно въ лицо Нухима влѣпился комъ сухой грязи и запорошилъ ему глаза. Ничего не видя, Нухимъ, какъ бѣшеный, крикнулъ: „ой, гевултъ!“ и ринулся въ русскую толпу; за нимъ съ пронзительнымъ визгомъ шарахнулись единоплеменники. Обѣ стороны смѣшались; кулаки работали, нѣсколько носовъ расквашено до крови. Въ самомъ разгарѣ свалки раздался командный крикъ унтеръ-офицера: „Это что?—по домамъ!—Смирно! сволочь треклятая!“ — Но команды никто не слушалъ; тогда выскочила изъ рукава волшебная плетка и пошла стегать сражавшихся по чемъ попало. И это средство не вдругъ подѣйствовало: разгоряченные успѣшнымъ боемъ кантонисты забыли всякую дисциплину: иной, получивъ ударъ плетью по головѣ и увертываясь отъ другого удара, все-таки наровилъ дать тумака стоявшему передъ нимъ непріятелю. Наконецъ сраженіе кончилось, кантонисты кинулись въ разсыпную по квартирамъ; появившіеся съ разныхъ сторонъ дядьки переловили съ десятокъ бѣглецовъ и повлекли въ пустой огородъ для расправы. Русская толпа радостно кричала имъ вслѣдъ: „Ага, ага! попались, жиденята! хорошенько ихъ, хорошенько отлупите, господа служивые! Чтобъ они помнили, что живутъ на нашей землѣ, нашъ хлѣбъ ѣдятъ... Проклятые—Христа распяли, да еще думаютъ съ нами равняться!“

Получившіе приличную порку, израильтяне все-таки не могли никакъ признать себя виноватыми, не они были зачинщиками,—но тѣмъ не менѣе они сознали одну очевидную истину, что тутъ дѣло вовсе не въ правѣ и не въ справедливости, а въ томъ, что они на чужой сторонѣ и что кругомъ всѣ ихъ ненавидятъ и презираютъ.

Кажется, это былъ первый практическій урокъ, открывшій евреямъ секретъ настоящаго ихъ положенія, потому что объ этомъ происшествіи велись между ними горячіе, нескончаемые разговоры.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ полковникъ и, обойдя шеренги кантонистовъ, отдѣлилъ пятьдесятъ человѣкъ, которые должны остаться въ мѣстномъ батальонѣ, а остальные отправлялись по маршруту въ другіе города. Горько плакали остающіеся при разлукѣ съ товарищами; имъ казалось, что теперь разрывается послѣдняя связь ихъ съ прошлымъ, отнимается послѣдняя искра какой-то смутной надежды на будущее, что они окончательно погибли на чужбинѣ.

Съ такими горькими мыслями эти пятьдесятъ мальчиковъ вступили въ дверь казармы батальона военныхъ кантонистовъ.

Суровые порядки этихъ приснопамятныхъ заведеній, кажется, принаровлены были единственно къ тому, чтобы въ дѣтяхъ заглушить все человѣческое и выработать изъ нихъ деревянныхъ *исполнителей* самой грубой машинной самодѣльщины.

Нельзя однакожъ сказать, чтобы начальство заведенія утѣсняло еврейскихъ мальчиковъ болѣе, чѣмъ христіанъ: безпощадная дисциплина практиковала самое абсолютное равенство. Но русскіе находили еще нѣкоторыя утѣшительныя стороны въ своемъ положеніи, —они имѣли въ городѣ родныхъ и знакомыхъ, къ которымъ ходили по праздникамъ; у нихъ водились деньжонки — великое дѣло во всякомъ положеніи; наконецъ, бѣды, ихъ постигавшія, возбуждали въ товарищахъ сожалѣніе, сочувствіе. — Для евреевъ весь міръ за оградою казармы не существовалъ; грошей, вынесенныхъ изъ родительскаго дома, не хватило и на полдороги, благодаря заботливости сопровождавшихъ партію унтеръ-офицеровъ, а наказанія, сыпавшіяся на еврейскую спину, возбуждали во всей казармѣ градъ насмѣшекъ, ту жестокую веселость, которая свойственна дѣтямъ вообще и преимущественно дѣтямъ, лишеннымъ мягкаго семейнаго вліянія. Насмѣшки сыпались не только по поводу наказаній, предметомъ ихъ были всѣ особенности евреевъ — ихъ языкъ, привычки, понятія и религіозные обряды.

Извѣстенъ корпоративный духъ евреевъ, —и тутъ, подъ двойнымъ гнетомъ, онъ проявился въ полной силѣ: мальчики спло-

тились въ тѣсную, единодушную группу и немедленно въ этой группѣ нашлась личность, за которою всѣ безмолвно признали права неограниченной власти. Это былъ Янкель Авербухъ, коренастый малый, лѣтъ 16-ти, рыжій, почти безобразный, въ веснушкахъ, съ непомѣрно большою головой и упорными карими глазами.

Этотъ рыжій Янкель держалъ себя особнякомъ, ни съ кѣмъ не сближался, никто не видѣлъ его смѣющимся,—забьется въ какой-нибудь дальній уголъ и съ плачемъ читаетъ свою молитвенную книжку. Онъ былъ ученѣе товарищей, провелъ три года у раввина въ училищѣ и съ неустанною точностью, несмотря ни на какія препятствія (а препятствій было много), исполнялъ всѣ предписанія обрядового еврейскаго закона. Притомъ зоркій глазъ его строго наблюдалъ за товарищами, и достаточно было одного его слова, чтобы нерадиваго, или равнодушнаго къ субботѣ они избили до полусмерти. Всѣ ссоры и споры между евреями Янкель рѣшалъ безапелляціонно. Говорилъ онъ мало, загадочно и какъ „власть имѣющій“; большую часть своихъ распоряженій передавалъ черезъ Юдку Когана, двѣнадцатилѣтняго мальчика, съ бѣлорозовымъ дѣвическимъ личикомъ и покорнымъ печальнымъ взглядомъ, который нѣсколько портила всегдашняя краснота вѣкъ. Юдка былъ единственный близкій человѣкъ и вѣрный истолкователь повелѣній Янкеля.

Прежде всего Янкель приказалъ своей общинѣ буквально и слѣпо исполнять всѣ требованія начальства, помогалъ слабымъ и самъ подавалъ имъ примѣръ исполнительности; исправнѣе евреевъ никого въ батальонѣ не было. Это скоро было замѣчено начальствомъ, Янкель сдѣлался любимцемъ ротнаго командира; но начальственныя заигрыванія и поощренія однакожъ не вызывали въ немъ никакой благодарности, онъ принималъ ихъ сухо, даже угрюмо и просилъ только одной милости — не давать бѣдныхъ евреевъ въ обиду. Иногда Янкель безъ всякой видимой причины вдругъ отдавалъ секретный приказъ, чтобы никто не смѣлъ чистить сапоги, или ѣсть что-нибудь за обѣдомъ—и приказъ ис-

полнялся свято, хотя за нечищенные сапоги больно били, а отъ голода въ желудкѣ дѣлались спазмы. На робкій вопросъ хорошенькаго Юдки: „зачѣмъ это?“ — онъ отрѣзывалъ лаконическое „такъ нужно“ — и, принявъ суровый видъ, не входилъ ни въ какія объясненія. Онъ какъ будто пробовалъ силу своей власти надъ единоплеменниками и испытывалъ ихъ терпѣніе.

Такъ какъ раввина достать было негдѣ, а начальство не могло допустить, чтобы мальчики воспитывались внѣ всякой религіи, то признано удобнымъ, чтобы разъ въ недѣлю они собирались въ особый классъ для чтенія Ветхаго Завѣта подъ руководствомъ православнаго законоучителя. Отецъ Василій, человѣкъ чрезвычайно мягкій, а больше апатичный, не позволялъ себѣ касаться еврейскихъ убѣжденій; онъ небрежно обходилъ спорные пункты и съ добродушнымъ любопытствомъ выслушивалъ ихъ талмудистскія толкованія. Евреи его полюбили и охотно ходили въ классъ; изъ всего начальства отецъ Василій былъ для нихъ единственный ласковый человѣкъ. Однажды какъ-то онъ прочелъ имъ изъ краткой священной исторіи главу о пророкахъ и, увлекшись, пустился объяснять смыслъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ; поощренные всегдашнею его снисходительностью, мальчики дерзнули поднять споръ, окончившійся, конечно, не въ ихъ пользу. Янкель молчалъ и изподлобья сверкалъ глазами на своихъ наивныхъ, разбитыхъ на-голову товарищей... Послѣ этого цѣлую недѣлю онъ убѣгалъ въ темные закоулки, и никто не слышалъ отъ него ни одного слова. Юдка насилу добился, что̀ прогнѣвило Янкеля и чего онъ хочетъ, и волю Янкеля секретно сообщилъ своимъ.

На слѣдующій разъ евреи въ теченіи всего класса сидѣли молча, не отвѣчая на вопросы отца Василія, который, замѣтивъ что тутъ кроется злостный уговоръ, сѣлъ на учительское мѣсто и спокойно принялся читать принесенную съ собою книгу. Просидѣвъ свой часъ, онъ вышелъ, повидимому не придавъ никакого значенія поведенію учениковъ.

Они ждали бѣды, но Янкель торжественно и съ увѣрен-

ностью сказалъ, что бѣды никакой не будетъ. И точно, гроза прошла мимо; для евреевъ стало ясно, что Янкель умолилъ Бога, а потому учитель и не пожаловался полковнику, такъ ему Богъ повелѣлъ... Авторитетъ Янкеля пріобрѣталъ мистическую силу.

Между тѣмъ это дѣло замяли просто потому, что батальонъ ожидалъ со-дня-на-день инспекторскаго смотра, на которомъ должно быть блистательно обнаружено передъ начальствомъ, что *во ввѣренной части* все обстоитъ благополучно.

И дѣйствительно, смотромъ генералъ остался очень доволенъ, благодарилъ командира и офицеровъ; въ заключеніе спектакля вызвалъ впередъ евреевъ, велѣлъ имъ окружить себя и, подозвавъ полковника, спросилъ: „довольны-ли вы ими?" — Но еще не успѣлъ полковникъ поднять руку подъ козырекъ, инспекторъ уже гаркнулъ: „спасибо ребята!"

— Ради стараться ваше-ство!— Знаю, что ведете себя хорошо. Изъ васъ выйдутъ вѣрные слуги государю и отечеству. Молодцы! Только надо отвыкать отъ старыхъ привычекъ, вредныхъ предразсудковъ. Понимаете вы меня? — Понимаемъ, ваше-ство!—Смотрите-же, помните, что у насъ царь одинъ и Богъ одинъ. Въ будущій разъ желалъ бы васъ поздравить съ новой честью и назвать своими дѣтьми наравнѣ съ прочими. Еще разъ— спасибо!—Ради стараться, васство!

— Кто изъ нихъ на лучшемъ счету у васъ, полковникъ?

— Авербухъ, ваше-ство. Авербухъ, три шага впередъ!

— Поздравляю тебя ефрейторомъ.—Ну, что же ты?

— Отвѣчай рра... почти беззвучно шевелилъ губами полковникъ.

— Благодару вамъ покорно,—апатично проговорилъ Янкель.

— Дурракъ!.. крикнулъ генералъ, но въ ту же минуту разсмѣялся.—Столбнякъ нашелъ, а? растерялся, ха, ха, ха! — Рекомендую вамъ, полковникъ, заняться имъ хорошенько. Исправность, исполнительность—качества похвальныя, но военное образованіе впереди всего, оно—душа солдата. Займитесь имъ, и въ будущемъ году представить мнѣ его особо.

Возвеличенный вниманіемъ начальства, Янкель на другой же день по отъѣздѣ инспектора былъ вызванъ на квартиру полковника и тамъ выдранъ, хотя келейно, но такъ внушительно, что новый ефрейторъ понялъ съ-разу, что генеральское „рекомендую“ не пропало даромъ—имъ начали заниматься.

Какъ ни старался Янкель, но за нимъ безпрестанно стали оказываться разныя провинности. Криво пришитая пуговица, отсутствіе подтяжекъ, неопрятность въ камерѣ во время его дежурства и проч. Кромѣ того онъ почему-то становился отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ проступки и неисправности товарищей. За все и про все отвѣчалъ Янкель, и наказанія сыпались на него изъ рога изобилія. Къ полковнику для келейныхъ внушеній его не водили, правда, и въ ротѣ торжественно подъ розги не клали,—но поминутныя зуботычины, почти безсмѣнное дежурство днемъ и ночью, вѣчная брань—дѣлали его существованіе нестерпимымъ. А онъ все переносилъ стоически, безъ унынія и ропота и съ тайнымъ наслажденіемъ прислушивался, когда товарищи плакали объ участи своего Янкеля, называя его святымъ, мученикомъ. Онъ не утѣшалъ ихъ, а хвастливо щеголялъ передъ ними своимъ равнодушіемъ.

Дѣла въ классѣ отца Василія тоже не могли оставаться въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи; онъ объявилъ ученикамъ, что „такъ какъ вы, ребята, весьма плохо читаете по-русски, то порядокъ занятій учреждается слѣдующій: одинъ изъ васъ поочереди будетъ читать вслухъ страничку изъ Священной исторіи, а потомъ я буду бесѣдовать съ вами о прочитанномъ; для этого вамъ будутъ розданы книжки, на пять человѣкъ одна, которыя прошу приносить съ собою“.

Но въ слѣдующій разъ книжки были забыты учениками въ камерахъ, и за это весь классъ, вмѣсто обѣда, отправился на плацъ упражняться тихимъ учебнымъ шагомъ въ три пріема, при чемъ человѣкъ пять были высѣчены (въ числѣ ихъ и хорошенькій Юдка) за то, что при маршировкѣ мало вытягивали носокъ и безобразно садились на колѣни.

Послѣ этого, казалось, порядокъ въ классѣ водворился; однако у перваго очередного ученика, который плаксивымъ голосомъ прочелъ страничку о жертвоприношенiи Авраама, на другое утро казенные сапоги оказались изрѣзанными въ мелкiе куски. Произведенное ротнымъ командиромъ строжайшее слѣдствiе не открыло виновныхъ, въ чемъ, впрочемъ, и особенной надобности не предстояло, ибо пострадали болѣе или менѣе всѣ евреи.

Однажды въ классъ отца Василiя внезапно вошелъ полковникъ; читать поочереди приходилось Юдкѣ. Мальчикъ всталъ, взялъ книжку, густая краска разлилась по его бѣлому нѣжному лицу, губы дрожали. Едва-едва прочелъ онъ, заикаясь, двѣ-три строчки, бѣгло взглянулъ на Янкеля и остановился.

— Ну, что-же остановился?—ты, дѣвчонка, читай!—освирѣпѣлъ полковникъ.

Юдка молчалъ. По розовымъ щекамъ побѣжали слезы.

— Ага! это упорство. — Вотъ я васъ, ракалiи, переберу! Отойди ты въ сторону; подай сюда книжку. Авербухъ, на, читай!—и съ этимъ словомъ начальникъ сунулъ книгу Янкелю.

Товарищи поблѣднѣли, замерли, ожидая, что́ будетъ.

Янкель безсознательно принялъ книгу отъ полковника; но вдругъ будто проснулся — швырнулъ книгу на полъ, отряхнулъ руки и, отбирая ладони о рукава куртки, обвелъ вокругъ себя взглядомъ полнымъ злобы и ненависти, затѣмъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Всѣ остолбенѣли, даже полковникъ не вдругъ могъ выговорить слово...

Но моментъ оцѣпенѣнiя прошелъ и послѣдовала развязка, соотвѣтствующая трагичности случая. Первымъ подвергся наказанiю Юдка; въ это время на рыжаго Янкеля страшно было смотрѣть: лицо его судорожно, безобразно исказилось, но ни одной слезы, ни одного мягкаго душевнаго движенiя на немъ не мелькнуло... Когда наступила его очередь лечь подъ розги, онъ какъ-то облегчительно вздохнулъ, какъ будто самая тяжкая часть операцiи для него кончилась; но вдругъ съ пѣною у рта упалъ

навзничь,—въ борьбѣ съ напряженіемъ воли, организмъ не выдержалъ. Посинѣлаго Янкеля отнесли въ лазаретъ.

Евреи совершенно упали духомъ. Они привыкли двигаться волею Янкеля и теперь не знали, чтó имъ дѣлать, въ какую сторону идти... Нужно было непремѣнно войти въ сношеніе съ Янкелемъ. На третій день къ нему въ лазаретъ пробрался Юдка и принесъ оттуда товарищамъ странныя, смутныя извѣстія: къ Янкелю ночью приходилъ какой-то старецъ и сказалъ ему нѣсколько словъ величайшей важности... Старецъ этотъ былъ самъ праотецъ Авраамъ, а чтó сказалъ онъ, объ этомъ объявить теперь нельзя. Ждите. Каждый день Юдка приносилъ товарищамъ вѣсти все болѣе и болѣе загадочныя: Янкель уже выздоровѣлъ; — Янкель вчера цѣлый день пробылъ у полковника, но въ роту явится не скоро—Янкель теперь сидитъ — читаетъ книжки, какъ приказалъ ему являвшійся вторично Авраамъ, съ другимъ еще болѣе великимъ старцемъ;—и когда все будетъ *готово*, Янкель придетъ и объявитъ, а до тѣхъ поръ приказываетъ: оставаться покойными и къ нему не приходить.

— Даже мнѣ запретилъ навѣдываться,—грустно прибавилъ Юдка, и кроткое, дѣвическое личико его омрачилось непривычною серьёзною думой. Онъ не могъ поднять на товарищей своихъ печальныхъ глазъ, боясь выдать предчувствуемую имъ разгадку тайны Янкеля.

Черезъ двѣ недѣли Янкель явился въ роту. Это было утромъ въ классѣ отца Василія, который по болѣзни не пришелъ.

Янкель самоувѣренно занялъ его мѣсто и обратился къ товарищамъ съ еврейскою рѣчью. Долго говорилъ онъ и, казалось, съ каждымъ словомъ выростала его сутуловатая фигура. Голосъ звучалъ властью, въ немъ не было ни одной сомнительной или кроткой ноты, а мѣстами, когда ораторъ замѣчалъ между слушателями глухое, несмѣлое жужжаніе, рѣчь его переходила въ рѣзкій крикъ угрозы и негодованія... Онъ заключилъ такъ:

— Объявляю вамъ, это воля Іеговы. Въ дома нашихъ отцовъ намъ никогда не воротиться, да и незачѣмъ. Надо смо-

трѣть впередъ, а кто смотритъ впередъ, тотъ пойдетъ за мною. Не говорю вамъ, что еврейскій законъ—дурной законъ; но исполнять его здѣсь мы не можемъ: нѣтъ раввина, нѣтъ синагоги, нѣтъ у насъ и субботы; — и ѣдимъ мы все трефное, гнѣвимъ Бога на каждомъ шагу,—стало быть, мы совсѣмъ дурные евреи. А зачѣмъ быть дурнымъ евреемъ, если можешь быть хорошимъ христіаниномъ? Намъ будетъ большая честь и деньги у насъ будутъ; съ деньгами мы займемся мастерствомъ и всѣ русскіе будутъ въ насъ нуждаться, потому что мы умные люди. Насъ никто не принуждаетъ, помните это твердо. Мы грѣшили передъ начальствомъ, и я больше васъ всѣхъ виноватъ; вотъ на этомъ самомъ полу по моей винѣ проливалась ваша кровь... Такъ я хочу, чтобы по моей же винѣ вы возрадовались и жили счастливо. Такъ повелѣлъ Богъ, аминь! — Ну, подходите ко мнѣ всѣ, кто со мной согласенъ.

Робко подошелъ къ нему первымъ Юдка и зарыдалъ. Янкель поцѣловалъ его крѣпко, потомъ положилъ руку ему на голову и съ необыкновенною нѣжностью примолвилъ:—Милый, возлюбленный братъ, ты всегда будешь со мною... Прости меня за все!.. много ты потерпѣлъ черезъ меня...

Они еще поцѣловались, и даже Янкель заплакалъ.

Эта сцена сильно—сильнѣе всякихъ разсужденій—ударила на дѣтское чувство, давно уже незнавшее словъ любви и нѣжности. Подъ вліяніемъ мгновенно-вспыхнувшаго энтузіазма, вся толпа кинулась обнимать своего вождя-мученика, который не могъ видѣть страданій своихъ братій и которому являлся самъ Богъ, чтобы освѣтить душу его новымъ свѣтомъ...

II.

— Петръ Иванычъ, ты познакомь меня съ супругой-то твоей. Что это въ самомъ дѣлѣ за чепуха—держать жену взаперти! Точно ты турокъ какой... я хочу, чтобы она была моей кумушкой.

Такъ говорилъ предсѣдатель казенной палаты, статскій совѣтникъ и кавалеръ Ѳедоръ Ѳедорычъ Міроносцевъ, высокій, серброголовый старый холостякъ, по протекціи котораго Слободинъ благоденствовалъ ассесоромъ и мѣтилъ уже въ совѣтники.

— Ваше превосходительство, вы оказываете намъ величайшую честь, но... мы люди простые, маленькіе,—мы должны знать свое мѣсто...

— Чепуха, чепуха, любезный!—самъ небось вездѣ бываешь, оно такъ и слѣдуетъ: ты человѣкъ молодой. Ну, и ей надо въ людяхъ пожить, не все-же ребятъ няньчить, да огурцы солить. Вечеромъ я къ тебѣ приду—и дѣло съ концомъ.

Отговариваться было невозможно; Петръ Иванычъ поспѣшилъ домой, приготовляться къ пріему почетнаго гостя.

Домовитость Слободина намъ извѣстна. По пріѣздѣ въ С. онъ исподоволь принялся устраивать свое гнѣздо и въ полгода обзавелся, какъ подобаетъ солидному чиновнику. Онъ купилъ домъ деревянный, весьма помѣстительный, съ обширнымъ мѣстомъ, половина котораго засажена деревьями, а другая оставалась пустыремъ и выходила тоже на пустырь въ отдаленной части города. За домъ онъ заплатилъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями,—сумма значительная, за то и домъ прекрасный: снаружи обшитъ тёсомъ, внутри оштукатуренъ, при немъ всѣ службы, анбары, колодезь и всенепремѣнно—баня. Семейному провинціальному чиновнику имѣть свой домъ въ то время считалось отнюдь не роскошью;

жить на наемной квартирѣ было почти невозможно,—потому, что квартиръ въ городѣ не было, всякій строился самъ для себя,—да и неприлично—это позволялось только холостой молодежи. Слободинъ велъ жизнь скромную; разъ въ годъ собирались къ нему сослуживцы на имянинный пирогъ, и этотъ день былъ въ домѣ необыкновеннымъ событіемъ, къ которому приготовленія шли цѣлую недѣлю, мылись полы и окна, выколачивалась мебель, прикупалась посуда. Петръ Иванычъ самъ ходилъ по лавкамъ, выбирая разныя закуски, не забывая также насчетъ ямайскаго рома, московской дрей-мадеры, дюжины игоръ картъ и фунта американскаго вакштафу фабрики Мусатова. Анна Дмитріевна, кромѣ усиленной домашней стряпни, обязана была войти въ соглашеніе съ предводительскимъ поваромъ, касательно такого пирожнаго, въ середину котораго вставляется зажженная свѣчка; наконецъ, къ этому дню она шила себѣ новое платье и обмундировывала рябятишекъ; но въ самомъ пиршествѣ не участвовала, къ гостямъ не выходила, это считалось даже неприличнымъ, обѣдала съ дѣтьми особо въ своей комнатѣ, разливала чай, наблюдала, чтобы все подавалось въ порядкѣ. Въ этой роли она чувствовала себя совершенно свободно, ей и въ голову не приходило обидѣться. Съ другой стороны и гостямъ не приходило въ голову знакомиться съ хозяйкой, которую они мелькомъ видѣли въ полупритворенную дверь Эта азіатская черта въ жизни провинціальнаго чиновничества сохранилась и до сихъ поръ: сколько и теперь встрѣчается франтоватыхъ чиновниковъ, являющихся постоянно въ клубахъ, въ театрѣ, а женъ ихъ никто нигдѣ не видитъ. Тутъ конечно сильно вліяютъ экономическія соображенія, но впереди всего пробивается то убѣжденіе, что я дескать глава дома, радѣтель и кормилецъ, отъ начальства уваженъ, стало быть могу жить какъ хочу, а вы, бабьё, сидите смирно и благодарите за то, что я умѣю промышлять вамъ кормъ. Трудно сказать, кто болѣе деспотъ къ семьѣ—отъѣвшійся купецъ или чиновникъ, ловко умѣющій промышлять сытый кормъ.

Посѣщеніемъ Міроносцева Петръ Иванычъ былъ обрадо-

ванъ и озабоченъ. Съ одной стороны это большая честь, которою рѣдко удостоивались даже совѣтники палаты, а съ другой... какъ бы Анна Дмитріевна чѣмъ-нибудь не сконфузила, не выдала-бы какъ-нибудь своей крестьянской породы. Въ первый разъ въ голову Петра Иваныча забрались скверныя мысли, въ первый разъ ему показалось, что онъ женитьбой испортилъ себѣ служебную и свѣтскую карьеру. Увы, это дѣло непоправимое!—а позднее раскаяніе оставляетъ въ душѣ ненавистный осадокъ. Слободинъ злился, все въ его домѣ показалось ему неприличнымъ, жалкимъ, роняющимъ его дворянскую амбицію; даже на дѣтей онъ какъ-то безпричинно, безтолково прикрикнулъ,—и весь домъ проклиналъ гостя, надѣлавшаго столько хлопотъ и непріятностей.

Наконецъ, гость явился: хотя онъ пришелъ пѣшкомъ, но шествіе его было весьма торжественно. Онъ шелъ въ енотовой шубѣ, надѣтой на одинъ рукавъ и въ огромной мѣховой шапкѣ съ наушниками, сзади его шагалъ палатскій вахтеръ, неся въ одной рукѣ фонарь, а въ другой длинный чубукъ и кисетъ съ табакомъ,—аттрибуты, безъ которыхъ старикъ не выходилъ изъ дома.

Ѳедоръ Ѳедорычъ Міроносцевъ происходилъ изъ духовнаго званія, этого не скрывалъ, даже фамилію свою писалъ съ *ижицы*; только въ послѣднее время, съ производствомъ въ статскіе совѣтники и уступая духу времени, перемѣнилъ ижицу на *і*. Онъ считалъ себя великимъ философомъ и въ разговорѣ всегда довольно не тонко давалъ понять собесѣднику, что вы-де, любезный, имѣете дѣло съ человѣкомъ большого ума и обширной учености. Любимымъ конькомъ его были финансы, хотя по этому предмету онъ изучилъ только „Разсужденіе о могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ, Николая Мордвинова, 1816 г.“; но тѣмъ не менѣе втайнѣ мнилъ, что для устроенія отечественныхъ финансовъ когда-нибудь онъ будетъ призванъ къ занятію высшей государственной должности, а потому къ настоящему своему мѣсту относился свысока и въ средѣ губернскихъ сановниковъ держалъ себя независимо. Губернатора, вышедшаго изъ офицеровъ Преображенскаго полка, онъ считалъ легко-

мысленнымъ юношей, шаркуномъ, мало-свѣдущимъ въ законахъ и неумудреннымъ въ наукѣ управленія. Ѳедору Ѳедорычу прощались всякія чудачества, ради той аксіомы, что философъ и ученый долженъ быть непремѣнно чудакомъ забавнымъ и безвреднымъ. Съ подчиненными Міроносцевъ былъ, какъ они сами утверждали, простъ; говорилъ всѣмъ *ты;* любилъ красиво переписанную бумагу и строгій дѣловой *штиль угобженный* разными *поколику, кольмы паче, надѣяніе, вкупѣ, воспященіе* и т. п. Старикъ и Слободина полюбилъ за то, что, какъ человѣкъ образованный, онъ скоро пріобыкъ въ совершенствѣ владѣть этимъ штилемъ. Совѣтники, въ особенности питейнаго отдѣленія, беззастѣнчиво брали взятки, а Ѳедоръ Ѳедорычъ это благодушно игнорировалъ; самъ онъ принималъ единственно только ежегодную опредѣленную дань съ откупщика,—и въ глубинѣ своей совѣсти считалъ себя человѣкомъ вполнѣ безкорыстнымъ. Вообще противъ предуставленныхъ порядковъ онъ не шелъ, вѣровалъ въ безгрѣшные доходы, и воевалъ только съ мелкимъ чиновничествомъ, канцеляристами и писцами, которыхъ отечески журилъ за пьянство, нерадѣніе къ службѣ, иногда даже таскалъ своеручно за-волосы и оставлялъ въ палатѣ безъ сапогъ, на хлѣбѣ и водѣ. За это палатская мелкота не сердилась и не обижалась, потому что Ѳедоръ Ѳедорычъ, хоть за виски и оттаскаетъ, а глядишь, къ празднику выдастъ каждому по нѣскольку рублей изъ своихъ собственныхъ денегъ; но все-таки побитому человѣку нужно на чемъ-нибудь сорвать свое зло—и вотъ юные чиновники дали Ѳедору Ѳедорычу весьма мѣткое прозвище—„старая каретная лошадь“, что́ чрезвычайно шло къ его громадной и нескладной фигурѣ. Въ обществѣ Міроносцевъ являлся только въ торжественныхъ случаяхъ съ своимъ кисетомъ и трубкой; нечего и говорить, что во многихъ семействахъ онъ былъ кумомъ и посаженнымъ отцемъ, но дамской компаніи не жаловалъ, называя барынь „модными прельстительницами“. Особенно возмущало его, вошедшее тогда въ моду, употребленіе французскаго языка Онъ хотя понималъ французскую грамоту, но выговаривалъ слова какъ

латинскія, чѣмъ раза два насмѣшилъ публику; съ тѣхъ поръ и возненавидѣлъ этотъ языкъ. Онъ очень любилъ цвѣтоводство— лучшихъ георгинъ, розъ и тюльпановъ ни у кого въ городѣ не было, но неизвѣстно насколько его старое сердце было способно вообще къ нѣжнымъ чувствамъ; хотя и по этому предмету онъ состоялъ въ подозрѣніи у городскихъ кумушекъ, ибо почти ежедневно посѣщалъ жену зубного врача Вольфа. Этотъ Вольфъ или Вульфъ былъ какой-то неудавшійся нѣмецъ, онъ гдѣ-то былъ мозольнымъ операторомъ, но эта профессія привела-было его къ нищенству, ибо граждане не видѣли никакой необходимости въ срѣзываніи мозолей для того, чтобы исправно выполнять всѣ свои житейскія функціи. Совсѣмъ голодный Вольфъ пріѣхалъ въ С. и объявилъ себя зубнымъ врачомъ, но и тутъ дѣла его пошли отнюдь не блистательно: у жителей С. оказались такіе здоровые зубы, что глядѣть досадно, а если и являлись гнилозубые страдальцы, то прямо шли къ мѣщанину Совездралову, отлично заговаривавшему зубную боль. Эта конкурренція шибко подрѣзала нѣмца; его почти единственною, но и то секретною практикой осталась только губернаторская челюсть, которую онъ чистилъ аккуратно каждую субботу. Съ горя Вольфъ предался обдѣлыванію разныхъ чужихъ дѣлишекъ, сдѣлался благороднымъ факторомъ, и увѣряли между прочимъ, что онъ подъ рукой отдаетъ на проценты капиталъ Міроносцева. Очень естественно, что, пока дантистъ бѣгалъ въ городѣ по денежнымъ дѣламъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ пилъ кофе съ его Луизой Карловной, обкуривалъ ее облаками вакштафа и чмокалъ губами, созерцая дебелыя прелести этой бѣлобрысой нѣмки. Впрочемъ, такія невинныя утѣхи нисколько не вредили репутаціи почтеннаго старика, пользовавшагося въ городѣ отмѣннымъ уваженіемъ.

Возсѣвъ въ гостинной на диванѣ передъ овальнымъ столомъ, Міроносцевъ перезнакомился съ семействомъ Петра Иваныча, принарядившимся по-праздничному.

— Такъ у васъ только трое дѣтокъ-то? вопросилъ онъ Анну Дмитріевну.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, есть и четвертый-съ,— поспѣшилъ успокоить его Слободинъ. Этотъ ужъ здѣшній уроженецъ, вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ родился-съ.

— А подайте-ка его сюда, здѣшняго уроженца.

Анна Дмитріевна вынесла на рукахъ годового Ваню.

— Вишь какой бравый карапузикъ! черномазенькій; тѣ вонъ у васъ все бѣленькіе, а этотъ чистый цыганенокъ, въ кого уродился,—ты, плутъ, отвѣчай въ кого? расшутился старикъ.

При этихъ словахъ Анна Дмитріевна зардѣлась пятнами горячаго румянца и поспѣшила отнести ребенка въ дѣтскую.

— Ну вы, молодцы, учитесь? хорошо учитесь? вопросилъ старикъ, раскуривая свою трубку.

— Пока еще дома учатся-съ. Нашъ Предтеченскій священникъ ходитъ.

— Учиться надо, надо. Вотъ старшаго пора ужъ и въ гимназію, пора! хочешь въ гимназію а,—хочешь?

— Нѣтъ, не хочу,—откровенно отвѣтилъ Алёша.

— Э, братъ, это скверно. А мундиръ хочешь носить? славный мундиръ у гимназистовъ. Чѣмъ ты хочешь быть, говори,— должно быть офицеромъ, а? а я тебѣ совѣтую быть нашимъ братомъ гражданскимъ чиновникомъ. У насъ вѣдь тоже мундиръ красивый.

— Ничѣмъ я не хочу быть.

— Какъ—ничѣмъ? мужичкомъ что-ли хочешь оставаться?

— Да, мужичкомъ лучше.

Гость расхохотался во все горло. Родители сконфузились.

— Ну, это, братъ, чепуха,—чепуха! Стыдно такъ говорить; кто тебѣ внушилъ такую чепуху?.. Петръ Иванычъ, ты старый педагогъ, учить тебя нечего; а нехорошо, что запустилъ такъ мальчугана-то. Стыдно! Въ будущемъ августѣ непремѣнно представь его въ гимназію. Можетъ это баловень, маменькинъ сынокъ, а? Угадалъ я, Анна Дмитріевна?

Анна Дмитріевна, никогда невидавшая генераловъ, была очень смущена и открывала ротъ только для какихъ-то неясныхъ одно-

сложныхъ звуковъ. Къ счастью, поданный чай выручилъ ее изъ затрудненія.

— Покорнѣйше прошу откушать, сказала она;—съ чѣмъ вамъ угодно—съ ромомъ или съ мадерой?

— Благодарю, сквозь зубы процѣдилъ старикъ, взявъ стаканъ.

Подававшая чай, Катерина отошла, уступивъ мѣсто Личардѣ, представшему передъ генеральскія очи съ подносомъ, нагруженнымъ кренделями, лимономъ и двумя бутылками.

Какъ нерѣдко бываетъ съ людьми черезчуръ чиновными, Өедоръ Өедорычъ вдругъ задумался, устремивъ неподвижный взглядъ на Личарду, но несомнѣнно блуждая мыслями въ какихъ-то высшихъ, невѣдомыхъ сферахъ, можетъ быть даже прозирая въ будущее Россійскаго государства. Личарда постоялъ съ минуту, и видя, что баринъ какъ-то чудно осовѣлъ, повернулся-было съ своей ношей, но генералъ ловко поймалъ его за ухо и ласково, мягко притянулъ къ себѣ, приговаривая нараспѣвъ: „ос-тавь ма-де-ру! ос-тавь ма-де-ру! ос-тавь ма-де-ру!“ Личарда поспѣшно поставилъ на столъ весь подносъ и выбѣжалъ изъ гостинной, прыснувъ неудержимымъ смѣхомъ. Петръ Иванычъ позеленѣлъ и многозначительно переглянулся съ женой.

Къ счастью, гость какъ-будто не обратилъ никакого вниманія на этотъ непристойный эпизодъ и повелъ рѣчь о пріумноженіи богатствъ любезнаго отечества, нападалъ на роскошь, всѣ текущія финансовыя распоряженія обзывалъ чепухою и доказывалъ, какими мѣрами возможно скудость превратить въ обиліе, тощіе источники оплодотворить, знатныя препоны превозмочь и вообще все размножить, разлить, населить и преобразить благополезно. Почтенный витія, окрыленный мыслью, что попалъ на свѣжихъ людей, слушавшихъ его въ первый разъ, былъ краснорѣчивъ необыкновенно. Алёша между тѣмъ незамѣтно улизнулъ и забравшись въ дѣтскую, съ Личардой, принялся передразнивать гостя. „Чепуха, чепуха!“ басилъ Алёша.—Нѣтъ, это смѣшнѣе: ос-тавь ма-де-ру! ос-тавь ма-де-ру! Мальчики хохотали до слезъ. Губернскій сановникъ и философъ въ ихъ глазахъ оказался просто шутъ гороховый...

Часу въ двѣнадцатомъ вечера, окончательно устроивъ вожделѣнное благополучіе россійскихъ финансовъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ вспомнилъ, что пора домой.

— Такъ значитъ, въ воскресенье мы съ вами крестимъ, кумушка?

— Апосля прошу покорно къ намъ на пирогъ.

— Хорошо, хорошо. На меня, признаться, губернаторша крѣпко гнѣвается, что не съ нею крещу; да вѣдь я ужъ такой— терпѣть не могу этихъ модницъ; я нарочно имъ въ пику. Русскій человѣкъ, люблю простоту, радушіе.

Хозяева кланялись и за эту великую честь благодарили.

— Ничего, ничего;—а вотъ покороче познакомимся, такъ я примусь за вашихъ мальчишекъ. Петръ Иванычъ совсѣмъ погрязъ въ службѣ, небрежетъ ихъ воспитаніемъ, небрежетъ; а вотъ мы съ кумушкой вникнемъ въ это дѣло, заведемъ настоящіе порядки. Серьёзно, серьёзно примемся.

Палатскаго вахтера, спавшаго въ кухнѣ, разбудили; онъ зажегъ фонарь, и Міроносцевъ двинулся въ обратное шествіе.

III.

Въ воскресенье послѣ обѣдни во многихъ домахъ города С. происходили тѣ же сцены, что и въ домѣ Слободина. Новокрещеннаго Луку Ѳедоровича, бывшаго Юдку, привезли изъ церкви, кормили и поили на убой, окружали необыкновеннымъ вниманіемъ и ласками, такъ что Лука Ѳедоровичъ совсѣмъ ошалѣлъ, глядѣлъ вокругъ себя глупо и пугливо, какъ человѣкъ во снѣ перенесенный изъ тюрьмы на незнакомый пиръ.

Пока въ гостинной совершалось торжественное сокрушеніе

пирога съ вязигой, дѣти затащили Луку къ себѣ и подвергли обстоятельному допросу, что́ онъ за человѣкъ, откуда родомъ, какъ попалъ сюда и что съ нимъ будетъ дальше. Лука отвѣчалъ нехотя, односложными словами „да“, „нѣтъ“, „не знаю“. Онъ рѣшительно не понравился дѣтямъ, которыя послѣ тщетныхъ усилій вызвать его на откровенность, обратились къ своимъ дѣламъ, оставивъ его въ сторонѣ одинокаго, несмѣвшаго пошевелиться. Анна Дмитріевна, заглянувшая въ дѣтскую, погладила крестника по головѣ и объявила дѣтямъ, что они должны приласкать и полюбить Лукашу, потому что онъ теперь приходится имъ крестнымъ братомъ и что кромѣ ихъ у него на бѣломъ свѣтѣ никакой родни нѣтъ. Лука заплакалъ, вѣроятно въ эту минуту передъ нимъ мелькнула убогая корчма на Волыни, наполненная кучей ребятишекъ, грязныхъ, жующихъ чеснокъ, но милыхъ, близкихъ его седрцу, съ которыми теперь онъ порвалъ всякую связь,—да и они теперь его за своего уже не призна́ютъ. А съ новыми родичами у него еще не было, да и быть пока не могло ни одной связующей, внутренней ниточки; по своему прошлому, по складу понятій, по самымъ даже темнымъ симпатіямъ, онъ былъ чужой этимъ дѣтямъ, неумѣвшимъ лицемѣрить и едва-ли не впервые слышавшимъ, что они *должны* любить человѣка, котораго совсѣмъ не знаютъ. Для нихъ онъ былъ чужой—и они ему были чужіе. Дальше этого вывода мысль Луки была не въ состояніи двинуться. Чужой евреямъ—и русскимъ чужой. Что́ же мнѣ нужно сдѣлать, чтобы не быть здѣсь чужимъ? пробѣжало въ головѣ его, но онъ чувствовалъ, что безъ помощи Янкеля не рѣшить ему этого вопроса. А гдѣ теперь Янкель? Куда завелъ онъ насъ и неужели теперь броситъ своихъ товарищей? Привычка повиноваться Янкелю пустила глубокіе корни.

А Янкель, ставшій Павломъ Николаевичемъ, былъ героемъ дня, и всѣ обстоятельства, какъ нарочно, такъ сложились, что не давали ни на минуту остыть разъ возбужденной въ немъ экзальтаціи. Воспріемниками его были губернаторша и жандармскій полковникъ. Изъ церкви губернаторша посадила Павла съ

собой въ карету и привезла прямо къ архіерею, гдѣ собрались губернскія власти. Тутъ Павелъ съ твердостью, недопускавшею никакихъ сомнѣній, объявилъ, что чувствуетъ душевную потребность посвятить себя на служеніе церкви христовой и просилъ отправить его въ другіе города для обращенія кантонистовъ-евреевъ въ православіе. Онъ на колѣняхъ принялъ благословеніе; по залѣ раздался громкій говоръ одобренія. На разспросы окружавшихъ онъ охотно разсказывалъ о бывшей своей ненависти къ христіанамъ и какъ потомъ явились ему видѣнія; онъ прозрѣлъ, и ненависть мгновенно отпала отъ сердца... при чемъ слушатели невольно припоминали чудесное обращеніе св. Павла, въ честь котораго и давно Янкелю это имя. Онъ сначала чувствовалъ смущеніе и доходившую до боли тревогу, видя себя предметомъ всеобщаго удивленія и любопытства; ему казалось, что даже портреты архіереевъ, развѣшанные по стѣнамъ залы, глядятъ на него изъ своихъ черныхъ рамъ, какъ на избранника, которому предстоитъ путь славнаго подвижничества; у Павла кружилась голова, сильно билось сердце, но скоро онъ овладѣлъ собою— и на рыжемъ, некрасивомъ лицѣ его нельзя было прочесть ничего, кромѣ сосредоточенной рѣшимости. Его повидимому уже не смущала эта губернская знать, среди которой онъ очутился впервые въ жизни; она поклонилась передъ его личностью...

Немедленно составился комитетъ, который постановилъ относительно Павла Николаева слѣдующія рѣшенія: представить куда слѣдуетъ объ исключеніи его изъ военной службы и зачисленіи въ семинарію на особыхъ правахъ; такъ какъ Павлу исполнилось уже семнадцать лѣтъ и онъ не былъ нисколько приготовленъ къ слушанію семинарскаго курса, то избавить его отъ изученія языковъ латинскаго и греческаго, а по остальнымъ предметамъ усилить классное преподаваніе занятіями на дому у отца ректора и другихъ учителей, ради чего и помѣстить его въ архіерейскомъ домѣ. Самъ преосвященный принялъ на себя трудъ составить подробную программу занятій и поставилъ все это дѣло подъ свой ближайшій надзоръ. Само собою разумѣется, что Па-

велъ, какъ совершившій необыкновенный подвигъ, былъ представленъ къ особой исключительной наградѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ оффиціальныхъ поощреній, тутъ-же, по предложенію откупщика, составилась подписка, и въ пользу Павла собрана довольно значительная сумма,—онъ и во снѣ не видалъ такъ много денегъ, но онъ еще разъ овладѣлъ собою—не прикоснулся къ деньгамъ, и просилъ архіерейскаго эконома взять ихъ на сохраненіе.

Павелъ сознавалъ себя необыкновеннымъ человѣкомъ.

— Ваше высокопреосвященство,—сказалъ онъ, смѣло подойдя къ архіерею.—Позвольте, чтобъ со мною былъ одинъ изъ моихъ товарищей,

— Кто такой?

— Его зовутъ Лука, онъ крестникъ того генерала.... забылъ фамилію... который въ казенной палатѣ сидитъ.

— А! Міроносцева, Ѳедора Ѳедорыча?

— Такъ точно. Этотъ мальчикъ хорошій; онъ до сихъ поръ во всемъ мнѣ пособлялъ; за него я ручаюсь. А вдвоемъ намъ будетъ сподручнѣе исполнять наше дѣло и наукамъ обучаться легче. Сдѣлайте мнѣ эту божескую милость.

Начальникъ кантонистовъ подтвердилъ показаніе Павла, отрапортовавъ, что Лука мальчикъ *нравственный* и вполнѣ заслуживаетъ поощренія.

— Хорошо, хорошо. Тебѣ отказать невозможно, тѣмъ паче, что ты проникнутъ похвальными намѣреніями.

Тотчасъ-же былъ посланъ квартальный съ запиской, просить Ѳедора Ѳедорыча пожаловать немедленно и привести съ собою крестника.

— Еще прошу одной милости, чтобы намъ ужъ не являться въ батальонъ. Это не потому я прошу, что тамъ нехорошо. Намъ было тамъ очень хорошо. Его высокоблагородіе былъ для насъ все равно какъ родной отецъ,—и мы ихъ завсегда поминать будемъ,—а такъ, чтобы свой-же братъ часомъ насъ не обидѣлъ. Сами знаете, ваше высокопреосвященство, между школьниками

есть всякій народъ, иной глупый пожалуй еще смѣяться надъ нами станетъ, а для насъ теперь ужъ это нейдетъ, негодится.

— Ah, comme il envisage bien les choses; tout ce qu'il dit est très juste, très juste! Vraiment il est insprire d'en haut... невольно воскликнула губернаторша.

Ѳедоръ Ѳедорычъ не замедлилъ явиться съ своимъ крестникомъ. Послѣ слободинскаго пирога и дрей-мадеры старикъ чувствовалъ себя немного тяжело, а потому былъ ворчливъ и недоволенъ, что его потревожили. Въ кабинетѣ владыки, на секретной конференціи, выслушавъ разсказъ обо всемъ происшедшемъ безъ него и о принятыхъ резолюціяхъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ едва не брякнулъ свое любимое—„чепуха", но вò-время удержался, вникъ въ дѣло и сказалъ равнодушно:

— Что-жъ, пожалуй и такъ...

— Нѣтъ, вы кажется чѣмъ-то недовольны, Ѳедоръ Ѳедорычъ. Пожалуйста, выскажите ваше мнѣніе, критикуйте нашъ проектъ. Умъ хорошо, а два лучше. Вѣдь это дѣло слишкомъ серьёзное.

— Знаю, что серьёзное. Что-жъ мнѣ тутъ критиковать! Оно все ладно.

— Нѣтъ, вы что-то такое думаете... Ужъ видно, что скрываете особую мысль. Просимъ васъ высказать прямо. Отъ васъ мы привыкли слышать всегда умныя и здравыя сужденія.

— Да нѣтъ; оно ничего... Прожектъ хорошъ; гмъ! все въ немъ соображено рачительно... Только... вѣдь я русскій человѣкъ, ужъ извините...

— Говорите, говорите, Ѳедоръ Ѳедорычъ.

— И за русскаго человѣка готовъ рѣзать правду-матку. Въ мои годы мѣняться уже не приходится. Если хотите, скажу прямо—не слѣдуетъ давать такихъ знатныхъ привилегій... Вопервыхъ, потому, что за душевные подвиги и награда ниспосылается намъ душевная съ небеси, чуждая всякихъ земныхъ благъ; а второе—и главное—зачѣмъ же своихъ-то обижать? Вѣдь я самъ былъ семинаристомъ, знаю, какими тяжкими усиліями достаются имъ плоды познаній. Зачѣмъ же дѣлать исключенія? Не-

сомнѣнно, это будетъ посѣявать между ними зависть... Не спорю, что новообращенные юноши заслуживаютъ поощренія; а развѣ между нашими-то мальчуганами, что́ въ затрапезныхъ халатахъ щеголяютъ, —нѣтъ примѣчательныхъ головъ, способныхъ... И пошелъ, и пошелъ расходившійся старецъ.

Но его умствованія были выслушаны какъ курьёзъ и не возъимѣли практическаго значенія. Ѳедоръ Ѳедорычъ былъ извѣстенъ вообще за вольнодумца, а въ настоящемъ случаѣ выказалъ себя чистымъ вольтеріанцемъ. Многіе двумысленно переглядывались, пожимали плечами, даже губернаторъ и жандармскій штабъ-офицеръ улыбались, вслушиваясь впрочемъ весьма внимательно въ слова Ѳедора Ѳедорыча. Наконецъ разглагольствованія сего домашняго Вольтера были побѣдоносно опрокинуты притчею о блудномъ сынѣ, —Міроносцевъ умолкъ, —извинился и со всѣмъ согласился. Дрей-мадера изъ его головы уже совсѣмъ вышла.

Между тѣмъ въ залѣ Павелъ отвелъ Луку въ дальній уголъ, переговорилъ съ нимъ шопотомъ, и, кажется, на еврейскомъ языкѣ, и потомъ спокойно представилъ отцу-ректору своего сподвижника.

Вечеромъ оба мальчика очутились въ опрятной сухой комнатѣ, освѣщенной лампадкою; съ пріятнымъ ощущеніемъ небывалаго комфорта легли они спать на шерстяныхъ матрацахъ; кругомъ была такая тишина, пахло воскомъ; они долго не могли заснуть, разговаривая шопотомъ, пугливо вслушиваясь въ отдаленные шаги по каменнымъ плитамъ длиннаго корридора, —все это имъ казалось невѣроятнымъ, призрачнымъ, и они не были твердо увѣрены, что утромъ разбудитъ ихъ благовѣстъ къ заутрени, а не барабанъ съ криками и руготнею въ ротѣ дежурнаго ефрейтора.

IV.

Міроносцевъ основательно перенесъ свою главную квартиру отъ докторши въ домъ Слободиныхъ. Надоѣло старику сидѣть съ бѣлобрысой нѣмкой, которая и по-русски-то плохо говорила, да едвали много и понимала; напримѣръ, иногда Өедоръ Өедорычъ только-что пустится философствовать и ворочать дѣлами всей Европы, а она вдругъ лѣзетъ съ кофеемъ; мужа вѣчно нѣтъ дома, бѣгаетъ по городу какъ гончая собака. Однимъ словомъ, скучно. А тутъ теплый семейный уголъ, добрые хозяева; когда слушаютъ, такъ въ глаза даже смотрятъ,—дѣти, наконецъ. Старому холостяку у Слободиныхъ было очень пріютно. Придетъ изъ палаты, пообѣдаетъ, выспится, займется своими цвѣтами, а вечеромъ ужъ непремѣнно сидитъ у Анны Дмитріевны. Изъ дѣтей онъ полюбилъ больше всѣхъ Алёнушку, дарилъ ей куклы и конфекты; Колю тоже миловалъ, къ одному Алёшѣ былъ холоденъ; спрашивалъ, каково онъ учится, читалъ наставленія и налегалъ больше на то, чтобы ему отнюдь не давать потачки,—„возрастъ такой, что ты долженъ постоянно сидѣть за книжкой, а не повѣсничать“,—твердилъ онъ каждый день суровымъ тономъ.

Какъ ни смѣшно и ни странно покажется, а сѣдовласый старецъ питалъ какую-то личную вражду къ двѣнадцатилѣтнему мальчику, какъ къ человѣку съ нимъ равному, который можетъ обидѣть и съ которымъ можно помѣряться силами. Онъ не могъ забыть глупый смѣхъ Личарды въ первый вечеръ у Слободиныхъ, и ему казалось, что Алёша непремѣнно сочувствовалъ этому смѣху, онъ же тогда выбѣжалъ изъ гостинной и навѣрное зубоскалилъ съ этимъ хамовымъ отродьемъ. И мы знаемъ, что въ этомъ Өедоръ Өедорычъ не ошибался. Потомъ онъ всегда замѣчалъ въ глазахъ Алёши какую-то нестерпимую независимость,

задорную веселость, которая какъ-будто дразнила его. Одинъ разъ онъ увидѣлъ, какъ Алёша надѣлъ его мѣховой картузъ съ огромными ушами и, сдѣлавъ уморительную рожицу, бормоталъ „чепуха, чепуха“. Ѳедоръ Ѳедорычъ издали погрозилъ на него чубукомъ, не сказалъ ни слова, но еще пуще возненавидѣлъ рѣзваго мальчугана. Алёша платилъ ему тѣмъ же; такимъ образомъ, между старцемъ и ребенкомъ установился скрытый антагонизмъ, готовый всякую минуту разразиться какою-нибудь рѣшительною баталіей. А пока—Міроносцевъ донималъ его косвенно и злостно радовался, что маленькій врагъ будетъ раздавленъ непомѣрнымъ зубреньемъ.

Алёша точно видѣлъ, что по милости „чепухи“ до него сильно добираются и никакъ не миновать ему „дворянской“ науки. Вмѣсто одного предтечинскаго попа, съ которымъ Алёша втихомолку кое-какъ долбилъ священную исторію, русскія склоненія, да таблицу умноженія, день за день, не торопясь (и любезное было дѣло!) въ одинъ недобрый день явилось вдругъ три мучителя: молодой преподаватель гимназіи Рафаэлевъ, землемѣръ Сѣдовъ и нѣмецъ Клоцманъ. Натащили эти злодѣи новыхъ книжекъ, разныхъ грамматикъ, лексиконовъ, Меморскаго ариѳметику, географію, да карты пяти частей свѣта, да прописи новыя,—бѣда! Денегъ что́ перебрали отъ отца, завели тетрадки, гдѣ отмѣчалось знаніе уроковъ, прилежаніе и поведеніе,—словомъ, скрутили молодца со всѣхъ сторонъ. Былъ мартъ мѣсяцъ, прилетѣли жаворонки, въ саду изъ-подъ чахлаго снѣга обнажались зеленовато-бурыя лужайки, вода мутными ручьями журчала и буравила землю, солнечные дни становились теплѣе, верба одѣлась сѣренькимъ пухомъ,—тутъ бы самая настоящая пора приняться за какое-нибудь свое вольное дѣло на весеннемъ воздухѣ, а отецъ, собравъ всѣхъ учителей, строго-на-строго объявилъ, чтобы ежедневно заниматься съ каждымъ по часу, проходить все по программѣ и такъ разсчитать прохожденіе, чтобы къ августу сынъ былъ совершенно готовъ поступить въ первый классъ тогдашней четырехклассной гимназіи, т.-е. пройти весь курсъ уѣзднаго учи-

лища, и даже нѣсколько больше, особенно въ языкахъ, для того, чтобы потомъ въ гимназіи было легче, и чтобы онъ непремѣнно сталъ первымъ ученикомъ въ классѣ, какъ подобаетъ сыну человѣка, который самъ подвизался на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Объявленіе это было сдѣлано при такой торжественной и оффиціальной обстановкѣ, что не только прямо заявить о нежеланіи учиться, но даже сдѣлать какое-либо возраженіе было рѣшительно невозможно. Выслушавъ свой приговоръ, Алёша кинулся къ матери, на ея груди выплакать свое горе. Мать дѣйствительно улучила часокъ съ нимъ поплакать,—приласкала, дала ему блюдечко варенья, но грозы отвести не могла.

—Что дѣлать, сынокъ! Такая ужъ ваша доля, чтобы смолода за книжкой сидѣть. Терпи,—человѣкомъ будешь. Вонъ отецъ-то и Колю велѣлъ за азбуку посадить. Что дѣлать-то! За то умный будешь, чины получишь, генераломъ произведутъ, вонъ какъ Ѳедора Ѳедорыча.

—А если я не хочу. Вѣдь вы сами, мама, говорили, что въ деревнѣ житье лучше, и я также думаю. Я когда-нибудь возьму да и убѣгу къ дѣдушкѣ.

— И не думай ты объ этомъ, дурачокъ! Еще вотъ что: отецъ ужъ давно велѣлъ растолковать вамъ, чтобъ вы зря не болтали про дѣдушку, это стыдно...

— Что стыдно, мама? Что стыдно?

— Ну, вотъ то и стыдно, что при всѣхъ болтаете. Мало ли что бываетъ!.. Оно конечно, родню любить Богъ велѣлъ, и всякому человѣку званіе положено свыше... Ты и люби дѣдушку, за это Богъ тебѣ счастье пошлетъ. А только при всѣхъ кричать, что у меня вотъ дѣдъ мужикъ—тоже не годится. Видишь самъ теперь, какое у отца знакомство заводится, на благородную ногу всѣхъ насъ поставить хочетъ, такъ ужъ оно и непристойно выходитъ про мужика-то; отецъ этимъ огорчается...

Анна Дмитріевна тяжело вздохнула. Она путалась въ рѣчахъ, которыхъ фальшь сама глубоко чувствовала, и наклонилась къ шитью, чтобы сынъ не заглянулъ въ ея полныя слезъ

глаза. Алёшу такъ озадачили слова матери, что онъ забылъ все горе настоящей минуты и словно въ пропасть провалился: передъ нимъ съ неотразимою силою всталъ весь міръ его дѣтства, проснулись отрывчатыя, но яркія, какъ молнія, впечатлѣнія, замелькали знакомые образы и манили къ себѣ... Онъ долго молчалъ, какъ будто отыскивая въ прошломъ какую-нибудь точку опоры для своихъ вдругъ опрокинутыхъ понятій; ему захотѣлось поразить мать, заставить ее высказаться яснѣе—и онъ выбиралъ, чѣмъ бы ее зацѣпить за живое.

— А я помню, какъ вы съ папой вѣнчались... выговорилъ Алёша нерѣшительно.

— Шшшъ... что ты, что ты, Господь съ тобой! Какіе пустяки тебѣ на умъ приходятъ! пугливо взглянула на него мать.

— Нѣтъ, не пустяки... Это я очень помню... на васъ было синее матерчатое платье, а папенька на полъ упалъ съ дивана...

— Это кто-нибудь разсказывалъ, а тебѣ ужъ мерещится, что видѣлъ. Плюнь да перекрестись.

— Нѣтъ, видѣлъ,—настаивалъ Алёша. Объ этомъ никто не говорилъ, и вы никогда не вспоминаете, точно этого не было, а вѣдь оно было же. Развѣ можно сдѣлать такъ, чтобы не было того, что взаправду было? Вѣдь я помню все, что было...

— Было да прошло. А тебѣ лучше объ этихъ глупостяхъ не думать, а тѣмъ больше не говорить.

— Можетъ, тоже стыдно?

— Нишкни, вотъ и все. Выростешь большой, все узнаешь... тогда, можетъ, сама тебѣ все скажу. А дѣтямъ это знать негодится; дойдетъ до отца, такъ онъ тебя... и, бѣда! въ гробъ вгонитъ... Боже тебя оборони при немъ, или при комъ другомъ проговориться!.. Соколикъ ты мой... вѣдь больше свѣта бѣлаго... люблю тебя!.. Да что намъ съ тобой дѣлать-то?.. вдругъ порывисто и нервно приласкала сына Анна Дмитріевна и залилась слезами.

Разумѣется, и Алёша расплакался, однако въ головѣ его гвоздемъ засѣли вопросительные крючки: что́ стыдно и что̀ не

стыдно? и почему оно стыдно? и отчего не позволяютъ знать того, что непремѣнно нужно узнать, и еще обзываютъ это пустяками,—а вонъ какую-нибудь латинскую грамматику знать совсѣмъ не любопытно, а заставляютъ,—почему же все это идетъ вверхъ ногами? И въ чемъ тутъ штука?

Уже не въ первый разъ Алёша наталкивался на такія житейскія явленія, въ которыхъ было что-то неладное; но никогда еще они такъ больно не врѣзывались въ самую глубь его внутренняго міра, какъ теперь. Справиться съ ними, одолѣть ихъ—не хватало дѣтскихъ силъ, а оставить нерѣшенными, отложить въ сторону и,—какъ дѣлаютъ многія дѣти,—принять на вѣру то, что говорятъ старшіе, онъ не могъ,—не такова была его натура. И вотъ въ немъ возникла живая потребность имѣть подлѣ себя такого человѣка, съ которымъ было бы можно перетолковать обо всѣхъ самыхъ важныхъ предметахъ. Ближе бы всѣхъ, казалось Алёшѣ, поговорить по душѣ съ отцомъ и матерью, но онъ уже уразумѣлъ, что мать сама нуждается въ томъ же и способна только поплакать вмѣстѣ съ нимъ;—а отецъ... странное дѣло!... Алёша сознавалъ, что отецъ человѣкъ добрый, хорошій, но одинъ только разъ въ жизни распахнулась для Алёши душа отца и обдала его всѣмъ пыломъ правдивой искренности—это послѣ поджога дома Милонова, а затѣмъ отецъ для Алёши ни разу не былъ живымъ человѣкомъ: онъ какъ будто и дома также служилъ, какъ служитъ въ палатѣ, т.-е. наблюдалъ, чтобы всѣ подчинялисъ кѣмъ-то установленному порядку и самъ старался быть олицетвореніемъ этого порядка... Коля, Алёнка, Ваня—объ нихъ даже и не думалъ Алёша,—они въ домѣ жили и росли, какъ живутъ и ростутъ маленькіе котята—пищатъ и ѣсть просятъ, больше ничего. Оставался вѣрный Личарда, но онъ былъ отличнымъ товарищемъ тамъ, гдѣ требовалась ловкая, практическая смётка, мускульная сила, плутоватая снаровка, а спроси его, что такое наша жизнь и отчего она такая,—онъ глубокомысленно засунетъ въ носъ пальцы, или пуститъ по столу волчокъ, смастеренный изъ пуговицы, которую вчера гдѣ-то стибрилъ. Разъ

прозвали его воровскою петлей,—такъ онъ и остается вѣренъ этой кличкѣ. Итакъ, кругомъ никого.

И эти безплодныя исканія, эта болѣзнь психическаго роста, какъ разъ совпала съ усиленными учебными занятіями. Три учителя постарались и произвели въ головѣ мальчика невообразимый хаосъ. Онъ зазубривалъ все, что ему давали; слова латинскія, французскія и нѣмецкія сталкивались въ головѣ его; грамматическія правила съ ихъ исключеніями ложились рядомъ возлѣ опредѣленій ариѳметики, и все это перепутывалось названіями морей, рѣкъ, горъ и т. д. Отличная память Алёши заваливалась всякимъ мусоромъ, острая впечатлительность притуплялась; мышленіе, не находя простой реальной пищи, обратилось назадъ къ прошлому и, перекладывая на тысячу ладовъ старый матеріалъ, задерживалось въ потемкахъ. Алёша похудѣлъ, захирѣлъ, а Ѳедоръ Ѳедорычъ одобрительно кивалъ головою, выслушивая рапорты Петра Иваныча объ успѣхахъ сына.

— Такъ-такъ-такъ! твердилъ старикъ. Я помню, когда насъ учили, такъ бывало—и уроки громадные зададутъ, и письменныя упражненія, и конспекты,—голова трещитъ, ходишь какъ угорѣлый, плачешь,—а потомъ все въ пользу пошло. Голова наша подобна кладовой, въ которую складывай все, что хочешь,—пускай лежитъ; глядишь—оно когда-нибудь пригодится. Главное, надо фактовъ,—фактовъ больше забирать, а умозрѣніе—это дымъ, чепуха, даже оно для молодой головы опасно. Возмужаешь, ну тогда и строй какія угодно умозрѣнія, ибо основанія-то для нихъ,—факты—запасены въ достаточномъ количествѣ. Верхоглядомъ не будешь.

Петръ Иванычъ, обработанный въ школѣ тѣхъ же воззрѣній, какъ и Міроносцевъ, совершенно съ нимъ соглашался; кромѣ того, въ немъ теперь сильно дѣйствовало желаніе угодить начальнику, который удостоилъ его особеннаго расположенія. Ужъ не говоря о томъ, что Петръ Иванычъ вотъ-вотъ обнюхивалъ мѣсто совѣтника палаты,—онъ простиралъ свои виды гораздо дальше: ему хотѣлось выбиться изъ темнаго положенія,

втереться въ ряды провинціальной знати и самому стать силой, а „старая каретная лошадь“ могла еще вывезть по этой дорогѣ.

Ненавистный старецъ торжествовалъ побѣду. Алёша дѣйствительно былъ придавленъ, и ненависть свою къ Ѳедору Ѳедорычу перенесъ на крестника его Луку, котораго онъ прозвалъ „чепухинскимъ паничемъ“. Лука изрѣдка приходилъ къ нимъ уже превращенный изъ кантонистской куртки въ долгополый сюртукъ семинариста, и чрезвычайно важничалъ. Онъ хвастливо разсказывалъ, какъ съ Павломъ Николаичемъ ѣздили они по разнымъ городамъ, обратили болѣе двухсотъ евреевъ въ христіанство, и какой имъ былъ вездѣ почетъ, какая похвала. По сту рублей денегъ въ награду получили и современемъ будутъ не только попами, а можетъ еще и больше; въ каретахъ ѣздить будутъ.

— Хвастай, хвастай! А все-таки ты свиное ухо и больше ничего, замѣтилъ Алёша.

— Вы не ругайтесь, паничъ; знаете что? это нехорошее слово; я буду папеньку жаловаться.

— Паничъ, ха-ха-ха! Вотъ удралъ? Папень-ку жаловаться... По-каковски это ты говоришь-то, паничъ? ха-ха! хохоталъ Алёша, впервые услышавъ это слово. Самъ ты паничъ чепухинскій.

— А правда ли, что вамъ уши обрѣза́ть будутъ, потому больно велики? съострилъ Личарда.

— Вы мишурисъ, значитъ—лакей, и я съ вами говорить не могу.

— Не можешь? Ну, такъ я тебя по сусаламъ. Давай на кулачки, становись!

— Не хочу я этого, потому что это очень низкое дѣло.

— Ага, струсилъ! Нѣтъ, мало васъ крестили, вотъ я окрещу, такъ ужъ жидовскій-то духъ весь вышибу.

— Оставь его, Яша. Развѣ не видишь, что онъ сейчасъ разрюмится, плакса этакая! Еще своей „чепухѣ“ пойдетъ жаловаться. Погоди, и безъ насъ ему въ семинаріи бока отшлифуютъ. А ты, проповѣдникъ, скажи-ка мнѣ лучше вотъ что: есть у васъ семинаристъ Сіонскій?

— Сёнскій? перековеркалъ Лука.—Нѣтъ, такого я не знаю. Казенныхъ нѣкоторыхъ мы знаемъ, а этотъ вѣрно изъ тѣхъ, что живутъ по квартирамъ. Мы живемъ въ архіерейскомъ дому, намъ съ такими водиться запрещено. Мы особые.

— Ишь ты, важно кушанье! и Личарда ловко влѣпилъ ему щелчокъ по уху.

— Ну, такъ ты смотри, непремѣнно мнѣ узнай, есть ли у васъ Сіонскій,—Адріянъ Сіонскій,—не забудь и не переври.

— Зачѣмъ врать! я узнаю аккуратно.

— То-то, смотри, Чепухинскій паничъ.—узнай все, какой онъ изъ себя, друженъ ли съ товарищами и гдѣ живетъ. Ну, а теперь—маршъ изъ моей комнаты: мнѣ еще нужно „деръ-ди-дасъ“ для проклятой Клецки вызубрить.

V.

Черезъ двѣ недѣли явился Лука Өедорычъ. Являлся онъ всегда по праздникамъ, послѣ обѣдни; первымъ дѣломъ цѣловалъ руку крестной маменькѣ, потомъ угощался чаемъ и пирогами; ѣлъ много; впрочемъ совсѣмъ не такъ, какъ ѣдятъ голодные,— видно было, что чай и пироги ему совсѣмъ не рѣдкость. Вообще онъ глядѣлъ самодовольно и любилъ шевелить въ карманѣ деньгами. Коммерческія наклонности его племени тоже пробивались въ немъ наружу: онъ выманилъ у Коли серебряный свистокъ, обѣщавшись починить его, или взамѣнъ принести новый. Съ Алёшей помѣнялся перочиннымъ ножичкомъ, взявъ себѣ, конечно, лучшій, да еще просилъ пять копѣекъ придачи. Всякую вещь онъ осматривалъ внимательно, съ толкомъ и сейчасъ же назначалъ ей цѣну.

— Хорошая у васъ жилетка,—пошить такую два рубля стóитъ. Или:—славная эта чернильница, только крышечка на ней не серебряная, больше десяти копѣекъ за нее дать нельзя, апликé,—глубокомысленно объяснялъ Лука Ѳедорычъ.

— Ну, что же, узналъ про Сіонскаго?

— Узналъ.

— Говори, чтó узналъ?

— Пфе!

— Что это значитъ—пфе? Ты говори толкомъ.

— Вамъ съ нимъ знаться нейдетъ. Лука сдѣлалъ презрительную мину.

— Отчего нейдетъ? Да ты кого спрашивалъ-то?

— Все наше начальство держитъ его на худомъ замѣчаніи.

— А товарищи чтó говорятъ?

— Товарищи, извѣстно, ничего, потому сами такіе же. Даже намъ сказано, чтобъ мы не дружились съ г. Сіонскимъ.

— Кому это вамъ?

— Павлу Николаичу и мнѣ.

— А товарищи любятъ его?

— Мы этого не знаемъ; а только что его часто наказываютъ, потому что трубку куритъ и такой грубый супротивъ начальства. Онъ ужъ большой—ему 20 годовъ, ужъ онъ другой годъ сидитъ въ философіи.

— Стало быть онъ умный.

— Какой умный! Когда бы умный былъ, сдѣлалъ бы такъ, чтобъ и начальство его уважало, а не то, что всякую недѣлю пóронца. Умный!—усмѣхнулся Лука.—Еслибъ вы видѣли,—совсѣмъ бѣдный, сапогъ не имѣетъ... и прибавилъ шопотомъ:—говорятъ, онъ водку даже пьетъ. Худой такой.

Алёша призадумался. Онъ не ожидалъ такихъ извѣстій, но не совсѣмъ довѣрялъ показаніямъ панича, очевидно, исходившимъ изъ точки зрѣнія начальства, съ примѣсью брезгливости сытаго фаворита къ голодному и можетъ быть несправедливо гонимому товарищу.

—Мы пойдемъ къ нему, Яша;—вдругъ рѣшилъ Алёша.— Гдѣ онъ живетъ?

— Туточки недалеко, за вашимъ пустыремъ, въ домѣ Бѣлкиной. Только не совѣтую ходить: папенька узнаютъ, очень сердиться будутъ, и мнѣ достанется, что указалъ.

— Пошелъ вонъ, чепухинскій паничъ! Не тебѣ меня учить, не твое дѣло! А коли накляузничаешь, такъ мы тебя отколотимъ на всѣ корки. Смотри,—помни!

И выбравши одно удобное послѣ-обѣда, когда всѣ въ домѣ легли отдыхать, Алёша съ Личардой перебѣжали пустырь; домишко Бѣлкиной оказался шагахъ въ пятидесяти отъ Слободинскаго плетня. Молодая и красивая баба, сидѣвшая у калитки, указала, что надо идти въ огородъ, тамъ въ банѣ и живетъ поповичъ.

Поперегъ огорода госпожи Бѣлкиной лежалъ земляной валъ, остатокъ стариннаго укрѣпленія, оборонявшаго городъ. Кто говорилъ, что этотъ валъ насыпанъ противъ Пугача,—кто утверждалъ, что это была граница татарщины,—вѣрнаго ничего обыватели не знали. Мѣстами онъ былъ совсѣмъ срытъ, гдѣ того требовала новѣйшая планировка города, а на пустыряхъ, садахъ и огородахъ онъ до сихъ поръ лежалъ зеленымъ горбомъ сажени въ три вышиною. Госпожа Бѣлкина очень искусно пристроила къ этому валу баню, такъ что три стѣны были врѣзаны въ землю, а четвертая глядѣла на свѣтъ маленькими одностекольными оконцами. Чтобы войти въ это зданіе нужно было спуститься на четыре ступеньки и наклонить голову передъ низенькой дверью, за которою теперь раздавалось пѣніе довольно хриплаго баритона. Онъ пѣлъ: „Отъ юности моея мнози бьютъ мя напрасно! Оса-анна заступи!..“

Посѣтители, войдя въ передбанникъ, увидѣли, что пѣніе это производитъ человѣкъ, лежащій на лавкѣ кверху носомъ, въ одномъ бѣльѣ и босой, закинувъ руки подъ голову.

— Здѣсь г. Сіонскій живетъ?

— Я Сіонскій. Кому меня надо?—не пошевелившись сказалъ обитатель бани.

— Вашъ братъ, Фортификантовъ, былъ моимъ учителемъ въ N. Онъ просилъ, чтобъ я непремѣнно съ вами познакомился; вотъ я и пришелъ... Извините... бормоталъ Алёша.

— Значитъ вы Слободинъ,—знаю. Братъ написалъ мнѣ про васъ изрядную эпистолу; съ знакомымъ мужичкомъ переслалъ. Давно, давно ужъ это было. Что-жъ вы до сихъ поръ не приходили?

— Не зналъ, гдѣ вы живете.

— Резонъ. А я думалъ, что вы, какъ и вообще всѣ дворянчики, гнушаетесь нашимъ братомъ, а вы ничего... Ну, спасибо. Садитесь, юнецъ. Будемъ знакомы. Алексѣй... а какъ по батюшкѣ? Кажется, Петровичъ, такъ? Садитесь-же вотъ тутъ, Алексѣй Петровичъ,—сказалъ Сіонскій, подвигаясь на лавкѣ.—А это кто съ вами?

— Нашъ мальчикъ... Алёша запнулся, не зналъ подъ какимъ титуломъ рекомендовать Личарду.

— Изъ дворовыхъ, значитъ,—подсказалъ Сіонскій. Садитесь и вы—на чемъ стоите.

Алёша вдругъ растерялъ всѣ мысли, не зналъ зачѣмъ пришелъ и о чемъ повести разговоръ. Онъ осматривался кругомъ, какъ будто стараясь прежде освоиться съ обстановкой новаго знакомца. Запахъ мыльной воды и березовыхъ вѣниковъ сильно билъ въ носъ. На полу валялись тетради и обтрепанныя учебныя книги, на окнѣ помадная банка съ чернилами, нѣсколько сухихъ, обгрызенныхъ перьевъ. На стѣнѣ висѣла фуражка и длинный демикотоновый сюртукъ; остальныя принадлежности туалета, на лавкѣ свернутыя въ комокъ, служили изголовьемъ хозяина. Сіонскій часто кашлялъ и харкалъ съ какимъ-то ожесточеніемъ; бѣлое рябоватое лицо его съ небольшимъ остренькимъ носикомъ и черезчуръ высокимъ лбомъ, надъ которымъ торчали жиденькіе кудреватые волосы,—было почти безжизненно, когда онъ молчалъ и закрывалъ глаза. Въ разговорѣ онъ оживалъ, торопился и немножко шепелявилъ, глаза бѣгали быстро, губы складывались насмѣшливо.

— Хижину мою разсматриваете?—обратился онъ къ Алёшѣ, и самъ же отвѣчалъ: да, тутъ жить великолѣпно. На дворѣ жаритъ, а у меня холодокъ; мухъ нѣту, а тишина-то какая—рай! Онъ проговорилъ это тономъ счастливѣйшаго человѣка и досталъ изъ-подъ изголовья кисетъ, огниво и коротенькую трубочку, которую тщательно продулъ и набилъ табакомъ.

— Давно вы тутъ живете?

— То-то и бѣда, что недолго мнѣ ликовать въ этомъ дворцѣ. Нонѣшній годъ, какъ распустили насъ на вакацію,—мнѣ ѣхать некуда, вотъ я и перебрался сюда на лѣто. Спасибо, хозяйка добрая, пустила по знакомству; я за то ей библіотеку привелъ въ порядокъ. Славная библіотека! послѣ мужа ей досталась — лекаремъ былъ; я пользуюсь тамъ много. Ну, такъ вотъ-съ и живу тутъ пока; а зимой не знаю какъ... впрочемъ, все лучше, чѣмъ общая квартира,—вы представить не можете, что это за мерзь такая! Хотите?—Онъ вынулъ изо-рта трубку, сплюнулъ, обтеръ мундштучокъ пальцами и подалъ Алёшѣ. Аль, можетъ, еще не курите?

— Не курю.

— И добро, что не курите. Это самая поработительная привычка. Ну-съ, какимъ же премудростямъ обучалъ васъ злополучный мой frater?

— Проходили священную исторію до царей; грамматику было-начали немножко; четыре правила ариѳметики, и только.

— Значитъ, онъ не подлецъ. Это онъ могъ. А я думалъ... ха-ха-ха! Ну, а теперь что же вы дѣлаете?

Алёша развязался и подробно пересказалъ всѣ свои учебныя пытки. Когда онъ перечислялъ предметы, которые заставляютъ его зубрить, Сіонскій иронически поддакивалъ: „Эге! Туда!—Ишь ты! Жарь его“! — и залился смѣхомъ въ перемежку съ кашлемъ.

— Эки черти, шарлатаны проклятые! Это они въ три руки принялись васъ хлестать... Ну, не подлый ли народъ?—А вѣдь все изъ алчности гнусной... А, чтобъ имъ!

— Говорятъ, иначе нельзя, — не поспѣю къ августу приготовиться въ 1-й классъ гимназіи.

— Не поспѣю! да нешто вы рѣпа? Вонъ рѣпа и та поспѣваетъ въ свое время, — а какъ-же можно по заказу такъ пригнать человѣческую голову... Эхъ-хе-хе!

— Я по секрету вамъ скажу, — продолжалъ Алёша, ободренный сочувствіемъ къ своему положенію: — этого желаютъ мои родители, а я... я бы вовсе не хотѣлъ учиться. На что мнѣ эта наука? Я хочу быть простымъ человѣкомъ, а вовсе не какимъ-нибудь знатнымъ господиномъ...

Сіонскій сильно затянулся изъ трубочки и медленно выпуская дымъ, глядѣлъ на Алёшу вопросительно, какъ будто собирался его клюнуть своимъ остренькимъ носикомъ. Тотъ потупился и испугался своей откровенности.

— Да-а... да, вотъ что! соображалъ философъ. Ну, это требуетъ разсмотрѣнія... Оно конечно, видно, что вы паренекъ добрый, лучше быть просто человѣкомъ, ибо нѣтъ ничего выше: homo sum... и шабашъ! И опять же вы правы, что эта наука ни къ чорту не годится; только позвольте, прежде всего разберемъ: развѣ это вотъ наука, что теперь вколачиваютъ въ васъ? Это вотъ что... и Сіонскій, рѣзко свиснувъ, кликнулъ: — Стультусъ! сюда! шершъ! При этомъ дверь изъ бани выпихнулась, и красивый бѣлый пудель кинулся на грудь къ своему хозяину. Алёша и Личарда струхнули и попятились отъ собаки, которая съ визгомъ и лаемъ перепрыгивала черезъ протянутую ногу Сіонскаго, приносила ему изъ угла брошенный кисетъ, становилась на заднія и на переднія лапы, и послѣ каждой штуки подобострастно глядѣла въ глаза, ожидая новыхъ приказаній.

— Ну, кушъ тутъ! смирно, Стультусъ! Такъ *это* вотъ что-съ, а не наука... Они вамъ этого не скажутъ. Понимаю очень, что вы затѣмъ и пришли ко мнѣ... (Сіонскій пріосанился какъ-то покровительственно и съ глубокимъ чувствомъ собственнаго величія). Нашимъ братомъ гнушаются, а что ни говори, все-таки мы свѣтильники, почерпнуть кое-что отъ насъ можно. Такъ-ли?

Я вотъ какой человѣкъ, что давай мнѣ отецъ вашъ тысячу рублевъ—деньги громадныя, а я не возьму, чтобы причислить себя къ лику вашихъ наставниковъ. Я дамъ вамъ совѣтъ даровой и честный: вы всю эту выучку пройдите, тяжко, да чортъ съ ней, пройдите... Вы такъ на нее и смотрите, какъ на искусъ, или положимъ—какъ смотримъ мы на болѣзнь, оспу тамъ что-ли... И знайте, что это не наука. Въ гимназію тоже непремѣнно поступите, это дѣло хорошее. А тамъ я вамъ скажу, что дѣлать. Хотите быть человѣкомъ, такъ слушайте меня, я могу поруководствовать кое-въ-чемъ. Вѣдь вы, барчукъ, будете навѣщать меня, не такъ ли? Я къ вамъ не пойду, ужъ извините.

— Почему-же? у меня комната особая.

— Нѣтъ, не приходится. Объ этомъ говорить не будемъ. Гм-да! А великолѣпная собака, не правда-ли? крикнешь ей: Стультусъ! не обижается, а еще рада... Такъ-то, значитъ, вы не баринъ, Алексѣй Петровичъ, а просто человѣкъ хорошій; ну, и ладно, смотрите же, держитесь крѣпко того... ну вотъ того, что сидитъ въ вашей душѣ... Значитъ, это въ васъ натура говоритъ, а она никогда не обманетъ, не солжетъ!

Сіонскій сказалъ эти слова съ особымъ удареніемъ, будто въ нихъ таился смыслъ, понятный только ему да Алёшѣ; потомъ всталъ, прошелся, шлепая босыми ногами по передбаннику; онъ сладко улыбался и теребилъ на подбородкѣ жидкій пушокъ, какъ будто набрелъ на отличное дѣльцо, обѣщающее пропасть наслажденій. И какъ-то нечаянно онъ заглянулъ подъ лавку, вытащилъ оттуда зеленый полуштофъ, на горлышкѣ котораго было надѣто два сухихъ бублика.

— Вотъ эту штуку я вамъ не предлагаю, и знакомиться съ нею не совѣтую... Онъ разсмѣялся и приставилъ ко рту горлышко полуштофа.—Это цѣлительный бальзамъ; только его нельзя принимать такъ, зря, на это надо имѣть ве-еликое право! Иначе выйдетъ пошлость и мерзь. Вы еще понять этого не можете, юный!...

Онъ еще разъ приложился къ горлышку и началъ звонко грызть бубликъ, размышляя вслухъ:

— Наука, государь мой, святое дѣло... но — о горе, горе! — гдѣ же она обитаетъ? – Гдѣ же тѣ зеленые сады Академа, въ которыхъ юноши счастливые, веселые и сытые, — да, натурально, сытые, — играя внимали словамъ божественнаго Платона?... Нынѣ истина рождается въ мукахъ — и въ жесточайшихъ же мукахъ она достается нѣкоторымъ умамъ... Нищета, голодъ, истязанія, гоненія — тяжкій крестъ!...

Сіонскій опять хлебнулъ изъ штофа, захрустѣлъ бубликомъ и прилегъ.

— Вотъ я теперь лежу здѣсь, въ банѣ госпожи Бѣлкиной, — дѣйствительно такъ, — но тѣмъ не менѣе я составляю частицу вселенной, малѣйшій атомъ безконечныхъ міровъ, — я дерзаю и могу обнимать отсюда, изъ сей норы всю совокупность творенія... могу добраться дальше и выше, — наконецъ, вопросить высшій разумъ, на допросъ его поставить... Ась? — какъ вы думаете, вѣдь могу? Отвѣчайте мнѣ, точно ли я могу? приставалъ онъ къ Алёшѣ, теребя за пуговицу. — Извольте отвѣчать!

— Конечно, можете... робко отозвался тотъ.

— Ну, стало быть такъ я говорю, — могу! А гдѣ-же такая наука написана, гдѣ? Не въ этихъ ли скудоумныхъ упражненіяхъ... И онъ ткнулъ ногою въ кучу тетрадокъ. — Говорятъ, свѣтскихъ книгъ не читай... А тамъ только и есть кое-что, немногое... Н-да, не читай... За Канта я подверженъ былъ трехдневному истязанію, по пятидесяти лозановъ... Замѣть другъ, — трехдневному... А я его читалъ, — что, читалъ! я его ѣлъ, пилъ, — лексиконъ изгрызъ; самъ всей сути добивался... и добился... а они — трехдневное... Нѣту, нѣтъ у насъ науки, нѣтъ! Школяры, фарисеи... о-о-о... горе вамъ!...

Сіонскій еще нѣсколько минутъ разглагольствовалъ на эту тему и пришелъ къ тому выводу, что науки нѣтъ нигдѣ, но все-таки когда-нибудь онъ до нея доберется. Полуштофчикъ опорожнился окончательно; философъ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами и тыкалъ пальцемъ въ золу погасшей трубки. Онъ мычалъ какія-то непонятныя слова, перемѣшанныя съ текстами —

и наконецъ умолкъ. Алёша переглянулся съ Личардой на счетъ того какъ бы дать тягу, но только что они тронулись къ двери, Стультусъ, нашколенный хозяиномъ—всякаго входящаго впускать безпрепятственно, но не выпускать ни подъ какимъ предлогомъ,— кинулся на защиту двери и грозно оскалилъ зубы. Личарда прикрикнулъ и шагнулъ смѣло,—Стультусъ съ визгомъ наказалъ его за это покушеніе, укусивъ за икру.

— Вотъ бѣда-то!... что намъ дѣлать? Ишь какъ штанину, проклятая, разорвала.

— Дома хватятся; эхъ скверно! Вотъ солнышко-то гдѣ, скоро чай пить станутъ.

— Разбудимъ его.

Но усилія разбудить оказались тщетны и вызвали пущее неудовольствіе вѣрнаго пса, который метался, но зорко сторожилъ дверь. Ребята оказались подъ арестомъ—и долго сидѣли они. Личарда старался развеселить барина, громко чихалъ, дразнилъ собаку, затянулъ-было пѣсню;—Сіонскій не просыпался. Косые красные лучи вечерняго солнца заглянули въ окно передбанника. Въ глазахъ Алёши ходили слезы.

— Стойте, баринъ, знаю! нашелся Личарда, нагнулся и живо выдернулъ козелокъ изъ-подъ того конца лавки, гдѣ лежали ноги спящаго. Доски застучали, туловище Сіонскаго поѣхало и очутилось въ сидячемъ положеніи. Онъ безтолково оглянулъ вокругъ.

— Кто? зачѣмъ? Брр-у-ахъ! зѣвнулъ Сіонскій протяжно и очнулся. Ахъ, Боже мой! что это я? Простите... Прочь ты, болванъ! онъ жестоко ударилъ честнаго пса. Простите, братья, мою гнусность... Экая же я скотина! Ради Христа простите... Несчастный я человѣкъ... Послѣднія слова прошепталъ онъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ, опустивъ растрепанную голову въ колѣни.

— Ничего, ничего... утѣшалъ его въ свою очередь Алёша, до глубины души тронутый его унылымъ, безнадежнымъ сокрушеніемъ. Только намъ пора домой, прощайте...

— А песъ—караульщикъ знатный. Вона какъ штанину-то мнѣ располосовалъ!

— Штанину! ахъ Боже мой, Боже мой... я вамъ куплю новые, непремѣнно куплю новые, — съ отчаяніемъ, почти со слезами твердилъ Сіонскій. Постойте господа... посидите, вотъ я трубочку...

— Нѣтъ, нѣтъ, пора! дома спросятъ, достанется намъ.

— И еще достанется? Фу, какой же я свинтусъ, ахъ! Позвольте, я васъ провожу.

— Зачѣмъ! Не надо... прощайте.

— Одно слово, Алексѣй Петровичъ... Слушайте: я вижу, вы обидѣлись; вы даже раскаяваетесь, что забрели къ такому человѣку...

— Ей-богу, нѣтъ! домой намъ пора.

— А если нѣтъ, то... ну, это покажетъ время... я полагаю, что вы больше ко мнѣ ужъ не придете... Что-жъ дѣлать! значитъ гусь свиньѣ не товарищъ... Жаль! ну, прощайте Алексѣй Петровичъ, не осудите, — я передъ вами весь тутъ, каковъ есть... во всей моей мерзости... Послѣ крѣпкихъ увѣреній, что все это ничего, пустяки, что скоро и непремѣнно опять свидимся, Алёша вышелъ. Дорогой онъ обдумывалъ, что сказать дома на вопросъ — гдѣ былъ? Припомнился ему случай, когда откровенность его чуть не погубила Фортификантова, — и рѣшилъ онъ солгать. Выдумалъ какую-то исторію, разумѣется, совершенно неправдоподобную и условился съ Личардой, чтобы не было разнорѣчія въ показаніяхъ.

Несмотря на перенесенное томленіе страха и на скверную необходимость лгать, Алёша чувствовалъ себя довольнымъ, что познакомился съ Сіонскимъ, точно какое важное дѣло сдѣлалъ, и рѣшилъ продолжать это знакомство. Нѣкоторые намеки новаго знакомца зацѣпили его за больное мѣсто, и онъ готовъ былъ вытерпѣть всяческія непріятности, лишь бы только добиться откровеннаго, задушевнаго разговора: отъ Сіонскаго онъ ожидалъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые такъ мучительно накопились...

А Личарда обдумывалъ, какимъ манеромъ ему обзавестись трубочкой; за табакомъ дѣло не станетъ: у барина въ кабинетѣ всегда лежитъ картузъ вакштафу, — по горсточкѣ брать, никто и не замѣтитъ... а курить бы трубочку важно!...

VI.

Въ августѣ Алёша благополучно выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ гимназію. Всѣ въ домѣ радовались этому счастливому событію; отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Петръ Ивановичъ съ гордостью разсказывалъ, что, по отзыву директора, сынъ могъ бы быть принятъ во 2-ой классъ, но пусть лучше будетъ первымъ ученикомъ въ 1-мъ классѣ, чѣмъ посредственнымъ во 2-мъ. Отецъ сильно налегалъ на это первенство въ классѣ. Мать радовалась, что Алёшинька твердо сталъ теперь на дорогу, приличную всякому дворянскому дитяти, которая ведетъ прямо къ чинамъ и хорошимъ мѣстамъ — „будетъ утѣха и кормилецъ мой подъ старость.“ Сокрушалась Анна Дмитріевна только о томъ, что ребенокъ сильно похудѣлъ, изнурился, — „ну, авось въ гимназіи поправится, можетъ тамъ не будутъ морить наукой-то этакъ спѣшно, словно на почтовыхъ“; — и приказывала она портному, снимавшему мѣрку на гимназическій мундиръ, пускать вездѣ пошире, съ запасомъ. Даже Ѳедоръ Ѳедорычъ погладилъ Алёшу по головѣ, примолвивъ: „ну, молодецъ! только смотри не опустись и не связывайся тамъ съ разными балбесами. Ты долженъ теперь еще больше прилежать, дабы современемъ удостоиться чести носить студентскую шпагу. Видѣлъ когда-нибудь, какъ студенты ходятъ? Треугольная шляпа, шпага, — ты пойми, какъ это лестно!“

Вотъ какіе толки слышалъ Алёша вокругъ себя, и гимназія представлялась ему не то пóвинностью, не то службой... Радовался онъ единственно тому, что выскочилъ изъ лапъ усердныхъ педагоговъ: крѣпко держась совѣтовъ Сіонскаго, онъ выдержалъ домашнюю дрессировку, необходимую только на одинъ случай — гимназическій экзаменъ, — и ждалъ, что будетъ дальше. Настоящаго своего положенія онъ не могъ опредѣлить ясно, потому что воля его была слишкомъ рѣзко надломлена; его симпатіи и взгляды,

вынесенныя изъ міра дѣтскихъ впечатлѣній, теперь зашатались, оказались несостоятельны передъ ломовымъ теченіемъ жизни. Особенно замѣчательно, что онъ не винилъ никого лично — ни отца, ни мать, ни учителей, ни даже Өедора Өедорыча, а замѣтилъ, что всѣ они повинуются какому-то неизвѣстному, но могучему закону: „такъ надо, иначе нельзя, неприлично, стыдно", твердили они, ссылаясь на то, что всѣ такъ дѣлаютъ.

Въ гимназіи онъ очутился въ толпѣ мальчиковъ, которые тоже повиновались общему закону, — собирались въ извѣстный часъ, сидѣли въ классѣ смирно, зубрили уроки, все потому, что такъ требовалось; объ отысканіи какой-нибудь другой, настоящей причины никому и въ голову не приходило, даже о студентской шпагѣ никто не помышлялъ. Случилось такъ, что цѣлую недѣлю Алёшу ни одинъ учитель не вызывалъ, и хотя онъ приготовлялъ уроки исправно, но ужасно радъ былъ этому обстоятельству; „вотъ славно, соображалъ онъ, — останусь я этакъ въ толпѣ, непримѣченный, забудутъ обо мнѣ, а я втихомолку все буду думать *попрежнему*..." Всѣ инстинкты побуждали Алёшу какъ-нибудь отстоять свою самостоятельность.

Свиданія съ Сіонскимъ продолжались и содержались въ большомъ секретѣ; съ поступленіемъ въ гимназію въ нихъ оказалась для Алёши практическая необходимость: онъ былъ плохъ въ ариөметикѣ и для рѣшенія мало-мальски сложной задачи вынужденъ былъ обращаться за помощью къ Сіонскому.

— Знаете ли, Адріянъ Никитичъ, открылся разъ Алёша, — вѣдь я ничего не понимаю изъ того, что мы учимъ. Гдѣ надо слово въ слово—отлично выучу, а разсказать своими словами не умѣю. Я совсѣмъ въ потёмкахъ. Особенно эта ариөметика — чисто бѣда моя!

— Оно такъ и быть должно. Я самъ лѣтъ пять зудилъ всякіе предметы безъ малѣйшаго пониманія. Пониманіе-то вдругъ не дается, и никакой преподаватель вамъ его не передастъ: этого они не считаютъ даже своею обязанностью. Учитель обыкновенно пришелъ въ классъ, повѣрилъ авдиторовъ, поставилъ для порядка

учениковъ пять-шесть на колѣни, отмѣтилъ въ книжкѣ до коихъ мѣстъ выучить къ слѣдующему разу, и пошелъ. Что ему? Жалованье получаетъ исправно, а отъ ученика ему корысти мало.

— Ну, нѣтъ,—у насъ заведено каждому учителю въ имянины подарокъ нести: чашку фарфоровую, матеріи на жилетку, или серебряную какую вещицу. Разумѣется, богатенькіе несутъ.

— Да, это такъ. Мы вотъ бѣдняки, а тоже и у насъ отцы пріѣзжаютъ на поклонъ, тащатъ по силѣ возможности. Да что-жъ отъ этого пользы!

— Добрѣе учитель становится, рѣже вызываетъ, отмѣтки хорошія ставитъ. Вообще легче противъ другихъ.

— Вотъ видите, какая гнусность! Вѣдь этимъ онъ вреда-то вамъ дѣлаетъ не на фарфоровую чашку, а цѣлую корчагу... Вотъ отчего изъ этихъ богатенькихъ-то ребятишекъ и выходитъ такая мерзь! Не держитесь вы этого, Алексѣй Петровичъ, плюньте. Посылать васъ станутъ съ подаркомъ, а вы нейдите; пусть лакей отнесетъ.

Пососавъ свою трубочку, Сіонскій продолжалъ медленно, словно вслушиваясь въ собственныя слова:

— А мы вотъ что сдѣлаемъ... коли хотите, я буду вашимъ репетиторомъ; чудесно пойдетъ у насъ дѣло. Оно и мнѣ на руку: занятъ буду. Пора бросить всѣ гнусности, ну ихъ! да и здоровье плохо, въ груди иной разъ подступитъ и хрипитъ, ровно пильный заводъ. Скверно!

— Спасибо вамъ, Адріянъ Никитичъ,—только я скажу отцу, онъ за это платить вамъ будетъ.

— Ну вотъ ужъ этого не дѣлайте; во-первыхъ, денегъ ни подъ какимъ видомъ я не приму... А скажете отцу, такъ ничего изъ этого не выйдетъ: пойдутъ наводить справки, и капутъ! На этотъ счетъ я имѣю свои соображенія... лучше молчите; наше дѣло будетъ совсѣмъ не покупное.

— Хорошо... однако вамъ, должно быть, деньги нужны. Какъ же это—чѣмъ вы живете?

— Э-эхъ, Алексѣй Петровичъ! Х-ха! чѣмъ живу? Да всей-

то нашей жизни цѣна мѣдный грошъ... Чѣмъ живу? Оно дѣйствительно мудрено сказать... а ничего, не жалуюсь: хоромы важныя, ну и похлебать тоже... Видѣли, можетъ, хозяйскую стряпку, Арину,—она вонъ за воротами сидитъ; я вамъ скажу, бабёнка важная, сама забѣжитъ, поѣсть принесетъ; впрочемъ, что я передъ вами размазываю! предметъ совсѣмъ низкій, кому онъ занимателенъ! Извѣстно, какъ втянешься, такъ будто и ничего, а иной разъ отвлечешься нѣсколько отъ этой срамной низменности, такъ даже стыдно станетъ, передъ собой стыдно, а не то что разсказывать кому...

Опять поразило Алёшу это слово *стыдно;* и въ устахъ Сіонскаго это „стыдно" звучало еще поразительнѣе.—Неужели, думалъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ надо стыдиться той обыкновенной вседневной жизни, которую всякій человѣкъ ведетъ у себя дома? и скрывать эту жизнь, какъ что-то срамное, а къ людямъ являться въ какомъ-то особенномъ, показномъ видѣ? Вѣдь это выходитъ мы живемъ въ круговомъ обманѣ. Онъ упорно боролся съ такимъ выводомъ и выжидалъ случая потолковать съ Сіонскимъ именно вотъ о томъ, на чемъ лежитъ тяжелый запретъ житейскаго стыда.

Несмотря на разницу лѣтъ, между ними установились дружескія отношенія. Кромѣ того, что Сіонскій встрѣтился Алёшѣ въ такую минуту, когда этотъ мальчикъ весь горѣлъ потребностью обмѣна накопившихся и возбужденныхъ мыслей, симпатіи ихъ оказались однородны; такъ, когда Алёша объявилъ, что терпѣть не можетъ Луку Ѳедорыча, и прозвалъ его „чепухинскимъ паничемъ", Сіонскій расхохотался и примолвилъ:

— Да оно такъ и быть должно. Вѣрно! Подобныхъ людей вы не полюбите, они всегда вамъ будутъ чужіе. Вѣдь онъ крестникъ господина Міроносцева?

— Крестникъ. Ну да ужъ и папенька его тоже—чепуха!

— Знаю, знаю и его.

— Знаете?

— Какъ не знать, и весьма даже близко знаю! Когда-нибудь

разскажу... Прозвали его „старая каретная лошадь“, справедливо, да только карету-то возитъ пустую. Лукашка, разумѣется, дрянцо; а вотъ кабы вы узнали нашего знаменитаго Павла Николаевича, вотъ это гусь лапчатый, персона! Вообще же, по-моему, этихъ пустосвятовъ слѣдовало бы вывести на свѣжую воду. Нашъ братъ коренникъ; въ насъ нѣтъ этой податливости на всякія приманки, и путь нашъ совсѣмъ другой...

И онъ много говорилъ о свободѣ совѣсти, о значеніи религіозныхъ убѣжденій, ввелъ Алёшу въ сферу такихъ понятій, которыя ему показались открытіемъ Америки, но такой Америки, которая какъ будто давно и всегда существовала внутри его...

Время шло; благодаря помощи Сіонскаго, Алёша учился толково и легко, такъ что при преобразованіи гимназіи въ семиклассную онъ попалъ изъ перваго класса въ четвертый и получилъ подарокъ.

У него оставалось много свободнаго времени и онъ принялся за чтеніе книгъ, которыя Сіонскій доставалъ изъ библіотеки своей хозяйки. Прочитывалъ онъ отъ доски до доски всѣ альманахи двадцатыхъ годовъ, начиная съ „Полярной Звѣзды“ и до „Аглаи“; приходилъ въ восторгъ отъ повѣстей Бестужева и стихотвореній, изъ которыхъ многія, особенно подписанныя буквами А. П. или „А. Пушкинъ“, переписывалъ въ тетрадку и выучивалъ наизусть. Романы Ратклифъ въ московскомъ сѣренькомъ изданіи, баллады Жуковскаго, поэмы и повѣсти съ неистовыми страстями, привидѣніями и всякими сверхъестественными ужасами, скоро напустили въ голову Алёши такой романтическій чадъ, который густымъ слоемъ застелилъ его взглядъ на простую правду жизни. Часто онъ, бродя по пустырю, заросшему бурьяномъ, воображалъ себя странствующимъ рыцаремъ, воюющимъ съ злымъ колдуномъ и со всякой чертовщиной, освобождающимъ заключенныхъ изъ темницъ и подземелій, и встрѣчающимъ, наконецъ, чудную дѣву — вѣнецъ всѣхъ подвиговъ. Дѣва пока еще въ его воображеніи уподоблялась существу совершенно безплотному, способному только лепетать нѣжныя слова. Но иногда въ толпу этихъ туманныхъ,

безтѣлесныхъ призраковъ назойливо втѣснялись живыя картины изъ недавняго дѣтства, и мечты о вольной жизни на лѣсистомъ берегу большой рѣки, среди русской сельской обстановки. Онѣ еще не потеряли своей власти надъ Алёшей; только теперь, сбитый съ толку, онъ не зналъ чему поклониться: этимъ ли реальнымъ представленіямъ, или тому новому заманчивому міру, о которомъ твердили ему книги...

Этого вопроса не могъ рѣшить и Сіонскій, выдолбившій реторику Кошанскаго, знавшій всѣ тропы, фигуры и дѣленіе слога на высокій, средній и низкій. Онъ смотрѣлъ на легкую литературу вообще, какъ на пріятное занятіе, отвлекающее человѣка отъ насущнаго горя и убожества, и преимущественно виталъ мыслію на вершинахъ метафизической философіи, которую только и признавалъ дѣломъ, достойнымъ человѣка. Но для Алёши философія была еще темна вода во-облацѣхъ, онъ гораздо серьёзнѣе и страстнѣе Сіонскаго относился къ той пищѣ, которую подносила литература.

Въ бесѣды нашихъ друзей, по поводу прочитанныхъ книгъ, изрѣдка забирались толки и вопросы о ближайшихъ явленіяхъ жизни.

Однажды Алёша прибѣжалъ къ Сіонскому необыкновенно веселый и довольный, какъ человѣкъ, сдѣлавшій великое открытіе.

— Вы читали ту книгу, что вчера мнѣ дали? лукаво спросилъ онъ, держа книгу за спиною.

— Можетъ и не читалъ,—а что?

— Такъ давайте же сейчасъ примемся читать ее вмѣстѣ. Тутъ есть штука важная. Я вамъ скажу... ну, да послѣ потолкуемъ, а теперь слушайте.

И горяченькій Алёша сѣлъ на лавкѣ, развернулъ книжку и торжественно началъ.

— „Черная немочь“, повѣсть М. Погодина.

Сіонскій улегся ловчѣе, сплюнулъ, закурилъ трубку и закрылъ глаза, изготовился слушать.

Алёша читалъ залпомъ, едва переводя духъ отъ избытка внутренняго удовольствія.

Эта повѣсть едва извѣстна нынѣшнимъ любителямъ литературы; для своего времени она была явленіемъ примѣчательнымъ: въ ней изображенъ простой бытъ, близкія къ правдѣ народныя сцены, все обыденное, знакомое, дѣйствительность грубая и уродливая, и только характеру героя придана романтическая тенденція,—тогда нельзя же было безъ этого! Но дѣло совсѣмъ не въ литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ повѣсти, которыя для насъ теперь не интересны, дѣло въ томъ, что эта случайно-попавшаяся повѣсть вѣрно не была никѣмъ прочитана такъ симпатично, какъ нашими пріятелями, засѣдавшими въ передбанникѣ госпожи Бѣлкиной.

Дочитавъ послѣднюю страницу, Алёша вопросительно взглянулъ на Сіонскаго.

— Ве-ли-ко-лѣп-но! процѣдилъ философъ.

Но не того ждалъ Алёша: ему нужны были не похвалы сочиненію М. Погодина, а подтвержденіе или отрицаніе той мысли, которая теперь, получивъ толчокъ, работала въ его безпокойной головѣ и вела свою родословную чуть-ли не отъ перваго, темнаго отвращенія его отъ дворянской науки...

— А вѣдь тутъ многое похоже на правду, — сказалъ онъ. Мнѣ кажется, что еслибы каждый человѣкъ описывалъ то, что онъ видѣлъ своими глазами, что́ съ нимъ случалось, все о чемъ онъ думалъ, всю, всю свою жизнь, не разбирая, стыдно это или нѣтъ, вышло бы презанимательное сочиненіе... А вы какъ думаете?

— Мм-да, пожалуй... Только для этого надобно быть необыкновеннымъ человѣкомъ, вонъ какъ знаменитый Жанъ-Жакъ Руссо, написавшій свою исповѣдь. Вы не читали?

— Даже и не слыхалъ. Да нѣтъ, я не про то говорю... Еслибы всякій простой человѣкъ, вотъ какъ вы, да я... только откровенно, какъ есть на-голо...

— Ну, знаете ли, это задача!

Сіонскій немилосердно грызъ роговой мунштучокъ; видно было, что предположеніе Алёши поставило его въ-тупикъ: оно не подходило ни подъ одну схоластическую категорію литературныхъ

произведеній. Онъ началъ-было свысока объяснять законы творчества, сущность поэзіи, отношеніе формы къ содержанію, цѣли искусства и проч., но слушатель вдругъ огорошилъ его коротенькимъ замѣчаніемъ.

— Все это такъ, да къ чему оно нужно?—выдуманное...

— Къ чему нужно? Гм-да... И пока Сіонскій, углубляясь въ вопросъ, грызъ свой мунштучокъ, Алёша смѣло предложилъ:

— Мы для пробы вотъ что сдѣлаемъ: я вамъ разскажу свою жизнь, а вы мнѣ свою, только чуръ безъ утайки. А потомъ напишемъ. И положенъ былъ уговоръ начать завтра эту обоюдную исповѣдь. Но на слѣдующій день, передъ вечеромъ Алёша нашелъ баню госпожи Бѣлкиной пустою, только кучи табачной золы свидѣтельствовали о недавнемъ пребываніи тутъ Сіонскаго. Арина съ тревогой и недоумѣніемъ разсказала, что утромъ-де ушелъ своимъ порядкомъ въ семинарію; потомъ пришелъ оттуда какой-то господинъ со сторожемъ, забрали они всѣ его книжки — и халатъ старый, что подъ голову клалъ — и тотъ взяли; сказали, чтобъ его не ждать, съ тѣмъ и ушли.

— Охъ, ужъ и сама не знаю, что думать!.. Собаку его вотъ взяла къ себѣ, а гдѣ-то онъ самъ теперича, сердешный мой?— вѣдь поди голодный сидитъ. Снесла бы ему щецъ, аль молочка, да куды нести-то опять не знаю...

VII.

Сіонскій былъ парень очень способный, но не изъ породы тружениковъ; энергія его, раздавленная бурсой, была неустойчива, порывиста и часто несоразмѣрна съ физическими силами. Принявшись за что-нибудь горячо, онъ забывалъ уже всѣ другія занятія, да не только занятія, все свое существованіе забывалъ,

весь уходилъ въ избранное дѣло; а потомъ, глядишь, вдругъ броситъ это дѣло не доведя до конца, потому что, либо силъ не хватило—кашель разыгрывался до кровохарканія, либо разоблачалась передъ нимъ вся суть избраннаго дѣла, и оказывалось оно напраснымъ толченіемъ воды, давно уже истолченной другими; либо то и другое являлось вмѣстѣ—и Сіонскій, разругавъ себя и свое положеніе, съ ожесточеніемъ хватался за зеленый полуштофъ и погибалъ по недѣлямъ. За симъ неизбѣжно слѣдовали семинарскія исправительныя мѣры, еще пуще ожесточавшія его и добивавшія въ конецъ его здоровье. Самоучкой научился онъ нѣмецкому языку, потому что непремѣнно захотѣлось прочесть въ подлинникѣ, какъ онъ говорилъ, „нѣкоторыхъ знатныхъ нѣмцовъ"; и въ полгода читалъ почти свободно, а черезъ годъ—при случайной, урывчатой помощи одного знакомаго учителя гимназіи—овладѣлъ даже премудростью философской терминологіи. Книги глоталъ онъ безъ разбора, голодному не до того, чтобы разбирать, что ѣшь, тѣмъ болѣе свѣтскія книги — плодъ запрещенный, а онъ твердо зналъ латинскую пословицу—nitimur in vetitum... Хаосъ безпорядочно нагроможденныхъ понятій, безплодный задоръ метафизическихъ вопросовъ, жажда найти истину помимо указанныхъ путей и горькое убѣжденіе, что эти пути никогда не приведутъ къ истинѣ, наконецъ сознаніе полнѣйшей невозможности выбиться изъ роковой колеи своего сословія, къ которому онъ не чувствовалъ никакого призванія,—все это, конечно, не могло успокоительно дѣйствовать на молодую натуру. Подъ вліяніемъ постояннаго органическаго раздраженія, Сіонскій не могъ быть пріятнымъ, покорнымъ и мягкимъ, какъ воскъ ученикомъ; онъ былъ грубъ, циниченъ, нелюдимъ и состоялъ у начальства на счету первѣйшихъ негодяевъ; ждали только случая, чтобъ исключить его изъ семинаріи.

Случай представился скоро.

Старый мудрецъ Міроносцевъ, на извѣстной конференціи хотя и былъ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ лишнихъ рюмокъ дрей-мадеры, однако довольно мѣтко предсказалъ неудобство „знатныхъ

привилегій"; ошибся онъ только въ томъ, что привилегіи эти повредили больше самимъ привилегированнымъ, чѣмъ остальной заурядной массѣ. Павелъ Николаевъ и Лука Ѳедоровъ, выдвинутые обстоятельствами изъ совсѣмъ темнаго положенія, скоро увидѣли, что блестящая роль ихъ кончилась, и еслибы ими руководило простое убѣжденіе въ пользѣ совершоннаго дѣла, они легко и сознательно вошли бы въ колею обыкновенныхъ смертныхъ, но въ томъ-то и бѣда, что эти блестящія — и только блестящія роли страшно раздуваютъ въ насъ самомнѣніе и потребность постоянно рисоваться. Эти господа сначала отдѣлились отъ товарищей тѣмъ, что каждый свой шагъ соображали съ указаніями наставниковъ: знакомство заводили лишь съ тѣми, кто нравился начальству, въ школьныхъ затѣяхъ не принимали участія, даже въ играхъ держали себя сдержанно. Ихъ отчужденность и постоянное стараніе не только исполнять въ точности школьный уставъ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрѣны уставомъ, дѣйствовать въ духѣ начальства, возбудили подозрительность товарищей. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы они вели себя такимъ образомъ по искреннему убѣжденію въ непогрѣшимости начальственныхъ распоряженій, а прямо обозвали ихъ фарисеями, подразумѣвая подъ этой кличкой крайнюю степень лицемѣрія.

Фарисеи сразу стали въ самое невыгодное положеніе: на нихъ обратились враждебные, подозрительные взгляды стоглазой толпы товарищей, и всякій ихъ поступокъ замѣчался и истолковывался съ самой грязной стороны. Скоро было открыто, что фарисеи наушничаютъ инспектору: ихъ стали избѣгать, отгонять отъ дружескихъ кружковъ и при первой удобной оказіи приколотили. Павелъ какъ-то ловко увернулся отъ трёпки, а Лукѣ досталось изрядно; но оба они съ христіанскимъ смиреніемъ отнеслись къ этой демонстраціи, даже не пожаловались; но съ этого случая стали сознательно и систематически наушничать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы снискать расположеніе товарищей, и получить между ними вѣсъ, фарисеи открыли карманъ, стали давать взаймы деньги,

которыя у нихъ водились въ изобиліи. Это средство сначала какъ будто помогло примиренію, но и тутъ опять открылось слѣдующее обстоятельство: бѣднякъ, занявшій гривну, положимъ на мѣсяцъ, если въ условленный срокъ не могъ отдать долга, получалъ безъ затрудненія отсрочку, но вмѣсто гривны оказывался должнымъ 15 копѣекъ; на слѣдующій мѣсяцъ наростало уже 22 коп. съ денежкой и т. д. Эти банкирскія операціи, по крайней нищетѣ заемщиковъ, не оканчивались какъ бы слѣдовало — избіеніемъ банкировъ и содержались въ величайшей тайнѣ отъ начальства, но порождали въ порабощенныхъ должникахъ страшную ненависть къ капиталистамъ-угнетателямъ. Такія натянутыя отношенія должны были неминуемо разразиться знаменитою катастрофой.

Въ числѣ злополучныхъ заемщиковъ натурально былъ и нашъ бѣдняга Сіонскій; ему какъ-то особенно посчастливилось воспользоваться, какъ выражаются наши ученые финансисты — „благодѣяніями кредита“... Онъ занималъ, въ срокъ, разумѣется, не отдавалъ, а призанималъ еще что-нибудь для ровнаго счета, такимъ образомъ всего-то перебралъ онъ у Павла Николаича рубля четыре, а оказался должнымъ въ теченіи полугода ровно десять рублей. Ну, гдѣ взять вдругъ такую сумму?—а отдавать по мелочамъ безполезно: при этой системѣ наростанія процентовъ, все равно никогда не выплатишься, стало быть гораздо вѣрнѣе и покойнѣе совсѣмъ не платить. Онъ объяснился напрямикъ.

— Слушай ты, рыжій, будетъ тебѣ нашего брата грабить. Десяти рублей отъ меня тебѣ не видать, какъ своихъ ушей, даромъ что уши-то у тебя генеральскія. А хочешь разсчитаться по чести, изволь — на будущія вакаціи можетъ набѣжитъ кондиція, тогда отдамъ тебѣ твои четыре рубля; а не хочешь — не отдамъ ни копѣйки.

— Что вы говорите! какъ же это можно? За что же вы обижать меня хотите? Я давалъ на совѣсть. Такимъ манеромъ у меня самого скоро ни гроша не останется... стоналъ банкиръ.

— Ты казанской-то сиротой не прикидывайся! Да хоша бы

у тебя всѣ деньги растащили, не издохнешь; опять заработаешь: ремесло твое прибыльное...

Этотъ намекъ былъ ударомъ ножа въ сердце, вскормленное похвалами и удивленіемъ. Павелъ поблѣднѣлъ и мѣрялъ Сіонскаго взглядомъ полнымъ самой заклятой ненависти.

— Что буркулы-то таращишь! Я тебя не боюсь. Коли жаловаться полѣзешь, такъ вѣдь и я все разскажу про твою коммерцію, а за нее тебѣ всыпятъ такихъ горячихъ процентовъ, что до новыхъ вѣниковъ будешь помнить. Не посмотрятъ, что ты такой-сякой, немазаный...

— Мнѣ? — Меня? — Ну, нѣтъ!.. пробормоталъ Павелъ. Жаловаться я не пойду, а съ этихъ поръ даю клятву не ссужать никому ни гроша, хоть бы кто въ ногахъ валялся... Пусть же всѣ товарищи на васъ пѣняютъ...

— Товарищи... Сіонскій задумался надъ этой угрозой. Ну, постой ты, красный дьяволъ, слушай! — Ты этого не смѣй дѣлать... Наконецъ, хочешь, отдадимъ наше дѣло на судъ товарищей... Я выберу пять человѣкъ и ты столько же; какъ они рѣшатъ, такъ и будетъ — согласенъ?

— Согласенъ.

Судъ собрался; насколько онъ былъ независимъ можно судить по тому, что большинствомъ семи голосовъ противъ трехъ постановилъ такое рѣшеніе: Сіонскій долженъ заплатить Николаеву семь рублей, т.-е. капитальную сумму и половину требуемыхъ процентовъ, по безалаберной пословицѣ: грѣхъ пополамъ.

— Пре-отлично! — воскликнулъ Сіонскій. Отчего же семь, а не семьдесятъ-семь? — Вѣдь это все равно, коли нѣтъ разумнаго основанія. Эхъ вы, холопы! Хотимъ видно служить и Богу и мамонѣ...

Судьи смутились. Согласились-было сами въ складчину заплатить долгъ бѣднаго товарища, ограбленнаго нищаго; но Сіонскій презрительно отвергъ это предложеніе.

Черезъ нѣсколько дней появился въ семинаріи листокъ, озаглавленный: „Ко евреямъ посланіе“. Въ этомъ посланіи, написан-

номъ церковно-славянскимъ языкомъ, громились лицемѣры и сребролюбцы, торговавшіе своими убѣжденіями, вносившіе ложь и развратъ въ среду темныхъ и бѣдныхъ братій, ронявшіе достоинство апостольскаго служенія, обманывавшіе и Бога и дьявола, лицемѣрно укрывшіеся подъ защиту знатныхъ и сильныхъ—саддукеевъ вѣка сего... И всѣ эти обличенія завершались: „Анаѳема и маранъ-аѳа!“...

По энергіи слога, представлявшаго оригинальную смѣсь патетическихъ выраженій съ простонародными крупными словами, неудобно было бы приводить текстъ этого памфлета, который быстро облетѣлъ семинарію и украдкой переписывался всѣми.

Авторъ посланія былъ неизвѣстенъ, но всѣ подозрѣвали Сіонскаго. Павелъ и Лука ходили, какъ оплеванные; жаловаться начальству они сочли неловкимъ, во-первыхъ, потому, что пришлось бы признать, что безъименный памфлетъ направленъ прямо на нихъ, а вѣдь они совсѣмъ не такіе... во-вторыхъ, инспекторъ сейчасъ приступилъ бы къ разслѣдованію, и ужъ тутъ открылись бы непремѣнно ихъ банкирскія операціи, за которыя начальство, разумѣется, не похвалитъ.

Вскорѣ послѣ этого Павелъ былъ въ гостяхъ у своего крестнаго папеньки, который былъ весельчакъ, дома носилъ архалукъ и красную феску, и всегда шутилъ съ нимъ, спрашивая: — Ну, батюшка, скоро мы у тебя исповѣдываться-то будемъ? — Отпустишь грѣхи-то наши тяжкіе, а?

Сидя въ кабинетѣ, украшенномъ портретомъ графа Бенкендорфа и изображеніями какихъ-то полунагихъ турчанокъ (холостякъ-полковникъ, Шпицъ по фамиліи, обожалъ полногрудыхъ женщинъ). Павелъ нечаянно и незамѣтно выронилъ на полъ тщательно сложенный лоскутокъ бумаги.

— Что-то ты давно не былъ у ея превосходительства — маменьки?

— Безпокоить часто не смѣю. Вотъ сегодня хочу-съ пойти.

— Иди, братъ, иди; не удерживаю. Даромъ что праздникъ, а у меня дѣлъ-то вонъ какая гибель. Эти протоканальи-расколь-

ники!.. Вотъ бы тебя, батюшка, на нихъ напустить! ха-ха! Ну, прощай, прощай!

По уходѣ Павла, полковникъ Шпицъ однако не сейчасъ взялся за протоканалій, а остановясь передъ зеркаломъ, принялся прилежно разсматривать свой носъ, на которомъ совсѣмъ не кстати сѣлъ какой-то прыщикъ. Убѣдившись, что прыщика этого никакъ нельзя сдѣлать секретнымъ, — зрѣетъ, бестія! полковникъ состроилъ суровую мину, потянулъ себя за усъ, покосилъ даже глаза, — и взглядъ его прямо упалъ на валявшуюся подъ стуломъ цидулку. Онъ поднялъ ее съ пола осторожно, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, даже понюхалъ и развернулъ...

Черезъ пять минутъ проворный вѣстовой на рысяхъ догналъ Павла и доставилъ.

— Это ты обронилъ? послѣдовалъ первый допросный пунктъ. Ви... вин... виноватъ, я-съ... Павелъ оробѣлъ не на шутку.

— Объясни мнѣ, что это за рацея такая и откуда взялъ?

Павелъ затрясся всѣмъ тѣломъ, упалъ на колѣни и, обливаясь слезами, разсказалъ происхожденіе и значеніе этого листка: при чемъ объяснилъ злобу товарищей тѣмъ, что имѣлъ простоту раздать имъ въ долгъ деньги, которыя они выманили, ужасно лукаво выманили; а какъ потребовалъ назадъ, вотъ и возненавидѣли.

— Гмъ, ладно. Сиди ты здѣсь, или лучше ступай къ губернаторшѣ, и ни-гугу — понимаешь? Все это я помимо тебя узналъ, слышишь? Дрожки мнѣ! гаркнулъ полковникъ и черезъ десять минутъ, подбоченясь фертомъ, покачивался на дрожкахъ, летѣвшихъ прямо къ архіерейскому дому.

VIII.

Сіонскій сидѣлъ подъ арестомъ, въ карцерѣ, на хлѣбѣ и водѣ. Онъ равнодушно и нѣсколько презрительно отвѣчалъ на допросѣ, призналъ себя авторомъ посланія и не назвалъ никого изъ соучастниковъ, хотя на самомъ дѣлѣ мысль была его, а исполненіе принадлежало другимъ, писалось „соборнѣ“; онъ, какъ философъ по убѣжденію, считалъ недостойнымъ терять время на такую мелочь.

А мелочь принимала размѣры чрезвычайнаго общественнаго событія. Губернаторша, толстенькая, коротенькая и недалекая барынька, сама пріѣзжала къ преосвященному, который одинъ смотрѣлъ на дѣло здраво и употреблялъ всѣ усилія успокоить набожную даму,—что отъ глупой шалости школяра не могутъ пострадать,—какъ она полагала,—добрые нравы, религіозныя убѣжденія, а тѣмъ болѣе достоинство церкви, стоящей всегда на недосягаемой высотѣ. Но, кажется, почтенный архипастырь мало успѣлъ въ этомъ, ибо со словъ губернаторши заахали всѣ истинные столпы общественнаго порядка: заахалъ предсѣдатель уголовной палаты, заахалъ откупщикъ, заахала какая-то древняя, плохо говорившая по-русски, княжна Абдулъ-Махметова, заахали всѣ наличные предводители дворянства,—ахнулъ даже (но слабо) старичекъ архиваріусъ губернскаго правленія. Не ахали только чины губернской полиціи,—народъ приглядѣвшійся уже ко всякимъ видамъ, а выпятивши грудь, изготовились, чтобы по командѣ ловчѣе сцапать кого укажутъ.

Общественная совѣсть немного успокоилась тогда только, когда произнесены были слова: „негодяй пойдетъ въ солдаты! Подъ красную шапку нечестивца! да это еще милостиво—на каторгу бы его, богохульника!“

Объ этомъ говорили вездѣ. Алёша слышалъ, какъ Міроносцевъ, сидя у отца въ гостинной, ораторствовалъ.

— Я предсказывалъ тогда, что выйдетъ чепуха,—чепуха и вышла! Положимъ, семинаристъ этотъ мерзавецъ,—я объ немъ имѣю свѣдѣнія, слышалъ... да не слѣдовало давать повода; а дали поводъ,—вотъ и начались между ними пререканія. Да это еще ничего, пустяки! я ожидалъ гораздо худшаго: могли ихъ безъ всякой церемоніи, просто, убить—и дѣло съ концемъ.

— Ну, какъ же это можно? вѣдь все-таки это дѣти,—возразила Анна Дмитріевна.

— Хороши дѣти! лѣтъ до 25-ти сидятъ балбесы. Да притомъ народъ ожесточенный, я ихъ хорошо знаю! Такъ исколотятъ, что печенку отобьютъ. Вотъ хоть бы этотъ герой—Сіонскій; посмотрѣть на его рожу, такъ это чисто кандидатъ въ разбойники, прямо кистень въ руки да на большую дорогу!..

— Да нешто вы его знаете?

— Знаю! свирѣпо рявкнулъ Міроносцевъ. Пьяница!

Было замѣтно, что въ старикѣ кипѣла какая-то личная злоба въ приговорѣ о Сіонскомъ.

Съ ненавистью, съ отвращеніемъ взглянулъ на него Алёша. Өедоръ Өедорычъ поймалъ этотъ взглядъ—и ему стало неловко...

— Ты что на меня такъ смотришь? Я, братъ, люблю правду говорить. И у васъ въ гимназіи тоже водятся такія сорви-головы. Ты смотри, сними не якшайся... Скажи-ка кстати, съ кѣмъ ты тамъ особенно друженъ?

— Ни съ кѣмъ! угрюмо бросилъ Алёша и вышелъ изъ комнаты. Вслѣдъ ему раздались голоса: „Постой! куда? Невѣжа? что это значитъ?“ но онъ, не оглядываясь, ушелъ въ свою комнату.

Слезы душили его. Самъ не понимая зачѣмъ, онъ надѣлъ шинель, фуражку и пошелъ со двора, куда глаза глядятъ.

— Необходимо съ нимъ видѣться,—твердилъ онъ, идя по улицѣ;—вѣдь его теперь вѣрно всѣ бросили,—помочь надо...

Занятый горькими мыслями, Алёша и не замѣтилъ, какъ передъ нимъ вытянулось длинное, коробкообразное зданіе, окра-

шенное охрой: онъ вслухъ перечитывалъ надпись на черной доскѣ: „С—кая духовная семинарія 1817-го года“, какъ будто въ этой надписи таился необыкновенный смыслъ. Уже смеркалось; по тротуару мѣрно и праздно прохаживался молодой человѣкъ, судя по платью, нѣчто въ родѣ монастырскаго служки. Алёша пропустилъ его два раза мимо себя, и наконецъ рѣшился остановить его вопросомъ:

— Вы здѣшній?

— Здѣшній. Что вамъ требуется?

— Мнѣ нужно видѣться съ Сіонскимъ. Онъ тутъ сидитъ подъ арестомъ.

— Есть, есть такой, добродушно улыбаясь, сказалъ служка.

— Ну, такъ вы, коли добрый человѣкъ, поможете мнѣ съ нимъ увидаться, поговорить нѣсколько минутъ.

— Да вы кто такой будете?

— Какое вамъ дѣло, кто я! Если не можете этого сдѣлать, такъ и спрашивать нечего.

— Гимназистъ—удивительно это! бормоталъ служка.—Да вы можетъ сродственникъ Сіонскому приходитесь?

— Ну, да.

— Просите по начальству, уважутъ.

— Это-то я и безъ васъ знаю. А вы вотъ проведите меня къ нему сію минуту,—будете молодецъ!

— Мы не можемъ. Что вы? увидятъ, избави Богъ!

— Эхъ вы! правду говорятъ, что дурья порода...

— Да вы небольно ругайтесь однако!

Алёша нащупалъ въ карманѣ гривенникъ, данный матерью, и при дальнѣйшемъ разговорѣ пустилъ въ ходъ эту скромную монету, которая возъимѣла надлежащее дѣйствіе; скоро онъ былъ проведенъ, весьма таинственно, какими-то закоулками черезъ дворъ, между полѣницей дворъ, по колѣно въ снѣгу, и остановился подъ окномъ съ забѣленными стеклами. Приведя его на эту позицію, служка исчезъ, точно сквозь землю провалился.

Алёшу охватилъ ознобъ опасности и отваги; сердце билось

тяжело, мѣрно. Онъ улыбнулся, по нервамъ пробѣжало знакомое ощущеніе: какъ будто онъ опять идетъ поджигать домъ Милонова... и невольно прошепталъ: „что это мнѣ все приходится этакъ по-воровски?“ Однако нужно было дѣйствовать. Онъ легонько постучалъ въ окно разъ и два,—нѣтъ отвѣта. Онъ закашлялъ и постучалъ рѣшительнѣе,—форточка отворилась и выглянулъ ястребиный носикъ Сіонскаго.

— Алексѣй Петровичъ! Арестантъ глядѣлъ на Алёшу не то съ радостью, не то съ ужасомъ,—именно, съ ужасомъ, словно не живой человѣкъ передъ нимъ стоялъ.

— Говорите скорѣй, что нужно... Нельзя-ли бѣжать? Сказываютъ, что васъ въ солдаты, такъ лучше бѣжать... хотите?

— Куда тамъ бѣжать! безнадежно усмѣхнулся Сіонскій. Мнѣ бы вотъ табачку четверточку... пожалуйста, голубчикъ! Сторожу Парфену отдайте, человѣкъ вѣрный.

— Это будетъ. Эхъ, кабы вамъ убѣжать! Что надо, помогу!

— Пустое! да вы не бойтесь за меня. Въ солдаты такъ въ солдаты! Очень даже радъ буду... А вотъ табачку-то промыслите. Грудь сильно одолѣваетъ... покурю—легче будетъ... Коли издохну, Стультуса возьмите себѣ... Обо мнѣ не тужите, дѣло мое самое плёвое...

— Не попросить ли архіерея?

— Ни-ни, никого просить не надо! Ну спасибо же вамъ, вотъ это дружество!

— Эка важность! Табакъ будетъ, а только я думалъ, поважнѣе что понадобится... Ужъ я не выдалъ бы!.. Право, бѣжать...

—Цсъ, постой! кто-то идетъ по корридору, съ ключами... сюда... ну, прощай Алёша! скороговоркой вымолвилъ Сіонскій и форточка захлопнулась.

Черезъ минуту забѣленное окно карцера освѣтилось палевымъ свѣтомъ: въ окнѣ задвигались тѣни нѣсколькихъ человѣкъ.—Зачѣмъ они пришли, инквизиторы! думалось Алёшѣ.

Однако надо было выбраться изъ неизвѣстнаго мѣста. Совсѣмъ стемнѣло; онъ едва могъ найти на снѣгу свой слѣдъ и

по немъ вышелъ на широкій дворъ. Въ воротахъ, какъ разъ на его дорогѣ стояли два человѣка. Алёша остановился, но послѣ минутнаго колебанія, закутавъ лицо въ воротникъ шинели, пошелъ прямо на этихъ людей.

— Кто это? окликнулъ густой басъ.

Не поворачивая головы, Алёша ускорилъ шаги и потомъ уже, не владѣя собою, безотчетно побѣжалъ по улицѣ.

Домой пришелъ онъ въ лихорадкѣ, сбросилъ съ оледенѣлыхъ ногъ сапоги и лежа обдумывалъ, что къ окну карцера въ другой разъ пробраться, пожалуй, не удастся... и опять остановился на мысли: „Что же это мнѣ все приходится шагать такимъ воровскимъ манеромъ? Какъ нарочно, вѣдь никакъ нельзя прямо... знать, ужъ такъ на роду написано“...

Вошла мать. На вопросы: куда ходилъ, гдѣ былъ,—Алёша отмалчивался. Анна Дмитріевна своимъ обычнымъ, кроткимъ голосомъ принялась упрекать сына.

— Къ отцу лучше и на глаза не показывайся! Ужъ онъ давеча бранилъ меня, бранилъ, что вишь я избаловала... Дома ты сталъ какой-то нелюдимый, бѣгаешь нивѣсть куда;—пожалѣй ты меня!..

Сынъ глядѣлъ угрюмо; прищуренные глаза его были влажны. Сцена кончилась, какъ и всегда—нѣжными объятіями; при чемъ Алёша выпросилъ у матери цѣлковый. Хотя Анна Дмитріевна широко раскрыла глаза, зачѣмъ-де ему такія большія деньги? однако дала безъ разспросовъ, подъ условіемъ, чтобы отецъ этого не узналъ, и примолвила: будь остороженъ, не связывайся съ дурными товарищами,—оберутъ, да еще въ бѣду какую втянутъ. Ты что-то затѣялъ и скрываешь отъ меня...

— Не бойтесь за меня, маменька, дурного ничего не сдѣлаю; сказать вамъ—лучше послѣ скажу... Ухъ, какъ же знобитъ-то меня!

Мать напоила его малиной, вытерла подошвы ногъ свѣчнымъ саломъ и, уложивъ въ постель, совѣтовала завтра не ходить въ гимназію.

Завязавъ цѣлковый въ платокъ, Алёша прошепталъ: „и она тоже все украдкой!.. А вонъ Личарду бѣднаго воришкой ругаютъ... Господи, какъ это все на свѣтѣ перепутано!..“ И заснулъ онъ съ мыслію, что хорошіе люди не могутъ дѣйствовать иначе, какъ украдкой. Мать хорошая, добрая женщина; чего бы ей бояться? а и она тоже все потихоньку...

На другой день Алёша познакомился съ семинарскимъ сторожемъ Парфеномъ. Полфунта табаку и деньги стражъ принялъ секретно, но съ удовольствіемъ.

— Такъ будемъ говорить, баринъ, — вотъ четвертакъ этотъ слѣдуетъ сторожу,—разсудилъ Парфенъ, и положилъ четвертакъ въ ротъ. А остальные ему; томится парень крѣпко; пожрать нечего. Хучь наше дѣло такое, чтобы ни-ни, не допущать, только все же мы люди, какъ и прочіе. Одно скажу, баринъ, ты всегда вали къ нашему брату, потому оно намъ сподручно; а ежели, какъ вечòръ, будешь лазить по задворкамъ, такъ те невзначай и шею намнутъ — разъ, а другое — къ начальству стащатъ, потому замѣтили.

— А повидаться нельзя? Надо бы сказать кое-что.

— Это ни подъ какимъ видомъ. И что-жъ те разговаривать-то? вотъ денегъ приноси, сколько хошь, — примемъ, а разговоры пустое дѣло. И не пытай лучше, потому — бѣды! говорю тебѣ, запримѣтили, —экономъ. Утромъ нонѣ такая шла переборка, двоихъ чуть не отодрали по подозрѣнію. Анъ это выходитъ былъ ты. Мотри, какъ разъ подкараулятъ. Тебѣ худо, да и нашему-то бѣднягѣ тѣснѣе станетъ.

Предостереженіе это сильно озадачило Алёшу: значитъ, намъ больше не видаться, кончено! Значитъ, „воровская дорога“ можетъ только повредить и Сіонскому и мнѣ. Что же тутъ дѣлать? А бросить этого нельзя, — гадко выйдетъ! Дѣятельную мысль остановить невозможно; если запрутъ ей одну дорогу, она найдетъ другія—кривыя, окольныя, но ведущія все къ той же намѣченной цѣли. Разница въ томъ, что на окольныхъ дорогахъ нерѣдко мы теряемъ такой цѣнный багажъ, что оказываемся по-

томъ передъ достигнутой цѣлью уже никуда негодными, недостойными ею воспользоваться.

При первой же встрѣчѣ съ Ѳедоромъ Ѳедорычемъ, Алёша обнаружилъ совсѣмъ необычную, даже подленькую предупредительность, что́ чрезвычайно понравилось отцу и изумило мать.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ, одолжите мнѣ какую-нибудь книжечку прочесть; у васъ прекрасныя книжки.

— Ладно, хорошо. Приди ко мнѣ, я тебѣ выберу.

И Алёша отправлялся къ старику, сидѣлъ съ нимъ полчаса и возвращался домой съ книгой „Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“, или съ „Ядромъ Россійской исторіи“.

Книгъ этихъ онъ не читалъ, а войдя къ Міроносцеву, соображалъ, какъ бы извлечь изъ этой фаворы то, что ему нужно. Планъ представлялся чрезвычайно обширный и успѣхъ несомнѣнный: Ѳедоръ Ѳедорычъ поѣдетъ къ архіерею, попроситъ, и Сіонскій будетъ совершенно помилованъ; для этого необходимо ублажить старика и напустить на него мать.

Однако дни проходили, а Алёша колебался, даже съ матерью еще не переговорилъ, и между тѣмъ незамѣтно запутывался въ такія сѣти, отъ которыхъ въ иное время бѣжалъ бы безъ оглядки. Однажды въ общемъ разговорѣ о пользѣ благовоспитаннаго общества, гдѣ пріобрѣтаются хорошія манеры, свѣтскій лоскъ и всякія изящества, Міроносцевъ совсѣмъ неожиданно выкинулъ такое предложеніе:

— Да вотъ, чего же лучше — надняхъ пріѣхалъ къ намъ какой-то французъ-танцмейстеръ и теперь составляется подписка, чтобы устроить дѣтскіе танцъ-классы. Всѣ подписываются; губернаторскія дѣти будутъ, князя Хвалынцева, Кирилы Егорыча (откупщика), предводительскія. Двадцать пять рублей за полную выучку. Не дешево, каналья, беретъ, за то пріятно, весело, компанія самая бонтонная. Я, признаться, недолюбливаю модныя-то шарканья, ну, да мы люди стараго покроя, а ныньче оно требуется отъ молодого человѣка. Ужъ такимъ, что съ-молоду голубей гоняли, да въ бабки практиковались, такимъ ныньче ходу нѣтъ. Подпишись, Петръ Иванычъ, раскошелься!

Петръ Иванычъ, только-что получившій мѣсто совѣтника палаты, нашелъ необходимымъ дать сыну свѣтское воспитаніе, а главное, черезъ эти танцъ-классы втереться въ высшее провинціальное общество.

— Дѣйствительно, это полезная сторона воспитанія, и притомъ такой случай... Ты какъ думаешь, Анна Дмитревна?

— Что-жъ, коли оно требуется... что я въ этомъ смекаю! какъ ты Алёша, хочешь?

— Извольте, я съ удовольствіемъ.

Похвалы и ласки посыпались на добронравнаго Алёшу.

Немедленно заказанъ для него у лучшаго портного новый, щегольской мундиръ изъ тонкаго сукна, заказаны башмаки съ стальными пряжками, куплены перчатки. Мать наивно восхищалась, что сынокъ ея будетъ такой нарядный, ловкій, обученный всему, какъ настоящій барчонокъ. „Да еще получше другихъ, потому вѣдь ты у меня красавецъ!“ приговаривала она, ласковой рукой разглаживая непослушные русые волосы сыночка. — „И не снилось“, — уже про себя думала бѣдная барыня-крестьянка, „и не снилось, что мой сынъ, моя кровь, да еще прижитый-то какъ, до вѣнца, не въ законѣ; а гляди, знатнымъ господиномъ будетъ... И за что мнѣ, деревенской дурѣ-лапотницѣ такое счастье Богъ посылаетъ?“.. И вся улыбалась любящая мать; въ ослѣпительномъ сіяніи лежала передъ нею будущность ея милаго ребенка...

И на Алёшу также одуряющимъ образомъ подѣйствовали эти заботливыя приготовленія къ вступленію въ заколдованный кругъ, населенный княжнами и князьями, сверкающій огнями, музыкой, весельемъ, роскошью. До сего дня онъ и не замѣчалъ, хорошо ли сшито его платье, изъ толстаго, или изъ тонкаго оно сукна, какіе онъ носитъ сапоги, зачѣмъ нужны человѣку перчатки... и наконецъ, каковъ онъ собою? Едва ли не въ первый разъ внимательно взглянулъ онъ въ зеркало и замѣтилъ особенности своей физіономіи.

Ему минуло пятнадцать лѣтъ. Черты лица его, разумѣется, еще не приняли той законченности, которую налагаютъ годы

житейскихъ скорбей, страстей и опредѣлившихся убѣжденій; но въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ Алёши, доставшихся ему отъ матери, уже свѣтилась какая-то мысль, какъ будто ищущая дѣла; въ смѣломъ очеркѣ губъ, которыя онъ часто кусалъ, видна была рѣшимость, но еще явственнѣе эта рѣшимость слышалась въ его рѣчи: говорилъ онъ твердо, отрывисто, глубокимъ груднымъ альтомъ. Сложенія былъ сильнаго и стройнаго. Въ толпѣ дѣтей Алёша выдѣлялся нѣкоторою своеобразностью манеръ: въ немъ не было ничего подражательнаго, стаднаго. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе плохо-прирученнаго, но понятливаго дикаря; густые, торчащіе вихрами на вискахъ и на макушкѣ волосы (на которыхъ мать сломала не одинъ гребешокъ) еще болѣе усиливали это впечатлѣніе.

— Ну, хорошо, приду туда; размышлялъ онъ вслухъ, что же я тамъ стану дѣлать? Не все же танцовать... Никого не знаю, не съумѣю можетъ и говорить-то какъ нужно... Кто-жъ со мною тамъ будетъ? Мама, вы поѣдете?

— Нѣтъ, голубчикъ; первый вечеръ назначенъ у губернатора; отецъ поѣдетъ. Я вѣдь незнакома, куда ужъ мнѣ!..

Это обстоятельство еще больше смутило Алёшу. Имъ овладѣло гадкое, оскорбительное чувство трусости, котораго онъ до этой минуты не знавалъ. Онъ привыкъ вѣрить въ себя, въ свои силы, неизмѣнявшія ему въ самыхъ рискованныхъ дѣлахъ; онъ не понималъ, какъ можно стыдиться своего домашняго быта, своихъ внутреннихъ побужденій, даже самое слово *стыдно* всегда ему было какъ-то дико, а тутъ представлялась такая перспектива, въ которой это *стыдно* пожалуй что и будетъ имѣть свой мучительный смыслъ... Въ этой перспективѣ ему все мерещились какія-то сказочныя княжны, гордыя царевны-недотроги... „Ну, какъ вдругъ эти княжны, узнавши, что моя мать изъ крестьянокъ, а дѣдушка до сихъ поръ въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, да начнутъ насмѣхаться? Вѣдь я за это чортъ знаетъ чего имъ надѣлаю!.. Ахъ, Боже мой, зачѣмъ я согласился!.. И что *это* такое, что меня толкаетъ совсѣмъ не туда, куда бы я хотѣлъ и

гдѣ было бы мнѣ такъ привольно?..“ И передъ нимъ ярко возникала дѣдушкина изба, запахъ срубленной сосны и веселый стукъ топоровъ на крутомъ берегу кормилицы-Волги...

Эти волненія побуждали его поскорѣе приступить къ осуществленію той цѣли, ради которой онъ согласился на предстоящія мытарства. Онъ разсказалъ матери всю исторію своего знакомства съ Сіонскимъ, даже до подробностей послѣдняго визита къ сторожу Парфену — и, конечно, безъ особеннаго труда получилъ ея обѣщаніе настроить Ѳедора Ѳедорыча на самое энергическое заступничество.

— Онъ это безпремѣнно сдѣлаетъ. Разѣ онъ лиходѣй какой? Вѣдь самъ былъ поповичемъ, знаетъ бѣду! — успокоивала Анна Дмитріевна.

— Ужъ какъ бы то ни было, а дѣло Сіонскаго правое. Замѣтьте маменька, Лука къ намъ не является, значитъ, совѣсть нечиста... И запретите ему, чтобъ и дорогу къ намъ забылъ!.. А то мы съ Личардой его отъучимъ!

Только-что онъ кончилъ эту задушевную бесѣду съ матерью, въ дверяхъ появился Личарда и таинственно подмигнулъ барину. Алёша вполнѣ понималъ мимику вѣрнаго слуги и, осыпавъ свою маму еще разъ горячими поцѣлуями, вышелъ.

— Что надо?

— Тамъ на кухню пришла какая-то старушка, васъ спрашиваетъ.

— Старушка, ко мнѣ? Никакой старушки я не знаю.

— Говоритъ, Алексѣя Петровича надо. Идите, тамъ ужъ узнаете.

Въ кухнѣ сидѣла на скамейкѣ маленькая старушка въ заячьей шубѣ, не очень старая, но изрядно скомканная разными передрягами; подлѣ нея стояла Катерина, уныло подперши ладонью щеку. При входѣ Алёши старуха поднялась и возвела на него слезящіеся глаза; морщинистое лицо ея задергалось и еще больше сморщилось.

— Батюшка! возопила она, пожалуйте ручку... ручку, кормилецъ ты мой...

Старуха торопливо поймала его руку и прижала къ губамъ. Алёша совсѣмъ растерялся, даже не могъ высвободить руку.

— Я, родимый, мать Андреяшина... Сіонскаго, стало быть... мать родная...

— Какъ же это вы такъ... садитесь пожалуйста... вы откудова?

— Охъ, горе наше великое! Изъ Кубасовки, родимый, изъ Кубасовки... третьёва дни пріѣхала, шутка-ли, тащилась почитай пять дёнъ... да вишь какая бѣда на насъ свалилась, какъ же тутъ не пріѣхать!.. еще спасибо, добрые люди оповѣстили; нашего священника сынокъ отписалъ; а то гдѣ бы мнѣ и знать-то? Такъ бы и въ могилу легла, незнамши, какъ угнали бы мово Андреяшу нивѣсть куда... Кто за насъ, темныхъ, постоитъ кромѣ Бога? сиротство наше горькое! Вдовѣю вотъ пятнадцатый годъ. Опять же бѣдность... говорятъ, въ солдаты, а матери-то каково?

Она горько заплакала.

— Видѣлись вы съ Адріяномъ Никитичемъ?

— Съ Андреяшей-то; видѣлась батюшка, видѣлась... допустили, какъ же! Вотъ онъ и послалъ къ тебѣ... Ужъ какъ онъ тебя, сударь, почитаетъ-то, кажись превыше херувимовъ превозносилъ... Иди, говоритъ, прямо. А я, признаться, допрежь всего хотѣла къ генералу Міроносцеву, Ѳедору Ѳедорычу, коли знаете, къ нему хотѣла, да Андреяша-то мой воспротивился, говоритъ, чтобъ ни подъ какимъ видомъ, легче, говоритъ, всякую казнь приму, чѣмъ ему поклониться.

— Отчего-жъ это онъ такъ?

— Ахъ, ужъ и не спрашивай, батюшка! Тутъ старые грѣхи, а паче того наша гордость... Великъ-ли у парня разумъ? Иной бы, извѣстно, въ такой бѣдѣ будучи въ ножки повалился, а мой-отъ все свое... ндравный...

— Вы, матушка, пожалуйста разскажите мнѣ все, какъ было... Мнѣ это нужно знать, очень нужно.

— Дѣло старое; вѣдь мы въ родствѣ состоимъ...

— Съ Міроносцевымъ въ родствѣ? Алёша даже вздрогнулъ.

— Да, я прихожусь ему сестра единоутробная, значитъ, мать у насъ одна, только отъ разныхъ мы отцовъ. Все-таки выходитъ, Андреяша-то мой доводится ему роднымъ племянникомъ. Ну вотъ, по первоначалу Ѳедоръ Ѳедорычъ принялъ Андреяшу по родственному, далъ ему у себя на кухнѣ уголочикъ, сапоги купилъ новые, только до себя не допускалъ, не любилъ этого; а въ свободное время заставлялъ въ саду работать, цвѣты поливать... Кажись и спокойное было житье: уголъ есть, хлебалъ всякій день горячее, живи, да молись Богу за благодѣтелевъ... Только нужно же тутъ замѣшаться врагу рода человѣческаго: повадилась ходить къ нимъ въ садъ нѣмка-лекарша, зубного лекаря жена. Ужъ не знаю какъ вамъ это сказать, вамъ по младости и непонятно оно будетъ... Только эта лекарша зазрилась на Андреяшу... лукавый-то въ нее вселился...

— Эка, подлая! вырвалось у Катерины.

— Да ужъ и онъ честилъ ее! Самыми такими словами, чего она только стоила... Разъ даже что́ было: поливаетъ онъ цвѣты, а она тутъ, и все свое траститъ, только онъ какъ хлобыснетъ ее водой изъ лейки-то, такъ всю и окатилъ... И смѣху, и сраму что тутъ было, всего и не пересказать! Только все это ладно, хорошо; вдругъ у генерала пропадаютъ двѣ серебряныя ложки. Туды-сюды, кто взялъ? И какъ же вы думаете — экое-то дѣло свалили на моего Андреяшу... И тутъ опять же все безстыжая нѣмка нашептывала. Какъ зачалъ старикъ выговаривать, да уличать Андреяна въ этакой напраслинѣ, ну тотъ и не стерпѣлъ... сердце-то въ немъ вдругъ вскипѣло... да, мать моя, баталія цѣлая произошла промежъ нихъ, за дреколье взялись. Ну, скрутили моего-то голубчика, поволокли къ начальству... Кафтанишко да рубашонки, какіе у него были, связали въ узелочекъ, вышвырнули на улицу и слѣдъ замели, чтобъ и духу не было!

— Ишь грѣхъ какой! вздохнула Катерина.

— И родства нашего съ той поры какъ не бывало! Какое? гонителемъ нашимъ сталъ. Съ такого горя и Андреяша-то мой потерялся, вдругъ сталъ баловствомъ этимъ заниматься на счетъ

хмѣлю... и пошло на насъ несчастье... Теперича, конечно, это дѣло прошлое; припади къ стопамъ, такъ можетъ старикъ и смиловался бы, только Андреянъ-то не можетъ съ своимъ сердцемъ совладать. Запужалъ меня, заклялъ, чтобъ и нога моя тамъ не была. А вѣдь я мать, разсудите люди добрые, каково мнѣ это!.. (старуха зарыдала). Алёша глядѣлъ вокругъ большими глазами, словно стѣны передъ нимъ зашатались.

— Опять же то возьмите, — нѣсколько успокоившись, продолжала старуха: старшему сыну ученье въ прокъ не пошло, — теперича дьячкомъ бѣдуетъ,—ну тотъ ужъ въ такихъ лѣтахъ— и Господь съ нимъ! А этотъ, меньшинкой-то, вѣдь разумомъ востеръ вышелъ; вонъ онъ нашему священнику за полтину проповѣдь сочинилъ на „всѣхъ скорбящихъ“ — такъ не нахвалится — раза по четыре кажный годъ ее читаетъ... Мнѣ вѣдь что́? я не изъ корысти, какъ иные; даже и помочи никакой отъ дѣтей не жду, не надо... ужъ въ могилу гляжу, — а жаль, что младъ-человѣкъ теперича долженъ зря пропасть... Ну, какой онъ солдатъ? Хилъ да болѣзный, солдатчина-то его за одинъ годъ въ гробъ вколотитъ...

— И-и, мать, что и баить—солдатчина! На что ужъ вонъ мое дитя, холопское, а легче бы живого въ землю зарыла, чѣмъ эта солдатчина!... примолвила Катерина.

— Теперь я такъ мѣкаю: хоша онъ и заклялъ меня не ходить къ дяденькѣ, а я все-таки пойду... а ему-то не скажу, обману — Господь проститъ этотъ грѣхъ матери... а только я пойду.

Послѣднія слова разбудили Алёшу.

— Пойдемте сперва къ маменькѣ; переговоримъ съ ней.

— И, батюшка! какъ я смѣю безпокоить маменьку вашу? Мнѣ и въ горницу-то войти непристойно.

— Ничего, ничего, идите,—онѣ у насъ не спѣсивыя. Что барыня, что молодой баринъ—это одна душа. Идите такъ, по простотѣ;—идите смѣло; можетъ, Господь васъ принесъ въ самый разъ! уговаривала Катерина.

И передъ Анной Дмитріевной старушка повторила свой печальный разсказъ.

— Вотъ каковъ онъ—вашъ Өедоръ Өедорычъ-то! побѣднымъ тономъ завершилъ Алёша разсказъ захлебнувшейся слезами старухи.

— Да-а... вѣдь надо же такому несчастью случиться! Ахъ, Господи! запечалилась Анна Дмитріевна. И вѣдь поди чай эти ложки потомъ нашлись, или узнали кто укралъ...

— Что тутъ ложки!?... перебилъ горячо сынъ.—Тутъ помоему не въ ложкахъ дѣло... Развѣ вы своего племянника стали бы на кухнѣ держать, да за объѣдки обѣда заставлять отработывать въ саду? Выходитъ вѣдь, что онъ не даромъ жилъ у дяди,—и неизвѣстно еще—кто кому долженъ сказать спасибо... Вотъ она гдѣ обида-то, а что—ложки! да еслибъ онъ при нуждѣ и взялъ ихъ да продалъ—и то не бѣда...

— Ну, ужъ ты больно... занесъ околесную! Чужую вещь какъ же можно? Притомъ, говорятъ же тебѣ, что не онъ въ этомъ виноватъ.

— Нѣтъ, маменька, пускай онъ,—я и на то согласенъ, а все-таки Адріянъ невиноватъ. Только онъ прямо бы сказалъ: мнѣ вотъ нужно табаку,—я взялъ ваши ложки и вымѣнялъ ихъ на табакъ, потому что денегъ вы мнѣ не даете, а я для васъ работаю... Ужъ онъ бы непремѣнно такъ прямо и сказалъ, безъ всякаго допроса. О, я его отлично знаю! Сколько разъ я предлагалъ ему деньги—не взялъ даже мѣдной копѣйки,—а что онъ для меня сдѣлалъ? Не то, что эти сапожники, которые по сту рублей взяли за приготовленіе меня къ экзамену, какъ попугая. Онъ бы этого не сдѣлалъ!

Аннѣ Дмитріевнѣ показалось, что Алёша вдругъ постарѣлъ пятью годами. Въ первый разъ она слышала отъ него такія рѣчи, онъ шагалъ по комнатѣ, заложивъ руки за-спину, поглядывалъ такимъ волчёнкомъ, даже вихры на головѣ какъ будто больше ощетинились.

— Что же мы станемъ теперича дѣлать-то? Вѣдь не знаешь съ какой стороны и подойти-то къ нему...

— А я такъ думаю, что теперь и церемониться-то особенно нечего: онъ сдѣлаетъ все!

— Да мнѣ бы только Андреяшу моего отдали, отцы мои! незамай ужъ исключаютъ его вонъ изъ семинаріи, — лишь бы только не угодилъ въ солдатчину.

— Не плачьте, бабушка,—будетъ! А вы, маменька, безъ подходовъ прямо ему отрѣжьте по-нашенски... Коли что, такъ вѣдь я и отца подниму, я знаю, что ему сказать... Ужли-жъ въ людяхъ совсѣмъ нѣтъ совѣсти?!...

IX.

Зала губернаторскаго дома была освѣщена вполовину, только стѣнными лампами. Старикъ скрипачъ, наклонивъ на бокъ голову, напиливалъ убогенькій, однообразный мотивъ; посрединѣ залы передъ шеренгою дѣтей, monsieur Лебо—красивый, хорошо откормленный французъ, въ свѣтлозеленомъ кругломъ фракѣ съ бронзовыми пуговицами, балансировалъ на носкахъ своихъ лакированныхъ башмаковъ и выкрикивалъ въ тактъ скрипки; по его командѣ двигалась впередъ и назадъ шеренга щегольски-разряженныхъ куколокъ.

— Un, deux et trois! Un, deux, trois et quatre! Oui-i,— c'est-ça! Recommençons s'il vous plait. Un, deux... et vous, mon petit douchinka, n'oubliez pas vos coudes! Eh bien, mes amis— chassé en avant! Un, deux... ch-chute-chute! attention! M-r Лебо съ отчаяніемъ машетъ скрыпачу, — все останавливается, замираетъ на мѣстѣ; онъ зефиромъ подлетаетъ къ шеренгѣ и поправляетъ что надо. Мальчикамъ m-r Лебо выговариваетъ громко: Mais allons donc, mon petit éléphant chéri, tachons nous

devenir un peu moins lourd. Vous marchez comme un ours de Sibérie—comme Mical Jvanitch! И при этомъ онъ такъ каррикатурно и мило ломался, передразнивая сибирскаго медвѣдя, или неловкаго мальчика, что вся зала помирала со смѣха.—C'est gracieux—ça? Hein? Дѣвочкамъ замѣчанія онъ нашептываетъ по секрету, и легко, осторожно поправляетъ плечики, локти, талію своими пухлыми пальцами, сверкающими множествомъ брилліантовъ.

Въ продолженіи часового урока m-r Лебо такъ умается, что достаетъ изъ кармана запасной фуляръ и долго обвѣваетъ имъ свои розовыя щеки. Сдѣлавъ по командѣ церемоніальный поклонъ, дѣти расходятся; старичокъ, нюхая табакъ, укладываетъ скрыпку, а m-r Лебо отправляется въ гостинную и усаживается между madame la générale и la princesse Хвалынцовъ. Ему подаютъ чашку чаю, что́ онъ находитъ въ настоящемъ случаѣ excellent. Начинается между ними эта милая causérie française, въ которой—увы! никакъ не можетъ принять участіе откупщица Парасковья Семеновна Косолапова, важно засѣдающая на диванѣ, но совершенно посторонняя французскому языку. Еще нѣсколько маменекъ сидятъ по угламъ и шепчутся о самыхъ несекретныхъ предметахъ. Всѣ дамы обворожены m-r Лебо. Вдругъ m-r Лебо дѣлается задумчивъ, серьёзенъ,—онъ проникается важностью своей профессіи, — признается, какъ тяжелы подъ-часъ его задачи, сколько надо придумать труднѣйшихъ комбинацій, чтобы помочь природѣ стать изящною. Доказавъ универсальную и несравненную выгоду обладать des jolies manières, онъ начинаетъ вперять взоръ въ будущее, профетизируетъ, кто изъ его учениковъ будетъ современемъ briller à la cour. Его словамъ вѣрятъ, а онъ утверждаетъ, что briller à la cour—это все. Разсказываетъ нѣсколько галантныхъ анекдотовъ про Леторьера, Ришельё,—слушательницы млѣютъ... Еще больше млѣютъ онѣ, когда m-r Лебо вызываетъ изъ залы двухъ сыновей губернаторши и князя Анатоля Хвалынцова, и увѣряетъ, что эти petits gaillards будутъ современемъ имѣть un succés fou. Дѣти губернаторши, золотушные и висло-

ухіе субъекты глядятъ на профессора съ тупымъ равнодушіемъ юныхъ кретиновъ, а князь Анатоль бросаетъ дерзкій, презрительный взглядъ и бѣжитъ въ залу, къ группѣ дѣвочекъ.

О дѣвочкахъ m-r Лебо позволяетъ себѣ говорить съ какою-то паскудною сладостью, съ отвратительною стыдливостью;— онъ будто захлебывается этими—des tournures distinguées, этими des grâces naturelles, des naivetés adorables, qui promettent, qui promettent... mais, mon Dien, je voudrais bien savoir, qu'est ce qu'elles ne promettent pas!... Bah! Surtout, cette brune piquante... m-lle Agathe... Ah, elle a dans les yeux quelque chose d'infernal... petite tigresse!...

— M-me Косолаповъ, это онъ про вашу дочь говоритъ, очень хвалитъ, обратилась губернаторша къ глупо молчавшему милліону.

— Вуй, мусье! ляпнулъ милліонъ, сознавая свое тяжеловѣсное величіе.

А въ залѣ дѣти расхаживаютъ группами; набралось ихъ штукъ двадцать отъ 8 до 16-ти лѣтъ, цвѣтъ юнаго губернскаго поколѣнія. Они перезнакомились очень скоро и по какому-то инстинкту раздѣлились на партіи. Вислоухіе мальчики губернатора играютъ довольно жалкую роль: куда ни подойдутъ, вездѣ оказываются лишними. Князекъ Анатоль Хвалынцовъ и Саша Косолаповъ играютъ въ самую отчаянную игру между дѣвочекъ. Оба ловкіе и красивые мальчики лѣтъ около пятнадцати; Анатоль въ блестящемъ мундирѣ закорпуснаго пажа, бѣгло болтаетъ по-французски, даже картавитъ, какъ его гувернеръ; онъ часто некстати повторяетъ „foi de gentilhomme", и еще „c'est vieux comme blason de mes ancêtres". Саша по-французски говоритъ скверно, но за то сыплетъ стихами двусмысленнаго содержанія и анекдотами, отъ которыхъ дѣвочки хихикаютъ и разбѣгаются.

Между дѣвочками самую видную роль играетъ petite tigresse —черноглазая Агата Косолапова. Въ честь бабушки, ей дали при рожденіи имя Агафья, но впослѣдствіи при милліонѣ (пропитомъ мужиками въ кабакахъ) оказалось невозможнымъ носить

такое мужицкое имя, и по совѣту гувернантки ее назвали Агатой, что очень мило и infiniment plus noble... Въ ея задорномъ личикѣ была одна особенность—это рѣзкіе переходы отъ суроваго, почти злого выраженія къ самой свѣтлой улыбкѣ; она, кажется, ни на мигъ не была спокойна и задумчива, оттого-то улыбка ея сверкала ослѣпительно и какъ будто заражала все окружающее. Агата не была похожа ни на мать, ни на отца, обладавшихъ широкими и плоскими лицами финскаго племени; въ ея восточной физіономіи повторился типъ какой-нибудь очень отдаленной прабабушки, вѣроятно киргизки, завезенной лихимъ купчиною изъ-за Урала, вмѣстѣ съ дорогимъ пушнымъ товаромъ.

Другая замѣтная дѣвушка была Кэтти,—такъ ее всѣ звали, не справляясь объ отчествѣ и фамиліи. Она воспитанница княгини Хвалынцовой, а всезнающіе люди утверждали, что Кэтти побочная дочь князя, и положеніе ея въ домѣ дѣлало величайшую честь сердцу и христіанскимъ добродѣтелямъ княгини, у которой было два сына, дочери же все умирали, а потому эта дѣвочка воспитывалась и поведена была, какъ настоящая, „природная" княжна. Высокая, стройная блондинка, Кэтти глядѣла вокругъ себя невозмутимо-ровно и внимательно, какъ будто она не отъ міра сего и старается разсмотрѣть и понять все окружающее. Она съ достоинствомъ уклонялась отъ слишкомъ живой рѣзвости хохочущихъ подругъ и на Сашу Косолапова смотрѣла пренебрежительно.

Было человѣка четыре гимназистовъ, но Алёша ихъ мало зналъ, и лишь доволенъ былъ встрѣчей съ однимъ Платономъ Кашириновымъ, ученикомъ 7-го класса, слывшимъ въ гимназіи за большого умницу. Кашириновъ вѣроятно тоже въ гимназіи слышалъ, что Слободинъ мальчикъ неглупый, а потому по-товарищески протянулъ ему руку и обмѣнялся нѣсколькими привѣтливыми фразами,—но вдругъ, замѣтивъ сидѣвшую одиноко въ уголкѣ Кэтти, онъ бросилъ Алёшу посереди залы, подошелъ къ задумчивой блондинкѣ, съ которою и просидѣлъ весь вечеръ въ разговорѣ, повидимому, очень интересномъ.

Алёшѣ хотѣлось убраться домой; онъ нашелъ отца въ боковой комнатѣ за вистомъ и подсѣлъ къ играющимъ. Двери кабинета распахнулись,—вышелъ губернаторъ, котораго Алёша видѣлъ на гимназическомъ актѣ въ мундирѣ и со звѣздой, теперь онъ былъ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ и весь какой-то смятый, точно съ просонья. При появленіи его превосходительства произошло нѣкоторое почтительное смятеніе, стулья задвигались.

— Здравствуйте, господа! а я виноватъ, за работой, прошу прощенія. А, и вы здѣсь! и вы... и вы... очень-очень радъ! разсыпалъ начальникъ направо и налѣво, кивая привѣтливо головой и протягивая кому одинъ палецъ, кому два, а кое-кому и всю руку. — Продолжайте, продолжайте, господа; я посмотрю на нашихъ великихъ гостей,—и онъ прошелъ въ залу, остановившись съ князькомъ Анатолемъ, чтобъ освѣдомиться о здоровьи его папаши.

Въ одиннадцать часовъ начали разъѣзжаться. Княгиня поднялась первая, прося всѣхъ на слѣдующій урокъ пожаловать къ ней. Алёша тоскливо глядѣлъ на отца, который выжидалъ чего-то, наконецъ, улучивъ удобную минуту, подошелъ откланяться ихъ превосходительствамъ. Губернаторъ милостиво протянулъ ему два пальца, спросилъ о здоровьи Ѳедоръ Ѳедорыча и прибавилъ, кивнувъ на Алёшу:—А это вашъ? Бравый, бравый молодецъ!

Ѣдучи домой, отецъ и сынъ волновались самыми противуположными чувствами: Петръ Иванычъ улыбался, будто его кто медомъ по губамъ помазалъ, а сынъ, перебирая многое имъ замѣченное, недоумѣвалъ и допытывался, почему въ этомъ парадномъ мірѣ все, даже поведеніе отца ему было до крайности антипатично?

Дома былъ онъ утѣшенъ матерью, что заходилъ Ѳедоръ Ѳедорычъ и послѣ долгихъ, неотвязныхъ просьбъ, далъ слово завтра же поѣхать къ архіерею и завѣрилъ, что съ Сіонскимъ будетъ поступлено „по-отечески". Хотя Алёша не зналъ еще, что значитъ это „по-отечески" въ переводѣ на простой общепонятный языкъ, но вообще принялъ это извѣстіе не такъ горячо...

Танцовальные вечера одинаково повторялись и въ домѣ Хвалынцовыхъ, и у предводителя, и у Косолаповыхъ, у послѣднихъ только угощеніе было лучше, всегда конфекты и мороженое. Сначала Алёша чувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ этомъ искусственномъ міркѣ, но скоро сошелся короче съ Кашириновымъ и сталъ играть замѣтную роль. Вотъ какъ это случилось.

Самые веселые вечера были у Косолаповыхъ, чему немало способствовало съ одной стороны то, что губернаторша и княгиня Хвалынцова пріѣзжали туда весьма рѣдко, а это были особы такого сорта, что одно ихъ присутствіе и какіе-то инспектирующіе взгляды дѣйствовали на дѣтей оцѣпеняющимъ образомъ; а съ другой стороны расположеніе комнатъ: къ залѣ примыкалъ корридоръ очень длинный, полуосвѣщенный, въ который выходило нѣсколько дверей изъ маленькихъ дѣтскихъ комнатъ, что́ оказывалось весьма удобно для разныхъ игръ и не совсѣмъ дѣтскихъ затѣй. Гувернантка у Косолаповыхъ была очень спокойная старушка, удалявшаяся послѣ танцевъ въ свою комнату играть въ домино съ княжескимъ гувернеромъ. По корридору поднималась бѣготня, въ дѣтскихъ затѣвались прятки, свобода была полная. Однажды Кашириновъ, который держалъ себя степенно и сентиментально, прохаживаясь по залѣ, декламировалъ Слободину изъ недавно появившейся главы Евгенія Онѣгина; вдругъ въ корридорѣ послышалась необычайная возня и потомъ слабый, умоляющій стонъ.

Они оба поворотили туда и увидѣли, что князь Анатоль поймалъ Кэтти, скрутилъ ей руки назадъ и толкаетъ къ Сашѣ Косолапову, приговаривая: „вотъ она, берите, теперь она ваша, не увернется, et arranger la comme il vous plaira...“ Кашириновъ весь помертвѣлъ и едва могъ выговорить: „какъ это благородно, князь!“ Травля прекратилась.

— Дерзкіе мальчишки! — съ волненіемъ продолжалъ послѣ Кашириновъ. Если-бъ вы знали, что терпитъ бѣдная дѣвушка отъ этого сорванца! Ужасно жаль ее! мы съ нею очень дружны...

— Д-да... вы ее любите, спокойно замѣтилъ Слободинъ.

— Кто это вамъ сказалъ! вспыхнулъ влюбленный юноша. Совсѣмъ нѣтъ... простая, братская дружба.

— Впрочемъ, извините! точно, вы правы, потому что, еслибъ любили ее, то...

— То что́?

— Вы отколотили бы этого князя и Сашу, какъ слѣдуетъ.

— Кулачное право! горько улыбнулся Кашириновъ.

Зашелестѣло платье; они оглянулись: Кэтти и Агата стояли позади ихъ и слышали весь этотъ коротенькій разговоръ.

Черноглазая наслѣдница милліона суровымъ и любопытнымъ взглядомъ смѣрила этого оригинальнаго дикаря съ ощетинившимися на головѣ вихрами. Онъ спокойно выдержалъ ея взглядъ, и рѣзко повернувшись, отошелъ въ сторону.

На слѣдующій вечеръ Кашириновъ и Кэтти пригласили въ свою компанію Алёшу. Какъ всѣ влюбленные, они успѣли уже выболтать ему свою тайну; но къ разговорамъ ихъ онъ никакъ не могъ приладиться, ему казалось, что эти разговоры какіе-то *не настоящіе;* изъ нихъ онъ понялъ только одно, что Кашириновъ, когда поступитъ въ университетъ, непремѣнно будетъ носить очки, а по окончаніи курса поѣдетъ въ Петербургъ и будетъ служить по дипломатической части. Кэтти одобрила его планы и тоже вздыхала о Петербургѣ. Дѣйствительно, что́ могъ Алёша прибавить къ этимъ пустопорожнимъ изліяніямъ? Онъ и слушалъ-то ихъ разсѣянно, потому что занятъ былъ сценой, происходившей возлѣ большихъ стѣнныхъ часовъ съ музыкой: Агата хотѣла встать на стулъ, чтобы завести музыку. Анатоль не допускалъ ее; она спорила, смѣясь, и наконецъ-таки вскочила на стулъ.

— А когда такъ, то я схвачу васъ и пронесу на рукахъ по всей залѣ,—хотите?

— Не смѣете,—самоувѣренно замѣтила красавица, и все смѣялась самымъ подзадоривающимъ смѣхомъ.

Анатоль обхватилъ ея колѣни, она все смѣялась. Онъ приподнялъ ее, да видно ужъ очень ловко, потому что вдругъ среди ея звонкаго хохота раздалась самая полновѣсная пощечина...

Князёкъ остолбенѣлъ, выпустилъ ее изъ рукъ; лицо его съ побагровѣвшею щекой, разинутымъ ртомъ и слезами на глазахъ, было уморительно-жалко. Агата, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ сидящимъ и заговорила съ Кэтти о будущемъ вечерѣ, на которомъ въ первый разъ будетъ мазурка.

— М-r Слободинъ, отчего вы никогда со мной не танцуете? А глаза ея, устремленные на Алешу, говорили: чтó, молодецъ я? Не ты одинъ *такой*—и я постоять за себя умѣю.

Первую мазурку Алёша танцовалъ съ Агатой, а затѣмъ сталъ съ нею всегда и вездѣ неразлученъ. Платонъ Кашириновъ, видя такой успѣхъ Алёши, тѣснѣе сдружился съ нимъ; разница возраста между ними исчезла: „приходите ко мнѣ и я къ вамъ буду приходить, будемъ друзьями". Кэтти смотрѣла на него боязливо: съ-дѣтства сбитая съ толку общеизвѣстнымъ аристократическимъ катехизисомъ княгини Хвалынцовой, она рѣшительно не могла понять, чтó такое этотъ Слободинъ... Она видѣла въ немъ одну только смѣлость, особенно когда онъ однажды въ глаза обозвалъ танцмейстера пижономъ, въ отвѣтъ на какое-то тоже игривое названіе, данное ему французомъ. Озадаченный m-r Лебó притворился, что не слыхалъ, но такъ и остался пижономъ. Кэтти слышала, какъ потомъ Слободинъ сказалъ Каширинову:

— Зазнался плясунъ. Воображаетъ, что онъ важная птица... Да мы сами виноваты. Вѣдь, напримѣръ, самаго умнаго учителя математики нигдѣ не станутъ такъ принимать, на рукахъ носить,— вотъ онъ и важничаетъ, а потомъ еще смѣяться надъ нами будетъ.

Анатоль Хвалынцовъ возненавидѣлъ счастливаго соперника, отзывался о немъ язвительно—c'est un moujik,—но трусилъ напасть прямо. Всѣ остальные мальчики и даже Саша Косолаповъ,— которымъ давно ужъ князёкъ надоѣлъ своимъ высокомѣріемъ и безцеремонностью, приняли сторону Алёши.

Агата—ребенокъ страшно избалованный и своевольный—ничѣмъ не стѣснялась, напротивъ, ей какъ-будто было невыразимо пріятно показать всѣмъ, что она любима и любитъ, совершенно

какъ большая,—любитъ такого человѣка, котораго никто не замѣчалъ, она сама его нашла, открыла въ немъ необыкновенныя качества и поставила выше всѣхъ.

Дѣла Алёши подвигались шибко. Онъ познaлъ прелесть любовной азбуки—отъ робкаго пожатія руки до летучаго, обжигающаго поцѣлуя въ полутемномъ корридорѣ... Прежде m-r Лебó постоянно твердилъ ему, чтобы голову держать выше и глядѣть веселѣе, теперь Алёша не нуждался въ подобныхъ замѣчаніяхъ, онъ не заученные pà выдѣлывалъ, а плясалъ съ увлеченіемъ, просто и ловко: лицо его дышало весельемъ, счастьемъ... М-r Лебó думалъ, что всѣ эти чудеса произвела его наука...

Въ этой нарядной, танцующей и праздной атмосферѣ закружилась голова бѣднаго внука Митрія Логинова;—онъ не умѣлъ отдаваться вполовину. Но иногда въ немъ вскипало какое-то злое и насмѣшливое чувство, какое-то непобѣдимое желаніе дать щелчокъ этому богатому міру,—и онъ изобрѣталъ такія штуки, которыя приводили въ отчаяніе чопорныхъ маменекъ и возбуждали восторгъ одного только Саши Косолапова, любителя всякихъ скандаловъ.

— Зачѣмъ вы уронили Лиду Горянскую? выговаривала ему Агата. Вы хорошо вальсируете; сознайтесь, что сдѣлали это нарочно.

— Да, нарочно. Она много мечтаетъ о себѣ—дочь предводителя, эка важнò-кушанье!

— Зачѣмъ вы въ мазуркѣ выбираете qualités такія странныя, грубыя?—Это тоже нарочно?

— Тоже нарочно. Русскія обыкновенныя слова—чѣмъ они худы? Вотъ и васъ я стану называть по-русски. Зачѣмъ напыщенность? Это смѣшно. Сестру я зову Алёнушка, а васъ Агаша...

— Фи, не смѣйте!

— Непремѣнно—Агаша... Агаша, дразнилъ онъ, а потомъ прибавлялъ нѣжнымъ, ласковымъ шепотомъ:—Агаша милая! Агаша моя славная! чѣмъ это дурно?

И укрощалъ онъ эту дѣвочку-котенка, всегда готоваго изъ бархатной лапки выпустить острый коготокъ.

X.

Сіонскій былъ исключенъ изъ семинаріи и отданъ матери по ходатайству Ѳедора Ѳедорыча, подкрѣпленному свидѣтельствомъ городового врача, что субъектъ сей не только въ солдаты, а просто никуда ужъ не годится; каверны у него глубочайшія, чѣмъ онъ только дышетъ—удивительно! Едва ли до весны протянетъ.

Уѣзжая въ деревню, Сіонскій прислалъ Алёшѣ письмо, исполненное выраженій самой горячей дружбы. „Благословляю васъ на все доброе,—писалъ онъ. Когда-нибудь вспомните передбанникъ госпожи Бѣлкиной и наши задушевныя бесѣды; онѣ найдутъ свое оправданіе въ будущемъ. Уповаю, что вы не продадите душу за блага земныя, изберете благую часть, еже не отнимется... А теперь пока прощайте, благороднѣйшій Алексѣй Петровичъ; ѣду съ матерью, но оставаться у нея долго не могу; ей самой ѣсть нечего. А коли отдышусь на деревенскомъ навозѣ, то по веснѣ прибреду въ городъ искать—panem et laborem: тогда увидимся. Вчера заходилъ къ вамъ, но васъ не было дома."

Тоскливо перевертывалъ и перечитывалъ Алёша эту сѣрую бумажку; ему казалось тутъ что-то недописанное.—„Вчера онъ заходилъ, а я въ это время отплясывалъ съ Агашей. Скверность какая!..." Съ досады онъ засѣлъ дома, сказался больнымъ и пропустилъ слѣдующій танцовальный вечеръ у Косолаповыхъ. На другой день отецъ ввелъ въ его комнату Каширинова.

— Алёша, вотъ къ тебѣ дорогой гость,—съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ отецъ, пригласилъ молодого человѣка садиться и даже пододвинулъ стулъ.

— Пришелъ провѣдать, что́ съ вами. Вчера всѣ спрашивали.

— Нездоровъ, сухо отвѣтилъ Алёша.

— Что это вашего батюшку не видно? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Дома сидитъ: плохъ сталъ, даже гулять по утрамъ не выходитъ, а ужъ это была у него старинная неизмѣнная привычка; несмотря ни на какую погоду, ежедневно отъ 12-ти до часу ходить; и даже улицъ не любилъ мѣнять, все по одному направленію ходитъ. Старожилы привыкли, я думаю, часы по немъ повѣрять.

— Почтенный, почтенный человѣкъ! А что-жъ, я думаю, вѣдь онъ еще не очень старъ?

— Всего шестьдесятъ второй годъ. Представьте, насъ крестилъ одинъ и тотъ же священникъ, нашъ деревенскій отецъ Яковъ. Вотъ замѣчательная-то старость! Только въ прошломъ году мы упросили его отойти на покой. Выстроили ему прелестный домикъ, окружили всѣми удобствами. Что-жъ вы думаете, никому не хочетъ уступить право исповѣдывать родителя, матушку и меня! Ужъ мы такъ каждый годъ на четвертой недѣлѣ поста и ѣдемъ говѣть въ родовое гнѣздо, въ нашу Любимовку; и отецъ Яковъ все на ногахъ. Прекрасно исповѣдуетъ! Да, тяжело будетъ намъ его лишиться... А отецъ мой совсѣмъ не старъ и очень крѣпокъ. Его Кульмская контузія преждевременно разрушила. Мы всѣ, Кашириновы, очень долговѣчны.

Платонъ Кашириновъ говорилъ это съ какою-то теплотой и ясностью; видно было, что говоритъ онъ охотно, о предметахъ любезныхъ сердцу, въ незыблемости которыхъ онъ отъ рожденія ни на мигъ не усомнился...

— Да-съ, батюшка вашъ—это сама добродѣтель! Вся губернія относится къ нему съ глубочайшимъ уваженіемъ... Но однако, господа, я мѣшаю вамъ. Очень радъ, пожалуйста навѣщайте почаще моего Алексѣя, очень радъ! повторялъ Петръ Иванычъ пожимая руку Каширинова, и вышелъ.

— Агаша вчера просто съума сходила; на всѣхъ дулась, капризничала... Рѣшительно выдала себя... Въ самомъ дѣлѣ, отчего вы не были?

— Глупости... надоѣло!

— Ужели—разочарованіе?

— Э, полноте, — я не герой романа! — пустяки все это.

— Странно!

Каширинов поморщился и принялся просматривать лежавшія на столѣ книги. Подали чай. Разговоръ не клеился.

Глядя на Каширинова, Алёша все думалъ, что это за человѣкъ сидитъ передо мной, точно ли онъ такъ уменъ, какъ говорятъ, и годится ли онъ мнѣ въ товарищи?—Чтобы рѣшить эти вопросы, конечно, требовалось ощупать Каширинова со всѣхъ сторонъ. Алёша не умѣлъ приступить къ этой работѣ, между тѣмъ по всѣмъ примѣтамъ чувствовалъ, что они — люди разныхъ полюсовъ.

Платонъ Сергѣичъ Каширинов былъ дворянскій сынъ и экземпляръ нарождавшейся интеллигенціи сороковыхъ годовъ, той интеллигенціи, которая въ свое время была силой, признанной обществомъ, — изъ которой впослѣдствіи вышли нѣкоторые крупные дѣятели, и многочисленные праздные страдальцы, и которая не имѣла ничего общаго ни съ громадною массой народа, ни съ тѣмъ малымъ меньшинствомъ, ничего не давшимъ, непризнаннымъ, освистаннымъ...

Отецъ Платона, отставной генералъ-майоръ Сергѣй Львовичъ Каширинов былъ дворянинъ, весьма стариннаго рода, не богатый, но и не бѣдный; никогда неслужившій по выборамъ, слѣдовательно, не интриганъ, и пользовавшійся уваженіемъ всего своего сословія. Племянница его, госпожа Чародѣева, губернская львица, весьма старательно, кстати и некстати увѣряла всѣхъ, что дядюшка ея необыкновенный человѣкъ, собственно потому, что никогда не говоритъ неправды, т.-е. по-просту, не вретъ. И въ самомъ дѣлѣ, что бы ни сказалъ дядюшка, все оказывалось святою правдой: скажетъ онъ, что сегодня четвергъ, — правда; скажетъ, что у него желудокъ не въ порядкѣ,—правда; что вчера въ соборѣ архіерей служилъ, — опять правда; что теперь три часа, — тоже правда. Но если въ послѣднемъ случаѣ и окажется погрѣшность, то дядюшка немедленно поправится, прибавитъ: „виноватъ, не три, а безъ двухъ минутъ три часа“, и ужъ вы можете положиться, что вѣрнѣе этого ничего быть не можетъ. О другихъ

матеріяхъ старикъ не говоритъ никогда, но если бы, паче чаянія, заговорилъ, то можно держать какое угодно пари́, что слова его дышали бы истиной, одною истиной и больше ничѣмъ.

Въ высокоторжественные дни онъ облекался въ генеральскій мундиръ, украшенный множествомъ орденовъ, являлся въ каѳедральный соборъ, оттуда вмѣстѣ со всѣми чинами ѣхалъ къ губернатору, и затѣмъ больше ни въ какія общественныя дѣла не мѣшался, денежныхъ счетовъ ни съ кѣмъ не имѣлъ, — какихъ же больше правъ нужно на общественное уваженіе? Мать Платона была тоже столбовая дворянка, существо отмѣнно-доброе и сентиментальное; братъ ея, жившій когда-то въ Москвѣ, былъ замѣшанъ въ „Союзъ Благоденствія“, и теперь бѣдствовалъ въ дальней ссылкѣ; это обстоятельство усугубило религіозность старушки: она каждую субботу подавала въ церковь поминальную книжечку и молилась о спасеніи раба Божія Гавріила, — имѣніе котораго досталось ей и увеличило ея незначительное приданое.

Въ единственномъ своемъ сынѣ Платошинькѣ старики души не чаяли; пугаясь разныхъ вредныхъ лже-умствованій, они однакожъ старались дать ему прочное, солидное образованіе, основанное на началахъ религіозности и уваженія къ преданіямъ, оправданнымъ вѣковымъ опытомъ. Приготовленный дома священникомъ и нѣмцемъ, піэтистомъ-философомъ, который до сихъ поръ былъ при немъ, Платонъ поступилъ въ гимназію лѣтъ 15-ти и постоянно былъ первымъ ученикомъ, какъ по успѣхамъ въ наукахъ, такъ и по поведенію. Его бѣлокурая, правильнаго овала голова, голубые спокойные глаза, которые онъ, улыбаясь, немного прищуривалъ, высокій ростъ и медленныя движенія производили съ перваго раза самое пріятное впечатлѣніе. Иногда онъ хмурился, напускалъ на себя нѣкоторую мрачность, „безпредметную тоску“, какъ выражались добродушные поэтики того времени, эти грудные младенцы, вторившіе непонятнымъ для нихъ воплямъ британскаго великана; но эта маска не шла къ нему и какъ-то забавно противорѣчила его здоровому лицу, откормленноиу домашними сливками и сдобными булочками. Не нужно кажется

прибавлять, что Платонъ самъ пописывалъ стишки, объектомъ которыхъ была чудная дѣва, созданная изъ тончайшаго эѳира— читай: m-lle Кэтти...

За то какъ былъ онъ хорошъ, какъ натураленъ, когда восхищался прелестями своего родового гнѣзда—мирной Любимовки, гдѣ каждый уголокъ освященъ какимъ-нибудь семейнымъ воспоминаніемъ, гдѣ онъ проводилъ каждое лѣто, лѣниво бродя съ ружьемъ по тѣнистымъ рощицамъ, или просиживая долгіе часы съ удочкой на берегу тихой рѣчки и прислушиваясь къ далекой пѣснѣ мирныхъ поселянъ, возвращавшихся съ работы... Тутъ онъ былъ дѣйствительно поэтъ и иногда уловлялъ такіе тонкіе оттѣнки сельской природы и деревенской помѣщичьей жизни, что нельзя было не признать за нимъ чуткую наблюдательность и симпатическую теплоту души.

— Пріѣзжайте на лѣто къ намъ въ Любимовку,—уговаривалъ онъ Алёшу. Нѣтъ у насъ никакой роскоши, нѣтъ дворца, какъ у князя Хвалынцова, но и подъ соломенною крышей найдете радушный пріютъ: будемъ ходить на охоту, купаться; а какіе фрукты въ саду, сколько ягодъ, грибовъ въ рощѣ,—благодать! Чувствуешь, кажется, какъ льется въ грудь здоровье, спокойствіе...

— А мужики у васъ богатые, хорошо живутъ?

— Мужики... да отчегожъ можетъ быть имъ худо! По-моему, это самые счастливые люди. Убрался съ работой, да и на покой, о чемъ ему тужить? Онъ не знаетъ тѣхъ глубокихъ, душевныхъ волненій, тѣхъ нравственныхъ мукъ, которыми мы страдаемъ... Ахъ, часто приходится имъ завидовать!

— Да, когда-то я мечталъ... со вздохомъ протянулъ Алёша.

— Что? мужикомъ быть? — Платонъ слегка усмѣхнулся.

— Такъ, какъ я это понимаю, выходитъ вовсе не смѣшно, а невозможно... Дѣло не въ томъ, чтобъ быть непремѣнно мужикомъ: мужика берутъ въ рекруты, продаютъ, покупаютъ, а чтобъ быть вольнымъ человѣкомъ, жить какъ хочется и заниматься чѣмъ нравится... Вотъ, напримѣръ, занятія дворянина, чиновника совсѣмъ не по мнѣ...

— Это любопытно, разскажите пожалуйста; это какая-то утопія...

— Долго разсказывать!—Алёша махнулъ рукой; ему показалось, что собесѣдникъ не пойметъ его разсказа, а потому лучше молчать.

За то Каширинов нашелъ этотъ случай весьма удобнымъ, чтобъ высказаться, обнаружить свои обширныя познанія и нѣсколько просвѣтить юнаго пріятеля по части законовъ, на которыхъ незыблемо покоится общественное зданіе. Онъ такими твердыми и опредѣленными линіями разлиневалъ передъ Алёшей всю красоту общественнаго строя, что свободѣ личной воли не оставалось ни малѣйшей лазейки; для счастія своего и своихъ ближнихъ, а больше того, для соблюденія общей гармоніи, человѣкъ долженъ неуклонно идти по протоптанной дорожкѣ, въ противномъ случаѣ его постигаютъ и громы небесные, и кары земныя. Алёша впервые слышалъ о такихъ вещахъ; высказаны онѣ были такимъ догматическимъ, недопускающимъ никакихъ сомнѣній тономъ, что онъ, дивясь познаніямъ Каширинова, испугался и потерялся... Передъ нимъ встало много фактовъ, извѣстныхъ ему изъ своей и чужой жизни, которыхъ онъ не зналъ куда дѣвать, которые никакъ не укладывались въ правильныя линейки и должны носить клеймо грѣха, или преступленія, а противъ этого возмущалось въ Алёшѣ все, до послѣдняго вихра на головѣ его...

— Хорошо, только оно такъ никогда не бываетъ, замѣтилъ онъ.

— Мало ли что! должно такъ быть... Разумѣется, многое мы прощаемъ; христіанская снисходительность помогаетъ намъ, смягчаетъ суровость долга...

— Да, а какъ вонъ плетьми дуютъ людей на базарахъ, такъ тутъ тоже христіанская снисходительность смягчаетъ...

— Ну, вонъ вы куда бросились! Вы говорите объ отверженцахъ общества, нравственныхъ уродахъ: общество, мой другъ, обязано карать ихъ, искоренять... Это прискорбныя явленія, но что же дѣлать?

— Остается только сожалѣть...

Алёшѣ припомнилась базарная площадь, и какъ люди, крестясь, клали мѣдныя копѣечки въ деревянную чашку молодой арестантки, но онъ не возражалъ, а съ глубокимъ уныніемъ подумалъ: „нѣтъ, не таковы были разговоры у насъ съ Сіонскимъ, въ знаменитомъ передбанникѣ!..“

Прощаясь, Кашириновъ взялъ слово съ Алёши непремѣнно бывать у него и какъ можно чаще, даже обѣщалъ ему по секрету прочесть свои стихотворенія, что очень заинтересовало Алёшу.

По уходѣ гостя, онъ долго размышлялъ, кто правъ? И его терзали сомнѣнія — не въ тысячу ли разъ счастливѣе его этотъ юноша, для котораго всѣ мудреныя задачи жизни такъ ясны, у котораго имѣется въ мірѣ насиженное, теплое гнѣздо Любимовка, а впереди лежитъ дорога гладкая, свѣтлая... не воровская дорога!..

Въ его прошломъ нѣтъ никакихъ темныхъ пятенъ, сомнительныхъ воспоминаній, онъ можетъ не стыдясь передъ цѣлымъ свѣтомъ развернуть и показать изнанку своей жизни...

И притомъ онъ такой добрый, снисходительный, мягкій... Его всѣ будутъ любить, его нельзя не любить, счастливецъ!..

Только онъ какой-то ужъ слишкомъ *правильный*...

А вѣдь онъ, вѣроятно, не полюбилъ бы Сіонскаго?!..

И затѣмъ невольно обратился Алёша къ самому себѣ: какъ бѣдна и жалка показалась ему собственная жизнь! Роясь въ темныхъ закоулкахъ своей памяти, онъ находилъ все убогенькія картинки, мучительныя недоразумѣнія, какія-то запретныя мысли и симпатіи, которыхъ хорошіе *правильные* люди, въ родѣ Каширинова, не одобрятъ, а пожалуй еще осудятъ, осмѣютъ... „И вся-то моя жизнь будетъ такая, ужъ это я знаю вѣрно! Все такъ устраивается неизбѣжно...“

И вдругъ онъ съ досадой обрывалъ эти разслабленныя, дрянныя мыслишки... „Что-жъ, развѣ я виноватъ? У всякаго своя дорога. До сихъ поръ я не тревожился такими дрянными мыслями,

значитъ, не слѣдовало связываться съ людьми не нашего десятка... Да, совсѣмъ не слѣдовало!“ И хоть онъ оправдывался тѣмъ, что все это ради Сіонскаго, однако сознавалъ, что Андреяша просто-на-просто обругалъ бы его за это... Вѣдь запретилъ же онъ своей матери идти просить милости Міроносцева, и ужъ вѣрно не знаетъ до сего дня, какимъ путемъ куплено его помилованіе! Письмо Сіонскаго подтверждало эти предположенія: въ немъ не было ни единаго слова благодарности, ни одного намека, что онъ спасенъ отъ бѣды чьими бы то ни было стараніями.

Письмо это показалось Алёшѣ прямымъ, суровымъ укоромъ...

И какой-то ехидный голосъ шепталъ ему: „да полно, что ты врешь, братъ—развѣ тебѣ непріятно было цѣловать смугленькую Агату?!..“

XI.

Курсъ танцовальнаго образованія конченъ. Очаровательный m-r Лебо́, собравъ приличную дань съ восхищенныхъ родителей, собрался въ путь, продолжать свою цивилизаторскую миссію въ другихъ городахъ россійской имперіи. Передъ отъѣздомъ онъ устроилъ еще въ свою пользу une petite affaire de complaisance, маленькую лоттерею, раздавъ при дружномъ содѣйствіи дамъ 200 билетовъ по три рубля. Брилліантовая брошка (une bijouterie magnifique d'un goût irréprochable) и турецкая шаль (le cadeau d'un aimable Pacha) достались двумъ счастливицамъ на память о миломъ m-r Лебо́, и онъ улетѣлъ по курьерской подорожной...

Не можемъ пройти молчаніемъ, что вскорѣ послѣ его отъѣзда какой-то шутникъ распустилъ слухъ, что ловкій танцмейстеръ былъ не что иное, какъ шпіонъ, подосланный французскимъ пра-

вительствомъ, развѣдать о состояніи умовъ высшихъ классовъ и о количествѣ войскъ въ Россіи. Какъ ни нелѣпа была эта выдумка, однакожъ она нешутя всполошила губернскую знать. Дамы начали отнѣкиваться и сваливать другъ на друга интимность съ красивымъ французомъ, нѣкоторыя даже публично перессорились. Губернаторъ двѣ недѣли ходилъ озабоченный; затребовалъ свѣдѣній изъ почтовой конторы: оказалось, что точно были поданы два письма въ извѣстный Парижъ и въ неизвѣстный Фижакъ, но не подвергались вскрытію, ибо писаны по-французски. Полковникъ Шпицъ, хотя и успокоивалъ, но въ то же время и винилъ кого слѣдуетъ, почему не полюбопытствовали спросить паспортъ у француза? Казалось бы очень простая штука, но подите-жъ! затмѣніе какое-то на всѣхъ нашло... Расторопный полковникъ заѣхалъ такъ, мимоѣздомъ, въ ту гостинницу, гдѣ жилъ Лебо, но узналъ только, что этотъ господинъ съ своимъ скрыпачемъ-компаньономъ каждый вечеръ требовали по двѣ бутылки коньяку и ругались по-русски, утверждая, что имъ подаютъ не коньякъ, а чортъ-знаетъ чтó.

Изъ этого важнаго обстоятельства полковникъ Шпицъ вывелъ прямое заключеніе о невинности танцмейстера, и окончательно успокоилъ господина начальника губерніи, который былъ такъ разстроенъ, что ровно пятнадцать дней не цѣловалъ ручку своей супругѣ, и какъ-то особенно внушительно харкалъ, принимая ежедневные рапорты полиціймейстера, совсѣмъ оторопѣвшаго отъ такой странности добраго начальника. Въ заключеніе спектакля, какой-то чиновникъ сиротскаго суда, заподозрѣнный въ распущеніи нелѣпыхъ и злонамѣренныхъ слуховъ, былъ выгнанъ изъ службы какъ юный козелъ очищенія, и тѣмъ прекратилась вся эта непріятная исторія.

Салонныя затѣи только съ виду кажутся невиннымъ времяпровожденіемъ праздныхъ людей, но всегда въ нихъ есть нѣчто разслабляющее здоровыя силы, одрянняющее человѣческую личность. Ужъ мы знаемъ, что Петръ Иванычъ за 25 рублей пріобрѣлъ право гражданства въ *лучшихъ* домахъ, игралъ въ вистъ

со всѣми провинціальными сановниками, а на свой домашній бытъ сталъ смотрѣть съ горечью человѣка, легкомысленно нацѣпившаго себѣ на шею тяжкую обузу; онъ рѣдко бывалъ дома и съ своей Аннушкой разговаривалъ только о дурно-накрахмаленныхъ воротничкахъ; но объ немъ впереди; а нашъ бѣдный Алёша тоже повихнулся: незамѣтно отвыкъ онъ отъ чтенія и занятій, гимназическіе уроки страшно запустилъ, получилъ нѣсколько *двоекъ;* наверстывать надо было много, а за работу приняться не видѣлъ никакой возможности. Онъ скучалъ, не находилъ себѣ мѣста, какъ человѣкъ попавшій между двумя теченіями. Изъ танцовальныхъ знакомыхъ онъ бывалъ у одного только Каширинова.

Въ домѣ Кашириновыхъ все отзывалось спокойствіемъ, порядкомъ и скукой,—скукой больше всего. Эта старинная мебель, словно приросшая къ своимъ мѣстамъ; хрустальныя люстры въ вѣчныхъ сѣрыхъ чехлахъ; эти лакеи въ сильно-поношенныхъ, но исправно-заштопанныхъ ливрейныхъ фракахъ; этотъ сѣденькій, въ военномъ сюртукѣ, застегнутый на всѣ пуговицы, старичокъ, который тихо кочуетъ по всѣмъ комнатамъ и, не зная что дѣлать, дразнитъ канареекъ; старушка-мать въ очкахъ, съ кроткой улыбкой, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ въ образной, перебирающая вязальными спицами; наконецъ этотъ нѣмецъ-наставникъ, отлично выбритый, съ сигарой и книгой, глубокомысленно роняющій односложные: ja, so, nein, gut... и самъ *правильный* Платонъ въ своемъ кабинетѣ, въ которомъ порядокъ и опрятность какъ будто мѣшаютъ говорить громко и свободно, — все это дѣйствовало на Алёшу самымъ подавляющимъ образомъ, связывало ему руки, отнимало голосъ, тушило познавательныя и разсуждающія способности. Даже стихи въ завѣтной тетрадкѣ, подъ заглавіемъ: „И моя арфа“, прочтенные ему Платономъ, не возбудили ни восторга, ни спора, а прожурчали, какъ струйка воды, подъ шопотъ которой или дремлется, или думается о чемъ угодно. Безмолвная связанность Алёши вѣроятно показалась Платону избыткомъ благоговѣйнаго удивленія, а потому онъ расплывался въ самыхъ нѣжныхъ изліяніяхъ.

— Я раньше васъ вступлю въ жизнь и прошу васъ, если встрѣтите надобность опереться на дружескую руку, обратитесь прямо ко мнѣ. Юношеская дружба дѣло слишкомъ священное; счастливъ тотъ, кто умѣетъ сохранить ее и пронести чистою черезъ всю жизнь до могилы. Не такъ ли, мы всегда останемся друзьями?

Алёша молча пожалъ ему руку, онъ ничего не чувствовалъ и потому не зналъ, что сказать.

Выйдя на улицу, онъ вздыхалъ свободнѣе и веселѣе смотрѣлъ на каждаго воробья, вольно чирикавшаго на заборѣ.

Въ одно морозное послѣобѣда къ дому Слободиныхъ въ щегольскихъ саночкахъ на сѣромъ рысакѣ подъѣхалъ молодой человѣкъ, спрятавъ розовое лицо въ бобровый воротникъ шинели. Стоявшій праздно у воротъ Финогенъ проводилъ молодого человѣка по двору до крыльца. Алёша, глядя въ окно, не узналъ Саши Косолапова, и встрѣтилъ его съ неловкимъ изумленіемъ.

— Какъ поживаете? Отецъ вашъ дома?

— Отдыхаетъ; если вамъ нужно, я разбужу.

— Не надо безпокоить. Папа прислалъ меня просить вашего батюшку завтра къ намъ откушать; а я съ своей стороны прошу васъ. Послѣ обѣда потанцуемъ, будутъ всѣ ваши знакомые.

— Благодарю васъ. Отцу я передамъ, а меня извините.

— Что, что такое?! и слышать не хочу. Вы не можете отказаться, васъ просятъ дамы, понимаете? Саша ухорски подмигнулъ.

— Вотъ еслибы эти дамы сами пріѣхали звать меня, пошутилъ Алёша.

— Ха-ха! Вишь вы какой! Доставлю вамъ и это удовольствіе.

— Поѣдемъ со мной сію минуту, на Большой улицѣ катанье, весь городъ тамъ; встрѣтилъ нашихъ и увидите *кто* васъ приглашаетъ. Алёшу коробила беззастѣнчивая развязность Косолапова, но на этотъ разъ въ ней слышалось признаніе факта пріятнаго, притомъ же онъ больше двухъ недѣль не видѣлъ своего черноглазаго чертёнка...

— Ѣдемъ!

На катаньи точно былъ весь городъ. Врагъ всякой чинности, Саша безпрестанно выѣзжалъ изъ линіи и летѣлъ полной рысью, пугая стоявшую по сторонамъ публику и приводя въ отчаяніе жандармовъ, знавшихъ чей это рысакъ, а потому несмѣвшихъ напомнить о соблюденіи порядка.

Лучшій въ городѣ „выѣздъ“ былъ у Косолапова: вороные, кровные рысаки, осанистый кучеръ, сани обитые бархатомъ и бронзой, а въ саняхъ маменька съ дочкой въ богатѣйшихъ чернобурыхъ шубахъ, — все это изумляло губернскую публику. „Вѣдь это тысячъ двадцать пять капиталу тутъ катается!“ твердили праздные ротозѣи. И изъ этихъ-то возбуждавшихъ завистливое удивленіе саней, черноглазая красавица, казалось, никого и ничего не замѣчая, улыбалась одному только бѣдному гимназисту...

И поѣхалъ нашъ Алёша по легкой дорогѣ катаній, обѣдовъ, танцевъ, домашнихъ спекталей и всякихъ охмѣляющихъ голову увеселеній.

Почтенный откупщикъ, провидя въ своемъ сынкѣ будущаго гусара, съ умиленіемъ взиралъ, какъ Саша залпомъ молодецки выпиваетъ бокалъ шампанскаго. А подъ вечеръ Саша запирался съ пріятелями и гувернеромъ въ свою комнату, подсмѣивался надъ этимъ однимъ бокальчикомъ, умилявшимъ папеньку и приказывалъ дворецкому подать нѣсколько бутылокъ. Тутъ развязывались языки, пѣлись пѣсни, опытный гувернеръ руководилъ юношей въ самой веселой наукѣ.

Нѣсколько разъ Алёша возвращался домой пьяный, — пьяный самымъ настоящимъ образомъ, и ему казалось, что никто въ домѣ этого не замѣтилъ.

Одинъ Кашириновъ не одобрялъ этихъ оргій, на которыхъ однакожъ присутствовалъ, но ничего не пилъ и пріятельски уговаривалъ Алёшу слѣдовать его примѣру, то-есть, оставаясь въ безобразной компаніи, не пить вина... Но его увѣщанія, основанныя на одной только брезгливости „правильнаго“ человѣка къ вреднымъ уклоненіямъ распущенной молодежи, не дѣйствовали па слушателя, который въ простотѣ души еще не понималъ, что между *да* и *нѣтъ* можно отыскать благоразумную середину.

Подѣйствовалъ на него Финогенъ.

Отецъ Личарды, какъ и всякій, блаженной памяти, крѣпостной человѣкъ, терпѣть не могъ лишней копѣйки и пропивалъ ее съ удовольствіемъ; а такъ какъ лишняя копѣйка случалась у него чрезвычайно рѣдко, чаще же попадались подъ руку ненужныя вещи—женинъ платокъ, башмаки, своя ситцевая рубаха, то и тащилъ онъ всю эту заваляшую рухлядь въ царевъ кабакъ, къ которому въ трезвыя времена относился угрюмо, озлобленно.

Разъ онъ везетъ молодого барина къ дому Косолаповыхъ и заводитъ такую рѣчь.

— Вотъ это и хорошо, что вы дружество ведете съ знатными господами; у нихъ житье—вѣдь милліонщикъ!—Чай куды важно у него въ хоромахъ-то; на серебрѣ да на золотѣ ѣсть, а пьетъ, поди, вино-то заморское, небось не такое пойло, какимъ нашего брата опаиваетъ!

— Развѣ онъ опаиваетъ?

— Эка баринъ, какой ты несмысленочекъ! Извѣстно, ихняя торговля такая, чтобъ, значитъ, народъ завсегда шальной ходилъ, словно дурманъ въ головѣ-то. Черезъ это самое нашъ братъ ино мѣсто и пропадаетъ... А ему все на пользу, то-ись претъ въ карманъ. Ты спроси откудова у него казна такая, а все отъ мужицкой мошны. И народъ же воръ у нихъ служитъ! Цѣловальники это нашихъ дураковъ ловко нагрѣваютъ. Что хошь тащи—все примаютъ, грабежъ!

— Да какъ же это имъ позволяютъ?

— Откупшикъ—выходитъ онъ за все и откупается. Всѣ господа отъ него живутъ. Хучь бы вотъ и папенькѣ, тоже примѣрно отпускается.

— Ну, вотъ! папенькѣ-то какое тутъ дѣло?

— Нельзя, это ужъ положеніе, всякому соразмѣрно. Черезъ эвто ему и вальготно. Да еще съ поклономъ все. Сдѣлай такую милость, грабь! А сиволапому, подлому народу все одно, ему лишь бы винища лопать!

Долго разсуждалъ Финогенъ на эту чувствительную тему и

ссадивъ барина, очень степенно заѣхалъ къ знакомому шельмецу-Ивану Елкину, потому въ карманѣ болталась гривна: утромъ на базарѣ овесъ покупалъ...

А баринъ натолкнулся на цѣлый рядъ новыхъ мыслей, точно въ знакомомъ лѣсу набрелъ на небывалую прогалину. И весь вечеръ у Косолаповыхъ провелъ скверно, глядѣлъ на всѣхъ волчонкомъ, придирался, взбѣсилъ Агату до того, что она расплакалась, выгнала его изъ своей комнаты и—„не смѣйте никогда со мной разговаривать!"

Какъ бы удивилась и обидѣлась дочь милліона, еслибъ узнала, что дурацкая рѣчь простого мужика стала причиною угрюмой злости Алёши, что идея кабака грубо испортила ея граціозныя любовныя шалости!... Ей въ голову приходили совсѣмъ иныя романическія догадки и предположенія... А то вѣдь это стыдно даже сказать, что такое!...

XII.

Къ счастію для всей семьи Слободиныхъ около Благовѣщенья, какъ только прилетѣли жаворонки, къ нимъ явилась нежданная гостья Наталья Лаврентьевна. Пріѣздъ „бабеньки" былъ торжествомъ для дѣтей и Анны Дмитріевны. Петръ Иванычъ встрѣтилъ старуху немного принужденно, какъ живое напоминаніе о такихъ обстоятельствахъ, которыя считались имъ давно уже канувшими въ вѣчность, и которыя поднимать теперь совсѣмъ непристойно.

Пошли, разумѣется, спросы да переспросы; оказалось, что бѣдный маленькій городокъ стоитъ все на томъ же мѣстѣ, только половина его подъ самый Варваринъ день выгорѣла до-тла. Артемьевъ приказалъ долго жить, а Орловъ все башмаки ковы-

ряетъ, у стряпчаго теперь на посылкахъ. Попадьѣ отца Никона Богъ двойни далъ; Раскатаевъ, соляной приставъ, въ банѣ запарился до смерти; новый смотритель училища оказался пресущій пьяница; а лѣтошній годъ капуста уродилась на удивленіе. Всѣ новости, привезенныя старушкой, были въ такомъ же незатѣйливомъ родѣ.

— Ну, а вы-то, мои голубчики, какъ тутъ живете-поживаете? Ишь вѣдь какъ всѣ поднялись, словно добрая опара! А про большака-то и говорить нечего, настоящимъ женихомъ смотритъ... Охъ, вы, соколики мои ненаглядные, ужъ такъ-то я стосковалась по васъ!—плакала и обнимала дѣтей старушка.

— А постарѣла, бабенька! Алёша нѣжно поцѣловалъ морщинистую щеку.

— У нея даже и зубы постарѣли, вонъ смотри!—щебетала Алёнушка, заглядывая въ самый ротъ улыбавшейся бабеньки.

— Съ лишнимъ четыре года, кормильцы, на плечи легло, а мово и вѣку-то всего осталось безъ году недѣлю. Все собиралась, давно собиралась къ вамъ, да трудно было, охъ трудно! А тутъ въ Филипповку у меня коровушка отелилась; вотъ я телочку-то выпоила, да продала. Славная такая телка, рыженькая, въ мать; жалко было, а продала, что дѣлать-то! Съ пустыми руками недалеко уѣдешь. Опять же домъ, какъ съ нимъ? Ну, пустила дьячка Амплея, онъ же погорѣлъ, такъ и пустила. Помнишь, что у тебя учителемъ былъ?

— А!--Fortificare, fortifico!.. обрадовался Алёша. Что онъ, бѣдняга?

— Ничего, живетъ. У богатаго что день, то подарокъ, а у бѣднаго что годъ, то ребенокъ! Какъ есть весь погорѣлъ; семья большущая. Вотъ онъ письмецо прислалъ брату, гдѣ-то у меня тамъ въ чулкѣ завернуто. Найду послѣ, отдамъ. Да, такъ пустила его, лишь бы только домишко стерегъ и за коровкой приглядѣлъ; а молоко ему тоже подспорье. Что съ него взять-то, да и грѣшно!

Отдохнувъ послѣ дальней дороги, почтенная старушка разо-

бралась съ своими мѣшечками, раздала дѣтямъ подарки, варежки изъ козьяго пуха; сама связала. Къ лѣту-то оно какъ-будто и лишнее, но вѣдь чаяла еще зимой пріѣхать, пригодятся! Личарду приласкала: „и ты пострѣлъ вытянулся, а чай все норовишь стащить, что плохо лежитъ!“ Поцѣловала, дала серебряный пятачокъ. Личарда на такое привѣтствіе разсмѣялся во весь ротъ, весело и какъ-то одобрительно.

Пріѣздъ въ домъ новаго и близкаго намъ человѣка, члена семьи, передъ которымъ не только нечего скрываться, но который имѣетъ всѣ права войти въ самую интимную внутренность нашей жизни, всегда ведетъ къ внимательной оглядкѣ на пройденный путь и къ внезапной повѣркѣ нашего настоящаго положенія. Тутъ иногда поразительно открывается, въ какія непроходимыя дебри забрели мы, незамѣтно увлекаемые, шагъ за шагомъ, силою обстоятельствъ и безсиліемъ воли; какъ зарылись по уши въ мелкой будничной борьбѣ, дающей въ результатѣ то, что мы называемъ безвыходнымъ положеніемъ. Поселилась бабенька въ дѣтской, и съ перваго же вечера была упрошена сказки разсказывать—мастерица была, а усыпивъ внучоночковъ повѣствованіемъ: о „Марьѣ Маревнѣ, прекрасной царевнѣ“, отправлялась въ спальню, ложилась на кроват рядомъ съ Анной Дмитріевной и при замирающемъ свѣтѣ лампадки велась промежъ нихъ тихая бесѣда и заходила далеко за полночь, пока не заслышатъ шаговъ пріѣхавшаго изъ гостей Петра Иваныча. Алёшина комнатка была рядомъ; онъ теперь постоянно сидѣлъ дома и налегъ на учебныя занятія, готовясь къ предстоящему экзамену.

Однажды ему долго не спалось; потушивъ свѣчу, лежалъ онъ, вслушиваясь въ ночную тишину, полную того затаеннаго движенія, въ которомъ боязливое скребетанье мыши, старческій кашель маятника, мѣрное дыханье спящей груди, сливаются въ одинъ неуловимый, согласный шопотъ, точно это сама ночь шепчетъ, хозяйничая въ своемъ сонномъ царствѣ. Вдругъ послышались всхлипыванія, рыданья, то громче, то тише, какъ будто плачущее

лицо прижалось къ подушкѣ и глушитъ ею неудержимый ропотъ скорбящей души... Плакала мать, а старуха успокоивала ее тужливымъ, беззвучнымъ говоромъ.

— А давно ужъ это у васъ такъ ведется?

— Почитай, годъ будетъ... Вотъ ты и суди, Лаврентьевна, каково мнѣ... И хошь бы я что знала за нимъ доподлинно, кажись, легче бы мнѣ было; а то ничего не знаю, да гдѣ мнѣ и узнать-то? Сижу въ четырехъ стѣнахъ ровно заточница, али въ постриженье готовлюсь. Онъ молчитъ. Откровенности-то прежней промежъ насъ и слыхомъ-неслыхать...

— Ну, а генералъ-то что? Ты бы при случаѣ когда передъ нимъ выплакалась. Коли добрый человѣкъ, онъ обрезонилъ бы его, а ино и постращалъ бы: вѣдь начальникъ.

— И, мать! кабы человѣкъ захотѣлъ, самъ бы все запримѣтилъ. А каково оно передъ чужимъ-чужаниномъ-то всю душу свою выкладывать, ты подумай! А какъ вдругъ онъ надо мной же, дурой, насмѣется? И Христосъ его вѣдаетъ, что онъ за человѣкъ такой! Не пойму я... Такъ будемъ говорить по-просту: добро бы молодой былъ, да будь и я тоже баба въ своей прежней красотѣ, оно пожалуй и зазорно вышло бы, да все же по житейскому понять это можно... а то какая ему, старику, корысть во мнѣ?—Сиди съ нимъ, няньчайся... И сдается мнѣ, что онъ Петра Иваныча одобряетъ, не можетъ же онъ не видѣть этого. Во все-то онъ у насъ входитъ, все наблюдаетъ, и дѣтей какъ любитъ, страсть! Только къ Алексѣю какъ будто строгъ, а въ маленькихъ души не слышитъ. Разъ этто послѣ кофею и говоритъ: „Я, Анна Дмитріевна, говоритъ, какъ умру, такъ вашимъ ребятенкамъ по пяти тысячъ, говоритъ, откажу на каждаго. Такъ въ духовной и запишу, чтобы имъ; потому близкой родни стоющей не имѣю, а васъ почитаю и хочу, чтобъ мое добро въ прокъ пошло. Вы, говоритъ, не думайте, что я зря“; снялъ тутъ икону и приложился. Какъ сказала я про это мому Петру Иванычу, тотъ ажно просіялъ весь, словно по его все это вышло... „Ну, смотри же, говоритъ, Аннушка, это дѣло такое, самъ Богъ

намъ счастье посылаетъ, смотри, не огорчи чѣмъ старика, угождай...“

— Вѣстимо, это дѣтское счастье! Да чего же вамъ себя приневоливать, гнаться за чужимъ? у васъ вѣдь свово добра довольно; чай, слава Богу, успѣли прикопить! Тогда, я помню, четыре тыщи повезли.

— И-ихъ, Лаврентьевна!—Гдѣ ужъ онѣ, тѣ четыре тыщи!—Купили домъ, конечно, обзавелись; только скажу тебѣ, теперича у насъ не держится копѣйка. Бывало все я сохраняла, а какъ узналъ, что дѣтямъ богатство такое достается, такъ все до-чиста отобралъ отъ меня, и ужъ я не знаю, куда идутъ всѣ наши достатки... Вижу только, что иной разъ на базаръ не съ чѣмъ послать. Вотъ горе-то какое!

— Ай-ай-ай! ужъ точно, что горе, коли хозяинъ сталъ не въ домъ тащить, а изъ дому,—значитъ, на-сторону...

— Вотъ и суди, терзается мое сердце, или нѣтъ?—На господскую ногу себя поставилъ и сына тоже, а что проку-то! Спервоначала я-было и радовалась, особенно за Алёшиньку, только вижу, и ему это тоже во вредъ: отъ дому отбился, привередливъ сталъ, да никакъ и виномъ балуется, его тамъ, можетъ, и на смѣхъ спаиваютъ... Теперь все мнѣ опостылѣло, жизнь не мила! Ужъ кабы я знала лиходѣйку мою, все бы бросила и ушла бы къ тятенькѣ, живите тутъ себѣ на радость! пѣшкомъ бы убѣгла... А то вѣдь не знаю, ничего не знаю!.. а что *она* есть, такъ это безпремѣнно, и по картамъ такъ выходитъ, все трефовая краля!..

— А ну, какъ испортили?!—понизивъ голосъ сообразила старушка.

— Охъ, боюсь и подумать-то объ этакомъ!..

— Да ужъ тутъ не безъ колдовства! Это точно, есть такія, что привораживаютъ. Да вотъ у насъ въ Наровчатѣ одна была барыня такая, и на грѣхъ, возьми полюби она мужчину тоже женатаго; онъ-было отъ нее чураться, такъ что-жъ ты думаешь? Почала она поминанье подавать „за упокой души раба Божія имя-

рекъ“... Ну, какъ въ семи церквахъ это исполнила, такъ сейчасъ и затосковалъ онъ, сталъ метаться, все нутро изныло, потому порча вошла! И бросилъ онъ, сударыня моя, жену, дѣтей, Бога забылъ, ото-всего отрекся... А покончилъ тѣмъ, что бритвой горло перерѣзалъ, и полюбовницѣ и себѣ... Такъ вотъ она, какая порча-то бываетъ! И не приведи Царица небесная!..

— Ухъ, ужасть какая! отчаянно застонала Анна Дмитріевна, и все умолкло... Только мышь царапаетъ въ подпольи, маятникъ стучитъ какъ-то торопливо, точно и онъ останавливался послушать про глупое женское горе, и теперь спѣшитъ наверстать свою казенную работу... да изъ дѣтской донесся голосокъ заплакавшей во снѣ Алёнушки.

— Сколько же у насъ горя-то накопилось!—вздохнулъ Алёша, и измученный заснулъ только съ первыми пѣтухами и глянувшимъ въ окно молочнымъ глазомъ убѣгающей ночи.

Наступившій день принесъ обычныя заботы. Алёша старался задать себѣ какъ можно больше дѣла, чтобы некогда было думать. Возвращаясь изъ гимназіи, зашелъ на базаръ, сыскалъ мужика изъ Кубасовки, привелъ его домой и вручилъ письмо Сіонскому, привезенное бабенькой. Написалъ отъ себя пріятелю двѣ строки, убѣждая его пріѣхать какъ можно скорѣе, хоть на день повидаться, такъ какъ въ этомъ свиданіи теперь самая кровная нужда.

За обѣдомъ сидѣлъ онъ молча, глядѣлъ изъ-подлобья, украдкой, но зорко присматриваясь къ лицамъ отца, матери, дѣтей, будто эти лица для него совсѣмъ новыя, незнакомыя... Отецъ показался ему не такъ оффиціаленъ, какъ прежде; онъ очень мило шутилъ и подтрунивалъ надъ Натальей Лаврентьевной, припоминая, какъ ее хотѣли просватать за безрукаго инвалиднаго капитана. Въ лицѣ его не было ни одной черты исправнаго и почтительнаго чиновника, на немъ читалось барское, веселое довольство и сознаніе своего превосходства. Мать, сидѣвшая противъ него, казалась почти старухой. Когда это она такъ потолстѣла? думалось Алёшѣ. Куда дѣвалась эта свѣжая, всегда точно съ мороза рдѣ-

ющая, красота? И движенія у нея какъ-то угловаты, неповоротливы, и рѣчь убитая, незамысловатая... По странному капризу мысли, Алёша все силился представить себѣ отца и мать рядомъ, вмѣстѣ, въ гостинной какихъ-нибудь Хвалынцовыхъ, или Косолаповыхъ: выходило совсѣмъ нескладно, смѣшно даже... А взглянувъ въ милые, покорные и еще прекрасные глаза матери, сердце его сжималось болѣзненно: казалось ему, весь міръ не стóитъ этой вселюбящей души, которая ровнымъ свѣтомъ льется изъ глазъ ея...

Братъ Коля—любимецъ отца, всегда сидѣлъ подлѣ него, ломался, самодурствовалъ, супъ находилъ гадкимъ, требовалъ варенья и повелительно покрикивалъ на Личарду—въ немъ ужъ проглядывалъ нестерпимый себялюбецъ, убѣжденный, что міръ на него только и работаетъ. На высокомъ стуликѣ посаженъ былъ маленькій Ваня, хилый ребенокъ съ желтымъ, старческимъ личикомъ; только черные глазёнки, какъ угольки, горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Какъ-то жалобно и неувѣренно глядѣлъ онъ, словно упрашивая: „ужъ вы молъ не трогайте меня. Я жилецъ у вас недолгій“. Полгода, какъ захирѣлъ онъ, и докторъ ѣздитъ, а помощи никакой.

Возлѣ бабеньки умѣстилась Алёнушка и ластится къ ней такъ шаловливо, и пришептывая разсказываетъ что-то такъ серьёзно, убѣдительно; а то вдругъ подыметъ сѣренькіе глазёнки и слушаетъ, о чемъ говорятъ большіе, да такъ осмысленно слушаетъ, точно повѣряетъ, правду ли это они говорятъ. Алёнушка прелесть! сознalъ Алёша. И какая она хорошенькая будетъ... точно цвѣточекъ... Смѣшно очень она на природу смотритъ,— припомнилось ему, какъ разъ она на дворѣ съ гусями споръ вела: топнетъ ножкой, погрозитъ и закричитъ: „говорятъ вамъ, не смѣйте разговаривать!“ а они въ отвѣтъ ей гогочатъ дружнымъ безтолковымъ хоромъ. Встрѣтивъ Алёшу, она со слезами пожаловалась на гусей...

— „Господи! да вѣдь тутъ у насъ своя, совсѣмъ особая и такая интересная жизнь! Какъ же это я не примѣчалъ ничего?“

Послѣ обѣда онъ поймалъ Алёнушку, расцѣловалъ ей глазки, носикъ, подбородокъ, ямочки на щечкахъ; дѣвочка, смѣясь и прыгая, старалась наклонить къ себѣ его голову,—„Нагнись, нагнись, я тебѣ секретъ скажу, большой! И прошептала ему на ухо: „я тебя люблю“...

— Ахъ, Алёнушка, какъ бы у насъ могло быть все хорошо и ладно!..

Психическій аппаратъ у Алёши былъ такъ устроенъ, что за чувствомъ, за мыслью тотчасъ же слѣдовало дѣло. Рѣшалъ онъ скоро и безповоротно. Теперь онъ рѣшилъ такъ: „вотъ мы въ угожденіе старой «чепухѣ» сунулись куда не слѣдовало, много напортили и себѣ, и бѣдной мамѣ, стало быть нужно дома все поправить. Кончено! и поправить это долженъ я!..» Однакожъ, дѣло, которымъ задался онъ, было нелегкое; передъ нимъ открывались новыя, невѣдомыя и сложныя людскія отношенія, требовалось многое сообразить и прежде всего выяснить собственныя недоразумѣнія. Чего именно добиваться, онъ не зналъ, но твердо зналъ, что дѣла семьи не могутъ и не должны оставаться въ такомъ уродливомъ видѣ. Онъ безсознательно подчинился общему закону прогрессирующей дѣятельности—начинать всегда съ отмѣны стараго.

Была весна,—этотъ, какъ говорятъ, праздникъ природы и кромѣшная мука учащагося юношества. Алёша, много-таки погулявшій и оглушенный внутреннею ломкой, сдавалъ экзаменъ кое-какъ, изъ трехъ предметовъ обрѣзался, но нисколько объ этомъ не тужилъ.

— Прахъ ихъ побери! отъ меня вѣдь это не уйдетъ,—все буду знать, и биномъ Ньютона, и крестовые походы—и всю эту кашу премудрости!.. Годъ потерять—не важность, когда есть дѣла посерьёзнѣе логики Кизеветтера...

— А ты не перешелъ,—хорошъ! попрекнулъ отецъ. Последнее время, братъ, совсѣмъ облѣнился.

— Нѣтъ, не облѣнился, спокойно и кротко отвѣтилъ сынъ; а много танцовалъ, изъ дома бѣгалъ... ужъ лучше бы лѣнился!

Я сознаю, что виноватъ,—виноватъ больше, чѣмъ вы думаете. Мнѣ больно тяжело. Вѣдь кто не сознаетъ въ себѣ ничего скверннаго, тому легко живется: за то безсознательные бараны никогда не исправляются.

Алёша ждалъ продолженія разговора, но Петръ Иванычъ, внимательно взглянувъ на него, повернулся и вышелъ. Объ Алёшиной неудачѣ и помина больше не было.

Кашириновъ кончилъ курсъ блистательно. Собравшись съ своими стариками въ Любимовку, «правильный» счастливецъ зашелъ къ Слободину, приглашалъ его ѣхать вмѣстѣ. Алёша на отрѣзъ отказался.

— Ахъ, да! вспомнилъ Платонъ, вы какъ-то говорили, что къ вамъ бабушка пріѣхала. Извините, не смѣю отрывать! Бабушка въ домѣ—это благословеніе Божіе... Ужасно я люблю милыхъ сѣденькихъ старушекъ: у нихъ вѣчно бѣленькій чепецъ съ большими оборками, ридикюль, пасьянсъ, баловникъ-внучекъ, или внучка—и доброта, доброта безъ конца!.. Въ нихъ всегда есть что-то библейское, строгое, что выше земныхъ треволненій...

— Нѣтъ, моя бабушка простая старуха-баба,—съ намѣренною рѣзкостью замѣтилъ Алёша. Никакихъ чепчиковъ и пасьянсовъ не знаетъ; ходитъ въ волосникѣ, сама горохъ въ грядки сажаетъ; да коли правду сказать, она мнѣ вовсе и не бабушка, а такъ себѣ, добрая старуха. А библейскаго-то въ ней только и есть, что иной разъ святцы по складамъ разбираетъ. Мы вѣдь простые.

Кашириновъ съ снисходительною улыбкою выслушалъ и дрогнулъ плечомъ, будто желая выразить, что онъ въ этомъ не виноватъ.

— Такъ вы, пожалуйста, хоть послѣ пріѣзжайте, а то вѣдь такъ и не увидимся: изъ деревни я прямо въ Казань, въ университетъ.

— Что дѣлать-съ! такъ стало и не увидимся. Пріѣхать-то мнѣ никакъ нельзя.

— Ну, прощайте, другъ мой. Вижу, вы огорчены неудачей, не унывайте!

— Нисколько не огорченъ и не унываю. Лишній годъ просижу, а у меня впереди ихъ еще довольно.

— Помните же, что я говорилъ—всегда разсчитывайте на меня. Кто знаетъ будущее? Можетъ и доведется быть вамъ полезнымъ,—я за счастье почелъ бы это... Ну, храни васъ Богъ! Еще встрѣтимся—я вѣрю!

Они обнялись и разстались.

Алёшѣ потомъ ужъ и досадно стало, что такъ холодно обошелся. Вѣдь добрый онъ малый... только, нѣтъ—онъ *оттуда*, куда я больше ни ногой... Порвать всѣ путы надо, всѣ—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Скоро порвались и послѣднія путы: Косолаповы выѣзжали въ Петербургъ. Откупщикъ запасся залогами на милліонъ и ѣхалъ на торги, съ надеждою взять какую-нибудь болѣе прибыльную губернію, или даже столицу, и поселиться тамъ навсегда.

Въ день отъѣзда къ нимъ собралось много гостей—крупныхъ чиновниковъ и людей близкихъ, преданныхъ. Алёша пріѣхалъ съ отцемъ: онъ получилъ приглашеніе отъ Саши съ припискою бисернымъ женскимъ почеркомъ: «а если не хотите, то и не надо». Эта канальская приписка и подзадорила его: а вотъ на зло же ей поѣду! Наконецъ, вѣдь это ужъ въ послѣдній разъ, куда ни шло!

Дѣло началось молебномъ напутственнымъ, а также о благопоспѣшеніи во всѣхъ путяхъ болярина Кирилла, о дарованіи успѣха и пріумноженія дому его. Все было въ порядкѣ: пѣвчіе пропѣли многолѣтіе, и затѣмъ послѣдовала закуска.

Конечно, эта закуска была цѣлый обѣдъ; шампанское лилось рѣкою; послѣ приличныхъ тостовъ кричали уру! и начались тосты уже неприличные—всякая мелкая сошка считала своею священною обязанностью подняться съ мѣста, и если отъ полноты души не обрѣтала словъ, то просто, ударяя въ грудь, восклицала: «Кирилла Егорычъ!» и какъ-то подленько ухмылялась, дескать: «Орудуй тамъ, а я помню твою благостыню, не забудь же ты меня, раба вѣрнаго!»

Алёша еще въ половинѣ молебна ушелъ въ комнату гувернера и усѣлся, перелистывая первую попавшуюся книгу. До него доносились крики развеселой компаніи и будили въ немъ ненавистную досаду на все, а больше всего на самого себя. «Эхъ, какая я дрянь! Ну, зачѣмъ сюда принесло? Улизнуть скорѣе, никто не замѣтитъ». Онъ поднялся въ зломъ раздумьи...

Вдругъ двери распахнулись, появилась Агата. Она была въ синемъ шерстяномъ дорожномъ платьѣ, плотно обливавшемъ ея круглящуюся талію, черезъ плечо на ремешкѣ изящная сумочка. Обѣими руками держась за растворенныя половинки дверей, и остановясь за порогомъ, она сдѣлала движеніе впередъ одною только таліей. Поза ея была граціозна и плутовата—«вѣдь я не вошла къ тебѣ, не думай,—и также легко могу войти, какъ и убѣжать»...

— Что вы тутъ дѣлаете? Хорошъ, хорошъ! Не хотѣлъ даже и помолиться за меня...

— Молиться?.. да, тамъ не хотѣлъ... но это не за васъ было; за то я никогда не помолюсь... За васъ, Агата, у меня есть совсѣмъ другія молитвы... И я молюсь... Войдите сюда.

— Не хо-чу. Скажите, что съ вами? Какая муха васъ укусила?

— Войдите,—скажу все.

Она отрицательно тряхнула головой. Алёша сильно взялъ ее за руки и заставилъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ. Она была такъ поражена этимъ, что остановилась передъ нимъ съ покорно-опущенною головой и ожидающимъ взглядомъ. Онъ, не выпуская, развелъ ея руки и поцѣловалъ задрожавшія губы.

— Ты знаешь, хитрая, что я тебя люблю... и молюсь за тебя такъ: отними Господи у нея богатство, оно портитъ хорошихъ людей, а вѣдь ты моя хорошая... вотъ и все! Поняла?

— Право, Алёша, ты сталъ какой-то несообразный... и къ чему это о богатствѣ... развѣ не все равно!.. Полно, не зли меня въ послѣднюю минуту... Скажи лучше, ты меня скоро забудешь?

— Постараюсь! сказалъ онъ уже насмѣшливо.

— Э, и стараться не надо! Тебѣ легко, а мнѣ... Агата вдругъ

заплакала. Не въ шестнадцать лѣтъ спокойно глядятъ въ заплаканные глаза милой женщины... Двери затворились—и никто не видѣлъ ихъ дѣтскаго прощанья...

Черезъ нѣсколько секундъ Алёша былъ въ залѣ. Въ облакахъ табачнаго дыма, какъ тѣни, нетвердыми шагами сновали подвыпившіе гости. Горластое галдѣнье прерывалось взрывами нелѣпаго хохота. Нѣкоторые, какъ водится, уже обнимались; Міроносцевъ, въ послѣднее время часто жаловавшійся на головокруженія, погрузился въ мягкій диванъ, совсѣмъ осовѣлъ и хлопая губами, сосалъ погасшую трубку. Петръ Иванычъ, прищелкивая пальцами, подзадоривалъ старичка-казначея пройтись въ присядку. А лакеи съ подносами, на которыхъ звенѣли полные стаканы, все еще шныряли промежъ господъ, уже не пившихъ, а лившихъ шампанское на свои машинки и вицмундиры.

На эту картину Алёша взглянулъ уже безъ малѣйшаго негодованія; ему было смѣшно наблюдать рѣзвившихся старцевъ,—и вдругъ ему померещилось, что за спиною каждаго изъ нихъ торчитъ какой-то фантастическій, дикообразный Финогенъ съ полштофомъ въ рукѣ и приговариваетъ: „важно! грабь робята!“...

Наконецъ, всѣ завѣтные отцовскіе обычаи при проводахъ строго выполнены; два дормеза и коляска поданы къ крыльцу; лошади тронули, послышалось металлически-звонкое: „до свиданья, Алёша!“ Онъ стоялъ, опустивъ голову, и будто проснулся, когда услышалъ голосъ отца: „Алексѣй, домой!“

Полиціймейстеръ и особенно-ретивые господа поѣхали провожать благодѣтеля до первой станціи, но Петръ Иванычъ, запинавшійся на каждомъ словѣ, счелъ за лучшее пойти домой. День былъ жаркій; Петръ Иванычъ шелъ безъ шляпы и все обмахивался платкомъ; Алёшѣ было какъ-то неловко и стыдно. На поворотѣ одной улицы отецъ остановился и сказалъ:

— Ну, Алексѣй, ты иди домой, а я... мнѣ нужно въ одно мѣсто тутъ... зайти къ прокурору... по дѣлу... Что ты глаза-то выпучилъ? Иди! а я послѣ... и повернулъ въ кривой переулокъ.

Какъ облитый холодною водой пошелъ Алёша своей дорогой...

Прокуроръ жилъ совсѣмъ на другомъ концѣ города, а въ кривомъ переулкѣ домишки невзрачны, народъ живетъ сомнительный. И какое теперь у него можетъ быть дѣло? Ему одно—спать лечь поскорѣе.

И долго шелъ Алёша, не оглядываясь назадъ. Велико было искушеніе узнать отцовскую тайну,—стоило только обойти другой улицей, прибавить шагу и изъ-за угла непремѣнно увидишь, въ который домъ вошелъ онъ; однако Алёша этого не сдѣлалъ: „Подсматривать, шпіонить—фу, мерзость какая! И къ чему это? не все ли равно—Марья, Дарья... это глупо даже! И домой я не пойду: по лицу что-нибудь замѣтятъ, спрашивать станутъ". Съ такими мыслями прошелъ онъ къ рѣкѣ и долго сидѣлъ на пустомъ берегу, потомъ выкупался и часу въ шестомъ отправился домой.

Освѣженный купаньемъ и движеніемъ, онъ смотрѣлъ бодрѣе, а мысль его повернула совсѣмъ на другую, новую дорожку—и страстная жажда безпощадно обличить, укорить, возстановить святость долга,—показалась ему ребячествомъ... Онъ уже не негодовалъ, а жалѣлъ и искалъ оправданія... „Виноватъ ли онъ? спрашивалъ себя Алёша. Виноватъ ли я, что полюбилъ дѣвушку изъ такой семьи, которую по настоящему слѣдовало бы только ненавидѣть? Ни въ какомъ отношеніи она мнѣ неровня... а я полюбилъ,—и ни я самъ, и никакой чортъ не заставитъ мое сердце биться ровнѣе и спокойнѣе при встрѣчѣ съ этою дѣвушкой... неровня—вотъ въ этомъ и секретъ весь... Что же дѣлать. Не надо только портить жизнь другимъ... да вѣдь и своя испорчена... Какъ тутъ поправишь?!" Онъ смотрѣлъ на вещи все-таки съ идеальной точки зрѣнія и въ отношеніяхъ сердечныхъ не допускалъ ничего намѣренно-безчестнаго.

Сіялъ іюльскій безоблачный день, а въ домѣ Слободиныхъ была буря страшная, точно ураганъ налетѣлъ. Петръ Иванычъ съ утра былъ не въ духѣ; а когда Личарда подалъ ему какое-то

письмо, занесенное неизвѣстною женщиною, то совѣтникъ заперся въ кабинетъ и даже въ палату не поѣхалъ.

Наталья Лаврентьевна, словно съ умысломъ, чтобы выманить дѣтей изъ комнатъ, расположилась въ саду варить варенье и заставила ихъ отбирать ягоды только-что созрѣвшей малины. Алёша лежалъ въ своей комнаткѣ мрачный и съ ядовитою досадой глядѣлъ на грязнаго Стультуса, который, свернувшись калачикомъ, спокойно храпѣлъ у ногъ его.

Еще рано утромъ знакомый Кубасовскій мужичокъ привелъ бѣднаго Стультуса и объявилъ, что старуха поклонъ прислала, а сынка на прошлой недѣлѣ схоронила, — помёръ сердешный... Вотъ и кобелька тоже прислала, такъ какъ онъ ей въ великъ-часъ наказывалъ, чтобъ, значитъ, безпремѣнно вамъ предоставить.— „Животное—ты можешь спать? А впрочемъ, Стультусъ пробѣжалъ пятьдесятъ верстъ и вѣрно пожрать было нечего!“

Въ кабинетѣ вдругъ что-то загремѣло, голосъ отца вскрикнулъ, потомъ послышался безпомощный женскій плачъ и какой-то неестественный хохотъ... Алёша бросился опрометью и встрѣтилъ въ залѣ Личарду блѣднаго и только-что отскочившаго отъ замочной скважины. Вѣрный слуга уже зналъ въ чемъ дѣло, и выведя Алёшу на крыльцо, осторожнымъ отрывистымъ шепотомъ передалъ барину холопскимъ путемъ добытыя свѣдѣнія.

Дѣло было вотъ въ чемъ: утромъ Петръ Иванычъ нащупалъ у себя подъ подушкой какую-то дрянь, завернутую въ тряпицу и очень осерчалъ; барыня отказывалась долго, запиралась во всемъ, а потомъ расплакалась: „казни меня, говоритъ, мое это дѣло“. Баринъ вспылилъ, крикнулъ: «это глупость и мерзость!—и выбрось изъ головы, такимъ дурачествомъ ты меня не приворожишь, а опостылѣешь въ конецъ!» — Потомъ пошло на счетъ письма, но тутъ, какъ кажется, Личарда многаго не понялъ и переврал. Онъ показывалъ, что сперва баринъ съ барыней заспорили отъ кого это письмо; баринъ утверждалъ, что это писалъ какой-нибудь мерзавецъ изъ палатскихъ, а барыня настаивала на своемъ, что опричь нѣмки, зубной докторши, некому написать такого

паскудства.—Баринъ ей не вѣрилъ; она ссылалась на Ѳедора Ѳедорыча, ему хотѣла жаловаться... „Ну, такъ я пойду и обломаю ей руки-ноги, этой шельмѣ!“ закричалъ онъ и хватилъ кулакомъ по столу.— Она давай его удерживать: „не срами ты меня, не позорь передъ добрыми людьми... Не перенесу я этого... пусть ее Богъ накажетъ“.—„Ага, ты не хочешь? такъ стало быть все это правда?“—вскричалъ Петръ Иванычъ, а она на эти слова его какъ захохочетъ—и ужъ не слыхать было за ея хохотомъ, что говорилъ баринъ. Онъ, кажись, утихомирился, а она все хохочетъ, все хохочетъ. Таково страшно...

Выслушавъ разсказъ Личарды, Алёша воротился въ залу, какъ будто его кто по головѣ дубиной ошарашилъ. Въ кабинетѣ было тихо, онъ заглянулъ въ непритворенную дверь: отецъ сидѣлъ одинъ, упавъ лицомъ и руками на письменный столъ; матери уже не было. Сынъ вошелъ, притворилъ плотно за собою дверь и сѣлъ подлѣ отца, который не шевелился, ничего не слышалъ, не замѣчалъ. Алёша долго смотрѣлъ на него молча, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и шепталъ про себя: „бѣдный ты, бѣдный!..“ трудно сказать, кто изъ нихъ больше страдалъ.

— Папенька... едва выговорилъ онъ.

— А! это ты... кроткимъ тономъ отозвался отецъ и поднялъ голову: на лицѣ его еще не высохли обильныя слезы.—Что голубчикъ?.. а дѣти гдѣ? спросилъ онъ какъ будто съ-просонья.

Сынъ чувствовалъ, что вотъ еще немножко—и онъ потеряетъ послѣднія силы. Страшнаго усилія стоило ему выговорить:

— Папенька, вы должны насъ отпустить,—мы поѣдемъ къ дѣдушкѣ.

— Зачѣмъ, кто поѣдетъ!

— Мама поѣдетъ и я съ нею...

— Это, братъ, прихоти... а впрочемъ, пожалуй—съѣздите недѣльки на двѣ.

— Нѣтъ, ужъ коли ѣхать, такъ мы поѣдемъ навсегда...совсѣмъ...

— Какъ—навсегда?

— Будемъ жить у него и гораздо лучше... Онъ обижать

насъ не станетъ. Оно и для васъ будетъ покойнѣе... Дѣти при васъ останутся...

— Пустяки какіе-то взбрели тебѣ въ голову, что ты?—что ты?

Петръ Иванычъ съ изумленіемъ и даже съ испугомъ вглядывался въ лицо сына, говорившаго спокойно и увѣренно въ томъ, что говоритъ дѣло.

— Я обдумалъ это давно и сбирался сказать вамъ при случаѣ...

— Ну, какой это случай?—какой случай?—Вздоръ! маленькая... такъ... размолвка, вотъ и все!—Нельзя же вѣкъ прожить безъ непріятностей... ты еще этого не понимаешь.

— Понимаю, что размолвка—пустяки. Но прошу васъ, избавьте меня отъ объясненій... Я васъ очень люблю; вѣдь мнѣ и васъ жалко... а какъ уѣдемъ, для всѣхъ будетъ лучше. Мама этого желаетъ, я знаю... Вы будете свободны и она тоже,—чего же лучше!

— Перестань, сдѣлай милость!—нетерпѣливо остановилъ его отецъ. Какія у тебя всегда сумасбродства въ головѣ!.. Ну, какъ это можно? Понимаешь-ли ты, что вѣдь мы... мужъ и жена,—и по закону должны жить вмѣстѣ,—это очень просто;—стало быть тутъ и разговаривать много нечего.—Да и какъ ты смѣешь, молокососъ?—Вотъ оно модное-то вольнодумство! Да въ мое время сынъ передъ отцомъ и сидѣть-то не смѣлъ, а не то что такъ разговаривать!

— Я пришелъ просить васъ... не о законѣ рѣчь... а что разговариваю съ вами о серьёзномъ дѣлѣ, то кажется это лучшее доказательство, что люблю васъ и уважаю;—а исполните мою просьбу, еще больше уважать васъ стану...

— Дружокъ ты мой, вѣдь и я ужасно тебя люблю... только вѣдь ты говоришь-то какъ мальчикъ;—ну съ чѣмъ это сообразно? Вѣдь всякій взрослый человѣкъ засмѣялся бы надъ тобой, да и меня обозвалъ бы дуракомъ, что слушаю тутъ тебя... ха—ха!—Да постой, постой, вотъ я тебя сейчасъ срѣжу... а если мать на это не согласится, что тогда!—обрадовался Петръ Иванычъ.—А я знаю, что она ни за какія блага не согласится... что же ты тогда?

— Тогда...

А вѣдь это возраженіе ему и въ голову не приходило... Зная мать, онъ глубоко почувствовалъ, что если захочетъ отецъ, она ни за что не согласится... Приливъ безсильной злости душилъ его—и разомъ бросивъ почтительный тонъ, онъ началъ запальчиво:

— Ну, такъ тѣмъ хуже для васъ!.. И собаку привязанную не бьютъ... И если только у насъ ничто не перемѣнится, я уйду... убѣгу, куда глаза глядятъ... Считаю подлостью оставаться и...

Отецъ поднялся медленно; взглядъ его не предвѣщалъ ничего добраго... Но въ эту минуту дверь растворилась, вбѣжала запыхавшись Катерина:

— Баринъ! У Ѳедора Ѳедорыча неладно... вахтеръ прибѣжалъ, сказываетъ, чуть ли не померъ... Кровь вдарила...

— Что ты говоришь?—Померъ?—Петръ Иванычъ остановилъ на ней застывшій, помутившійся взглядъ. — Прошло мгновеніе и лицевые мускулы его вдругъ задергались судорожно — въ нихъ отпечаталось усиліе выразить печаль приличную обстоятельствамъ—и какая-то торопливая, почти радостная забота...

Алёша насмѣшливо кашлянулъ.

— Туда, скорѣй туда!—гдѣ моя фуражка? суетился отецъ, и взглянувъ на сына съ откровенностью ничѣмъ несдержаннаго хищника, выбѣжалъ.... Алёша не захотѣлъ комментировать этого взгляда, а онъ очень ясно кричалъ: „дуракъ ты, дуракъ — радуйся!—вѣдь мы теперь богаты“...

Оставшись одинъ, онъ поникъ головою и усмѣхаясь проговорилъ медленно:

— Бѣдная, старая каретная лошадь—и ты свалилась!.. Ну, что-жъ, отслужила—пора!.. А вотъ другіе-то, другіе, нежившіе—зачѣмъ умираютъ?—Впрочемъ и то благо, по крайней мѣрѣ, не успѣли влѣзть въ хомутъ и дожить до негодной клячи...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

О внезапной смерти предсѣдателя палаты въ городѣ ходили разные толки;—какъ будто ужасно мудрено умереть человѣку, особенно въ семьдесятъ лѣтъ! Хотя покойникъ велъ жизнь правильную, никогда не лечился, т.-е. не приглашалъ медика, но за то самъ употреблялъ домашнія, секретныя средства противъ всѣхъ недуговъ;—въ тѣ времена была въ сильномъ ходу мысль объ отысканіи универсальнаго средства, всеобщей панацеи. Въ кабинетѣ Міроносцева постоянно скрывалось нѣсколько стклянокъ съ настоями разной дряни,—и онъ ежедневно употреблялъ извѣстный тогда „эликсиръ долгой жизни“ доктора Ерница.

Еще съ весны старикъ жаловался на неодолимую сонливость: гдѣ ни присядетъ—тамъ и заснетъ; при этомъ ѣлъ необыкновенно много. Нашли его мертваго на полу; какъ видно, передъ тѣмъ онъ лежалъ на софѣ, и почувствовавъ, что дѣло плохо, хотѣлъ встать,—упалъ и ползкомъ уже пробовалъ добраться до письменнаго стола, да такъ и не доползъ;—даже крику никто не слы-

халъ; люди были въ саду, цвѣтникъ пололи. Петръ Иванычъ, въ качествѣ близкаго человѣка и депутата отъ палаты, обнаружилъ чрезвычайную расторопность и предусмотрительность: все имущество и бумаги умершаго были аккуратно опечатаны, къ дому приставлены благонадежные охранители отъ палаты и полиціи. Вообще вокругъ покойника учредилась какая-то „имущественная“ тревога,— точно вора поймали и обыскиваютъ. Каждый приходившій, даже совсѣмъ посторонній человѣкъ, считалъ обязанностью подать совѣтъ, или сдѣлать замѣчаніе на счетъ лучшаго способа охраненія добра; одинъ только полковникъ Шпицъ, глядя на мертвое лицо, подвязанное чернымъ платкомъ, чтобъ не отваливался подбородокъ,—меланхолически произнесъ: „жаль!— такъ вотъ оно!—Значитъ, отъ земли взять и въ землю...“ Однако и онъ не досказалъ чувствительно-философической сентенціи, а почесавъ лобъ, обратился къ вахмистру съ приказаніями о нарядѣ на-завтра конвоя въ печальную процессію. „Да чтобъ новые мундиры надѣли, слышишь? — Слушаю, вашескародіе. — Да, непремѣнно новые... каски и вальтрапы тоже послѣдняго срока; — ужъ пусть его!“—Послѣднее восклицаніе вырвалось у полковника такъ добродушно, какъ будто онъ рѣшился сдѣлать покойнику великое удовольствіе,—пусть-де въ послѣдній разъ полюбуется новыми касками и вальтрапами,—попрекать потомъ не станетъ...

Алексѣй Слободинъ оставался совершенно чуждымъ всему переполоху, поднявшемуся въ домѣ по случаю кончины „старой каретной лошади“; —даже глупый испугъ Личарды, прибѣжавшаго къ нему съ извѣстіемъ, что „стараго барина потрошить хотятъ“, — вызвалъ на лицѣ его легкую, сомнительную улыбку;—ну что-жъ, потрошить, такъ потрошить... ничего любопытнаго они тамъ не отыщутъ... Онъ сказался больнымъ и не пошелъ на похороны. И въ этомъ случаѣ онъ поступилъ едва ли не разсудительнѣе всѣхъ тѣхъ, кто въ знойный іюльскій день версты три шагалъ за гробомъ, незаключавшемъ въ себѣ никакой утраты—ни общественной, ни личной,—и освѣдомлялся только, гдѣ потомъ будетъ приготовленъ обѣдъ и въ какихъ размѣрахъ приведется помянуть

покойника... Тѣмъ болѣе, что это оказалась мечта пустая — никакого обѣда не было.

Прошелъ извѣстный срокъ. собралась цѣлая коммиссія для осмотра бумагъ и приведенія въ извѣстность имущества покойнаго предсѣдателя. Нельзя отказать этой коммиссіи въ усердіи и даже въ любознательности: были обшарены всѣ комоды, шкафы, сундуки, столы:—добыты и пересчитаны всѣ бумаги, письма, замѣтки;—тутъ былъ и рецептъ отъ почечуя, и какое-то удивительное заклинаніе: „да найдется пропадшее,—яко вода сія колеблется. тако у виноватаго да поколеблются мысли, и внутренняя храмина устыдится, и міръ, воздвизаемый бурею духовъ, да обратится на украдшаго, и корабль его сердечный да извержетъ изъ себя похищенное...“ И счеты бѣлья, отданнаго прачкѣ; — и „прожектъ облегчительнаго увеличенія и неукоснительнаго взиманія податей и сборовъ“;—и выписка „о вѣрнѣйшемъ распознаваніи сокровенныхъ свойствъ женской натуры“; — и хронологія знатнѣйшихъ событій;—и лаконическая замѣтка: „Воспрянь!“ — которой смыслъ показался весьма загадочнымъ... Словомъ, выворотили всю подкладку житейскихъ дѣлъ покойника. Мало-мальски живое воображеніе могло бы мигомъ по этимъ даннымъ создать во весь ростъ фигуру старца, его наклонности, вкусы и всю исторію его холостой жизни; но коммиссія совсѣмъ не того искала.

Наконецъ, кто-то испустилъ радостное „а-а!“ — Въ клеенчатой сумочкѣ найдены заемныя письма и росписки разныхъ лицъ;—стали считать, оказалось ихъ на 1528 рублей съ копѣйками... Тутъ же лежала бумажка, испещренная совершенно-непонятными цифрами, довольно крупными, но увы!—голыми цифрами, — а какой мудрецъ раскуситъ, чтó онѣ означаютъ? — И затѣмъ никакихъ актовъ, никакого завѣщанія, никакихъ домашнихъ распоряженій...

Петра Иваныча бросало то въ жаръ, то въ ознобъ... Полиціймейстеръ, милый человѣкъ, предложилъ съѣздить за Вульфомъ, авось онъ разъяснитъ;—и черезъ полчаса любезно привезъ на своихъ дрожкахъ требуемаго субъекта.

— Давно бы такъ, господа! — потирая руки съ довольнымъ видомъ представился Вульфъ. —Благороднѣйшій Ѳедоръ Ѳедорычъ... вѣдь это былъ рѣдкой души человѣкъ! — Удостоивалъ меня... можно сказать, за друга почиталъ... Я все знаю: дѣла его подъ конецъ были въ очень плохомъ положеніи: деньги распустилъ по рукамъ, никто не платитъ,—а покойникъ былъ деликатнѣйшей души...

— Ну, да вѣдь тутъ оказывается и денегъ-то не Богъ-знаетъ какой капиталъ,—спектически замѣтилъ полковникъ Шпицъ. А вотъ говорятъ, что вы его деньги раздавали взаймы и документы брали на имя вашей жены, — это какъ?

—Кто это говоритъ! — Ахъ, господинъ полковникъ, знаете, что я вамъ скажу? Вы можетъ быть этого еще не знаете? Покойникъ даже долженъ остался...

— Какъ, долженъ? — Кому долженъ? — закричали всѣ.

— Моей супругѣ, — спокойно и съ достоинствомъ отвѣтилъ Вульфъ.—Она послѣднія крохи собрала и отдала ему четыре тысячи,—и безъ всякаго документа... Обѣщалъ покойникъ выдать закладную на этотъ домъ, да такъ-все, сегодня да завтра, — и остались мы съ пустыми руками... Знаете, всякому непріятно думать о смертномъ часѣ—и напоминать объ этомъ не деликатно даже...

— Та-акъ! — Хорошо, но куда же дѣвалъ онъ деньги?

— А ужъ это намъ неизвѣстно. Могу ли я знать, кому онъ ихъ далъ, или *подаровалъ!*—Его была воля. Это вотъ Петръ Иванычъ не знаетъ ли;—извѣстно, что въ послѣднее время покойникъ безвыходно у нихъ находился.

Всѣ глаза обратились на Петра Иваныча; одинъ полиціймейстеръ, кашлянувъ въ кулакъ, сурово смотрѣлъ въ окно.

Петръ Иванычъ вскипѣлъ; онъ никакъ не ожидалъ такого дьявольскаго изворота.

— Дѣйствительно, господа, Ѳедоръ Ѳедорычъ былъ въ моемъ домѣ какъ родной. Онъ мой начальникъ и благодѣтель; но денежныхъ дѣлъ я съ нимъ никогда не имѣлъ. Извѣстно же мнѣ

изъ его разговоровъ, что у него должно быть состоянія не меньше, какъ на двадцать тысячъ ассигнаціями. Господинъ Вульфъ имѣлъ полную довѣренность... всему городу извѣстно, чѣмъ онъ занимается... а я... наконецъ, моя репутація, господа... ей-Богу, я ничего даже не понимаю... Онъ совсѣмъ растерялся; элементъ чиновничьей трусости и обезличенія до того глубоко сидѣлъ въ его натурѣ, что вдругъ поборолъ въ немъ и негодованіе человѣка, оскорбленнаго гнуснымъ подозрѣніемъ, и сознаніе, что онъ находится въ кругу людей себѣ равныхъ... Примѣтивъ, что онъ опѣшилъ, члены коммиссіи немедленно приняли тонъ грозныхъ судей и начальниковъ.

Всякій русскій человѣкъ сильно любитъ сыграть роль начальника, или подчиненнаго, и безъ явной грубости не умѣетъ выказать свою независимость. Это давно извѣстно. Если кого постигала необходимость (а кого же она не постигаетъ!) зайти по дѣлу не только въ сердитую контору квартальнаго надзирателя, а даже въ какую-нибудь самую смирную контору — почтовую что́ ли, или кредитную,—тотъ непремѣнно рисковалъ встрѣтить грозный взглядъ и повелительный голосъ, дескать: „Ага, голубчикъ, попался ты намъ!"—И самъ пришедшій тоже почувствуетъ припадокъ подчиненности, съёжится — не прикажите казнить, а дозвольте слово молвить. Такъ по крайней мѣрѣ было въ тѣ давнопрошедшія времена, къ которымъ относится наше повѣствованіе. Теперь мы знаемъ, что народился новый типъ неуклоннаго, но очаровательнаго служителя публичныхъ интересовъ,—и мы должны сугубо радоваться, какъ тому, что старый типъ исчезъ безвозвратно, такъ и тому, что онъ далъ громадный контингентъ особей, изъ которыхъ уже легко выбрать функціонеровъ, направляющихъ, надзирающихъ и рѣшающихъ, по самоновѣйшимъ инструкціямъ. Съ другой стороны, мы видимъ простого гражданина, который гдѣ угодно, съ достоинствомъ, но безъ грубости, умѣетъ потребовать себѣ рюмку водки.

Коммиссія увлеклась и стала производить строжайшее слѣдствіе. На вопросъ, почему вамъ извѣстно, что у старика было

двадцать тысячъ.—Петръ Иванычъ ничего опредѣлительнаго не отвѣтилъ: „Да, такъ, слышалъ между прочимъ“. Въ головѣ его пробѣжало молніей: дѣтей у меня четверо,—ну, а четырежды пять двадцать.—это всякому школьнику извѣстно...

Вульфъ безпрестанно твердилъ, что документы онъ совершалъ аккуратно, въ порядкѣ и хвастливо распространялся, что чрезъ его руки прошли, можетъ быть, милліоны: у почтеннѣйшаго Кирилы Егорыча, господина Косолапова, случалось брать деньги не только безъ росписки, даже безъ счета—и кромѣ деликатнѣйшей благодарности за хлопоты онъ, Вульфъ, рѣшительно ничего не видалъ. А тутъ приходится еще свое терять...

Дѣло нисколько не разъяснялось.

— Да чтожъ-жъ намъ, господа, разбиваться!—отрезвилъ полиціймейстеръ товарищей. Такъ ли, сякъ ли,—не все-ли намъ равно?—Вотъ только слѣдуетъ актецъ составить, а тамъ ужъ не наше дѣло. Съ этимъ всѣ согласились, и засѣданіе кончилось мирно. При выходѣ, Петръ Иванычъ ненавистно взглянулъ на Вульфа и прошипѣлъ:

— Это низкое воровство.

— Что вамъ угодно?—любезно откликнулся деликатный факторъ.

— Тутъ дѣло нечисто, господинъ Вульфъ. Я этого такъ не оставлю, знайте!—и понизивъ голосъ прибавилъ:—Еще съ вашей женой мы посчитаемся за безъименные пасквили...

— Я васъ не понимаю,—и прошу не обижать честныхъ людей, г. Слободинъ. Да и не обидете—руки коротки... Андрей Андреичъ, Андрей Андреичъ! закричалъ онъ, догоняя полиціймейстера;—намъ по дорогѣ, довезите. И фамильярно вскочивъ въ полиціймейстерскіе дрожки, умчался.

— Эге, такъ вотъ оно что!—рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ,—сказалъ Петръ Иванычъ, поглядѣвъ имъ вслѣдъ—и понялъ, что капиталы Міроносцева для него окончательно потеряны...

Пришелъ домой онъ туча-тучей. Анна Дмитріевна, знавшая,

по какому случаю было собраніе властей въ домѣ покойника, взглянувъ изкоса въ лицо мужа, поняла, что дѣло неладно, а спросить боялась. Она даже ходила на цыпочкахъ и говорила вполголоса, словно въ домѣ больной лежитъ. И не то чтобъ она была опечалена несбывшимися надеждами, а чувствовала потребность рабыни успокоить, ублажить разстроеннаго господина.

„Можетъ быть оно и къ лучшему—шевелилось въ ея сознаніи—при неудачахъ-то люди только и вспоминаютъ Бога; а то гордыня одолѣваетъ“. И шопотомъ мѣнялась съ бабенькой своими мыслями и примѣтами.

Алексѣю не нужно было ни о чемъ разсказывать; онъ видѣлъ все и понималъ совершенно ясно. Но въ противоположность матери, имъ овладѣла шумливая, нервная веселость; цѣлый день онъ бѣгалъ съ Алёнушкой, хохотавшей какъ колокольчикъ,—заставлялъ Стультуса продѣлывать разныя штуки и нечаянно разбилъ окно. Отецъ выскочилъ изъ кабинета, прикрикнулъ-было рѣзко, запальчиво, но вдругъ запнулся... Онъ встрѣтилъ такой спокойный, такой ясный взглядъ сына, что ему стыдно стало не только за свою запальчивость, но за всего себя стыдно... Затворивъ тихонько дверь, онъ скрылся.

И шагая изъ угла въ уголъ по кабинету, Петръ Иванычъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ этого взгляда, совершенно разстроившаго послѣдовательное теченіе его мыслей. Ужъ онъ-было отчетливо и зрѣло обдумалъ, какъ притянуть этого Вульфа и, если не удастся отобрать у него деньги, то упечь его куда слѣдуетъ, добраться и до жены его,—словомъ, преслѣдовать настойчиво, не брезгуя никакимъ оружіемъ;—и вдругъ этотъ взглядъ!.. Да откуда онъ, зачѣмъ?—И какая въ немъ страшная сила?—А вѣдь *онъ* становится удивительно похожъ на мать... Она вотъ точно также на меня посмотрѣла, когда я въ первый разъ, у колодца, сказалъ ей: „Ну вотъ, Аннушка, я тебя куплю и поѣдемъ со мной, будемъ жить вмѣстѣ“. Да, это былъ тотъ же самый взглядъ... И Петръ Иванычъ попалъ съ строй совершенно

новыхъ мыслей, будто послышалась ему забытая, милая пѣсня, что пѣвалась въ молодости—и на душѣ у него потеплѣло...

Эти новыя мысли глядѣли на него сѣрыми, спокойными и ясными глазами Аннушки-Алёши. Ему припомнился послѣдній разговоръ съ сыномъ,—и разговоръ этотъ только теперь сталъ ему понятенъ... „Какой ужасъ, какой ужасъ!—Да вѣдь это разговоръ невозможный, сумасшедшій разговоръ!“—едва не крикнулъ Петръ Иванычъ. „Вѣдь мальчикъ растетъ, все видитъ, разумѣетъ... вотъ онъ, судья-то нашъ самый страшный!“... Но не строгостью судьи свѣтились эти ясные сѣрые глаза,—они говорили о чемъ-то самомъ простомъ, естественномъ, понятномъ. Спокойствіе ихъ потокомъ полилось въ душу отца и затопило всѣ уродливые призраки, порожденные нелѣпою дѣйствительностью и казавшіеся ему до сихъ поръ чѣмъ-то необходимымъ, неизбѣжнымъ, законнымъ...

— А ну ихъ всѣхъ къ дьяволу!—вдругъ порѣшилъ Петръ Иванычъ.—Что это я въ самомъ дѣлѣ, куда зашелъ?—И передъ нимъ уже все обратилось въ одну огромную нелѣпость: и Кривой переулокъ, и тысячи, сгребленныя Міроносцевымъ всякими путями, собственно для того, чтобы ими воспользовался ловкій мошенникъ, и самъ этотъ пройдоха Вульфъ съ своей знаменитой супругой... Господи! да что же я могу имѣть общаго со всей этой чепухой и грязью?...

Дѣйствительно, Петръ Иванычъ совсѣмъ успокоился, даже повеселѣлъ, сталъ по вечерамъ возиться съ дѣтьми и шутить съ Натальей Лаврентьевной. Сѣрые, спокойные глаза сдѣлали свое дѣло и подернулись блескомъ радости...

Но не такъ легко человѣку развязаться съ рядомъ заблужденій, приросшихъ къ нему органически, захватившихъ его цѣпкими когтями со всѣхъ сторонъ.—Ты, братъ, *нашъ;* всегда былъ нашимъ, такъ отъ своихъ не отплевывайся, это не порядокъ!— Такъ заголосила вокругъ Петра Иваныча вся безотвязная дѣйствительность.

Шлифуя начальническую челюсть, ловкій дантистъ всегда старался во время скучной операціи занять умъ его превосхо-

дительства пріятнымъ разговоромъ. для чего изобрѣталъ темы самыя игривыя, преимущественно забавныя происшествія изъ мѣстной жизни и закулисныя дѣлишки обывателей, до чего паціентъ былъ большой охотникъ. Послѣ каждаго визита Вульфа, начальникъ самымъ добродушнѣйшимъ тономъ разсказывалъ окружающимъ, съ какой начинкой вчера ѣли пирогъ у Семена Семеныча; по какой причинѣ прокурорша прогнала отъ себя смазливую горничную; какія мысли насчетъ паденія Рима питаетъ учитель исторіи Кассіевъ... Всѣ такъ ужъ и знали, что сегодня, значитъ, зубы шлифовались.—И такъ какъ добрый начальникъ разсказывалъ все это больше въ шутку, безъ малѣйшаго ехидства и желчи (печенью онъ не страдалъ), то слушатели рѣзво улыбались, приговаривая: и какъ это вашеству все извѣстно? удивительно даже!—А онъ, какъ пѣтушокъ, нахохливался и хихикалъ — „да-съ; нельзя-съ; об-бязанъ-съ!“

Понятно, что исторія о пропавшихъ капиталахъ „старой каретной лошади“ была у всѣхъ на языкѣ. Вульфъ очень осторожно передавалъ начальнику городскіе слухи, выставлялъ себя жертвою собственнаго неблагоразумія и всегдашней готовности услужить знатнымъ господамъ. и между прочимъ вставлялъ, что совѣтникъ Слободинъ въ непродолжительномъ времени должно быть купитъ себѣ имѣньице душъ въ триста и заживетъ припѣваючи.—Полицiймейстеръ тоже въ свою очередь имѣлъ конфиденціальный разговоръ съ начальствомъ,—и въ концѣ концовъ вышло такъ, что услужливый Вульфъ оказался совершенно чистъ и правъ, даже сожалѣнія достоинъ, а Слободинъ, если не причисленъ къ деннымъ грабителямъ, по недостатку уликъ, то все же пріобрѣлъ репутацію ловкача, съумѣвшаго обработать дѣло и схоронить концы въ воду. Нерѣшительныя, робкія предположенія стали несомнѣнною истиной, какъ только голосъ сверху произнесъ, что это непремѣнно такъ, иначе и быть не можетъ!

Молчаніе Петра Иваныча, неумѣнье его отгрызаться истолковано было въ его же невыгоду,—и вотъ какъ городскіе слухи пріобрѣли всю осязаемость неопровержимаго факта.

Петръ Иванычъ ходилъ повѣся голову, какъ въ самомъ дѣлѣ виноватый; онъ сознавалъ несправедливость къ нему общества, съ которымъ всегда старался жить въ ладахъ; но до коренныхъ причинъ этой несправедливости, лежавшихъ долею въ немъ самомъ, а долею—и притомъ весьма значительною—въ томъ обществѣ, котораго онъ былъ покорнѣйшимъ слугою,—Петръ Иванычъ никакъ не могъ додуматься. Онъ былъ человѣкъ мелкій, рядовой, а въ тридцатыхъ годахъ и самые передовые люди не помышляли объ анализѣ общественныхъ отношеній. По своему личному характеру Слободинъ и не годился ни для какой борьбы; заявить открытый протестъ въ немъ не хватало храбрости, да и кому заявлять, съ кѣмъ вѣдаться?—Вѣдь кругомъ дѣйствительно все свои люди и притомъ люди вовсе не злые, даже пріятели... Прекратить съ ними всѣ сношенія, стать особнякомъ,—для этого опять-таки нужно нѣчто такое, чего не обрѣталось въ натурѣ добраго Петра Иваныча, выправленной долговременной службой.—Да и какъ обойтись безъ нужныхъ людей человѣку маленькому, который меньше всего зависитъ отъ самого себя, и которому всякій можетъ шутя подставить ногу такъ, что послѣ ужъ никогда не встанешь.

Сердечной нашей Аннѣ Дмитріевнѣ тоже досталась во всѣхъ этихъ сплетняхъ роль весьма некрасивая: но ведя жизнь въ четырехъ стѣнахъ, она и понятія не имѣла о томъ, что́ говорится промежъ господъ; а Петръ Иванычъ всякій день чувствовалъ, что отношенія къ нему сослуживцевъ и знакомыхъ измѣнялись, и перемѣна эта была какого-то страннаго характера: благородные взяточники, тащившіе тихонько, а потому пользовавшіеся уваженіемъ общества, какъ люди основательные, теперь стали глядѣть на Слободина подозрительно, словно боясь заразиться его ужасными правилами, а безшабашные практики, открыто исповѣдывавшіе культъ серебрянаго и даже ассигнаціоннаго рубля, тѣ почти съ объятіями встрѣчали любезнѣйшаго Петра Иваныча, умалчивая о щекотливой матеріи, нѣжно смотрѣли ему въ глаза и сочувственно пожимали руки, а за глазами приговаривали: ка-

ковъ нашъ Петръ-то Иванычъ?—Ай да молодца!—Трудно сказать, отъ которой категоріи отношеній больше тошнило Петра Иваныча... Онъ видѣлъ, что при такой обстановкѣ ему долго не устоять, и ждалъ бѣды со всѣхъ сторонъ, не зная хорошенько противъ кого и противъ чего ему придется обороняться.

II.

Мѣсяца черезъ два пріѣхалъ новый предсѣдатель палаты на мѣсто Міроносцева. Это былъ чиновникъ изъ получившихъ коллежскаго ассесора на Кавказѣ, и принадлежавшій къ той особенной породѣ начальниковъ, которую можно бы, пожалуй, назвать штыкъ-юнкерскою, если бы это названіе не противорѣчило, радикальнѣйшимъ образомъ, понятію о чинахъ гражданскихъ вообще.

Такіе господа, ѣдучи во ввѣренную часть, всю дорогу твердятъ: я очищу, я переберу, я вымуштрую! — а пріѣхавши на мѣсто, ничего не очищаютъ, переборка ограничивается перенесеніемъ присутствія въ другую, болѣе удобную комнату, — и только къ муштрованію приступаютъ немедленно и безъ пардона, особливо, если нужна вакансія для своего человѣка. Такой орелъ дѣйствуетъ съ налёта, больше по вдохновенію; гонитъ фаворитовъ *прежняго* и создаетъ новыхъ, собственныхъ; реформы проводитъ до самаго дна, такъ что ни за какія благополучія не найметъ прислуги, которая была у прежняго, и даже бакалейные товары приказываетъ забирать отнюдь не въ той лавкѣ, гдѣ забиралъ предмѣстникъ; — словомъ, производитъ во всѣхъ отношеніяхъ спасительный кавардакъ. Ужъ одного того, что Петръ Иванычъ былъ фаворитъ покойнаго, оказывалось достаточно для произнесенія стереотипной фразы: „мы вмѣстѣ съ вами служить

не можемъ“,—а тутъ еще приплелась и необходимость очистить вакансію для своего человѣчка, и неблаговидная исторія о капиталахъ Міроносцева — и роковая фраза была произнесена не безъ зрѣло-обдуманной твердости. Петръ Иванычъ выслушалъ ее спокойно, съ достоинствомъ, и въ тотъ же день подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Придя домой, онъ весело разсказалъ женѣ эту новость, какъ будто получилъ какое-то неожиданное повышеніе, и передъ знакомыми старался казаться равнодушнѣе обыкновеннаго. Опять крупная ошибка: хотя Слободинъ сталъ уважать себя за это равнодушіе и презрѣніе къ напрасному гоненію, но онъ забылъ, что въ искусственномъ мірѣ дикихъ отношеній всякое натуральное побужденіе есть ошибка, и разъ потерявши практическій балансъ, остается только падать глубже и ушибаться больнѣе.

Поведеніе Слободина стали объяснять очень просто: обезпечилъ-молъ себя человѣкъ, такъ что-жъ ему печалиться!

Его веселую бодрость понималъ и раздѣлялъ одинъ только Алексѣй; онъ видѣлъ, что отецъ человѣкъ живой, способный переломить свою распущенность, не закиснуть въ привычкахъ халатной жизни, а главное — способный бодро смотрѣть впередъ.

— Не пропадемъ!—твердилъ Петръ Иванычъ.—Здѣсь мнѣ все такъ опротивѣло, что не только искать, а сейчасъ предлагай какое угодно мѣсто, не возьму. Поѣдемъ въ Петербургъ.

— И, Боже сохрани!—этакую даль тащиться... А какъ же съ домомъ-то?—испугалась не на шутку Анна Дмитріевна.

— Продадимъ. Это послѣднее дѣло.... А вотъ я замѣчаю, Алексѣю сильно хочется въ Петербургъ,—вишь какъ встрепенулся, словно живой водой его спрыснули...

— Я радъ за васъ, папенька,—вы не унываете... Разумѣется, не пропадемъ. Впрочемъ, если бы и очень плохо намъ пришлось, такъ навѣрно вы вспомните, что̀ дѣдушка Дмитрій Логинычъ вамъ говорилъ...

— Неужели ты помнишь!

— Я-то все помню... Мнѣ не мѣшало бы даже поучиться

забывать... Петръ Иванычъ какъ будто не обратилъ вниманія на эти слова.

— Эхъ, братъ, не дай Богъ дойти до того, чтобы упасть на шею дѣдушкѣ!... А вотъ съ сестрой списаться слѣдуетъ.

— Съ какой сестрой!—У васъ есть сестра?

— Не грибомъ же я на свѣтъ родился! Семья тоже была большая. Какъ обыкновенно бываетъ съ бѣдными людьми—генеалогія наша теряется во мракѣ неизвѣстности, и сами мы растерялись по бѣлу-свѣту, даже не знаемъ, гдѣ кто обрѣтается и сколько въ живыхъ осталось;—сестра мнѣ ближе, потому что выросла при мнѣ и замужъ я ее выдалъ за одного офицера, Акима Антоныча Ермолина; правда, онъ изъ сдаточныхъ, да человѣкъ оказался хорошій, трезвый. Взялъ Палашу въ одномъ холстинковомъ платьѣ, ну, да и самъ въ то время со всѣмъ хозяйствомъ укладывался на одномъ вьюкѣ, а теперь дослужился майорскаго чина, въ военномъ поселеніи служитъ подъ Новгородомъ и хорошо живетъ, хозяйственно. Писали они какъ-то, что пріятно бы свидѣться, просили даже изъ васъ кого-нибудь отдать имъ на воспитаніе. Люди достаточные и бездѣтные—скучаютъ... Я уже и подумывалъ-было Алёнушку имъ...

— Мою Алёнушку?—Эхъ, папенька, папенька!

— Шучу, шучу.—Ужъ если придется, такъ лучше Колю, военный будетъ.

— Развѣ Колю... только опять, эти чужіе достатки,—Богъ съ ними,—съ горечью замѣтилъ Алексѣй.

— Конечно, конечно... я такъ только, къ слову... замялся отецъ. А по пути заѣдемъ къ нимъ, нельзя же!—Хорошіе они люди; будутъ рады. Можетъ быть и на счетъ мѣста, что-нибудь присовѣтуютъ. Петру Иванычу улыбалась мысль о Петербургѣ, и онъ дѣятельно принялся приводить дѣла свои въ порядокъ. Анна Дмитріевна затужила и не разъ всплакнула въ компаніи съ Натальей Лаврентьевной, обсуждая нерадостныя дѣла свои.

— Извѣстно, безъ должности никакъ человѣку невозможно, что уже и говорить!—должность наша кормилица. Ну, поищи

тутъ; нѣшто у казны одна только палата и есть?—Чиновниковъ смотри сколько—видимо-невидимо по всякимъ частямъ; ужли-жъ мѣста не найдется! А то, статочное ли дѣло, что̀ затѣялъ — въ Петербургъ?!—Вишь, не видали насъ тамъ, этакихъ-то!... Стала я это ночесь ему говорить, такъ онъ куды!—Ты, говоритъ, Аннушка, должна бы еще утверждать меня въ этомъ намѣреніи, а не отговаривать. Потому, останься я здѣсь—и самъ пропаду, и васъ всѣхъ несчастными подѣлаю. Здѣсь намъ не житье; и народъ же какой гнусный,—послушай-ка какую мерзость про насъ распустили... Ну, это точно, Лаврентьевна, что народъ здѣсь подлый, хочь и господа, а гораздо безсовѣстнѣе всякаго послѣдняго мужика. И все это Петръ Иванычъ правильно говоритъ, и не съ моимъ умомъ ему перечить; только одно меня убиваетъ: какъ же съ домомъ-то?—Все заводили, облаживали себѣ гнѣздо, да вдругъ взять и продать? А деньги что! — терпѣть я ихъ не могу, этихъ денегъ.

— Отъ нихъ всякое зло на землѣ,—внушительно вставила старуха. Это ты хорошо, мать моя; вѣдь писано, что на томъ свѣтѣ этими самыми деньгами—растопятъ, да и будутъ глотку заливать корыстолюбцамъ - то. Ну, а тебя Господь уберегъ, этому грѣху не причастна.

— Этого во мнѣ отродясь не было, чтобы къ деньгамъ, а то ли дѣло домикъ! Мнѣ такъ думается, что это самъ Отецъ милосердный повелѣлъ, чтобы у всякаго человѣка на свѣтѣ былъ свой домъ, свое гнѣздо, да лоскутъ землицы... Оттого оно намъ такъ и мило... Деньги—соблазнъ; опять же вышли онѣ—и нѣтъ ничего,—а домикъ все остается, пріютъ костямъ на старость. И что еще мнѣ представляется, Лаврентьевна,—помнишь ты, какъ я разбивалась, когда мы выѣзжали изъ вашихъ мѣстовъ?— Ну вотъ хоть ты что хочешь, а мнѣ тогда словно голосъ какой неотступный сказалъ: не свить вамъ гнѣзда николи; мыкаться вамъ по бѣлу-свѣту безъ надежнаго пристанища! Вотъ оно и сбывается—много ли здѣсь пожили, мѣста не согрѣли... Такъ ужъ оно теперь и пойдетъ!..

— Такъ-то такъ!—Ну пущай одинъ ѣдетъ; дому не продавайте,—оставайся съ дѣтьми и живи въ немъ.

— Прикидывали мы и этакъ-то,—все не выходитъ. Получитъ Петръ Иванычъ въ Питерѣ, али гдѣ въ иномъ мѣстѣ, должность, сюда ужъ не вернется; все равно надо будетъ продать. А другое дѣло, какъ я тутъ безъ мужа останусь?—Да ни за какія сокровища!—Оно не даромъ и въ законѣ сказано: Богъ соединилъ—человѣкъ не разлучаетъ... Да я безъ него только два мѣсяца прожила тогда,—помнишь?—и то натерпѣлась такой муки, что и до гробовой доски, кажись, не забуду... Нѣтъ, какъ можно!—Ужъ стало судьба наша такая цыганская, все съ мѣста на мѣсто;—надо покориться.

— Да, не выходитъ, не выходитъ. Ну, я очень довольна, что видѣла васъ во всякомъ благополучіи. Ужъ болѣ мнѣ не приведется... По крайности, въ смертный часъ, покуда пятаки на глаза не положатъ, все буду видѣть васъ, мои родимые, вотъ какъ теперича—домъ чаша полная, и во всякомъ удовольствіи да добромъ здоровьи.—Вотъ только Ва̀нюшка-то у васъ хилъ, ненадеженъ.

Анна Дмитріевна вздохнула,—такъ вздохнула, какъ можетъ вздохнуть только скорбящая мать, которая никогда, никому не смѣла повѣрить своего великаго горя-несчастія, которой въ простотѣ души кажется, что даже эта быстро-угасающая жизнь ея ребенка есть видимое наказаніе за ея же глубоко-схороненный грѣхъ... А тутъ же, рядомъ съ этимъ горемъ встаютъ еще другія мысли, которыя она считала уже пря̀мо дьявольскимъ навожденіемъ, такъ въ разрѣзъ онѣ становятся со всею тою правдою, что̀ люди споконъ вѣка установили... «Да еще полно грѣхъ ли это?—И чѣмъ тутъ виноватъ младенецъ?»—Но кудажъ ей, бѣдной крестьянкѣ, справиться съ такими вопросами,—не подъ силу;—она умѣла только страдать; этого умѣнья не занимать-стать женщинѣ, да еще русской женщинѣ...

Разговоръ перервался. Прилежнѣе принялась Анна Дмитріевна за иголку, но руки дрожали; уронивъ работу, она закрыла лицо;

а старушка, молча и совершенно прищуривъ глаза, глядѣла на нее долго, пристально.

— Ахъ, мать, погляжу я на тебя, такъ ужъ лучше бы Господь прибралъ его поскорѣй, право-ну!

Анна Дмитріевна подняла на нее глаза; еще мгновеніе и она высказала бы передъ старухой все, что столько лѣтъ давило ея совѣсть.

— Не говори ты мнѣ, Христа-ради!—Не натружай ты своей бѣлой груди!—остановила ее старуха. Ужли-жъ ты меня за глупую несмыслёну почитаешь? — Семой десятокъ изжила, стало все смѣкаю... А ты это напрасно, голубица моя, надрываешься; Богъ-то лучше знаетъ, чья душа правая, чья виноватая,—и можетъ, ужъ давно тебѣ все отпущено за доброту за твою, такъ-то!..

И полегче стало бѣдной женщинѣ; и подумала она: а еще бы легче стало, кабы вотъ этакъ же душевно могла я слово перемолвить съ Петромъ Иванычемъ... Такъ вотъ нѣтъ же, смѣлости во мнѣ не хватаетъ. Не будь онъ баринъ—иное дѣло; а то вѣдь его милостью только и живешь. Кажись и барыней стала, а все-то ты при мнѣ—доля моя крестьянская!..

III.

Пришла зима, да такая ранняя, снѣжная; мятели замело съ самой Казанской. Петръ Иванычъ исподоволь, понемногу продавалъ свое хозяйство—дрожки, сани, лошадей уже съ двора свели; и на счетъ дома совсѣмъ-было поладилъ съ однимъ купцомъ очень выгодно, такъ что по первопутью располагалъ выѣхать, чтобы напрасно тутъ безъ дѣла и безъ мѣста не проѣдаться; но планы его были разстроены самымъ неожиданнымъ и непрі-

ятнымъ образомъ.—Прежде всего захворала Катерина; такая здоровая, работящая и ко всему привычная женщина вдругъ слегла ни съ того, ни съ сего. Ходила она на рѣку бѣлье полоскать, да простудилась должно быть; день былъ морозный;—а къ вечеру поднялась такая сиверка, что едва домой она дотащилась; въ ту же ночь бабу совсѣмъ свалило. Всѣ стали въ тупикъ, что́ съ ней: диви бы съ непривычки, а то весь свой вѣкъ и лѣто и зиму на рѣку съ бѣльемъ ходила—и ничего; а теперь знать не въ добрый часъ вышла, или кто сглазилъ.—Внутри словно пожаръ загорѣлся, глаза страшные, бредитъ и никого не узнаетъ. Утромъ сказали барынѣ; та велѣла баню истопить; таскали несчастную, парили и медомъ съ рѣдькой вытирали,—ничто не помогаетъ. Ужъ Наталья Лаврентьевна пробовала съ молитвой спрыскивать съ уголька, и святой водой поила, а бабѣ все хуже и хуже. Алексѣй настаивалъ съ самаго начала, чтобы послали за докторомъ, такъ не хотѣли его слушать; Финогенъ даже разсмѣялся: какой нашему брату дохтуръ!

Однако видятъ, что домашнія средства не дѣйствуютъ, дѣлать нечего—позвали доктора; осмотрѣвъ больную, онъ поморщился и только посовѣтовалъ свезти ее поскорѣе въ больницу, даже лекарства никакого не прописалъ. Какъ услыхалъ Финогенъ про больницу, махнулъ рукой и съ горечью свиснулъ: фю, вошпиталь—ну, значитъ шабашъ!—Сейчасъ же пошелъ повалился барину въ ноги.—„Отецъ родной, Петръ Иванычъ, дозволь, чтобы не тащить въ больницу; ужъ коли бабѣ помирать, такъ пущай лучше она дома христіанскую смерть приметъ; а можетъ еще и отлежится“.—Но не отлежалась бѣдная Катерина — снесли ее на погостъ.

Несмотря на сильный морозъ, Алексѣй пошелъ съ бабенькой провожать покойницу. Старушка большимъ грѣхомъ считала не пойти, да и охотница была,—а Алексѣй самъ вызвался; онъ еще никого не хоронилъ изъ близкихъ и впервые участвовалъ въ печальномъ обрядѣ, который произвелъ на него глубокое, цѣльное впечатлѣніе.

Его поразило серьёзное, нерасплывчатое горе простыхъ людей; собралась небольшая кучка дворовыхъ сосѣдскихъ женщинъ, пріятельницъ Катерины, знакомая мѣщанка-калашница; какой-то отставной солдатъ и палатскій вахтеръ съ медалями то же пришли отдать послѣднюю честь. Никто не плакалъ, а между тѣмъ на лицахъ не было и равнодушія тупой обрядности: всякій подходилъ къ гробу, и крестился, и свѣчку ставилъ спокойно, будто одно только сознавая твердо, что дѣлаетъ очень важное и необходимое дѣло; всякій, казалось, думалъ, что вотъ-де, какіе мы ни на есть, а все же люди; какъ живемъ—этого никто не видитъ, а помираемъ все равно такъ же, какъ и прочіе... Финогенъ глядѣлъ почти сердито, какъ-то вкось упирая неподвижный взглядъ и безпрестанно чесалъ грудь. Яковъ сталъ поближе къ гробу матери и переводилъ одинаковый, испуганный взглядъ съ ея лица на ризу священника, съ паникадила на желтенькую копѣечную свѣчку, оплывавшую въ рукѣ его. Передъ тѣмъ какъ заколачивать крышку и отдать послѣднее цѣлованіе, Финогенъ слегка закряхтѣлъ и началъ проворно, учащенно креститься, а сына прошибла крупная слеза. Когда же окончательно зарыли могилу, Финогенъ крѣпко ударилъ о-полы рукавицами и потужилъ: эхъ-ма, сгорѣла баба!—такъ вотъ ни за грошъ сгорѣла;—была и нѣтъ;—поди ищи теперь гдѣ она!..

— Это вы не сумлѣвайтесь, дяденька,—тонкимъ голоскомъ замѣтилъ отставной солдатъ;—всякое дыханіе—значитъ покуль оно дышетъ; а разъ—хлопъ!—паръ изъ его вышелъ и кончено!—Одно слово смерть, тутъ разговаривать много нечего...

— Слава те Христосъ, что парнишко-то остался возрастный, негораздо скучать будетъ за маткой,—утѣшала калашница.

— А все же мать: она и обмоетъ, она и обошьетъ, она и кусокъ лишній припрячетъ, да въ ротъ сунетъ. Какъ можно!

— Да ужъ знамо дѣло, другой матери не наживешь?—калякали бабы.

Побрелъ этотъ темный народъ съ кладбища, продолжая калякать ужъ не о покойницѣ, а о своихъ ежедневныхъ нуждиш-

кахъ, только въ тонѣ рѣчей удержалась и звенѣла все одна какая-то жалобная нота... Финогенъ съ господами кавалерами направился въ первый попавшійся на дорогѣ кабакъ.

— Вишь, песъ какой!—заворчала бабенька, примѣтивъ исчезновеніе Финогена. — Имъ бы только винища нажраться! — Ты смотри, Яшка, не пойди по отцу, — баловства-то въ тебѣ много всякаго, а удерживать теперича некому,—пропадешь ты!

Алексѣю сильно хотѣлось утѣшить Личарду, молчавшаго всю дорогу и соображавшаго что-то очень мудреное, но онъ не находилъ ни одного пригоднаго слова.

Эти похороны сильно расхолодили юношеское представленіе о смерти: вмѣсто торжественно-страшнаго, раздирающаго душу явленія, Алексѣй увидалъ очень простой обыденный фактъ: изъ рядовъ живущихъ вычеркивается одинъ человѣкъ, съ которымъ тутъ же сводятся короткіе житейскіе счеты,—ряды смыкаются и идутъ своей дорогой, кто на будничную поденьщину, кто въ кабакъ. И такъ повторяется сегодня, завтра, каждый день, милліоны случаевъ. Къ чему же тутъ парадная обстановка, плачъ, стоны, отчаяніе?—Это показалось Алексѣю малодушіемъ богатыхъ и избалованныхъ людей; воображаютъ они, что застрахованы отъ смерти, и всякій разъ передъ свѣжей могилой подымаютъ такую суматоху, точно весь міръ рушится... а вотъ простой народъ знаетъ, что онъ ни отъ чего незастрахованъ, потому въ немъ больше твердости, выносливости,—а горе во всякомъ званіи все горе—„другой матери не наживешь!“

Не успѣли схоронить Катерину, какъ пришлось заказывать другой гробикъ.—Давно уже погасавшая жизнь маленькаго Вани—наконецъ совсѣмъ погасла.

— Ужъ какъ пойдутъ въ домѣ несчастія, такъ и конца имъ нѣтъ! Видно Господь посѣтилъ насъ... И пойдетъ теперь у насъ все такъ: отбудешь одно горе, иди встрѣчай другое... Чуетъ мое сердечушко, что прошли наши красные дни, и чѣмъ дальше, тѣмъ все будетъ тяжеле!—плакала Анна Дмитріевна, обряжая атласными ленточками голубой гробикъ своего ребенка.

IV.

Съ продажей дома Петръ Иванычъ встрѣтилъ большія затрудненія: купецъ, съ которымъ было совсѣмъ полажено, отказался, потому единственно, что хозяйка его не захотѣла,—испугалась, провѣдавъ, что въ домѣ было два покойника, стало быть, домъ несчастный.

— Да меня въ тотъ домъ, гдѣ покойникъ лежалъ, и канатомъ не затащишь, а не то что доброй волей, да еще за свои денежки!—упиралась толстая, животолюбивая купчиха и никакихъ резоновъ не слушала.—Пришлось искать другого покупщика—и наконецъ, только въ апрѣлѣ дѣло порѣшено съ коммиссаріатскимъ чиновникомъ за двѣ тысячи семьсотъ, и расходы по купчей пополамъ.

А тутъ еще другія хлопоты: Финогенъ, сильно запивавшій послѣ смерти жены, сталъ никуда негоденъ; вѣчно сидитъ въ кабакѣ, пропилъ всѣ женины вещи и на себѣ оставилъ только дырявый полушубокъ. Увѣщанія и угрозы не имѣли надъ нимъ никакой силы.—Бился-бился съ нимъ баринъ, видитъ, что толку нѣтъ,—пропалъ человѣкъ.

— Какъ же я тебя, дьявола этакого, съ собой въ дорогу возьму! — Какая отъ тебя помощь? — Подумай ты, аспидъ, что ты со мной дѣлаешь! — И такое ли теперь время, чтобъ пьянствовать?

— Власть ваша, а я что-жъ?—Мнѣ теперича только одно... И вдругъ повалился въ ноги:—Петръ Иванычъ, отецъ родной отпусти ты меня!..

— Какъ, отпусти?!

— Какъ хочешь, кормилецъ, — по пачпорту али такъ какъ оставь тута. Какой ужъ я тебѣ слуга!—душу-то чорту никакъ

заложилъ. Мнѣ одинъ ходъ—либо острогъ, либо петля... Оставь, а то неровенъ часъ—я и съ дороги убѣгу, какая тебѣ корысть? А ты положь какой хошь оброкъ — я съ моимъ великимъ удовольствіемъ представлю.

— Какой ты можешь оброкъ добыть, каторжный? — Кто тебя возьметъ?

— Это точно, никто не возьметъ, Петръ Иванычъ. Тутъ одно — коли Господь помилуетъ, може эта порча и пройдетъ у меня, потому здѣсь есть такія бабы, что выпользовать могутъ. Опять же будемъ такъ говорить по-божьи, — вѣдь ты нашъ отецъ, мало мы тебѣ служили, рабы вѣрные? — Коли мало, ну мой Яшутка тебѣ отслужитъ. Я ему, шельмецу, накрѣпко закажу и чуть что—лупи его! Даромъ что мое дѣтище, а я тебя объ этомъ прошу слезно, бей до смерти!.. Онъ, подлецъ, долженъ свое отслужить, а ужъ я куды! — Отпусти родимецъ, заставь за себя вѣчно Бога молить...

Валяется въ ногахъ и твердитъ одно „отпусти" — что съ нимъ дѣлать? — Баринъ увидѣлъ, что предъ такой покорной съ виду, но въ сущности непреклонной волей человѣка, и его барская власть ничего не сдѣлаетъ, то-есть, пожалуй, при помощи разнообразныхъ полицейскихъ мѣръ все сломить можно, но Петръ Иванычъ не былъ способенъ на деревянное, безполезное тиранство.

Выправилъ онъ ему паспортъ, поручилъ надзору Предтечинскаго священника и не положилъ никакого оброка—пусть прежде отъ запоя вылечится, а тамъ посмотримъ.

Наталья Лаврентьевна выѣхала на Ѳоминой недѣлѣ съ попутчиками. Разставанье съ нею было глубоко-трогательно: кромѣ маленькихъ дѣтей, всѣ сознавали, что разстаются съ доброю старушкой навсегда, и хоть въ утѣшеніе себѣ приговаривали: „Богъ дастъ, еще увидимся!" —однако эта фраза произносилась какъ-то не твердо, не рѣшительно; немного шаговъ осталось бабенькѣ до той минуты, когда мѣдные пятаки надавятъ на застывшіе, ничего неотражающіе зрачки.

— Смотрите же, пишите, радуйте меня, мои внучоночки

милые! Дастъ Богъ, пока еще глаза видятъ, натку вамъ холста на рубашечки, своего домашняго; пришло въ Питеръ. Тамъ можетъ и лучше полотно есть, да не такое добротное. Станете носить —бабеньку поминать.

Это было послѣднимъ завѣщаніемъ старухи.

Новый владѣлецъ хотя и позволилъ Слободинымъ остаться въ домѣ до выѣзда, но какъ это былъ человѣкъ давно и съ замираніемъ сердца мечтавшій о благопріобрѣтенной собственности, то благополучіе, котораго онъ теперь достигъ, не давало ему покоя; раза по четыре на день онъ прибѣгалъ въ домъ, ходилъ по комнатамъ, обозрѣвалъ все снова, постукивалъ въ стѣны, въ печи, соображалъ что-то ужасно глубокомысленное, а самъ весь сіялъ. Безпрестанное появленіе этого счастливца было не только назойливо, но даже оскорбительно; придетъ, извиняется такъ приторно, проситъ не безпокоиться, а самъ точно выживаетъ. Слободины и не мѣшкали бы, да встрѣтилось одно очень важное обстоятельство.

Петра Иваныча озарила счастливая мысль добыть рекомендательное письмо къ какому-нибудь сильному въ Петербургѣ лицу отъ князя Хвалынцова. Князь держалъ себя чрезвычайно гордо, ни въ какія губернскія дрязги не вмѣшивался, и слылъ вообще за человѣка добраго и благороднаго. Хотя Слободинъ былъ нѣсколько извѣстенъ князю, даже разъ, по порученію Міроносцева, составлялъ для него какую-то дѣловую записку, но теперь долго обдумывалъ этотъ шагъ и — куда кривая не вынесетъ — рѣшился ѣхать прямо къ князю въ деревню, объяснить все откровенно и просить милостиваго ходатайства. Мысль эту онъ скрылъ отъ домашнихъ и въ одну ночь уѣхалъ въ перекладной, не сказавъ куда. Проѣздилъ онъ съ недѣлю, потому что князь выѣзжалъ въ другое имѣніе, пришлось его дожидаться. Но не напрасно протрясся Петръ Иванычъ верстъ болѣе сотни, и воротясь домой, съ восторгомъ разсказывалъ о пріемѣ, котораго удостоился.

— Во всѣ подробности вошелъ, то-есть до послѣдней мелочи обо всемъ полюбопытствовалъ. Объясненія мои выслушалъ благо-

склонно, потомъ улыбнулся этакъ особенно и сказалъ сквозь зубы одно только слово — „дрряньǃ“ — но, батюшки мои, какъ онъ сказалъ это слово! — Всѣ наши городскіе, кабы услышали, обратились бы въ прахъ отъ одного этого слова... просто уничтожилъ! Вельможа — и больше ничего! Велѣлъ мнѣ явиться на другой день въ 10-ть часовъ утра. Вышелъ я отъ него, думаю — ну, дѣло мое въ шляпѣ! вдругъ ужъ на крыльцѣ догоняетъ меня ливрейный оффиціантъ — „его сіятельство просятъ васъ къ обѣденному столу“. — А въ которомъ часу? Садится за столъ въ 8-мь часовъ.—Какъ, въ 8-мь вечера?—Да-съ; а вы такъ минутъ за 15-ть пожалуйте, сударь, во фракахъ-съ“.—Нечего вамъ и разсказывать о великолѣпіи!—Когда ужъ всѣ собрались, выходитъ князь тоже во фракѣ, потомъ сама княгиня, дѣти, гувернантка, воспитанница,—представь только, Аннушка, разодѣты какъ на балъ! А и гостей-то никого не было, все свои — два англичанина, какіе-то механики, французъ - докторъ и я многогрѣшный, вотъ и вся публика. Подвелъ меня князь къ самой княгинѣ, „вотъ, говоритъ, въ Петербургъ ѣдетъ.“ — А! отозвалась она,—вашъ сынъ учился танцовать вмѣстѣ съ нашими.—Видишь, Алёша про тебя вспомнила!—А мы, говоритъ, Анатоля ужъ въ корпусъ отвезли; зайдите къ нему, онъ очень будетъ радъ. Кстати, я попрошу васъ передать ему маленькій пакетъ, если это не затруднитъ... Совсѣмъ очаровала меня своей благосклонностью! — Ну, только это все постороннее, слушай дѣло.—На другой день являюсь; провели меня въ садикъ, боскетъ у нихъ называется; сидитъ князь подъ деревцомъ въ бѣломъ сюртукѣ и большой соломенной шляпѣ, облокотясь на трость, въ размышленіе погруженъ. Какъ примѣтилъ меня, кивнулъ головою: очень радъ, говоритъ, и прежде всего спасибо за то, что обратились ко мнѣ прямо, какъ всякій честный человѣкъ долженъ обращаться къ честному человѣку. Вотъ вамъ письмо барону Эггерсу; я пишу, что знаю васъ за хорошаго чиновника; а главное, что вы не взяточникъ, понимаете вы меня? — И онъ такъ проницательно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я началъ-было что-то говорить, ужъ

не помню, онъ остановилъ: „Все это прекрасно, но поймите это хорошенько—вы не-взя-то-чникъ. Вы можете гордиться тѣмъ, что я это говорю вамъ такъ прямо. Отдайте письмо барону, онъ найдетъ какъ тамъ возможно будетъ лучше примѣнить къ дѣлу ваши способности и вашу честность. Можете быть покойны. Прощайте, любезный, желаю вамъ всего хорошаго...“ Выросъ я, Аннушка, выросъ, въ собственныхъ глазахъ выросъ! Бояться намъ теперь нечего, все пойдетъ отлично!—твердилъ восторженно Петръ Иванычъ.—Вотъ оно, это письмо... возблагодаримъ Бога, не всякому такое счастье!...

Восторженность его сообщилась и окружающимъ. Фигура стараго князя, почтившаго честность и безкорыстіе въ маленькомъ чиновникѣ, показалась Алексѣю великолѣпною, колоссальною... Ему только смѣшно было вообразить себѣ, какъ онъ встрѣтится съ князькомъ Анатолемъ.

— А я безъ тебя не рѣшилась продать корову-то: какъ же можно, даютъ всего десять рублей, съ чѣмъ это сообразно!

Э, матушка, полно тебѣ копѣйки-то выгадывать, Богъ съ ними!—И Петръ Иванычъ заторопилъ жену; продавали все оставшееся за безцѣнокъ, лишь бы поскорѣе отдѣлаться и выѣхать.

Алексѣй получилъ изъ гимназіи свидѣтельство объ окончаніи 6-го класса при „похвальномъ поведеніи“.—Онъ позаботился только объ участи Стультуса, котораго пристроилъ наилучшимъ образомъ, отдавъ кухаркѣ госпожи Бѣлкиной, Аринѣ. Да и для Арины, казалось, болѣе дорогого подарка быть не могло; ужъ она его ласкала-ласкала, чуть не со слезами, приговаривая: „ахъ ты Стульта! отслужилъ ты, Стульта, дружку мому покойничку, мотри и мнѣ служи также!“—Собака, узнавъ знакомую, когда-то кормившую ее и ея хозяина, съ визгомъ и лаемъ бросалась на плечи Аринѣ.

Лука пришелъ проститься съ крестной маменькой, но какъ будто только для соблюденія приличія: онъ держалъ себя принужденно, словно кругомъ виноватый передъ всѣми, а на Алёшу даже не смѣлъ глазъ поднять.

Вечеромъ накрапывалъ дождичекъ—добрый знакъ для отъѣзжающихъ—когда пузатый, тяжело-нагруженный тарантасъ вывезъ шажкомъ за черту города Слободинское гнѣздо.

V.

Всѣми безспорно признано могучее образовательное вліяніе путешествій; многіе считаютъ путешествіе необходимѣйшею частью полнаго, солиднаго образованія. Мы, русскіе, не имѣемъ на этотъ предметъ никакихъ *своихъ* установившихся убѣжденій: шататься мы любимъ, особенно на чужбинѣ. Со временъ Петра Великаго въ Европѣ объявились русскіе путешественники, то въ видѣ „любопытныхъ скиѳовъ“, пришедшихъ „внимать аѳинскому софисту“, то съ гигіеническими цѣлями, а чаще всего въ простой и популярной формѣ праздныхъ, гулящихъ людей, которые спѣшатъ промотать въ чужихъ краяхъ и лишнія деньги, и лишнюю глупость, накопившуюся въ домашней скукѣ — и то благо! Очень недавно мы сдѣлали открытіе, что можно путешествовать и по своему отечеству, но это открытіе на первыхъ порахъ привело любознательныхъ пѣшеходовъ въ контору становаго пристава. А чтобы ввести близкое знакомство съ родиной въ систему воспитанія, то объ этакомъ баловствѣ намъ въ то время и подумать еще было некогда...

Изъ нашей совершенно-правдивой хроники читатель, конечно, усмотрѣлъ, подъ какими непредвидѣнными и безалаберными случайностями проходило развитіе Алексѣя Слободина. Въ немъ все было такъ, какъ „Богъ дастъ“, а между тѣмъ нѣкоторыя случайности являлись необыкновенно счастливо и, быть можетъ, тѣмъ сильнѣе вліяли на обработку характера и складъ міровоззрѣнія юноши, что въ нихъ не было никакой преднамѣренности. Къ та-

кимъ счастливымъ случайностямъ нужно отнести эти безконечные переѣзды на долгихъ изъ одного конца Россіи въ другой; тутъ онъ встрѣтился лицомъ къ лицу и съ русской бѣдною природой, и съ русской своеобычной жизнью, которая копошится вдали отъ городовъ и большихъ дорогъ, по глухимъ проселкамъ.

Въ первый переѣздъ изъ родного городка въ губернію Алёша былъ слишкомъ малъ, и притомъ зимняя дорога не даетъ ни достаточно матеріаловъ для наблюденій, ни даже возможности наблюдать встрѣченное. Ужъ какія тутъ наблюденія, когда кругомъ трещатъ тридцати-градусные морозы; все живое бѣжитъ и прячется подъ теплую крышу; въ каждой избѣ люди ютятся вмѣстѣ съ телятами; кругомъ все бѣло, неподвижно, мертво,—и самъ путникъ завертывается съ головой въ шубу, чтобы не отморозить своего любопытствующаго носа?... Та дорога для Алексѣя слилась въ одномъ цѣльномъ и яркомъ представленіи о встрѣчѣ съ дѣдушкой въ его просторной, теплой избѣ, оклеенной лубочными картинками, да о веселомъ празднованіи зимняго Миколы въ большомъ многолюдномъ селѣ.

Теперь дорога представляла рядъ картинъ живыхъ, своеобразныхъ, полныхъ смысла и занимательности для шестнадцатилѣтняго юноши, жаждущаго впечатлѣній, и котораго всѣ симпатіи тянули въ ту сторону, гдѣ снуютъ интересы, печали и радости простой жизни. Ѣхать предстояло до Петербурга болѣе двухъ тысячъ верстъ; до Москвы тянулись почти мѣсяцъ. Прежде всего, какъ ни экономничалъ Петръ Иванычъ, а на другой день дороги пришлось принанять еще пару лошадей съ повозкой, ямщикъ взялся везти самоувѣренно, да вдругъ и отказался:—чижало́! его чорта не выволокешь! Да и сидѣть въ тарантасѣ пятерымъ оказалось тѣсно и душно. Въ повозку перебрались мальчики и тогчасъ же подружились съ ямщикомъ, молодымъ татариномъ Абдулкой. Абдулка этотъ оказался превеселый малый и яростный защитникъ своей татарской честности. Русскій ямщикъ Назаръ, везшій тарантасъ, степенный, даже мрачный мужикъ, кривой и какъ-будто съ рваными ноздрями,—онъ увѣрялъ, что это отъ

оспы,—былъ лѣнивъ до гадости, ужасно жалѣлъ своихъ пѣгихъ лошадокъ и готовъ былъ придраться ко всему, чтобы остановиться на кормёжку черезъ каждыя двадцать верстъ. Абдулка своихъ не жалѣлъ и иной разъ пускалъ крупной рысью, чтобы обогнать Назара и раньше прибыть на ночлегъ. Ужъ и ругалъ же его кривой за эти штуки—„ахъ ты татарва проклятая! чего ты ёрничаешь-то? Тебѣ, извѣстно, коней не жаль, потому, коли загонишь, сейчасъ прирѣзалъ и сожралъ,—тебѣ все равно, окаянному!“

Замѣтно было, что Назару не нравилось, что съ нимъ везетъ Абдулка, а не кто-нибудь другой по его рекомендаціи. Абдулка не обижался и смѣясь приговаривалъ: „нашъ татаръ честна душа; онъ вина не пьетъ и обмануть не жалаетъ. А русъ хитрый человѣкъ,—съ русъ шалтай-балтай, а ножъ за пазухой хватай“.

— Ахъ ты бритая башка! Ножъ, ножъ... а кто проѣзжихъ по лѣсамъ грабитъ, кто чемоданы подрѣзываетъ, кто? Небось мало вашего брата плетьми-то жарятъ!

— Да, знакомъ, ты вѣрно на разбой гулялъ, носъ порвалъ, совсѣмъ кривой сталъ!—смѣялся Абдулка.

— Елгай ты, елгай! Казань-то зачѣмъ проспалъ?—въ свою очередь острилъ Назаръ и замахивался кнутовищемъ на татарина. Оба они разражались смѣхомъ послѣ такихъ обоюдныхъ шутокъ.

Сидя на передкѣ, Абдулъ часто оборачивался, съ доброй дружеской улыбкой глядѣлъ на барчуковъ и подмигивалъ ободрительно.

— Въ Москву гайда, въ Москву! небойсь! татаръ добрый человѣкъ, въ Москву повезетъ. Ты, бачка, не вѣрь Назаръ; Назаръ варнакъ, собака. Мы живемъ честно.

Путникамъ случилось проѣзжать цѣлыя волости татарскихъ селеній, и Абдулъ дѣйствительно лѣзъ изъ кожи, стараясь доказать господамъ, какой добрый и честный народъ татары. По стараніямъ Абдула, останавливались Слободины всегда у старшины, у муллы, или у какого-нибудь зажиточнаго старика; постоялые дворы въ то время не были еще извѣстны въ дальнихъ татарскихъ деревняхъ; избы свѣтлыя, чистыя, широкія лавки

устланы коврами домашняго издѣлія; угощеніе предлагалось роскошное — сотовый медъ, пшеничный хлѣбъ, вареная курица, — и Боже сохрани, чтобы хозяинъ или хозяйка взяли деньги съ дорожныхъ людей. Правда, это было еще въ предѣлахъ С—кой губерніи, и старшины могли знать, что ѣдетъ такой важный бояръ, совѣтникъ Слободинъ, но едва ли одни эти соображенія имѣли рѣшительное вліяніе на гостепріимство татаръ. Алексѣй не могъ не замѣтить, что татары гораздо богаче и живутъ гораздо лучше русскихъ, и совсѣмъ нѣтъ въ ихъ лексиконѣ словъ: барщина, помѣщикъ, господскій дворъ, —а капуданъ-исправникъ понимается, какъ свой человѣкъ—не то начальникъ, не то подчиненный, — не разберешь, только совсѣмъ не страшный...

Абдулъ водилъ дѣтей по деревнѣ, показывалъ мечеть; и онъ, и мулла были чрезвычайно довольны, что старшій барчукъ, Алексѣй Петровъ (такъ звалъ его Абдулка) обнаружилъ серьёзное уваженіе къ мѣсту ихъ молитвы, гдѣ по коврамъ разбросаны четки, кругомъ безмолвіе, полумракъ, бѣдная простота,—все располагаетъ къ самоуглубленію, къ созерцанію своей души въ ожиданіи Магометова рая.

Сѣдоки въ повозкѣ ѣхали дружно и весело, часто затягивали пѣсню, или хохотали, когда Абдулка разсказывалъ что-нибудь смѣшное. Ни одной рѣчонки не пропускали они, чтобы не выкупаться и потомъ, какъ сумасшедшіе, догоняли степенно-ползущій тарантасъ. На ночлегахъ располагались вмѣстѣ, обыкновенно на дворѣ, на свѣжемъ только-что скошенномъ сѣнѣ. Часто, для сокращенія пути, Назаръ, поспоривъ съ Абдулкой, своенравно сворачивалъ съ большой дороги; неизвѣстно, насколько сокращалась ѣзда, потому что тутъ дороги были все не мѣренныя, но за то повозки ныряли по такимъ проселкамъ, куда, казалось, нога человѣческая не заходила: переѣзжали въ бродъ черезъ какіе-то ручьи, заросшіе осокою, или переправлялись черезъ мостики, дрожащіе всѣми своими покривившимися жердочками; заѣзжали въ деревнюшки маленькія, пріютившіяся надъ какимъ-нибудь буеракомъ, или на такомъ косогорѣ, что подъѣхать къ

нимъ было совсѣмъ неспособно. Обыкновенно съ ночлега поднимались до зари и останавливались часу въ 11-мъ дня; послѣ обѣда, покормивъ и напоивъ лошадей, дѣлали еще небольшую упряжку.

Однажды, выѣхавъ часу въ шестомъ послѣ обѣда, путники запоздали въ лѣсу, а лѣсъ былъ огромный, дремучій лѣсъ, верстъ на сорокъ въ длину. Сперва ѣхали весело; дѣти выскочили и разбѣжались по сторонамъ дороги, на поиски за грибами и ягодой; лошади брели шагомъ, побрякивая бубенцами, фыркая и отмахиваясь отъ слѣпня и овода. Никто и не замѣтилъ, какъ стало смеркаться. Назаръ увѣрялъ, что на половинѣ лѣса встрѣтится поселокъ, гдѣ можно будетъ заночевать; Абдулъ, напротивъ, утверждалъ, что никакого поселка нѣтъ, и дай Богъ къ утру выбраться изъ лѣсу. Безлунная ночь совсѣмъ спустилась и въ лѣсу стала непроглядная темень; только надъ головой видна полоска звѣзднаго неба; лохматыя сосны и ели, чѣмъ дальше, тѣмъ будто все тѣснѣе сдвигаются къ дорогѣ, а взглянуть впередъ, такъ кажется онѣ и путь совсѣмъ загородили,—ѣхать некуда. Петръ Иванычъ сердитымъ и замѣтно-неспокойнымъ голосомъ попрекалъ Назара, что подъ ночь выѣхали, лучше бы переночевать на той станціи. Назаръ увѣрялъ, что ничего, авось Богъ пронесетъ благополучно.

— А вы вотъ что, сударь, лучше прикажите замолчать энтому татарченку. Чево онъ распѣлся? Разѣ это хорошо къ ночи? Каки-таки у ево пѣсни! Мы тоже знаемъ эти дѣла-то, слыхали про нихъ... Пѣсни!...

— Абдулка, полно тебѣ голосить-то,—тоску наводишь своимъ гнусеньемъ!

— Ничаво, бачка, ничаво!—и Абдулка продолжалъ вытягивать свою унылую татарскую мелодію.

Да на бѣду еще лошадей не только пошибче погнать нельзя, а пришлось еле-еле шагомъ тащиться: песокъ сыпучій по ступицу. Всѣми путниками овладѣла какая-то тоска, пугливость безотчетная и непобѣдимая. Никто не назвалъ причину этого на-

строенія, а у каждаго слухъ и зрѣніе были такъ чутко насторожены, что, казалось, вспорхни ночная птица въ кустахъ—всѣ обомлѣютъ отъ ужаса. Алексѣю особенно это чувство стало невыносимо; чтобы какъ-нибудь прогнать его, онъ выскочилъ изъ своей повозки и пошелъ о-бокъ тарантаса, разговаривая съ отцомъ о предметахъ, совершенно неподходящихъ къ настоящему положенію. Вдругъ ихъ разговоръ перервалъ Назаръ, разсуждая будто про себя хриплымъ, заспаннымъ голосомъ:

— А лѣтошній годъ, въ этомъ самомъ лѣсу три убивства объявилось. Купцовъ однихъ, къ Макарью ѣхали,—да барыню съ дѣтьми зарѣзали. Дѣти махонькія были, взмолились такъ слышь слезно, на колѣни пали, что хошь бери, только крови нашей христіанской не проливай... Такъ нѣтъ, не помиловалъ—перерѣзалъ всѣхъ до одного.

— Что-жъ, убійцы отысканы?

— Гдѣ тамъ отысканы! По здѣшнимъ мѣстамъ кто ихъ пойдетъ отыскивать? Мѣста глухія. Ямщикъ убѣгъ, спрятался въ кусты; вѣстимо, нашъ братъ самъ испужался, да и чѣмъ онъ виноватъ? Что тутъ подѣлаешь? Потомъ доказывалъ, ну только ничего не доказалъ, потому тутъ скрозь шалятъ и другъ дружку покрываютъ.

— Ну вотъ видишь какой ты, Назаръ!—съ заискивающею кротостью упрекнулъ Петръ Иванычъ:—знавши все это, зачѣмъ же ты ночью-то повезъ насъ? Не грѣхъ ли тебѣ!...

— Оно бы точно, что не слѣдовало, да мнѣ надо къ завтрешнему воскресенью въ Аникино на базаръ поспѣть, безпремѣнно надо. Дальше ужъ я не поѣду, тамъ сдамъ васъ земляку и шабашъ! А заночуй мы—вотъ день и пропалъ, какъ бы я къ базару-то поспѣлъ?

— Ну не подлецъ ли ты послѣ этого! изъ-за того, что ему на базаръ нужно, онъ всѣхъ насъ подъ ножъ везетъ.

— И-ихъ баринъ! Богъ не захочетъ, свинья не съѣстъ.

— Самъ ты свинья! И гдѣ ты пословицу такую слышалъ, въ какихъ мѣстахъ?—Петръ Иванычъ принялъ грозный тонъ.—И

по рожѣ-то твоей видно, въ какихъ хорошихъ мѣстахъ ты побывалъ... А раздѣнь, такъ чай на спинѣ-то ремни вырѣзаны...

— Не замай ты меня, баринъ. Я тебѣ ничего худого не сдѣлалъ,—проговорилъ Назаръ уныло и озлобленно.—Ну, ты, чо-ортъ, бойся,—рявкнулъ онъ, ударивъ пристяжную, отскочившую отъ обгорѣлаго пня.

— Вотъ говорилъ, что и поселокъ будетъ, а гдѣ онъ поселокъ?

Но Назаръ уже молчалъ.

Дѣло становилось плоше; оказалось, что самъ Назаръ парень несовсѣмъ изъ благонадежныхъ. Абдулка же, завернувшись въ чепанъ и натянувъ на уши мягкую войлочную шляпу, продолжалъ тянуть свою безконечную, задумчивую пѣсню.

— Пой, пой!—ворчалъ на него Назаръ.—Ты бы ужъ лучше свистъ пустилъ; оно понятнѣй будетъ...

Но свистъ неожиданно раздался сзади... Кто-то нагонялъ нашихъ дорожныхъ; уже слышенъ былъ храпъ усталыхъ лошадей. Петръ Иванычъ велѣлъ остановиться, что́ Назаръ исполнилъ съ неудовольствіемъ, и пошелъ къ лошадинымъ мордамъ.

Въ нагонявшей кибиткѣ оказалось три человѣка; это были купеческіе приказчики, молодые парни, которые сами были очень обрадованы, что столкнулись съ мирными людьми и охотно порѣшили ѣхать вмѣстѣ, не отставая до самой станціи. Съ этой минуты все пошло покойнѣе; изморенные ночною ѣздой и мучительными ощущеніями, всѣ почти заснули; не спалъ одинъ Алексѣй, въ головѣ его все бродили мысли о ночныхъ убійствахъ и разбояхъ, но онъ съ удовольствіемъ сознавалъ, что не струсилъ или по крайней мѣрѣ съумѣлъ одолѣть занывшее на минуту чувство безпричиннаго страха,—обидное чувство.

Онъ глядѣлъ на синюю, кроткую полоску неба, которая бѣжала куда-то мимо надъ черными верхушками, словно не смѣя заглянуть въ глубину лѣса.—Экая глушь-то какая! Экая дичь!—повторялъ Алексѣй, и чѣмъ пристальнѣе всматривался въ лѣсную темень, чѣмъ глубже вслушивался въ ея гулкій ропотъ, тѣмъ

яснѣе складывалась въ головѣ его фантастическая мысль, что эта лѣсная глушь и есть тотъ самый лихой разбойникъ, который гуляетъ съ кистенемъ и тѣшится поножовщиной... Что человѣкъ тутъ не по своей волѣ становится звѣремъ косматымъ, онъ невольно покоряется, становится рабомъ этого великана и исполняетъ лишь его дикую волю... Нѣтъ, тутъ не чужой чемоданъ всему причиной! а поди-ка вотъ поспорь съ этой стихiйной силой, которая и дразнитъ тебя, и пугаетъ, и толкаетъ тебя подъ руку... Чемодану вся цѣна грошъ, и имъ ничего не объяснишь... Тутъ совсѣмъ другое дѣло,—тутъ и виноватаго не найдешь, гдѣ сама природа за одно съ человѣкомъ...

Лошади подвигались медленно, лѣсу какъ-будто и конца-края не было; становилось холодно. Впереди, на дорогѣ Алексѣй примѣтилъ двѣ черныя фигуры,—пни это были, или кусты? Но онѣ вдругъ двинулись, перешли черезъ дорогу и стали къ сторонкѣ, какъ-бы не рѣшаясь, въ которую сторону имъ дальше двинуться. Въ рукахъ у нихъ здоровыя дубинки. Еще не поровнявшись съ ними, Назаръ какъ-то особенно-знаменательно крякнулъ и пугнулъ лошадей: „го-го-го, милыя! улепетывай, голубчики!“

Въ то же время купцы,—видно не всѣ спали,—начали кашлять и заговорили вдругъ въ нѣсколько голосовъ. Темныя фигуры пропали,

— Видалъ, Алексѣй Петровъ?—спросилъ Абдулка, уже проѣхавши шаговъ пятьдесятъ.

— Видѣлъ. А что?

— Ничаво. Счастливъ твой Богъ.

— Да ты что думаешь-то, скажи?

— Подлецъ Назарка; его повѣсить надо, собаку... прошепталъ Абдулка, и затянулъ опять какую-то, по обыкновенiю, печальную, но совершенно-дурацкую мелодiю.

Солнце поднялось высоко, когда прiѣхали въ Аникино.

Назаръ сдалъ тарантасъ какому-то рыжему Левону, причемъ оказалось, что у него изъ условленной платы перехватило рубля два чистой прибыли въ ущеръ Левона, на что этотъ какъ-то

несмѣло роптал и за-глаза только ругнулъ Назара картожникомъ. Петръ Иванычъ готовъ былъ прибавить ему своихъ четыре рубля,—такъ онъ радъ былъ, что избавился отъ Назара. Пока пили чай и отдыхали въ ожиданіи обѣда, Алексѣй пошелъ на базарную площадь села Аникина, гдѣ кипѣла разгульная сельская ярмарка. Онъ ко всему прицѣнялся, прислушивался къ народному говору; узналъ, что въ Аникино особенно много собирается бабъ за покупкой крашенины, между тѣмъ по милости разбойника Гурьки, главнаго коновода набойщиковъ, крашенина вдругъ вздорожала, потому будто бы, что стали класть кубовую краску, а какая она кубовая? линяетъ также, какъ и простая. Для бабъ это было сущее бѣдствіе; многимъ приходилось отказаться отъ покупки и идти домой съ пустыми руками; а Гурька, какъ человѣкъ привилегированный, стоявшій по всему выше лапотниковъ, только подсмѣивался: „Придутъ вдругорядь!“

Встрѣтилъ Алексѣй и Назара, совсѣмъ уже пьянаго, и замѣтилъ, что этотъ человѣкъ съ подозрительными ноздрями пользуется большою популярностью, какъ настоящій кабацкій ярыга. Онъ не столько пьянствовалъ, сколько чванился и навязывалъ свое пьянство цѣлому міру,—и ровно никакого дѣла на ярмаркѣ не имѣлъ, а такъ только бахвальничалъ.

Сомнительная исторія лѣсной встрѣчи такъ и осталась неразъясненною. На постоялый дворъ, гдѣ остановились Слободины, являлось много ямщиковъ,—набивались они везти за-мѣсто Абдула, предлагая даже ему нѣсколько гривенъ могарыча,—все это были, какъ видно, пріятели Левона, но татаринъ не соблазнялся выгодами и объявилъ Алексѣю рѣшительно: „я тебя въ Москву повезу. Абдулъ честна душа, онъ тебя любитъ; не бойсь, Алексѣй Петровъ!“

Чѣмъ ближе къ Москвѣ подвигались наши путники, тѣмъ больше замѣчали въ народѣ бойкости и хлопотливости; населеніе видимо становилось гуще; между мужиками-пахарями втирался и юлилъ плутоватый фабричный; вѣковые безмѣрные лѣса смѣнялись веселыми кудрявыми рощами; города попадались чаще, и

не такіе города, которые только и отличаются отъ селеній, что острогомъ да городническимъ правленіемъ, города бѣлокаменные, со множествомъ лавокъ, заведеній, двухъ-этажныхъ домовъ и высокихъ колоколенъ, съ которыхъ звонъ подъ праздничный день гудитъ и разносится на всю окрестность. Два раза переѣзжали Волгу-матушку на паромѣ. Встрѣтился городъ, котораго половина недавно погорѣла; какой-то степенный мѣщанинъ въ синей сибиркѣ обстоятельно объяснилъ Алексѣю, что пожаръ этотъ былъ божьимъ попущеніемъ и, не случись чуда, весь бы городъ до-тла выгорѣлъ. „Во время самаго пожара пришелъ въ трактиръ нашъ юродивый, блаженный Андреюшка и спросилъ рюмку водки. А онъ, надо вамъ сказать, и зиму и лѣто ходитъ босой, въ одной длинной рубашкѣ, и не то что водки, а пищи горячей даже не употребляетъ. Всѣ диву дались—что́ бы это значило? Неслыхано! Говорятъ ему, помолись святъ-человѣкъ, вишь какая бѣда насъ постигаетъ. А онъ, ни слова не сказавши, хлопъ и выплеснулъ эту самую рюмку водки за окно. Что-жъ бы вы думали? въ тотъ же мигъ пламя словно обезсилѣло, упало и кончено—дальше ужъ не пошло! Вотъ какъ, господинъ честной! Бываютъ чудеса, бываютъ. Извѣстно, безъ святого никакой градъ стоять не можетъ“.

А съ Абдулкой Алексѣй очень подружился. Сколько по дорогѣ ни мѣнялось извозчиковъ, Абдулка не покидалъ, везъ, какъ сказалъ, до самой Москвы. И что это за расторопный малый оказался: лошадей уберетъ, колеса подмажетъ, да еще господамъ прислужитъ, самоваръ поставитъ, сбѣгаетъ, разыщетъ все что нужно и безъ всякой корысти. Одинъ разъ онъ пожаловался своему Алексѣю Петрову, что Личарда на постояломъ дворѣ укралъ оловянную ложку, и они вдвоемъ его отлично оттузили. Алексѣй съ глубокимъ уныніемъ сталъ замѣчать, что скверныя наклонности одолѣваютъ бѣднаго Личарду, и чуть не со слезами тужилъ, отчего онъ не такой, какъ Абдулка. И самъ Личарда, кажется, чувствовалъ въ себѣ что-то неладное, сталъ задумчивъ, необщителенъ.

Наконецъ, прописавшись и отдавъ *видъ* на исправно-бодрствующей заставѣ, наши путники въѣхали въ Москву, и никѣмъ незамѣченныя, незавидныя повозченки ихъ затерялись въ хаотическомъ движенiи по узкимъ улицамъ и переулкамъ первопрестольной столицы. Остановились Слободины въ какомъ-то подворьи близъ Никитской, изъ котораго пренелѣпымъ образомъ выходило нѣсколько воротъ на разныя улицы. Алексѣй дружески попрощался съ Абдулкой, который вѣроятно во всю жизнь будетъ вспоминать Алексѣя Петрова, полюбившагося ему безотчетно, но не безпричинно.

Въ Москвѣ оставались они только три дня, и, разумѣется, поспѣшили поклониться православнымъ святынямъ; обошли весь Кремль; осмотрѣли царь-пушку, въ жерлѣ которой, по словамъ какого-то старика, мальчонки въ бабки играютъ; видѣли и знаменитый колоколъ, сидѣвшiй тогда еще въ землѣ,—и едва не запутались въ полутемныхъ внутреннихъ переходахъ гостиннаго двора.

Алексѣй не удовольствовался этими общими, какъ печатный пряникъ, впечатлѣнiями и уходилъ каждый день шляться по улицамъ одинъ, надѣясь на свою необыкновенную память мѣстности. Приглядываясь къ толпѣ онъ замѣтилъ, что это все тѣ же самые типы, тѣ же прiемы, та же повадка, тотъ же покрой платья,—все то же, что онъ видѣлъ до сихъ поръ, проѣхавъ слишкомъ тысячу верстъ. Только тамъ въ разныхъ углахъ оно попадалось отдѣльно, разрозненно, а тутъ скучилось въ огромную плотную массу. Даже многiе дома имѣли физiономiю чисто-губернскую,—деревянные, сѣренькiе, съ цвѣтничкомъ въ палисадникѣ на улицу, съ голубятней во дворѣ и уродливыми львами на покосившихся воротахъ,—„точь-въ-точь тутъ живетъ нашъ старикъ Кашириновъ и цѣлый день, слоняясь по комнатамъ, дразнитъ канареекъ“.—Только вотъ рѣчь здѣсь иная,—пѣвучая, расплывчатая, немножко прѣсноватая, но звучитъ такъ полно, хорошо, красиво. Все, что видѣлъ Алексѣй, не исключая и пушекъ, изъ которыхъ стрѣлять нельзя,—носило характеръ мирный, домашнiй, добродушный и на распашку. Такъ, когда по улицамъ прошелъ гусарскiй эскад-

ронъ, то всѣ москвичи столько же дивились этому нашествію, сколько и нашъ юноша, съ роду невидавшій ни одного живого гусара.

Искусился Алексѣй и по части коммерціи. Недалеко отъ Иверской присталъ къ нему какой-то бродячій негоціантъ, навязывая купить косыночку, вязанную, какъ онъ увѣрялъ, изъ ангорскаго пуха. Посмотрѣвъ вещицу, Алексѣй подумалъ, купить развѣ въ подарокъ Алёнушкѣ.—Что стóитъ?—Да ужъ такъ съ васъ безъ торга восемь рубликовъ.—Полтинникъ,—вымолвилъ Алексѣй, чтобъ отвязаться, и пошелъ своею дорогой. Продавецъ присталъ, и, идя слѣдомъ, началъ сбавлять запросъ необыкновенно быстро.—Ну, хорошо, извольте... господинъ! извольте, для почину только... Но Алексѣй ужъ раздумалъ,—не надо, сказалъ онъ. Негоціантъ освирѣпѣлъ и послалъ ему вслѣдъ залпъ ругательствъ:—ахъ ты стрекулистъ! ахъ ты мазурикъ! и т. п. Провинціалъ сгорѣлъ отъ стыда и столько же проклиналъ свое глупое поведеніе, сколько дивился нахальству уличнаго торгаша, какихъ провинція еще не выдумала. Пошелъ онъ дальше, встрѣчается другой негоціантъ съ тростями и зонтиками. Алексѣй подумалъ: дай куплю тросточку не для франтовства, а поувѣсистѣе—здѣсь пожалуй что и пригодится... но наткнулся на лавочку букиниста, разложившаго свой товаръ у кремлевской стѣны. Сталъ онъ перебирать книги, но книги попадались все малоинтересныя, или уже прочтенныя;—Алексѣя забирала досада: что-жъ это я—переброшу книги, ничего не куплю,—пожалуй и тутъ еще выругаютъ?—Эхъ право, лучше бы добрую палку!...

Въ это время подошелъ студентъ и по-пріятельски обратился къ букинисту: „ну, Василій Филипычъ, достали, что я просилъ"?

— Охъ, сударь, трудновато... Потерпите маленечько. Трудный это товаръ по нынѣшнимъ временамъ, сами знаете!..

— Когда же?

— Да ужъ, батюшка, будьте благонадежны: обѣщано, такъ будетъ.— Студентъ перевелъ прямые, смѣлые глаза на Алексѣя.

— Вотъ они не знаютъ, что выбрать,—продолжалъ букинистъ.—

рекомендую имъ „Черную Женщину“, „Ивана Выжигина“—изданьица чистенькія...

Студентъ расхохотался звонко, заразительно.

— Ахъ, старый грѣховодникъ! Развѣ можно такъ безсовѣстно развращать юное поколѣніе?—Вотъ кого бы слѣдовало къ моему пріятелю Ш—скому стащить, да въ Крутицкія казармы на покаяніе!... Ха, ха, ха, ха!... Вы какое чтеніе любите?

— Мнѣ бы что поближе къ настоящему дѣлу, то-есть, къ жизни.

— Ага!—И студентъ сталъ перебрасывать какія-то старенькія, сильно зачитанныя книжки, и въ то же время продолжалъ отрывистый разговоръ.

— Вы не здѣшній?

— Я изъ С—кой гимназіи.

— Въ нашъ университетъ пріѣхали?

— Нѣтъ, я проѣздомъ въ Петербургъ.

— Служить?—зорко взглянулъ на него студентъ.—Тамъ все служитъ.

Алексѣй улыбнулся.

— Отчего же?—Кто захочетъ, вездѣ можетъ просто жить и работать.

— Работать, такъ лучше къ намъ.

— Я съ семьей ѣду.

— Жаль.—Ну, вотъ вамъ,—возьмите эти книги, читайте съ толкомъ. Тутъ есть „Литературныя мечтанія“ и еще кое-что, какъ вы говорите, поближе къ настоящему дѣлу. Въ добрый часъ!—Повторивъ букинисту о своемъ заказѣ, студентъ повернулся и ушелъ скорой походкой.

У Алексѣя въ рукахъ остались отобранные нумера „Телескопа“ и „Московскаго Наблюдателя“; не торгуясь онъ заплатилъ деньги и побѣжалъ домой съ своей покупкой.

Вечеромъ остался дома, все читалъ „Литературныя мечтанія“.

По выѣздѣ изъ Москвы, Алексѣй еще долго думалъ о незнакомомъ студентѣ и очнулся на второй или на третьей стан-

ціи,—и тутъ только замѣтилъ, что они ѣдутъ по какому-то совсѣмъ другому государству... И ѣдутъ они ужъ не на долгихъ, а съ двумя подорожными въ карманѣ.

Прямое, ровное шоссе, точно вчера только выметенное;—по сторонамъ, выровненныя по ранжиру, пирамидальныя кучки щебня; столбы и шлагбаумы, блистающіе рѣзкими полосками свѣжей краски; мосты и мостики съ чугунными рѣшетками въ видѣ военной арматуры, украшенные двуглавымъ орломъ; станціонные дома, выстроенные по одному фасаду, безжизненно-опрятные; станціонные смотрители въ форменныхъ сюртукахъ, чисто выбритые, застегнутые на всѣ пуговицы; путейскіе чины, взимающіе шоссейный сборъ, тоже въ присвоенной имъ формѣ, такіе строгіе, исполнительные. Весь этотъ придорожный персоналъ и даже матеріалъ бодрствуетъ, что называется, на-чеку, точно съ минуты на минуту ожидаетъ проѣзда какого-нибудь важнаго начальника. Наконецъ, и сами проѣзжающіе, попадавшіеся на встрѣчу, были все народъ застегнутый, форменный и спѣшащій сломя голову: то фельдъегерь пролетитъ, вздымая облако пыли и распустивъ по вѣтру капишонъ своей офицерской шинели; то коляска съ бодро-подбоченившимся господиномъ въ военной фуражкѣ, или дормезъ шестерикомъ, съ ловкимъ лакеемъ на козлахъ, съ опущенными сторами и таинственно-важными господами, невыходящими ни на одной станціи. Попадался и мелкій проѣзжающій въ бричкѣ или телѣжкѣ, но и такой проѣзжающій былъ тороплівъ, озабоченъ и какъ-то мысленно застегнутъ. А то вдругъ затрубитъ рожокъ и съ громомъ провалитъ слонообразный дилижансъ, набитый народомъ.

Все, что встрѣчалось нашимъ путникамъ, было такъ ново, такъ непохоже на оставшееся за ними позади, на томъ безграничномъ пространствѣ, гдѣ и версты-то немѣренныя... Алексѣю невольно припомнились слова студента: „все служитъ“,—онъ оглянулся на себя и братишку—оба были въ старенькихъ нанковыхъ халатикахъ.—„Эге, братъ, тутъ ужъ такъ нельзя, надо переодѣться! замѣтилъ онъ. Халатъ — это тамъ, а здѣсь, бра-

тецъ, не то!"—Переодѣлись они въ сюртуки и, выйдя на слѣдующей станціи, встрѣтили отца, тоже переодѣвшагося изъ архалука въ сюртукъ: а вѣдь не сговаривались, стало быть такъ надо!

И показалось Алексѣю, что тамъ назади лежитъ одинъ огромнѣйшій, просторный халатъ, а тутъ на всемъ мундиръ, ловко-пригнанный, въ обтяжку. Опрятно, щеголевато, молодцовато,—а вѣдь жаль, и чортъ знаетъ чего жаль-то!... Ѣхалось привольно, весело,—правда: и въ рѣкѣ выкупаешься, и полемъ пробѣжишь, а въ праздникъ на дневкѣ и въ хороводѣ подурачишься; здѣсь этого никакимъ образомъ невозможно, некогда и стыдно... Здѣсь и глуши такой дикой, затаенной совсѣмъ нѣтъ; и про лѣса такіе неоглядные, дремучіе тутъ не слыхивали; здѣсь кругомъ болото, на кочкахъ торчатъ кустики тощіе; кое-гдѣ клочекъ землицы для примѣра вспаханъ; все плоско какъ на ладони, убѣжать и спрятаться некуда... Гляди, и Волга-то не та,—Личарда, вѣдь не та!..

— Не та; наша Волга будетъ куды важнѣе! Эта сухожильная.

— То-то же. И гдѣ здѣсь народъ-то настоящій? Вонъ сидитъ на сторонкѣ мужичокъ другой-третій, щебенку бьетъ, и лица-то на немъ человѣческаго непримѣтно. А обозы идутъ стороной; вонъ видишь, по болотинѣ деревянная дорога наброшена; ужъ она сгнила, старая, а все по ней тянутся,—значитъ, тамъ способнѣе, никто въ шею не гонитъ.

— А можетъ сюда и не пущаютъ, потому эта дорога господская, а та черная,—глубокомысленно замѣтилъ Личарда.

Въ такихъ разговорахъ и размышленіяхъ доѣхали до Новгорода, починили тарантасъ въ кузницѣ, приладившей свои горны въ какой-то старой развалинѣ, которую грамотѣи называютъ домомъ Марѳы-Посадницы; затѣмъ перемѣнили лошадей и двинулись дальше, свернувъ съ петербургскаго тракта въ сторону—въ объятія милыхъ родственниковъ...

VI.

Ермолины чрезвычайно обрадовались пріѣзду родственниковъ, которыхъ давно поджидали. Въ казенномъ домѣ, гдѣ жилъ майоръ, было все такъ пригнано и размѣрено по вершкамъ, что пріѣзжимъ могла быть отведена одна только комната; пришлось стѣсниться нашимъ провинціаламъ, привыкшимъ къ раскидистому простору; еще больше стѣснилъ ихъ какой-то особенный, безжизненный порядокъ жизни: все въ домѣ дѣлалось словно по артикулу. Вставай и ложись въ извѣстный часъ; чай на столѣ стоитъ ровно 20-ть минутъ, ни раньше, ни позже никто чашки не получитъ; изъ одной комнаты въ другую нельзя перенести стула, несмотря на явную въ немъ надобность; захочется стаканъ воды— иди къ извѣстному столику, гдѣ приросъ графинъ съ водою, и отнюдь не занеси стакана въ другое мѣсто. Всякое нарушеніе порядка ловилось на лету и исправлялось безмолвно, но неуклонно. Прислуживаетъ деньщикъ, всегда одѣтый въ форму изъ солдатскаго сукна; а въ передней постоянно торчитъ вѣстовой, готовый, кажется, по первому мановенію бѣжать на посылки, хоть на край свѣта, и схватить за шиворотъ всякаго, кого прикажутъ. Алёнушкѣ сильно хотѣлось попрыгать, порѣзвиться, но въ комнатахъ ей было какъ-ло неловко и боязно развернуться, а выбѣжать некуда: при домѣ небольшой огородъ съ цвѣтничкомъ, но на калиткѣ виситъ замокъ, — стало надо у кого-нибудь просить ключъ и позволеніе. Во всемъ сказывалось, что тутъ не привычки и потребности создали порядокъ, а наоборотъ—порядокъ командуетъ и потребностями и привычками.

Родственникамъ пришлось знакомиться совершенно на-ново; знакóмъ былъ одинъ Петръ Иванычъ, и то лѣтъ двадцат тому назадъ.

Господинъ Ермолинъ былъ плотный, здоровый майоръ съ

сѣдою, подъ гребенку выстриженной головою, какъ-то смѣшно подбривавшій верхнюю губу, оставляя на ней, вмѣсто усовъ, узенькія полоски сѣдой щетины, больше похожія на брови, чѣмъ на усы. Ходилъ онъ всегда застегнутый на всѣ крючки и пуговицы; выходя со двора, прицѣплялъ шпагу и въ руки бралъ толстѣйшія замшевыя перчатки, которыя никогда не надѣвалъ, а ловко помахивалъ ими, или грозилъ встрѣчавшимся солдатамъ. Говорилъ онъ основательно, отбивая на словахъ темпъ и своеобразно ломая на русскій ладъ иностранныя слова, относящіяся къ воинской техникѣ: любимымъ словцомъ его было „аккуратъ". Въ разговорѣ часто упоминалъ: „нашъ графъ", „графъ такъ завелъ", «это пошло отъ графа", — полагая (и совершенно основательно), что нѣтъ надобности называть какой это графъ, всякъ его знаетъ. Замѣчательна была его спина, широкая, покладистая, какъ будто нарочито приспособленная къ ношенію ранца,—да и много же тысячъ верстъ пронесла она этотъ ранецъ! да, вѣроятно, была знакома и еще кое-съ-чѣмъ, кромѣ ранца. Представители этого когда-то весьма распространеннаго типа, теперь уже становятся большою рѣдкостью.

Тётушка Пелагея Ивановна была ему совсѣмъ не пара: маленькая, худенькая, сгорбленная, лицо съ кулачокъ,—казалось, она должна бы умереть безъ писка отъ одного прикосновенія медвѣжьей лапы такого увѣсистаго супруга; между тѣмъ она обнаруживала необыкновенную живучесть и неутомимую хлопотливость: вездѣ шныряла, скопидомничала на всякой мелочи и явнымъ образомъ держала силача-мужа въ страхѣ и повиновеніи.

Скопидомство ея распространялось не только на собственное хозяйство, но даже не могло стерпѣть чужой неразсчетливости.

— Ахъ, братецъ, какъ вы много курите! да еще и просыпаете табакъ.—Этакъ у васъ его, я думаю, фунта два въ мѣсяцъ выходитъ.

Дѣтскіе глазенки все это видѣли и принимали къ свѣдѣнію. Алексѣя уже тянуло поскорѣе уѣхать. Разъ онъ былъ свидѣтелемъ такого разговора.

— Напрасно, любезнѣйшій Петръ Иванычъ, напрасно вы домъ продали! А мы такъ вотъ сформировали себѣ домишко въ Новгородѣ и отдали въ наемъ. Нажить трудно, а проживается легко. Какъ есть недвижимость, такъ оно, знаете, покойнѣе кашу жуешь,—проповѣдывалъ майоръ.

— Богъ съ ними!—Я не жалѣю... А главное, на какія же средства могъ бы я поѣхать?—Судите, откуда я могъ взять денегъ!—оправдывался Петръ Иванычъ.

— Ужъ будто у васъ кромѣ дома и запасено ничего не было!—Мѣсто занимали хорошее, видное, человѣкъ вы не пьющій, благоразумный...

— Что дѣлать—не умѣлъ-съ, не умѣлъ! Да и какіе у насъ доходы?—Совѣтникъ питейнаго отдѣленія—другое дѣло;—а на моемъ мѣстѣ надо было развѣ грабить, чтобъ пріобрѣсти;—это не съ моимъ характеромъ...

— И видать, что вы смолода шли по ученой части!—Всѣ эти ученые аккуратъ такъ разсуждаютъ. Смолода оно, конечно, извинительно, а въ наши годы ужъ какъ-будто и стыдно такъ разсуждать... Притомъ у васъ семья.

— Я ни въ чемъ себя не упрекаю, Акимъ Антонычъ,—и не унываю, Богъ милостивъ!—Теперь у меня слишкомъ три тысячи ассигнаціями въ карманѣ, можно прожить безбѣдно пока получу мѣсто. Ну, три-четыре мѣсяца, допустимъ полгода... А съ извѣстнымъ вамъ письмомъ навѣрное получу!

— Да, письмо, какъ видно, къ значительной персонѣ;—дай Богъ!

— Нѣтъ ли у васъ хорошихъ людей въ Петербургѣ, чтобъ могли пособить?

— Какъ не быть!—въ нашемъ департаментѣ и въ другихъ—у меня есть добрые пріятели и покровители. Правда, не въ большихъ чинахъ, люди не громкіе, не фонъ-бароны; но что принадлежитъ до дѣлъ,—знаютъ всѣ ходы и подходы;—словомъ, политиканты! Они вамъ сильный сикурсъ могутъ оказать...

И майоръ назвалъ нѣсколько фамилій столоначальниковъ, помощниковъ и еще болѣе мелкой сошки. Ужъ однѣ фамиліи—

Черкунецъ, Трынкинъ, Раскепскій, Копіистовъ — не обѣщали ничего грандіознаго, а напоминали больше батальонъ военныхъ кантонистовъ.

Петръ Иванычъ замялъ эту матерію.

— Вотъ думаю похлопотать тамъ насчетъ дѣтей, — нельзя ли какъ-нибудь въ заведеніе на казенный счетъ пристроить.

— Въ кадетскіе корпуса, — самая благородная дорога! — Вотъ это я одобряю и готовъ помочь изъ всѣхъ силъ. Потому, выкарабкаются на поверхность, — людьми будутъ. — Алёша, хочешь, братъ, въ кадетскій корпусъ? — По твоимъ лѣтамъ надо въ дворянскій полкъ, аккуратъ подойдешь. Чисто, прямо, благородно! — Я думаю, и спишь и видишь, какъ бы по улицѣ въ эполетахъ пройтись?

— Нѣтъ, дядюшка, я совсѣмъ не о томъ думаю, — и въ военную службу идти не желаю.

— Не-же-ла-ешь?! — Майоръ взглянулъ на него, какъ на дурака, или на помѣшаннаго.

— Рѣшительно не желаю. Будто нѣтъ другихъ дорогъ!..

— Ну, братъ, разодолжилъ! — И онъ это такъ хладнокровно?.. Да ты понимаешь ли, что значитъ военный карьеръ?

— Понимаю.

— И такъ равнодушно говоришь: хочу быть штафиркой, рябчикомъ!..

— Вы, дядюшка, забываете, что мой отецъ тоже штафирка...

— Э, любезный, да ты къ тому же еще и вольнодумъ! — Отличился! — А ты не слыхалъ того, что дѣти про отцовъ и вообще про старшихъ разсуждать не смѣютъ?

Дядя впадалъ въ тонъ батальоннаго командира, а отецъ взглянулъ съ дружескимъ упрекомъ: «на что-де ты это трогаешь?»

— Извините, дядюшка, вы меня не поняли.

— Еще лучше! — Я — моего государя штабъ-офицеръ, — Егорья подъ Лейбцыкомъ удостоенъ, и я не могу понять фанаберистаго мальчишку-племянника!? — Чувствительно вамъ, сударь, благодаренъ!.. Алексѣй улыбнулся: онъ вспомнилъ, что и дядька

Орловъ тоже подъ Лебцыгомъ получилъ почетную пулю, а Артемьевъ увѣрялъ же, что это въ чехаузѣ крыса ему колѣнко прокусила...

— Отлепортовался, нечего сказать!—Аккуратъ, какъ рекрутъ-малороссіянецъ необтесанный.

— Простите, дядюшка... Алексѣй зажавъ ротъ платкомъ, чтобы не расхохотаться, вышелъ.

— Ну, онъ у васъ того,—майоръ показалъ на свой жирный лобъ. — Не всѣ дома... жаль! — съ виду такой бравый. Авось, Богъ дастъ, въ Питерѣ отполируется. Вотъ Николаша у васъ совсѣмъ другое — славный мальчуга! Идетъ вчера со мною на батальонный дворъ и говоритъ: «я, дяденька, хочу быть майоромъ, какъ вы, чтобы мнѣ всѣ честь отдавали», — и такъ, знаете, здраво разсуждаетъ. Изъ него будетъ прокъ. Николаша!—Николаша, подь сюда.

Прибѣжалъ Коля.

— Что ты тамъ, гарнадеръ, дѣлалъ?

— У тетеньки варенье ѣлъ.

— Бабничалъ.—А чѣмъ ты быть желаешь, какъ выростешь?

— Майоромъ.—На лѣво-круг-омъ! Маршъ!

— Постой, постой!—Ретузы, гарнадеръ, подтяни; носить по формѣ не умѣешь. — Вотъ такъ, понимаешь? — Дядя поправилъ гарнадеру штанишки, какъ слѣдуетъ, и мальчишка убѣжалъ къ недоѣденному варенью.

— Этотъ совсѣмъ другой канплекцыи!—Его непремѣнно въ корпусъ. Если встрѣтите затрудненіе, я самъ буду просить. Ужли-жъ не уважутъ мою сорокалѣтнюю службу, которую самъ графъ уважалъ! — А выйдетъ въ офицеры, я его обмундирую и поддержу на первыхъ порахъ: да коли будетъ хорошій офицеръ, къ старшимъ почтителенъ — и меня слушаться будетъ, такъ и наслѣдникомъ всего сдѣлаю.

— Полноте, братецъ,—къ чему это?—замѣтилъ Слободинъ, уже проученный по части обѣщаннаго наслѣдства.

— Нѣтъ, даю вамъ слово, какъ благородный офицеръ! —

Что сказалъ, свято исполню. Мы съ женой давно объ этомъ трактовали. У меня хоть немного, а слава Богу!—найдется кое-что...

Этотъ разговоръ происходилъ въ кабинетѣ, а въ спальной между Пелагеей Ивановной и Анной Дмитріевной велась вполголоса такого рода бесѣда:

— Слѣдуетъ, дорогая Анна Дмитріевна, слѣдуетъ вамъ подумать объ этомъ... Дѣти растутъ, нельзя оставлять ихъ на полной волѣ, грѣхъ;—а ужъ лучше казенныхъ заведеніевъ ничего и быть не можетъ. Мы объ этомъ сурьёзно говорили съ Акимъ Антонычемъ. Нашъ генералъ Акимъ Антоныча можно сказать даже очень уважаетъ и все для него сдѣлаетъ; коли что, такъ и выше пойдетъ просить.

— Жалко, Пелагея Ивановна,—все были на глазахъ и вдругъ отдать въ чужіе люди!—Притомъ, тѣ еще махонькія, пусть подростутъ, а Алёшѣ всего одинъ годъ осталось доходить въ гимназію. Впрочемъ, я тутъ ни при чемъ, какъ Петръ Иванычъ.

— И тутъ о томъ же!—чуть не громко сказалъ вошедшій Алексѣй. Это вы все, какъ бы насъ съ рукъ сбыть поскорѣе?—усмѣхнулся онъ.—Вонъ тамъ въ кабинетѣ Колю совсѣмъ ужъ опредѣлили,—остается ему только дать ружье въ руки да ранецъ. А мы съ Алёнушкой въ воины не годимся,—правда, Алёнушка, въ кадеты мы вѣдь не пойдемъ?—Онъ взялъ сестрёнку на колѣни.

— Еленочка будетъ институтка,—съ достоинствомъ опредѣлила тетушка;—а вы, господа кавалеры, по корпусамъ, какъ прилично благороднымъ дѣтямъ. Будете офицерами; мундиръ, эпалетъ, шляпа съ султаномъ—прелесть!—Ныньче всѣ барышни отъ военныхъ съ ума сходятъ.

И ты, моя Алёнка, съ ума сойдешь отъ эполетъ?—Бѣдненькая дурочка!—съ грустною усмѣшкой Алексѣй поцѣловалъ дѣвочку. Тётушка замолчала, обидѣлась. Алексѣй вышелъ въ залу, будто догоняя убѣжавшую Алёнушку.

— Чтой-то онъ у васъ... такой странный—опасливо вопросила тётка.

— Ничего... Онъ у насъ, Пелагея Ивановна, предобрый; такого ангельскаго сердца на рѣдкость!—И, нечего сказать, умница!

— Больно много онъ книжку читаетъ; а въ его годы это очень вредно. Вы замѣтьте, все онъ будто чѣмъ недоволенъ, ходитъ задумчивый... Эй, смотрите за нимъ!—А можетъ—(тетушка понизила голосъ)—не знаетъ ли онъ чего про свое рожденье?..

— Богъ его вѣдаетъ!—разговора такого, кажется, не случалось... а если и знаетъ, какая же въ томъ бѣда, Пелагея Ивановна?—Въ этомъ онъ не виноватъ... И какую же подлую душу надо имѣть, чтобъ рѣшиться попрекнуть!.. Насъ онъ любитъ и не обвинитъ—у него не такой характеръ; къ тому же мы съ своей стороны все сдѣлали, что могли... онъ въ законѣ...

— Да, братъ сказывалъ, что все выправлено въ аккуратѣ; а все же можетъ его это точитъ?

— Не полагаю я этого, сестрица, потому что онъ простымъ народомъ не гнушается, даже къ простому всему сердце его еще больше лежитъ,—такъ ужъ Богъ ему далъ, а можетъ и моя крестьянская кровь... вѣдь подъ сердцемъ носила... Вотъ коварства, низости онъ не стерпитъ, а то, говоритъ, мы всѣ братья во Христѣ, а кто изъ насъ лучше, такъ это не намъ разобрать,—оно и правда, сестрица!

— Вотъ видите!—Увѣряю васъ, милая, что зачитался, зачитался!..

Алексѣй изъ залы слышалъ этотъ разговоръ... „Матушка, матушка, какая же ты красота душевная въ сравненіи съ этими деревяшками, которыя грубыми руками лѣзутъ шарить въ самомъ заповѣдномъ и чувствительномъ уголкѣ нашей жизни!..“

Онъ горестно вздохнулъ и вдругъ выпрямился горделиво, повторяя: „красота ты душевная!“

Съ этой минуты онъ сталъ избѣгать семейныхъ разговоровъ и, уединясь куда попало, перечитывалъ свои московскія книжки,

въ которыхъ чуть не наизусть зналъ каждую страницу. Часто уходилъ изъ дома, бродилъ по фронту прямой улицы, застроенной однообразными форменными домиками, будто назначенными единственно для удобнаго инспектированья, а не для человѣческаго жилья. Встрѣчавшіеся ему люди, полу-солдаты, полу-мужики, глядѣли какъ-то испуганно, недовѣрчиво и тупо. Точно надъ всѣмъ этимъ поселеніемъ недавно прошла какая-то гроза и обыватели еще не могутъ опомниться отъ испуга, опознать своихъ и чужихъ, свести итоги тому, что уцѣлѣло. Не видно было пестроты и неурядицы жизни обыкновенной, предоставленной самой себѣ; не слышно громкаго галдѣнья и подъ-часъ пьяной руготни, столь обыкновенныхъ въ простонародьи; не затягивалась нигдѣ гульливая пѣсня; разъ, правда, въ воскресенье собралась кучка людей передъ майорской квартирой, стали они въ кружокъ, вышелъ на середину запѣвало и по командѣ „разъ-два-три", затянули пѣсню, никогда неслыханную въ русскихъ деревняхъ. Былъ тутъ и бубенъ, и въ присядку одинъ ловкачъ даже прошелся, но все это дѣлалось „нарочно", безъ того заразительнаго, иногда хватающаго черезъ край веселья, которому весь отдается подгулявшій человѣкъ.

Взмахъ руки—и все замерло. Въ девять часовъ на гауптвахтѣ зарокотала барабанная дробь—и народъ тихо разошелся по своимъ клѣточкамъ. Алексѣй пробовалъ вступить въ разговоры, но слышалъ вездѣ одно: „Слава Богу, живемъ, ваше благородіе!—Чево намъ тужить?—Мы начальниками нашими завсегда довольны". Досаднѣе всего Алексѣю было то, что никакъ онъ не могъ понять, какой смыслъ кроется за этою форменною жизнью!—Вѣдь не можетъ же быть, чтобы люди жили безъ смысла и еще приговаривая: мы завсегда довольны!—Слышалъ онъ, что тутъ были какіе-то „безпорядки", но подробностей никто ему не могъ разсказать.

До майора однако дошло, что племянникъ шатается по улицѣ и вступаетъ въ разговоры съ поселянами; это ему не понравилось, и онъ счелъ родственнымъ долгомъ сдѣлать племяннику

внушеніе краткое и мягкое, какъ дѣлаютъ человѣку малоумному, у котораго къ несчастію „не всѣ дома“.

— Это нейдетъ, любезный. Съ низшими слѣдуетъ держать себя строже; да и что въ нихъ любопытнаго?—Особенно, какъ ты изъ ученыхъ, что же можешь отъ нихъ, отъ черни, позаимствовать?—Покажь-ко мнѣ, что ты все читаешь.

Дядя взялъ книгу и по складамъ прочелъ: „Те-ле-скопъ“.

— Это что-жъ такое значитъ?—видно, что-нибудь отъ учености?

— Да, такъ себѣ...

— Ты бы лучше что-нибудь забавное взялъ, разсѣялся бы. Постой, гдѣ-то у меня былъ списанъ стишокъ, очень складно сочиненъ. Начинается такъ... Майоръ началъ темписто декламировать:

Трахъ, тарарахъ,
На Валдайскихъ горахъ,
Старый капитанъ
Бьетъ въ барабанъ.

— Не помню, куда засунулъ; отыщу ужо, дамъ тебѣ.

Какъ ни былъ юнъ и неопытенъ Алексѣй, однако одолѣлъ цѣлый рядъ размышленій, по поводу милыхъ родственниковъ.

Еще велика у насъ ходячая сила обычая, что родственникъ, кто бы онъ ни былъ, хоть вдругъ съ неба свалился,—все-таки свой человѣкъ, близкій, который безцеремонно лѣзетъ въ самое нутро нашей жизни. Старшій онъ—такъ требуетъ почтенія и исполненія его совѣтовъ; промотавшійся—заявляетъ претензію на родственный карманъ; богатый—ломается и эксплуатируетъ не только трудъ, но и совѣсть бѣднаго; всего хуже, разумѣется, младшимъ и бѣднымъ. Это наслѣдіе патріархальной жизни; оно въ свое время было необходимо, чтобы сплотить людей въ зачаточныя группы, а теперь производитъ страшный сумбуръ въ житейскихъ отношеніяхъ и плодитъ враговъ, которые—отбрось только родство—были бы или отличнѣйшими пріятелями, или людьми совершенно незнакомыми другъ съ другомъ! Упоминаемъ

объ этихъ выводахъ старыхъ и неинтересныхъ для насъ, только какъ объ моментѣ въ развитіи пониманія Алексѣя.

Зная слабый, неустойчивый характеръ отца, онъ боялся, что въ одинъ прекрасный день онъ съ братомъ и съ Алёнушкой включительно, надѣнутъ аммуницію и примутся выдѣлывать артикулъ. Началъ онъ торопить отца выѣздомъ, представляя резоны, важность которыхъ преувеличивалъ до размѣровъ крайней необходимости. И родныхъ-то они видимо обременяютъ, и въ гимназію-то ему пора, и самъ Петръ Иванычъ страшно теряетъ: можетъ быть въ эту минуту мѣсто открылось, кого-нибудь опредѣлятъ, и жди потомъ Богъ знаетъ сколько времени. Іюнь былъ на исходѣ; Петръ Иванычъ рѣшился ѣхать немедленно послѣ своихъ имянинъ—уѣхать отъ такого дня было бы кровною обидою для родственниковъ. Общимъ совѣтомъ было рѣшено, что Петръ Иванычъ выѣдетъ сперва съ Алёшей, захвативъ съ собою и Личарду: когда въ Петербургѣ осмотрится, устроится, тогда ужъ выпишетъ и жену съ меньшими дѣтьми, которыя пока останутся тутъ.

— Не безпокойтесь за нихъ, братецъ; когда напишете, мы ихъ снарядимъ и отправимъ. Поѣзжайте въ тарантасѣ, имъ не нужно; вѣдь тутъ дележансъ ходитъ, доставитъ аккуратъ!—успокоилъ майоръ.

Въ день выѣзда случилось маленькое происшествіе, взбудоражившее однако весь домъ: у майора пропали серебряныя очки, лежавшія всегда на столѣ въ кабинетѣ. Произведенъ почти повальный обыскъ,—ничего не нашли. Кто входилъ въ кабинетъ въ отсутствіе майора?—Этотъ вопросъ предложенъ былъ вѣстовому, стоявшему безотлучно въ передней и въ непритворенную дверь имѣвшему возможность усмотрѣть всякаго входящаго въ умственное святилище начальства.

— Не могу знать, вашескародіе... тутъ писарекъ приходилъ изъ чехауза, Пустопорожневъ,—бумагу принесъ.

— Ну?—нешто онъ входилъ въ кабинетъ?

— Не могу знать... Вѣстовой совсѣмъ растерялся.

— Какъ, не могу знать?—На ту пору зѣнки-то у тебя вылѣзли, что ли?—Отвѣчай! ррр...

— Виноватъ, вашескародіе... Я имъ докладалъ, положьте-молъ бумагу на столъ, а самъ отлучился на куфню.

Майоръ только-что пришелъ со двора, а потому замшевыя перчатки играли въ его десницѣ.

— Вотъ тебѣ на куфню!—Вотъ тебѣ на куфню!—И майоръ началъ хлестать перчатками по носу вѣстового, который, держа руки по швамъ, только моргалъ и ворочалъ лицо справа-на-лѣво, какъ-будто приноравливаясь, чтобы ловчѣе было дѣйствовать майорскимъ перчаткамъ.

— Позвать сюда Пустопорожнева.

Вѣстовой мигомъ исчезъ.

— Впрочемъ, не можетъ быть!—разсуждалъ самъ съ собою уходившійся майоръ; Пустопорожневъ мальчикъ благонадежный... Черезъ его руки идетъ многое и всегда въ аккуратѣ...

Прибѣжалъ запыхавшійся Пустопорожневъ. Это былъ маленькій, плюгавенькій писарекъ съ оловянными глазами. Гладко выбритое лицо его побѣлѣло, точно мѣломъ намазанное, вѣроятно отъ испуга. Взглянувъ на это глупое, подчиненное лицо, майоръ сконфузился; онъ вдругъ созналъ нелѣпость своихъ подозрѣній, вспомнилъ, что черезъ письменную работу этого писарька многое плыветъ въ майорскій карманъ,—и всегда въ аккуратѣ...

— Здравствуй, любезный!—Ты приносилъ тутъ бумаги?

— Такъ точно, вашескародіе. Требованіе насчетъ инструмента, какъ изволили приказывать.

— При тебѣ никто не входилъ въ кабинетъ?—Очки мои тамъ лежали.

— Никого не было, вашескародіе; а очки точно лежали на мѣстѣ.

— Ну, ступай домой, любезнѣйшій. Больше ничего. Извини.

Писарекъ вышелъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства, и бѣлизна лица пропала.

Алексѣй былъ свидѣтелемъ этихъ сценъ. Онъ страдалъ не-

вообразимо... какъ-будто самъ былъ похитителемъ проклятыхъ очковъ!—И не столько очки—чортъ съ ними!—а бѣдный, безотвязный вѣстовой рѣзалъ ему грудь нестерпимымъ укоромъ... Онъ судорожно грызъ губы, совсѣмъ въ лицѣ перемѣнился, въ вискахъ какъ молотки стучали.

Онъ догадывался,—нѣтъ, онъ положительно зналъ, чье это дѣло... а высказать то, что онъ зналъ, не хватало силъ: Алексѣй любилъ и щадилъ своего несчастнаго Личарду...

И Петръ Иванычъ, и Анна Дмитріевна были тоже какъ-то сконфужены, переглядывались и очень неловко все совѣтовали поискать хорошенько.

Это приключеніе такъ сильно подѣйствовало на всѣхъ, что самое прощанье даже вышло натянуто, неудачно: всѣ цѣловались, желали всякихъ благъ, а у каждаго въ головѣ шевелились очки... Хозяевамъ жаль, все-таки вещь цѣнная, они же крѣпко скуповаты, а гостямъ досадно, что никакими деньгами нельзя поправить скверность настоящей минуты.

Личарда давно сидѣлъ на козлахъ, поджидая господъ.

Тарантасъ тронулся со двора. Алексѣй съ такою глубокою тоской и съ такимъ злобнымъ укоромъ взглянулъ въ самые зрачки Личардѣ, что тотъ весь вспыхнулъ и торопливо надвинулъ на носъ фуражку.

VII.

Перемѣнивъ послѣдній разъ лошадей на Средней-Рогаткѣ, Слободины увидѣли передъ собою цѣль своего длиннаго путешествія.

Петербургъ по второй половинѣ тридцатыхъ годовъ представлялъ совсѣмъ не ту панораму, какую мы видимъ теперь, под-

катываясь въ вагонѣ Николаевской дороги и врѣзываясь прямо въ многолюдный кварталъ у Знаменья. Правду сказать, эта панорама не была тогда, да и теперь не особенно грандіозна и живописна для путника, пробирающагося среди кочковатой болотины, облегающей нашу сѣверную Пальмиру. Видно впереди что-то громадное, но не выбѣгающее смѣлымъ красивымъ амфитеатромъ, не выставляющее въ яркихъ краскахъ и зелени ни одной своей части, а плотно и ровно осѣвшее на утоптанномъ, спланированномъ пространствѣ. Правильныя массы зданій заслоняютъ другъ друга и сами заслонены красными, дымящимися фабриками, кладбищами, огородами, и завѣшаны дымкой сѣроватаго, непроходящаго тумана, въ которомъ иногда, подъ лучомъ солнца, вспыхиваютъ золотомъ взлетающіе къ небу шпицы. Исакій въ то время не только еще не поднималъ своего купола, но и самый Монферрановскій проектъ хранился въ тайнѣ и не подвергался горячей критикѣ юныхъ русскихъ художниковъ.

Даже окрестности столицы носили тогда другую физіономію какого-то пустыря, неустроеннаго, невоздѣланнаго; по нимъ не свистѣли шныряющіе локомотивы; на Царскосельской линіи только начинали шевелиться сѣрыя толпы землекоповъ; и первое, что бросалось въ глаза подъѣзжающему по московскому тракту, были тріумфальныя ворота, съ которыхъ бронзовые кони рвались улетѣть безъ оглядки въ невѣдомое пространство. Налѣво отъ воротъ угнѣздилось скромное Митрофаньевское кладбище,—едва ли эта встрѣча была особенно ободрительна... Прописавшись на заставѣ, приходилось еще долго ѣхать по шоссе, между пустырями и огородами, до Обводнаго канала; о-бокъ съ шоссе прогонялись гурты рогатаго скота. Меланхолически и покорно шагали почтенные быки, уроженцы привольнаго юга, словно чувствуя, что несутъ себя на жертву самому неумолимому минотавру—человѣческому желудку. Тутъ же недалеко и послѣдняя ихъ станція, монументальная бойня, откуда уже разойдутся они въ видѣ ростбифовъ, антрекотовъ, филеевъ и прочихъ питательныхъ кусковъ, соразмѣрныхъ не съ аппетитомъ, а съ карманомъ всякаго петер-

буржца; и послѣднимъ ихъ выраженіемъ будетъ та сумма мускульной и мозговой силы, которая изъ Петербурга работаетъ на всю великую Русскую землю...

Пробираясь Обуховскимъ проспектомъ, наши провинціалы высовывались изъ тарантаса и придирались ко всякому мало-мальски замѣтному зданію, чтобы ахнуть и подивиться, но скоро сами замѣтили, что это очень глупо и спрятались въ тарантасъ, приказавъ ямщику везти въ какую-нибудь гостинницу попроще, подешевле. Алексѣй не могъ бы сказать опредѣлительно, о чемъ онъ думаетъ; какіе-то зародыши мыслей пробѣгали въ головѣ, цѣплялись другъ за друга и возбуждали ту неопредѣленную тревогу, которая разрѣшается въ печальное настроеніе духа.

Гостинница недалеко отъ Сѣнной оказалась до того уже проста, что остановиться въ ней не было никакой возможности. Кабакомъ ее назвать было бы слишкомъ вѣжливо. —Какой-то отставной офицеръ хриплымъ басомъ отрекомендовалъ имъ остановиться въ нумерахъ у Амаліи Карловны, кухмистерши. — „Прекраснѣйшая женщина! а главное, у нея все это на благородную ногу и самой высокой нравственности“, — прохрипѣлъ офицеръ.

— Гдѣ же это? Мы вѣдь въ первый разъ, не знаемъ.

— Охотно и даже съ моимъ великимъ удовольствіемъ могу препроводить васъ, милостивый государь.

Онъ вскочилъ въ тарантасъ, началъ командовать ямщику и скоро пріѣзжіе очутились въ одной изъ Мѣщанскихъ, въ нумерахъ Амаліи Карловны, похожихъ дѣйствительно не на кабакъ, а на затхлую кладовую съ поломанною мебелью и кисейными занавѣсками паутиннаго цвѣта. Сторговались; они заняли помѣсячно двѣ комнаты и рады были отдохнуть за стаканомъ чая. Только-что они расположились и миловидная чухоночка, Анхенъ, принесла самоваръ, въ дверь просунулась сперва голова, а потомъ со словомъ „извините“ пролѣзла и вся фигура отставного офицера.

— Довольны ли вы, милостивый государь?

— Ахъ, извините!—вы такъ скоро ушли, что я не имѣлъ возможности поблагодарить васъ, поручикъ.

— Капитанъ-съ, капитанъ!

И капитанъ, согнувшись въ таліи, какъ-то нерѣшительно остановилъ въ воздухѣ ладонь правой руки, а лѣвою ерошилъ себѣ волосы и глаза опустилъ въ полъ.

— Вы вѣрно, капитанъ, тоже здѣсь стоите?—наивно спросилъ Петръ Иванычъ.

— Кто, я-съ?—капитанъ съ недоумѣніемъ поднялъ на Петра Иваныча красные глаза, причемъ простертая въ воздухѣ рука отправилась за бортъ сюртука. — Да, я тоже... прежде стоялъ, а теперь тутъ неподалеку. Вотъ ужъ третій годъ, можно сказать, я живу на выѣздѣ. Аха-ха-хъ, забавно это!

— Что такъ?—Не прикажете ли стаканъ чаю?

— Нѣтъ, чувствительно благодаренъ. А я, извольте видѣть, долженъ получить мѣсто, непремѣнно-съ, какъ соотвѣтствующее мнѣ по чину; и все знаете вотъ-вотъ, совсѣмъ, только иди въ главное казначейство, получай прогоны и подъемные... а между тѣмъ просятъ обождать, благороднѣйшимъ образомъ просятъ. — ну, нечего дѣлать!—изъ деликатности одной долженъ согласиться...

— И уже третій годъ?

— Да-съ, на Преполовеніе минуло три года. И добро бы, знаете, какой изъянъ въ формулярѣ, или на счетъ хабензи-гевезенъ, никогда-съ! Къ себѣ я всегда былъ строгъ, чтобъ и ни-ни, — не потерплю! Однако въ послѣднее время, можно сказать, сильно поиздержался. То-да-сё, знаете... Можетъ, вы не вѣрите?—Какъ благородный офицеръ!...

— Вѣрю, вѣрю, помилуйте! Въ три года это натурально.

— Вижу, вижу, что имѣю дѣло съ человѣкомъ рѣдкой души, а потому прямо скажу: дворянинъ! дай руку помощи такому же дворянину... Простри!—и больше ничего.

— Помилуйте, чѣмъ же я могу? право не знаю... Петръ Иванычъ сконфузился чрезвычайно.

— Ежели синяя ассигнація не будетъ обременительна для благодѣтельнаго сердца... а впрочемъ! пусть какъ совѣсть ваша... Благородный человѣкъ ничѣмъ гнушаться не долженъ, потому,

что у насъ только и есть одна святыня—честь, милостивый государь!

Облагодѣтельствованный полтинникомъ, капитанъ вышелъ, разсыпаясь въ самыхъ невозможно-выкроенныхъ фразахъ.

Встрѣча съ такимъ злополучнымъ искателемъ мѣста при самомъ въѣздѣ въ Петербургъ, болѣзненно и суевѣрно повліяла на Петра Иваныча; Алексѣй это замѣтилъ и искалъ чѣмъ бы развлечь отца. Вошла красивая, брызжущая здоровымъ румянцемъ, Анхенъ;—онъ шутливо отрекомендовалъ ей въ женихи Личарду и между прочимъ спросилъ, что за птица капитанъ.

— Э, господинъ, этого не надо пускать! Проситъ деньги и бѣжитъ въ кабакъ. Послѣдній человѣкъ—и все вретъ.

— Ну вотъ видите, папенька!—сказалъ сынъ, какъ-бы въ отвѣтъ на невыговоренную мысль отца.—Слушай Личарда, если капитанъ еще разъ появится, въ шею. Теперь Богъ съ нимъ—вѣдь за услугу получилъ.

Первые дни по пріѣздѣ всегда проходятъ безтолково; Петръ Иванычъ привелъ нѣсколько въ порядокъ свой гардеробъ и, перекрестясь, отправился на первоначальныя развѣдки съ своимъ драгоцѣннымъ письмомъ къ его превосходительству барону Эдуарду Францовичу Эггерсу. Бѣдный совѣтникъ, полагавшій, что громаднѣе зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ трудно себѣ что-нибудь представить, совсѣмъ затерялся въ безконечныхъ переходахъ министерскаго дома съ десятью воротами и двадцатью подъѣздами; а когда наконецъ попалъ во внутренность сей храмины, то проникся благоговѣйнымъ ужасомъ. Перспектива высокихъ свѣтлыхъ залъ съ паркетными полами и лакированными шкафами; гладко-причесанные чиновники, углубленные въ занятія, или ловко порхающіе съ бумажкой въ рукѣ; курьеры и сторожа въ опрятной формѣ; тишина и чистый воздухъ—все это сложилось въ головѣ Слободина въ одну опредѣленную сентенцію: да, тутъ служба благородная!—Разсмѣялся онъ отъ удовольствія, вспомнивъ: „у насъ однихъ пьяныхъ рылъ, грязи да казарменной вони не оберешься“.—Однако онъ недалеко проникъ въ эту заповѣд-

ную храмину, въ которой теперь висѣлъ за семью печатями роковой для него вопросъ... курьеръ въ пріемной объяснилъ ему, что баронъ живетъ на дачѣ, на Безбородкиной дачѣ, пріѣзжаетъ сюда по четвергамъ и принимаетъ отъ часу до двухъ.

— Не съѣздить ли мнѣ на дачу представиться? У меня довольно важное письмо отъ князя Хвалынцова.

Курьеръ улыбнулся чисто-департаментскимъ Мефистофелемъ, игнорируя важность какого-то князя Хвалынцова, и вразумительно пояснилъ, что это будетъ напрасно:—„они на дачѣ никого не принимаютъ, а пожалуйте лучше въ четвергъ, оно будетъ и для васъ спокойнѣе и въ порядкѣ".

Къ четвергу Петръ Иванычъ изготовился, затвердилъ много красивыхъ оборотовъ рѣчи, чтобы наперѣть особенно на то, что онъ служилъ по министерству просвѣщенія, значитъ, легко можетъ себя приспособить даже къ высшимъ кабинетнымъ занятіямъ, разумѣется, подъ руководствомъ геніальнаго администратора. Вся эта замысловатая подстройка, увы, пропала даромъ: курьеръ объявилъ кратко и внушительно:—„Нѣтъ, сегодня не пріѣхали. Приходите въ будущій четвергъ".

Чтобы поддержать бодрость духа, Петръ Иванычъ, воротясь домой и снявши новенькій фракъ, пригласилъ сына пойти посмотрѣть городъ; тотъ отказался довольно рѣзко, и, пообѣдавъ ежедневными издѣліями своей кухмистерши, они легли спать.

Алексѣй по непонятному капризу еще ни разу не выходилъ изъ квартиры;—успѣю!—повторялъ онъ, зѣвая.

Прошелъ еще одинъ четвергъ,—„не будутъ, нездоровы: вотъ и докладъ весь къ нимъ везу";—нехотя объявилъ на подъѣздѣ знакомый курьеръ, указывая на толстый портфель, съ которымъ усаживался на казенную зеленую телѣжку.

— Пойдемъ вмѣстѣ въ Пажескій корпусъ, княгинину посылку отнесемъ,—воротясь домой, звалъ Петръ Иванычъ сына.—Нехорошо, что мы такъ долго задерживаемъ, совѣстно.—А въ сущности ему хотѣлось чѣмъ-нибудь наполнить пустоту и безцѣльность

времени, образовавшуюся вслѣдствіе недостижимости высокопоставленнаго лица.

— Нѣтъ, ужъ лучше вы одни идите; мнѣ не хочется.

Пошелъ Петръ Иванычъ съ посылкой и воротился только вечеромъ.

— Ну, что же князёкъ, обрадовался?

— Пустой мальчуганъ! Выскочилъ, повернулся, отдайте, говоритъ, швейцару, и былъ таковъ. Словно и не узналъ меня.

— Такъ я и зналъ! Стоило ходить!—съ Личардой бы отослать.

— Ну, Богъ съ нимъ! Прошелъ я оттуда на Невскій проспектъ, погулялъ по аллеямъ. Какое великолѣпіе! Соблазнился, зашелъ въ трактиръ Палкина. Представь себѣ—безподобный обѣдъ, органъ играетъ восхитительно, народа множество!—Потомъ...

— Эге, папенька, да вы никакъ загуляли сегодня!

— Ха, ха—да! пять рублей промоталъ... За то вотъ это не мотовство...

— Что это за бумажки?

— Славныя бумажки!—Иду по Большой-Морской, вижу въ окнѣ выставлены таблицы какія-то и объявленія съ аршинными цифрами. Остановился, изъ любопытства прочелъ—и не могъ удержаться, зашелъ въ эту контору, взялъ вотъ на наше счастье билеты польской лотереи. Можно выиграть страшный кушъ!—На каждаго изъ нашей семьи взялъ по билету; вотъ твой.

— А можетъ это обманъ.

— Какъ можно! Публичная лотерея, всѣ берутъ. Конторщикъ такой почтенный человѣкъ, разсказалъ мнѣ, что въ прошлый тиражъ одинъ титулярный совѣтникъ выигралъ сто тысячъ злотыхъ. Это, братецъ мой, дѣло вѣрное, надо только счастье — и ты богачъ!

Разсказъ Петра Иваныча дышалъ дѣтскимъ добродушіемъ. Совершенно нечаянно попалъ онъ въ Палкинскій трактиръ, совершенно нечаянно пообѣдалъ, чтобы не уронить амбиціи, не могъ отказаться отъ бутылки вина, предложенной услужливымъ половымъ; а потомъ ужъ представилась ему жизнь въ розовомъ

цвѣтѣ—и съ непоколебимою вѣрою въ счастіе взялъ онъ лотерейные билеты, заплативъ за нихъ порядочную сумму денегъ.

Алексѣй заразился расплывчатымъ оптимизмомъ отца и выпросилъ десять рублей на свои надобности.

Пока Петръ Иванычъ входилъ во вкусъ петербургской жизни, Алексѣй тоже не спалъ и обдѣлывалъ свои, по его мнѣнію, довольно важныя дѣла. Между нимъ и Личардой произошла какая-то бурная сцена, въ концѣ которой Личарда со слезами упалъ на колѣни и вынулъ изъ кармана завернутыя въ тряпочку майорскія очки,—умоляя не говорить барину. Долго Алексѣй смотрѣлъ на эти злополучныя очки, будто ожидая, что́ они скажутъ, и съ горечью призналъ роковую, неотвратимую послѣдовательность человѣческихъ дѣйствій, — а ихъ называютъ свободными!.. Разъ пошатнулся, разъ солгалъ — ну, и шатайся, и лги, сознавая всю отвратительность лжи и шатанья... Людская, ходячая мораль сложилась уже такъ, что не даетъ другого выхода и только того не клеймитъ, кто искуснѣе и до конца съумѣетъ лгать, кто, шатаясь въ сумеркахъ, умѣетъ твердо ходить днемъ, когда на него смотрятъ... Послѣ этого Алексѣю не досадно, а жалко стало смотрѣть на слезы Личарды, слышать его заклятія и увѣренія, въ которыхъ звучала неправда, ложь, быть можетъ безсознательная, но все-таки ложь. И чѣмъ же онъ виноватъ?—Однако Алексѣй еще не задавался вопросомъ: а кто же тутъ виноватый?—Этотъ вопросъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, задалъ ему самъ пострадавшій Личарда.

Получивъ отъ отца десять рублей, Алексѣй прежде всего исковеркалъ серебряную оправу очковъ и зашелъ къ первому оптику, заказалъ сдѣлать къ этимъ стекламъ новую оправу, совершенно непохожую на старую; когда очки были готовы, онъ просилъ отца отослать ихъ въ подарокъ дядѣ, замѣсто пропавшихъ, и отъ всякихъ объясненій по этому странному обстоятельству отказался.

— Пойми, Яковъ, больше этого я сдѣлать не могу ни для тебя, ни для кого на свѣтѣ... Не нужно мнѣ никакихъ твоихъ обѣщаній, а только пойми ты *это* хорошенько...

Яковъ молча грызъ ногти и глядѣлъ тупо, думая про себя: отчего не понять?—Да только кабы на все это была моя воля, а то я и не вѣдаю, какъ оно само все дѣлается...

Въ слѣдующій четвергъ недостигаемый сановникъ былъ наконецъ достигнутъ.

Съ трепетомъ ожидалъ Петръ Иванычъ въ пріемной торжественной минуты; обдергивалъ фракъ и нащупывалъ въ боковомъ карманѣ тутъ ли письмо. Въ пріемной было человѣкъ пять-шесть, тоже чающихъ движенія воды, и одинъ молодой франтикъ, чрезвычайно развязный, старавшійся всякими манерами дать знать окружающимъ, что вы-молъ не думайте, господа, я здѣсь такъ, совершенно партикулярнымъ и даже можетъ быть дружескимъ образомъ. Онъ садился развалясь, закидывалъ ногу на ногу, забрасывалъ назадъ гриву, вообще ломался и гримасничалъ.

Дверь распахнулась, вышелъ баронъ. Это былъ высокій, статный мужчина, плотно выстриженный, съ крупными, рѣшительными, немного дубоватыми чертами лица; вокругъ подбородка у него росло что-то, борода не борода и не бакенбарды, а какой-то окладъ черный, густой, прекрасно-содержанный. Онъ былъ въ вицмундирѣ со звѣздой, въ рукахъ держалъ розу, которую безпрестанно нюхалъ. При появленіи его болѣе всѣхъ засѣменилъ развязный молодой человѣкъ и почтительно поклонясь, подалъ барону маленькое, чрезвычайно изящное письмецо.

— Кланяйтесь графинѣ, скажите, что желаніе ея исполнено,—сказалъ сановникъ, пробѣжавъ записку;—а быть у нея въ комитетѣ къ величайшему сожалѣнію не могу.—Да что у нихъ тамъ такое? Экстренное что-нибудь?

— Будутъ обсуждать предполагаемый балъ въ пользу бѣдныхъ—un bal champêtre, votre excellence.

— А!—впрочемъ, постараюсь. — Я буду писать графинѣ. Прощайте.

И юный дамскій курьеръ, получающій непремѣнно чины и награды за свою службу, вылетѣлъ, тряхнувъ еще разъ своей гривой.

Ко всѣмъ „чающимъ“ баронъ отнесся чрезвычайно мягко, успокоительно, всякаго выслушалъ, обнадежилъ и даже пожаловался на то, что онъ не Богъ и незаконнаго законнымъ никакъ сдѣлать не можетъ.

— У васъ что?—обратился онъ къ Слободину.

Назвавъ себя, Петръ Иванычъ подалъ свое драгоцѣнное письмо.

Баронъ, прищурившись и не отнимая цвѣтка отъ носа, долго читалъ посланіе князя Хвалынцова; самая тончайшая улыбка пробѣгала по лицу его; онъ даже испустилъ какое-то коротенькое мычаніе. Все это означало: вотъ чудакъ-то, этотъ князь,—точно съ того свѣта пишетъ... Къ счастію, Петръ Иванычъ не понималъ этого особеннаго языка.

— Ну, что же князь—все съ фабриками возится?—Скажите пожалуйста, у него все еще это... а-а... нѣтъ, виноватъ, смѣшалъ, это не у него.—Вообще какъ онъ здоровъ?

— Слава Богу, здоровъ, ваше превосходительство.

Шаловливый геній маленькихъ житейскихъ глупостей, вѣроятно, въ эту минуту пролеталъ мимо и поцѣловалъ въ лобъ и барона и провинціальнаго чиновника.

— Очень радъ-съ; очень радъ. Мы будемъ имѣть васъ въ виду.

Петръ Иванычъ пустилъ-было въ ходъ свои обдуманные обороты рѣчи, но баронъ остановилъ его на третьемъ словѣ.

— Вы мнѣ пожалуйста все это напишите... самую коротенькую записочку.—И обведя кругомъ вопросительнымъ взглядомъ, баронъ сдѣлалъ легкій общій поклонъ и скрылся.

Курьеръ остановилъ уходившаго Слободина и началъ снимать съ него допросъ, кто такой, откуда, и гдѣ остановился, записавъ всѣ эти показанія въ книгу.

— Для чего это, любезнѣйшій, скажите? Его превосходительство такъ изволилъ приказать?

— Да-съ; это у насъ строго. Вдругъ хватится, гдѣ мы станемъ васъ искать?

— Развѣ онъ можетъ и послать за мною?

— Кто-жъ его знаетъ, сударь! Его мысли никто понять не можетъ. А вдругъ, — и Боже сохрани! Онъ у насъ такой: загорѣлось—подай, хоть въ землю заройся!..

Изъ всей этой аудіенціи самымъ утѣшительнымъ фактомъ Петру Иванычу показалась именно послѣдняя штука,—въ книгу внесли, значитъ дѣло не пустое! Начало есть... а вдругъ пришлетъ, пожалуйте, проситъ... вотъ и шабашъ, и счастливъ человѣкъ, на всю жизнь счастливъ! А ужъ я покажу себя, достойнымъ образомъ покажу! Коли что понадобится, съ азбуки начну учиться!...

Дѣйствительно, Петръ Иванычъ шелъ на службу съ добросовѣстнымъ желаніемъ работать, принести пользу и неустаннымъ трудомъ проложить себѣ дорогу прочную, самостоятельную. Онъ не даромъ выслушивалъ безконечныя разглагольствованія Міроносцева о прожектахъ, клонящихся къ преуспѣянію отечества, и теперь передъ нимъ лежало цѣлое море надеждъ и возможностей...

Придя домой, онъ засталъ сына у окна, — стоитъ, любуется лоскуткомъ лѣтняго неба надъ маленькимъ дворомъ, наполненнымъ грязью и мастеровыми. Пейзажъ не особенно любопытный.

Розовенькая Анхенъ, въ бѣломъ фартучкѣ, торопливо схватила попавшійся подъ руку графинъ и выбѣжала изъ комнаты. Петръ Иванычъ не замѣтилъ, что молодые люди немножко взволнованы и сконфужены, — до того ли ему было! — онъ поспѣшилъ обрадовать сына обстоятельнымъ разсказомъ о своемъ блистательномъ успѣхѣ у барона, даже прикрасилъ немного, но совершенно неумышленно, самъ того не замѣчая, увлекшись своею радостью.

— Завтра напишемъ обо всемъ матери,—то-то рада будетъ!— а теперь ужъ какъ хочешь, братъ,—пойдемъ обѣдать къ Палкину. Надо же тебѣ развлечься, что въ самомъ дѣлѣ дома-то сидѣть,—одурѣешь!

— Очень охотно, папенька... дѣйствительно одурѣешь. Я радъ, что у васъ началось хорошо. Пойдемте, пойдемте!

Прошли они разъ вдоль Невскаго проспекта, тогда еще зе-

ленѣвшаго прекрасными аллеями. Отобѣдали у Палкина подъ звуки модныхъ тогда арій изъ Бронзоваго коня, Цампы, Аскольдовой могилы; послѣ обѣда съѣли мороженаго, купили себѣ по тросточкѣ и не замѣтили сколько выходили, смѣясь и болтая. Послѣ сытнаго обѣда Петръ Иванычъ немного отяжелѣлъ, однако сынъ дотащилъ его до Адмиралтейскаго бульвара; отдохнувъ на скамьѣ, они прошли къ „мѣдному всаднику“, который показался Алексѣю самымъ замѣчательнымъ чудомъ чудеснаго Петербурга. Видѣли они стройно-проходившіе отряды разныхъ войскъ, на которые никто не зазѣвывался, не такъ какъ въ Москвѣ; видѣли пушки настоящія, изъ которыхъ стрѣляютъ; поглядѣли на насупившіеся равелины Петропавловской крѣпости, къ стѣнамъ которыхъ никакъ нельзя прилѣпить мирную лавчонку торговца тросточками, или букиниста,—и очень вразумительно поняли, что они не въ Москвѣ.

„Вотъ два счастливыхъ человѣка!“ — сказалъ бы про нихъ всякій внимательный наблюдатель.—„Вотъ два глупыхъ провинціала!“—сказалъ бы про нихъ всякій петербуржецъ, если бы только оставалась ему свободная минута наблюдать что-нибудь, кромѣ барометра начальственныхъ мѣропріятій, да своего застарѣлаго гемороя...

Фланируя по Петербургу, они однакожъ не забывали и о дѣлахъ, которыя, какъ имъ по крайней мѣрѣ казалось, шли успѣшно. Отецъ написалъ докладную записку,—не указывая прямо ни на какую клѣточку, существующую въ силу штатовъ и табелей, заявлялъ пламенное желаніе посвятить себя пользамъ службы, просилъ испытать способности, предоставляя все прочее на благоусмотрѣніе его превосходительства. Записка найдена немного длинною, но объ этомъ ему конечно не сказано, а выражено обычное: „очень радъ; навѣдайтесь недѣльки черезъ двѣ“.—Чего же больше требовать!—Онъ былъ почти убѣжденъ, что останется на службѣ въ департаментѣ, вслѣдствіе чего представилъ документы сына въ гимназію;—а сынъ закидывалъ глазомъ на Васильевскій островъ въ знаменитое зданіе *двѣнадцати* коллегій.

— А знаешь ли кого я встрѣтилъ?—Ерофея Никифорыча Бурова,—Косолаповскаго главноуправляющаго. Вотъ городокъ-то славный—кого только тутъ не встрѣтишь!—Разсказываетъ, что Кирила Егорычъ вошелъ въ огромныя дѣла, страхъ какъ развернулъ свое богатство!—Теперь они за границей, въ Италіи, старшая дочь при смерти была больна, такъ для нея.

Алексѣй вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— А Саша здѣсь юнкеромъ въ гусарахъ;—говоритъ, молодецъ какой, чудо!—Обѣщалъ Буровъ-то зайти. А можетъ тебѣ и съ Сашей пріятно было бы встрѣтиться, а?

— Нѣтъ, папенька; искать его я не буду; еще пожалуй также встрѣтитъ, какъ этотъ князекъ... Всѣ они одного поля ягода!

— Къ зимѣ ихъ ждутъ сюда. Буровъ квартиру для нихъ нанялъ великолѣпную, цѣлый бель-этажъ.

— Намъ не слѣдъ къ нимъ идти. Это хорошо было въ С.; а здѣсь роли мѣняются. Тамъ вы были въ ихъ глазахъ все-таки важный чиновникъ, а здѣсь... Мы къ нимъ придемъ въ бель-этажъ, а они можетъ побрезгуютъ и войти-то по грязной лѣстницѣ въ эти коморки.—Какое-жъ это будетъ знакомство?—Вы извините, папенька, что я такъ говорю... мнѣ такъ кажется;—вѣдь это я любя васъ и оберегая отъ непріятныхъ щелчковъ...

— А знаешь что?—надо бы намъ подыскать квартирку... Что-жъ такъ-то жить по-свински?—Вотъ мать пріѣдетъ, ну какъ мы тутъ размѣстимся?—Да и дешевле будетъ на квартирѣ-то.

Алексѣя точно холодной водой обдало... Все это совершенно резонно и просто, что говорилъ отецъ. И какъ же это ему въ голову не приходило, что пріѣдетъ мать, что нужно устроиться иначе и непремѣнно перемѣнить квартиру?—И что-жъ въ этомъ особенно-важнаго!—ну, перемѣнить и все тутъ!—Почему-жъ это показалось ему такъ важно и неожиданно?

Вечеромъ, когда щеголеватая и кругленькая, какъ наливное яблочко, Анхенъ подавала чай, Алексѣй, обыкновенно съ нею шутившій и болтавшій всякій вздоръ, вдругъ глянулъ на нее

серьёзно, почти сурово. Ему почему-то припомнился передбанникъ Сіонскаго и бабёнка Арина, забѣгавшая къ нему то съ крынкой молочка, то съ горшечкомъ щецъ похлебать, то съ полуштофчикомъ подъ полой своей шугайки... и какъ она убивалась и горевала, когда сторожа увели Андреяшу незнамо куда... и съ какою печальною отрадой приняла она Стультуса, единственное дорогое наслѣдство погибшаго поповича... Окунувшись въ этотъ уже далекій міръ ребяческихъ думъ и первыхъ живыхъ впечатлѣній, мысль Алексѣя вдругъ отряхнулась, воротилась къ настоящей минутѣ и бодрая, ясная, подсказала ему: „нѣтъ, это не то!....“.

— Да, папенька, непремѣнно нужно найти квартиру и выписать поскорѣе маму съ дѣтьми. Эта трактирная жизнь надоѣла.

Анхенъ въ свою очередь посмотрѣла на него съ укоромъ, печалью, недоумѣніемъ—и выронила изъ рукъ стаканъ, разбившійся въ дребезги.

— Ахъ, Богъ мой!—извините, сейчасъ принесу другой... и убѣжала.

Петръ Иванычъ, лежа съ трубкою на кровати, ничего этого не видѣлъ и заботливо промычалъ: мм-да, нужно, нужно!

— Да поскорѣй; не теряйте времени; это крайняя необходимость.—Пріѣдетъ мама, дѣти,—заживемъ отлично!

Отецъ бѣгалъ по разнымъ частямъ города, отыскивалъ квартиру; шлялся по Апраксинскимъ лавкамъ, прицѣнялся къ мебели и вообще увлекался своею давнишнею наклонностью къ домовитости, но узналъ, что все въ Питерѣ страшно кусается и не безъ огорченія усмотрѣлъ, что придется отказаться отъ многихъ необходимыхъ вещей, сжаться, съузиться въ самомъ крайнемъ. Утѣшалъ онъ себя тѣмъ, что все это вѣдь только на время: получу мѣсто въ провинціи—придется все бросить; а выйдетъ мѣсто здѣсь (и непремѣнно *здѣсь* выйдетъ), тогда... о, тогда мы еще посмотримъ, какъ оно приличнѣе будетъ устроиться!

Пока онъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ, въ скромныхъ нумерахъ нѣмецкой кухмистерши разыгралась какая-то странная, запутан-

ная исторія.—Разъ вбѣгаетъ къ Алексѣю Анхенъ, разстроенная, обиженная, слезы на глазахъ, каленкоровый чепчикъ на затылкѣ.

— Вы пожалуйста унимайте вашего слугу, господинъ Алексѣй Петровичъ;—говорила чухоночка залпомъ, задыхаясь отъ волненія.—Я этакое обхожденіе потерпѣть не могу, потому—я честная дѣвушка, а онъ мужикъ—лакей. Какъ онъ смѣетъ дѣлать мнѣ грубостей!...

— Успокойтесь, Анхенъ, что такое случилось?

— Вы благородный человѣкъ, съ вамъ я могу разговаривать... а онъ невѣжа, и я ему не позволяю,—буду хозяйкѣ сказывать... это очень стыдно!

— Да въ чемъ дѣло?—Яковъ, поди сюда.

Личарда вошелъ и съ недоброй улыбкой поглядѣлъ на дѣвушку и на барина.

— Вотъ я скажу вамъ теперь въглаза,—обратясь къ Якову, горячилась Анхенъ,—что я васъ терпѣть не могу.—Не смѣйте ко мнѣ пальцемъ притрогивать.—Вы русская свинья—вотъ вамъ!—и хлопнула дверью.

— Это что такое?—Что ты тамъ заводишь!

— Ничего. Я говорю ей: надо посуду мыть, а она сейчасъ ругаться. Тутъ пора накрывать на столъ, а у нея гдѣ тарелки-то?—Я за нее что ли мыть стану?—Ей добромъ говоришь, а она на тебя все равно какъ на собаку. Обидно вѣдь... Ну, я ее... чуть-чуть дотронулся... эка бѣда!—Барышня петербургская, вотъ что!

— Нехорошо это—она дѣвушка вольная, пойдетъ жаловаться, такъ тебѣ вѣдь достанется. Наконецъ, что это за буйство такое!

Яковъ стоялъ передъ бариномъ совершенно покойно. Алексѣй смѣрилъ его взглядомъ—и, кажется, впервые замѣтилъ, что передъ нимъ стоитъ не мальчишка, а восемнадцатилѣтній парень, здоровый, рослый, съ замѣтнымъ пушкомъ на подбородкѣ и задумчивымъ взглядомъ, который никогда не глядѣлъ прямо, а

словно прятался, чтобъ никто не поймалъ его затаеннаго блеска.

Алексѣй не съумѣлъ распечь какъ слѣдуетъ, тонъ его былъ скорѣе удивленный, поучительный, чѣмъ строгій: рѣчь оборвалась какъ-то вдругъ, на полусловѣ—и онъ взялся за книгу. А Яковъ все еще стоялъ передъ нимъ царапая ногтемъ по-столу; губы его подергивались, казалось, онъ вотъ-вотъ заговоритъ—и скажетъ барину нѣчто необыкновенно-важное... но видно не могъ онъ осилить своей думушки и, почесавъ въ затылкѣ, вышелъ вонъ.

При первомъ случаѣ, наединѣ, Алексѣй остановилъ Анхенъ и взялъ нѣжно за руку.

— Васъ теперь никто не обижаетъ, Анхенъ?

Она молчала.

— Яковъ добрый малый; я объяснилъ ему, какъ это скверно, обижать дѣвушку. Вы пожалуйста извините, не сердитесь...

— Это все черезъ васъ,—прошептала она.

— Можетъ ли быть!?—Я несовсѣмъ понимаю,—слукавилъ Алексѣй,—но это что-то очень странно и глупо...

— А!—бросьте!—Вы отъ насъ на другой квартиру съѣзжаете?

— Такъ нужно, Анхенъ.

Дѣвушка закрыла лицо концами своей косынки и прижалась лбомъ къ его плечу.

— Такъ нужно. Вы мнѣ потомъ спасибо скажете, да и мнѣ весело будетъ встрѣтиться съ вами. Шутка шуткой и должна кончиться. Вы хорошая дѣвушка, не дурачьтесь же,—и дай Богъ, чтобы у васъ всегда были такіе постояльцы и въ квартирѣ и... тутъ! Алексѣй поцѣловалъ ее въ голову.—Ну, полно,—веселѣй же!—всякій за свое дѣло... Сварите-ка мнѣ кофей—и будемъ хохотать.

Анхенъ въ самомъ дѣлѣ ужъ разсмѣялась и, ущипнувъ Алексѣя, побѣжала къ своей работѣ.

— Ну вотъ и прекрасно!... подумалъ онъ, глядя ей вслѣдъ. Да и я тоже чуть не сглупилъ... мимолетная встрѣча съ трактирной служанкой—хоть и очень миленькой чухонкой—есть надъ

чѣмъ задумываться! — Пустяки!—Но честные люди должны и дурачиться честно.

Однажды Петръ Иванычъ пошелъ на чай къ Бурову; Алексѣй сидѣлъ у отвореннаго окна, денная жизнь затихла; мастеровые-халатники гдѣ-то далеко наигрывали на гармоникѣ; даже дрожки по мостовой унялись трещать. Вечеръ былъ тихій; окно приходилось надъ воротами и Алексѣй отчетливо слышалъ слѣдующую бесѣду у воротъ:

— Значитъ, шабашъ?—Вы мнѣ скажите только—плюнуть я долженъ на это дѣло, или нѣтъ?—сурово и съ дрожью въ голосѣ говорилъ Личарда.

— Я вамъ сто разъ говорила; вы можете понимать.

— Вѣдь коли вы сумлѣваетесь, такъ я по чести—сейчасъ женюсь на васъ.

— Вы?!—ха-ха-ха!—Очень мнѣ это прикрасно!—Вы кто таковъ?

— Я-то,—я человѣкъ...

— Крѣпостной лакей... очень большой чести мнѣ! ха-ха-ха!—жестокимъ смѣхомъ смѣялась Анхенъ.

— Ну, да вѣдь и ты не важная птица!—Чухна ты!

— Оставьте меня!—пускай бы вы были самъ официръ, я васъ любить не стану никогда.

— Кончено?

— Кончено.

— Прощайте, Ганхенъ. Пойду я вонъ въ тотъ домъ,—видите, красныя занавѣски,—освѣщеніе—значитъ, ждутъ... Тамъ веселѣй и всякому гостю рады. Что въ самъ-дѣлѣ! Получше васъ найдемъ... тамъ есть одна Фидрика, такъ куды вамъ!—Какъ пѣсни поетъ—ахти!

— Тьфу!—плюнула Анхенъ съ негодованіемъ.

— Борька!—окликнулъ Личарда портного-халатника. Комъ на хаусъ!

— А гельтъ имѣется? — отозвался гнусливый голосъ со двора.

— Найдемъ!—Наше вамъ почтеніе-съ,—обратился онъ къ Анхенъ.—Ужъ вы значитъ амурьтесь собственно съ господами... Это намъ небезъизвѣстно!—А мы—хамы, своей дорогой пойдемъ... не робѣй только!

И уходя по улицѣ съ Борькой, Личарда запѣлъ подъ гармонику:

Ай вы Сашки-канашки мои!
Размѣняйте вы бумажки мои!

Алексѣй ужаснулся... и этой сердечной драмѣ, которая мучила бѣднаго Якова, и той изумительной быстротѣ петербургскаго уличнаго просвѣщенія, которое въ какихъ-нибудь пять-шесть недѣль такъ развернуло провинціальнаго парня...

Но откуда-жъ у него деньги? — Какія это деньги?—съ отчаяніемъ спрашивалъ себя Алексѣй.

VIII.

Квартира нанята въ какой-то ротѣ Измайловскаго полка; три чистенькія комнаты, которыя Петръ Иванычъ меблировалъ кое-какъ, довольно сносно. Флигелёкъ деревянный, сухой; жильцовъ во дворѣ мало. Далеко немножко, за то воздухъ чище, чѣмъ во всѣхъ этихъ Мѣщанскихъ. Наняли кухарку и совсѣмъ устроились наши провинціалы. Кажется, всего немного, все простенькое, незатѣйливое и въ обрѣзъ, а Петръ Иванычъ ужаснулся, сколько денегъ вышло на это мизерное устройство, да еще кухмистершѣ заплачено за два съ половиною мѣсяца, да такъ издержано на мелочи туда да сюда, — „Господи! какъ это я такъ обмишурился?—Да чѣмъ же мы жить-то будемъ? Бѣда!“ Но объ этой бѣдѣ Петръ Иванычъ рѣшился не сказывать никому

изъ домашнихъ; — „ничего—ничего!—вдругъ поправимся, ужъ это мой секретъ, ка̀къ поправимся“.

Пріѣхала Анна Дмитріевна съ дѣтьми. Рада-радехонька она была, что вырвалась отъ родныхъ: „что это за жизнь, я ужъ и не понимаю! Ровно рестантская казарма“. „Опять же эти нравоученія каждый день, ажъ тошнило. И скупы они оба, не приведи Богъ!—кусочки сахара считаютъ“,—жаловалась она мужу.

Коля сталъ совсѣмъ военная косточка; привезъ барабанъ—подарокъ дяди — и никому въ домѣ покоя не даетъ. Алексѣй, начавшій ходить въ гимназію, занимался въ свободное время съ младшими дѣтьми, но проку въ этомъ видѣлъ мало и чтобъ отдѣлаться отъ буйнаго мальчугана, совѣтовалъ отдать его въ какую-нибудь частную школу, вѣдь ему ужъ двѣнадцать лѣтъ стукнуло, а еще и читать порядочно не умѣетъ. Но мать привезла отъ дяди очень важное письмо и вела продолжительные разговоры съ мужемъ. И вотъ, бѣдному Петру Иванычу, кромѣ урочныхъ походовъ за справками въ департаментъ, прибавилась еще работа—хлопотать объ опредѣленіи Коли въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ.

Эти заведенія въ то время „процвѣтали“ и попасть въ нихъ, несмотря на ничтожныя требованія при вступительномъ экзаменѣ, было весьма нелегко — всѣ мѣста заняты и кандидатовъ легіонъ. Юныхъ дворянъ везли сотнями со всей Россіи въ эти маршевыя училища, не задаваясь никакими заботами — лишь бы лѣта не вышли, да документы были въ порядкѣ. Наше-молъ дѣло родить ребенка, а тамъ дѣлай изъ него что̀ хочешь. Будетъ офицеръ,—чего же лучше!—Это была какая-то кадетская эпидемія, обусловленная отчасти бѣдностью мелкихъ дворянъ, а больше отсутствіемъ запроса на научное образованіе и обезличивающей привычкой къ правительственной опекѣ во всемъ и всюду. Особенно въ Петербургѣ точно мода была въ каждомъ домѣ (даже въ богатомъ и знатномъ) имѣть непремѣнно своего кадета, который является по праздникамъ единственно для того, чтобы наѣсться до отвалу и накуриться до тошноты.

Слободинъ едва добился, что его сына записали кандидатомъ на будущій годъ. — и поспѣшилъ обрадовать этимъ извѣстіемъ почтеннаго майора; но самъ онъ вкушалъ мало радостей... Красивый, густой окладъ вокругъ римской физіономіи величаваго барона ему уже нѣсколько опостылѣлъ... Какъ ни глубоко въѣлось чиновничество въ натуру Петра Иваныча, однако и онъ началъ чувствовать оскорбительный смыслъ этихъ вѣчныхъ: „да, да, помню, — я объ васъ думаю; подождите, навѣдайтесь“ — и т. д. Но онъ долею изъ самолюбія, долею изъ боязни огорчить людей близкихъ, скрывалъ свои неудачи, и даже изъ разсказовъ его выходило такъ, что всѣ эти проволочки ведутъ къ лучшему: — теперь всѣ мѣста заняты, правда, но вдругъ... выдумаютъ какое-нибудь новое мѣсто и скажутъ: «пожалуйте Петръ Иванычъ, вотъ вамъ---долго ждали, за то теперь добродѣтель ваша награждена какъ слѣдуетъ; видите, что мы объ васъ думали!..“

Пришла зима, а съ зимою всегда приходятъ и лишніе расходы, слишкомъ извѣстные всѣмъ бѣднякамъ: и одежонку теплую нужно поправить, да прикупить, и припасы на рынкѣ вдругъ ни съ того, ни съ сего вздорожаютъ; на зиму запастись кое-чѣмъ надо, не говоря ужъ о дровахъ... Бодрился Петръ Иванычъ и, улыбаясь, приговаривалъ: „ничего, ничего!—вдругъ!...“ Но сквозь добродушную его улыбку проглядывала частенько тихая печаль, сознаніе своей безпомощности, безсилія. Ему даже изрѣдка снился отставной капитанъ—первая зловѣщая встрѣча съ петербургскою дѣйствительностью... И проснувшись, онъ открещивался отъ этого тяжелаго кошемара: „Господи, помилуй насъ! За что же мнѣ это?—Нѣтъ, я скорѣе умру, чѣмъ дойти до такого паденія... А дѣти!?—Нѣтъ, Богъ справедливъ, не допуститъ... Роптать грѣшно, перетерпимъ съ покорностью, а тамъ авось и на нашей улицѣ будетъ праздникъ,—да еще какой праздникъ-то!...“

Такъ легко утѣшали себя старинные люди, потому что плохо знали, что дважды два—четыре, что съ неба ничего не падаетъ, и что самое великое чудо объясняется иногда самыми простыми законами... и т. д.

Отъ Алексѣя не могло скрыться тайное горе, съѣдавшее отца; онъ боялся заговорить, чтобы напрасно не разверѣдить больную рану, которую залечить не видѣлъ никакой возможности. Занимаясь усердно въ гимназіи, онъ боялся подумать, что не придется ему сидѣть въ университетской аудиторіи, а надѣвъ вицмундиръ, переписывать отношенія, рапорты, „слушали“, да „приказали“—и чахнуть отъ всякой ерунды, чтобы добыть мѣдный грошъ на прокормъ голодающей семьи. Приходя изъ гимназіи и находя свой приборъ за готовымъ обѣдомъ, разумѣется, нехитрымъ, Алексѣй чувствовалъ припадки угрюмой раздражительности: часто ничего не ѣлъ и съ ненавистью смотрѣлъ, какъ дѣти уплетаютъ по двѣ тарелки каши и жалуются, что мало масла; а знаютъ ли они что́ сто́итъ фунтъ масла и сколько нужно употребить труда—да труда одного мало—сколько нужно имѣть счастья, именно счастья, чтобъ заработать фунтъ масла?—Отецъ за обѣдомъ сидѣлъ задумчивый, словно погруженный въ соображенія, сколько недѣль и дней еще они будутъ обѣдать?... Одна мать держала покойный, ровный тонъ въ рѣчахъ и поступкахъ, стараясь угодить каждому, расхваливая свою стряпню: „кушайте дѣтушки, кушайте милые на здоровье! Завтра пойду на Сѣнную, куплю творогу да сметанки, ватрушки вамъ сдѣлаю, помните, такія, какъ *дома* у насъ бывали: вы ихъ любили“.—И живая Алёнушка весело хлопала въ ладоши.

Анна Дмитріевна любила вспоминать, что́ и ка́къ было *дома;* вѣроятно, она уже всѣ слезы выплакала, когда разставалась съ своимъ домомъ и теперь совершенно мирилась съ тѣмъ, что̀ Богъ даетъ. Всякое утро и во всякую погоду она сама ходила на Сѣнную — тамъ привозу больше, потому и дешевле; воротившись съ кулёчкомъ, принималась за стряпню, не для того, чтобы помогать кухаркѣ, а чтобы самой научиться и когда-нибудь отпустить кухарку, какъ совершенно ненужную роскошь. Она не тяготилась работой, даже чувствовала жизнь свою полнѣе, разумнѣе, чѣмъ бывало дома, гдѣ она, по званію барыни, сидѣла почти безъ дѣла и отъ тоски пріискивала себѣ какія-нибудь хлопоты

совсѣмъ ненужныя. Познакомилась она съ одной жилицей въ домѣ, вдовой обанкрутившагося часовыхъ дѣлъ мастера и по вечерамъ отводила душу въ бесѣдѣ съ этой доброю старушкой. Бесѣда ихъ наполнялась обоюдными воспоминаніями о прошломъ величіи и утонченными соображеніями, какія статьи въ хозяйствѣ можно совсѣмъ упразднить, а какія сократить и удешевить самымъ незамѣтнымъ образомъ. Изъ всѣхъ роскошей Анна Дмитріевна считала невозможнымъ упразднить кофей, хоть и пополамъ съ цыкоріемъ, потому оно питательно, за обѣдомъ меньше съѣдаютъ,—и рюмку водки для Петра Иваныча передъ обѣдомъ,—это для него лекарственно.

Глядя на мать, Алексѣй твердилъ свое, полюбившееся ему выраженіе: „красота ты, красота душевная!"—и задумалъ онъ помочь этой красотѣ выпутываться изъ копѣечныхъ затрудненій. Благодаря одному товарищу, онъ нашелъ уроки въ домѣ какого-то статскаго совѣтника, жившаго недалеко тутъ же въ Измайловскомъ полку и обладавшаго множествомъ золотушныхъ ребятишекъ—чахлыхъ продуктовъ петербургскаго климата и худосочія стараго департаментскаго служаки. Когда въ концѣ мѣсяца Алексѣй принесъ матери десятирублевую ассигнацію, Анна Дмитріевна испугалась, глазамъ своимъ не повѣрила.

— Это вамъ на хозяйство, да вотъ еще сапоги себѣ купилъ. Только ради Бога, папенькѣ ни слова не говорите.

— Почему же не сказать о такой радости?

— Видите ли, онъ ужасно легко успокоивается всякимъ вздоромъ; подумаетъ, ну, мы теперь не пропадемъ! и руки сложитъ. А вѣдь это чистая случайность: сегодня есть, а завтра скажутъ: не нужно намъ вашихъ уроковъ—и баста. Развѣ вы не замѣчаете, что онъ, бѣдный, совсѣмъ съ толку сбился... Вонъ эта проклятая польская лотерея сколько денегъ съѣла;—а онъ все ходитъ въ ту контору, читаетъ и перечитываетъ таблицы, замѣчаетъ счастливые нумера, дѣлаетъ какія-то мудреныя выкладки, да на послѣдніе рубли покупаетъ новые билеты. Вѣдь я все это знаю. И какъ купитъ, три дня веселый ходитъ, точно

отличное дѣльцо сдѣлалъ. Глядя на него—смѣшно и плакать хочется....

— Да, правда твоя, Алёшинька. Ужъ эта лотарея, чтобъ ей издохнуть—сведетъ его съ ума!—Вижу я, что онъ, нашъ голубчикъ, иногда совсѣмъ словно помутится; ходитъ да шепчетъ что-то, все приговариваетъ: „да, батюшка мой! да, да!"—Инда душа заноетъ... Ужъ кабы Господь вынесъ насъ поскорѣе изъ этого ада кромѣшнаго!—Еще года не прожили, а гдѣ деньги-то!—Намедни я тайкомъ посмотрѣла въ его шкатулкѣ—и ста рублей не наберется... А впереди что?—Горе и горе...

Петръ Иванычъ дѣйствительно помутился: часто ходилъ въ контору Лури, покупалъ и мѣнялъ билеты всевозможныхъ лотерей и начинялъ свою слабую голову всевозможными предразсудками несчастнаго игрочишки: напримѣръ, въ понедѣльникъ низачто не возьметъ билета; если встрѣтитъ попа—даже и не зайдетъ въ контору справиться; полюбилъ цифру 7, и носилъ въ карманѣ рыбью кость изъ головы, имѣющую фигуру креста. Въ департаментъ заходилъ какъ-то неохотно, словно для очистки совѣсти, и отвѣты получалъ тоже такіе, то-есть, какіе даются только для очистки совѣсти. Показалось ему даже, что курьеръ и сторожа встрѣчаютъ его съ обиднымъ сожалѣніемъ, „и этимъ-то я наскучилъ... да и какъ не наскучить?—все одно и то же, никакой перемѣны..." Случилась, правда, одна перемѣна—баронъ скосилъ свою окладистую растительность и завелъ на подбородкѣ подъ самою нижнею губой какую-то щеточку,—и хотя отъ этого сталъ миловиднѣе, но никакого утѣшенія для Петра Иваныча эта перемѣна не принесла.

Иногда злополучный искатель мѣста, махнувъ рукой на весь свѣтъ, надѣвалъ ситцевый, тепленькій халатъ и по недѣлямъ не выходилъ никуда изъ дома, предаваясь празднымъ размышленіямъ и приговаривая: „да, да, батюшка мой, да, такъ!"—А то садился играть съ Колей въ шашки и серьёзно сердился, кричалъ за всякій неумѣлый ходъ, или ликовалъ побѣду. Глядя на это ребячество, жена скажетъ: „ты бы, Петръ Иванычъ, пошелъ

провѣтрился немного, нехорошо! и въ департаментъ можетъ зашелъ бы...“ Мужъ обижался и выходилъ изъ себя отъ этихъ совѣтовъ. — „Знаю я, сударыня, что мнѣ дѣлать!—Что вы мнѣ тычете въ глаза департаментъ?—Я безъ васъ знаю, гдѣ стóитъ департаментъ. Бабій умъ вы—и больше ничего!—Вотъ нарочно же не пойду и не пойду!“

Однажды къ нимъ заѣхалъ Косолаповскій управляющій Буровъ. Петръ Иванычъ былъ очень радъ гостю и какъ-то сконфуженъ. Разговоръ разумѣется зашелъ о полученіи мѣста, и Слободинъ умышленно при женѣ и дѣтяхъ распространился о своихъ неудачахъ, какъ-будто желая, чтобы посторонній человѣкъ оправдалъ его передъ ними. Онъ доказывалъ очевиднѣйшимъ образомъ свою невинность; ему давно бы слѣдовало получить мѣсто, ужъ сколько вакансій открывалось, но къ несчастью вѣчно являлся какой-нибудь счастливчикъ,—а онъ все оставайся *въ виду;* тогда какъ онъ имѣетъ всѣ права, и честность его доказывается 15-ти-лѣтней службой, на которой онъ ничего не пріобрѣлъ, не такъ какъ другіе грабители. По его резонамъ выходило точно, что онъ совсѣмъ правъ, а съ нимъ поступаютъ жестоко, безчеловѣчно. Всѣ слушатели его оправдывали, и онъ торжествовалъ свою печальную правоту. Вдругъ серьёзный г. Буровъ сказалъ:

— Что говорить, Петръ Иванычъ! съ вами поступаютъ безбожно. Должны бы дорожить такими людьми, какъ вы, а они вонъ что!—На все это у нихъ свои особенные виды... Однако позвольте мнѣ сказать слово,—вы не обидьтесь, ей-Богу я это изъ одного расположенія къ вамъ,—во многомъ вѣдь вы сами виноваты; непрактично поступили, непрактично! Первое—не слѣдовало ни подъ какимъ видомъ продавать домъ...

Анна Дмитріевна тяжело вздохнула.

— Пусть бы семья тамъ жила; а вамъ пріѣхать сюда одному, да не съ рекомендаціей князя Хвалынцова, вѣдь это только громко сказать: князь Хвалынцовъ, а здѣсь онъ персона совсѣмъ неинтересная... Вамъ прямо написать бы къ нашему Кириллѣ Егорычу—это было бы дѣло! Вѣдь къ намъ иной разъ министры съѣзжают-

ся откушать. Ну, да это еще дѣло поправное: Кирилла Егорычъ воротится, зиму они проводятъ въ Римѣ, а по веснѣ, или такъ лѣтомъ непремѣнно пріѣдутъ. Да-съ!—Второе дѣло—вамъ самимъ плошать не слѣдуетъ. Вы приглядитесь, какъ оно дѣлается: здѣсь всякій глядитъ да прицѣливается, ежели кого можно сковырнуть и сѣсть на его мѣсто—ладно; ежели опять кто ужъ очень разжирѣлъ, наѣлся и самъ думаетъ выходить—тоже ладно; наконецъ, ежели кто одержимъ болѣзнію и вотъ-вотъ не сегодня-завтра свезутъ на Смоленское—это самое лучшее... тутъ только подкарауливай!—Лови моментъ: покойника на столъ, а ты съ прошеньицемъ «по титулѣ»... Многіе даже списки ведутъ съ такими разными отмѣтками. Мнѣ одинъ пріятель столоначальникъ всю ихнюю механику открылъ. Этими случаями надо живо пользоваться, такъ чтобъ никто опомниться не успѣлъ. И всякій тебя одобритъ; значитъ—молодецъ! Ловкій практикантъ!—А вы что,—кому тутъ нужна ваша честность и деликатность?—Это ныньче одни слова-съ. Да и въ человѣкѣ собственно не нуждаются,—потому на свѣтѣ людей расплодилось очень много, дѣвать некуда!

Послѣ этой рѣчи несчастный Петръ Иванычъ оказался кругомъ виноватымъ.—Не умѣлъ я этого, да кажется никогда и не съумѣю!—уныло промолвилъ онъ.—Этакъ-то каверзничать—слуга покорный!—Ужъ пусть будетъ воля Божья... А вотъ это справедливо, что Кирилла Егорычъ все можетъ.—Дай Богъ только ихъ дождаться!—А ужъ вы, добрѣйшій Ерофей Никифорычъ, не откажитесь напомнить обо мнѣ, и если хорошо будетъ принято,—знаете, этакъ къ сердцу принято,—то дайте мнѣ знать.

— Всенепремѣнно! Да вы будьте благонадежны, это только вопросъ времени—и больше ничего. Протяните какъ-нибудь. Вѣдь добрѣе нашего Кириллы Егорыча едвали можетъ найтись человѣкъ; это ангелъ! И все, знаете, этакъ шутя, смѣшкомъ, а глядишь и упрочилъ, да вѣдь кого упрочилъ-то? Перваго встрѣчнаго... Любитъ, любитъ разливать добро вокругъ себя, даже до слабости любитъ...

И управляющій долго еще распространялся о великодушіи

своего могучаго патрона. Петръ Иванычъ совсѣмъ утѣшился, и остальные члены бѣдной семьи тоже увидѣли впереди вѣрное спасеніе въ лицѣ великаго Кириллы Егорыча; г. Буровъ говорилъ такъ твердо, положительно, притомъ у него самого была такая сытая физіономія, на толстыхъ пальцахъ такіе дорогіе перстни, на жилетѣ такая массивная золотая цѣпь, что возможность пріобрѣсти по милости откупщика упроченное положеніе отнюдь не казалось мечтою,—Слободины ее видѣли близко, они ее ощупывали...

Но Алексѣю ужасно претило отъ системы подкарауливанья покойниковъ... «Дѣйствительно, оно должно быть очень вѣрно,—но вѣдь это омерзительно...“—Онъ былъ сынъ своего времени, стало-быть былъ полонъ идеалистической вѣры въ торжество какой-то искусно-придуманной и красивой правды на землѣ... Человѣку того времени и во снѣ не снился великій законъ борьбы за существованіе, который, какъ законъ, не подлежитъ ни уваженію, ни презрѣнію; его можно только признать, или не признать; омерзительною можетъ быть только та сфера, искусственная, тунеядническая, паразитная, въ которой онъ проявляется безразлично, какъ и во всякой другой сферѣ жизни. Вотъ къ этой-то сферѣ нельзя относиться спокойно, потому что она порождала такіе ненормальные продукты, какъ каверзники и караульщики мертвецовъ—въ одну сторону, и затертые Петры Иванычи въ другую, а сущность ихъ одна и та же.

Тихо и уныло перекатывались дни въ квартиркѣ Измайловскаго полка. Слободинымъ казалось, что они вовсе не въ Петербургѣ живутъ, а въ какомъ-то забытомъ людьми и Богомъ захолустьи. Шумъ и блескъ столицы, безустанное движеніе экипажей, лихорадочная суета промышляющей толпы, громкія событія, горячка удовольствій, процессіи и гулянья, пожары и иллюминаціи, смѣхъ и стоны,—весь этотъ тяжелый пульсъ сотенъ тысячъ жизней гудомъ-гудитъ гдѣ-то *тамъ*, недалеко, но какъ будто въ иномъ мірѣ... А здѣсь безлюдье,—пустыри, длинные заборы, грязь по колѣно, даже будка стоитъ довольно далеко; только рокотъ

барабановъ, да рѣзкое гоготанье горнистовъ передъ марширующимъ фронтомъ бравыхъ гвардейцевъ напоминали, что тутъ не заштатный городъ Туруханскъ, но и къ этой музыкѣ прислушались.

Заманчивъ и соблазнителенъ былъ тотъ настоящій Петербургъ; молодежь такъ и тянуло туда: Алексѣй заходилъ изъ гимназіи къ Смирдину или Глазунову; Личарда тоже безпрестанно сочинялъ крайнюю необходимость сбѣгать за ваксой къ знакомому сапожнику, или починить сюртукъ даромъ у пріятеля портного, и съ этими важнѣйшими дѣлами онъ часто пропадалъ до глубокой ночи. У всякаго, знать, свое дѣло. Алексѣй однажды тоже не являлся домой цѣлый день, но это былъ случай, выходившій изъ ряду вонъ, имѣвшій не петербургское только, а всероссійское значеніе. Алексѣй съ товарищемъ попалъ въ толчею тысячеголовой толпы, сновавшей по набережной Мойки между Полицейскимъ и Пѣвческимъ мостами. Толпа росла, на лицахъ была мрачная тревога, на губахъ шевелились одни и тѣ же вопросы и толки: „Живъ?—Скончался?—Пускаютъ?—Нѣтъ?—Жандармовъ привели. Чай и не будутъ пускать. Вонъ Жуковскій... Гдѣ Жуковскій?—Къ государю съ докладомъ. Государь самъ сейчасъ пріѣдетъ“.—У подъѣзда одного изъ домовъ толпа была гуще, а говоръ тише, сдержаннѣе — тамъ умиралъ любимый русскій поэтъ... Толпа ловила на лету неразборчивыя вѣсти, расходившіяся отъ подъѣзда; она была просто ошеломлена внезапностью общественной потери и еще не могла сообразить ни ея громадности, ни ея смысла. Она стояла передъ фактомъ, не вѣря въ его очевидность, и если бы изъ окна дома Пущиныхъ кто-нибудь тогда крикнулъ: Пушкинъ живъ!—Пушкинъ сію минуту явится передъ вами!—толпа разразилась бы громкимъ „ура“, забывши даже такую бездѣлицу, что мертвые не воскресаютъ...

Алексѣю удалось войти въ домъ, поклониться покойнику; потомъ, во множествѣ другихъ лицъ незнакомыхъ, но разговаривавшихъ, какъ давно знакомые, онъ оставался до поздняго вечера, ожидая какихъ-нибудь опредѣленныхъ извѣстій насчетъ похоронъ.

Извѣстій никакихъ не было, и никто не видѣлъ, какъ гробъ поэта выѣхалъ ночью изъ воспѣтаго имъ Петербурга.

Вскорѣ распространились слухи о какихъ-то письмахъ, раскрывающихъ тайну кроваваго дѣла, но достать ихъ Алексѣй не могъ. Досталъ онъ ходившее по рукамъ стихотвореніе: „Погибъ поэтъ, невольникъ чести...", и набожно переписалъ его въ завѣтную тетрадку, заключавшую въ себѣ много разныхъ запрещенныхъ плодовъ русской даровитости, несмотря на опасливыя предупрежденія отца, какъ-бы за это въ бѣду не попасть...

Въ мелочной лавочкѣ Измайловскаго полка и о такихъ событіяхъ идетъ шибкая бесѣда; разсказчики врутъ одушевленно и разносятся изъ убогой лавчонки фантастическія легенды о томъ, о чемъ въ Петербургѣ давно уже забыли. Да и тутъ, впрочемъ, скоро все глохнетъ.

Нѣтъ такого глухого уголка, куда бы не проникли горе и полиція... Въ одинъ скверный день въ квартиру Слободиныхъ явился маленькій квартальный съ краснымъ воротникомъ и густѣйшимъ басомъ, который былъ ему какъ-то не по росту и замѣтно женировалъ своего обладателя. Съ квартальнымъ явились два сѣросермяжные тѣлохранителя. Петръ Иванычъ затрясся отъ испуга.

— Извините великодушно,—забасилъ маленькій человѣчекъ; —вы господинъ Слободинъ?

— Я...

— Побезпокоимъ васъ, что дѣлать? наша обязанность такая. Агентъ исполнительной власти зубами развязалъ узелъ пестраго носового платка, въ которомъ завернута была толстая кипа — „дѣлъ къ исполненію", и долго въ ней рылся.

Алексѣй поблѣднѣлъ и въ другой комнатѣ проворно передалъ Алёнушкѣ завѣтную тетрадь, прошептавъ: „отнеси на кухню".

— Что же вамъ угодно?—тономъ покорной невинности вопросилъ Петръ Иванычъ.

— А вотъ сейчасъ-съ,—мучительно медлилъ квартальный.—У васъ имѣется крѣпостной человѣкъ, прозывающійся Яковъ Финогеновъ?

— Да, это мой мальчикъ.

— Будьте великодушны, позвольте мнѣ его видѣть.

— Сдѣлайте одолженіе.

Явился Личарда совсѣмъ посинѣлый. Маленькій квартальный смѣрилъ его взглядомъ, будто завидуя его славному росту и соображая, на что такой ростъ можетъ быть пригоденъ.

— Это ты — Яковъ Финогеновъ?

— Я.

— А у тебя кромѣ этого сюртука, есть еще что-нибудь?

— Чево это?—грубо отозвался Яковъ.

— Экій ты, братецъ, непонятный! — Ну, есть шуба, какія-нибудь вещи?

— Извѣстно, тулупъ есть.

— Надо все осмотрѣть... Тысячу разъ прошу прощенья!—ловко шаркнулъ квартальный и пошелъ на кухню.

Алёнушка прибѣжала оттуда, прижавъ ручонками къ груди тетрадку, которую, казалось, отдала бы только съ жизнію. Братъ ее успокоилъ.

— Ну-съ, намъ придется его взять,—сказалъ квартальный, учинивъ тщательный обыскъ на кухнѣ.—Собирайся, любезный; захвати лишнюю рубаху, верхнее платье и прочее. Можетъ, и нескоро придется домой-то вернуться.

— Трубку и кисетъ можно?

— Можно; бери все, а тамъ ужъ разберутъ, что̀ можно и чего нельзя.—Извините, милостивый государь, законъ!—Онъ опять шаркнулъ и поднялъ плечи выше головы.

Яковъ пошелъ собираться. Петръ Иванычъ пригласилъ квартальнаго сѣсть и робко, партикулярно спросилъ о причинѣ ареста.

— Этотъ секретъ-съ... разумѣется, между благородными людьми, я могу такъ, частнымъ образомъ... Только ради Бога, между нами!.. потому что секретно...

Какъ же это такъ?—подумалъ Алексѣй. Берутъ, вяжутъ, арестуютъ человѣка и не хотятъ сказать за что! Зачѣмъ этотъ се-

кретъ?—Но чинамъ полиціи была внушена одна молчаливость и больше ничего.

— Онъ замѣшанъ-съ въ дѣло о кражѣ вещей у сапожнаго мастера Бассета... проворковалъ квартальный, укротивъ насколько возможно свой басъ.—Это удивительное дѣло-съ! Всѣ мошенники у насъ въ рукахъ, а вещей нѣтъ, точно въ землю ушли. Теперь вотъ пощупаемъ вашего, авось отъ него добьемся чего-нибудь. Еще разъ прошу извиненія! Если я васъ чѣмъ-нибудь обезпокоилъ, то—увы!—мы невиноваты!

И повели бѣднаго Личарду на веревочкѣ въ Нарвскую часть.

— Эхъ, пропалъ парень!—всею грудью вздохнулъ Алексѣй, по нѣкоторымъ даннымъ проникая въ самый темный лабиринтъ внутренней жизни Якова...

Вся семья была въ слезахъ.

IX.

Петръ Иванычъ никуда не выходилъ, расхворался; затаенный, внутренній недугъ исподоволь, но упорно подтачивалъ его силы. Ужъ это былъ не тотъ моложавый совѣтникъ, съ оттѣнкомъ заимствованнаго барства, который весело подтрунивалъ надъ палатскимъ старьемъ и не прочь былъ забѣжать въ Кривой переулокъ; даже это былъ не тотъ глупый провинціалъ, который глазѣлъ на вывѣски и заходилъ къ Палкину;—теперь онъ опустился, сгорбился, лицо пожелтѣло, осунулось, въ волосахъ пробивался пепельный оттѣнокъ, глаза блестѣли тѣмъ пугливымъ синимъ огонькомъ, который жалобно мечется по уголькамъ догорающей печки. Ужъ онъ и въ департаментъ не навѣдывался, даже въ контору Лури его не тянуло. Онъ былъ боленъ, тяжело боленъ, нужно бы по-

лечиться, но можно ли дозволить себѣ такую роскошь, пригласить доктора, когда въ шкатулкѣ всего пятьдесятъ рублей ассигнаціями, а впереди цѣлая вѣчность мучительныхъ ожиданій? Косолаповъ изъ Италіи проѣхалъ въ Одессу и когда водворится въ нанятомъ бель-этажѣ у Гагаринской пристани—неизвѣстно. По убѣдительной просьбѣ больного отца, Алексѣй заходилъ туда частенько, провѣдать когда ждутъ. Съ невыразимымъ волненіемъ, выроставшимъ до ненависти, смотрѣлъ юноша на рядъ пустыхъ, богато убранныхъ комнатъ, гдѣ скоро будетъ утопать въ роскоши маленькое, смугленькое, дьявольски-красивое существо, которое онъ когда-то властно сжималъ въ своихъ мускулистыхъ рукахъ, и съ которымъ теперь у него ничего нѣтъ общаго... Это, конечно, былъ юношескій бредъ, но въ немъ было столько же дѣйствительной, реальной боли, сколько можетъ испытать человѣкъ, которому вырѣзываютъ гангрену...

— Вѣдь вотъ погибъ же Личарда, поддавшись... нѣтъ!— запнулся Алексѣй, — мы еще не знаемъ, отъ чего онъ погибъ... Боже мой, скоро ли его выпустятъ! Мнѣ онъ все скажетъ, какъ товарищу-брату...

Онъ узналъ дорогу и въ Нарвскую часть. Дѣло подвигалось убійственно-медленно. Воры на лицо, все халатники-мастеровые, между которыми, впрочемъ, Яковъ игралъ не послѣднюю роль; уликъ множество, а сознанія нѣтъ — и похищенное въ воду кануло. Частный приставъ обѣщалъ Алексѣю ускорить дѣло и, наконецъ, далъ благой совѣтъ, чтобы Петръ Иванычъ лично представился оберъ-полиціймейстеру съ просьбою наказать крѣпостного человѣка келейно при полиціи и отдать ему, какъ его господину, на поруки. Совѣтъ этотъ хотя былъ практиченъ и представлялся приставу самымъ благополучнѣйшимъ исходомъ, но Алексѣй посмотрѣлъ на него, какъ на совѣтъ немедленно выдернуть коренной зубъ, который только заныл и можетъ прослужитъ очень долго. Однако дѣлать было нечего, Петръ Иванычъ надѣлъ вицмундиръ, сидѣвшій теперь на немъ, какъ широкій чехолъ, и отправился торчать въ пріемную оберъ-полицій-

мейстера. Онъ горькимъ опытомъ позналъ, что съ разу ничего на свѣтѣ не дѣлается, а надо походить да постоять въ пріемной, да надоѣсть тому, кого просишь, а пожалуй кстати и самому себѣ опротивѣть въ плачевной роли просителя такихъ милостей, которыя, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказываются такими же милостями, какъ, напримѣръ, позволеніе дышать воздухомъ, или черпать изъ Невы воду.

Не будемъ разсказывать подробностей освобожденія Личарды изъ частнаго дома, потому что вѣдь сущность-то дѣла совсѣмъ не въ томъ, какъ кого били, а чтó именно выбили изъ субъекта, подвергнутаго операціи, нисколько неудивительной, признанной тогда всѣми за спасительную панацею...

Воротясь домой, Яковъ старался сразу войти въ колею своихъ лакейскихъ обязанностей, какъ-будто ничего не случилось и жизнь его въ домѣ не прерывалась. Онъ усердно чистилъ сапоги, мылъ посуду и прибиралъ въ комнатахъ; говорилъ только о дѣлѣ или молчалъ; невозможно было вызвать его на обычное празднословіе дворовыхъ людей, сыто похлебавшихъ. На Алексѣя онъ не могъ взглянуть прямо и избѣгалъ оставаться съ нимъ глазъ-на-глазъ. Все господское семейство будто сговорилось не поднимать ни словомъ, ни намекомъ воспоминаній о печальномъ эпизодѣ. Это была какая-то совсѣмъ естественная, не преднамѣренная деликатность, которая извѣстна только истинно хорошимъ людямъ. Никто не помышлялъ объ исправленіи Личарды, никто не справлялся о томъ, раскаявается онъ, или нѣтъ, — какъ-будто все уврачевать предоставлено было времени и свободному теченію жизни. Личарда—чего никогда въ немъ не замѣчалось—сталъ весьма сочувственно и серьёзно относиться къ стѣсненному положенію своихъ господъ: онъ, кажется, жалѣлъ каждую сухую корку, которую грызъ, заботился, чтобы лишній вершокъ свѣчи не сгорѣлъ, отказался отъ чая и тономъ суроваго наставника выговаривалъ маленькимъ дѣтямъ: „а вы, Николинька, опять панталоны разорвали; гдѣ папенька возьметъ денегъ-то, коли вы такъ все рвать будете?“ — „Не давайте, барышня, хлѣба чужимъ

собакамъ; ихъ много бѣгаетъ, всѣхъ не накормите, а каждый день полбулки зря пропадаетъ,—вѣдь оно счетъ составитъ".

— Что, папенькѣ скоро мѣсто выйдетъ?—спросилъ онъ Алексѣя нерѣшительно и уставивъ глаза въ полъ.

— Э, не спрашивай лучше!—Ничего и распознать нельзя, что впереди будетъ... Мнѣ все дѣдушкина изба снится,—пѣшкомъ бы туда ушелъ!

— Д-да. Кто бы насъ загналъ сюды, кабы не планида такая вышла?—Человѣкъ думаетъ одно, анъ нѣтъ, врешь,—положено тебѣ такъ, значитъ ужъ какъ ты ни кочевряжься, а по-твоему не выйдетъ...

Алексѣй уже не разъ говорилъ съ матерью, чтобы написать къ дѣдушкѣ; отецъ, какъ подслушалъ эти разговоры, ворчалъ цѣлую недѣлю, что онъ этого не позволитъ, что мы совсѣмъ не въ такой крайности, что наконецъ вотъ скоро... онъ не досказалъ, что скоро тиражъ польской лотереи: ему было неловко, даже стыдно сказать это вслухъ, а между тѣмъ мысль, привыкшая работать въ одномъ изломанномъ направленіи, подсказывала свое, нашептывала обольстительную сказку о сотняхъ тысячъ, падающихъ такъ, здорово-живешь. Отвергая намѣреніе Алексѣя обратиться къ дѣдушкѣ, Петръ Иванычъ, однакожъ, самъ тайкомъ написалъ письмецо къ сестрѣ своей Ермолиной, просилъ выручить изъ близкой бѣды. Значитъ, онъ не отвергалъ просьбу о помощи въ принципѣ, а только хотѣлъ обойтись безъ помощи дѣдушки-мужика... За то и былъ же онъ наказанъ отвѣтомъ майора, пересыпаннымъ барабанною дробью нравоучительныхъ сентенцій о самонадѣянности, о пренебреженіи къ маленькимъ людямъ (подразумѣвались департаментскіе кантонисты), о нашей собственной ничтожности передъ вельможами (понимай — передъ барономъ и княземъ Хвалынцовымъ); въ заключеніе, рекомендовалась паче всего бережливость. „А что касается наличности, то въ сей моментъ оной не имѣю, ибо издержался на постройку флигеря, каковый совмѣстно съ домомъ предназначается вашему же сыну Николашѣ, когда помянутый сынъ, а мой племянникъ,

произойдя съ отличіемъ кадетскій корпусъ, достигнетъ лестнаго званія офицерскихъ чиновъ и неуклонно будетъ слѣдовать моимъ наставленіямъ, чрезъ сорокалѣтнюю безпорочную службу пріобрѣтеннымъ".

Это письмо доконало Петра Иваныча;—онъ вдругъ утратилъ способность что-нибудь совѣтовать и предпринимать, даже ребенку затруднялся отвѣтить на самый простой вопросъ — можно ли побѣгать по двору?

— Не знаю, дружочекъ, какъ хочешь; хочешь иди, хочешь останься,—я не знаю... Да, да, батюшка мой, я ничего не знаю... твердилъ онъ уже самъ съ собою.—Стала замѣчать Анна Дмитріевна, что и водочка, употребляемая какъ лекарство, что-то очень быстро начала исчезать, словно усыхаетъ, особенно вечеромъ, на сонъ грядущій... Не сказавъ никому ни слова, она стала запирать графинчикъ въ шкафъ.—И это лишеніе не вызвало никакого протеста со стороны Петра Иваныча, куликавшаго секретно, даже не огорчило его.—„Что-жъ, видно такъ нужно; я вѣдь самъ ничего не знаю; да, батюшка мой,—я на все соглашаюсь. Пусть и такъ будетъ, мнѣ все равно!..."

Въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ опять случилось въ семьѣ безпокойство: Яковъ ушелъ со двора и четвертый день домой не возвращается. Составлялось множество различныхъ предположеній; Петръ Иванычъ съ дѣтскою улыбкою утверждалъ, что „нашъ Личарда убѣжалъ... и прекрасно сдѣлалъ!—даже полиціи не нужно давать знать, не нужно!—А то еще поймаютъ... Зачѣмъ это?—Пусть себѣ на здоровье по волѣ гуляетъ..."—Алексѣй, сообразивъ, какъ въ послѣднее время былъ задумчивъ и сосредоточенъ Личарда, задался самыми мрачными предположеніями: Нева глубока, ночи темныя, долго ли бултыхнуть съ моста въ воду, никто и не замѣтитъ. Быстриной отнесетъ тѣло куда-нибудь на Голодай—и слѣдъ пропалъ!...

На четвертый день отыскался Яковъ; пришелъ съ двумя какими-то мужиками; пьянъ онъ не былъ, хотя отъ него и несло водкой.

Оставивъ спутниковъ на кухнѣ, онъ вошелъ въ комнату и повалился въ ноги передъ господами.

— Батюшка, Петръ Иванычъ!—Матушка, Анна Дмитріевна!— поймавъ ихъ руки, онъ цѣловалъ съ глубокимъ волненіемъ и не могъ долго выговорить ни слова. На эту сцену вошелъ Алексѣй.

— Братъ ты мой родной, Алексѣй Петровичъ!—и обнялъ его.

— Ну, благослови Господи!—Яковъ перекрестился.—Вотъ что я вамъ теперича скажу, родные вы мои!—вы меня выкормили, выростили, кромѣ ласки отъ васъ я ничего не видѣлъ... И коли я погрѣшилъ, такъ никто въ этомъ не причиненъ... это не нашего ума дѣло!—Теперь, какъ я себя понимаю и вашу тоже тѣсноту горькую видючи, желаю одного—служитъ вѣрой-правдой Богу и государю... вотъ мое желаніе, ужъ не препятствуйте, родимые, — дайте мнѣ это дѣло сдѣлать, — душа его проситъ...

Всѣ глядѣли на него съ тоскливымъ недоумѣніемъ.

— Вотъ эти мужички, что со мной пришли, нанимаютъ некрута. Я съ ними ужъ совсѣмъ поладилъ за три сотни, съ тѣмъ, значитъ, что эти деньги я предоставляю вамъ. Весь я былъ вашъ, стало и эти деньги ваши. А мнѣ особо пятьдесятъ рублей на гулянку дадутъ и шабашъ!—Я очень доволенъ и буду вѣкъ молить за васъ Бога... Ужъ не перечьте вы мому дѣлу душевному...

— Что ты, Яша, Господь съ тобой!—Зачѣмъ это?—Кто тебѣ это внушилъ?—Одумайся!—первая заговорила Анна Дмитріевна.

— Нѣтъ, барыня, ужъ это такъ. Можетъ, я не одну ночь, не одинъ день думалъ... Другого мнѣ конца нѣту... Не погубите меня, пожалѣйте!—Коли не это, такъ я и не знаю, что надъ собой сдѣлаю...

— Какъ это можно, Яша?—Да вѣдь, понимаешь ли ты, что значатъ эти деньги?—Вѣдь это значитъ—продать человѣка, тебя продать въ кабалу для того, чтобы намъ прокормиться два-три мѣсяца...

— Не то это значитъ, Алексѣй Петровичъ,—не то, бра-

тикъ ты мой названный! — Это значитъ, что я человѣкомъ хочу быть, не хуже прочихъ. У васъ, при вашей ласкѣ не умѣлъ быть человѣкомъ, — ну, тамъ буду имъ, гдѣ нашего брата палочьемъ балуютъ. — Это мой самый настоящій ходъ. — А деньги плевое дѣло! По всѣмъ правиламъ, онѣ ваши; объ нихъ и рѣчи разводить не стóитъ. Дозвольте, отцы мои, — за это вамъ и на этомъ и на томъ свѣтѣ Господь воздастъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, — объ этомъ надо много подумать, — заговорилъ и Петръ Иванычъ. — Такъ нельзя! — И первое, что намъ деньги не нужны, совсѣмъ не нужны... мы скоро, можетъ быть, будемъ и сами того... А это больше ничего, какъ сбили тебя какіе-нибудь непутные люди, вотъ ты и лѣзешь въ петлю...

— Баринъ! — въ петлю я точно полѣзу, коли вы меня задержите... Это вотъ вамъ крестъ, передъ Богомъ! — Не губите, сдѣлайте божескую милость... Яковъ залился слезами.

— Дай же намъ разсудить, вѣдь это такое дѣло... не сію же минуту!

— Я еще съ тобою поговорю, Яковъ. Ты скажи мужикамъ, чтобы приходили дня черезъ три, а мы тутъ вмѣстѣ потолкуемъ, подумаемъ, — твердо рѣшилъ Алексѣй.

— Да ужъ оно все равно, хучь три дня, али больше, а конецъ одинъ. Вы какъ хотите думайте, а я съ ними порѣшилъ, при свидѣтеляхъ задатокъ взялъ и могарычи запили, ужъ на попятный нельзя!

Петръ Иванычъ невольно проговорилъ:

— Эка упрямая башка! — Точь-въ-точь отецъ; какъ теперь гляжу на него, — заладилъ свое, хоть ты колъ ему на головѣ теши!...

Ложась спать, Алексѣй пригласилъ Личарду расположиться съ нимъ въ одной комнатѣ и проговорили они до свѣта.

Въ этой бесѣдѣ прошла передъ ними вся минувшая жизнь, ожили всѣ впечатлѣнія дѣтства, воспоминанія облеклись въ живыя краски дѣйствительности, болѣе яркія чѣмъ сама дѣйствительность, потому что изъ повседневнаго хлама выдѣлялись только крупныя явленія, рѣзкія черты, предоминирующіе тоны.

Яковъ съ мѣткимъ юморомъ русскаго человѣка отмѣчалъ каждое воспоминаніе, и чѣмъ оно было значительнѣе, чѣмъ тяжелѣй и горестнѣе была пережитая минута, тѣмъ разымчивѣе становилась его веселость, тѣмъ хлестче вырывались выраженія. Особенность русскаго юмора, кажется, въ томъ и заключается, что онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, не любитъ стѣсняться никакими ретроспективными соображеніями,—позади его нѣтъ никакихъ путъ, обуздывающихъ накипѣвшее на сердцѣ слово; отваженъ этотъ юморъ, сложившій тысячи непечатныхъ присловій и безпощадно освистывающій не только парадную напыщенность, мишуру и лицемѣрное міроѣдство, но и безъисходное голодное горе, и глупую, кругомъ обиженную темноту, которую со всѣхъ сторонъ бьютъ и плакать не велятъ...

— А помнишь Милонова-помѣщика,—какъ ловко мы ему краснаго пѣтуха пустили?—Кабы городничій тогда зналъ, по пирогу бы намъ далъ, а ижицу все-таки вписалъ бы, для порядка; потому она это любитъ,—на ней вѣдь не рѣпу сѣять!—повѣствовалъ Личарда.—А какъ чепуху хоронили, попъ все икалъ; читаетъ-читаетъ, да вдругъ „икъ“.—Стоитъ тутъ на виду самъ начальникъ, кавалерію развѣсилъ, и знать этимъ обидѣлся: что тотъ икнетъ, а этотъ таково строго на него посмотритъ... Опять какъ же и тому быть, когда изъ души претъ?—Переглядываются они такимъ манеромъ, а причетниковъ смѣхъ разбираетъ, ажно за носы хватаются... Потѣха!

И милы были Якову всѣ эти глупыя подробности невозвратно-минувшаго, которому онъ читалъ теперь послѣднее, надгробное слово. Ужъ не съ кѣмъ будетъ ему поговорить о такихъ вещахъ, которыя чужой, посторонній человѣкъ „и въ жизнь не пойметъ“...

Слушая полувнимательно разсказы Личарды, Алексѣй сурово размышлялъ, какъ они, дружно воровавшіе яблоки въ саду Милонова, потомъ, чѣмъ дальше шли тѣмъ больше расходились, и очутилась между ними огромная провалина, черезъ которую невозможно и мостика перекинуть...

— Ну, а скажи пожалуйста, какъ ты съ Анхенъ?—неожи-

данно спросилъ Алексѣй, и радъ былъ, что ночная темнота скрывала его вспыхнувшее лицо.

— Богъ съ ней!—вздохнулъ Яковъ.—Ты, я вижу, лучше моего все понимаешь, Алёша... Вотъ какъ скажу: потерпѣлъ я, но Богъ меня просвѣтилъ; теперича я ужъ не пропаду... А она своего положенія дождется, это вѣрно!—Ей не миновать... Ты напрасно ее такъ мудрено понимаешь... Опять, конечно, все это могло бы по другому быть. Значитъ, линія не вышла... Эхъ!—Что я?—Крѣпостной мужланъ, неучъ... Алёша, зачѣмъ ты меня грамотѣ не выучилъ?

Алексѣя срѣзалъ этотъ вопросъ. Онъ молчалъ, какъ убитый.

— Были мы съ тобой, какъ братья родные, помнишь?—И все промежъ насъ было согласно. Теперь вотъ—какой ты сталъ и какой я?.. Пущай ты разумомъ противъ меня вышелъ, а все же отыми отъ тебя грамоту—и не тотъ ты человѣкъ. Мало ли ты изъ нее начиталъ?—Помнишь, что Сіонскій сказывалъ?—Я помню... Будь я грамотный, можетъ и изъ меня вышло бы что путное... Тогда бы нипочемъ, что и крѣпостной!—Вы люди добрые и я бы вамъ вотъ эти самые триста рублевъ другимъ манеромъ представилъ. А теперь что?—Обозвали меня воришкой съизмальства, а чтó я понималъ?—Дѣлать ничего не умѣю; пошелъ бы въ мастерство, только это самая подлая жизнь,—въ солдаты лучше!—Ну вотъ, хучь бы и въ солдаты теперь иду,—а умѣй читать-писать, мнѣ и тутъ бы совсѣмъ другой ходъ былъ... Что-жъ дѣлать,—не догадались мы съ тобой, Алёша!—Такъ тому и быть!

Слова Личарды, звучавшія не столько упрекомъ, сколько сожалѣніемъ и покорностью, пробили въ головѣ Алексѣя брешь, въ которую толпой хлынули новыя мысли, какъ отчаянные охотники, которые кидаются въ проломъ крѣпости, давя другъ друга въ общей свалкѣ, не разбирая своихъ и чужихъ,—искалѣченные, въ крови и копоти, лишь бы вскочить въ цитадель и прокричать „уру“ осипшимъ, нечеловѣческимъ голосомъ...

— Я не догадался... я грѣшенъ передъ тобой, братъ Яковъ...

шепталъ Алексѣй и въ то же время думалъ: а отчего-жъ никто не догадался?—Отчего *всѣ* не догадались?—Ужели не было умныхъ людей?.. И онъ ломалъ голову, припоминая все читанное, все слышанное,—но жгучій вопросъ его застывалъ въ безотвѣтной, мертвой, молчаливой пустынѣ... Кто-жъ виноватъ, когда я самъ началъ отвращеніемъ къ наукѣ, когда я самъ считалъ ее дворянскимъ дѣломъ, а вотъ, крѣпостной, окалѣченный человѣкъ говоритъ мнѣ, что это дѣло не дворянское только, а общее, человѣческое... Спасибо ему! Онъ мнѣ далъ слишкомъ много, а я не умѣлъ дать ему ничего... Я у него въ неоплатномъ долгу...

— И что за судьба моя странная!—съ ироніей припомнилъ Алексѣй.—Опять она—опять воровская дорога!.. Почему только она приводитъ меня къ тому, что нужно знать человѣку?—Вѣдь до сихъ поръ все самое важное я получилъ оттуда, снизу... Странная, странная судьба наша!

Послѣ этой безсонной ночи Алексѣю стало ясно, что Личардѣ другого хода нѣтъ, и удерживать его глупо.—Я бы самъ такъ поступилъ. Только вотъ зачѣмъ тутъ деньги? Какой-то постыдный торгъ... цѣна крови!—Зачѣмъ эти проклятыя деньги?—волновался размышляющій гуманистъ.

— Ничего тутъ постыднаго нѣтъ. Вѣдь служилъ же вамъ я, и мои родители служили, и весь родъ нашъ служитъ, а за нашу послугу денегъ намъ вы не платите,—выходитъ, мы какъ есть всѣ ваши, и деньги эти ваши правильно. Опять же онѣ вамъ теперь до крайности нужны, ну, и возьмите ихъ на здоровье—и шабашъ объ этомъ!—отвѣчалъ безсознательный реалистъ крѣпостного сословія.

Прошли условленные три дня, а Слободины ничѣмъ не рѣшили своего раздумья о судьбѣ Якова. Мужики навѣдывались съ большимъ безпокойствомъ: они ставили Якова за мѣсто своего меньшого брата, который только-что въ этомъ году женился и для котораго идти на 25-ть лѣтъ въ солдаты равнялось смерти за́живо. Ужъ какъ они ублажали Якова—„да ты не раздумай, паренёкъ, потому что это намъ бѣда!—а мы готовы всякое удо-

вольствіе тебѣ предоставить. Коли ты что недоброе въ мысляхъ держишь, скажи лучше загодя, по чести; а то мы время упустимъ, опосля гдѣ его возьмешь вдругъ, охотничка-то! Ты, родимый, не сумлѣвайся въ насъ; намъ бы поскорѣй сбыть тебя, да и по дворамъ, потому у всякаго тоже свое дѣло ждетъ.

— Я слова не мѣняю, а хотите скорѣй, идите къ господамъ.

Пошли всѣ къ господамъ.—Такъ и такъ, развяжите насъ, кормильцы. Но ни у кого изъ господъ не хватило духа сказать рѣшительное слово; на Алексѣя обратились вопрошающіе взгляды отца и матери. Онъ схватилъ-было фуражку, чтобы убѣжать изъ дома, но спохватился, что вѣдь это дрянное малодушіе... и подойдя къ мужикамъ, сталъ имъ толковать.

— Вамъ, ребята, Яковъ далъ слово, онъ значитъ и хозяинъ своего слова. Притомъ это совсѣмъ не наше дѣло: онъ человѣкъ взрослый;—ни уговаривать, ни принуждать его никто не долженъ:—всякій самъ себѣ голова.

— Это батюшка точно, съ нимъ у насъ слажено; только допрежь всего ваша власть господская; а у насъ лады были, точно.

— Ну, а коли слажено, и конецъ. Формальности, какія нужно, отецъ мой исполнитъ. Ступайте.

Петръ Иванычъ вздохнулъ легче и съ благодарностью взглянулъ на сына: дескать, ты снялъ съ меня тяжелое бремя, вѣдь я этого никогда бы не развязалъ такъ рѣшительно. Анна Дмитріевна горько заплакала.

Начались мелкія, скучныя хлопоты, какъ бы поскорѣе окончить печальное дѣло. Петръ Иванычъ ходилъ въ рекрутское присутствіе; Анна Дмитріевна принялась справлять все для Яши, точно сына родного въ рекрутчину снаряжала. Купила ему образокъ, сходила въ церковь, молебенъ отслужила—и какъ будто ей легче стало; потомъ уже съ спокойнымъ сердцемъ принялась готовить для него всякую мелочь, которая можетъ понадобиться въ походѣ на чужедальной сторонушкѣ. Маленькія дѣти и тѣ стали печальны; не знали какъ и чѣмъ угодить своему Личардѣ; и на всю семью Слободиныхъ точно тяжелое облако налегло.

Сидитъ Анна Дмитріевна за работой, иголка не мелькаетъ такъ быстро, какъ бывало прежде. Подходитъ Алёнушка.

— Мама, Личарда по своей волѣ въ солдаты идетъ?

— Конечно, по своей.

— А зачѣмъ ты плачешь? и Алёша тоже сердитый ходитъ?

— Затѣмъ, что жалко.

— Да, жалко... а вѣдь онъ добрый: мужики ему принесли много-много денегъ, а онъ ихъ всѣ папѣ отдалъ, вотъ какой добрый!—Его къ намъ ужъ не отпустятъ?

— Нѣтъ, угонятъ далеко отъ насъ.

— Ахъ, жалко-жалко!

— Когда меня произведутъ въ офицеры, я непремѣнно въ свой полкъ его возьму,—съ важностью начальника разсудилъ Коля.

Когда Петръ Иванычъ получилъ деньги, принесенныя мужиками, то долго разсѣянно ходилъ съ ними по комнатѣ, будто не зная, куда ихъ положить и совершенно забывъ, на какое употребленіе нужны человѣку деньги. Онъ вспомнилъ объ этомъ на другой день, когда надобно было платить за квартиру и купить сажень дровъ.

Алексѣй былъ правъ, проклиная деньги, замѣшавшіяся въ такое важное дѣло; внутренняя борьба, приведшая Якова къ роковому рѣшенію, никому кромѣ его не была извѣстна и понятна, а затѣмъ оставался голый фактъ: продалъ человѣкъ свою буйную головушку, чтобы спасти господъ отъ голодной смерти... И въ этомъ фактѣ было много горькой правды, отъ которой уйти невозможно...

Не столько по собственному желанію, сколько по общепринятому въ подобныхъ случаяхъ обычаю, Яковъ всякій день гулялъ вмѣстѣ съ своими нанимателями; сидѣлъ въ трактирѣ, заставлялъ играть шарманку, безъ надобности ѣздилъ на лихачахъ-извозчикахъ, все это въ полпьяна, размахивая пестрымъ платкомъ, запѣвая хриплую нелѣпую пѣсню. Скверное это веселье: пьетъ человѣкъ какъ-то нехотя, словно въ душѣ жару подбавляетъ, хохочетъ, пѣсни поетъ, да вдругъ какъ хватитъ по столу

и рявкнетъ такое слово, что бѣдные наниматели даже поблѣднѣютъ, какъ бы то-есть онъ не сдѣлалъ чего надъ собой, вѣдь неровенъ часъ!..

Наконецъ, слава Богу, сдали молодца; всѣмъ вышелъ—и ростомъ и дородствомъ. Военный пріемщикъ даже съ чувствомъ похлопалъ его по плечу, примолвя: вотъ какихъ давайте намъ побольше—гренадеръ!

Въ послѣдній разъ пришелъ къ Слободинымъ уже не ихъ вѣрный Личарда, а Яковъ Финогеновъ, въ сѣрой шинели,—все на немъ уродливо, мѣшкомъ; снялъ фуражку, а лобъ-то забритъ... Этотъ бритый, свинцовый лобъ ужасно тяжело подѣйствовалъ на всѣхъ, и самому Якову казался позорнымъ, тягчайшимъ испытаніемъ. Съ нимъ пришли два старыхъ солдатика,—одного отпустить нельзя.

— Ахъ, Яша, Яковъ, Личарда, Яшинька!—раздалось со всѣхъ сторонъ, когда онъ вошелъ въ комнату такой серьёзный и хмѣлю ужъ ни въ одномъ глазѣ.

— Здравія желаю!—отчеканилъ онъ, будто подсмѣиваясь надъ самимъ собою.

— Ну что, братъ, какъ ты? Гдѣ ты теперь?

— Далеко: на Рожкѣ въ Аракчеевскихъ казармахъ стоимъ покуда; послѣ-завтра въ походъ нашу партію погонятъ.

— Какъ же тебѣ тамъ, ничего?—не обижаютъ?

— Ничего-съ,—вздохнулъ рекрутъ.

— Вотъ только чуба-то жаль... вишь какъ оголили!

— Да, оно конфузно... впрочемъ, скоро заростетъ.

Предлагали ему и поѣсть, и чайку выпить, отъ всего отказался. Все съ дѣтьми, а больше всѣхъ съ Алёшей разговаривалъ. Солдаты, сопровождавшіе Якова, ни отъ чего не отказались, всего пожевали и попили, и старались успокоить всѣхъ на счетъ трудностей военной муштровки.—„Это, ваше благородіе, ничего, вы будьте безъ сумлѣнія, потому намъ не въ первой, мы ужъ привыкли и на ихъ, какъ на малыхъ робятъ, смотримъ. Мы тоже чувствуемъ, и сохрани Богъ некрута обидѣть. Не безъ того, чтобы

и между нашимъ братомъ не попался какой изверекъ, только мы не такіе... Съ нами, братъ, Финогеновъ, молись Богу—ложись спать!

Анна Дмитріевна благословила его какъ мать, и соблюла эту церемонію съ подобающею строгостью. Всѣ помолились, потомъ Яковъ сталъ на колѣни; она троекратно перекрестила его образкомъ, къ которому онъ приложился; поцѣловалъ у ней руку и принялъ образокъ и просфору.

Алексѣй далъ ему записку съ своимъ адресомъ, обязавъ клятвою прислать извѣстіе изъ полка, въ который онъ окончательно попадетъ, и подарилъ ему на память хорошенькую пѣнковую трубочку. Долго бы оставался Яковъ въ этой родной, теплой семьѣ, онъ совсѣмъ забылъ про Аракчеевскія казармы, да ужъ дядька ему подмигнулъ: „пора, не опоздать бы къ перекличкѣ“.

Слободины сидѣли по угламъ, молча, съ красными, опухшими отъ слезъ глазами; даже Петръ Иванычъ прослезился и дѣтски-жалобнымъ голосомъ ронялъ свое обычное: „да, батюшка мой, да, да, такъ!...“

Алексѣй вышелъ за ворота и долго смотрѣлъ вслѣдъ пропадающему навсегда Личардѣ...

X.

Слободины еще не видали въ лицо настоящей петербургской бѣдности, они еще не попали въ ея цѣпкіе когти; только призракъ ея стучался къ нимъ въ дверь, угрожая какимъ-то страшнымъ завтра. Но не все же горе и уныніе—явились и свѣтлые дни. Первый большой и свѣтлый праздникъ былъ для нихъ, когда Алексѣй пришелъ домой съ гимназическимъ аттестатомъ и серебряной медалью.

— Ну, папенька, теперь въ хомутъ меня, да и за работу въ какую-нибудь управу благочинія, неправда ли?—Ходи сынокъ, таскай денежки въ домъ, а не изъ дома,—подсмѣивался сынъ.

— Нѣтъ, братъ, этимъ не шути. Не дай, Богъ, чтобъ мы тебѣ загородили своей нуждой дорогу!—Ступай въ университетъ, тамъ свѣтъ. Будешь настоящимъ человѣкомъ, тогда все само собой придетъ. Мы ужъ какъ-нибудь перебьемся: вотъ скоро Кирилла Егорычъ пріѣдетъ, получу мѣсто и все пойдетъ какъ по маслу.—Вѣдь ты можетъ-быть свѣтиломъ науки будешь!... Вонъ оно что́!

— Ого, куда вы метнули! Просто буду скромнымъ учителемъ,—я по филологическому.

— Дѣльно, братъ, дѣльно! Учитель—это самое благороднѣйшее званіе. Это не чиновникъ, нѣ-ѣтъ! Я никогда себѣ не прощу... Эхъ, что и вспоминать! Учитель,—капиталъ въ головѣ, а добра-то сколько всякій день посѣваешь!...

— Да я ужъ и теперь кое-что посѣялъ, не знаю что выростетъ, можетъ, волчцы, ха-ха!—Двухъ моихъ учениковъ въ гимназію приняли.

— Да, Петръ Иванычъ, ужъ онъ давно мнѣ заработанныя денежки носитъ.

— Вотъ какъ!—и выслушавъ отчетъ о педагогическихъ трудахъ и заработкахъ Алексѣя, растроганный отецъ обнялъ сына какъ-то бережно, осторожно, точно драгоцѣнную и хрупкую вещь, съ которою надо обходиться какъ можно деликатнѣе, чтобъ не помять ее, какъ-нибудь не испортить.

А сынъ подумалъ,—это грошовая радость, вотъ еслибъ Личарда поблагодарилъ меня...

— Ты, голубчикъ, пожалуйста не жалѣй денегъ, экипируй себя прилично, чтобъ не хуже другихъ быть. Не знаю, не написать ли къ дядѣ объ нашей радости?

— Ха, это ему такая же радость, какъ пѣтуху алмазъ. Нѣтъ, ужъ пощадите гривенничекъ-то, онъ пригодится на другое письмо, вотъ на-дняхъ Колю въ корпусъ потребуютъ, это будетъ настоя-

щая майорская радость. О себѣ я лучше къ дѣдушкѣ напишу, деревенскій попъ прочтетъ ему мое посланіе и растолкуетъ все по пальцамъ, тамъ точно будетъ радость. Ведро вина поставитъ, браги наваритъ — пейте православные, наши въ конъ пошли.— Такъ ли маменька?

Анна Дмитріевна вся насквозь сіяла, и, глядя въ лицо сыну, смѣялась, и плакала, и цѣловала его сѣрые глаза, не находя ни одного сколько-нибудь подходящаго слова.

Скоро и Колю потребовали въ корпусъ. Эта вторая радость была сопряжена съ заботами и уже знакомымъ Петру Иванычу торчаньемъ въ разныхъ пріемныхъ,—не такъ какъ первая, которая пришла сама собою, простая и ясная... Не разъ пришлось дѣлать Петру Иванычу солидные походы изъ Измайловскаго полка на Петербургскую сторону, гдѣ среди лажучекъ и огородовъ возвышалось громадное зданіе кадетскаго корпуса. Наконецъ-то мальчикъ сданъ на руки военнаго начальства, переодѣтъ въ казенную куртку; въ домѣ стало тише, просторнѣе, однимъ безполезнымъ ртомъ меньше. Коля былъ неглупый мальчикъ, но надоѣдалъ всѣмъ неугомонною шумливостью, деспотизмомъ и совершеннымъ безучастіемъ къ семейному горю. Эта послѣдняя черта бросалась въ глаза особенно Алексѣю; нѣсколько разъ принимался онъ толковать братишкѣ, что положеніе ихъ виситъ на волоскѣ: не дадутъ отцу должности, послѣдняя копѣйка уйдетъ на послѣдній фунтъ хлѣба—и что тогда?—По міру идти... Но Коля все это мимо ушей пропускалъ; побѣжитъ въ прискочку, разорветъ себѣ локоть, разобьетъ стаканъ, тарелку, совершенно не думая, что это онъ бьетъ по тощему кошельку отца. Иногда онъ даже проговаривался о своихъ блестящихъ надеждахъ, когда будетъ офицеромъ и наслѣдникомъ всего дядинаго богатства, — дескать, за себя я покоенъ, а вы пропадете, или нѣтъ, какое мнѣ дѣло!— Алёнушка меньше его, а какая стала внимательная и смышленая дѣвочка: ужъ знаетъ почемъ что продается на рынкѣ и все тянется, чтобы поскорѣе выврости, выучиться шить и ходить на Сѣнную вмѣсто мамы, у которой старыя ножки устаютъ.—Зани-

маясь съ дѣтьми уроками, Алексѣй частенько увлекался недобрымъ чувствомъ и вымещалъ на Колѣ накипѣвшую досаду, ставя его въ уголъ, или оставляя безъ чаю. Коля свирѣпѣлъ, огрызался, и между братьями исподоволь установились враждебныя отношенія. Разсудить ихъ было некому: отецъ совершенно пассивенъ и только твердитъ свой унылый припѣвъ—„да батюшка, да, такъ...“, а мать тоже судья плохой и явно пристрастный къ своему Алёшѣ.

Обрадовали извѣстіемъ дядю и тотъ немедленно прислалъ письмо, написанное перомъ витіеватаго каптенармуса, и десять рублей, на пряники новому кадету. Коля видѣлъ въ этихъ десяти рубляхъ торжество своихъ надеждъ на блестящую будущность, и настоятельно требовалъ. чтобы деньги непремѣнно были отданы его ротному командиру,—и въ этомъ опять-таки сказалось,—что я-де совсѣмъ особая статья, ничего общаго съ вами не имѣю.

Нѣсколько времени новичка изъ корпуса домой не отпускали, пока не привыкнетъ носить киверъ и тесакъ, и пока не выучится ловко дѣлать фронтъ передъ каждымъ офицеромъ. Анна Дмитріевна путешествовала въ корпусъ, посмотрѣть на сына, приносила ему домашнихъ пирожковъ и яблоковъ. Пирожки и яблоки Коля бралъ, но въ пріемной залѣ сидѣлъ съ матерью какъ на иголкахъ. Анна Дмитріевна была одѣта какъ всегда, не щегольски, конечно, въ простенькомъ драдедамовомъ салопчикѣ, сшитомъ дома, похожимъ и на салопъ и на капотъ; на головѣ капоръ тепленькій, чтобъ въ уши не надуло, время стояло осеннее; въ рукахъ ридикюль. При встрѣчѣ съ дежурнымъ офицеромъ она кланялась вѣжливо и степенно, почти въ поясъ, сѣла на край дивана и все покушалась встать при проходѣ черезъ залу всякаго кадета, всякаго начальника. Сидя съ матерью, Коля слышалъ за дверью хихиканье товарищей и видѣлъ, что они нарочно проходятъ черезъ пріемную, чтобы бросить насмѣшливый взглядъ на посѣтительницу и даже состроить за спиной ея потѣшную гримасу, причемъ хихиканье за дверью раздавалось дружнымъ залпомъ.

— Что это они, надо мной что ли смѣются?—просто и кротко спросила мать.

— Какъ можно, маменька! они не смѣютъ...

— Отчего же? у меня капоръ точно не модный, да что-жъ дѣлать-то? другого взять негдѣ, и этотъ хорошъ для меня старухи.—По уходѣ матери, Коля попробовалъ-было что-то замѣтить насмѣшникамъ, но былъ порядочно вздутъ; признавъ превосходство физической силы и молодечества, онъ подладился къ товарищамъ и черезъ часъ за-одно съ ними хохоталъ и поѣдалъ въ компанiи пироги и яблоки.

— Ай да старушка! вкусные пироги печетъ твоя, братъ, старушка. Ты вели ей приносить почаще, веселѣй будетъ,—твердили новичку старые, кривоногiе кадеты.

Не безъ удовольствiя дождалась мать, когда отпустили домой сынка въ куцомъ мундирчикѣ, портупеѣ черезъ плечо и въ такомъ тяжеломъ киверѣ, который надолго оставлялъ на лбу багровый рубецъ. Коля ужасно чванился и важничалъ своей военной выправкой, усвоенной имъ скорѣе всѣхъ другихъ новичковъ; вмѣстѣ съ выправкой онъ также чрезвычайно скоро усвоилъ и всѣ понятiя, привычки и дикость старыхъ кадетъ, выработанныя въ душной казарменной атмосферѣ. Онъ началъ испытывать на сестрѣ прелести разныхъ штучекъ, отъ которыхъ неизбѣжно вскакивали на головѣ шишки, прiобрѣтались синяки и выступали слезы, но выходило ужасно смѣшно... Алексѣй довольно рѣзко остановилъ его.

— Ты, ундеръ, не слишкомъ тутъ вольничай! Отведемъ въ корпусъ и брать больше не станемъ, да еще ротнаго командира попрошу, чтобъ онъ тебя выдралъ хорошенько.

— Молчи ты, сиволапый мужикъ.

— Что-о?

— Ты мужицкое отродье и не смѣй лѣзть къ дворянину...

— А, вотъ что!—и Алексѣй жестоко выдралъ уши дворянину. Родителей глубоко огорчала эта, какъ они называли, врожденная ненависть братьевъ.

— Я стыжусь, маменька, объяснять вамъ до какой степени это гадкій, безсердечный и развращенный мальчишка. Спросите-ка, на что онъ мѣтилъ, назвавши меня мужицкимъ отродьемъ... Ну, да я его отъучу отъ этихъ дворянскихъ замашекъ!—Кромѣ этой вѣчной войны между сыновьями, родителей печалило и то обстоятельство, что посѣщенія кадета стоили имъ всякій разъ большихъ хлопотъ и расходовъ. Безъ провожатаго его не отпускали; нужно было ходить за нимъ отцу или брату; отправлять назадъ такимъ же порядкомъ. Изъ Измайловскаго полка на Петербургскую сторону—не близкій свѣтъ; поздняя осень, грязь, холодъ,—приходится брать извозчика, да еще дать кадету узелокъ чего-нибудь съѣстного; эта исторія всегда обходилась не меньше цѣлковаго, а на цѣлковый можно два дня прожить всему семейству. Эти съ виду маленькія, но тяжелыя для бѣдныхъ людей издержки и затрудненія дѣлали посѣщенія кадета очень непріятнымъ долгомъ родительской нѣжности, — жертвою, которая не выкупалась никакимъ разумнымъ удовольствіемъ. Уже подумывали Слободины перебраться поближе къ корпусу, имъ будетъ удобнѣе, да и Алёшѣ не такъ далеко ходить въ университетъ, хотя на это онъ никогда не жаловался,—но случилось такое внезапное, впрочемъ очень обыкновенное событіе, которое разрушило всѣ планы и предположенія бѣднаго Слободинскаго гнѣзда...

Въ концѣ ноября погода стояла ужасная; падалъ снѣгъ съ дождемъ и дулъ свирѣпый порывистый вѣтеръ. Проводивши Колю въ корпусъ, Петръ Иванычъ возвращался пѣшкомъ; на бѣду его въ этотъ вечеръ исакіевскій мостъ развели и онъ болѣе получаса переправлялся черезъ Неву на большомъ ялботѣ. Домой пришелъ насквозь промокшій, продрогшій до костей: легъ въ постель и, несмотря на три стакана чая, не могъ возбудить въ своемъ изношенномъ тѣлѣ испарины. Въ головѣ страшно шумѣло, въ глазахъ ходили желтые круги, всю ночь провелъ онъ въ безпокойномъ бреду. Утромъ однако почувствовалъ себя бодрѣе, одѣлся и вдругъ ему представилась неотложная надобность идти въ городъ.

— Полно, побойся ты Бога,—куда идти въ такую погоду? Вѣдь вечо́ръ тебѣ было такъ худо, что хоть за докторомъ посылай, а онъ идти!—уговаривала жена.

— Необходимо, необходимо, батюшка мой! Ты не знаешь... Э, да что съ тобой толковать! Говорятъ тебѣ—необходимо.

Въ это утро Петръ Иванычъ вдругъ сталъ капризенъ и даже сварливъ,—чего въ послѣднее время за нимъ не водилось. Накинувъ ватошную шинель, онъ побѣжалъ... Побѣжалъ въ Большую-Морскую, побѣжалъ съ замираніемъ сердца, какъ двадцатилѣтній юноша на любовное свиданіе.

Въ знакомой конторѣ онъ пробылъ недолго; взялъ въ дрожащія руки таблицу послѣдняго лотерейнаго тиража, взглянулъ на первую цифру, и въ глазахъ у него помутилось... Противъ самаго крупнаго выигрыша стоялъ его нумеръ. Онъ протеръ глаза...

— Да, это мой... то самое... только зачѣмъ на концѣ нумера стоитъ цифра 6, а у меня 7... Отчего же тутъ не 7? Должно быть 7, непремѣнно 7... все такъ въ порядкѣ какъ слѣдуетъ, и вдругъ 6?.. Это нелѣпо, не можетъ быть! Это вѣрно опечатка...

Онъ спросилъ,—опечатки никакой быть не могло, за вѣрность таблицы ручаются. Дальше ужъ ничего Петръ Иванычъ не помнилъ; кажется, онъ въ конторѣ заплакалъ, а другіе смѣялись, или другіе плакали, а онъ смѣялся... Какъ онъ вышелъ изъ конторы и сколько времени шелъ, все это для него осталось совершенно неизвѣстно. Только домой прибрелъ онъ въ такомъ видѣ, что жена и дѣти перепугались; разстегнутый, распахнутый, блѣдный, потерялъ гдѣ-то одну калошу и носовой платокъ. Ничего не разсказываетъ, твердитъ только свое: „да, батюшка мой, такъ, такъ!“ —но твердитъ это какимъ-то ожесточеннымъ голосомъ. Подумали, что онъ рехнулся, однако нѣтъ — всѣхъ узнаетъ и проситъ, чтобъ его оставили въ покоѣ. Анна Дмитріевна сама раздѣла его и уложила въ постель; онъ повиновался, какъ кроткій ребенокъ.

Къ вечеру ему стало гораздо хуже; онъ стоналъ на весь домъ, такъ что сосѣди присылали спросить, что́ случилось. Алексѣй побѣжалъ за докторомъ.

— Плохо! — сказалъ задумчиво докторъ. — Слѣдовало бы предупредить. — Давно онъ въ такомъ положеніи?

Ему все разсказали обстоятельно.

— Можно поставить на грудь мушку; давать по ложкѣ мадеры или хереса, когда попроситъ пить; легче мокроты будутъ отдѣляться. Больше пока ничего.

Выйдя въ другую комнату, докторъ отвелъ Алексѣя въ сторону. — Вы, молодой человѣкъ, понимаете, что врачъ иногда не въ силахъ ничего сдѣлать. Организмъ плохой, истощенный, — тутъ и маленькая простуда опасна, а такая... ммъ! — Я совѣтую вамъ, не теряя времени, перевезти его въ больницу; все-таки тамъ больше средствъ, покойнѣе и для васъ лучше. Эти стоны и хрипота могутъ усилиться. — Наконецъ, я не могу быть тутъ постоянно, а тамъ дежурный врачъ... Словомъ, вотъ все, что я могу совѣтовать.

— Да что же у него такое, докторъ?

— Видите, это случай довольно опасный; можетъ произойти отёкъ легкаго... впрочемъ, трудно сказать. Лучше всего въ больницу. — Докторъ уѣхалъ съ покойною увѣренностью, что ему тутъ дѣлать нечего.

Стоны и хрипѣнье больного становились невыносимѣе; мушка не брала. Онъ проклиналъ мадеру и бормоталъ, зачѣмъ его отравляютъ этой гадостью. Вечеромъ Алексѣй перевезъ отца въ Обуховскую больницу, и хоть былъ не медикъ, а тоже съ рѣзкою увѣренностью сказалъ: — кончено, это все напрасно... Это ужъ начинаются похороны...

Несмотря на полную безнадежность, Алексѣй безъ слезъ, съ желѣзною твердостью, заботился обо всемъ, что могло облегчить страданія умирающаго. Онъ и мать, чередуясь, не покидали его ни на минуту. Анна Дмитріевна поддалась обычной въ этихъ случаяхъ женской слабости къ соблюденію разныхъ обрядностей, отъ которыхъ умирающему нисколько не легче. Она даже поѣхала

за Колей, но всѣ мосты черезъ Неву разведены и переправы нѣтъ. „Знать такъ ему и не суждено проститься съ отцомъ... А вѣдь и захворалъ-то бѣдный мой дружокъ съ того вечера, какъ Колю провожалъ!...“ неутѣшно хныкала Анна Дмитріевна.

— Э, маменька, что за нѣжности!—злобно замѣтилъ Алексѣй, выведенный изъ терпѣнія всѣми мелочными заботами матери о соблюденіи внѣшняго декорума вокругъ умирающаго. — Вы уѣзжали, а онъ васъ спросилъ, хотѣлъ сказать что-то, можетъ быть, важное... Теперь безъ сознанія. Посидите, я сбѣгаю домой, провѣдаю Алёнушку, вѣдь она тамъ одна.

Дома Алексѣй нашелъ пакетъ на имя отца, — Буровъ увѣдомлялъ, что „по ходатайству нашего уважаемаго Кирилла Егоровича, его превосходительство, баронъ Эдуардъ Францовичъ Эггерсъ соизволилъ опредѣлить васъ на мѣсто...“

Алексѣй не дочиталъ,—швырнулъ письмо...

Въ дребезжащей извощичьей каретѣ Алексѣй Слободинъ съ матерью и Алёнушкой возвращались съ Митрофаньевскаго кладбища по московскому шоссе. Онъ узнавалъ знакомые предметы, они также непривѣтливо глядѣли, какъ и два года назадъ; а онъ будто снова въѣзжалъ въ Петербургъ изъ дальней дороги, но уже не провинціальнымъ мечтателемъ, — сзади его легла могила отца да солдатская шинель Личарды; впереди какая-то осенняя слякоть, ненастье; а тутъ подлѣ него, на его рукахъ, мать и сестра. Алексѣй сурово задумался...

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

I.

Схоронивъ отца, Алексѣй остался главою семьи, единственнымъ ея радѣльцемъ и кормильцемъ, — а средствъ къ жизни никакихъ; приходилось добывать все это въ ущербъ своей будущности. „Трудно ли мнѣ будетъ, легко ли, объ этомъ разсуждать нечего; такъ надо!“ — Съ университетомъ приходилось распрощаться и прямо искать хлѣба,—то-есть казеннаго, или частнаго мѣста. И онъ съ суровою рѣшимостью обратился къ практической сторонѣ жизни: подыскалъ нѣсколько выгодныхъ кондицій, заручился работою въ какой-то купеческой конторѣ,—и по наружности спокойно шелъ на жизнь, полную лишеній, обезпечивавшую только возможность не умереть съ голода; — а о себѣ— о своихъ личныхъ стремленіяхъ и потребностяхъ приходилось забыть... Но вдругъ онъ неожиданно остановился съ исполненіемъ этого смертнаго приговора лучшимъ своимъ надеждамъ.

Любящій глазъ матери подмѣтилъ, что подъ личиною спокойствія въ сынѣ происходитъ что-то неладное, онъ насилуетъ

себя и страдаетъ. Она очень осторожно напомнила ему о существованіи дѣдушки. Алексѣй только покачалъ головою. Анна Дмитріевна однако не оставила этой мысли и со слезами не разъ умоляла сына написать дѣду, — если не просить о помощи, то по крайней мѣрѣ узнать, живъ ли онъ—и тогда она съ дочерью поѣдетъ къ нему на знакомую ей жизнь въ деревенской избѣ... „Вѣдь мы, дармоѣдки, тебѣ руки связываемъ...“

Разстаться съ матерью было ему тяжело, но загубить Алёнушку въ деревенской глуши, отнять у нея возможность образованія, — казалось просто преступленіемъ. Послѣ долгихъ мучительныхъ колебаній, Алексѣй пришелъ къ тому выводу, что отказаться отъ помощи дѣда было-бы пустымъ фанфаронствомъ; вѣдь онъ возьметъ у него деньги не для прихотей праздной жизни;—а черезъ три года занятій въ университетѣ возвратитъ сторицею этотъ долгъ если не дѣдушкѣ, то обществу... „Три года, только три года!—и я не безсмысленный добыватель куска хлѣба, а сознательный работникъ на пользу общую!...“ Такъ мечталъ юноша.

И онъ написалъ прямое, откровенное письмо дѣдушкѣ Дмитрію Логиновичу. Письмо Алексѣй адрессовалъ въ городъ N на имя купца Конникова, прося его передать дѣду, или извѣстить о судьбѣ его. — Около двухъ мѣсяцевъ прошло въ томительномъ ожиданіи отвѣта.—Живъ ли старикъ и какъ-то онъ теперь обрѣтается? — Хоть онъ и предлагалъ когда-то отцу „представить тыщи“, но это было такъ давно, а положеніе крестьянина, состоящаго въ полнѣйшей зависимости отъ самодура-купца, не представляетъ никакой прочности...

Наконецъ, отвѣтъ пришелъ. Мы приведемъ его въ подлинникѣ, сдѣлавъ правописаніе удобочитаемымъ и оставивъ грамматику на отвѣтственности неизвѣстнаго грамотѣя, строчившаго посланіе со словъ Дмитрія Логиновича:

Милому и любезному моему внучку, Алёшенькѣ.

Письмецо твое, пущенное 24-го ноября мѣсяца, до насъ до-

шло. Изъ онаго освѣдомился я о преставленіи твоего папеньки, Петра Ивановича. Сколь мнѣ это прискорбно было, ну что-жъ?—на все власть Божія. А какъ я усматриваю изъ того же письма, что онъ, вашъ папенька, царствіе ему небесное, никакого имѣнія вамъ не оставилъ, и на чужой сторонѣ ты должонъ съ матерью и малыми ребятами всякую нужду претерпѣвать;—и мнѣ доподлинно извѣстно, что господинъ онъ былъ души доброй и никого по хрестьянству не притѣснялъ и не изобидѣлъ. Помня его благодѣянія и то, что завсегда бывши готовъ моей послугой на помочь въ тѣснотѣ, то посылаю тебѣ, любезный внучекъ, при семъ письмѣ моемъ тысячу рублей ассигнацій; прими Бога для и не осуди за малое, ибо на предбудущее время я также вѣрно присылать буду каждое полугодіе; мнѣ не надо, лишь бы тебѣ препятствія не произошло. А о себѣ скажу вамъ, что я изволеніемъ Вседержителя живъ и здоровъ. Лѣтошній годъ, по великой милости благодѣтеля нашего Гаврилы Федулыча, срубилъ себѣ новую избу совсѣмъ въ лѣсу и тамъ обрѣтаюсь во славу Господа нашего Исуса Христа, а мірскимъ дѣломъ не занимаюсь, тѣмъ паче, что на лѣвый глазъ совсѣмъ ослѣпъ. Памятуй всегда, Алёшенька, что по нонѣшнимъ временамъ соблазны многи въ міръ входятъ. Науки произойди собственно, чтобы большихъ чиновъ достигнуть, а ты все остерегайся, блюди свою внутреннюю, ради спасенія души и жизни вѣчной. Будешь большой господинъ не забудь и насъ темныхъ, ибо сказано: юже мѣрою мѣрите, тако воздастся и вамъ. А чего недописано въ семъ, и все то объявитъ тебѣ оный вѣрный человѣкъ, тотъ самый, кой сіе подастъ. Не сумнѣвайся въ немъ. Матери твоей Аннѣ и всему дому благодать.—Твой богомолецъ Дмитрій Логиновъ».

Эту грамотку принесъ Слободину какой-то мѣщанинъ, подслѣповатый, съ морщинистымъ лицомъ и рѣденькой бородкой. Письмо было запечатано, но безъ вложенія денегъ; податель вынулъ изъ-за пазухи завернутыя въ платокъ ассигнаціи и вручилъ ихъ особо, прося пересчитать.

Алексѣй былъ крайне смущенъ,—помощь дѣда превзошла

всѣ самыя смѣлыя его ожиданія. Мѣщанинъ тоже затруднялся и усиленно мигалъ глазами.

Разговоръ не клеился. Послѣ нѣсколькихъ совершенно пустыхъ вопросовъ и лаконическихъ отвѣтовъ, мѣщанинъ сталъ прощаться, пообѣщавъ черезъ три дня зайти за отвѣтомъ, который настоятельно рекомендовалъ не посылать по почтѣ „для вѣрности".

— Вы стало быть изъ тѣхъ мѣстъ?—спросилъ Алексѣй.

— Нѣтъ, мы здѣшніе, а только имѣемъ постоянное сообщеніе, такъ какъ тоже состоимъ при лѣсной торговлѣ Гаврилы Федулыча, при здѣшней ихней, значитъ, конторѣ.

— Позвольте узнать, какъ васъ зовутъ и гдѣ живете?

— Въ Ямской живемъ. Прозываюсь я Тихонъ Ѳедосѣевъ. Да вы не извольте безпокоиться, вѣрно зайду-съ. Приготовьте письмецо. Просимъ, батюшка, прощенія!

Необыкновенность происшествія, воскресшія надежды, радость матери, совсѣмъ сбили съ толку Алексѣя. Въ рукахъ у него осталось письмо и порядочная пачка денегъ, — по этимъ только признакамъ онъ сознавалъ, что появленіе мѣщанина не сонъ.

Приготовляя отвѣтъ дѣдушкѣ, Алексѣй обратилъ вниманіе на нѣкоторыя странности его письма, которыхъ онъ истолковать былъ не въ силахъ и обдумалъ цѣлую систему вопросовъ Ѳедосѣеву. Черезъ три дня мѣщанинъ явился, но такъ искусно повелъ дѣло, что самъ забросалъ Алексѣя вопросами, съ наивнымъ участіемъ вошелъ во всѣ подробности его жизни и даже его плановъ на будущее.

— Что-жъ, ученіе—это похвально-съ. Ныньче ученію дается большая привилегія и даже по службѣ государственной ходъ вольнѣе. Ну, а покамѣсть значительныхъ чиновъ достигнете, нужна поддержка, чтобы въ пустякѣ какомъ домашнемъ недостатка не терпѣть, — вотъ и слава Господу-Богу, что дѣдушка можетъ вамъ въ этомъ дѣлѣ поруководствовать!

— Да скажите пожалуйста, откуда у дѣдушки такія большія деньги?

— А никто какъ Богъ-съ. Онъ, Вседержитель. невидимо намъ посылаетъ за правильную жизнь... Объ этомъ вы тоже не безпокойте себя: я отъ старика имѣю такой наказъ, коли что вамъ занадобится, чтобы это сейчасъ же удовлетворять. Онъ у насъ старикъ именитый; вотъ ужъ почитай пятнадцать годовъ служитъ хозяину. Чего-нибудь это, сударь, стóитъ! — Я по временамъ навѣдываться къ вамъ буду-съ. Желаю всякаго благополучія.

И въ этотъ разъ Ѳедосѣевъ ушелъ, избѣжавъ самыхъ существенныхъ вопросовъ.

Алексѣй пріискалъ приличную квартирку на Васильевскомъ островѣ около Малаго проспекта, въ деревянномъ отдѣльномъ флигелькѣ, угождая вкусамъ матери, питавшей какую-то неодолимую боязнь къ огромнымъ многолюднымъ домамъ. — „Точно ты въ казармѣ живешь. а не у себя дома.—говаривала она, — содомъ-содомомъ! А такъ-то особнячкомъ лучше, въ сторонкѣ, да въ тишинѣ. Можно и птицу свою домашнюю завести, выгодно;—да, признаться, я и люблю-таки, когда на дворѣ насѣдка клокчетъ, или вечерней порой собачка подъ окномъ тявкаетъ. — ну и кажется, что въ своемъ углу живешь“.

Анна Дмитріевна набожно хранила любовь свою къ простой жизни и пережитой старинѣ, не поддавалась она петербургской выправкѣ, какъ смолоду не поддалась грамотѣ.—И сынъ съ сердечною теплотою уважалъ въ ней всю уцѣлѣвшую простоту привычекъ и, такъ-сказать, непосредственность натуры крестьянской дочери. Онъ самъ, какъ мы видѣли, созрѣвалъ въ прямыхъ отношеніяхъ къ простымъ людямъ; эти отношенія дали ему слишкомъ много, такъ что теперь, выйдя на широкій просторъ умственнаго развитія, онъ опирался на основы, выработанныя въ немъ прошлою жизнію.—разрывъ съ ними былъ для него немыслимъ...

А работалъ онъ очень много помимо профессорскихъ лекцій—отъ всѣхъ кондицій отказался: единственною его кондиціей были занятія съ сестрой Алёнушкой—и сколько наслаж-

деній доставляли ему эти занятія! Дѣвочка оказалась несовсѣмъ обыкновенной ученицей: она рѣшительно не вѣрила тому, что написано въ книжкѣ, требовала чтобы братъ доказалъ ей, что это дѣйствительно такъ, сущая правда; за то, когда братъ докажетъ, то ужъ не было силы, которая могла бы заставить ее хоть на мигъ усомниться въ доказанной истинѣ. Оставивъ книжку, она съ большимъ умѣньемъ помогала матери въ управленіи ихъ маленькимъ хозяйствомъ, въ которомъ не было не только никакихъ прорѣхъ, а замѣчалось даже скромное благосостояніе. Вообще, послѣ смерти Петра Иваныча, жизнь Слободиныхъ потекла ровнѣе, спокойнѣе; каждый занимался своимъ дѣломъ, зналъ куда и зачѣмъ идетъ; надъ семьею не висѣлъ угрожающій призракъ неизвѣстности о завтрашнемъ днѣ, нелѣпой случайности—завтра стать богачемъ или пойти по-міру. Алексѣй даже сжегъ всѣ оставшіеся послѣ отца лотерейные билеты.

— Хорошо намъ теперь, Алёшенька,—говорила Анна Дмитріевна;—кабы отецъ-то послушался меня, да зáгодя обратился къ дѣдушкѣ, не узнали бы мы столько слезъ и горя... Теперича мы хоша и успокоены, а еще лучше стало бы, если намъ совсѣмъ переѣхать къ дѣду... Не люблю я этого Петербурга, точно въ клѣткѣ сидишь запертая.—Вотъ только что ученье твое требуетъ, а то бы я съ великой душой уѣхала... Но Алексѣй таилъ какую-то тревожную мысль насчетъ дѣдушки.

— Нѣтъ, мамочка, это не годится. Старика мы стѣснимъ, будемъ ему въ тягость... Потомъ, не одинъ я долженъ учиться, вѣдь у насъ ростетъ Алёнушка... Вы не думайте, чтобы я такъ ужъ и возложилъ всѣ упованія на дѣдушкинъ сундукъ... Теперь —дѣлать нечего—вынужденъ имъ пользоваться, да и то весьма осторожно; сами видите, трачу ли я лишнее,—а вѣдь могъ бы, пожалуй, барскіе тоны задавать... Только было ли бы это честно?—Вотъ постойте, кончу курсъ, перейдемъ на свои хлѣба,—и дѣдушку утѣшимъ, что не зря пошла его помощь.

Однажды Алексѣй спросилъ:

— Какъ вы думаете, маменька, чтó бы это значило, что дѣ-

душка въ лѣсу совсѣмъ поселился, мірскимъ дѣломъ не занимается и о соблазнахъ проповѣдуетъ?

— А что-жъ,—старый человѣкъ,—извѣстно, надо и о душѣ подумать. По нашимъ мѣстамъ это не рѣдкость, — еще иной схиму приметъ, да молчальникомъ въ кельи сидитъ. Объ этакомъ дѣлѣ и судить не слѣдуетъ,—грѣшно!

Алексѣй, конечно, не удовлетворился этимъ объясненіемъ.

Таинственный Тихонъ Ѳедосѣевъ навѣщалъ Слободина довольно часто и вмѣсто писемъ отъ дѣдушки приносилъ его благословеніе.—„За болѣзнью и недосугомъ не пишетъ; да правду сказать, у нихъ тамъ и писать-то не сподручно—иной разъ и человѣка такого нѣтъ, чтобы написалъ какъ слѣдуетъ,—и что-жъ въ этихъ письмахъ-то?—Одно пустословіе...“ Деньги Ѳедосѣевъ доставлялъ аккуратно.

Молодой студентъ встрѣчалъ его сперва съ любопытствомъ, какъ психіатръ встрѣчалъ интереснаго субъекта; мало-по-малу къ этому любопытству примѣшался интересъ болѣе серьёзный...

Къ его приходу покупался медъ—Тихонъ чай пилъ съ медомъ, считая сахаръ скоромнымъ. Затворившись въ своей комнатѣ, Алексѣй бесѣдовалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Какъ ни скрытенъ былъ Тихонъ Ѳедосѣевъ, а черезъ полгода знакомства, Алексѣй, опираясь на письмо дѣдушки, успѣлъ добиться отъ него нѣсколькихъ хотя косвенныхъ полупризнаній.—Тихонъ ничего прямо не говорилъ, но для Алексѣя стало ясно, что дѣдушка принадлежитъ къ обширной раскольничьей сектѣ, во главѣ которой стоялъ богатѣйшій купецъ Конниковъ...

Это открытіе смутило Слободина не на шутку. Догадокъ своихъ онъ не сообщалъ даже матери: въ подобныхъ случаяхъ вообще ни съ кѣмъ не совѣтуются,—особенно такіе характеры, какъ Алексѣй Слободинъ, привыкшій съ дѣтства быть верховнымъ судьею и рѣшителемъ всѣхъ задачъ своей личной жизни. На этотъ разъ задача была крупнѣе и сложнѣе: предстояло или разорвать всѣ связи съ дѣдушкой, или оставаться въ двусмысленномъ и небезопасномъ положеніи... Онъ зналъ, что можно

пострадать не за активное участіе въ дѣлѣ, а за недоведеніе о немъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ...

Но какъ же разорвать съ дѣдушкой?—Вѣдь тутъ дѣло шло не объ однихъ его личныхъ интересахъ и безопасности, а о благосостояніи матери и сестры, которыхъ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ... Но и это еще не такъ важно,—для себя лично Алексѣй ставилъ вопросъ гораздо серьёзнѣе, и совершенно на другую почву: не будетъ ли этотъ разрывъ поступкомъ дряннымъ, малодушнымъ и безчестнымъ, если я разорву съ дѣдомъ потому только, что сношенія съ нимъ не безопасны?... Убѣжденъ ли я въ томъ, что онъ вредный членъ общества?—Да и что такое „вредный" членъ,—не вѣрнѣе ли назвать его болѣзненнымъ продуктомъ даннаго, можетъ быть, даже патологическаго состоянія общественнаго организма?...

Голова его горѣла отъ множества неотвязныхъ вопросовъ, рождавшихся одинъ изъ другого—и изъ нихъ всѣхъ вытекалъ цѣльный, совершенно-естественный выводъ... Не трудно угадать какой выводъ.

Чѣмъ больше вдумывался Алексѣй въ странную судьбу мужика-дѣдушки, тѣмъ глубже убѣждался, что ему и не было иного выхода. Бездомный, забитый дворовый человѣкъ, которымъ до того помыкали, что онъ даже не сознавалъ себя личностью, имѣющею какія-нибудь права;—случайно и по чужому капризу нападаетъ онъ на какой-то слѣдъ къ заколдованному кругу, въ которомъ худо ли, хорошо ли, а живутъ все люди вольные. Онъ смышленъ, способенъ, чуетъ, что и тамъ былъ бы не хуже другихъ; но бѣдняка только дразнятъ этою заманчивой волей, ставя ее въ зависимость все отъ того же безсердечнаго каприза, и пуще раздражая наболѣвшія раны... и вдругъ является возможность стать рядомъ съ этими вольными людьми, сознать себя братомъ во Христѣ самого даже Гаврилы Федулыча,—принять извѣстныя обязанности во славу „правой вѣры", словомъ, изъ ничего стать личностью, радѣющею о преуспѣяніи своей общины, и притомъ, когда эта община сильна, могущественна, обладаетъ громадными сред-

ствами постоять за своихъ всегда и вездѣ... Развѣ возможенъ былъ выборъ для темнаго бѣдняка-дѣдушки?

А тутъ еще этотъ боръ сосновый съ его суровымъ говоромъ, одинокая избушка,—не слыхать ни женской рѣчи съ ея веселымъ смѣхомъ да взглядомъ ласковымъ, ни дѣтскаго лепета, разгоняющаго на старомъ лицѣ сердитыя морщины;—кругомъ все мрачно, однообразно, таинственно,—все вгоняетъ мысль внутрь, нашептываетъ человѣку плачъ „о грѣсѣхъ міра сего“ и исканіе мистическаго пути къ спасенію... а отсюда до самаго мрачнаго изувѣрства одинъ шагъ...

Алексѣй, развивавшійся не столько подъ вліяніемъ школы, сколько подъ могучими впечатлѣніями природы и дѣйствительности, всегда отыскивалъ гармоническія отношенія человѣка со всѣмъ его окружающимъ. По дѣтскимъ воспоминаніямъ, дѣдушка въ его представленіи скорѣе подходилъ къ типу американскаго поселенца, чѣмъ религіознаго фанатика.

Не одну ночь провелъ Алексѣй въ глубокой думѣ о своемъ дѣдушкѣ...

При скупомъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи сидитъ юноша у своего рабочаго стола;—передъ нимъ разбросаны тетради, лекціи, замѣтки, и лежитъ книга,—мудреная нѣмецкая книга—„Kritik der reinen Vernunft“; но мысль его далека отъ начатой работы... Встряхнувъ отяжелѣвшею головою, онъ принимается читать раскрытую страницу,—вдругъ нахмуренныя брови его дрогнули, усмѣшка скользнула по лицу... Онъ уже не читаетъ книги, а просто глядитъ на нее пристально, вопросительно. Еще мгновеніе,—и громкій, отрывистый смѣхъ раздался на всю комнату.

Встревоженная Анна Дмитріевна неслышно заглянула къ сыну.

— Ничего, маменька... это я такъ... спите спокойно... И поцѣловавъ мать, Алексѣй выпроводилъ ее изъ комнаты, а самъ зашагалъ большими шагами, отчаянно взъерошивая свои непокорные вихры и продолжая смѣяться...

— Да-съ... вотъ я пріобрѣлъ эту книгу на раскольничьи

деньги!—подумалъ онъ вслухъ.—Да-съ, вотъ и сижу-то я тутъ, сытый, спокойный, умственное развитіе добываю,—изучаю Канта, Гегеля и другихъ, какъ говаривалъ Сіонскій, важныхъ нѣмцевъ... запасаюсь могучимъ оружіемъ и пойду—предполагается, что непремѣнно пойду—разбивать въ прахъ всѣ ложные кумiры, всѣ заблужденія и глупости человѣчества,—и все это на дикія раскольничьи деньги, сколоченныя не вѣсть какими темными путями и ужъ конечно не для этихъ цѣлей!... Ха-ха-ха!—Вотъ она иронія-то, злѣйшая иронія!.... и гдѣ-жъ это возможно, кромѣ русской жизни, которая не любитъ стѣснять себя узенькимъ формализмомъ, не хочетъ знать разсчитанной послѣдовательности, а сломя шею рвется на просторъ, не разбирая средствъ, не считая жертвъ?... И нужно же, чтобы съ минуты рожденія жизнь моя проходила черезъ рядъ странныхъ противорѣчій, мучительныхъ недоумѣній,—чтобы самые сильные и плодотворные толчки въ развитіи моего пониманія получались только при встрѣчѣ съ житейскими уродливостями, съ несчастіями, почти съ преступленіями... Отчего это такъ?—Не можетъ быть, чтобы это была простая случайность... Не дѣйствуютъ ли тутъ причины общія, постоянныя? Ахъ ты дорожка моя—не даромъ еще въ дѣтствѣ прозвалъ я тебя „воровскою!“... Куда-то ты меня выведешь? Теперь вотъ начиняю голову этою премудростью—(Алексѣй насмѣшливо швырнулъ книгу)—а что я стану съ нею дѣлать?—Не будетъ ли она моимъ несчастіемъ, моимъ проклятіемъ?.. Опять иронія,—жестокая, безпощадная иронія русской жизни!...“

II.

Университетскіе годы протекли для Алексѣя очень тихо; онъ примкнулъ къ тому кружку своихъ сотоварищей, который пришелъ въ университетъ за тѣмъ, чтобы работать. Это были боль-

шею частью бѣдняки, жившіе кое-какъ кондиціями и твердо знавшіе, что кромѣ труда и устойчиваго характера никто ихъ въ жизни не выручитъ. Студенты-аристократы,—тогда ихъ было не мало,—питали къ нимъ сухое, нѣсколько брезгливое уваженіе, а студенты-гуляки, искренно признавая ихъ превосходство, считали ихъ немного педантами, немного филистерами. Всѣ эти фракціи университетской молодежи шли рѣшительно врозь, у нихъ не было и не могло въ то время быть никакихъ общихъ интересовъ.

Въ семейной жизни Слободиныхъ тоже не произошло ничего замѣчательнаго, если не считать проводы Коли на Кавказъ, куда онъ былъ отправленъ по распоряженію начальства юнкеромъ. Не дождался онъ исполненія своихъ завѣтныхъ помысловъ—улыбнулись ему издалека офицерскіе эполеты, улыбнулось и богатство почтеннаго дядюшки.—Странная судьба постигла этого мальчика!... Отдѣленный отъ партикулярнаго міра чисто-выбѣленными стѣнами кадетскаго корпуса, Коля не принималъ почти никакого участія въ перипетіяхъ судьбы своего семейства. Приходя домой по праздникамъ, онъ и видѣлъ только одну показную сторону жизни. Умеръ отецъ,—ему жалко стало не видѣть больше человѣка, который его ласкалъ, баловалъ, какъ своего любимца, но не пришло въ голову спросить,—а какъ-то теперь будетъ жить семья?—Вообще, корпусную жизнь онъ предпочиталъ домашней,—тамъ все готовое, какъ сегодня, такъ и завтра; коли что не хорошо, такъ можно шумѣть и кричать; за скверный обѣдъ забросать эконома картофелемъ;—если же за такія протестаціи и поведутъ въ цейхгаузъ для извѣстной расправы,—и то не бѣда,—за пострадавшимъ всегда остается одобреніе товарищей: „молодцомъ, братъ, выдержалъ; только съ десятой розги крикнулъ“.—Самая скучная вещь тамъ—классы;—уроки зубрить нужно единственно для того, чтобы не получить единицы со всѣми ея непріятными послѣдствіями. Главнѣйшею заботою Коли было поддерживать репутацію „молодца“ между товарищами. „Молодецъ“ долженъ быть, во-первыхъ, коренастый фрунтовикъ, выкидывающій ружейные пріемы

съ особенно-щегольскимъ темпомъ;—во-вторыхъ, одѣваться онъ долженъ нѣсколько неряхой, носить фуражку на затылкѣ, куртку съ неестественнымъ перехватомъ въ тальи—и непремѣнно выкривить ноги колесомъ, такъ чтобы колѣни не сходились, какъ у стараго кавалериста; въ-третьихъ, бить „лясниковъ" [1]), выносить отъ обѣда гречневую кашу въ карманѣ, и никогда не выдавать товарищей, хотя бы за это приходилось каждый день ложиться подъ розги.—Съ такими принципами предполагалось прожить въ корпусѣ лѣтъ шесть и потомъ надѣть прапорщичьи эполеты, чтобъ имѣть право невозбранно курить трубку, пить вино и рѣзаться съ товарищами въ картишки. Коля въ совершенствѣ выкроилъ изъ себя по этому шаблону давно уже исчезнувшій типъ стараго кадета.

Насчетъ своей будущности онъ питалъ самыя блистательныя надежды и предполагалъ выдти непремѣнно въ кавалерію. Годъ спустя послѣ смерти Петра Ивановича, Колинъ благодѣтель-дядюшка пріѣзжалъ въ Петербургъ; навѣстилъ Слободиныхъ всего на полчаса, потужилъ съ ними о потерѣ деверя, но съ особенной осторожностью избѣгалъ войти въ подробности ихъ положенія, какъ будто опасаясь, чтобъ они не попросили у него помощи. Алексѣй въ душѣ посмѣялся надъ этими неловкими обходами и поспѣшилъ успокоить майора, что имѣетъ много уроковъ и вполнѣ обезпеченъ своими заработками. Въ другое время старый драбантъ ни за что́ бы не повѣрилъ, что можно обезпечить себя такимъ пустячнымъ занятіемъ, какъ преподаваніе наукъ, которымъ всѣмъ-то цѣна мѣдный грошъ, но теперь онъ охотно принялъ это объясненіе,—ложь Алексѣя пошла за чистую монету.

Майору совсѣмъ не до того было; его сильно озабочивали собственныя дѣла весьма непріятнаго свойства: на него сдѣланъ былъ доносъ за злоупотребленія въ командованіи частью. Доносъ этотъ былъ состряпанъ негоднымъ писаришкой Пустопорожневымъ, знавшимъ всѣ хозяйственные секреты своего отца-командира,—и

---

[1]) Т.-е. тѣхъ, кто „точитъ лясы" предъ начальствомъ.

теперь майоръ явился для личныхъ объясненій передъ начальствомъ, которое назначило по этому дѣлу слѣдствіе. Къ любимцу своему Николашѣ дядя заѣзжалъ нѣсколько разъ, далъ ему пять рублей, но не сдѣлалъ и намёка на свое пошатнувшееся положеніе, оставивъ мальчика въ полномъ убѣжденіи, что выйдя въ офицеры онъ заполучитъ все майорское состояніе, выросшее изъ солдатскихъ копѣекъ...

Эта увѣренность придавала Колѣ нестерпимую надменность въ отношеніяхъ къ его скромной, бѣдной семьѣ. Онъ былъ совсѣмъ отрѣзанный ломоть, — и семья не находила возможнымъ посвящать его въ интимную сторону своей жизни. Онъ ничего не зналъ объ отношеніяхъ брата къ дѣдушкѣ Дмитрію Логинычу и не задавался вопросомъ—на какія средства мать и сестра живутъ, ни въ чемъ не нуждаясь, и еще очень часто снабжаютъ его пирожками и апельсинами.

Мать онъ любилъ, но къ брату не чувствовалъ никакой нѣжности и не могъ даже оцѣнить его качествъ. Въ умственномъ развитіи онъ стоялъ неизмѣримо ниже сестры Алёнушки; она отъ души хохотала, когда Коля разсказывалъ, что ариѳметику у нихъ проходятъ *безъ доказательствъ*...

Въ непродолжительномъ времени Слободины узнали, что майоръ Ермолинъ отрѣшенъ отъ должности и подвергся огромному начету, вслѣдствіе чего на все его состояніе наложенъ секвестръ. Майоръ самъ написалъ имъ письмо, начинавшееся такъ: „Всевышнему угодно было испытать насъ новымъ несчастіемъ...“ На Колю это извѣстіе произвело странное, рѣзкое впечатлѣніе: онъ страшно озлился, обругалъ дядю дуракомъ и скотиной, и махнулъ рукой на все. Придя въ семью, онъ глядѣлъ настоящимъ дикобразомъ, раздражался всякой мелочью, находилъ во всякомъ словѣ, особенно въ словѣ брата—язвительные намёки, желаніе кольнуть его самолюбіе,—и тогда только унимался буянить, когда доводилъ мать и сестру до слезъ. Увидя слезы, онъ какъ будто становился довольнѣе самимъ собою,—точно сдѣлалъ то, чего желалъ, и уходилъ въ корпусъ, какъ сытый волкъ въ свое логовище.

Алексѣй не могъ оставаться спокойнымъ свидѣтелемъ этихъ безобразій брата; онъ сперва пробовалъ дѣйствовать на него мягкими средствами, убѣжденіями, сердечными совѣтами,—но онъ не имѣлъ въ глазахъ Коли никакого авторитета; вслѣдствіе застарѣлой несчастной вражды, не могъ вызвать его на откровенную бесѣду и на свои теплыя слова получалъ такой отпоръ:

—Пошелъ ты прочь, мужикъ сиволапый!

Алексѣй, выведенный изъ терпѣнія, не разъ хотѣлъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ—онъ былъ сильнѣе брата,—но плачущая мать останавливала его руку...

— Я пойду въ корпусъ и попрошу командира, чтобы тебя выдрали хорошенько.

Но Коля смѣялся надъ этой угрозой; въ корпусѣ его стали драть и такъ, безъ всякой посторонней просьбы. Онъ началъ постоянно грубить начальству, ходилъ весь оборванный, попадался безпрестанно съ папиросной и нюхательнымъ табакомъ, и за нули въ классахъ всегда сидѣлъ за чернымъ столомъ. Его въ наказаніе перестали отпускать къ матери—это нѣсколько обрадовало Алексѣя, но нисколько не исцѣлило Колю, страдавшаго какими-то мрачными припадками дикаго озлобленія, какою-то страстью къ разрушенію, къ поступкамъ даже безсмысленнымъ, лишь бы они только шли наперекоръ всѣмъ установленнымъ порядкамъ...

А въ самомъ дѣлѣ, не былъ ли онъ боленъ? Не слѣдовало ли его лечить? Кто-жъ объ этомъ думалъ! съ нимъ и говорить-то не хотѣли по-человѣчески, по-дѣтски... Карцеръ, голодъ, розги—больше никакихъ лекарствъ для него не придумали. Наконецъ, пойманный съ бутылкой сквернаго вина, отъ котораго его тошнило, — онъ былъ наказанъ передъ всѣмъ корпусомъ и одѣтъ въ сѣрую арестантскую куртку. Боль и позоръ не произвели никакого улучшенія въ его нравственномъ состояніи; Коля въ сѣрой курткѣ глядѣлъ изъ-подлобья недобрыми глазами... Начальникъ корпуса, извѣстный своею суровостью и давно уже принявшій радикальную методу „очищать заведеніе отъ зловредныхъ

элементовъ", порѣшилъ очистить корпусъ отъ Николая Слободина, выпустивъ его юнкеромъ въ одинъ изъ кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ.

Коля какъ будто торжествовалъ. Мать плакала по немъ, какъ по покойникѣ. Алексѣй постарался сдѣлать все, чтобы дальняя дорога была не тяжела бѣдному брату, и чтобы, прибывъ въ баталіонъ, онъ не встрѣтился прямо съ горькою солдатскою нуждой.

— Эхъ братъ, Коля—горько мнѣ! Не попрекну я тебя,—въ эту минуту попрекнуть языкъ не повернется,—а подумай о себѣ, ты еще ребенокъ, пропадешь тамъ...

— Что мнѣ думать?—Не пропаду... вотъ только жаль, стрѣлять не умѣю, надо поскорѣе выучиться..

— Что́, стрѣлять?.. надо выучиться жить... а онъ стрѣлять!

— Нѣтъ, стрѣлять нужно... Черкесовъ буду подстрѣливать, разбойниковъ,—всѣхъ кого велятъ.—Ежели тебя велятъ—и тебя пристрѣлю... небось, братъ, не помилую!..

Алексѣю дѣйствительно было горько провожать брата въ солдаты. Вѣдь и Личарду-бѣдняка провожать было страшно-тяжело—и еще при какихъ условіяхъ!.. а все не такъ горько,—тамъ душа ныла и плакать хотѣлось,—а тутъ нѣтъ... Плакала только ты одна—горемычная мать...

И опять побѣжало время законной чередой, залечивая свѣжія раны. Въ мирный уголокъ Слободиныхъ никто не заглядывалъ,—развѣ товарищъ-студентъ забѣжитъ къ Алексѣю за лекціями. Изъ прежнихъ знакомыхъ раза два въ годъ заѣзжалъ Косолаповскій управляющій г. Буровъ, сколько по старинному своему расположенію къ покойному Петру Иванычу, столько же и по порученію своего патрона—навѣдаться, какъ живетъ бѣдное семейство совѣтника, и деликатнымъ образомъ предложить, не можетъ ли великій человѣкъ быть чѣмъ-нибудь имъ полезенъ. Анну Дмитріевну трогало такое вниманіе милліонера, а Алексѣй очень сухо отклонялъ всѣ предложенія, говоря, что онъ пока еще не служитъ, стало быть въ протекціи не встрѣчаетъ надобности.

— Вы бы, Алексѣй Петровичъ, хоть изрѣдка по высокоторжественнымъ днямъ жаловали къ намъ... Кириллѣ Егорычу было бы пріятно... Притомъ же у насъ вся знать бываетъ; балы даемъ на весь Петербургъ. Для молодого человѣка это важно: вѣдь тутъ встрѣчается цвѣтъ высшаго общества... любопытно даже просто посмотрѣть! Да оно, я вамъ скажу, и не безполезно: молодого человѣка могутъ замѣтить, потомъ привыкнутъ всегда его видѣть, будутъ считать *своимъ*... а вѣдь на этомъ строится иногда вся наша карьера-съ. Право,—и маменьку утѣшили бы...

Анна Дмитріевна, улыбаясь, соглашалась съ Буровымъ. Алексѣй тоже улыбнулся по-своему и вскользь спросилъ о семействѣ Косолапова.

— Да всѣ слава Богу-съ. Александръ Кирилычъ уже гусарскій корнетъ,—молодецъ! Въ прошломъ году тысячъ до тридцати долговъ его заплатили... не безъ проніи ввернулъ Буровъ. Агата Кирилловна за границей поправилась,—стала такая великолѣпная! Женишка бы пора, да не слыхать что-то.

И вотъ это пошленькое „не слыхать женишка“—самымъ сумасброднымъ образомъ втесалось въ обычный строй воззрѣній Слободина, отчуждавшихъ его рѣзко, даже враждебно отъ того міра, къ которому принадлежали всѣ Косолаповы на земномъ шарѣ.

— „А любопытно видѣть, какая она стала теперь,—и почему у богатой и красивой дѣвушки не слыхать жениха?..“

Но онъ вовсе не собирался надѣть новенькій студентскій мундиръ и въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней явиться въ раззолоченныхъ гостиныхъ Косолапова. Ему даже смѣшно было вообразить себя въ этой роли. Однако находили на Алексѣя такія минуты, когда онъ до глупости желалъ и искалъ случая съ нею встрѣтиться. На балахъ, концертахъ, въ театрахъ, на этихъ выставкахъ богатыхъ нарядовъ и красивыхъ женщинъ, онъ не бывалъ, не имѣя на то ни времени, ни средствъ,—но часто совсѣмъ не по дорогѣ сворачивалъ въ ту улицу, гдѣ жили Косо-

лаповы, и идя медленно, не спускалъ глазъ съ зеркальныхъ оконъ ихъ дома. Видно рыцарь Тоггенбургъ, какъ психическій моментъ, очень живучъ... Это было, конечно, смѣшно и безполезно,—за то никто не имѣлъ права укорить его, что хоть минуту подобострастно подышалъ онъ тѣмъ воздухомъ, въ которомъ, несмотря на тончайшій ароматъ тропическихъ растеній, украшающихъ залу, чуется запахъ отвратительной сивухи и крѣпкое слово мужика, пропившаго послѣднюю рубашку...

III.

Въ университетской залѣ готовился большой концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Концертомъ управлялъ старикъ Давидъ, нѣкогда знакомый пѣвецъ, теперь пріѣхавшій въ Петербургъ передавать дилеттантамъ свое arte divina del canto, по 15-ти рублей въ часъ. Всѣ великосвѣтскія его ученицы, разумѣется, приняли участіе въ концертѣ. Для студентовъ это былъ необыкновенный праздникъ,—ихъ праздникъ—какъ заявленіе сочувствія публики къ ихъ семейнымъ дѣламъ; зала была набита биткомъ, за билеты давали огромныя деньги; кромѣ того, студентамъ не-аристократамъ любопытно было взглянуть на уголочекъ невѣдомаго для нихъ міра, богатаго, знатнаго, талантливаго...

Алексѣй съ своими близкими товарищами нерѣшительно подумалъ: идти ли на концертъ? Между ними слышалось мнѣніе, что восторгаться особенно тутъ нечѣмъ—публика ломится, совершенно не помышляя о трудномъ положеніи бѣдняка-студента, ей просто хочется видѣть, какъ передъ нею на подмосткахъ будутъ показывать себя, робѣть и улыбаться всѣ эти недоступныя графини и княгини.

— Дай-ка сюда програму,—спросилъ Слободинъ,—и пробѣжавъ листокъ, больно прикусилъ губу, чтобы скрыть яркую улыбку.—Я непремѣнно пойду.

Въ программѣ два раза было напечатано: m-lle Kossolapof. Алексѣй помѣстился въ уголку залы у входа и слѣдилъ, какъ нѣкоторые франты-товарищи, завитые, раздушенные, въ свѣжихъ перчаткахъ, встрѣчали на лѣстницѣ великолѣпно закутанныхъ участницъ концерта, помогали имъ раскутываться и ловко провожали на эстраду... Одна, другая, третья... а вотъ и она!.. У него сердце перестало биться.

Она прошла мимо, близехонько отъ Алексѣя, толпа передъ нею разступилась;—платье ли на ней шелестило, шопотъ ли кругомъ пронесся, разобрать было ничего нельзя. А она шла спокойно и какъ-то послушно-дѣтски, не глядя ни на кого и чуть замѣтно улыбаясь; въ этой улыбкѣ сквозила шаловливая, едва уловимая смѣсь увѣренности въ себѣ и простосердечной снисходительности ко всему окружающему... Она въ этотъ мигъ непремѣнно думала: „Я не знаю, куда меня ведутъ, не знаю kтó такіе эти люди, чтó вокругъ меня,—но это все равно,—я знаю, что черезъ полчаса брошу вамъ двѣ-три ноты—и вы всѣ сойдете съ ума... Не смотрите, что я такая тихонькая...“ Взойдя на эстраду, она съ холодной живостью подавала на-право и налѣво свою маленькую ручку; старичокъ Давидъ подошелъ къ ней съ торжествующимъ и серьёзнымъ лицомъ, сказалъ что-то, взявъ за обѣ руки по-пріятельски, и она, медлительно выпрямившись и приложивъ къ губамъ кончикъ вѣера, окинула залу взглядомъ быстрымъ, немного-нахмуреннымъ, сообразившимъ мгновенно все, чтó ей было нужно.

Алексѣй не спускалъ съ нея глазъ, все искалъ въ ней прежней Агаши, также внезапно готовой дать пощечину, какъ и кинуться на шею. Лицо ея, при вечернемъ освѣщеніи казавшееся матово-бѣлымъ, было спокойно, строго.

Онъ узнавалъ это смугленькое лицо, красиваго восточнаго типа, но оно ужъ не сверкало бывалыми рѣзкими переливами

суровости и ласки; оно какъ будто застыло въ одну какую-то случайную минуту безучастнаго покоя, только черные, горячіе глаза напоминали прежнюю petite tigresse. Одѣта она была очень просто—въ голубомъ шелковомъ платьѣ,—на рукѣ гладкій браслетъ въ античномъ вкусѣ и затѣмъ ни одной булавки, намекавшей на папенькины милліоны.

Бѣдный Алексѣй простодушно глядѣлъ на нее, любовался ею, не понималъ да и не пытался понять, что́ такое онъ видитъ. Онъ не зналъ, что каждый этотъ жестъ, каждое движеніе, начиная отъ робкаго входа въ двери до генеральскаго взгляда, которымъ пѣвица окинула величину и резонансъ залы, было артистическое мастерство, старательно усвоенная копировка, образцовъ которой надобно искать въ Миланѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ—въ классической фигурѣ какой-нибудь недоступной патриціанки, удостоившей снизойти на подмостки, для того чтобы спѣть арію въ пользу дѣла, благословеннаго святѣйшимъ отцомъ,—или въ царственной повадкѣ знаменитой примадонны, дочери народа, избалованной всесвѣтными восторгами и готовой всегда съ одинаково-горячимъ сердцемъ явиться передъ публикой, въ пользу ли своего собрата, безголосаго и бездарнаго бѣдняка, или за кругленькую сотню тысячъ франковъ... или на вооруженіе легіона патріотовъ... Не даромъ же Агаѳья Кирилловна три года широкою рукой разсыпала по Европѣ русскіе рубли, — Европа въ свою очередь дала обильную пищу ея русской даровитой переимчивости.

Даже простой туалетъ Агаты былъ простъ обдуманно, замысловато простъ: во-первыхъ, смуглой брюнеткѣ надѣть голубое платье—шагъ отчаянно-смѣлый: это значитъ признать себя замѣчательною красавицей; а во-вторыхъ, явиться на университетскомъ концертѣ въ голубомъ цвѣтѣ — необходимо, потому что это цвѣтъ студенческаго воротника; какъ ни щепетильно это соображеніе, но въ немъ сквозитъ какая-то тенденція, занесенная тоже изъ Европы.

Могли ли придти въ голову внуку Дмитрія Логинова такія

рафинированныя хитросплетенія? Онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза, кромѣ нея ничего не видѣлъ и не слышалъ... Да и ея-то онъ хорошенько не слышалъ. Какъ она спѣла? Должно быть великолѣпно, потому что зала тряслась отъ неистовыхъ криковъ и рукоплесканій...

Послѣ первой части концерта стулья задвигались; толпа мужчинъ потянулась къ эстрадѣ, но тамъ позиція была уже занята студентами. Молодежь не могла угомонить своихъ искреннихъ восторговъ.

Всѣ дилеттантки-пѣвицы склоняли смущенныя головки, улыбались и вопросительно поглядывали на маменекъ. Агата, стоявшая одиноко на самомъ краю эстрады, вдругъ сдернула перчатку и по-товарищески протянула руку первому студенту, который былъ къ ней ближе. Это движеніе было такъ внезапно, такъ неподготовлено, сопровождалось такою симпатичною улыбкою, — что высокорожденныя дѣвицы и ихъ маменьки просто остолбенѣли, — а студенты съ неистовыми криками наперерывъ спѣшили прикоснуться къ прекрасной горячей ручкѣ пѣвицы.

Алексѣй все это видѣлъ, и не тронулся съ мѣста.

Во второй части концерта, вслѣдъ за вычурной Паччиніевской кабалеттой,—еще не умолкли „brava! bis“! и трескотня рукоплесканій, Агата сѣла за ройяль,—зала замерла и полились задушевные, почти-рыдающіе звуки родной пѣсни:

Сладко пѣлъ душа-соловушка
Въ зеленомъ моемъ саду;
Много-много зналъ онъ пѣсенокъ, —
Слаще не было одной.
Ахъ, та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской,
А все слушать бы хотѣлося...

Она не могла кончить и, быстро вставъ, скрылась съ эстрады въ боковую дверь.

Чтó было потомъ, Алексѣй ничего не слышалъ, не замѣтилъ; онъ твердымъ шагомъ прошелъ сквозь бѣсновавшуюся толпу и

остановился въ полутемной комнатѣ передъ Агатой, упавшей въ кресло.

Подлѣ нея суетился старичокъ Давидъ и какъ-то смѣшно подергивалъ своимъ острымъ носикомъ

— Portate mi del'aqua, ma fredda... fredda...

Старикъ побѣжалъ-было, но вдругъ остановился, сурово взглянувъ на вошедшаго Алексѣя.

— Lasciate... non ho piu bisogna... lasciate,—questo é un amico!—нетерпѣливо крикнула дѣвушка и встала энергически во весь ростъ.

Давидъ побрелъ дирижировать финальнымъ хоромъ.

— Алеша, ты!.. и ты здѣсь?—прошептала она, протягивая ему обѣ руки.

Онъ стоялъ передъ нею блѣдный, растерянный; на губахъ его беззвучно шевелилось ея имя...

— Здравствуй!.. она братски поцѣловала его. Онъ не владѣлъ собою, ничего не сознавалъ, полъ подъ нимъ колебался...

Агата тихонько опустилась въ кресло и приложивъ платокъ къ губамъ, промолвила:

— Я устала... ой, какъ я устала!..

Но это былъ уже совсѣмъ другой голосъ, не тотъ, которымъ она его встрѣтила.

— „Зачѣмъ все это?.. Зачѣмъ?.. Вѣдь тутъ нѣтъ смысла“, промелькнуло у него въ умѣ, и онъ едва не прибавилъ: „Видишь, я погибаю...“

— Концертъ очень удаченъ... Гдѣ вы сидѣли, Алексѣй Петровичъ? Я васъ не замѣтила... впрочемъ, оно было бы и трудно... Не слѣдуетъ мнѣ пѣть въ концертахъ... Этакъ не надолго меня станетъ... И глупо, согласитесь,—вѣдь глупо?—для большой публики *такъ* пѣть не слѣдуетъ... Вотъ княжна Лили—счастливая—промяучитъ кое-какъ даже не совсѣмъ исправно своего вѣчнаго Crocciato — и потомъ только что не облизывается, какъ сытая кошечка... ха-ха!—А, вотъ maman идетъ... какъ я рада! Достанется вамъ отъ нея, что у насъ не бываете, дикарь эта-

кой!—Ужъ достанется! Ухъ, какъ я рада!—Еще отъ себя подбавлю... чтобы вамъ стыднѣе было... гадкій!..

Все это прощебетала она залпомъ, не переводя духа, — ей нужно было наполнить чѣмъ - нибудь мучительное молчаніе; ея горячая натура не могла бы вынести этого молчанія.

Алексѣю почему-то стало ужасно смѣшно.

Массивная madame Косолапова ввалилась въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей. Она заботливо приложила ладонь ко лбу дочери.

— У тебя лихорадка, — поздравляю! — Охъ ужъ эти мнѣ... благотворительныя разныя затѣи! — Да по мнѣ *горажже* легче дать пять тысячъ — вотъ и благотвореніе; а то себя мучить... разкудахталась откупщица.

— Очень нужны ваши пять тысячъ! — Такъ ихъ и возьмутъ! Публика богаче васъ — она дастъ въ сто разъ больше, чтобы только меня послушать... я послѣ умру... что-жъ такое? — Кому печаль? За то вотъ это настоящая жертва... съ злою шуткой сказала Агата.

— Полно пожалуйста, глупости! Вотъ Иванъ Александрычъ тебѣ букетъ подноситъ, а ты и не замѣчаешь.

— Mademoiselle,—je me permets de vous féliciter... un succès fou!.. mais tout est faible... après tout... mon admiration... mon enthousiasme... такъ рапортовалъ круглолицый, краснощекій господинъ съ узенькимъ ртомъ и замѣтною наклонностью къ солидности. Онъ еще съузилъ ротъ, сердечкомъ, въ знакъ улыбки и преподнесъ Агатѣ громадный букетъ.

— Merci monsieur, — небрежно сказала Агата и даже не понюхавъ, положила душистый вѣникъ на столъ.

—Maman,—вдругъ оживилась она,—позволь тебѣ представить неисправимаго дикаря... (она вѣеромъ указала на Алексѣя). — Узнаешь? Побрани его хорошенько, — да смотри же, хорошенько, чтобъ почувствовалъ...

— Ахъ, батюшки,—Алёшенька Слободинъ!—и Прасковья Семеновна напала на преступника съ жестокостью добросердечной купчихи.

Изъ окружавшихъ Агату франтовъ, одинъ, гладко остриженный, съ длинными висячими бакенбардами, надѣвъ pince-nez, пристально всматривался въ Алексѣя, и наконецъ высвободилъ его изъ объятій Прасковьи Семеновны.

— Ба!—вотъ встрѣча!.. Слободинъ... vous ne voulez plus me reconnaître?...

— Я васъ узналъ, Кашириновъ... очень радъ!

— Ты непремѣнно заходи ко мнѣ, — вотъ моя карточка. — И ничѣмъ не смѣй отговариваться... вѣдь товарищи!—Я, братъ, служу въ ......мъ министерствѣ... ничего, пока везетъ! — А помнишь старое?—Alia tempora!—болталъ Кашириновъ.

Алексѣй совсѣмъ растерялся и какъ-то глупо смотрѣлъ на огромную карточку Каширинова съ гербомъ и адрессомъ на двухъ языкахъ.

— Прасковья Семеновна, возобновимте-ка наши танцовальные уроки!—расходился Кашириновъ.—Теперь всѣ на лицо.

— А Кэтти?—прошепталъ Алексѣй.

— Не вспоминай, братъ... умерла... злѣйшая чахотка... А славное было время?—Не воротится...

— Да, не воротится... машинально проговорилъ Слободинъ.

— Ну ужъ какъ хотите, а мы обязаны васъ сдѣлать ручнымъ... свойскимъ гусемъ!—съострила Косолапова.

„Непремѣнно сдѣлаете“,—подумалъ Алексѣй.

— Не надо, не надо!—вмѣшалась Агата,—такъ я его больше люблю... Слышите,—я васъ люблю... повторила Агата не то съ насмѣшкою, не то съ простодушіемъ маленькой дѣвочки, и ударила его по плечу вѣеромъ.

„Да ужъ сдѣлаете, сдѣлаете!“—вертѣлось въ головѣ Алексѣя.

— Ну, дитя, отдохнула; пора домой. Намъ еще нужно съ княгиней проститься, она, кажется, не уѣхала.

— Да, поѣдемъ... почти зѣвнула Агата.

— Смотрите-жъ, если не явитесь, я за вами карету пришлю, а въ каретѣ Сашу—онъ ужъ привезетъ васъ живого или мерт-

ваго,—на прощаньи полюбезничала съ Алексѣемъ Прасковья Семеновна, и направилась къ двери; всѣ послѣдовали за нею.

Агата даже не простилась съ Алексѣемъ; въ дверяхъ она обернулась какъ будто поправить платье, но опять-таки не взглянула на него.

Толпа студентовъ проводила Косолаповыхъ до кареты, и еще тамъ, у подъѣзда что-то кричала;—имя Агаты было рѣшительно у всѣхъ на губахъ.—Чудесный голосъ, сильный талантъ, красота, плебейское русское имя—это все, что было нужно, чтобъ вскружить головы доброй молодежи по крайней мѣрѣ на 24 часа.

Алексѣй не пошелъ провожать; въ полутемной комнатѣ онъ видѣлъ, какъ вбѣжалъ еще разъ Кашириновъ захватить букетъ, забытый на столѣ Агатой,—что-то пробормоталъ, чего Алексѣй не слышалъ и не понялъ;—онъ упорно глядѣлъ вслѣдъ за удалявшимъ голубымъ платьемъ.—Ему кто-то насмѣшливо шепталъ: „Нѣтъ, это не твое, не твое... слышишь,—не твое!... пойми это, глупый человѣкъ!...“

Домой Слободинъ поплелся пѣшкомъ; движеніе ему было необходимо, и мокрый снѣгъ, хлеставшій въ лицо, казался пріятенъ. Дома онъ почувствовалъ непобѣдимую потребность, больше чѣмъ потребность,—припадокъ непремѣнно видѣть мать,—зашелъ къ ней; Анна Дмитріевна давно уже спала: въ спальной горѣла лампадка; сынъ тихонько поцѣловалъ ея руку, поцѣловалъ спящую Алёнушку и на цыпочкахъ пошелъ къ себѣ, вздохнувъ полной грудью: „Спите милыя покойно, для васъ я живу, и васъ ни на кого не промѣняю...“

IV.

Въ одномъ многоэтажномъ домѣ у Семеновскаго моста, квартиру № 10 занималъ Григорій Васильичъ Рудковскій. По отзывамъ управляющаго домомъ старика-нѣмца, это была разве-

селая квартира во всемъ Петербургѣ: „Придешь—говорилъ онъ—за полученіемъ денегъ, всегда застанешь пріятную компанію, и хоть частенько денегъ въ срокъ не получишь, за то нахохочешься вдоволь; угостятъ водочкой, папироской, шутки шутятъ,—но все это благороднымъ maнеромъ; Боже сохрани, чтобы кого-нибудь обидѣли,—славные молодые господа!“

Квартира была записана въ домовой книгѣ на имя коллежскаго ассесора Рудковскаго, а жили въ ней постоянно двое-трое его пріятелей, не считая случайныхъ посѣтителей, гостившихъ иногда по нѣскольку дней. Въ 10-мъ нумерѣ часто раздавались звуки скрипки, віолончеля, фортепьяно — экзерциціи какого-нибудь юнаго таланта, еще неизвѣстнаго, но обладавшаго задатками громадной будущности. Пѣніе слышалось постоянно, потому что жильцы были горячіе поклонники Рубини, Віардо и Тамбурини, сводившихъ тогда съ ума всю петербургскую публику. Въ одной комнатѣ набрасывались на бумагу бойкіе эскизы будущихъ картинъ, или мѣткія каррикатуры на пріятелей и на лицъ, почему-либо извѣстныхъ всему Петербургу; въ другой—дописывалась повѣсть, фельетонъ, или скандировались звучныя строфы новоиспеченнаго стихотворенія... И все это тутъ же сообщалось на всеобщее обсужденіе, — живая юность била ключомъ, обмѣнъ мыслей и впечатлѣній ничѣмъ не стѣснялся: дружеское, горячее ободреніе раздавалось также свободно, какъ и веселый хохотъ надъ неудачною, даже иногда нелѣпою вещью завравшагося товарища. Кодексомъ, разрѣшавшимъ всѣ споры и недоразумѣнія, были статьи одного знаменитаго критика, ставшаго тогда во главѣ литературнаго движенія, которое Москва называла „западничествомъ“, а беззубые петербургскіе противники окрестили (очень впрочемъ удачно) „натуральною школой“.

Какъ ни восхищалъ старичка управляющаго домомъ этотъ артистическій и беззаботный характеръ квартирантовъ № 10-го, но обаяніе его исчезало въ виду полицейскихъ порядковъ, которые съ каждымъ днемъ становились сложнѣе и требовались

строже, такъ что Рудковскій вынужденъ былъ дать домовой конторѣ точныя свѣдѣнія о своихъ сожителяхъ и предъявить ихъ документы для прописки въ кварталѣ. Съ нимъ записаны были ученикъ Академіи Художествъ Иванъ Дмитричъ Купянцовъ и поручикъ ....скаго полка Андрей Николаичъ Морицъ.

— Больше нѣтъ у меня никого; не вѣрите, такъ обыщите,—если найдете хоть пол-человѣка, тащите меня прямо въ кутузку.

— Знаю, знаю, уважаемый Григорій Васильичъ,—хе-хе-хе! Я не посмѣлъ бы и безпокоить,—требуютъ!—Но теперь все въ порядкѣ и ужъ мы будемъ смотрѣть такъ (нѣмецъ зажмурился), глаза запремъ.

— Вотъ это напрасно, Карлъ Иванычъ, напрасно!—не запирайте глазъ, а то васъ самихъ, пожалуй, запрутъ... Вы знаете, что часто ко мнѣ кто-нибудь изъ-за-города заѣдетъ на денёкъ-другой, или зайдетъ пріятель съ Выборгской, напримѣръ, стороны, да заночуетъ,—вѣдь не гнать же ихъ въ шею? — Объ этомъ я заявляю вамъ формально, и если понадобится, всегда могу дать доказательства, что это не безпашпортный народъ, а самыя что ни-есть легальныя личности. Вы это напрасно, красавецъ мой, такъ небрежно относитесь... Я глубоко уважаю будочника, подчиняюсь всѣмъ его требованіямъ, да и вамъ рекомендую тоже...

Рудковскій говорилъ съ невозмутимою серьёзностью, а нѣмецъ покатился со смѣха; дѣйствительно, въ этой серьёзности было что-то необыкновенно-комичное.

Рудковскому въ это время было лѣтъ за тридцать; смуглый, съ замѣтною сѣдиною на вискахъ, безъ малѣйшаго признака мускульной силы, — грудь впалая, движенія осторожныя, какъ-будто изнѣженныя, неумѣренное угощеніе носа изъ простой табакерки и скептическое, отчасти даже циническое отношеніе къ сердечнымъ дѣлишкамъ молодежи, — онъ казался преждевременнымъ старцемъ. Но, съ другой стороны, нервная горячность въ спорѣ, энтузіазмъ передъ смѣлымъ проявленіемъ ума, таланта и воли, гдѣ бы и въ чемъ бы они ни проявлялись, трогательная,

почти женская сочувственность къ чужому страданію и, наконецъ, непримиримая ненависть къ лицемѣрію, защищавшему всякія житейскія неправды, — все это обличало въ Рудковскомъ „душу живу" и ставило на видное мѣсто среди окружавшей его молодежи.

Обратимся къ его прошлому, чтобы вѣрнѣе понять всю типическую сторону этой личности.

Заказной біографъ сказалъ бы о Рудковскомъ такъ:—Онъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, не богатой, но имѣвшей въ Петербургѣ обширныя связи, чиновную и богатую родню. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе и потомъ кончивъ курсъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, Рудковскій поступилъ на службу прямо въ канцелярію такого-то министерства. Передъ молодымъ человѣкомъ открывалась блестящая служебная карьера; родные не безъ гордости толковали, какъ будетъ идти Грегуару камеръ-юнкерскій мундиръ, и которая изъ видныхъ петербургскихъ *партій* для него болѣе прилична. Отецъ его давно скончался на какомъ-то безполезно почетномъ мѣстѣ, а мать, рожденная княжна Мытищенская, со дня рожденія одержимая хроническимъ испугомъ передъ знатностью своего рода, успѣла даже надоѣсть всѣмъ знатнымъ дядюшкамъ мелочными докучливыми просьбами о судьбѣ единственнаго сына. Рудковскій окончилъ курсъ и вступилъ въ свѣтъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ; какъ и вся тогдашняя свѣтская молодежь, принявшая своимъ прототипомъ изящный образъ Евгенія Онѣгина, толкавшаяся на раутахъ, балахъ и спектакляхъ,—Рудковскій являлся всюду, одѣтый по послѣдней модѣ, остроумный, веселый, замѣтный въ кругу своихъ пансіонскихъ товарищей. Тогда было сильное повѣтріе на такъ-называемый „демонизмъ", конечно, весьма легкаго разбора, заключавшійся собственно въ томъ, чтобы являться въ великосвѣтскихъ гостинныхъ какимъ-то неразгаданнымъ страдальцемъ, съ лицомъ унылымъ, взглядомъ мрачнымъ, съ рѣчью, звучащею усталостью, разочарованіемъ; но это модное дурачество не коснулось Рудковскаго; въ его натурѣ было много прав-

дивости, искренности и насмѣшливости. Его свѣтское шатанье длилось всего года четыре по выпускѣ изъ пансіона; и вотъ на этомъ-то пунктѣ казенный біографъ сталъ бы въ-тупикъ.

Безъ всякаго внѣшняго толчка, не встрѣтивъ ни одной неудачи, Рудковскій бросаетъ всѣ приманки разсѣянной жизни, запирается дома, разъ десятокъ въ годъ навѣщаетъ мать, не хочетъ знать многочисленную, всѣми уважаемую родню и даже чуждается тѣхъ изъ своихъ школьныхъ товарищей, которые успѣли достичь камеръ-юнкерства, или стотысячнаго приданаго за женой.

Никто не могъ тогда дать сколько-нибудь раціональнаго объясненія такому рѣзкому повороту въ жизни молодого человѣка, положенію котораго до сихъ поръ можно было позавидовать; пробовали объяснить обиженнымъ честолюбіемъ, но онъ подвигался наравнѣ съ своими титулованными товарищами; искали какой-нибудь тайной и несчастной любви, но онъ всегда чуждался свѣтскихъ красавицъ, язвительно подсмѣивался надъ ихъ поклонниками и жилъ въ мирѣ только съ одною семидесятилѣтнею старухой; да и съ тою постоянно бранился за вистомъ.

Никому не приходило въ голову поискать причинъ въ атмосферѣ не только того исключительнаго круга, въ которомъ вращался Рудковскій, но вообще всей русской жизни того времени, неотразимыхъ причинъ тому, что каждая энергическая, дѣятельная личность бросалась во всѣ нелегкія—отъ мрачнаго мистицизма до полудикаго бреттёрства, отъ Чаадаевскаго отрицанія всей нашей исторической жизни до бѣгства къ отцамъ іезуитамъ, отъ помѣщичьихъ жестокостей до безпросыпнаго пьянства...

Не крупные факты, не радикальные катаклизмы въ общественной или личной нашей жизни ужасны,—напротивъ, въ нихъ есть всегда нѣчто освѣжающее, какъ въ разразившейся грозѣ,—ужасны ежедневныя, будничныя пошлости и подлости, опутывающія цѣпкою сѣтью всѣ общественныя отношенія, пріобрѣтающія силу авторитета, заслоняющія собою благородные человѣческіе идеалы...

Рудковскому примелькались маленькія, повседневныя уступочки такимъ требованіямъ, въ которыхъ онъ не находилъ разумныхъ основаній. Сперва онъ считалъ ихъ случайностями неважными, не мѣшающими прямымъ цѣлямъ жизни, и подчинялся имъ, подсмѣиваясь: „Зачѣмъ противорѣчить блажному старику?—пусть тѣшится; все-таки онъ человѣкъ почтенный". —Или: „Отчего же не исполнить пустого каприза доброй старушки!"— Скоро однако онъ замѣтилъ, что вся жизнь *порядочнаго* молодого человѣка слагается изъ такого рода уступокъ, что эти кажущіяся мелочи составляютъ довольно стройный кодексъ и что, наконецъ, за ними нѣтъ ничего,—пустота... О разумныхъ идеалахъ жизни можно было мечтать—и то втихомолку, а жить слѣдовало такъ, какъ указываютъ старшіе, и отнюдь не сбиваться съ указанной дорожки, иначе рискуешь потерять ихъ благосклонность, а съ нею и всѣ шансы на блестящую карьеру. Да, наконецъ, что́ такое сама эта пресловутая блестящая карьера? — и точно ли эти старички почтенные, а старушки добрыя?

Попробовалъ Рудковскій сообщить свои сомнѣнія свѣтскимъ товарищамъ, — тѣ выслушали его съ двусмысленнымъ одобреніемъ и пошли своей дорогой, — и это были еще лучшіе, а большинство поспѣшило отвернуться отъ опаснаго проповѣдника, полагая, что слушать его составляетъ уже проступокъ весьма предосудительный.

Въ натурѣ Рудковскаго не имѣлось настолько донъ-кихотизма, чтобы одинокому выдти на борьбу съ цѣлымъ обществомъ; онъ ясно сознавалъ, что находится на ложной дорогѣ, съ которой требовалось свернуть во что бы то ни стало. — Но возникъ вопросъ:—Куда идти, что дѣлать?—Рудковскій еще наткнулся на новую бѣду: онъ увидѣлъ, что съ его блестящимъ образованіемъ онъ годится только на службу и внѣ службы ни на что не годится... Да и въ самомъ обществѣ не существуетъ запроса ни на какія силы, кромѣ опредѣленныхъ табелью о рангахъ... И онъ свернулъ не по указаніямъ разума, а куда попало, — подъ вліяніемъ накипѣвшей злобы и горячаго темперамента; онъ за-

сѣлъ дома въ халатѣ, подъ предлогомъ болѣзни, и—по однимъ показаніямъ—принялся за чтеніе какихъ-то вредныхъ книжекъ, по другимъ — предался горькому и угрюмому пьянству въ одиночку...

Въ обоихъ этихъ показаніяхъ лежала доля правды: онъ и читалъ очень много, преимущественно энциклопедистовъ, ярыхъ отрицателей XVIII-го вѣка, и частенько напивался до-пьяна всеотрицающей отечественною сивухой...

Родные забили тревогу, ахали, ужасались, даже бѣгали по начальству, чтобы оно приняло благодѣтельныя мѣры для спасенія молодого человѣка. Начальство отнеслось къ погибающему съ отеческою строгостью: длинное кабинетное объясненіе началось выговорами, что „вотъ-де вы, молодой человѣкъ, не цѣните нѣжныхъ заботъ и жертвъ, принесенныхъ вашею матушкой, пренебрегаете вниманіемъ почтенныхъ дядюшекъ и даже недостаточно признательны къ благодѣяніямъ правительства. Вамъ дано блестящее воспитаніе, вы хорошо поставлены на службѣ и въ обществѣ—чѣмъ платите за все это?—Вы бросили то общество, къ которому принадлежите по праву рожденія,—и которое одно хранитъ добрые нравы, поучительные примѣры; вы, сударь пренебрегаете самыми священными обязанностями, наконецъ, манкируете службой!... Этого потерпѣть нельзя; мы пошлемъ васъ годика на три въ глухую провинцію, авось она васъ исправитъ!“

Это объясненіе ничего Рудковскому не уяснило и кончилось тѣмъ, что онъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ награжденіемъ слѣдующимъ чиномъ, въ задатокъ, авось молъ образумится со временемъ.

Къ своей матери онъ сталъ являться рѣже и рѣже,—а въ ея домѣ было шумно, весело: двѣ сестры Рудковскаго, вышедшія изъ института, вытанцовывали себѣ выгодныхъ жениховъ, въ чемъ и успѣли совершенно. Оставшись одинокою, мать предложила сыну переселиться къ ней, но онъ рѣшительно отказался: — „Я васъ стѣсню и вы меня стѣсните; что за радость!“—Денежныя средства его были очень скудны; кромѣ банковскихъ процентовъ

съ маленькаго капитала, оставленнаго отцомъ, ему тайкомъ и очень деликатно помогалъ одинъ превосходительный дядя, старый, богатый холостякъ, человѣкъ умный, по старому очень образованный, участвовавшій даже когда-то въ извѣстномъ литературномъ кружкѣ „Арзамасѣ“.

Дядя этотъ потерпѣлъ жестокія и незаслуженныя неудачи по службѣ, вслѣдствіе чего былъ постоянно раздраженъ, будировалъ на современный порядокъ вещей въ Россіи и ядовито шпынялъ надъ личностями самыми видными въ служебной іерархіи, находя въ ихъ дѣйствіяхъ рядъ ошибокъ и сплошное легкомысліе.

Въ толпѣ племянниковъ отличивъ Рудковскаго, какъ умнаго и остраго молодого человѣка, праздный и скучающій старикъ любилъ съ нимъ бесѣдовать на распашку. Надобно замѣтить, что превосходительный дядюшка, по старой памяти, подъ большимъ секретомъ пописывалъ стишки и всегда находилъ въ племянникѣ внимательнаго слушателя, снисходительнаго цѣнителя. Это обстоятельство не мало способствовало ихъ сближенію. Старикъ, привыкшій, чтобы младшіе родственники являлись къ нему на поклонъ, измѣнилъ даже этому важному обычаю и самъ навѣщалъ Рудковскаго очень часто.

Оригинальны были эти визиты дяди: передъ обѣдомъ въ квартиру Рудковскаго являлся ливрейный лакей съ огромнымъ блюдомъ, на которомъ покоилась жирная кулебяка съ сигомъ,—это значило, что дядюшка явится къ обѣду,—кулебяка была для него верхомъ гастрономическаго наслажденія, онъ не хотѣлъ вводить племянника въ лишніе расходы, и притомъ его поваръ былъ художникъ въ этой спеціальности. Наконецъ, приходилъ пѣшкомъ самъ превосходительный дядюшка, одѣтый очень щеголевато, съ нѣсколькими ленточками въ петлицѣ сюртука, а племянникъ встрѣчалъ его въ чемъ попало, чуть не въ халатѣ, нисколько не помышляя извиняться и стѣснять себя въ привычкахъ. Послѣ кулебяки, сдобренной тарелкой супа и залитой добрымъ Раулевскимъ портвейномъ, бесѣда часто затягивалась до поздней ночи.

Повидимому, въ ихъ взглядахъ на жизнь существовало полнѣйшее согласіе, но оппозиціонное превосходительство все выводило изъ своихъ личныхъ счетовъ съ обществомъ и порицая современные порядки, казалось, было не прочь съ затаенною радостью принять всякую крупную должность, если бы только ему предложили ее; а радикальный племянникъ шагалъ дальше,—онъ совершенно забывалъ о себѣ и, при извѣстныхъ данныхъ, отвергалъ всякую возможность принести какую-либо пользу обществу; а потому неудивительно, что послѣ двухчасового разговора въ униссонъ, собесѣдники вдругъ приходили къ полнѣйшему непониманію обсуждаемаго предмета и глядѣли другъ другу въ глаза съ самымъ комическимъ недоумѣніемъ.

Въ этихъ бесѣдахъ съ по-своему умнымъ старикомъ Рудковскій замѣчательно развилъ въ себѣ способность къ тонкой діалектикѣ и познакомился съ анекдотическими и біографическими подробностями той эпохи; дядя былъ товарищемъ и когда-то пріятелемъ почти со всѣми тогдашними тузами и любилъ похвастать близкимъ знакомствомъ съ малѣйшими аксессуарами ихъ интимной жизни. Эти разсказы дяди Рудковскій пожиралъ съ жадностью, усвоивалъ ихъ и даже перенялъ самую манеру дяди передавать ихъ съ легкою французскою насмѣшкой. Вообще, племянникъ, можетъ быть и преднамѣренно, нѣсколько подражалъ дядѣ во внѣшнихъ пріемахъ, даже изъ подражанія сталъ нюхать табакъ;—однако и тутъ между ними оказалась разница—и очень характеристичная: дядя нюхалъ душистый рапе изъ золотой табакерки, а племянникъ—просто бобковый изъ берестовой тавлинки...

Утоливъ свою потребность побудировать и истощивъ запасъ causticité, старикъ успокоивался и неоднократно наводилъ племянника на разговоръ о томъ, что какъ бы то ни было, а ему слѣдуетъ перемѣнить образъ жизни, доказывая, что молодому человѣку празднымъ быть не слѣдуетъ,—употребленіе сивухи дядя очень щепетильно игнорировалъ... что, наконецъ, сохраняя свои убѣжденія, можно и даже должно сдѣлать нѣкоторыя уступки обществу. Племянникъ ловко ловилъ его на противорѣчіяхъ и

уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта. Однажды разговоръ въ этомъ направленіи зашелъ слишкомъ далеко; дядя ударился въ полнѣйшую откровенность.

— Ты долженъ узнать, да ужъ вѣрно и замѣтилъ, что я глубоко презираю всю нашу почтенную роденьку; они за мною ухаживаютъ, но слишкомъ неловко: видно, что ждутъ моей смерти, то-есть—наслѣдства, за которое навѣрно погрызутся... Мнѣ хотѣлось бы это дѣло устроить поумнѣе,—и я былъ бы счастливъ назвать тебя, cher Grégoire, моимъ наслѣдникомъ, только при условіи—чтобъ ты занялъ въ свѣтѣ солидное положеніе. Это оправдало бы ту несправедливость, которую я хочу сдѣлать въ твою пользу.

— Вы не могли меня убѣдить, такъ хотите подкупить, mon oncle,—отвѣтилъ Рудковскій.—Кушъ—очень соблазнителенъ; вѣдь около двухсотъ тысячъ! Да жаль, подкупить-то меня нельзя... Убѣдите, что я долженъ жениться на свѣтской дурѣ и торчать въ передней у начальника, такъ я и безъ наслѣдства соглашусь; а не можете убѣдить, то зачѣмъ же хотите лишить меня святого человѣческаго права уважать самого себя? Полноте дядюшка, вѣдь и вы перестали бы уважать меня!...

Отвѣтъ былъ рѣзокъ; разговоръ этотъ никогда не возобновлялся.

Въ одинъ обыкновенный день превосходительный дядюшка умеръ отъ апоплексическаго удара; въ бумагахъ его найдено нѣсколько замѣтокъ, обнаруживавшихъ положительное его намѣреніе оставить все состояніе Рудковскому, однако въ формальномъ завѣщаніи, составленномъ гораздо раньше, наслѣдникомъ оказался одинъ дальній родственникъ покойнаго, человѣкъ и безъ того богатый и весьма чиновный. Дѣлая это распоряженіе, старикъ имѣлъ въ виду водворить семейный миръ и создать могущественнаго главу для всей мелкой многочисленной родни. Рудковскому завѣщена библіотека, «какъ единственному члену фамиліи, обладавшему литературнымъ образованіемъ». Онъ очень дорожилъ этимъ наслѣдствомъ и досадовалъ только на замѣтки,

подавшія поводъ къ самымъ грязнымъ на его счетъ пересудамъ милыхъ родственниковъ. Съ ними окончательно перервалъ онъ всѣ сношенія,—и это опять старались объяснить озлобленіемъ, вслѣдствіе несбывшихся надеждъ получить жирное наслѣдство.

Тяжелый и мрачный годъ провелъ Рудковскій. Съ какою-то злою преднамѣренностью онъ предавался всѣмъ циническимъ излишествамъ: любилъ сидѣть въ грязномъ трактирѣ съ неизвѣстными, темными личностями; шлялся по петербургскимъ танцклассамъ; одѣвался кое-какъ, донашивая платья эпохи своего прежняго дендизма; ѣлъ что попало, а пилъ предпочтительно одну водку. Въ квартирѣ его, меблированной нѣкогда весьма изящно, завелось какое-то неряшество: на всемъ лежали густые слои пыли, матерія на мебели висѣла въ лохмотьяхъ, стулья валялись поломанные, фортепьяно никогда не открывалось, а на письменномъ столѣ самое видное мѣсто занималъ зеленый штофъ и корочка ржаного хлѣба.

Благочестивые и приличные родственники оплакивали его поведеніе, порицали его упорство, негодовали на его отсутствіе на свадьбахъ сестеръ,—но не было мѣры ихъ негодованію, когда онъ не явился на похороны матери... А онъ ни въ чемъ не упрекалъ себя, потому что былъ только послѣдователенъ. Толкаясь по разнымъ закоулкамъ, Рудковскій пріобрѣлъ много знакомыхъ, даже пріятелей, которыхъ не зналъ ни имени, ни общественнаго положенія. Все это были большею частію люди огорченные; они дѣлились съ нимъ повѣствованіями о своихъ горемычныхъ странствованіяхъ по житейскому морю, а онъ выслушивалъ ихъ съ любознательностью, и изъ частныхъ фактовъ дѣлалъ общіе выводы, конечно, нисколько неутѣшительные, но отвлекавшіе всякаго горемыку отъ безвыходнаго созерцанія своего собственнаго убожества. Въ этой злополучной средѣ Рудковскій пріобрѣлъ даже нѣкоторую популярность: многіе стали являться къ нему на квартиру; онъ всѣхъ принималъ—если только не былъ пьянъ,—помогалъ совѣтомъ и мѣдными грошами своего тощаго кошелька; писалъ бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ прошенія

о пенсіи, или объ опредѣленіи дѣтей въ казенныя заведенія. Одному крѣпостному портному помогъ выкупиться на волю; одного бѣдняка, отыскивавшаго права дворянства, разругалъ и убѣдилъ, что ему этихъ правъ вовсе не нужно. «Для дѣтей-съ»,—робко вымолвилъ проситель.—«И для дѣтей это лишняя мебель. Вы отдайте ихъ лучше въ обученіе столяру, сапожнику,—дѣти потомъ спасибо вамъ скажутъ».—Особенно комичны были его отношенія къ петербургскимъ салопницамъ (являлись къ нему и эти типичныя особы); оказавъ посильную помощь, Рудковскій вдругъ огорошивалъ какую-нибудь разчувствовавшуюся старуху такою рѣчью:—«А вы бы, сударыня, лучше въ кухарки нанялись, или позанялись бы калачами, чѣмъ кофеи-то распивать да по панихидамъ шлёндать. Вы полагаете, что казна единственно про васъ припасена,—мало ли у нея, у нашей матушки, расходовъ!—всякому служащему жалованье подай; ну, а тѣмъ, кто поважнѣе—награды за ихъ великіе труды тоже давай, притомъ еще строй разныя заведенія, больницы, казармы и проч.,—досугъ ей заниматься такою дрянью, какъ вдова титулярная совѣтница!—Съ неба тоже не ждите,—напрасно; вѣдь вы, матушка, не лилія полевая,—сами кусокъ хлѣба промышляйте“.—Можно себѣ представить, какой сумбуръ поднимался въ старушечьихъ головахъ, когда отъ хорошаго человѣка приводилось слушать такія неподобныя рѣчи!

Въ этотъ годъ у Рудковскаго посѣдѣли виски, впала грудь—и былъ онъ на одинъ шагъ отъ кабака, или отъ сумасшедшаго дома... Случайная встрѣча спасла его.

V.

Екатерингофское гуянье 1-го мая 1845 года было особенно замѣчательно необыкновенною стужей. День былъ сѣренькій; солнце

показалось въ полдень на полчаса, только для порядка, и потомъ закуталось въ свою шинель сѣренькаго цвѣта, которую легковѣрные люди согласились называть петербургскимъ небомъ. Къ вечеру съ этого неба брызнуло что-то въ родѣ дождя, но и дождь показался тоже только для порядка—вотъ и я молъ тутъ готовъ;—спрыснулъ слегка пыльное шоссе и потянулся куда-то къ Финскому Заливу. Несмотря на эти маленькія неудобства, весь Петербургъ собрался встрѣчать весну. Петербургскій житель — молодецъ; неизбалованный нѣжностями матери-природы, онъ весело игнорируетъ погоду, торопливо бѣжитъ туда, гдѣ виденъ кустикъ зелени, кучка народа и музыка, и только на другой день скверно кашляетъ, хмурится отъ ломоты и съ подвязанной щекой плетется отъ доктора въ аптеку.

По шоссе до тріумфальныхъ воротъ медленно тянулись ряды всевозможныхъ экипажей; между ними галопировали статскіе франты съ англійской посадкой и блестящіе гвардейскіе кавалеристы; все это движеніе было стройно, красиво, но безжизненно, точно процессія. Дамы въ экипажахъ зябли и старались мило улыбаться, кавалеристы тоже зябли и кое-какъ любезничали; а жандармы, точно вылитые изъ бронзы, стояли неподвижно на извѣстныхъ пунктахъ и регулировали порядокъ шествія. По сторонамъ шоссе картина была оживленнѣе: тамъ чуйки, кафтаны, пальто и даже шубы смѣшивались въ пеструю толкучку; крикъ, пѣсня, хохотъ, шарманка;—чиновницы ѣдятъ мороженое, мѣщанки щелкаютъ орѣхи;—нѣмцы мастеровые водятъ и носятъ крошечныхъ дѣтей, и сосутъ скверныя сигары; — тутъ поймали неловкаго карманщика, тамъ ахаютъ, ищутъ потерявшагося ребенка; — мѣстами вырываются хлесткія фразы, угрожающія близкой дракой, или доброй выпивкой на примиреньи; — молодые парни упражняются на гармоникѣ; гвардейскіе солдаты цѣлуются троекратно съ кумами, пачкая ихъ раскраснѣвшіяся щеки своими нафабренными усами и предлагая зайти въ „заведеніе“. Гуще всего народъ скучивался около этихъ заведеній, да вокругъ полковыхъ оркестровъ, да возлѣ раешниковъ, гдѣ остритъ писк-

ливый Пульчинелло, единственный неаполитанецъ, пріобрѣвшій всероссійскую популярность подъ именемъ „Петрушки».

Недалеко отъ вокзала вдругъ выросла толпа вокругъ какой-то исторіи. Въ срединѣ толпы, словно два боевыхъ пѣтуха, наступали другъ на друга синяя чуйка и оливковое пальто; между ними стояла потупясь красивая бабеночка въ атласномъ салопѣ, какъ видно, послужившая яблокомъ раздора.

— Сказалъ — смажу, ну и смажу!—Побоюсь, что ли?—Ты не больно себѣ позволяй! — горячилась чуйка.

— Мерзавецъ ты!—Какъ же ты смѣешь такъ съ благороднымъ человѣкомъ разговаривать?—съ достоинствомъ возражало пальто.

— Какой же ты благородный человѣкъ?—Слушайте братцы; подшелъ я пряниковъ купить для нихъ вотъ, для моей супруги: только этто отвернулся, слышу „ай“!—Это онѣ, то-есть, супруга моя закричали. Глядь-поглядь, а этотъ баринъ пристаетъ къ ней съ срамными словами; въ давкѣ-то тѣсно, а онъ руку-то сейчасъ въ обхватъ скрозь салопъ. Подскочилъ я тутъ — „прочь, говорю, не то я-те рыло смажу. Какъ же долженъ я поступать?—Нешто это имъ такъ полагается?

— Какъ можно! — Срамъ какой! — Да еще мало! — Жаль, что не смазалъ! — загудѣла толпа. — Вотъ было бы ловко!

— Знаешь ли съ кѣмъ разговариваешь, свинья ты!

— И знать-то не хочу. Ты самъ свинья.

— Ахъ ты бестія дерзкая! — Знаешь ли, что я тебя въ тюрьму упрячу. Я — чиновникъ!

Пальто распахнулось и обнаружило гербовыя пуговицы, разсчитывая на несомнѣнный эффектъ.

Толпа, вмѣста испуга, разразилась громкимъ хохотомъ.

— Чего смѣетесь, сволочь! — А ты, любезный, пойдем-ка, пойдемъ къ надзирателю. Тамъ тебя выучатъ вѣжливости.

— Позвольте васъ остановить. Вы гдѣ изволите служить?— спросилъ смуглый, худощавый господинъ въ енотовой шубѣ, стоявшій все время въ двухъ шагахъ отъ дѣйствующихъ лицъ этой сценки.

— Вамъ угодно знать, гдѣ я служу? — Въ управѣ благочинія-съ! — побѣдительно воскликнуло пальто.

Толпа разразилась еще пущимъ смѣхомъ.

— Это для васъ, милостивый государь, можетъ кончиться очень скверно. Какое же это такое благочиніе вы затѣваете на гуляньи?

— А вы что вмѣшиваетесь, какое вамъ дѣло?

— А такое дѣло, красавецъ мой, что васъ завтра изъ службы выгонятъ,—спокойно понюхавъ табаку, сказалъ господинъ въ шубѣ.

Пальто струсило и, озираясь вокругъ, приняло нѣкоторыя мѣры къ бѣгству; но кружокъ сдвинулся плотнѣе и послышались возгласы:

— Э, нѣтъ, нѣтъ, ваше благородіе! — Постой! — Вотъ господинъ пущай разсудитъ! — Такъ нельзя! — Старичокъ пущай разберетъ!

— Вы вѣроятно сами чувствуете потребность извиниться передъ этой женщиной? — сказалъ импровизованный старичокъ, въ которомъ читатель вѣроятно узналъ Рудковскаго.

— Я?—Извиниться... Вы это кажется вольнодумство хотите тутъ проповѣдовать?... язвительно прошипѣлъ чиновникъ.

— Эге, — такъ вы еще вотъ куда закидываете! — Извольте сейчасъ извиниться — и пусть это послужитъ вамъ урокомъ. — Рудковскій принялъ грозный тонъ. — Иначе я завтра же при свиданіи разскажу... (онъ назвалъ имя, отчество и фамилію одного изъ лицъ высшей полиціи).

— Ну, извините, извините мадамъ... виноватъ, больше не буду! — съ жалостной ироніей пробормоталъ чиновникъ и юркнулъ въ толпу, провожаемый смѣхомъ и свистками.

— А вы, почтенный другъ, вѣроятно мастеровой? — обратился Рудковскій къ чуйкѣ.

— Съ Битепажа фабрики.

— Вы будьте осторожнѣе. Слава Богу, что тутъ не случилось квартальнаго; стащи онъ васъ, еще неизвѣстно кто вышелъ бы правъ... Да и супругѣ вашей замѣтьте дома—ужъ вѣрно она раза два передъ чиновникомъ хихикнула...

— Благодаримъ покорно!—Нашему брату, вѣстимо, вѣры не дадутъ. Какъ-ни-какъ, а безъ выкупа тоже не выпустятъ. Ишь ты, дура!—насмѣшливо хлопнулъ фабричный по плечу свою супругу; — все черезъ тебя; — пойдемъ, Устинья!

Сыгравъ роль мирового судьи, Рудковскій направился къ вокзалу. Толпа разбрелась, толкуя о чуднòмъ старичкѣ, который хоть и въ старенькой енотовой шубѣ, а должно быть лицо значительное.

— Вишь какъ пугнулъ — и ума палата, всѣхъ разсудилъ!..

Въ продолженіе всей предыдущей сцены и послѣ нея, три человѣка съ живымъ интересомъ слѣдили за Рудковскимъ; одинъ въ широкой альмавивѣ, зеленомъ рейтъ-練фракѣ и очкахъ— фигура въ то время многимъ знакомая, являвшаяся всюду, гдѣ собиралась публика. Онъ былъ неизвѣстнаго происхожденія и неизвѣстной профессіи, выдавалъ себя за странствующаго фокусника, хотя странствованія его совершались только въ районѣ петербургскихъ кофеенъ и трактировъ, а самыми лучшими фокусами были внезапныя измѣненія его не-русской физіономіи: сегодня онъ является чисто-выбритый, завтра показываетъ красивые усы и эспаньолку, а послѣзавтра однѣ только безподобныя бакенбарды. — Очки носились тоже ad libitum.

Въ публикѣ онъ все молчалъ и слушалъ; изрѣдка разыгрывалъ роль шута, гаденькаго и совершенно безвреднаго. При встрѣчѣ съ полицейскими чиновниками онъ отворачивался, будто гнушаясь даже возможностью знакомства съ ними. На происшествіе, въ которомъ принялъ участіе Рудковскій, онъ смотрѣлъ съ безпечностью хорошо пообѣдавшаго барина, которому нужны какія-нибудь развлеченія собственно для гигіеническихъ цѣлей.

Другіе двое — худенькій, стройный офицеръ и статскій съ суковатой дубинкой, въ мягкой войлочной шляпѣ, изъ-подъ которой разсыпались по плечамъ золотистыя кудри, оба хорошенькіе, еще совсѣмъ зеленые юноши. Стояли они рука съ рукой, какъ можно ближе къ Рудковскому и слѣдили за всѣмъ происходившимъ съ серьёзнымъ, до наивности серьёзнымъ, вниманіемъ.

Лицо офицера носило печать задумчивости, почти печали;—онъ особенно жадно ловилъ слова Рудковскаго; а кудрявый его товарищъ смотрѣлъ рѣшительнымъ эпикурейцемъ; прищурившись и наклонивъ голову немного на бокъ, онъ какъ-будто хотѣлъ сказать всей группѣ:—Постойте такъ, господа, — не двигайтесь... такъ вы очень хороши!..

Оба они вошли въ вокзалъ слѣдомъ за Рудковскимъ. Онъ сѣлъ къ столику и спросилъ рюмку коньяку; — юноши переглянулись, сѣли къ тому же столику и потребовали чаю. — Наконецъ, офицеръ, пощипавъ чуть пробившійся усъ, обратился къ Рудковскому:

— Ужъ позвольте намъ съ вами быть знакомыми, m-r Рудковскій... Мы такъ давно и почти каждый день встрѣчаемся... Право, иной разъ невольно хочется поклониться вамъ и протянуть руку... Я—Морицъ, а это мой двоюродный братъ, художникъ Купянцовъ. Извините нашу самонадѣянность...

Голосъ его дрожалъ отъ волненія, — точно онъ въ любви признавался...

— Очень радъ, господа... Рудковскій пожалъ имъ руки. — Дѣйствительно, мы сосѣди, живемъ, кажется, въ одномъ домѣ...

— Да-съ,—подхватилъ Морицъ,—мы въ пятомъ этажѣ надъ вами, по одной даже лѣстницѣ...

— И встрѣчались часто, но гдѣ?—Хоть убейте, не помню.

— Въ танцъ-классѣ, у мадамъ Кессенихъ... улыбнувшись и покраснѣвъ, подсказалъ художникъ.

— А!—точно, въ семъ почтенномъ домѣ... да—да!

Чрезъ пять минутъ новые знакомые вмѣстѣ пили чай и вели самую задушевную бесѣду. Разговоръ вертѣлся, разумѣется, около скандала съ чиновникомъ. Рудковскій, по своему обыкновенію, дѣлалъ очень широкія обобщенія и крайніе выводы.

— Вѣдь это я съ разсчетомъ назвалъ N. N. по имени... Вы конечно повѣрите, что я съ его превосходительствомъ вовсе не имѣю чести быть знакомымъ. Но что дѣлать! — ужъ мы такой

народъ: не боимся ни совѣсти, ни срама, ни суда, ни даже закона, ничего... а начальства боимся.— Такъ воспитаны.

— А меня особенно поразило въ этой исторіи наше грубое отношеніе къ женщинѣ,—сказалъ Морицъ.—Ахъ, когда же мы будемъ смотрѣть на нее, какъ на человѣка!

— Эге, да вы, батюшка, должно быть по бабской части, господинъ Сердечкинъ?.. безцеремонно кольнулъ Рудковскій новаго знакомца.—А я вамъ скажу, милый мечтатель, это придетъ тогда, когда женщина не будетъ стоять лупоглазой коровой, когда ее оскорбляютъ, вотъ какъ эта самая мадамъ.—Замѣтили, какъ нелѣпо она улыбнулась?—И закричала-то она свое «ай» вовсе не изъ чувства оскорбленнаго достоинства, а такъ—съ дуру.

— Пожалуй, и вступаться за нее не стоило?

— Да-таки и не стоило. Ни жуиръ-чиновникъ, ни эта толстомясая Устинья не стоятъ вниманія. Важна публичность, развязка этого происшествія,—мораль сей басенки;—авось кто-нибудь и воспользуется...

— Да вотъ я первый непремѣнно воспользуюсь,—отозвался художникъ.—Очень оригинальный жанрикъ выйдетъ. Придя домой, сейчасъ же набросаю нѣкоторыя, вещи чтобы не забыть.

— Меня пожалуйста не забудьте; да посмѣшнѣе изобразите.

— Какъ можно безъ васъ!—Безъ «старичка» въ картинѣ и смысла не будетъ... Вѣдь вы «старичокъ», такъ народъ васъ назвалъ. Притомъ ваша енотовая шуба—весьма характерный аксессуаръ на весеннемъ петербургскомъ гуляньи!..

Весело болтая, молодые люди не замѣтили, что рядомъ съ ними помѣстились купцы тоже на чаепитіе. Около купцовъ увивался тотъ фокусникъ въ альмавивѣ и потѣшалъ ихъ, проглатывая чайныя ложечки.

— Позвольте мнѣ трехрублевую депозитку,—просилъ купцовъ профессоръ магіи; но дать деньги купцы посумнились. —Только на время,—убѣждалъ онъ,—на подержаніе. А не хотите, такъ я свою достану. Вотъ!—Айнъ, цвай, драй—пассé сюда?—и депозитка исчезала и появлялась гдѣ угодно. Нако-

нецъ, она очутилась въ волосахъ стараго купца; фокусникъ взялъ ее осторожно, деликатно, двумя пальцами, чтобы не оскорбить почтенныя сѣдины; а купецъ сцапалъ его за пальцы всей пятерней и отнялъ бумажку.

— Подай-ка сюда, мусье, это моя.

— Какъ ваша?

— Моя, коли на мнѣ оказалась,—сурово отрѣзалъ купецъ. Это какъ-нибудь ребятёнки дома баловали да въ шляпу засунули, вотъ она въ волосахъ и застряла. Твоя давно ужъ пропала, алё-маршъ!—Проваливай!

Сконфуженный фокусникъ обратился къ компаніи Рудковскаго, безмолвно, съ видомъ насмѣшливаго сожалѣнія о необразованности купцовъ, сѣлъ и сдѣлалъ нѣсколько покушеній вступить въ разговоръ; но Рудковскій взглянулъ на него такъ неласково, что покушенія оборвались, и онъ сунулся опять къ купцамъ выручать свою депозитку, а молодая компанія встала, торопливо расплатилась и вышла изъ вокзала.

— Можете себѣ представить, господа,—эта гадина меня всюду преслѣдуетъ какъ тѣнь... Даже фамилію мою знаетъ. Ужъ я когда-нибудь отважу его!..

Рудковскій былъ замѣтно раздосадованъ; а молодые друзья, казалось, совсѣмъ и не подозрѣвали въ чемъ дѣло, какъ можно досадовать изъ такого пустяка...

Домой они пошли пѣшкомъ. Длинной дорогой Купянцовъ тоскливо присматривался къ каждому извозчику, но Рудковскій и Морицъ до того увлеклись горячимъ разговоромъ о литературѣ, что не обратили никакого вниманія на усталость юнаго товарища.

— Ну, сломали мы походецъ изрядный!—Уфъ!—вздохнулъ художникъ, садясь на тумбу у воротъ дома?

— А отдохнуть зайдемте ко мнѣ,—предложилъ Рудковскій. Только не знаю, чѣмъ буду васъ угощать, я дома не обѣдаю, а ѣсть чертовски хочется, вѣрно и вамъ тоже.—Можете себѣ представить, какое это несчастье—«ѣсть хочется»?

— Да, подкрѣпиться не мѣшаетъ.

— Григорій Васильевичъ, будемте безъ церемоніи, какъ подобаетъ хорошимъ людямъ, — вызвался Морицъ. — Ѣсть намъ всѣмъ хочется, а у меня должны быть битки съ лукомъ. Мой деньщикъ, Иванъ, кромѣ битковъ ничего стряпать не умѣетъ, за то довелъ эту спеціальность до совершенства. — Ваня, ты иди съ Григорьемъ Васильевичемъ, а я распоряжусь и сейчасъ явлюсь къ вамъ съ походной кухней.

Юный офицеръ обнаружилъ чрезвычайную общительность и такую скорость вдругъ мелькнувшаго рѣшенія, что Рудковскій не успѣлъ еще ничего путемъ сообразить, а тотъ уже летѣлъ на свой пятый этажъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ въ квартирѣ Рудковскаго сонный Иванъ гремѣлъ тарелками, а господа съ великолѣпнымъ аппетитомъ уничтожали чуть-теплые битки.

— А вотъ у насъ еще и хереса есть! — торжественно воскликнулъ Морицъ, осматривая бутылку, въ которой оставалось не болѣе трехъ рюмокъ.

— Ну, Андрюша, я боюсь, напоишь ты насъ до положенія ризъ. Хересовъ-то у насъ ужасть-сколько! Какъ котъ наплакалъ въ бутылку!... шутилъ художникъ.

— У меня есть еще одна бутылочка припрятана, — фамильярно вмѣшался деньщикъ Иванъ; — не знаю, какое въ ней вино-то: я изъ двухъ бутылокъ слилъ. Да сыру кусочикъ, только онъ никакъ засохъ, ровно камень... Аль подать?

— Тащи, Иванъ! — Ты геніальный человѣкъ, — тащи! — Ха-ха-ха!... Скудное угощеніе приправлялось веселыми шутками, промахи метрдотеля — деньщика покрывались дружнымъ звонкимъ хохотомъ. Простота манеры и сердечная откровенность хлопотавшаго Морица были восхитительны, какъ сама его насквозь ясная юность.

Весенняя, бѣлая петербургская ночь глядѣла въ окна; пламя свѣчи было назойливо-непріятно, какъ-то покойника напоминало. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Купянцовъ не вытерпѣлъ — потушилъ свѣчи и усѣлся у окна съ бумагой и карандашомъ, набрасывая

вчерашнюю екатерингофскую сценку. Морицъ и Рудковскій возлежали на широкой софѣ; юный офицеръ съ наслажденіемъ потягивалъ дымокъ папироски. Черные глаза Рудковскаго пытливо вглядывались въ него съ боку,—они и любовались и завидовали...

— А вѣдь я ужасно радъ, что съ вами познакомился,—началъ Морицъ.

— Почему-жъ вы такъ рады?

— Такъ.—Ваня отличный малый, только онъ не въ силахъ объяснить то, что мнѣ нужно... Вѣдь я пишу... съ дѣтскою важностью прошепталъ Морицъ.

— Что же вы пишете?

— Да вотъ видите ли, я вышелъ изъ корпуса, стало быть, знаю очень мало. Кажется и хорошо учился, а вижу, что надо еще много учиться... Я и учусь.—Хотѣлъ-было въ военную академію, да разочаровался: науки, въ ея философскомъ значеніи, тамъ нѣтъ. — Писателю нужно знать многое, а потому я теперь пока писать что-нибудь свое, оригинальное не могу, — выходитъ плохо и глупо... Я перевожу, и выбралъ Андре Шенье, люблю его—хотите, прочту вамъ кое-что изъ моихъ переводовъ?

— Пожалуйста прочтите.

Прочтя стихотвореніе, Морицъ съ искреннею грустью сказалъ:

— Вѣдь это плохо, очень плохо!.. Только вы не говорите мнѣ этого, — совсѣмъ обезкуражите... Вы тоже пишете, ваше имя я встрѣчалъ въ журналахъ.—Прочтите-ка что-нибудь свое.

— Ваши стихи очень милы; есть неточности въ выраженіяхъ, неровности, ну да это не бѣда, сгладится; за то свѣжесть въ нихъ какая-то неподдѣльная, точно здоровый румянецъ... А своего я читать вамъ не буду; пробовалъ ямбы Барбье переводить, да давно ужъ забросилъ... Объ этомъ мы когда-нибудь послѣ.

— Видите, какой вы недобрый!.. А я давно зналъ, что вы пишете для журналовъ,—вотъ славная-то работа, благородная!

— Вообще, я пишу плохо и мало.—Посмотримъ лучше, что сочинилъ нашъ художникъ.

Купянцовъ бойко скомпоновалъ группу, въ центрѣ которой

поставилъ жуира-чиновника, только-что распахнувшаго свое пальто, но уже срѣзаннаго вмѣшательствомъ Рудковскаго, который вышелъ чрезвычайно похожъ, съ характерной своей понюшкой табаку, недонесенной до носа.—Но лучше всѣхъ оказалась баба—жертва происшествія; она начерчена была совершенно по мысли Рудковскаго: круглолицая, улыбающаяся,—сложа руки на животѣ, она безучастно глядитъ, будто передъ ней собачья комедія разыгрывается.

Рудковскій смѣялся до слезъ и просилъ художника подарить ему этотъ эскизъ, на память первой встрѣчи.

— Охотно, только постойте—надо еще кое-что додѣлать.

Опять завязался разговоръ о литературѣ.—Морицъ оказался восторженнымъ почитателемъ Жоржъ-Занда, особенно—романовъ его первой эпохи,—страстныхъ, жгучихъ, полныхъ необузданнаго лиризма и нервнаго женскаго протеста;—Рудковскій, не стѣсняясь, обдалъ юношу раза два-три холодной водой трезваго логическаго разсужденія, и наконецъ овладѣлъ разговоромъ, выставляя безпощадную пошлость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неодолимую силу „настоящей“ дѣйствительности, и безполезность (онъ даже сказалъ—глупость), идеальныхъ порываній въ міръ фантазіи, близкій къ бѣлой горячкѣ. Юноша не поддавался,—онъ слишкомъ дорожилъ своими идеалами и не вѣрилъ въ черноземную силу грязной дѣйствительности; онъ еще не зналъ ея могущества,—наконецъ, просто надулся, ушелъ въ себя, замолкъ, предоставивъ противнику проповѣдывать въ пустынѣ.

Синевато-молочный свѣтъ ночи уступалъ еще слабому розовому трепету утра,—точно на мертвомъ лицѣ вдругъ жизнь заиграла. Рудковскій ходилъ по комнатѣ, ожесточенно нюхалъ табакъ и изощрялся въ діалектикѣ, не обращая уже вниманія на собесѣдника, который съ погасшею папироской лежалъ на диванѣ. У самыхъ умныхъ людей бываетъ иногда слабость слушать самихъ себя. Онъ остановился съ какимъ-то существеннымъ вопросомъ и увидѣлъ, что Морицъ заснулъ... Рудковскій не только не оскорбился, но даже полюбовался соннымъ молодымъ

лицомъ; на немъ лежалъ такой счастливый, сладкій покой, что будить рука не подымалась... Хозяинъ пошелъ къ другому гостю, но и тотъ, положивъ кудрявую голову на руки, какъ сидѣлъ надъ рисункомъ, такъ и заснулъ, слегка похрапывая... Эскизъ былъ конченъ и подъ нимъ разгулявшійся карандашъ подмахнулъ: „Благочиніе"—и сломался, закрутивъ бойкій росчеркъ.

Долго ходилъ Рудковскій по комнатамъ, раздумывая о новыхъ знакомцахъ. Честная, скромная простота ихъ привычекъ и понятій, безпечная легкость сближенія, талантливость—все въ нихъ было ему до крайности симпатично...

«Даже и то, что они заснули у меня,—и то дѣтски-прелестно... Какъ бы глупо и пошло было, еслибъ они изъ одного только приличія сидѣли, жмурились, и зѣвая притворялись бы заинтересованными въ разговорѣ... Однако, что они такое? вѣдь для меня это совсѣмъ новая порода людей...»

Дѣйствительно, припоминая всѣхъ своихъ пансіонскихъ товарищей, Рудковскій видѣлъ, что между ними и этими юношами нѣтъ ничего общаго... «Тѣ—или салонные денди, ловкіе чиновники, глубокомысленные карьеристы, или отчаянные забулдыги;—а эти простые, веселые и вмѣстѣ серьёзные ребята, ничѣмъ еще нетронутыя натуры, они какъ будто гордятся своимъ невѣдѣніемъ житейской грязи и вѣрятъ, что уцѣлѣютъ... Точно имъ кто свыше сказалъ, что непремѣнно уцѣлѣютъ... Да, ихъ выноситъ какая-то новая волна...»

Эта ночь съ ея малѣйшими подробностями сильно впечатлѣлась въ сознаніи Рудковскаго, она отмѣтила переломъ въ его грустной жизни.

Онъ задумался объ нихъ, объ этихъ юношахъ, а между тѣмъ и не примѣтилъ, что «новая волна» плеснула и на него, освѣтила его безполезно и безпутно надорванныя силы.

Утромъ новые пріятели вмѣстѣ пили чай; потомъ разошлись каждый къ своему дѣлу. Обѣдали опять вмѣстѣ, соединивъ свои маленькія холостыя хозяйства. Такъ было день и два, и десять дней,—и наконецъ какъ-то сама собою созрѣла мысль жить

имъ всѣмъ вмѣстѣ, на одной квартирѣ. Замѣчательно, что при этомъ имъ даже и въ голову не пришло сдѣлать какія-либо условія относительно экономической стороны ихъ совмѣстной жизни. Морицъ и Купянцовъ переселились въ квартиру Рудковскаго, перенесли свои скромные пожитки, между которыми мольбертъ и холсты художника занимали самое видное мѣсто.— Иванъ притащилъ на кухню самоваръ, мѣшочекъ угля, двѣ кострюли, три сковороды, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа принялся рубить котлеты.

Каждый изъ сожителей наперерывъ старался нести свой грошъ въ общее хозяйство. Казалось бы, что при такомъ странномъ экономическомъ устройствѣ ихъ быта и при соревнованіи не отстать отъ товарищей,—молодые люди могли совсѣмъ запутаться въ своихъ денежныхъ дѣлахъ; вышло совсѣмъ напротивъ: жизнь каждому изъ нихъ стала обходиться дешевле; копѣечныхъ счетовъ они совсѣмъ не вели; въ нихъ не могли еще развиться буржуазные вкусы къ обожанію всѣхъ прелестей собственности,— расходы ихъ регулировались чрезвычайно скромными и нескрываемыми достатками каждаго товарища, и потомъ спартанскою ограниченностью ихъ потребностей, да прибавьте къ этому молодость—святую безсребренницу, вѣрующую, что «утрій о себѣ печется»,—и станетъ понятно, что они устроились превосходнымъ образомъ.

VI.

Вокругъ Рудковскаго зашевелилась дѣятельная, молодая жизнь. Ваня Купянцовъ каждый день, несмотря ни на какую погоду, путешествовалъ въ Академію Художествъ и работалъ для разныхъ иллюстрированныхъ изданій. Андрюша Морицъ, кромѣ занятій по службѣ, очень въ то время утомительныхъ, не пропускалъ

публичныхъ лекцій,—хоть онѣ были въ то время очень не утомительны,—успѣвалъ брать уроки въ языкахъ, ходилъ къ учителю пѣнія, и не прочь былъ проплясать всю ночь на балѣ, или въ маскарадѣ дворянскаго собранія. Рудковскій, глядя на нихъ, и самъ замѣтно пріободрился, хоть и не могъ совершенно разстаться съ своимъ дырявымъ халатомъ, но рѣже сталъ прибѣгать къ спасительной рюмочкѣ; передъ молодыми пріятелями ему было какъ-то стыдно показаться во всемъ безобразіи распущенности. Онъ принялся даже за свои брошенныя литературныя занятія.

Отношенія Рудковскаго къ юнымъ сожителямъ долгое время колебались; онъ наблюдалъ ихъ характеры и привычки,—изучалъ ихъ. Увы, въ немъ уже не оказывалось молодой, смѣлой довѣрчивости, онъ не поддавался слѣпо первому впечатлѣнію... Полюбилъ онъ ихъ одинаково—братски, но мягкая, ровная, болѣе пассивная натура Вани сразу ему подчинилась;—художникъ, мало упражнявшійся въ умственной гимнастикѣ и сосредоточенный на любви къ своему искусству, смотрѣлъ на Рудковскаго какъ на оракула. Андрюша, болѣе развитый, нервный и самолюбивый, какъ будто чувствовалъ зародыши своей силы, горячо отстаивалъ свои иллюзіи и часто обнаруживалъ упрямство избалованнаго ребенка.

Онъ былъ, какъ мы уже знаемъ, восторженный поклонникъ Жоржъ-Занда, посвящалъ даже свои стихотворенія этой далекой звѣздѣ какого-то новаго, чудеснаго міра, и не только проповѣдывалъ, но даже практиковалъ свободу сердечныхъ отношеній, то-есть, по-просту сказать, очень часто влюблялся въ дѣвицъ и замужнихъ женщинъ безъ разбора, и охладѣвалъ къ своимъ идоламъ очень скоро. Смѣшная сторона его легкости значительно смягчалась полнѣйшею искренностію—онъ не умѣлъ себя принуждать и актерствовать,—но все-таки его поведеніе давало неистощимую пищу юмору Рудковскаго, который прозвалъ молодого пріятеля новоизобрѣтеннымъ словомъ «бабникъ». Но у бабника, независимо отъ всѣхъ мимолетныхъ увлеченій, была одна

неизмѣнная привязанность въ лицѣ нѣкоей молоденькой швейки—Наденьки.

Эта Наденька—очень бѣдная, малограмотная и весьма немудреная дѣвочка—привязалась къ своему Андрею Николаевичу съ такою силой, съ такимъ самозабвеніемъ, что было порой жаль ее, а еще больше его—искренняго, но безвольнаго мучителя, мучившаго себя съ одной стороны безплодною погоней за отысканіемъ воплощеннаго женскаго идеала по Жоржъ-Занду, а съ другой—сознаніемъ, что подлѣ него безропотно вянетъ такое любящее, безъ конца преданное существо, готовое цѣловать его руки, ноги за одинъ взглядъ ласковый, за одно слово любви и возврата къ ней.

Такая рабская любовь дѣвушки значительно портила характеръ Морица... Вѣдь онъ иногда считалъ себя маленькимъ божкомъ, которому и подобаетъ поклоненіе.

Эти отношенія, разумѣется, стали извѣстны Рудковскому и заняли серьёзно его вниманіе. Онъ видѣлъ необходимость образумить Андрюшу и вылечить глупенькую дѣвочку,—но, по складу своего пониманія, выбралъ для этого средства черезъ-чуръ рѣшительныя, какъ доктора говорятъ—героическія, а пожалуй и лошадиныя.

— Здравствуйте, Дульцинея Кирбитьевна! —привѣтствовалъ обыкновенно Рудковскій приходившую Наденьку.

— Здравствуйте, Григорій Васильевичъ!—что это вы меня такъ называете?—это обидно...

— Я васъ люблю, моя красавица, а потому обижаться вамъ не слѣдуетъ. Вашего возлюбленнаго Андрея Николаевича дома нѣтъ, гдѣ-нибудь ферлакурничаетъ. Въ какую-то генеральшу втюрился.

— Вы это почемъ знаете?

— Какъ не знать!—передъ всякой юбкой таетъ. И охота же вамъ привязаться къ этакому вѣтрогону! Право, подумайте-ка, да выйдите скорѣе замужъ, покойнѣе будетъ. Можетъ, вамъ жениха подыскать?

— Нѣтъ, ужъ я замужъ не пойду. Жениховъ-то много было, да я... ну, разъ сказала не пойду—и не пойду...

— Ужъ будто и много? Вы никакъ прихвастнули душе́нька?

— Ей Богу много! Вотъ еще недавно одинъ слесарь? сватался, тысячу рублей въ ламбартѣ имѣетъ.

— Слесарь и тысячу рублей! О, да это дѣло прочное, благонадежное!.. Да вы совсѣмъ дурафья будете, моя милая, если откажетесь сдѣлаться мадамъ - слесаршей, да еще съ тысячью рублями въ *ламбартѣ!*

— Я отказала на-отрѣзъ. Маменька плакала-плакала, потомъ съ шуриномъ даже бить меня собиралась.

— И жаль, что она васъ порядкомъ не отшлепала!... Вѣдь понимаете ли вы, красота моя, какую глупость-то вы себѣ въ голову вбили? Ну какой вамъ прокъ изъ Андрюшиной любовишки?

— Сама знаю, что проку никакого, да что дѣлать-то — не могу!... Авось, Богъ дастъ, это пройдетъ.

— Давай Богъ!—А какъ онъ вдругъ вздумаетъ жениться на другой, на высокоблагородной барышнѣ...

— Онъ никогда не женится!—увѣренно перебила дѣвушка.

— Конечно, это было бы изъ рукъ вонъ глупо... однако мало ли нелѣпостей бываетъ... Ну, вдругъ,—а у васъ на ту пору дурь-то еще не пройдетъ,—что вы станете дѣлать? Еще пожалуй скандалъ выйдетъ—въ церкви коровой заревете... куда красиво! А слесаршей быть самое любезное дѣло. Ужъ и я бы на старости лѣтъ потанцовалъ на вашей свадьбѣ...

Наденька разсмѣялась, но упорно отстаивала свою рѣшимость.

Разъ какъ-то Рудковскій повелъ съ нею такого рода разговоръ.

— Послушайте, моя герцогиня,—а вѣдь вы маху дали, что выбрали себѣ *въ предметъ* такую фитюльку! Ну что въ немъ хорошаго? такъ—какой-то жиденькій нѣмчикъ... и за душой кромѣ вышитаго мундира ничего нѣтъ. Вотъ я вамъ представлю человѣка, такъ ужъ мое почтеніе!—съ тѣмъ возьмите!..

— Кого это такого?—простодушно спросила Наденька.

— Да ужъ останетесь довольны! И влюбленъ въ васъ какъ

кошка... человѣкъ солидный, профессоръ, жалованье получаетъ большое... словомъ — Теофилъ Осипычъ...

— Панъ?! — со смѣхомъ вскрикнула Наденька.

Въ кругу знакомыхъ Рудковскаго „паномъ“ звали Теофила Осипыча Горжельскаго, преподавателя въ одномъ учебномъ заведеніи, человѣка не первой молодости, весьма умнаго, но милѣйшаго чудака и ужаснаго тоже „бабника“. Онъ встрѣчалъ нѣсколько разъ у Морица Наденьку, сдѣлалъ ей нѣжные глазки и съ тѣхъ поръ сталъ носить голубые галстухи.

— Да, подумайте объ этомъ, моя прелесть, серьёзно... Нашъ панъ хоть и не купидонъ, за то мужчина въ комплектѣ...

— Онъ смѣшной такой... ха-ха... съ нимъ весело шутить, а полюбить — какъ можно?

— Полюбите, какъ онъ для васъ раскошелится, да еще похваливать станете!...

— Стыдно вамъ говорить это, Григорій Васильичъ! Вѣдь вы дружны съ Андреемъ Николаичемъ,—развѣ это честно?...

— И, мать моя, да я ему въ глаза говорилъ тысячу разъ то же самое!... Вѣдь онъ за свободу любви горой стоитъ, глаза готовъ всякому выцарапать,—ну, и будь же послѣдователенъ... Любишь кататься, люби и саночки возить!

На этотъ разговоръ вошелъ Андрюша. Рудковскій съ невозмутимымъ спокойствіемъ повторилъ передъ нимъ всѣ свои наставленія Наденькѣ.

— Григорій Васильичъ, я просилъ бы тебя прекратить эту мистификацію,—обидѣлся Морицъ. Если это шутка, то она не смѣшна—слишкомъ долго продолжается; а если серьёзно, то...

— Что—*то?* На дуэль меня вызовешь, что ли? Изволь. Ужъ послѣ дуэли насъ прямо въ сумасшедшій домъ.

— Я смотрю на эти вещи серьёзно.

— Да, серьёзно глупо... Ты съ нею какой-то романъ продѣлываешь, и романъ выходитъ препотѣшный... Думаешь ее развивать, стихи свои ей читаешь, а она въ это время въ носу ковыряетъ. То ли дѣло, какъ панъ поведетъ ее на Крестовскій,

мантильку ей модную построитъ,—и она повеселѣетъ,—даже кашлять перестанетъ... а вѣдь теперь, посмотри, она очень гадко кашляетъ. Ты бы хоть бифстексомъ, что ли, почаще кормилъ эту незабудку, выросшую на Козьемъ Болотѣ...

Подобные разговоры, благодаря юмору Рудковскаго, оканчивались веселымъ дружескимъ смѣхомъ. Но въ голову Андрюши закрадывалась тревожная мысль: „а вѣдь Рудковскій-то, пожалуй, и правъ...“ Эта мысль оставляла въ сознаніи молодого человѣка горькій осадокъ;—вѣдь онъ поставилъ задачею своей жизни искренность,—искренность во что бы то ни стало... а тутъ приходилось вилять передъ самимъ собою.

Но этотъ маленькій сердечный романъ Морица былъ далеко не первостепеннымъ эпизодомъ въ квартирѣ № 10-й. Онъ пропадалъ въ хоровой жизни нашихъ друзей.

Вмѣстѣ съ Морицомъ и Купянцовымъ въ квартиру № 10-й нахлынула толпа молодежи—ихъ пріятелей, въ особенности пріятелей Морица, который чрезвычайно легко сходился съ людьми, а потому имѣлъ обширное знакомство. Тутъ были студенты, офицеры, учителя, художники, музыканты, медики, юные чиновники (только юные). Читатель немножко знаетъ, какая развеселая, съ сильнымъ артистическимъ пошибомъ, жизнь угнѣздилась въ квартирѣ № 10-й.

Всѣ эти молодые люди прежде рѣдко и случайно забѣгали, въ разсыпную, къ Морицу и Купянцову,—ихъ и дома-то застать было не легко;—теперь, когда эти господа поселились въ просторныхъ четырехъ комнатахъ и изъ трехъ хозяевъ всегда хоть одинъ дома, явилась возможность заходить къ нимъ почаще, не только не рискуя найти дверь запертою, но съ пріятною увѣренностью встрѣтить старыхъ пріятелей, или завязать новое знакомство, всегда болѣе или менѣе интересное, такъ какъ молодежь тутъ собиралась добрая, даровитая. Здѣсь всегда можно было добыть новую книгу, надѣлавшую много шума въ читающемъ мірѣ, найти свѣжій нумеръ любимаго журнала, даже всегда открытое фортепьяно—и то имѣло значительную долю

привлекательности. Но помимо этихъ, такъ-сказать, практическихъ удобствъ, многихъ туда тянула весьма естественная потребность сближенія, живого обмѣна мыслей, привлекательность непринужденной бесѣды, — особенно если еще принять въ соображеніе отупляющую пошлость окружавшей ихъ среды, заѣденной чинолюбіемъ, преферансомъ и узкою подозрительностью благонамѣренныхъ людей извѣстнаго въ то время типа, — благочестивыхъ гонителей всякой новизны, нажившихъ деньгу, или насидѣвшихъ теплое мѣстечко.

Черезъ какіе-нибудь полгода Рудковскій сталъ центральнымъ нервомъ знакомой молодежи. Его всѣ полюбили и по невольному побужденію называли всегда именемъ и отчествомъ, будто въ особенное исключеніе изъ общаго правила молодежи называть другъ друга просто по фамиліи. Не одни только сѣдые виски, да перегорѣвшая въ житейскихъ передрягахъ опытность, дали Григорію Васильичу право на общую симпатію; нельзя даже сказать, что онъ былъ умнѣе всѣхъ, или богаче знаніями,—напротивъ, въ его образованіи были изрядные пробѣлы и частенько ему недоставало самыхъ элементарныхъ свѣдѣній; но это не мѣшало ему увлекательно говорить обо всемъ и заставить себя слушать даже того, кто съ нимъ вовсе не соглашался. Случалось, что кто-нибудь, подмѣтивъ его промахи, завязывалъ споръ.

— Я съ вами согласенъ, Григорій Васильичъ, но... и тутъ осторожный оппонентъ, поправляя ошибки товарища, развивалъ свою собственную мысль, ни въ чемъ несогласную съ тѣмъ, чтó говорилъ Рудковскій.

— Ваше *но* ни къ чорту не годится! — отрѣжетъ безцеремонно Григорій Васильичъ,—и если не выйдетъ изъ спора побѣдителемъ, то расположитъ къ себѣ слушателей оригинальностью рѣчи, и его выраженія въ родѣ «ваше *но* ни къ чорту не годится» —пріобрѣтаютъ права гражданства.

Кажется, вся сила Рудковскаго заключалась въ чуткомъ пониманіи ближайшей истины, которая стояла на очереди, въ умѣньи

найти ея корни въ дѣйствительности,—да въ его манерѣ говорить съ неподдѣльною, часто грубою оригинальностью.

Онъ не потакалъ всѣмъ моднымъ тогдашнимъ увлеченіямъ, не поклонялся эфемернымъ знаменитостямъ минуты и былъ непримиримымъ врагомъ идеалистической нѣмецкой философіи, туманъ которой застилалъ въ то время почти всѣ головы и доводилъ лучшихъ людей до паѳоса передъ такими вещами, которыхъ прелесть болѣе чѣмъ сомнительна... Тутъ онъ былъ остеръ, забавенъ, а юморъ его безобидно-циниченъ; но тамъ, гдѣ дѣло шло о сознательной подлости, поклоненіи маммонѣ (любимое его выраженіе), лицемѣріи, измѣнѣ убѣжденіямъ изъ личныхъ видовъ,—тамъ онъ становился ругательски-грубъ, безпощаденъ до пѣны у рта... И этотъ же самый человѣкъ, суровый циникъ, порою расплачется какъ ребенокъ при встрѣчѣ съ истиннымъ несчастіемъ, нищетой и горькимъ паденіемъ ближняго. Онъ готовъ былъ бѣгать, просить, поднять кого нужно на ноги, протестовать,—наконецъ, отдать послѣднюю рубашку... Факты этого рода были мало кому извѣстны,—онъ, конечно, объ нихъ не говорилъ,—но всякій сознавалъ, что такіе факты непремѣнно были въ его жизни...

Теперь мы, кажется, достаточно уяснили личность Рудковскаго, соединявшую въ себѣ многія типическія черты людей того времени, о которомъ идетъ рѣчь.

Въ квартирѣ у нашихъ друзей появлялись иногда весьма извѣстные и видно поставленные люди, отнюдь не причислявшіе себя къ поколѣнію тогдашней молодежи;—да, Боже мой, кто тамъ не перебывалъ!—Блистательно начавшій литераторъ, самородокъ-пѣвецъ, или скрипачъ, всесвѣтный странствователь, изнывавшій въ петербургскомъ бездѣйствіи, знаменитый композиторъ, вернувшійся изъ цвѣтущей Андалузіи къ роднымъ сугробамъ... Вѣдь что-нибудь да тянуло же ихъ заглянуть въ скромную холостую квартирку, къ людямъ незначительнымъ, невліятельнымъ, совершенно безвѣстнымъ?...

Дѣло въ томъ, что тутъ, въ этой маленькой квартиркѣ лич-

ные интересы стушевывались, исчезали въ широкихъ симпатіяхъ къ наукѣ и искусству; притомъ здѣсь не было кружковой замкнутости, всегда почти страдающей односторонностью и нетерпимостью.

Да и могъ ли образоваться замкнутый кружокъ, когда двери Рудковскаго были радушно открыты для каждаго случайнаго посѣтителя?—Дѣйствительно, новая волна несла эту молодежь, но куда—они сами не знали. Имъ не зачѣмъ было запираться, не о чемъ секретничать, не отъ кого таиться,—напротивъ, они страдали можетъ быть излишнею говорливостью, чувствуя потребность пріобщить и другихъ къ одушевлявшимъ ихъ честнымъ убѣжденіямъ.

Но въ человѣческой натурѣ лежитъ могучее, роковое стремленіе къ практическимъ цѣлямъ жизни. Развитіе индивидуальныхъ силъ—дѣло хорошее, однако нужно же къ чему-нибудь приложить это развитіе, иначе оно не имѣетъ смысла. Выдумать этого никакъ нельзя: надо чтобы сама жизнь указала, чтó дѣлать;—а когда жизнь не указываетъ, то люди создаютъ себѣ нелѣпыя, фантастическія цѣли, или идутъ въ разбродъ, сознавая, что вмѣстѣ имъ дѣлать нечего.

Этотъ послѣдній исходъ подкарауливалъ и нашу милую молодежь; года черезъ два сильно порѣдѣлъ пріятельскій кружокъ. Одинъ поѣхалъ хозяйничать въ деревню, другого услали на службу въ губернію; двухъ-трехъ снесли на Волково кладбище; одинъ счастливецъ выхлопоталъ заграничный пассъ; кое-кто погнался за выгоднымъ мѣстечкомъ, или за богатою невѣстой, а кто и самъ не зная за чѣмъ погнался, лишь бы только вертѣться на глазахъ у сильныхъ міра сего... Да, много было горестныхъ утратъ и досадныхъ разочарованій. Рудковскій злобно нахмурился, а всѣ оставшіеся поддались глубокому унынію, которое Морицъ выразилъ въ слѣдующей импровизаціи послѣ разлуки съ однимъ изъ лучшихъ друзей, уѣхавшимъ куда-то на Уралъ:

И одного еще мы проводили...
И молча, долго мы сидимъ;—и очи
Потупили съ какимъ-то страхомъ тайнымъ...

Всѣ головы печальныя поникли.
Какъ будто мы боимся перечесть
Оставшихся,—какъ будто мы заранѣ
Перебираемъ рядъ прощаній горькихъ,—
И нашей мирной, молодой семьѣ
Мы шопотомъ «отходную» читаемъ...
Ахъ, тяжело!—такъ тяжело, что слово,
Въ сію минуту сказанное громко,
Намъ кажется нахальнымъ святотатствомъ...
Молчимъ. И это важное молчанье,
Какъ черная монашеская ряса,
Покрыло насъ—и съ міромъ разлучило...
А въ комнатѣ какъ будто кто-то ходитъ
И вѣютъ только-что умолкнувшія рѣчи...

Но жизнь и молодость взяли свое. На выбывшія мѣста явились свѣжіе люди.

Лѣто наши три пріятеля провели въ Полюстровѣ на дачѣ, то-есть, въ очень невзрачномъ домишкѣ; но подъ бокомъ у нихъ шумѣлъ великолѣпный паркъ, въ который по вечерамъ выползали дачники подышать воздухомъ, поглазѣть другъ на друга и послушать музыку, впрочемъ, весьма порядочную. Полюстрово тогда было самое скромное, глухое и самое дешевое изъ петербургскихъ загородныхъ гуляній. Тутъ не было аристократическихъ претензій, да не было также и простонароднаго разгула, какимъ щеголяетъ, напримѣръ, Крестовскій островъ. Народъ тутъ жилъ тихій, разсчетливый, семейный и строгихъ нравовъ. Въ сущности было очень скучно. Наши молодые люди и не искали веселья; ни съ кѣмъ не знакомились; каждый изъ нихъ воображалъ, что въ теченіе лѣта предастся „вдохновенному труду"— и наработаетъ пропасть хорошихъ вещей; на дѣлѣ однако оказалось совершенно противное ихъ предположеніямъ: они всѣ лѣнились самымъ поэтическимъ образомъ. Ваня еще кое-какъ успѣлъ сдѣлать съ десятокъ этюдовъ—кустиковъ, деревьевъ, пней и всякой Охтенской болотины; а тѣ двое не дѣлали ровно ничего, радуясь, что удалось вырваться изъ городской жизни.

Отъ нечего дѣлать, Морицъ однажды пошелъ въ заведеніе минеральныхъ водъ, гдѣ изрѣдка устроивались танцовальные вечера.

Народа тамъ было немного, и народъ все незнакомый. Между танцующими вниманіе его остановила одна очень молоденькая дѣвушка, одѣтая до крайности просто: въ пестренькомъ кисейномъ платьицѣ—ни цвѣтка, ни ленты, ни какой-нибудь изысканной прически; будто она, какъ сидѣла дома, такъ и пришла сюда по внезапному капризу; ей захотѣлось попрыгать, безъ всякихъ замысловъ явиться въ общество одѣтою если не лучше, то и не хуже другихъ. Она не обращала ни малѣйшаго вниманія ни на свое платьице, ни на блестящіе туалеты другихъ дамъ. Весело танцовала со всѣми—знакомыми и незнакомыми; говорила безъ умолку и при этомъ вся улыбалась, охваченная какимъ-то дѣтскимъ, рѣзвымъ счастьемъ, точно танцовать ей привелось въ первый разъ и все съ самыми хорошими, близкими людьми. Лицо ея не поражало красотою: остренькій, чуть вздернутый носикъ, сѣренькіе глазки, быстрые, задорные, но на этомъ личикѣ нельзя было не остановить вниманія: такое оно было умненькое, полное жизни, откровенное...

— А вѣдь это не петербургская барышня—подумалъ Андрюша, любуясь ею издали.

Онъ пошелъ наводить справки, кто такая,—оказалось, что ее никто почти не знаетъ; наконецъ ужъ какой-то военный медикъ, самъ заинтересованный ею, съ большимъ трудомъ добылъ требуемыя свѣдѣнія: это сестра какого-то профессора, или учителя Слободина. Послѣ этого вечера Морицъ уже не встрѣчалъ въ Полюстровѣ эту дѣвушку; на танцовальный вечеръ она должно быть попала случайно изъ города. Онъ даже ни слова не сказалъ товарищамъ объ этой дѣвушкѣ;—придавать какое-нибудь значеніе мимолетной встрѣчѣ,—это и ему даже показалось отчаяннымъ романтизмомъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Много времени спустя, уже осенью, когда Петербургъ переселился съ холодныхъ дачъ на теплыя квартиры, Морицъ напалъ на слѣдъ хорошенькой незнакомки. Ему привелось быть на вечерѣ у одного бывшаго своего корпуснаго учителя. Эти вечера у педагоговъ совсѣмъ не похожи на вечеринки у мелкаго петер-

бургскаго чиновничества, гдѣ хозяева стараются немедленно усадить гостей за преферансъ и зорко наблюдаютъ, чтобы какъ можно больше требовалось новыхъ картъ, такъ какъ этимъ безгрѣшнымъ доходомъ должны быть покрыты всѣ издержки на освѣщеніе, чай и незатѣйливый ужинъ. Тутъ о картахъ не было и помина: дамы группировались около старенькаго фортепьяно, мужчины засѣдали съ сигарами въ кабинетѣ хозяина и трактовали больше о предметахъ своей профессіи;—это раздѣленіе половъ только и было характеристическою чертою, общею всякому собранію русскихъ людей. Несмотря на свое отъявленное „бабничество“, Морицъ, по усиленной просьбѣ хозяйки, спѣлъ два романса и убѣжалъ въ кабинетъ, гдѣ, пріютившись въ уголкѣ, слушалъ съ живымъ и жаднымъ вниманіемъ какого-то господина еще молодого, но къ которому всѣ, даже маститые педагоги, относились уважительно. Этотъ молодой человѣкъ спокойно и съ глубокою силою независимости отстаивалъ значеніе и заслуги „натуральной школы“ и въ особенности того ея направленія, которое обратилось къ крестьянскому быту. Блѣдное, серьёзное лицо его оживлялось необыкновенно доброю улыбкою въ тѣ моменты, когда съ его доводами соглашались, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: «Видите, господа, какъ это просто и ясно...“ Когда же противники его горячились, онъ умолкалъ, глядѣлъ пристально имъ въ лицо, и только часто проводилъ рукою по непокорнымъ вихрамъ, придававшимъ его головѣ какую-то оригинальную, своеобразную красоту.

— Это богатый и плодотворный матеріалъ,—говорилъ онъ;—знакомство съ народомъ теперь на очереди;—да его и обойти нельзя,—безъ него съ мѣста не двинешься... Натуральная школа открыла намъ міръ бѣдняковъ всякаго рода и неизбѣжно пришла къ мужику, потому что мужикъ у насъ самый великій бѣднякъ. Теорія дѣленія предметовъ на высокіе и низкіе—никуда не годится. Не въ томъ дѣло, что писатели изображаютъ такъназываемые „низкіе“ предметы, а въ томъ-съ, что въ изображеніяхъ ихъ видно малое знакомство съ русскимъ крестьяниномъ,—

идиллія, фальшь, неумышленная, положимъ... Вотъ это такъ!— Ну, да вѣдь это оттого, что всѣ мы на крестьянскій бытъ смотримъ барскими глазами... Надо знать мужика...

— Такъ, какъ вы его знаете,—подсказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ. Отчего вы не попробуете написать что-нибудь въ этомъ родѣ?—Сразу стали бы замѣчательнымъ писателемъ...

— Нѣтъ-съ, за славой я не гонюсь и ничего не напишу.

— Почему же?

— Потому что мои писанія пока невозможны...

Къ концу вечера Морицъ уже крѣпко пожималъ его руку.

Воротившись домой часа въ два ночи, Андрюша перебудилъ своихъ товарищей для того только, чтобы сказать имъ, что онъ, сверхъ ожиданія, чрезвычайно пріятно провелъ вечеръ.

— А чтобъ чортъ тебя побралъ!—проворчалъ Ваня, и повернулся на другой бокъ.

—Вѣрно еще отыскалъ какую-нибудь бабу—Индіану, или Валентину въ законномъ супружествѣ съ титулярнымъ совѣтникомъ?— зѣвая сказалъ Рудковскій...

— Не то, братъ, не то!—Съ какимъ человѣкомъ я познакомился! Ахъ, еслибъ ты зналъ, какая голова, какое свѣтлое и трезвое пониманіе жизни!...

— Да кто-жъ онъ такой?—Что за феноменъ?—Откуда?

— Алексѣй Петровичъ Слободинъ. Онъ изъ здѣшняго университета... Ахъ, что за привлекательная личность!—И какъ Россію знаетъ—заслушаешься!....

Едвали энтузіастъ Морицъ заснулъ въ эту ночь хоть на полчаса... Кровь его стучала въ виски, а въ головѣ бродили самыя невѣроятныя, обольстительныя фантазіи, въ которыхъ Слободинъ и его сестра занимали далеко не послѣднія роли.

VII.

У Рудковскаго собралось человѣкъ шесть уцѣлѣвшихъ товарищей. Нѣкоторые усѣлись вокругъ чайнаго стола, за которымъ президировалъ Григорій Васильевичъ, по обыкновенію пившій чай въ прикуску и, тоже по обыкновенію, трунившій надъ любовными похожденіями Горжельскаго. Милѣйшій «панъ» очень остроумно доказывалъ, что поклоненіе красотѣ должно быть культомъ всякаго раціонально развитаго человѣка; что физическая красота непремѣнно предполагаетъ совершенство интеллектуальное...

— Это непремѣнно такъ должно быть,—заключилъ онъ.

— Мало ли что должно быть! — а развѣ нѣтъ красивыхъ дураковъ и дуръ?—

— Почти нѣтъ. Всмотритесь хорошенько — и вы откроете, что они вовсе не глупы: въ нихъ есть всѣ зачатки для великолѣпнаго умственнаго развитія—но виноваты ли они, что вслѣдствіе нелѣпаго нашего воспитанія, зачатки такъ и остались зачатками... Это я могу подтвердить многочисленными наблюденіями.

— Надъ кѣмъ это? — Ужъ не надъ тѣмъ ли квартальнымъ надзирателемъ, которымъ вы на-дняхъ въ Пассажѣ любовались?... Вообразите, господа, гдѣ нынче Адонисы отыскиваются — въ полицейскомъ мундирѣ!—Послѣдовалъ дружный хохотъ.

— Ай да Теофилъ Осипычъ! въ квартальнаго влюбился!... Ну, а какъ онъ на счетъ головы — тоже, чай, великолѣпные зачатки?

— Вы шутите, господа, а я говорю серьёзно. Конечно, квартальный—это смѣшно... и онъ навѣрное глупъ, какъ пробка, но вѣдь онъ же и не красавецъ: видный, статный мужчина, годится въ гвардію и только; — а глаза у него совсѣмъ бараньи. Это нисколько не опровергаетъ моего положенія; я говорю о совершенной красотѣ... гармонической...

— Слышали господа—Воробьевъ сутки на гауптвахтѣ высидѣлъ?

— По какому случаю?

— А по случаю фельетона, въ которомъ онъ что-то на счетъ театра сбрендилъ...

— Вотъ чепуха-то! — А цензоръ что?

— Отъ трусости заболѣлъ; піявки ставилъ. — Да и помаралъ же онъ мою злополучную повѣстушку съ перепуга-то. — Піявки его сосутъ, больно, а онъ знай-мараетъ!... Просто, узнать ничего нельзя: изъ монаха сдѣлалъ доктора, изъ замужней барыни сотворилъ послушную дщерь, а бульдога съ ошейникомъ совсѣмъ похерилъ, — это, говоритъ, личности, а у меня жена и дѣти;—мнѣ, батенька, до пенсіона всего восемьнадцать мѣсяцевъ осталось... Я ужъ посовѣтовалъ: вы возьмите піявку, да такъ и выцѣдите ее сплошь на корректуру, — оно легче. — Засмѣялся; — это, говоритъ, вашъ сумасшедшій Виссаріонъ кричитъ, что не красныя чернила, а его дескать собственная кровь проливается... Анъ выходитъ на повѣрку, не его кровь, а грѣшная моя... Вы влѣзьте-ка въ мою кожу...

— Потѣха!

Вошли два новыхъ лица: одинъ коренастый, съ безпорядочной бородой, огромнымъ лбомъ и блестящими черными глазами. Онъ былъ угловатъ, тороплівъ и ужасно близорукъ, что̀ вмѣстѣ съ скороговоркой придавало его небольшой фигурѣ характеръ постоянной озабоченности, возбужденности. — Войдя, онъ со всѣми поздоровался, какъ старый знакомый, и, бросивъ на окно пачку газетъ, подсѣлъ къ Рудковскому.

Другой вошедшій былъ Слободинъ, котораго Морицъ встрѣтилъ въ дверяхъ съ горячимъ радушіемъ и немедленно перезнакомилъ со всѣми собесѣдниками.

— Давно васъ не видать, Дмитрій Сергѣичъ,—что новаго?— спросилъ Рудковскій бородастаго гостя.

— Да новостей ныньче тьма... Дѣло о банкетахъ принимаетъ довольно серьёзный оборотъ. Читали вы? — Я полагаю,

что Гизо и Дюшатель въ эту минуту ужъ слетѣли; а дальше все будетъ зависѣть отъ того, кто овладѣетъ движеніемъ.

— И вся суматоха кончится перемѣной министерства, — замѣтилъ кто-то.

— Ну, нѣтъ-съ... этимъ едвали удовлетворятся... задумчиво и какъ-бы про себя сказалъ Дмитрій Сергѣичъ. Подготовка шла дѣятельная нѣсколько лѣтъ... Я такъ скажу, если партія «Реформы» одолѣетъ, то шагъ будетъ сдѣланъ рѣшительный. Тамъ Луи Бланъ, Рибейролль, Флоконъ, — люди толковые, — они знаютъ, что́ нужно народу... Это не то, что буржуазный «Національ», который непремѣнно подпакоститъ, увидите.

— Да, люди плохи, — но настоящіе-то явятся впослѣдствіи; — теперь ихъ никто не знаетъ, да и они сами себя не знаютъ...

Разговоръ сдѣлался общимъ, всякій высказывалъ свои предположенія, вѣроятный конецъ парижскихъ событій; большинство, мало знакомое съ передовыми личностями парижскаго народа и съ безустанною подземною работою клубовъ, слушало Дмитрія Сергѣича, которому эти вещи, кажется, были близко извѣстны.

— А что вы думаете, — вдругъ Луи-Филиппъ къ намъ убѣжитъ — откроетъ женскій пансіонъ на Выборгской сторонѣ и меня возьметъ инспекторомъ... разразился хохотомъ Горжельскій; и посыпались со всѣхъ сторонъ остроты и шутки, какъ будто всѣ рады были перервать разговоръ, ставшій слишкомъ серьёзнымъ.

Видя, что молодежь кинулась въ другую сторону, Рудковскій и Дмитрій Сергѣичъ обратились къ Слободину, молча сидѣвшему въ сторонкѣ.

— Вы какого мнѣнія, — ужели это все кончится вздоромъ?

— Можетъ, и вздоромъ... Я долженъ вамъ сказать откровенно: политическіе вопросы меня слишкомъ мало занимаютъ, — со спокойной ясностью отвѣтилъ Слободинъ.

— Да-съ... но вѣдь это нельзя же... вѣдь на парижскихъ улицахъ рѣшаются общечеловѣческія побѣды и пораженія, — кто же можетъ оставаться равнодушнымъ?...

— Мнѣ по-истинѣ все равно, кто у нихъ будетъ — Луи-Филиппъ, или какой-нибудь Бурбонъ, или даже хоть и республика... Кому отъ этого будетъ легче? — Народъ выиграетъ нѣсколько громкихъ фразъ, причтетъ нѣсколько новыхъ именъ къ своему мартирологу и пойдетъ на ту же самую работу, прибыльную только для одного буржуа. — а стало быть и жить ни на волосъ не будетъ лучше...

— А, такъ вотъ вы какой! — Постойте, объ этомъ надо говорить основательно...

— Предупреждаю васъ, что я хоть и готовлюсь на каѳедру исторіи, или вѣрнѣе сказать, потому именно, что изучаю исторію, я не вѣрю въ полезность игры въ старыя политическія формы... Зачѣмъ повторять зады? — Задачи новой исторіи, или тѣхъ людей, которые дѣлаютъ исторію, гораздо проще, скромнѣе и плодотворнѣе...

И между ними завязался горячій разговоръ. — Замѣчательно, что Рудковскій, нападавшій сначала на Слободина, потомъ незамѣтно перешелъ на его сторону, а третій собесѣдникъ подсмѣивался надъ его идеализмомъ, совѣтовалъ забыть политическія идилліи и не обходить исторической грубой поденщины. — «а то она сама васъ обойдетъ»...

Въ заключеніе онъ крѣпко пожалъ руку Слободина и просилъ его къ себѣ.

— У меня по пятницамъ кое-кто бываетъ, приходите, коли нечего дѣлать.

А въ другой комнатѣ составился кружокъ около одного пьяниста, исполнявшаго съ замѣчательнымъ смысломъ и вкусомъ Шопеновскія вещи; — потомъ заставили спѣть что-то Морица, потомъ затянули хоровую. Уже поздно, отыскавъ въ темной передней калоши и шубы, высыпали гурьбой гости Рудковскаго и разбрелись по домамъ.

— Умница этотъ Слободинъ, — сказалъ Григорій Васильичъ Морицу, оставшись наединѣ. — Мнѣ онъ очень понравился, — знаешь, такъ у него все просто, ясно, а между тѣмъ сколь-

ко самостоятельности, — видно, что самъ безъ указки додумался...

— Я говорилъ тебѣ, что личность замѣчательная.—Завтра звалъ меня къ себѣ. Надо бы пойти, да не знаю, буду ли свободенъ... схитрилъ Морицъ, весь просвѣтлѣвшій отъ этого приглашенія.

— Пойди, непремѣнно пойди.—Нѣтъ, это не фразеръ, какъ многіе изъ насъ грѣшныхъ... Я увѣренъ, что его личная исторія полна глубокаго интереса... Это не мыльный пузырь.

Слободинъ, идя домой, тоже находился подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ. Ему особенно понравился Рудковскій: — «Съ нимъ мы столкуемся... а вотъ тотъ, — какъ его — Дмитрій Сергѣичъ, кажется, — ну, съ тѣмъ надо погрызться... Обозвалъ меня идеалистомъ, а вѣдь самъ такой ярый идеалистъ, какихъ мало... Пропасть у него энергіи, — не знаетъ куда ее дѣвать — вотъ и распинается за успѣхъ французскихъ реформистовъ... А въ пятницу надо къ нему».

Эти новыя знакомства совпали какъ разъ съ такимъ моментомъ въ его нравственной жизни, когда человѣку необходимы какіе-нибудь общіе и живые интересы. Они всегда необходимы, но когда нелѣпая случайность разобьетъ тѣсную скорлупу нашихъ личныхъ и семейныхъ дѣлъ,—когда человѣкъ зашатается, увидя, что всѣ нити, прикрѣплявшія его къ извѣстной точкѣ на земномъ шарѣ, оборвались, — тогда потребность общихъ интересовъ, потребность солидарности съ міровою вакханаліей чувствуется больнѣе, жгуче...

Кончивъ университетъ кандидатомъ, Слободинъ разстался и съ тѣмъ небольшимъ кружкомъ товарищей, которые шли съ нимъ объ руку въ трудахъ и убѣжденіяхъ. Онъ остался совсѣмъ одинокъ. Между тѣмъ труда впереди еще предстояло много; надо было готовиться на ученую степень, а онъ почувствовалъ усталость, упадокъ силъ,—необходимость, какъ онъ выражался, промотать весь мертвый капиталъ на толкучемъ рынкѣ.

Въ двадцать пять лѣтъ здоровому человѣку нельзя быть аске-

томъ. Каковы бы ни были серьёзныя цѣли жизни, а природа неумолима въ своихъ законныхъ требованіяхъ. Трудно сказать, влекла ли Слободина сумасбродная, чарующая сила Агаты, или просто въ немъ заговорила общая всѣмъ потребность женской любви,—только черезъ недѣлю послѣ извѣстнаго концерта онъ явился въ домѣ Косолаповыхъ. Но сближеніе съ Агатой не дало ему спокойной полноты наслажденія... Онъ испытывалъ странное чувство любящей ненависти,—то чувство, котораго сильнѣйшее, страстное раздраженіе намъ извѣстно по кровавымъ пятнамъ уголовной лѣтописи.

Слободинъ являлся къ Косолаповымъ не въ тѣ дни, когда у нихъ толпился весь праздный и нарядный Петербургъ,—и это была капитальная ошибка молодого человѣка—тутъ онъ могъ бы быть простымъ, незамѣтнымъ наблюдателемъ людской суеты, глупости и тщеславія, и вынесъ бы много замѣтокъ, если не полезныхъ, не новыхъ, то во всякомъ случаѣ забавныхъ и безвредныхъ для своего нравственнаго здоровья.

Онъ сдѣлалъ хуже: сталъ будничнымъ посѣтителемъ ихъ дома, человѣкомъ близкимъ къ ихъ внутренней семейной жизни. И тутъ его нравственное чувство на всякомъ шагу подвергалось грубымъ царапинамъ, то отъ мѣщанскаго чванства родителей, то отъ залихватской удали кутилы-сынка, то отъ безсердечныхъ, кошачьихъ замашекъ самой Агаты.

Иногда казалось, что она любитъ его съ сумасшедшимъ женскимъ увлеченіемъ—и это оскорбляло Алексѣя, требовавшаго отъ любви сознательной разумности; изрѣдка она обращалась къ нему серьёзно, обдуманно, раздѣляя его убѣжденія, послушно слѣдуя его совѣтамъ, становясь объ руку съ нимъ въ критическія отношенія къ окружающей ихъ жизни;—такъ безусловно раскрываться можно только передъ истиннымъ другомъ, передъ лучшимъ человѣкомъ; затѣмъ вдругъ этого лучшаго человѣка она начинаетъ дразнить своею дѣтски-страстною привязанностью къ безсмысленнымъ пустякамъ свѣтской жизни, безъ которыхъ она будто и жить не можетъ, ради которыхъ она ужъ порѣшила

пожертвовать собою,—отдаться безъ любви тому, кто предложитъ болѣе широкое удовлетвореніе ея прихотямъ.

— Вы замѣтили Ивана Александровича?—вотъ, что все букеты мнѣ подноситъ; ужасно глупое лицо, неправда ли?—А, кажется, придется быть его женой!.. охъ, да, придется!..

Она произносила это такимъ тономъ, какъ будто ей придется поѣхать на какой-нибудь скучнѣйшій званый вечеръ, или надѣть платье, котораго терпѣть не можетъ.

— Что вы говорите—опомнитесь! Мнѣ слушать стыдно...

— Это оттого, что вы ничего въ этомъ не понимаете... Да вы за себя-то не бойтесь—мы останемся съ вами на всю жизнь такими, какъ теперь.

Алексѣй, задыхаясь, убѣгалъ отъ нея съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться, а на другой день какъ школьникъ спѣшилъ по бархатному ковру лѣстницы и пробирался въ ея маленькій одуряющій будуарчикъ; онъ зналъ, что отвратительное вчерашнее настроеніе прошло,—а въ какомъ настроеніи будетъ она сегодня—не зналъ...

Но она, эта избалованная богачка, умѣла переносить и его подъ-часъ деспотическія выходки.

Онъ иногда бывалъ въ оперѣ, въ ложѣ Косолаповыхъ. Разъ, когда вся зала была заколдована нечеловѣческимъ горломъ примадонны, а Прасковья Семеновна не спускала бинокля съ красавца-тенора, Алексѣй долго, сосредоточенно глядѣлъ на обнаженное, чуть колыхавшееся плечо сидѣвшей передъ нимъ Агаты. Должно быть въ немъ проснулось то же ощущеніе, съ которымъ онъ еще ребенкомъ шелъ поджигать домъ,—онъ слишкомъ близко наклонился и едва прикоснулся губами къ ея плечу...

Агата вся дрогнула, но не поворотила головы... а черезъ пять минутъ взглянула на сумасшедшаго не съ жеманствомъ обиженной провинціальной барышни, а съ изумленіемъ гнѣвной богини, стоящей неизмѣримо выше дерзости простого смертнаго,—готовой наградить отвагу его любви—любовью или, пожалуй, смертью.

Любила ли она его, или тѣшила свою капризную страстность, или только производила опыты, экзерциціи для другихъ болѣе громкихъ подвиговъ?—этого вопроса не могъ бы рѣшить не только самъ Алексѣй, но даже посторонній хладнокровный наблюдатель.

Какъ бы то ни было, но отношенія ихъ въ такомъ видѣ долго тянуться не могли; они были слишкомъ мучительны въ особенности для Алексѣя.

Міръ Косолаповыхъ втянулъ бѣднаго юношу и въ другія знакомства, отъ которыхъ онъ въ иное время преспокойно бы посторонился.

Нѣсколько разъ заходилъ онъ къ Каширинову. Этотъ „правильный“ дворянинъ велъ въ Петербургѣ такую жизнь, которая для самостоятельнаго человѣка показалась бы хуже каторги, до такой степени вся эта жизнь была подчинена условіямъ чисто-внѣшнимъ, унизительнымъ, безсмысленнымъ. Съ такими условіями, пожалуй, можно мириться иной совѣсти только тогда, когда ими достигаются какія-нибудь крупныя, очень крупныя цѣли.

Каширинов получалъ отъ отца очень скромный пенсіонъ и самое мизерное жалованье по службѣ, а тянулся вслѣдъ за богатою и знатною молодежью. Онъ готовъ былъ три дня не ѣсть, чтобы достать приглашеніе на балъ къ посланнику. Нанималъ холодную и скверную квартиру, — но квартира эта была въ Большой Морской; бралъ обѣдъ въ самой грошовой кухмистерской, но имѣлъ абонированное кресло въ оперѣ, отличнаго бобра на шинели и свѣжія перчатки; усчитывалъ своего крѣпостного человѣка на каждой копѣйкѣ, уплаченной прачкѣ,—а съ знатными барынями игралъ въ преферансъ по пятачку и участвовалъ въ сторублевыхъ пикникахъ.

Къ нему заходили иногда самые фешіонебельные франты; они бросали на его шаромыжную обстановочку сожалительные взгляды, а онъ лгалъ передъ ними, увѣряя, что готовъ бросить какія угодно деньги, лишь бы устроиться прилично, но къ несчастью до сихъ поръ не можетъ подыскать ничего подходящаго.

У него Слободинъ слышалъ глубокомысленныя разсужденія о новѣйшихъ покрояхъ фраковъ и панталонъ, занимательныя подробности объ интимныхъ путяхъ, которыми N. N. достигъ камеръ-юнкерства, а М. М. посланъ на казенный счетъ за-границу для изученія новой формы канцелярскихъ пакетовъ. Эта блестящая молодежь строго относилась къ обязанности являться непремѣнно каждое воскресенье къ обѣднѣ въ домовую церковь графини Z, и даже собиралась сдѣлать этой высокопочтенной старушкѣ сюрпризъ, составивъ между собою пѣвческій хоръ, чтобы пѣть на клиросѣ ту недѣлю, когда она говѣетъ. Хотя у Каширинова голосъ былъ столь же пріятный, какъ у годовалаго козленка, но онъ до глубины души обрадовался этому предложенію, заранѣе смакуя всю прелесть тѣхъ милыхъ фразъ, которыя разсыплетъ вліятельная старушка передъ почтительною молодежью.

Очевидно, Кашириновъ чего-то добивался упорно и во что бы то ни стало.

При этомъ Слободина поражала въ правильномъ молодомъ человѣкѣ какая-то безпощадная сухость сердца. О покойницѣ Кетти онъ говорилъ такъ: „Смерть для нея была самый лучшій исходъ, потому что, при ея отличномъ образованіи и высокихъ душевныхъ качествахъ, она находилась все-таки въ ложномъ положеніи—у нея не было имени,—ея неправильное происхожденіе могло стать неодолимымъ препятствіемъ между нею и любимымъ человѣкомъ. Это предразсудокъ, конечно, — mais hélas!— пока онъ существуетъ, нельзя его бравировать“... Съ омерзѣніемъ выслушалъ Слободинъ profession de foi правильнаго господина,—и едва не сказалъ:—Прощайте; между нами лежитъ тоже неодолимое, по вашему, препятствіе,—но не вы меня, а я васъ отталкиваю... Замѣтьте это!...

Къ Косолаповымъ онъ относился насмѣшливо, не пропуская однако ни одного ихъ обѣда или бала;—и относился-то онъ такъ вовсе не потому, чтобы находилъ въ ихъ милліонахъ какое-нибудь противо-общественное значеніе,—до такихъ премудростей

онъ не доходилъ, а если дошелъ, то самъ бы не радъ былъ своей храбрости,—а просто потому, что графъ X смѣется надъ мѣщанскимъ домомъ Косолаповыхъ и очень смѣшно разсказываетъ, какъ Прасковья Семеновна сидитъ въ золотой гостинной одна-одинехонька и щелкаетъ орѣхи.

— Зачѣмъ же вы тамъ бываете?—спросилъ Алексѣй, устранявшій безцеремонное „ты“ въ сношеніяхъ съ Кашириновымъ.

— Странный вопросъ!—всѣ тамъ бываютъ.—Поваръ у нихъ безподобный... Ну, и весь этотъ декорумъ...

— А я вамъ замѣчу, что вашъ графъ X можетъ быть очень смѣшно разсказываетъ вещи самыя плоскія, но внѣшность Косолаповскаго дома не уступитъ никакой аристократической внѣшности, да можетъ быть еще и перещеголяетъ, потому что тутъ денегъ много; а внутренняя сторона жизни... не знаю, которая лучше,—вѣрнѣе, что обѣ хуже.

— О, что касается интимной ихъ жизни,—я съ вами спорить не буду... Кашириновъ взглянулъ на него лукаво.

Алексѣй подумалъ: „Вотъ еще этотъ дуракъ разчувствуется, да пуститъ сплетню“...

— Вы все еще пишете стихи?—процѣдилъ онъ съ такою умышленною небрежностью, что Кашириновъ даже немного обидѣлся.

— Эхъ, батенька,—кто смолоду не грѣшилъ этимъ вздоромъ!—Моя поэзія теперь вся ушла въ канцелярію... Пора намъ трезвѣе смотрѣть на жизнь...

Когда Кашириновъ вспомнилъ о своемъ давнемъ обѣщаніи покровительствовать товарищу и предложилъ ввести его въ два-три знатныхъ дома, убѣждалъ даже пѣть на клиросѣ у графини Z,—то Слободинъ ничего не отвѣтилъ, а сталъ при встрѣчѣ съ нимъ переходить на другую сторону улицы.

Какъ же было Слободину послѣ этого не радоваться знакомству съ Морицомъ, Рудковскимъ и ихъ пріятелями?

Да кромѣ того почти наканунѣ знакомства съ ними онъ перенесъ такую утрату, передъ которой человѣкъ, какъ бы онъ

ни былъ твердъ, чувствуетъ свое горькое безсиліе... Разница въ томъ, что слабая, дряблая натура носится съ своимъ личнымъ горемъ, холитъ его и не замѣчаетъ, что до него никому нѣтъ дѣла,—а сильный человѣкъ, опомнившись отъ удара, стучится во всѣ двери—и выходитъ въ ту, которая шире...

Алексѣй только-что бросилъ горсть земли въ могилу матери... Эта могила была вырыта рядомъ съ отцовской,—но какая страшная разница въ смыслѣ этихъ двухъ могилъ для бѣднаго Алексѣя!.. Въ одной зарытъ добрый человѣкъ, пострадавшій отъ собственнаго безсилія;—онъ никогда не могъ подняться до смѣлаго отрицанія тѣхъ условій жизни, въ которыхъ запутался, — и не имѣлъ настолько характера, чтобы стать хищникомъ, обратить эти условія въ свою личную пользу, безпощадно попирая неумѣстную стыдливость... Въ другой могилѣ схоронено существо, умѣвшее сберечь свою простую, добрую природу среди растлѣвающей среды, въ которой выработываются пошлыя, крикливыя и злыя тиранки-барыни... Существо глубоко-честное,—женщина неразвитая, неграмотная даже, но чутко понимавшая правду жизни, находившая всегда въ богатой душѣ своей сочувственный отзывъ всему угнетенному, страждущему. Эта свѣжая могила вызвала Алексѣя на глубокое раздумье о самомъ себѣ, потребовала строгой повѣрки — куда онъ зашелъ и куда ему идти слѣдуетъ...

Съ мѣсяцъ Алексѣй никуда не выходилъ изъ дома,—и первый выходъ его былъ къ Рудковскому.

VIII.

— Ахъ, маркграфиня!—извините, что я васъ такъ принимаю,—говорилъ Рудковскій, запахиваясь своимъ дырявымъ халатомъ и приглашая Наденьку садиться. — Ахъ, какъ вы похоро-

шѣли!.. Но это еще ничего, — а какъ поумнѣли, Боже мой! — Какая на васъ шляпочка,—очарованіе!—И, пари́ держу, что это панъ подарилъ...

— Хоша бы и онъ,—вамъ что за дѣло?—лукаво отвѣчала дѣвушка. — А вотъ это узнайте, что такими пустяками прельстить меня невозможно...

— Какіе это пустяки, помилуйте! — Бантики, цвѣточки, кружевца, — да эта штучка по малой мѣрѣ двадцать цѣлкачей сто́итъ... а вы говорите — пустяки.

— Скажите Андрею Николаичу, что я все узнала доподлинно и настолько много его любила, что поперегъ дороги ему стать не желаю... вотъ и все! Прощайте, милый Григорій Васильичъ, позвольте васъ поцѣловать...

— Охотно, моя красавица, охотно... и понюхавъ съ особеннымъ аппетитомъ бобковаго, Рудковскій троекратно облобызалъ хорошенькое личико.

Наденька вдругъ заплакала.

— Какой вы хорошій, Григорій Васильичъ... Какой умный!— Ахъ, кабы я васъ давно послушалась!..

— А что, вѣрно слесарь-то за умъ схватился?.. Экая скотина! — А впрочемъ... знаете что? — Откройте-ка вы какое-нибудь швейное, или прачешное заведеніе, — это для васъ лучшее лекарство... А я денегъ дамъ; хоть у меня гроша нѣтъ, но достану;—вотъ этотъ халатъ заложу, а достану!..

И Рудковскій съ-горяча чуть не распахнулъ халатъ болѣе чѣмъ слѣдовало.

— Умный вы человѣкъ, только зачѣмъ все шутите со мной, съ бѣдной дѣвушкой?.. Я, глупая, не могу понять вашей политики... анъ выходитъ правда...

— Что́ правда?

— А то, что я совсѣмъ погибла... Зло теперь во мнѣ кипитъ... и еслибъ Андрей Николаичъ тонулъ, то я... Наденька захлебнулась слезами.—Нѣтъ, пустяки,—я сама скорѣй бы утонула, только бы его спасти... и спасу, безпремѣнно спасу!..

Наденька, рыдая, упала лицомъ на диванъ...

Рудковскій глядѣлъ на нее, нюхалъ табакъ, а слезы, нежданныя слезы капали на его дырявый халатъ...

— Ну, теперь прощайте,—встрепенулась Наденька. Не говорите ему, что я тутъ разревѣлась, а такъ-молъ—даже очценно довольна... да, что это?—вы никакъ сами плакали!..

Наденька повисла на его шеѣ...

— Голубчикъ,—шептала она,—приглядите за нимъ, чтобъ онъ и эту бѣдную барышню Слободину не обманулъ, какъ обманулъ меня, дуру простоволосую... Прощайте!

— Наденька! — Наденька! — закричалъ ей вслѣдъ Рудковскій.—Въ томъ-то и несчастье, что онъ тебя не обманулъ...

А въ это время на Васильевскомъ Острову въ маленькомъ деревянномъ домикѣ Андрюша сидѣлъ возлѣ хорошенькой дѣвушки, которой полное жизни личико казалось еще живѣе отъ чернаго шерстяного платья, напоминавшаго недавнюю панихиду.

Слободинъ ходилъ тутъ же по комнатѣ и съ наслажденіемъ глядѣлъ на зарождавшуюся любовь этихъ дѣтей. Они еще не договорились до этого слова, но Алексѣй зналъ, что завтра, послѣзавтра, роковое слово будетъ сказано, — и онъ въ душѣ благословлялъ ихъ на ясную, незапретную, неворовскую любовь, которой ему не суждено было узнать...

— Елена Петровна, а вѣдь вы не знаете съ котораго дня началось наше знакомство...

„То-есть, съ котораго дня я полюбилъ тебя",—подумалъ братъ.

— Вотъ ужъ скоро мѣсяцъ... сегодня ровно двадцать девятый день,—сосчитала сестра.

„Эге, и ты тоже?"—шевельнулось въ головѣ Алексѣя.

— Ошибаетесь, ужъ болѣе полугода... и Морицъ разсказалъ, какъ она танцовала въ Полюстровѣ.

— Ахъ, да, это было еще при жизни маменьки... грустно проговорила Алёнушка.—Теперь ужъ я такъ танцовать не буду... Однако, скажите, какая я замѣчательная фигура,—вотъ ужъ и не воображала!

— Знаешь что, замѣчательная фигура,—поди-ка ты приготовь намъ чай. Сегодня пятница, мы пойдемъ на вечеръ, а я, по мужицкой привычкѣ, не могу пить чай въ гостяхъ, дома все кажется вкуснѣе.—Вѣдь мы пойдемъ, Андрей Николаичъ?

— О да, непремѣнно!—Панъ обѣщалъ намъ сегодня прочесть лекцію о политической экономіи. Положимъ, это не особенно ново и интересно, но вы замѣтили его оригинальную манеру — въ очень серьёзное разсужденіе онъ вдругъ неожиданно влѣпитъ ходячій вчерашній анекдотъ; научную мысль изобразитъ въ лицахъ всѣмъ знакомымъ, или крупному общественному факту подставитъ самое юмористическое объясненіе...

— Популяризаторъ!—Это особый талантъ; въ извѣстныя эпохи онъ имѣетъ большую цѣну... Вотъ я не гожусь на это; по мнѣ гораздо завиднѣе доля скромнаго кабинетнаго работника. Это зависитъ отъ склада ума, а больше отъ темперамента. Скажу откровенно, мнѣ антипатична всякая трескучая общественная дѣятельность... и будь я теперь въ Парижѣ, непремѣнно удралъ бы куда-нибудь въ самый тихій уголокъ...

— Да гдѣ онъ теперь, этотъ тихій уголокъ? Страшная ломка вездѣ... Даже вонъ нѣмцы проснулись...

— Ну, значитъ, нашему брату теперь и дѣлать нечего... усмѣхнулся Слободинъ.

— Да вѣдь общему дѣлу можно служить всѣмъ, чѣмъ кто можетъ,—горячо возразилъ Морицъ:—стихотвореніемъ, романомъ, ученымъ трактатомъ, даже картиной, даже музыкальной пьесой... Надо только проникнуться разумной идеей общаго движенія впередъ, а главное—любовью къ страждущимъ братьямъ, потому что въ любви тайна всеобщаго возрожденія,—тогда что бы вы ни дѣлали, все пойдетъ въ прокъ... Мы давно уже поняли это и потому намъ смѣшны всякіе цеховые разряды дѣятелей, всѣ клички, формы, мундиры,—застрѣльщики всегда идутъ въ разсыпную.

Слободинъ посмотрѣлъ на юнаго офицера во всѣ глаза; его задорная горячность и особенно это дѣтски-хвастливое „мы“ —

немного покоробило Алексѣя; пройдясь по комнатѣ, онъ остановился передъ Морицомъ и съ доброю улыбкой положилъ руки ему на плечи:

— Ахъ, Андрей Николаевичъ, — какой вы славный юноша!.. Дайте, я васъ братски поцѣлую... А скажите, много этихъ *васъ?..* Извините пожалуйста за нескромный вопросъ, — подтрунилъ Алексѣй.

— Да вы что думаете? — Можетъ быть я не такъ выразился... Ха-ха! — въ самомъ дѣлѣ, это смѣшно!... Иной разъ я говорю точно полководецъ какой... ха-ха! Разумѣется, подъ словомъ „мы“ я разумѣю все наше поколѣніе вообще...

Алексѣю припомнились — Кашириновъ, Саша Косолаповъ, князекъ Хвалынцевъ и иные, — всѣ эти благонравные носители свѣжихъ перчатокъ и элегантные пѣвчіе на клиросѣ у графини Z.

— При васъ ничего — продолжалъ покраснѣвшій Андрюша, — а вотъ досадно, что иногда чортъ знаетъ при комъ брякнешь... Ужъ Григорій Васильичъ меня иногда такъ распекаетъ!

— И по дѣломъ! — Зачѣмъ ребячиться?

— Что-жъ дѣлать? — натура такая... чистокровный сангвиникъ. А впрочемъ, что-жъ? — Я не боюсь, — могу смѣло сказать; далъ подписку не принадлежать къ тайнымъ обществамъ, и свято держу ее. Да вѣдь оно мнѣ ничего и не сто́итъ, потому что я глубоко убѣжденъ, что тайныя общества нелѣпы и вредны. Вѣдь и вы также думаете?

— О, разумѣется! — Честное дѣло не боится свѣта.

— Ну, вотъ именно, это мое убѣжденіе! — обрадовался Морицъ.

— Только и честному человѣку надо быть осторожнымъ. Вѣдь не всякій васъ пойметъ, — иной по глупости, а иной совсѣмъ ужъ не по глупости.

Алёнушка стояла у двери, исподлобья поглядывая на экспансивнаго юношу; каждое слово ихъ разговора она какъ будто прятала въ самый глубокій уголокъ своего сердца; — она, какъ

воспитанница брата, думала его головой, и въ эту минуту отъ всего сердца поцѣловала бы... разумѣется, не его, а Морица...

Она его уже любила...

IX.

У Дмитрія Сергѣича народа было много; накурено до сизыхъ облаковъ. Гости сновали по тремъ большимъ комнатамъ, отдѣльными группами, когда вошли Слободинъ и Морицъ.

Хозяинъ встрѣтилъ ихъ радушно, особенно Слободина, явившагося къ нему въ первый разъ. Онъ усадилъ его на диванъ и предложилъ чаю.

— А вотъ сейчасъ я угощу васъ кое-чѣмъ другимъ.—Сегодня господинъ Горжельскій обѣщалъ намъ побесѣдовать кое-о-чемъ. Оно можетъ быть многимъ скучно покажется, такъ я говорю... да что-жъ дѣлать-то?—вѣдь не въ карты же играть? — Извините, я сію минуту... и онъ юркнулъ къ другимъ гостямъ.

Оглядѣвшись кругомъ, Слободинъ увидѣлъ Рудковскаго, Купянцова, Горжельскаго; остальныя лица были все незнакомые.

— Это кто?—спросилъ Алексѣй Морица, кивнувъ на кого-то.

— Не знаю.

— А вотъ этотъ?

— Тоже не знаю? — Дмитрій Сергѣичъ чудакъ, не заботится о томъ, чтобы перезнакомить. — Есть личности, которыхъ нельзя не знать;—вотъ это авторъ статей о пролетаріатѣ; а вонъ тотъ— мой другъ, симпатичный поэтъ; вѣрно знаете его:

Въ кумирахъ мнѣ бога не видѣть,
Предъ ними главы не склонить;
Мнѣ все суждено ненавидѣть,
Что рабски привыкла ты чтить...

Остальныхъ не знаю. — Еще если иной скажетъ два-три ум-

ныхъ слова, ну и поинтересуешься узнать кто такой; а вонъ эти, что по угламъ сидятъ—молчальники,—кто ихъ знаетъ,—я думаю, самъ хозяинъ путается въ ихъ фамиліяхъ... а увѣряетъ, что все это его близкіе пріятели, или, по крайней мѣрѣ, хорошіе люди.—Ужасный чудакъ!

Горжельскій, сидя у стола, досасывалъ сигару; его обступили съ вопросами, о чемъ именно онъ намѣренъ говорить.

— Да я хотѣлъ бы поговорить о политической экономіи.

Такой неопредѣленный, уклончивый отвѣтъ его возбудилъ даже нѣкоторое неудовольствіе; слышались возгласы: „Это къ чему—стóитъ ли заниматься мертвечиной!—A bas! — Не нужно! За кого онъ насъ считаетъ?...“

Хозяинъ шепнулъ ему,—и Горжельскій, откашлявшись, началъ вступительное слово, какъ водится, прося извиненія, что не приготовился. Шумъ не унимался, словъ Горжельскаго не было слышно. Шиканье нѣкоторыхъ не имѣло никакого успѣха.

Чтобы ободрить сконфуженнаго лектора, хозяинъ началъ шутить надъ нашей славянской горластой неурядицей, и смѣясь сказалъ:

— А что, если мы учредимъ нѣкоторый порядокъ? Я скажу такъ. Пусть кто-нибудь будетъ предсѣдателемъ и возьметъ колокольчикъ.

— Мысль недурная, — замѣтилъ Рудковскій, — только это смѣшно будетъ.

— Дѣйствительно смѣшно... ха-ха!—а чтобъ было еще смѣшнѣе, выберемъ въ предсѣдатели вонъ этого старичка, — черезъ пять минутъ онъ заснетъ—и мы позвонимъ, чтобъ призвать его къ порядку, т.-е. разбудить... ха-ха-ха!...

Всѣ окружающіе расхохотались.

Сѣдой старичокъ, очень важной наружности, не замѣтилъ смѣха и не понялъ шутки,—черезъ пять минутъ онъ очень степенно сѣлъ къ столу и произвелъ внушительный звонъ. Это вступленіе настроило всѣхъ на веселый шутливый тонъ, однако тишина водворилась.

Милѣйшій панъ скоро овладѣлъ вниманіемъ слушателей. Онъ не сказалъ ничего новаго для тѣхъ, кто знакомъ съ наукой, но всѣхъ поразило то, что каждое его положеніе было полнѣйшимъ отрицаніемъ того предмета, о которомъ говорилъ, — послѣднимъ его словомъ было — ассоціація, какъ та искомая формула, въ которой разрѣшатся со временемъ всѣ теперь неразрѣшимыя противорѣчія... При этомъ его юмористическія выходки возбуждали смѣхъ и одобреніе. — Каждое „браво" какъ будто пришпоривало оратора, юморъ его разыгрывался до фарса, до школьничества, — и онъ всталъ покрытый общими рукоплесканіями.

Старичокъ тоже всталъ съ приличною важностью и потиралъ руки, какъ будто сдѣлалъ ужасно трудное дѣло.

— Ай да панъ—молодецъ! даже въ утопіяхъ не утонулъ! — съострилъ Рудковскій.

— Ну вотъ видите ли—и вечеръ прошелъ весело, да и не совсѣмъ безполезно... Такъ я говорю... повторялъ хозяинъ.

Ужинъ былъ отличный; каждый, запасшись провизіей и стаканомъ вина, помѣстился какъ попало, на всѣхъ столахъ; кому не достало стола, тотъ устроился на собственныхъ колѣняхъ.

Во всѣхъ кружкахъ разговоры шли оживленные; уже не было помина объ абстрактныхъ научныхъ истинахъ, трактовались предметы „конкретные", близкіе къ жизни и положенію каждаго.

Горжельскій ушелъ въ уголокъ съ Морицомъ. Усталый, но счастливый панъ ѣлъ за четверыхъ, а Андрюша отказался отъ ужина и объяснялъ собесѣднику что-то очень важно и тихо, будто исповѣдывался. Въ заключеніе они крѣпко пожали другъ другу руки, и Морицъ отошелъ къ тому столику, гдѣ сидѣли Слободинъ, Рудковскій и еще человѣка три.

Алексѣй былъ въ необыкновенно-говорливомъ расположеніи; онъ заинтересовалъ всѣхъ окружающихъ разсказами о жизни крестьянъ въ приволжскихъ мѣстахъ, припоминалъ эпизоды изъ своихъ путешествій „на долгихъ"; тутъ онъ чувствовалъ себя

дома, и обнаружилъ близкое знакомство съ такими сторонами русской жизни, о которыхъ и не снилось людямъ, проведшимъ свое дѣтство въ районѣ разныхъ Мѣщанскихъ, Подъяческихъ, и совершавшимъ путешествія не дальше Малаго Парголова въ одну сторону и Павловска въ другую. Какъ-то незамѣтно бесѣда соскочила на довольно скользкую въ то время дорожку: кто-то завелъ рѣчь — какіе вопросы должны стоять на ближайшей очереди для развитія силъ русскаго рарода, его богатства и благостоянія?

Подобная матерія теперь невозбранно трактуется чуть-ли не всякимъ канцелярскимъ служителемъ, получающимъ 25 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Тогда было не такъ... Одни грудью стояли за гласное судопроизводство; другіе видѣли все спасеніе въ свободѣ печатнаго слова; третьи провозглашали выборное начало... и т. д. Среди горячей сшибки разныхъ предположеній Слободинъ тихо и медленно сказалъ:

— Освобожденіе крестьянъ несомнѣнно будетъ первымъ шагомъ въ нашей великой будущности...

Эти слова, сказанныя спокойнымъ тономъ давно уже воспринятаго и отстоявшагося убѣжденія, сильно подѣйствовали на разгоряченныхъ спорщиковъ, примирили всѣ мнѣнія. Но, покоряясь силѣ импульса, молодежь, какъ разбѣжавшаяся лихая тройка, не могла уже остановиться, — вопросы скрещивались, не ожидая отвѣтовъ, — только и слышалось: — Какъ? — Когда? — Какимъ образомъ?

Слободинъ опять тихо и спокойно, царапая вилкой по тарелкѣ, съ полу-печальною, полу-ироническою улыбкою, промолвилъ:

— Успокоимся, господа, на томъ, что это будетъ... всего вѣроятнѣе, что мы съ вами не увидимъ... бѣда не велика!

Задорные вопросы его осаждали; Слободинъ чувствовалъ, что сказать ему больше нечего, но дѣло шло уже не о томъ, чтобы сказать дѣльное, вѣское слово, — а приходилось осаживать чужія самолюбія, чтобы отстоять неприкосновенность сво-

его;—суть дѣла исчезала, на губахъ кипѣла одна азартная игра смѣлой діалектики.

Въ этотъ моментъ Слободинъ замѣтилъ прямо передъ собою двухъ человѣкъ, какъ будто изучавшихъ не только каждое его слово, но каждый взглядъ, каждую пуговицу его сюртука.

Одинъ былъ молодъ; на лицѣ его выражалась низменная застѣнчивость канцеляриста, таскающаго исподтишка пока только одну казенную бумагу;—другой пожилой и какъ будто запаленный излишнею бѣготнею, съ мигающими глазами и ястребиною готовностью клюнуть всякую добычу.

Эти двѣ едва замѣтныя, молчаливыя фигуры страннымъ образомъ поразили Слободина.—Онъ пошелъ отыскивать свою шапку.

Выйдя на улицу вмѣстѣ съ Рудковскимъ и его двумя сожителями, Алексѣй вызвался проводить ихъ до дома.

— Э, красавецъ мой, вамъ не по дорогѣ!—Лучше мы васъ проводимъ.

— А развѣ вамъ болѣе по дорогѣ, чѣмъ мнѣ?—Не все ли равно!—Я охотно пройду теперь верстъ пятокъ; мнѣ необходимо движеніе.

— Это другое дѣло.—Я все пѣхтурой,—не люблю ѣздить на извозчикахъ; во-первыхъ, трепещу за исправность ихъ колесницъ: того гляди, шею сломаютъ; а во-вторыхъ, скучно,—везутъ тебя точно кладь какую. Отъ скуки я всегда вступаю съ извозчиками въ собесѣдованія;—забавные попадаются.

— Больно ужъ однообразны,—замѣтилъ Купянцовъ;—молодой парень непремѣнно разскажетъ, какъ онъ возилъ купчиху, или чаще генеральшу—точно сказку Боккачіо слушаешь, переложенную на петербургскіе нравы.... А старикъ все кряхтитъ да жалуется на плохое житье и на шаромыжниковъ—„возишь-возишь его, а онъ, гляди, шмыгнетъ въ домъ съ двумя воротами—и про-опалъ пятиалтынный“...

Слободинъ слушалъ разсѣянно, онъ хотѣлъ заговорить съ Рудковскимъ совсѣмъ о другомъ и искалъ слова.

— Вы давно знакомы съ Дмитріемъ Сергѣичемъ?

— Да... а что?

— Ничего.—Онъ хорошій человѣкъ.

— Я его уважаю—вмѣшался Морицъ.—Онъ даже не человѣкъ, а олицетворенное... ну, какъ бы это сказать?—самопожертвованіе... вѣчно хлопочетъ,—только не о себѣ. При большомъ состояніи живетъ какъ попало, все у него идетъ зря, точно онъ на станціи...

— И приглашаетъ къ себѣ тоже зря?

Отвѣта не послѣдовало. Пройдя нѣсколько кварталовъ, Рудковскій заговорилъ.

— Я назвалъ бы помѣшаннымъ того человѣка, который не отдаетъ себѣ отчета въ своихъ поступкахъ... Можетъ быть, Дмитрій Сергѣичъ заблуждается, но заблужденіе его совершенно логично; онъ стоитъ на почвѣ легальности — замѣтьте — формальной легальности... Мнѣ извѣстны нѣкоторые факты изъ его жизни;—все это, коли хотите, странно, эксцентрично, а придраться не къ чему... Приглашаетъ онъ къ себѣ дѣйствительно зря, да какое же намъ-то дѣло? Тутъ ничего нѣтъ общаго; всякій отвѣчаетъ самъ за себя—и виноватъ ли я въ томъ, что мой гость доврется до чортиковъ? Конечно, онъ можетъ подвергнуться нѣкоторымъ непріятностямъ...

— Ага,—вы сказали!

Рудковскій опять умолкъ.—Пройдя еще кварталъ, онъ началъ нерѣшительно:

— Читали вы процессъ de la rue Menilmontant?

— Читалъ. Ну, такъ что же?

— Дѣло ихъ—чистѣйшая идиллія, экзальтація во вкусѣ Морица,—извини, мой дружокъ,—процессъ вышелъ важнѣе самого дѣла... И представьте себѣ, у Дмитрія Сергѣича въ головѣ гвоздемъ засѣла идея этого процесса...

— Я васъ понимаю... Но развѣ мы живемъ въ тѣхъ же условіяхъ?

— Тутъ ужъ начинается ошибка, пожалуй помѣшательство... но развѣ можно его не уважать?—Ужели въ самомъ дѣлѣ чест-

ный человѣкъ до того долженъ беречь собственную шкуру, что не смѣй и выказать своихъ симпатій?—Вѣдь это сводится на деморализацію...

Рудковскій долго говорилъ въ этомъ направленіи;—Алексѣю стало неловко за свою осторожность.

— А на счетъ гостей его, я самъ затрудняюсь, что́ сказать вамъ... Конечно, все можетъ быть...

— Не знаете вы кто это?—и Алексѣй описалъ наружность двухъ поразившихъ его физіономій.

— Молоденькій—это дрянцо; заискиваетъ общее благоволеніе, приглашалъ даже къ себѣ... квартируетъ онъ съ однимъ отличнымъ человѣкомъ, несмотря на то, никто къ нему не пошелъ,—ужъ больно малый-то плохъ!.. Забылъ его фамилію,—какая-то итальянская.—А другого совсѣмъ не знаю. — Нѣтъ, вотъ со мной была исторія: привязался ко мнѣ какой-то фокусникъ, какъ банный листъ...

Рудковскій разсказалъ объ извѣстномъ намъ фокусникѣ.

— Теперь, слава Богу, отсталъ... давно его не вижу.

Слободинъ расхохотался.

— А знаете, Григорій Васильичъ, всякій фокусникъ можетъ дѣлать только фокусы, не превышающіе его ловкости; чуть дѣло коснется высшей „бѣлой магіи“—онъ уступаетъ честь и мѣсто другому, болѣе ловкому профессору...

Рудковскій въ свою очередь расхохотался.

— Ну, прощайте, Григорій Васильичъ,—вотъ и домъ вашъ.

— Зайдите къ намъ ночевать.—Шутка вамъ тащиться на Васильевскій Островъ!

— Не могу-съ;—у меня тамъ сокровище... она встревожится,—моя Алёнушка встревожится.—А вѣдь правда, Морицъ,—сокровище?

— Поцѣлуйте ея сонную головку.

— По вашему порученію?

— Да, коли хотите,—пускай, по моему...

Слободинъ горячо обнялъ пріятелей и пошелъ своей дорогой.

X.

Слободинъ много думалъ о вечерѣ, на который попалъ невзначай; онъ припомнилъ, что вездѣ, гдѣ случалось ему бывать, если встрѣтятся два-три развитыхъ человѣка, разговоръ непремѣнно принималъ то же направленіе,—онъ старался уяснить себѣ смыслъ этого знаменательнаго явленія, но сразу ставши къ нему слишкомъ близко, не могъ ничего распознать, и самъ находился подъ вліяніемъ какой-то роковой силы, которая неотразимо тянула его въ этотъ водоворотъ.

Дѣятельная работа общественнаго сознанія, начавшаяся гораздо раньше, вслѣдствіе историческихъ условій, не могла развиваться свободно и правильно, а потому пріобрѣла неестественную напряженность, ушла въ меньшинство и вмѣстѣ съ нимъ погибла. Преемственность развитія была нарушена, образовался перерывъ, въ темнотѣ котораго люди бродили ощупью, стараясь опознаться гдѣ они, въ какихъ мѣстахъ, и что́ такое они сами... Начались робкія, неумѣлыя попытки опредѣлить свое *я*, поставленное на метафизическія подмостки мудреной нѣмецкой работы... Всѣ схватились за Гегеля и комментировали его по-своему. Это направленіе привело насъ къ замѣчательнымъ тонкостямъ психологическаго анализа и къ разъѣдающей рефлексіи, парализовавшей каждый смѣлый шагъ въ сторону отъ торной дороги.

Среди повсюдной тишины едва слышались воркованья бездѣльнаго эпикуреизма и одинокія, подавленныя жалобы личныхъ страданій...

Въ этой ночи народилось и выросло поколѣніе людей, на долю которыхъ выпало много тяжелыхъ дней и горькихъ упрековъ. Они еще дѣтьми зорко присматривались къ торжествовавшей кругомъ ихъ безсознательности и, ставъ юношами, увидѣли, что на родной почвѣ имъ дѣлать нечего. Отсюда начинается блѣдный, худосочный типъ „лишнихъ людей“ въ одну сторону, и тоже ненормальныхъ проповѣдниковъ далекаго идеала въ дру-

гую... Разумѣется, всѣ они прошли искусъ идеалистической философіи,—и въ ту минуту, когда съ Гегелемъ въ рукахъ добивались отвѣтовъ „на проклятые вопросы",—до ихъ слуха долетали другія рѣчи. Въ нихъ не было холода абстрактныхъ умозрѣній, а кипѣла ключомъ живая человѣческая кровь и слышался тяжелый вопросъ труженика: „Насколько же обокралъ меня лавочникъ одинъ разъ при разсчетѣ за мою работу, и въ другой, когда я на этотъ заработанный грошъ купилъ у него фунтъ хлѣба по установленной таксѣ?"

Этого было довольно.

Вся сила молодыхъ умовъ ушла туда, на усвоеніе этого вновь открывшагося передъ ними міра,—міра насущныхъ вопросовъ, энергическихъ протестовъ, растравленныхъ ранъ настоящаго горя и обольстительныхъ построеній всеобщаго будущаго счастія человѣчества... Загорѣлась страстная отвага мысли... А газеты изъ Парижа, начиная съ 24-го февраля, приносили какое-то нервическое раздраженіе... Онѣ читались на расхватъ во всѣхъ петербургскихъ кофейняхъ; доходило часто до того, что кто-нибудь одинъ овладѣвалъ листкомъ, становился на столъ, окруженный толпою, и во всеуслышаніе читалъ декреты временнаго правительства и рѣчи Луи Блана въ Люксембургскомъ дворцѣ... Домашніе газетчики тоже, кажется, дали слово поддерживать недоразумѣніе: вмѣсто простой передачи фактовъ, они—думая, что такъ и надобно дѣйствовать — издѣвались и глумились не только надъ событіями, но даже надъ именами, называя, напримѣръ, Барбеса—балбесомъ...

Теперь, оглядываясь на это далекое прошлое, позволительно спросить—нормальна ли была тогдашняя атмосфера, нормально ли было состояніе молодыхъ головъ и могло ли быть нормально сужденіе объ ихъ заблужденіяхъ?

Четверть столѣтія, двадцать пять лѣтъ—и еще какихъ лѣтъ! отдѣляютъ насъ отъ описываемой эпохи; — перспектива довольно почтенная для того, чтобы современный зритель могъ спокойно разобрать спутанныя линіи одного какого-нибудь частнаго факта,

—распознать слои налѣпленныхъ на немъ красокъ, опредѣлить настоящіе его размѣры и найти настоящую точку зрѣнія.

Но для полной картины хотя бы одного момента изъ жизни цѣлаго общества двадцатипятилѣтняя давность, конечно, никѣмъ не признается достаточною.

Чувствуемъ настоятельную необходимость оговориться.

Мы предлагаемъ читателю отнюдь не подлинные, тщательно записанные мемуары о маленькихъ происшествіяхъ и небольшихъ, но дѣйствительно когда-то жившихъ людяхъ. Этой претензіи мы и не могли имѣть по многимъ уважительнымъ причинамъ, наконецъ, просто по чувству приличія. Нашъ разсказъ, вымышленный, несвязанный никакими условіями, кромѣ условій, такъ сказать, общелитературныхъ,—вѣрнѣе всего могъ бы быть названъ прихотливо набросанными иллюстраціями къ серьёзному тексту, котораго еще нѣтъ и который намъ не по силамъ, да, пожалуй, и не современенъ...

Читатель проститъ намъ эти весьма существенныя для насъ объясненія. Люди могутъ понимать другъ друга лишь тогда, когда знаютъ о чемъ говорятъ.

Обратимся къ нашему разсказу.

Слободинъ чаще посѣщалъ Рудковскаго, чѣмъ Дмитрія Сергѣича. Тутъ онъ сознавалъ себя свободнѣе, проще; атмосфера вокругъ него была теплѣе; онъ любилъ этихъ людей—какъ людей, а не какъ представителей извѣстныхъ мнѣній, почерпнутыхъ изъ „очень умныхъ книжекъ"; онъ чувствовалъ горячій пульсъ ихъ индивидуальной жизни, а отношенія его къ Морицу, съ каждымъ днемъ становились откровеннѣе, очищались отъ ненужныхъ и спутывающихъ привычекъ житейскаго формализма... И въ одинъ прекрасный день Андрюша и Алёнушка вмѣстѣ вошли въ комнату брата и стали передъ нимъ молча, счастливые, озаренные какою-то самоувѣренной и вызывающей улыбкой...

— Ну! — Морицъ тронулъ локтемъ Алёнушку.

— Ну!.. разсмѣялась она, бросивъ шаловливый взглядъ на своего милаго.

— Такъ и я скажу: ну! — поддразнилъ Алексѣй. — Значитъ, законнымъ бракомъ... съ чѣмъ и имѣю честь васъ поздравить! Это ваше дѣло, — а коли пришли ко мнѣ, то я прямо скажу: дѣла вашего одобрить не могу.

— Это почему? — испугались оба.

— А потому, что вы ребятишки...

— Прошу васъ, Алексѣй Петровичъ не дурачиться! — обиженно сказала Алёнушка.—Мы очень хорошо все обдумали, столковались — и знаемъ, чтó дѣлаемъ, куда идемъ...

— Это любопытно, — подѣлитесь пожалуйста!

— Мы открываемъ школу.

— Я выхожу въ отставку;— и принимаемся за работу вмѣстѣ. Да еще литература мнѣ дастъ.

— Отлично, отлично! — А если черезъ годъ вы ее разлюбите? то-есть, не литературу, а вотъ эту дѣвицу...

— А если я, вы, она—кто-нибудь изъ насъ умретъ?—горячо возразилъ Морицъ. — Жизнь и смерть организма, также какъ и чувства, обусловливаются однимъ питаніемъ.

— А питаніе у насъ, не бойтесь, будетъ хорошее... увлеклась Алёнушка, и сама не зная почему, покраснѣла до бѣлковъ глазъ. — Я хочу сказать здоровое, разумное...

— И превосходно! — завершилъ Алексѣй. Чего же вы отъ меня хотите? — Требуйте, я бобыль — и весь вашъ.

— Ничего не требуемъ. Мы пришли подѣлиться съ тобой нашимъ счастьемъ, а ты какъ будто недоволенъ... Ваше ученое благородіе! благоволите сойти съ каѳедры и удостойте поцѣловать простыхъ, глупыхъ, но счастливыхъ людей...

Надо было видѣть съ какою плутовскою миной проговорила Алёнушка эту тираду!..

Къ обѣду пришли Рудковскій и Купянцовъ. Разговоръ, разумѣется, сосредоточился на устройствѣ жизни молодого супружества. Братъ настаивалъ на томъ, чтобы предоставить имъ полнѣйшую свободу.

— Пусть покажутъ себя съ самаго начала самостоятельными

людьми. Наше вмѣшательство и помощь будутъ положительно имъ вредны; — конечно, никто изъ насъ не станетъ подставлять ножку — это ужъ другое дѣло; а чужими руками жаръ загребать — пусть не пріучаются.

Рудковскій искренно радовался счастью молодого товарища, выражался по обыкновенію шутливо, но въ шуткѣ его сквозила какая-то жилка недовѣрія и, пожалуй, даже насмѣшки...

— Вы, Елена Петровна, наканунѣ свадьбы пожалуйста примите самыя благонадежныя мѣры, — квартиру, напримѣръ, наймите въ 6-мъ этажѣ, ключи отъ всѣхъ выходовъ припрячьте, а я вамъ тоже посодѣйствую — отберу отъ жениха не только шляпу, сапоги даже сниму, — а то вѣдь нашъ герой, пожалуй, розыграетъ роль Подколесина — шмыгнетъ такъ, что его потомъ и съ гончими не отыщешь!...

— Этого я меньше всего боюсь, пускай бѣжитъ! — Куда бы ни убѣжалъ, непремѣнно ко мнѣ воротится... Опасность съ другой стороны — вотъ если я изъ дому сбѣгу, такъ ужъ прощай! и слѣдъ замету...

Говоря это Алёнушка крѣпко сжимала руку своего жениха: дескать, „не бойся!“ а въ то же время сѣренькіе глазки лукаво смотрѣли въ его глаза и вся она смѣялась, будто предсказывая, что въ одинъ прекрасный день это можетъ случиться — и я молъ буду смѣяться вотъ какъ теперь смѣюсь, а ты милый мой заплачешь...

Въ ней проглядывалъ тотъ чертенокъ, который сидитъ въ каждой энергической женщинѣ.

Братъ восхищался дѣтскими дурачествами влюбленной четы; въ нихъ онъ старался утопить, забыть всѣ печали о своихъ личныхъ дѣлахъ.

Дѣла его въ это время оказались такъ безпорядочно разбросанными, что онъ не могъ сообразить, за какой узелокъ слѣдуетъ прежде всего схватиться: нужно было писать диссертацію на магистра, необходимо было покончить сношенія съ дѣдушкинымъ эмиссаромъ Ѳедосѣевымъ, — они начинали уже тяготить его, —

Алексѣй чувствовалъ, что переступаетъ черту, за которой дѣдушкина субсидія становится дармоѣдствомъ, а тутъ еще мучительныя отношенія къ Агатѣ, совершенно однородныя съ отношеніями пьяницы къ кабаку, — все это разъѣдало внутренній міръ бѣднаго Слободина...

Къ Косолаповымъ однакожъ онъ являлся рѣже, — и являлся всегда недовольнымъ, раздражительнымъ, грубымъ. Агата тоже становилась зла, неуступчива; не разъ онъ былъ свидѣтелемъ безпричинныхъ слезъ, нервическихъ припадковъ... Кромѣ сознанной уже розни ихъ моральнаго развитія и соціальнаго положенія, — они боялись даже самимъ себѣ сознаться, что страдаютъ, какъ и всѣ люди, въ которыхъ течетъ не рыбья кровь. Съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовалась неизбѣжность катастрофы. И вотъ. однажды Агата придралась къ ничтожнѣйшему пустяку, вспылила, какъ настоящая тигрица, и выгнала друга изъ своего будуара.

Онъ какъ-то безумно обрадовался этой нелѣпой развязкѣ; нѣсколько дней ходилъ въ лихорадочномъ состояніи... Безъ всякой надобности посѣтилъ такихъ знакомыхъ, съ которыми по годамъ не встрѣчался; обѣдалъ у Рудковскаго и принесъ туда съ собою двѣ бутылки шампанскаго, чтобы залить знаменитые битки деньщика Ивана; вечеромъ у Дмитрія Сергѣича озадачилъ всѣхъ необыкновеннымъ задоромъ; а послѣ вечера, отославъ Морица домой спать, — отправился съ Рудковскимъ и Купянцовымъ докончить день самымъ глупымъ образомъ...

На утро онъ едва припоминалъ гдѣ былъ вчера.—что̀ говорилъ, что̀ дѣлалъ. И точно въ безобразномъ, нелѣпомъ снѣ онъ видѣлъ дѣвушку; ее всѣ звали Ида, а онъ шепнулъ ей тихонько „Анхенъ“... Она не откликнулась, хохотала, пила вино, пѣла отвратительно-пошлыя пѣсни... Алексѣй глядѣлъ на нее съ горькимъ чувствомъ, напомнилъ ей одно имя, — она ничего не поняла и принялась двумя пальцами бренчать „Ваньку-Таньку“ на разбитомъ фортепіанишкѣ.— „Ты правъ, мой родной Липарда — дождалась она своего положенія!... Да что-жъ? — И всѣ мы

дождемся... Обстановка можетъ быть иная, а смыслъ одинъ и тотъ же... Есть о чемъ горевать!...“

Непривычное напряженіе силъ разрѣшилось очень счастливо — только двухнедѣльною болѣзнью. Здоровый, выносливый организмъ взялъ свое, а нѣжная, умная заботливость Алёнушки и Морица обратили возстановленныя силы брата на обычную дѣятельность; онъ исподоволь входилъ въ кругъ своихъ кабинетныхъ занятій и маленькихъ интересовъ обыденной жизни.

Былъ великій постъ; Морицъ хлопоталъ объ отставкѣ и переписывался съ родными о полученіи небольшой суммы денегъ для устройства школы и при ней теплаго гнѣзда для своей птички Алёнушки. Свадьба казалась имъ самымъ послѣднимъ, неважнымъ дѣломъ.

— Что тутъ готовиться? — Когда все главное будетъ готово, тогда сходимъ въ церковь и перевѣнчаемся, — повторялъ Морицъ.

Алёнушка съ нимъ соглашалась, но выказывала гораздо болѣе практическаго смысла по части постановки ихъ главнаго дѣла.— Оказалось, что ни женихъ, ни она не могли получить разрѣшенія на открытіе школы; необходимо было въ этомъ случаѣ подставить Алексѣя, который не только согласился быть номинальнымъ учредителемъ школы, но даже принялъ дѣятельное участіе въ обсужденіи плана педагогической части. Среди этихъ мирныхъ и серьёзныхъ занятій, Слободину показалось, что онъ совершенно излечился отъ сумасшедшей страсти; и дѣйствительно, на Святой недѣлѣ съ самымъ оффиціальнымъ расположеніемъ духа явился съ визитомъ къ Косолаповымъ; сердце его билось ровно; его не пугала мысль о встрѣчѣ съ Агатой, онъ желалъ этой встрѣчи и былъ увѣренъ, что выдержитъ ее блистательно. И можно поручиться, что человѣкъ сей явилъ бы примѣръ самаго трезваго (какъ тогда говорили) самообладанія; — но случилось совсѣмъ не то, къ чему онъ приготовился: онъ вовсе не встрѣтилъ Агаты,—она не выходила изъ своихъ комнатъ и даже не сказалась больною, а просто не обратила никакого вни-

манія, когда ей плутоватая горничная доложила, что въ гостиной Алексѣй Петровичъ.

Кое-какъ скомкавъ банальный разговоръ съ Прасковьей Семеновной, Слободинъ поспѣшилъ выдти. Ему какъ-то стыдно стало за свои приготовленія, — назвавъ себя школьникомъ, котораго еще слѣдуетъ драть за уши, онъ хотѣлъ смѣяться, но смѣхъ вышелъ совсѣмъ неудаченъ, — въ душѣ кипѣла досада, злоба. — „Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!“ — твердилъ онъ, а придя въ свою комнату, готовъ былъ заплакать.

Въ субботу на Святой онъ получилъ по городской почтѣ письмо; прочтя его, Алексѣй съ полчаса не выходилъ изъ своего кабинета.

— Братъ, иди завтракать, — постучалась къ нему Алёнушка.

Онъ вышелъ необыкновенно веселый, шутливый. Морицъ ему замѣтилъ:

— Ты сегодня, братъ, счастливъ точно статскій совѣтникъ, произведенный въ дѣйствительные...

— То-есть, глупъ, какъ... ты хочешь сказать? — Это уже давно сказано Рудковскимъ.

— Этого не знаю; а только рѣзвости въ тебѣ что-то много.

— Ну да, я хочу дурачиться и приглашаю васъ завтра въ маскарадъ, въ дворянское собраніе.

— Вотъ фантазія!.. началъ-было Морицъ, но Алёнушка зажала ему ротъ и вскрикнула:

— Браво! — браво! — я съ роду не была въ маскарадѣ, — ахъ, какъ это будетъ весело! — Она даже захлопала въ ладоши.

— Чортъ знаетъ что выдумали! — брюжжалъ Морицъ. — И что́ тебя туда тянетъ?

— Разумѣется, тянетъ; — хоть я и *дѣйствительный*, а все-таки не считаю васъ за такихъ дураковъ, которыхъ можно увѣрить, что въ маскарадъ я ѣду для спасенія души — ха-ха-ха! Напротивъ-съ, имѣю положительныя цѣли быть тамъ... Да что тебѣ говорить! — Сытый голоднаго не пойметъ... Ѣдемъ, и кончено. Я васъ угощу ужиномъ, шампанскимъ. А ты, женщина, — свар-

гань на скорую руку домино, купи маску и завтра же, для перваго дебюта, одурачь своего возлюбленнаго, чтобъ человѣкъ не зазнавался.

Алёнушка кинулась на шею брату и разглаживая его вихры, приговаривала пѣвучимъ и вкрадчивымъ голоскомъ:

— Миленькій братишка, славненькій братишка! — скажи, очень она тебя любитъ? или вы съ ней въ куклы играете, глупенькій ты мой профессоръ?..

— Въ куклы! ха-ха!.. Знаешь, есть дѣти, которыя играютъ-играютъ въ куклы, да вдругъ глядишь и оторвутъ голову самой хорошенькой куколкѣ... У тебя была эта замашка.

— Жалко мнѣ тебя, бѣ-ѣдненькій... вытянувъ губки, продолжала пѣть Алёнушка.—Жалко, если она, негодная, свернетъ эту разумную головушку...

— Алёнка-чертёнокъ!—крикнулъ Алексѣй. — Что ты дразнишь меня?—А въ уголъ,—хочешь?

— Сестра вдругъ отскочила, съ притворнымъ смиреніемъ потупилась, сдѣлала церемонный реверансъ и съ хохотомъ убѣжала хлопотать о своемъ домино.

Алексѣй и Андрюша поглядѣли другъ на друга и расхохотались, сознавая всю прелесть этого бѣсенка-дѣвочки.

Въ тотъ же день вечеромъ явился Тихонъ Ѳедосѣичъ, рѣдкій гость въ послѣднее время.

— Ба-ба-ба! — Другъ любезный, — насилу-то обо мнѣ вспомнили!...

— Христосъ воскресъ, — Алексѣй Петровичъ! — съ праздничкомъ!—Богъ милости прислалъ!

— Ну, какъ живете-можете?

— Слава-те, Христосъ, живемъ помаленьку.—Какъ вы?

— Да ничего.—Пойдемъ въ мой кабинетъ, чаи хлебать.

— И то ладно-съ.

Въ кабинетѣ, ведя степенныя рѣчи, Ѳедосѣевъ все вскидывалъ глазомъ на Алексѣя Петровича, словно особыя примѣты въ немъ отыскивалъ.

— Что вы на меня такъ смотрите.—аль перемѣна есть?

— Не то-съ. а... насъ здѣсь никто не слышитъ?

— У меня въ домѣ не имѣется ни длинныхъ ушей. ни длинныхъ языковъ.

— Такъ-съ.—Да вѣдь это такое дѣло...

— Да ну. валяйте.—что намъ церемониться!

Ѳедосѣевъ все-таки нагнулся къ уху Слободина и нашептывалъ ему необыкновенные. удивительные слухи.

— Можетъ ли это быть?!—едва выговорилъ поблѣднѣвшій Алексѣй.

— Вѣрно-съ. Кому же ближае знать?—Да вы чего такъ?—Нешто есть прикосновенность какая?—Али знакомство?—Тихонъ почесалъ затылокъ.—Э-эхъ. Алексѣй Петровичъ, кабы это знамо да вѣдомо, все бы прахомъ разсѣялось... а тепереча шабашъ!—больно далеко залѣзло. тутъ ужъ и деньги никакія не властны... а спервоначала-бы можно...

Алексѣй даже не улыбнулся простодушному вранью Тихона, онъ какъ убитый шепталъ:—Боже мой. Боже мой!—что же тутъ дѣлать?...

— Первое дѣло. коли писанія какія—въ огонь.

— Ничего у меня нѣтъ... и ничего я не сдѣлалъ...

— А коли такъ. батюшка. будьте спокойны-съ... Тѣмъ паче, что тутъ можетъ и дѣло-то выйдетъ пустяшное... обнаковенно, господа... то-есть якобы одинъ передъ другимъ отличія хочетъ... А то и такъ зря баютъ.—для острастки...

— Тихонъ Ѳедосѣичъ. на всякій случай пишите къ дѣду.—потому Алёнка одна...

Слободинъ. не договоривъ. упалъ головою на столъ...

Оставшись одинъ. Алексѣй рѣшилъ. что хныкать глупо; одѣлся на-скоро. захватилъ Морица. не говоря ему ни слова, и поѣхалъ къ Рудковскому.

Григорій Васильичъ въ своемъ рубищѣ-халатѣ благодушествовалъ за стаканомъ пунша къ кругу нѣсколькихъ юныхъ пріятелей. хохотавшихъ отъ его разсказовъ.

— А, красавецъ мой!—дайте себя расцѣловать... встрѣтилъ онъ Слободина. Вотъ суприсъ!—какъ говорила одна чиновница, когда ея мужа хватиилъ Кондрашка.—Садитесь.—Иванъ, подай-ка намъ еще этого съ ногъ-сшибательнаго...

Алексѣй сидѣлъ какъ на ножахъ и не прикоснулся къ стакану.

Улучивъ удобную минуту, онъ вызвалъ Рудковскаго въ другую комнату.

Послѣ недолгихъ переговоровъ, Григорій Васильичъ зарядилъ носъ двойною порціей бобковаго, покряхтѣлъ и сказалъ совершенно спокойно:

— Давно ужъ объ этомъ говорятъ... все это гиль!—Повѣрьте, люди не такъ глупы... вѣдь изъ ничего и не выйдетъ ничего... А что за мною двадцать глазъ присматриваютъ, это вѣрно. Да мнѣ какое дѣло!—Смотри пожалуй, кромѣ дыръ на халатѣ ничего не усмотришь!—Напрасно вы, душа моя, такъ встревожились.—Пустяковина!

— Однако не мѣшало бы сказать Дмитрію Сергѣичу...

— Совсѣмъ лишнее!—да еще и хуже выйдетъ,—не совѣтую.— Первое, вы себя объявите трусишкой,—а второе,—согласитесь, вѣдь источникъ-то, душа моя, больно ненадежный... курамъ на смѣхъ!—Вообще, не надо. Ну что же, наконецъ, можетъ выдти?—Призовутъ, дадутъ нотацію,—положимъ даже кому-нибудь и пропишутъ кое-что... Эка бѣда!—Все вздоръ; пойдемъ лучше допивать нашъ пунштикъ.

И усѣвшись съ ногами на свое мѣсто, Рудковскій продолжалъ:

— Такъ вотъ-съ, вижу я, сидитъ на канапѐ дама толстѣйшая, отъ жиру еле дышетъ. Мадамъ, говорю, позвольте освѣдомиться, отчего это васъ такъ расперло? Представьте себѣ, эта туша самымъ тоненькимъ голоскомъ и по-дѣтски шепелявя отвѣчаетъ: «я все по́льтель пиля!» Можете себѣ представить! Ха ха! портеромъ наливалась, а тоже нѣжничаетъ, Сильфида этакая!...

Послѣдовалъ взрывъ самаго задушевнаго хохота.

Веселая безпечность собесѣдниковъ подѣйствовала на Слободина успокоительно. «Въ самомъ дѣлѣ,—спохватился онъ—съ чего это я вспоролъ горячку?—И изъ какого источника? Темный, простой мужикъ... Онъ все привыкъ съ своей точки зрѣнія... Вѣдь какой-нибудь самый послѣднiй писаришко наболтаетъ ему, чтобы рубль сорвать,—а ему кажется дѣломъ страшной важности... Притомъ несообразностей куча. Можетъ быть, дѣло совсѣмъ не объ насъ... Мало ли?—теперь время такое...» И онъ поѣхалъ домой, думая только объ одной теплой постелѣ.

XI.

Маскарадъ въ дворянскомъ собранiи только-что начался.

Недалеко отъ входа въ залу, у колонны стояли двѣ маски; ихъ черные непроницаемые капуцины съ голубыми лентами были совершенно одинаковы; маски обшиты густымъ кружевомъ, даже въ глазныхъ прорѣзахъ;—замѣтно было, что тутъ строго обдуманы и приняты всѣ предосторожности остаться неузнанными. Онѣ были одного роста, одинаковой походки, и вмѣсто обычной непрiятной пискотни говорили просто, очень тихо; говорили онѣ пока между собою и съ спокойнымъ достоинствомъ выдерживали нецеремонные взгляды и вопросы искателей маскарадныхъ приключенiй.

Вошелъ Морицъ съ Алёнушкой, которую развѣ только слѣпой не узналъ бы, даже свѣтло-русые начесы волосъ ея преспокойно падали со лба на маленькую маску. Она крѣпко уцѣпилась за руку своего жениха и не говорила ни слова,—все всматривалась, въ чемъ тутъ люди находятъ веселье?—Шедшаго въ нѣсколькихъ шагахъ за ними Алексѣя остановили двѣ маски-близнецы.

— Выбери изъ насъ которую хочешь,—это все равно; насъ не двѣ, а одна... и пойдемъ.

Онъ разсмѣялся и выбралъ ту, которая молчала.

— Я рада, что ты не ошибся,—заговорила своимъ голосомъ Агата. Точно тебѣ кто подсказалъ; это добрый знакъ.

— Агата!—ахъ какая ты...

— Сумасбродка?—Неправда.—Начнемъ съ того, что я не Агата, а Розина,—ну-съ, это первое. А второе, я здѣсь совсѣмъ не для того, чтобы одурачить кого-нибудь, то-есть, тебя... Маскарадныя шалости—глупость; глупость забавная, но въ эту минуту она совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ. Я здѣсь за дѣломъ.

— Ого!—намъ нужны серьёзныя объясненія подъ маской, для того чтобы снова приняться за обидныя мистификаціи безъ маски...

— Нѣтъ, такихъ объясненій намъ не нужно;—есть другія поважнѣе. Давай-ка, возьмемся за умъ и будемъ счастливы...

— Ахъ, какъ это мудрено!

— Совсѣмъ не мудрено. Посмотримъ хорошенько. Что́ раздѣляетъ насъ?—Знаю, что тебѣ противно мое теперешнее положеніе,—но чѣмъ же я виновата, что я дочь моего отца?—А мое воспитаніе, привычки, обстановка,—что̀ я могла съ ними сдѣлать?—Не всѣ же могутъ, какъ ты, напримѣръ, жить трудомъ, честно добывать кусокъ хлѣба...

Алексѣя словно кто по лбу ударилъ... «А раскольничьи деньги?!» Онъ вздрогнулъ;—ему за что-то хотѣлось просить прощенія у Агаты...

— Этимъ, конечно, можно гордиться,—продолжала она;—пожалуй себѣ гордись!—Но вспомни, что-жъ тебѣ было дѣлать?—Мое положеніе гораздо труднѣе...

— Оставимъ это... вѣдь ни ты, ни я не можемъ измѣнить нашихъ положеній...

— И это вздоръ!—Слушай: за тебя меня не отдадутъ, то-есть, не меня, а пятьсотъ тысячъ моего приданаго.

— Да я и не возьму ихъ.—Хорошо же ты меня понимаешь!

— Это изъ рукъ вонъ глупо!—Но... положимъ,—хоть бы и хотѣлъ взять, не дадутъ. Одну меня ты взялъ бы, но я сама

не пойду, потому что я боюсь и ненавижу бѣдность... Это ужъ такъ,—и толковать мнѣ не трудись,—напрасно. Такъ что-жъ, мы ничего уже и дѣлать не можемъ?—Будущее не наше, что-ли—Подумай-ка, господинъ философъ.

— Самое простое средство—разстаться... но я не знаю... я съ ума схожу...

— И все онъ о себѣ!—да вѣдь я,—я люблю тебя, проклятый человѣкъ!—Не видишь ты, что я ужъ сошла съ ума?—(голосъ ея дрогнулъ слезами). Я вѣдь совсѣмъ измучилась... Но, довольно, брось и забудь свою дрянную Агашу,—передъ тобой Розина, знаменитая примадонна... Вообрази, что ей отбою нѣтъ отъ приглашеній; она диктуетъ контракты, слушаетъ любезности королей и утираетъ слезы бѣдняковъ... и она—твоя, вся твоя... Надѣюсь, я чего-нибудь стою!—А талантъ мой... О, мой талантъ!—еще никто его не знаетъ...

— Такъ ты рѣшилась...

— Бѣжать, все кинуть,—но бѣжать съ тобой... Теперь понялъ?

— Ровно ничего не понялъ... Это какая-то сказка...

— Ну, прощай, довольно... Вотъ идетъ Розина № 2-й, передаю тебя ей; авось она растолкуетъ тебѣ, что́ нужно.

Алексѣй очутился подъ руку съ ея двойникомъ.

— А ты мнѣ что́ скажешь?—насмѣшливо спросилъ онъ, чувствуя, что это просто мистификація, забава праздной и избалованной барышни.

— Завтра ты ступай къ генералъ-губернатору и выхлопочи три заграничныхъ паспорта,—себѣ и двумъ дѣвушкамъ, псковскимъ мѣщанкамъ; вотъ ихъ виды и деньги на паспорты;—возьми.

Она подала ему пакетъ изъ-подъ капюшона.

— Это ужасно глупо, наконецъ!—взбѣсился Алексѣй.—Не возьму я.

— Трусъ!—презрительно уязвила маска.

— Вѣдь ты ничего даже и не смыслишь въ этомъ: тутъ надо время, явиться лично... мало-ли хлопотъ!

— Все намъ извѣстно. Двѣ дѣвушки завтра будутъ ждать тебя на панели противъ подъѣзда, Маша и Ольга. Онѣ войдутъ съ тобой въ канцелярію, что́ нужно объявятъ, подпишутъ. Ты долженъ понять, что уѣдутъ-то не онѣ;—обмануть необходимо, безъ этого нельзя. Чего ты боишься?—Ха-ха... Трусишка!—Этакого пустяка не хочетъ сдѣлать для бѣдныхъ дѣвушекъ,—для нихъ въ этомъ, можетъ, вся судьба!..

Алексѣй, не сознавая что̀ дѣлаетъ, взялъ пакетъ и положилъ въ карманъ.

— Вотъ такъ; теперь ступай къ ней—я свое сдѣлала.

Розина № 1-й взяла его за руку. Она глядѣла на него змѣиными глазами и пустилась разсказывать о той заманчивой жизни въ центрахъ европейской цивилизаціи, среди роскошной природы, среди всѣхъ условій не только для личнаго счастія, но для развитія, для самой всесторонней дѣятельности... Какъ будто утомясь, она вдругъ передала его опять своему двойнику,—а эта практическая маска объяснила ему всѣ мельчайшія подробности исполненія смѣлаго плана.

Игра была задумана очень хитро и искусно. У Слободина закружилась голова,—и встрѣтясь съ Агатой, онъ повелъ ее въ дальнюю залу, гдѣ они усѣлись въ уголкѣ на диванѣ;—разговоръ ихъ... но мы воздержимся отъ передачи ихъ разговора,—для третьяго лица онъ очень скученъ.

Наша Алёнушка уже присмотрѣлась къ маскараду, на который спѣшила съ какимъ-то ожиданіемъ, волненіемъ.

— Вотъ выдумали удовольствіе!—Гдѣ-нибудь, въ другомъ мѣстѣ оно должно быть такъ да не такъ... Бродятъ, словно вчерашняго дня ищутъ; да какіе всѣ подозрительные; боятся другъ друга, иные въ самомъ дѣлѣ будто шпіонятъ.

— Очень невинное шпіонство—просто высматриваютъ дурака, на счетъ котораго можно бы поужинать,—просвѣщалъ Морицъ свою подругу.—А подъ этими масками, еслибы ты знала какія старыя, скверныя физіономіи,—ухъ!—намъ съ тобой не нужно масокъ, Алёнушка моя...

Къ Морицу подошла маленькая, совсѣмъ не элегантная маска и безцеремонно взяла его за руку.

— Видишь, что я не одинъ... извини... сконфузился Морицъ.

— Передай ее кому-нибудь, вотъ хоть этому. (Она указала на проходившаго Горжельскаго). Долго я тебя не задержу.

— Теофилъ Осипычъ! позвольте поручить вашей охранѣ эту даму. Только не уходите далеко, я сію минуту.

Горжельскій догадался, кто была эта дама. Онъ пріосанился и брякнулъ:

— Мой другъ Морицъ чертовски счастливъ въ женщинахъ.

— Вы это почемъ знаете?—Алёнушка не могла даже выговорить маскарадное „ты".

— Потому что ты любишь его, прекрасная маска.

„Вотъ дуракъ-то!"—подумала Алёнушка, и умолкла. Горжельскій лучше ее зналъ, что сказалъ глупость—и поникъ головою. Закоснѣлый холостякъ чувствовалъ, что совсѣмъ не умѣетъ говорить съ такъ-называемыми порядочными женщинами, и боялся провраться.

Имъ было невесело.

— Итакъ, слушай Андрюша, не ходи больше *туда*... Одному тебѣ это говорю, а ты хоть никому не передавай, пусть всѣ пропадаютъ, мнѣ не жалко,—лишь бы ты не пострадалъ... шептала Наденька.

— Да съ чего ты взяла?—Что за дичь такая?

— Ужъ вѣрь мнѣ... Въ ихнемъ домѣ есть табачная лавочка; ну вотъ, мой шуринъ, Илья Павлычъ, скорнякъ, въ нее часто заходитъ,—друженъ съ хозяиномъ,—и своимъ ушамъ слышалъ... Страсти, что такое!—Брось,—теперича такое ли твое дѣло, чтобы путаться... А скоро свадьба-то?

— Не знаю... скоро... Ты меня совсѣмъ съ толку сбила...

— Да я бы послѣдняя скотина была, еслибъ знамши что ни на есть, умолчала!—Нарочно сюда пришла! два цѣлковыхъ за домино заплатила... Горжельскій проговорился, что ты будешь, вотъ я и пришла. Тебя нынче и видѣть-то нигдѣ нельзя, все

у нея сидишь... Добрая ли она?—Пусть только любитъ, какъ я тебя любила... Ступай же, ступай къ ней,—вижу, что я надоѣла...

— Ахъ, Надя, Надя!—и жаль мнѣ тебя, и...

— Да ужъ полно, ступай! Я свое мѣсто знаю. Какъ бы кто о нашей сестрѣ ни воображалъ, а завсегда я останусь честная. Прощай, голубчикъ!—И подведя его къ Алёнушкѣ, Наденька прибавила церемонно-смѣшнымъ, тривіальнымъ тономъ:

— Извольте вамъ его, сударыня; сдаю съ рукъ на руки, а ужъ дальше сами берегите, какъ знаете...

И схвативъ Горжельскаго, скрылась.

Алёнушка долго смотрѣла ей вслѣдъ и изорвала зубами кружево своей маски, чтобъ воздержаться отъ вопроса, неумѣстность котораго царапала ей сердечко.

— Милый, поѣдемъ домой. Гдѣ братъ?—Что ты такъ задумался?

— Да, я спать хочу. Все это глупо, безтолково... Вѣроятно, мы съ тобой уже никогда въ жизни не сдѣлаемъ этой глупости...

— Какъ знать?—Инымъ очень весело... вонъ братъ, смотри, идетъ какимъ цезаремъ... точно весь міръ у ногъ его...

Алексѣй съ Розиной № 1-й подошелъ къ нимъ.

— Господа, поднимитесь на верхъ и закажите ужинъ. Я провожу эту даму и черезъ полчаса явлюсь.

Агата пристально смотрѣла на сестру Алексѣя и протянула ей руку. Въ движеніяхъ ея замѣтна была усталость, почти безсиліе, въ голосѣ какая-то сладострастная вибрація.

— Какъ мнѣ хотѣлось бы поцѣловать тебя!—протянула Агата, и не успѣла опомниться, Алёнушка уже обхватила рукой ея шею, какъ будто шептала что-то на ухо, а губы ея искали губъ незнакомки. Она никогда не видѣла Агаты и слышала отъ брата такіе отрывистые, раздразнивающіе о ней отзывы, что представляла себѣ ее въ какомъ-то обаятельномъ сіяніи.

— Полноте, на васъ всѣ смотрятъ,—подсказалъ Морицъ.

— А пускай смотрять!—Для меня только эта минута и останется на память объ нынѣшнемъ глупѣйшемъ вечерѣ... Прощайте!—вѣдь когда-нибудь встрѣтимся?

— Когда-нибудь!.. Агата кивнула головой и торопливо пошла съ Алексѣемъ...

Они почти бѣжали къ выходу, будто кто гнался за ними. На маленькомъ боковомъ подъѣздѣ Алексѣй усадилъ Агату въ извозчичью карету, вскочилъ проворно за нею и изъ окна отдалъ приказаніе Розинѣ № 2-й.

— Вы, Паша, воротитесь и ждите барышню въ зеленой залѣ.

— Ахъ, сумасшедшіе!—Вотъ бѣда-то!... едва могла выговорить озадаченная горничная, и поднялась по лѣстницѣ на дежурство въ зеленую залу.

Морицъ и Алёнушка сидѣли за столомъ; имъ подали заказанный ужинъ.—Давно прошли условленные полчаса. Морицъ злился, былъ совсѣмъ разстроенъ и уговорилъ свою подругу ѣхать домой.—„Теперь мы ему совсѣмъ не нужны".

Пробило четыре часа: на дворѣ брежжилъ разсвѣтъ; въ залахъ становилось просторно, когда Слободинъ явился въ зеленую залу одинъ и отпустилъ съ караула злополучную горничную.— Онъ обошелъ всѣ верхнія галлереи и, не найдя своихъ, сѣлъ къ первому свободному столику; слуги еще не успѣли убрать объѣдки ужина, окурки сигаръ, пролитое вино, скомканныя салфетки,— всю грязь, какую обыкновенно оставляетъ послѣ себя пирующая жизнь.—Гусарскій офицеръ воротился къ столику, онъ забылъ свой портъ-сигаръ.

— Слободинъ!—Здравствуйте!—обрадовался изрядно подвыпившій Саша Косолаповъ.—Кой-чортъ!—Какъ это мы до сей минуты не столкнулись?—Впрочемъ, я какъ засѣлъ здѣсь, такъ хоть пожаръ случись,—не двинулся бы... Жаль, что васъ не было, а какія женщины,—ф-фа! Человѣкъ, подай рёдереру.—Неправда ли, мы выпьемъ?

— Выпьемъ.—Я тутъ съ сестрой, да потерялъ—видно уѣхала.

— Да ужъ эти барышни, ну ихъ!—Вотъ и моя сестрица сегодня тоже взбударажилась... Только ради Бога,—между нами —вѣдь здѣсь была... Каково?

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Пожалуйста, никому... Дражайшіе родители узнаютъ,— бѣда!—Я помогъ ей, только проку не вышло: черезъ четверть часа испугалась и удрала домой. Къ вамъ не подходила?—Она съ этакими красными, огненными лентами...

— Съ красными лентами?—Нѣтъ, съ красными не подходила.

Алексѣй хлебнулъ изъ стакана и, прищурившись, взглянулъ на Сашу.—Ему плотоядно захотѣлось сдѣлать гусарчику какую-нибудь дерзость.

— Дура!—Ну, ихъ ли это дѣло!—Тутъ надо настоящихъ женщинъ, а не эту пуганую дичину!

Саша болталъ всякій вздоръ. Алексѣй спросилъ еще вина и жадно выпивалъ стаканъ за стаканомъ,—но опьяненія не добился... за то гусаръ переполнился къ нему величайшимъ благоговѣніемъ.—Послѣ шестой бутылки, Саша потребовалъ брудершафта и лѣзъ обниматься,—Алексѣй всталъ рѣзко, грубо.

— Довольно.—Пора по домамъ!—За все я плачу,—обратился онъ къ слугѣ и бросилъ на столъ крупную ассигнацію.

Косолаповъ кричалъ ему что-то вслѣдъ во все пьяное горло,— кажется, даже ругался,—но тотъ не поворотилъ головы и нахлобучивъ шляпу, удалился блѣдный и безсмысленный, какъ до нитки проигравшійся понтеръ.

Дома онъ засталъ сестру и Андрюшу за чаемъ.

— Вотъ это превосходная идея.—Давайте мнѣ чаю. Какой теперь сонъ?—на дворѣ бѣлый день.—А вы хороши—не могли подождать?—Впрочемъ, вы правы... правы...

Онъ задумался, нахмурился. Мысль объ этомъ совершенно пустомъ обстоятельствѣ, что они не подождали его,—разросталась въ его головѣ до размѣровъ какого-то рокового, неумолимаго закона...

„Да, вотъ они меня оставили, когда я сдѣлалъ только первый шагъ на этой дорогѣ... а потомъ, дальше, когда я буду *тамъ* съ нею, можетъ быть, годъ, можетъ-быть два, почемъ знать?—тогда ужъ непремѣнно не только они,—*все* меня оставитъ... и наука, и друзья, и родина... да, и родина отвернется, не захочетъ признать своимъ сыномъ этого жалкаго авантюриста, пришпиленнаго къ театральной мантіи примадонны, для которой ubi bene, ibi patria... Все это такъ... а мнѣ-то какое дѣло?—Развѣ лучше съ честными мыслями и сложенными руками благонравно гнить въ своемъ болотѣ?—Однако, нѣтъ, я дичь порю. Это не то!.. Развѣ черезъ два-три года, сорвавши съ жизни все, что можно сорвать, я не могу воротиться на родину не блуднымъ сыномъ, а отрезвившимся работникомъ?—Нѣтъ, опять и это не то!... Все это чепуха, головная работа, тонкости, подленькая изворотливость... А вотъ что: вѣдь этой сумасшедшей ночи ужъ нельзя вычеркнуть,—никакъ нельзя!.. Еще въ дѣтствѣ я задавалъ вопросъ,—„нешто можно сдѣлать такъ, чтобы не было того, что́ взаправду было?"—А вѣдь эта ночь была въ самомъ дѣлѣ... я еще чувствую ея горячую реальность... Да!—ну вотъ это другое дѣло,—теперь я знаю, что дѣлать!.."

И въ 10-ть часовъ утра онъ былъ въ Большой-Морской, у генералъ-губернаторскаго подъѣзда. Какъ условлено, двѣ дѣвушки ожидали его на панели. Вѣроятно, во всей внѣшности его было что-нибудь неладное; чиновники въ канцеляріи, выслушавъ его, переглянулись и обращались къ нему съ тою предупредительною вѣжливостью, какая употребляется въ обращеніи съ человѣкомъ больнымъ, ненормальнымъ. Онъ никакъ не могъ понять, что заграничные пассы могутъ быть выданы только послѣ троекратной публикаціи въ газетахъ; а намекъ на необходимость собрать нѣкоторыя служебныя справки принялъ просто за личную обиду.

XII.

И всѣ разноцвѣтныя нити многихъ молодыхъ жизней вдругъ подрѣзаны... Карточные домики полетѣли,—и на лицахъ озадаченныхъ дѣтей внезапный испугъ еще борется съ разгорѣвшимся румянцемъ недавняго смѣха...

Апрѣльская ночь пробѣгала надъ Петербургомъ; ночь коротенькая, съ легкимъ морозцемъ и полнымъ комплектомъ тифозныхъ удовольствій. Зачѣмъ же ей и оставаться долго на Невскихъ берегахъ? Въ какихъ-нибудь полчаса она успѣетъ сдѣлать все, что нужно: выдастъ безпріютнымъ бѣднякамъ сотни подороженъ на Смоленское кладбище; пошлетъ нищетѣ и голоду нѣсколько минутъ „сладкаго забытья и отрадныхъ сновидѣній“ въ родѣ чужой горячей пищи и найденнаго на мостовой двугривеннаго, который оказался фальшивымъ; затравленному хищнику дастъ возможность обдѣлать опасное дѣльце, а пьяному гулякѣ предоставитъ даровое освѣщеніе, то-есть, возможность добраться изъ кабака домой, не попортивъ своей благородной физіономіи. И все то благо, все добро!

Этимъ глупѣйшимъ капризамъ предавался Рудковскій потому собственно, что ему не спалось. Онъ вставалъ, ходилъ, опять ложился въ постель—и все было тщетно. Ужъ онъ предалъ анаѳемѣ непредусмотрительнаго Ивана за то, что не только въ зеленомъ полуштофчикѣ, но даже ни въ одной бутылкѣ не оказалось искомаго содержанія. Оно можетъ быть помогло бы... А бѣлесоватый свѣтъ глядѣлъ сквозь сторы и слышалась отдаленная трескотня экипажей.

Рудковскій заглянулъ къ товарищамъ—оба они спали глубокимъ передъутреннимъ сномъ. Почему-то ему живо припомнилась та ночь, когда они, въ первый разъ зайдя къ нему, въ этихъ же комнатахъ заснули такъ же сладко, безмятежно,—и онъ завистливо любовался ихъ здоровою молодостью...

— Однако, если я не усну—вотъ скверность-то! — ворчалъ Рудковскій, кутаясь въ одѣяло.—А тутъ еще эта ѣзда... и чего они, черти, разъѣздились?—Видно, съ бала, или съ картежнаго побоища....

Стукъ колесъ выдѣлялся рѣзче изъ ночного гула. Рудковскій невольно прислушивался... вотъ экипажъ ближе,—вотъ остановился тутъ, подъ окнами... Въ передней завизжалъ колокольчикъ; въ комнатахъ зашаркали, забрянчали саблями; надъ самой головой Рудковскаго осиплый голосъ, съ очевиднымъ стараніемъ взять тонъ какъ можно мягче, назвалъ его, проговорилъ формальное приглашеніе встать, одѣться и слѣдовать куда будетъ нужно... Все это совершалось одно за другимъ, безъ промежутковъ...

Сухощавый, скорчившійся въ своей постелѣ, человѣкъ, измученный безсонницей, — потерялъ сознаніе времени, послѣдовательности,—онъ сознавалъ только одно — свое полнѣйшее безсиліе... Онъ не шевелился и лишь черные глаза упорно остановились на фигурѣ необыкновеннаго посѣтителя. Опять неизвѣстно, минуту или часъ глядѣли его глаза, и зачѣмъ они глядѣли, какой смыслъ имѣлъ этотъ взглядъ,—какой смыслъ былъ вообще во всемъ этомъ?...

Вдругъ Рудковскій быстро вскочилъ и сѣлъ на кровати.

— Ага!—сію минуту полковникъ,—я весь въ вашемъ распоряженіи... Только пожалуйста не будите моихъ товарищей, я самъ...

Опять стукъ кареты, шаги, бряцанье оружія.

— Господинъ Купянцовъ?

По комнатамъ ходили люди, шелестѣли сбрасываемыя въ кучу бумаги. Иванъ тутъ тоже какъ-то разсѣянно суетился, помогалъ одѣваться, искалъ какую-то веревочку. Онъ заботливо притворилъ дверь въ комнату спящаго своего барина.

— Поручикъ Морицъ здѣсь? — раздался новый вѣжливый голосъ.

Андрюша проснулся уже среди всеобщей суматохи. Онъ какъ-то по-дѣтски обрадовался, увидавъ въ толпѣ своего товарища, полкового адъютанта, и крѣпко сжимая его руку, твердилъ:

— Ничего, братъ, не безпокойся... Это недоразумѣнія!... Тутъ что-нибудь да не такъ... Я убѣжденъ, что завтра увидимся... Иначе и быть не можетъ!—До скораго свиданья! — Не выпьемъ ли мы по стакану чая?—предложилъ онъ съ блаженнѣйшею наивностью всей собравшейся публикѣ.

— Не долго ли это будетъ?—Тѣмъ болѣе, что тамъ къ услугамъ вашимъ будетъ чай и все, что только угодно потребовать,—получился успокоительный отвѣтъ.

Черезъ полчаса опустѣла развеселая квартира № 10-й; двери заперты, опечатаны;—въ распоряженіи Ивана оставлена только одна кухня, въ которой уже не для кого было отбарабанивать скорый маршъ на доскѣ съ знаменитыми битками... Онъ только хлопнулъ объ полы руками и горько заплакалъ...

Много такихъ сценъ видѣло это холодное, пасмурное утро...

Алексѣя разбудила Алёнушка. Онъ больше всего хлопоталъ о порядкѣ въ своихъ бумагахъ, какъ о самой величайшей драгоцѣнности;—связанный тюкъ опечаталъ своею печатью и вообще выказалъ спокойное самообладаніе, молчаливое мужество. Его настроеніе сначала сообщилось и сестрѣ,—но потомъ молодая дѣвушка, долею оттого, что не могла уяснить себѣ важности дѣла, долею отъ привычки всѣхъ русскихъ женщинъ считать себя внѣ тѣхъ общихъ условій, которымъ подчинены мужчины,—стала вдругъ необыкновенно высокомѣрна и даже дерзка съ нежданными гостями. Въ одной юбочкѣ, въ туфляхъ на босую ногу и черной теплой кофточкѣ она расхаживала какъ принцесса, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, высказывала вслухъ обидныя предположенія, рѣзкіе протесты, вызывавшіе улыбку на лицахъ безотвѣтныхъ исполнителей своего долга... Наконецъ, хватила какую-то безумно-горячую фразу... всѣ испугались, а она, скрестивъ на груди руки, спокойно сказала:

— Что-жъ вы, господа? — берите ужъ и меня... Теперь я въ вашихъ рукахъ. Будьте же послѣдовательны, — не стыдитесь!...

Мина прискорбнаго сожалѣнія и двусмысленное пожатіе плечъ, обремененныхъ эполетами, — были единственно-возможнымъ отвѣтомъ на ея сумасбродный вызовъ.

Она захохотала...

Обнявъ въ послѣдній разъ брата, Алёнушка нашла довольно силы прошептать: „Андрюшу непремѣнно увидишь... Поцѣлуй. — Я васъ найду“.

— Не робѣй, сестра! — Будемъ живы — увидимся!

Карета съѣхала со двора. Постоявъ нѣсколько минутъ у окна, Алёнушка повернулась; лицо ея было сурово, неподвижно; взглядъ искалъ на чемъ-бы остановиться — и остановился на запечатанной двери братова кабинета. Пустота, молчаніе... Тутъ силы Алёнушкѣ измѣнили, она упала на полъ...

Сидя въ каретѣ, Алексѣй придумывалъ, какимъ путемъ извѣстить Агату.

— Славно бы теперь заснуть, — зѣвая промычалъ сидѣвшій съ нимъ полковникъ. — Вчера прямо изъ Большого театра — и вотъ какъ видите... хоть бы бѣлье перемѣнить. Самъ не знаешь, когда и дома быть придется...

Это партикулярное вступленіе должностного лица ободрило Алексѣя.

— Кажется, — попробовалъ онъ, — мы поѣдемъ мимо одного дома... Тамъ живетъ извѣстный откупщикъ Косолаповъ...

— Кирилла Егорычъ?

— Вы его знаете?

— Еще бы! — да и съ вами вѣдь мы старинные знакомые. Батюшку вашего я душевно уважалъ...

Алексѣй ободрился еще на градусъ; онъ вопросительно глядѣлъ на полковника.

— Я — Шпицъ. Можетъ помните, въ С*? — Жалко мнѣ васъ, Слободинъ... Какъ это вы такъ? — Эхъ! — Впрочемъ, не отчаявайтесь; дѣло ваше будетъ въ хорошихъ рукахъ... Вѣрьте, намъ также тяжело, какъ и вамъ... Мы тоже люди...

— Благодарю васъ, полковникъ... Какъ же! — я помню васъ...

и очень радъ... въ такую минуту, поймите, какъ дорого мягкое человѣческое слово... А вотъ насчетъ Косолаповыхъ-то...

— Гмъ, да-да!—Ужъ не зазнобушка ли это? — игриво подмигнулъ полковникъ,—что́-то такое мнѣ помнится... да.

— Мнѣ теперь все равно: жеманиться не къ чему! — Скажите пожайлуста Агафьѣ Кирилловнѣ, только ей одной, по секрету,—что я ничего не боюсь, и что́ бы ни случилось со мною,— я всегда и вездѣ буду ждать ея слова... Пожайлуста, буквально это передайте: жду ея слова...

— Avec grand plaisir! — отозвался полковникъ развязнымъ тономъ свѣтскаго шалуна и добраго товарища.

Въ большой залѣ Алексѣй увидѣлъ множество фигуръ, блѣдныхъ, испуганныхъ, ошеломленныхъ самымъ разнообразнымъ образомъ;—но ни одного знакомаго лица. Это его успокоило; ему показалось несомнѣннымъ, что все это — недоразумѣніе, путаница; — онъ чуть не улыбнулся при мысли, что вотъ сейчасъ спросятъ его имя, еще два-три вопроса, — и отпустятъ съ миромъ, даже извинившись за причиненное безпокойство... Но зала все наполнялась вновь прибывающимъ народомъ. — стали мелькать и знакомыя физіономіи. Алексѣй подошелъ къ Рудковскому и Морицу.

— Что́ Алёнушка? — дрожащими губами прошепталъ Андрюша.

— Цѣлуетъ тебя. Она молодцомъ!

— Ахъ, кабы поскорѣе разъяснилось—и къ ней!

— Но что все это значитъ?

— Хоть убей— ничего не понимаю...

— Вы всѣхъ тутъ знаете?

— Никого.—Ахъ, вотъ несчастье-то!—вдругъ затужилъ Рудковскій,—забылъ табачку насыпать... Смерть хочется! –какъ-бы достать?—и онъ горестно заглядывалъ въ свою пустую тавлинку.

Когда человѣкъ хоть немного освоится съ своимъ даже са-

мымъ неудобнымъ положеніемъ,—онъ сейчасъ же становится наблюдателемъ. Алексѣй, Рудковскій и Морицъ тихо, и мѣстами даже смѣясь, передавали другъ другу свои наблюденія.

Дмитрій Сергѣичъ вошелъ съ нѣкоторою торжественностью; на немъ сверхъ сюртука накинутъ былъ какой-то шелковый теплый халатъ, а подъ мышкою онъ держалъ книгу. Морицъ даже по переплету узналъ эту давно-знакомую книгу „Théorie des quatre mouvements...“ Онъ церемоніально прошелъ въ слѣдующую комнату; дверь за нимъ затворилась...

— Помните, Алексѣй Петровичъ,—шепнулъ Рудковскій,—что я говорилъ вамъ о procès de la rue Menilmontant?

Какой-то пожилой господинъ съ геммороидальнымъ цвѣтомъ лица, выражавшаго и суровую озабоченность театральнаго машиниста, и сдержанное удовольствіе неузнаннаго имянинника, проворно появлялся и исчезалъ, дочитывая на-лету бумаги съ незасохшими еще чернилами, похожими на фантастическія черныя слезы.

Вотъ скромный господинъ, аккуратненько причесанный, съ небольшимъ узелкомъ какихъ-то ученическихъ тетрадокъ, между которыми, для очистки совѣсти, всунута даже грифельная доска; — онъ только разводитъ руками, заявляетъ о своей душевной невинности и какъ будто умоляетъ, чтобы его сейчасъ же обыскали.

Другой маленькій человѣкъ хитро, замысловато ухмыляется и готовъ дать самыя откровенныя объясненія о томъ, какъ онъ разливалъ чай на вечерахъ у Дмитрія Сергѣича, а больше онъ дѣйствительно ничего не зналъ и не знаетъ.

А вотъ и величественный старецъ, такъ знаменито и потѣшно предсѣдавшій съ колокольчикомъ. — Онъ сѣменитъ и шаркаетъ ножкой передъ геммороидальнымъ носителемъ свѣженькихъ бумажекъ — лицомъ, какъ видно, ему знакомымъ; — старается объяснить что-то очень резонное, прибавивъ:

— Pourtant,—soumission!—soumission complète!

— Ну, да ужъ разумѣется!—что-жъ дѣлать-то!—небрежно и

не безъ ироніи отвѣчаетъ ему господинъ, не отводя глазъ отъ бумаги—и бѣжитъ дальше.

— Вотъ этотъ... вотъ кто заварилъ всю кашу... чортъ бы его побралъ!—насъ всѣхъ съ ногъ сбилъ...

Эти слова прошепталъ кто-то сзади Слободина; онъ обернулся; полковникъ Шпицъ задумчиво крутилъ свой красивый усъ, и разсматривалъ фасонъ собственнаго сапога, точно онъ до сей минуты не догадался обратить вниманіе на этотъ интересный предметъ.

Не въ одномъ домѣ въ этотъ день за семейнымъ обѣдомъ оставалось праздное мѣсто... Не въ одномъ домѣ всѣ говорили въ полголоса и цѣпенѣли при каждомъ звонкѣ въ передней...

Алёнушка слегла въ постель; въ головѣ ея точно растопленная мѣдь клокотала и лилась въ какія-то формы, но формы эти лопались, и вмѣсто стройныхъ фигуръ отливались безобразныя уродливыя глыбы... Она разметалась и босыя ножки, покрытыя холодной влагой, тянулись, искали опоры и судорожно прятались опять подъ одѣяло.

— Барышня, Иванъ пришелъ,—донесла горничная.

— Сюда, Иванъ!—Поди сюда, Иванъ!—закричала Алёнушка.—Ну чтó, голубчикъ, какъ твой баринъ?

— Бяда!—возопилъ Иванъ; глаза его были мокры.

— Что онъ... упалъ духомъ? оробѣлъ?

— Извѣстно, радости тутъ нѣтъ никакой; а чаво робѣть?—господамъ не дюже страшно... ихъ даже пальцомъ не замай,—а не то что... Тронуть никто не смѣетъ господское тѣло.

Молчаніе.

— А что онъ, Иванушка, ничего не говорилъ?

— Какъ не говорить!—говорилъ... Я одѣвалъ его.

— Говорилъ?—что же, что?—Алёнушка широко раскрыла глаза, полные мучительнаго ожиданія.

— Иванъ, говоритъ,—подай носки...

Вечеромъ, въ той же большой, едва освѣщенной залѣ группы людей двигались въ разныхъ направленіяхъ.

Незнакомцы поневолѣ знакомились; разсказывали свои семейныя обстоятельства, даже анекдоты, совсѣмъ неподходящіе къ данной минутѣ; — мѣстами даже слышался откровенный смѣхъ.

— А славное угощеніе! — сказалъ Горжельскій, утирая губы салфеткой. — И бифстексъ, какъ слѣдуетъ, недожаренный. Я попрошу чашку чернаго кофе.

— Панъ, не обжирайтесь, мой красавецъ, — стыдно! Подумаютъ, что вы съ роду ничего порядочнаго не жрали, — усовѣщевалъ Рудковскій.

— Напротивъ, я ѣмъ потому, что у меня хорошій аппетитъ,—чѣмъ я виноватъ? А впереди—кто знаетъ—придется ли еще быть человѣкомъ, то-есть обѣдать? — Вѣдь вы знаете, что человѣкъ отличается отъ животнаго только тѣмъ, что онъ обѣдаетъ, а животное питается... И многіе обступили говорливаго весельчака, совершенно забывши, зачѣмъ они тутъ собраны.

Уже поздно вечеромъ эти необыкновенные гости стали разъѣзжаться, исчезать... Всѣ призадумались... Разговоры умолкли; каждый почувствовалъ необходимость углубиться въ самую глубь своего внутренняго міра и вынести оттуда какой-нибудь талисманъ, который далъ-бы силу стать въ уровень съ серьёзнымъ смысломъ настоящаго положенія...

Дошла очередь до Слободина, — „извольте отправляться“ — сказано ему. — Сходя съ лѣстницы, онъ столкнулся съ Шпицомъ, который подкрѣплялся въ своей компаніи стаканомъ вина.

— Куда мы?—спросилъ Алексѣй. — Ужели...

— Да вамъ тамъ будетъ гораздо удобнѣе и покойнѣе!— съ добродушною наивностью утѣшилъ добрый полковникъ. А *ей* я все передамъ,—soyez tranquille! — Не хотите-ли? — Онъ подалъ ему стаканъ.

Алексѣй выпилъ залпомъ. Они крѣпко обнялись...

Послѣ безконечнаго переѣзда по темнымъ улицамъ, площадямъ и мостамъ,—карета вдругъ вкатилась подъ какой-то длинный, низенькій сводъ;—колеса застучали глухо, точно удары молотка въ крышу дубоваго гроба...

— Ну, прощай! — прошепталъ Слободинъ, самъ не зная кому онъ посылаетъ свое прощанье. — Жалкіе бѣдняки! — вѣдь наша жизнь еще не начиналась—и уже никогда не начнется!... Прощай, прощай! — Погибшіе мы люди!

Передъ распахнувшейся дверью маленькой сводчатой кельи, освѣщенной чадившею плошкой, — Алексѣй содрогнулся, отшатнулся...

Дверь за нимъ захлопнулась; — ржавые замки защелкали какъ-то нестерпимо обидно.—Онъ остался одинъ...

Подъ окномъ перекатывалось протяжное „слу-ша-ай!“; потомъ кто-то зѣвалъ громко и апатично; потомъ два голоса разсуждали о старыхъ портянкахъ.

— А колько къ намъ господъ таперича навезли,—страсть!

— О?!—Эхъ братецъ ты мой, поди чай жалко?...

— Д-да, молодые, извѣстно съ глупоствѣ...

— А головы имъ, поди, чай сейчасъ забрили?

— На что!—этого не полагается.

— Э, рабята, значитъ, еще ничево!—Слуш-ша-ай!.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ.

I.

...На югѣ Россіи существовала старинная, построенная еще турками крѣпость. Она давно уже утратила стратегическое значеніе и вовсе не отличалась грознымъ, неприступнымъ видомъ; хотя ея прошлое знаменито потоками пролитой крови, но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ она была похожа на дряхлаго инвалида, который, повѣсивъ на гвоздь заслуженную шинель съ медалями, мелетъ табакъ и брюжжитъ на плохія времена. По зеленымъ бастіонамъ чугунныя пушки на неуклюжихъ кривыхъ станкахъ непробудно спятъ, уткнувши въ землю свои заржавѣвшія жерла; по обвалившимся эскарпамъ и въ заросшихъ бурьяномъ рвахъ протоптаны тропинки,—тамъ мирно пасутся бѣлыя козы... За то внутри крѣпости видѣнъ строгій порядокъ, чистота, дисциплина: дорожки и площадь вокругъ церкви обсажены молодыми деревцами, выметены, посыпаны песочкомъ, столбики и барьеры подкрашены, низенькія зданія, вытянутыя фронтомъ, подштукатурены, снабжены надписями и нумерами—тутъ помѣщаются вла-

сти: комендантское управленіе, госпиталь и разныя команды; провіантскій магазинъ съ черными ставнями въ прорѣзахъ оконъ, словно слѣпой и скучный старикъ, сторонится отъ жилыхъ зданій; въ дальнемъ углу шагаетъ часовой у порохового погреба, а у главныхъ воротъ исправно бодрствуетъ гауптвахта и тутъ же въ куртинѣ рядъ казематовъ, приспособленныхъ для помѣщенія арестантской роты,—отсюда порой слышатся и хохотъ, и брань, и цѣпи, и пѣсни.... За крѣпостною эспланадой съ одной стороны большая рѣка плавно катитъ между камышей свои желтовато-мутныя воды, а съ другой, въ полуверстѣ на степи виднѣются убогія хатки, сначала рѣдкія въ одиночку, дальше стѣснившіяся въ сѣрое стадо, которое во всѣхъ календаряхъ именуется однако городомъ.

Лѣтнее солнце безжалостно опаляетъ эту пустынную мѣстность; дойдя до своего зенита, оно даже какъ будто останавливается, чтобы основательнѣе припечь потрескавшуюся почву. Рѣдѣющіе обрывки бѣлыхъ облачковъ иногда потянутся откуда-то издалека, да такъ и повиснутъ надъ степью, будто изнемогая въ раскаленномъ воздухѣ. Въ городѣ на улицахъ и пустыряхъ нѣтъ ни души, въ домикахъ тихо; въ полдень все населеніе уже пообѣдало и спитъ, притворивъ ставни; и какіе же интересы, какія-такія экстренныя дѣла могутъ тутъ появиться, чтобы добрый человѣкъ рѣшился одѣться и подъ сорокаградуснымъ солнопекомъ потащиться къ сосѣду?

Безконечное лѣто смѣняется осенью, которая исправляетъ должность зимы; мѣсяца три-четыре льются безпрерывные дожди и превращаютъ всю окрестность въ сплошную грязную хлябь, надъ которой стоитъ гнилой туманъ, застилая скудный свѣтъ сѣренькаго дня. Великолѣпныя лихорадки, знаменитыя горячки выбѣгаютъ изъ лѣса камышей и привольно разгуливаютъ среди бѣднаго населенія.

Нельзя не согласиться, что это уголокъ не особенно веселый.

По крѣпостному валу, какъ только отхлынетъ лѣтній зной, часто бродилъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели; бродилъ

онъ какъ-то зря, какъ бродятъ люди, перенесшіе тяжелую болѣзнь, иногда ложился на траву, свертывалъ папироску, чертилъ карандашомъ на лоскуткахъ бумаги, потомъ перечитывалъ какія-то старыя записочки, пожелтѣлыя отъ времени, какъ набожно-сбереженныя листья давно минувшей милой весны; пересмотрѣвъ свой портативный архивъ, молодой человѣкъ улыбался и, зажмуривъ глаза, раскидывался навзничь на зеленой травкѣ съ какимъ-то дѣтскимъ эпикуреизмомъ. Въ эти минуты онъ непремѣнно соображалъ, что вотъ какъ мнѣ теперь хорошо живется, могу оставаться одинъ, могу лежать, ходить, какъ мнѣ вздумается,—какое это счастье!...

По цѣлымъ часамъ глядѣлъ онъ на едва видимыя, волнистыя линіи далекихъ чужихъ горъ, на широкую полосу рѣки; по ней раза два въ недѣлю пробѣгали пароходы, унося пеструю толпу веселыхъ пассажировъ къ другимъ берегамъ, оживленнымъ, чудесно-красивымъ—и тревога охватывала молодого человѣка; онъ хоть на мигъ сознавалъ, что *та жизнь*, мелькнувшая передъ нимъ на пароходѣ, не совсѣмъ еще ему чужая, а это сознаніе воскрешало яркія надежды, наперекоръ всей убогой дѣйствительности.

„Не вѣчно же, не вѣчно!—повторялъ онъ.—Ахъ, хоть-бы на минуту остановился пароходъ у нашего берега! Нѣтъ, все мимо, всегда мимо... да кому нуженъ этотъ скучный берегъ...»

И онъ чуть не плакалъ, какъ ребенокъ,—и какъ ребенокъ, Морицъ бѣжалъ встрѣчать слѣдующій рейсъ.

Да, это былъ онъ, нашъ знакомый мечтатель Морицъ;—но какъ похудѣлъ онъ, постарѣлъ! Миловидное лицо погрубѣло, потемнѣло; усы отросли и придали его физіономіи какую-то слишкомъ солдатскую мужественность; сохранился только взглядъ свѣтлыхъ глазъ, взглядъ—если можно такъ сказать—вѣчно-уповающій... да естественная грація походки и движеній, не пропавшая даже подъ тяжелыми складками сѣрой шинели.

Признано, что мечтатели легко уживаются съ праздностью; но когда праздность вмѣняется какъ извѣстный режимъ, когда

она становится основнымъ закономъ всей окружающей насъ жизни, тогда самый чистокровный мечтатель готовъ руки на себя наложить, лишь-бы дать имъ какую-нибудь работу. Въ крѣпости все населеніе постоянно томилось праздностью: эти мирные люди ѣли, пили, спали (и очень много), играли въ преферансъ и выдумывали какія-нибудь совершенно безполезныя затѣи въ формѣ служебныхъ обязанностей. За всѣхъ и про всѣхъ работали одни арестанты, но если всмотрѣться въ ихъ работу, оказывалось, что и эта работа—просто вялыя мускульныя упражненія, въ которыхъ гнѣздится самая мучительная праздность—праздность по неволѣ. Отъ восхода до заката солнца эти сѣрые люди все что-то дѣлаютъ, копошатся, перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто,—а здоровый вольный парень смѣется надъ ихъ работой. Да они сами такъ ужъ и говорятъ: „наша работа самимъ Богомъ проклята; хошь ты старайся, хошь нѣтъ—все одно, ея никогда не убудетъ; стало, и спѣшить не къ чему, ни у кого отъ нея животы не болятъ,—сдѣлана ли, нѣтъ ли, кому корысть?“ Морицъ теперь часа по три въ день сидѣлъ въ канцеляріи, переписывая строевые рапорты, да матеріальныя вѣдомости,—слѣдовательно былъ совершенно праздenъ; но и прежде, еще недавно, когда онъ въ сермяжной курткѣ не совсѣмъ элегантнаго покроя подметалъ площадь, или косилъ эту самую травку, на которой теперь валялся,—и тогда онъ былъ не менѣе праздenъ.

Конвойный въ сторонкѣ дремлетъ, опершись на ружье, а онъ старательно и неумѣло размахиваетъ косою; обильный потъ струится съ выбритаго лба, руки терпнутъ, онъ остановится, осмотритъ натертый на ладони пузырь, и вдругъ, словно какой-то чужой голосъ его окликнетъ: „Что это ты дѣлаешь? Зачѣмъ, для чего, кому это нужно?“ Бѣднякъ готовъ бы засмѣяться, если-бъ ему не хотѣлось плакать...

Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, вся дѣятельность человѣка уходитъ внутрь, перебираетъ на всѣ лады небольшой матеріалъ, данный прошлою жизнію и строитъ смѣлыя иллюзіи будущаго; въ томъ и другомъ направленіи, конечно, яв-

ляется много фантастичности. Практическая жизнь Морица была очень скудна мотивами, она сосредоточивалась на строгомъ выполненіи обязанностей нижняго чина; и надобно сказать, тутъ онъ былъ строгъ до педантизма и, кажется, даже этимъ немного кокетничалъ, былъ—какъ выражаются старые служаки—„всегда на своемъ мѣстѣ“, не искалъ никакихъ льготъ и облегченій своего положенія.

Единственное утѣшеніе нашелъ себѣ Морицъ въ перепискѣ. Сначала онъ до такой степени былъ не увѣренъ въ неприкосновенности своихъ писемъ, что писалъ только къ родственникамъ, подавалъ письма черезъ кого слѣдуетъ незапечатанными, само собой и содержаніе ихъ было, что называется, ни рыба, ни мясо. Наконецъ, явилась возможность писать и къ сестрѣ Слободина, Алёнушкѣ.

II.

По части корреспонденціи помогъ ему нѣкто штабсъ-капитанъ Шабашенко, съ виду угрюмый старый драбантъ, споконъ-вѣку служившій въ крѣпости. Сближеніе ихъ произошло нѣсколько страннымъ образомъ: сначала Шабашенко избѣгалъ Морица, какъ будто чего-то стыдился, и при неизбѣжномъ служебномъ разговорѣ даже не смотрѣлъ ему въ лицо; потомъ педантическая исполнительность юноши раздражала и бѣсила штабсъ-капитана,—въ ней онъ видѣлъ какую-то очень тонкую насмѣшку и ворчалъ сквозь зубы: „Фанаберія и больше ничего!“ Бѣдный Андрюша Морицъ опасливо посматривалъ на суроваго начальника и долго питалъ къ нему какую-то дѣтскую боязнь.

Разъ онъ заболѣлъ лихорадкой и лежалъ въ лазаретѣ; Шабашенко будто нечаянно заходитъ часто въ лазаретъ и всякій разъ останавливается у койки Морица, разспрашивая, не нужно ли чего

больному; тотъ отказывался отъ всего. Штабсъ-капитанъ не выдержалъ и разразился:

— Что-жъ это, чортъ подери,—вы брезгуете, что ли?—За людей не считаете?—Я въ отцы вамъ гожусь...

— Извините, ваше благородіе... я не думалъ, что вы это такъ примете...

— Ну—„ваше благородіе, ваше благородіе!"—ворчалъ Шабашенко; я двадцать лѣтъ знаю, что я „ваше благородіе",—а супу все-таки вамъ пришлю.

Въ другой разъ Шабашенко, отдавая ему полученное съ почты письмо, спросилъ:

— Это вамъ родители пишутъ?

— Тётка; родителей я лишился еще въ дѣтствѣ.

Шабашенко покряхтѣлъ.—Славно вы поете, я ужъ давно подслушалъ; чудесно поете.—Приходите-ко мнѣ вечеркомъ, у меня гитара есть.

Оригинальная нѣжность штабсъ-капитана заинтересовала и даже тронула впечатлительнаго юношу, онъ сталъ заходить довольно часто къ старому холостяку. Надо пожить хоть недолгое время въ казармѣ, чтобы понять всю привлекательность самаго убогаго домашняго жилья: голыя грязныя стѣны, ничѣмъ незащищенное мѣсто на нарахъ, какой-нибудь сундучишко съ горемычнымъ добромъ и полнѣйшая невозможность остаться одному, не видѣть и не слышать окружающей жизни—все это изнуряетъ и подчасъ ожесточаетъ человѣка, и когда оттуда онъ попадетъ въ *комнату*, гдѣ все кругомъ говоритъ, что здѣсь хозяинъ у себя дома, устроился сообразно своимъ привычкамъ, вкусамъ и достаткамъ, что тутъ можно запереться отъ докучныхъ посѣтителей,—то обитатель казармы даже вчужѣ чувствуетъ теплоту какого-то необыкновеннаго благополучія...

Было въ крѣпости человѣка два, что называется, образованныхъ офицеровъ, но эти господа почему-то боялись сближенія съ Морицомъ. Они свое участіе къ нему ограничивали только тѣмъ, что давали ему читать газеты и журналы; а потому нисколько

неудивительно, что общительный Морицъ сталъ часто посѣщать Шабашенку, съ которымъ, по отсутствію общихъ живыхъ интересовъ, разговоры не всегда клеились, и въ этихъ случаяхъ выручала гитара; угрюмый штабсъ-капитанъ самъ мурлыкалъ съ комическою задушевностью унылыя малороссійскія пѣсни. Мало-по-малу они незамѣтно договорились до семейныхъ дѣлъ,—оказалось, что Шабашенко вовсе не холостякъ, а что называется „соломенный вдовецъ"—супруга его лѣтъ восемь тому назадъ сбѣжала съ какимъ-то заѣзжимъ коммиссаріатскимъ чиновникомъ—онъ махнулъ рукой и даже не знаетъ, гдѣ она теперь и жива ли. Морицъ разсказалъ, что въ Петербургѣ у него осталась невѣста.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—равнодушно замѣтилъ старикъ.—Сюда ее тащите. Вотъ ей и проба будетъ; коли она не какая-нибудь модная франтиха, такъ нехай съ нами поживетъ, всего отвѣдаетъ; а сбѣжитъ отсюда, значитъ и жалѣть нечего.—Чего вы улыбаетесь?

— Она не изъ такихъ... любитъ меня...

— То-то я и говорю,—коли любитъ, нехай не побрезгуетъ солдатскимъ положеніемъ.—А ужъ я пожалуй похлопочу, особый *кутокъ* вамъ устрою... Оно вамъ веселѣй будетъ, совѣтую выписать, право совѣтую.

— Да вотъ, Богданъ Ѳедорычъ, я не знаю какъ на счетъ писемъ-то...

— Эка важность!—строчите ихъ здѣсь у меня, безъ церемоніи, да чтобъ и къ вамъ адресовали тоже на мое имя—Богдану Хведоровичу Шабашенкѣ, да съ какой-нибудь тамъ особой отмѣтинкой, чтобы я зналъ что это къ вамъ. Эхъ вы—„правило вѣры и образъ кротости!" другой ужъ давно бы придумалъ этакую штучку, а вы все щегольнуть предъ нами хотите... ха—ха!—Напрасно, сударь мой, насъ этимъ удивить невозможно.

Морицъ воспользовался удобствами капитанскаго предложенія, да и совѣтъ Шабашенки показался нашему пріятелю весьма исполнимымъ.—Почему-жъ бы ей въ самомъ дѣлѣ и не пріѣхать?—

раздумывалъ Морицъ.—Вѣдь сначала сама этого желала, просилась... Люди здѣсь простые, но добрые,—жить можно!

И его прыткому воображенію уже представлялась маленькая квартирка, въ которой хозяйничаетъ Алёнушка, а все крѣпостное общество не налюбуется на молодую чету, которая весело переноситъ житейскія невзгоды и являетъ примѣръ высокой героической любви...

Въ видѣ предположенія и вмѣстѣ самаго горячаго желанія написалъ Морицъ объ этомъ своей Алёнушкѣ—и съ замираніемъ сердца ждалъ отвѣта.

Отвѣта долго не было.

— Морицъ!—окликнулъ его однажды Шабашенко изъ окна своей квартиры.

— Чего изволите, ваше благородіе?

— Зайдите сюда.—Это вамъ?—сказалъ капитанъ и подалъ запечатанное письмо изъ Петербурга, адресованное „его благородію Богдану Ѳедоровичу господину Шабашенкѣ"—коли написано *господину,* значитъ это вамъ; кажись, такой былъ уговоръ?—Андрюша вспыхнулъ, руки его задрожали, онъ едва могъ выговорить: Ахъ, Богданъ Ѳедорычъ, какъ мнѣ благодарить васъ...

— А ну тебя и съ благодарностью!—Садись и читай!

— Не могу, Богданъ Ѳедорычъ... извините!—И Морицъ, забывъ подчиненность, кинулся на шею капитану—и выбѣжалъ.

Шабашенко, какъ старый котъ, задергалъ усами и даже улыбнулся ему вслѣдъ.

— Экой счастливецъ, чортъ тебя подери!—ворчалъ онъ, набивая трубку... Однако, побачимъ, може и та сбѣжитъ...

Морицъ прибѣжалъ на свое любимое мѣсто на валу: онъ еще не читалъ письма, не могъ читать его, а только вглядывался въ знакомый почеркъ. Едва ли былъ онъ въ состояніи понять то, что́ перечитывалъ разъ десять.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Наконецъ-то, наконецъ явилась возможность наговориться свободно за всѣ три года разлуки... Милый мой Андрей Нико-

лаевичъ! вы пишете, что нисколько не измѣнились въ своихъ убѣжденіяхъ и любите меня по-прежнему, да я въ этомъ и не сомнѣвалась ни на минуту.—Милый мой, и вы для меня все тотъ же... Постараюсь отвѣчать на всѣ ваши вопросы по порядку. Право не знаю, какъ начать.—Въ эти три года я вдоволь надумалась,—казалось, всѣ мысли мои такъ хорошо, такъ крѣпко сложились въ головѣ, а теперь, какъ приходится ихъ высказать, я и словъ не нахожу... Не умѣю, боюсь, вы не такъ поймете меня, а это было бы для меня большое горе...

„Вы вспоминаете ту ужасную ночь, когда братъ Алёша, нѣсколько друзей, вы и я разставались на долгую разлуку безъ надеждъ, безъ цѣлей, даже безъ всякихъ обѣщаній; вы помните, что одинъ только братъ былъ ясенъ, да Рудковскій шутилъ по обыкновенію,—но эта ясность и эти шутки больно рѣзали мнѣ сердце... Вы всѣ были еще подъ вліяніемъ того неестественнаго настроенія, которое держало васъ въ теченіи долгихъ восьми мѣсяцевъ.—Это все я теперь соображаю, а тогда до того ли мнѣ было? Несчастье было слишкомъ горячо, я сознавала только одинъ ужасъ моего круглаго одиночества... Но помните ли вы, о чемъ я умоляла брата и васъ, милый Андрей? Конечно, помните,—но вамъ было не до слезъ и просьбъ маленькой дѣвочки... На дворѣ стоялъ морозъ трескучій, скрипѣли полозья почтовыхъ саней, васъ ждали, время было отмѣрено и бѣжало ужасно скоро... Разумѣется, вы не могли вдуматься въ мою просьбу, къ тому же вѣроятно и высказана она была очень спутанно... Я просила позволить мнѣ ѣхать за вами—за братомъ, или за вами—кому я болѣе нужна; а вы оба указывали мнѣ на спокойную, обезпеченную жизнь въ Петербургѣ. „До лучшихъ дней“ твердили вы, и доказывали ненужность моей жертвы... Какъ будто вы никогда не слыхали, что бываютъ женщины, которыя готовы не только раздѣлять роковыя несчастія ихъ мужей и братьевъ, но умѣютъ даже стать ихъ ангелами-хранителями, поддержать ихъ энергію, ихъ вѣру въ себя, ихъ упованіе въ будущее. Вотъ о какой завидной долѣ я мечтала, вотъ о какой великой милости просила,

—а вы это назвали экзальтаціей и толкнули меня въ душную коморку на Васильевскомъ острову, въ которой тепло и сыто, но до крайности пошло и скучно... Повторяю, я никого не виню и не упрекаю, но такъ оно случилось.

„Не помню, какъ привезъ меня домой Купянцовъ. Для меня началась жизнь. точно, покойная, но этотъ покой едва не свелъ меня съ ума... Я благодарила Бога, что судьба пощадила Купянцова, онъ для меня все это время былъ защитникомъ, другомъ, нянькой. Вѣдь вы знаете доброту его; онъ забывалъ, кажется, самого себя, окружая меня самою нѣжною заботливостью, самою преданною дружбой. Я все это видѣла, старалась быть ему благодарною и—побраните меня хорошенько—только и помышляла, какъ бы избавиться отъ его попеченій... Придетъ онъ, заговоритъ объ васъ, о братѣ, обо всемъ нашемъ прошломъ—и я рада, мнѣ хорошо, чувствую, что это подлѣ меня сидитъ близкій человѣкъ; а останусь одна, и начинаю мучиться самыми злыми и неблагодарными мыслями... Такъ я провела полгода въ моей маленькой квартиркѣ, меня убивало бездѣйствіе, безцѣльность, ненужность моего существованія... Я жила какъ глупая птица, потерявшая гнѣздо. Не добившись лучшей цѣли жизни, я нечаянно наткнулась на другія маленькія цѣли,—сидѣть сложа руки было невыносимо, убійственно,—стала я искать занятій. Разумѣется, выбора большого мнѣ не представлялось: быть гуверванткой, учительницей—больше и выдумать нечего. Но куда я ни являлась, всюду встрѣчала отказъ. Сперва какъ будто дѣло и ладилось, но едва только узнавали, кто я такая—и тонъ, и даже физіономіи чадолюбивыхъ родителей мигомъ измѣнялись. „Такъ вы—сестра-а-а“! Раза два я не вытерпѣла, замѣтила неосновательность подобнаго обвиненія,—но тѣмъ не менѣе видѣла, что дѣло мое проиграно.

«Досада на эти нелѣпыя неудачи еще больше разжигала мои стремленія,—и въ одно утро я очутилась швеей въ модномъ магазинѣ madame S. Купянцова поразилъ такой рѣшительный шагъ; я ему объ этомъ ни слова не говорила. Добрякъ даже надулся

на меня, а за что? Не трудно было разбить всѣ его доводы, и мы помирились. Къ дѣдушкѣ написала, что я отлично устроилась, и прошу обратить всѣ его избытки на помощь Алёшѣ, мнѣ ничего не нужно; даже адреса своего не дала. Купянцовъ отнесъ это письмо Ѳедосѣеву, тѣмъ дѣло и кончилось. И вотъ третій годъ живу я у madame S., сдѣлалась первою закройщицей, надѣюсь современемъ быть associée нашего магазина и своимъ положеніемъ пока совершенно довольна. Хозяйка моя женщина хорошая, немножко взбалмошная, немножко торговка, но въ интимныхъ отношеніяхъ это самая преданная и смѣлая душа. Благодаря ей, я теперь совершенно владѣю французскимъ языкомъ и понимаю, ка̀къ женщина можетъ вести свои дѣла самостоятельно. Живемъ мы очень тихо, работы много, такъ что скучать некогда; въ свободное время читаемъ, изрѣдка бываемъ въ Михайловскомъ театрѣ. Купянцовъ навѣщаетъ меня очень часто. Больше, кажется, о моей жизни и сказать нечего; для васъ должно быть ясно какъ на ладони мое настоящее положеніе. Поговоримъ о вашихъ планахъ.

«Вотъ тутъ-то и страхъ меня беретъ... И рада я, что разговаривать мы можемъ только на письмѣ за двѣ тысячи верстъ... Взглянувъ въ ваше лицо, услыхавъ вашъ голосъ, не знаю нашла ли бы я довольно силы, чтобы сказать то, что̀ непремѣнно нужно сказать... Умоляю васъ, не давайте воли никакимъ догадкамъ, не ищите ничего между строками, читайте такъ же просто и искренно, какъ я пишу...

«Ваши предположенія, хотя въ выраженіяхъ очень нерѣшительныхъ, я поняла какъ прямой вызовъ. Но какъ же это будетъ? Я люблю васъ по-прежнему и сохраняю святость даннаго слова, никакія обстоятельства не поколебали моего убѣжденія, что съ вами я была бы счастлива, но какъ же все это устроится? Научите. Меня ничто не пугаетъ, по первому вашему слову брошу все и пріѣду,—хотя не скрою, что теперь мнѣ сдѣлать это гораздо труднѣе, чѣмъ было прежде. Подумайте хорошенько, не буду ли я вамъ въ тягость, не свяжу ли вамъ руки и не

свяжу ли руки себѣ—чтó я тамъ стану дѣлать? Простите меня за эти вопросы, но на мой взглядъ они очень важны для нашего счастія. Право боюсь, что вы не такъ поймете меня, и готова разорвать это письмо, еслибы дѣло шло не о такомъ важномъ вопросѣ... Вините мою искренность, которой сами вы, бывало, такъ горячо поклонялись... Итакъ, дорогой мой Андрей, жду вашего рѣшенія. Помните только, что я ужъ не ребенокъ, котораго можно утѣшить красивыми картинками; чѣмъ правдивѣе представите вы то, чтó меня ожидаетъ, тѣмъ лучше будетъ для насъ обоихъ...

«Отъ брата получаю самыя коротенькія извѣстія, онъ въ О. и жизнь его нисколько не измѣнилась. «Здоровъ и бодръ»— больше этого сказать о себѣ ничего не можетъ. Моимъ рѣшительнымъ шагомъ онъ, повидимому, доволенъ. Ахъ, если бы онъ былъ съ нами! Простите сестрѣ маленькое пристрастіе—и согласитесь, что Алексѣй умѣлъ какъ-то просто рѣшать всякія задачи; худо ли хорошо ли рѣшалъ онъ, а его слову какъ-то вѣрилось,— почему?—я ужъ не знаю. Купянцовъ пишетъ вамъ особо; въ это письмо я не хочу пускать никого посторонняго. Брата нѣтъ, а другихъ посредниковъ между нами быть не должно. Считаю малодушіемъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было; жду всего отъ васъ.

«Пишите же скорѣе, и вѣрьте, что васъ по-прежнему любитъ ваша—

«Елена Слободина».

Это письмо совершенно опрокинуло мечтанія и планы бѣднаго Морица. Избалованный съ-молода легкимъ господствомъ надъ петербургскими барышнями,—не только въ родѣ Наденьки, но и покрупнѣе—онъ теперь впервые остановился передъ голосомъ, намекавшимъ на какую-то самостоятельность; въ письмѣ Алёнушки сквозь выраженія любви слышались и другія нотки, серьёзныя, трезвыя. Морицъ ихъ не могъ понять; сперва онъ все твердилъ: «Нѣтъ, она меня не любитъ, не любитъ»!... Потомъ, анализируя каж-

дую строчку письма, онъ сталъ находить противорѣчія и докапывался, не внушенъ ли ей кѣмъ-нибудь этотъ осмотрительный, осторожный отвѣтъ на его восторженный призывъ. Но кѣмъ? Ему уже грезилось коварство Купянцова, дурное вліяніе торговки-француженки,—но затѣмъ, въ слѣдующую же минуту эти пошленькія подозрѣнія уже казались ему нелѣпостью.

Онъ ходилъ разстроенный, потерянный; Шабашенко это замѣтилъ, и хотя проворчалъ про себя: «Эге, *воно* не выгорѣло!»—но не покусился вмѣшаться съ непрошеннымъ участіемъ; онъ собственнымъ опытомъ зналъ, какъ сладко подобное положеніе. Старый штабсъ-капитанъ однако не могъ оставить безъ посильной помощи полюбившагося ему юношу, и придумалъ незамысловатый пріемъ утѣшенія; онъ началъ ожесточенно бранить «собачье житье» въ этомъ глухомъ захолустьи.

— И на какого бѣса-дикаго мы тутъ живемъ? Утромъ, напримѣръ, просыпаешься, а зачѣмъ просыпаешься?—чтобъ надѣть сапоги да и маршъ ругаться. Ужъ лучше-бы спать... Спать да жевать—вотъ наше самое любезное дѣло. Не дай Богъ попасть сюда никому,—врагу не пожелаю. Эхъ, кабы Господь вынесъ васъ скорѣе изъ этой провалины! Да ужъ потерпимъ, авось скоро смилуются... Даже этотъ топорный маневръ подѣйствовалъ примирительно на Андрея, до такой степени онъ былъ сбитъ съ толку.

Прислушиваясь къ брюжжанію капитана и оглянувшись внимательно вокругъ себя, Морицъ съ горечью долженъ былъ сознаться, что Алёнушка права, что съ его стороны было бы непростительнымъ эгоизмомъ закабалить ее въ эту провалину. Затѣмъ всѣ болѣзненныя фантазіи его, взрощенныя въ отчужденности отъ практической жизни, свернулись, поблекли, какъ оранжерейные цвѣты подъ дыханіемъ утренняго холода,—и этотъ особый *кутокъ*, т.-е. просто убогая комнатка подлѣ канцеляріи, эти ласки и поцѣлуи среди бѣдности и мертваго застоя жизни, наконецъ, вся эта идиллія въ казарменной обстановкѣ, показалась Морицу мизернѣйшею пародіею на давно-осмѣянный романтизмъ.

Онъ медлилъ отвѣтомъ Алёнушкѣ; между тѣмъ подоспѣли событія, которымъ суждено было рѣшить не одинъ только миніатюрный вопросъ личнаго счастія нашихъ молодыхъ людей.

III.

Съ конца августа въ крѣпость стали являться какіе-то небывалые инспекторы и военные спеціалисты, надѣлавшіе много хлопотъ крѣпостному начальству. Вниманіе было обращено уже не на чисто выметенныя площадки да подкрашенные столбики; принялись насыпать новыя передовыя укрѣпленія, углублять рвы, вбивать палисады, перетаскивать пушки. Вся эта непривычная суматоха велась нѣсколько безтолково, будто съ просонья, и,— правду сказать, присланные спеціалисты сами глядѣли на возню съ негодными пушками довольно безпечно и даже не безъ ироніи. Изъ ихъ частныхъ разговоровъ можно было понять, что приготовленія эти дѣлаются на всякій случай,—вѣрнѣе, что въ нихъ не будетъ никакой надобности; если и дойдетъ до дѣла, то не здѣсь, а гдѣ-нибудь подальше.... и многозначительные взгляды устремлялись въ даль, на чуть-видные силуэты чужихъ горъ...

Два экземпляра «Русскаго Инвалида», получавшіеся въ крѣпости, зачитывались до конечнаго истребленія и поселяли въ умахъ читателей самыя смутныя предположенія объ исходѣ дипломатической войны; одни глубокомысленно заключали: «Больно грозно кричатъ, значитъ ничего не будетъ»; другіе, потирая руки, увѣряли, что сорокатысячный дессантъ надняхъ займетъ Константинополь—и войнѣ конецъ!

Однако событія шли наперекоръ всѣмъ предсказаніямъ домашнихъ политиковъ; военныя распоряженія, дѣлавшіяся негласно, подъ рукой, напоминали о близости грозы. Въ городъ явился

дивизіонный штабъ, и вмѣсто прежняго батальона пришелъ цѣлый пѣхотный полкъ; къ провіантскому магазину въ крѣпости стали подходить воловьи подводы, около нихъ усердно хлопотали расторопные чиновники, словно ихъ праздникъ насталъ.

На базарѣ все вздорожало, особенно волы и лошади. Какой-то смышленый еврей открылъ на главной улицѣ новую ресторацію «Царьградъ», снабженную кислыми винами, нѣсколькими арфянками сомнительнаго качества и особой комнатой для господъ, желающихъ срѣзаться въ штосикъ. Словомъ, все проснулось, задвигалось и чутко насторожило вниманіе; а въ военной массѣ началась та особенная жизнь, для которой завтрашній день не составляетъ предмета особенныхъ заботъ. Это не жизнь на бивуакахъ между двумя сраженіями, отмѣченная всегда серьёзнымъ колоритомъ и спокойнымъ, часто трогательнымъ юморомъ; тутъ происходитъ нѣчто совсѣмъ другое. Квартиры у жителей удобныя, лишеній никакихъ; войны еще нѣтъ, но завтра она можетъ быть, а можетъ и вовсе не быть; между тѣмъ «мирное положеніе» нарушено, военный человѣкъ глядитъ развязнѣе, бросаетъ мелкую щепетильность внѣшней формалистики, въ карманѣ его явились лишнія деньги, а въ темпераментѣ проснулись всѣ придавленные до сихъ поръ инстинкты—пожить на распашку, забыть эту нужду копѣечную, показать, что и мы молъ люди не лыкомъ шитые. Завѣтнаго ничего нѣтъ—все продается, покупается, мѣняется, ставится на червонную семерку, оставляется въ трактирѣ; тутъ раздолье добрымъ широкимъ натурамъ и пожива хищникамъ.

Издали, съ оффиціальной точки зрѣнія, эту походную возбужденность часто смѣшиваютъ съ проявленіемъ патріотическаго духа, но едва-ли оно вполнѣ безошибочно. Патріотизму, какъ движенію сознательному, глубокому, слѣдуетъ отвести болѣе почетное мѣсто, а это шумливое, безпорядочное настроеніе въ ожиданіи дѣла скорѣе можно отнести къ тѣмъ явленіямъ, которыя плѣняли воображеніе русскаго человѣка въ старинномъ казачествѣ: домъ, семья, будничные интересы и постылыя невзгоды мирной жизни—если не совсѣмъ брошены и забыты, по крайней мѣрѣ

отошли далеко на задній планъ; на ихъ мѣсто выдвинулась гульливая безпечность, отвага и удача поставлены выше кропотливаго скопидомства; семья, которая проситъ ѣсть, замѣняется товариществомъ, которое обопьетъ, оберетъ, да за то всегда пріютитъ, накормитъ и въ прогорѣвшемъ товарищѣ признаетъ молодца...

Морицъ съ тревожнымъ любопытствомъ присматривался къ этой жизни, и хотя нѣкоторыя ея частности поселяли въ немъ чувство брезгливости и сожалѣнія, но общій строй неотразимо охватывалъ его своею повальною возбужденностью. Ему уже мерещились опасности войны, подвиги, отличія, — и какъ всѣ несильные люди, онъ былъ радъ, что общее положеніе дѣлъ выводитъ его изъ лабиринта личныхъ затрудненій.

Вотъ что́ писалъ онъ къ Алёнушкѣ:

„Ждемъ каждый день объявленія войны. Хлопочу о зачисленіи меня въ дѣйствующія войска. Милая моя, дорогая!—опять приходится сказать вамъ: „до лучшихъ дней“.... Но я твердо вѣрю, что эти лучшіе дни настанутъ. Ваша любовь поддерживала меня до сихъ поръ въ самыя тяжкія минуты унынія и безнадежности, она же дастъ мнѣ силу завоевать (буквально) мое будущее. Кто знаетъ, что́ найду я въ этой войнѣ? О смерти говорить нечего, потому что ею все кончается; но если?!... я даже трушу передъ возможностью счастья... Не вините меня, я слишкомъ угнетенъ несчастьемъ не по силамъ; вслѣдствіе какой-то безжалостной ироніи обстоятельствъ, я вынужденъ былъ играть роль, которая совершенно не въ моихъ средствахъ. Это я теперь вполнѣ сознаю, и сознаніе это меня убиваетъ... Зачѣмъ, зачѣмъ? Вѣдь я совсѣмъ не то, за что́ меня приняли...

„Надѣюсь, что вы не перестали видѣть во мнѣ прежняго Андрея, который ставилъ впереди всего искренность; зачѣмъ же вы пишете о „святости даннаго слова?“ мнѣ это показалось очень страннымъ; въ любви вѣрность слову имѣетъ не совсѣмъ утѣшительный смыслъ. Вообще, письма ваши возбуждаютъ во мнѣ много серьёзныхъ недоумѣній. Выброшенный изъ правильнаго теченія жизни, я можетъ быть уже отсталъ, разучился понимать условія

дѣйствительности; но вы, моя дорогая, — не слишкомъ ли увлекаетесь практическими цѣлями? Madame S. дозволительно успокоиться на процвѣтаніи своего магазина, а для васъ такой исходъ равнялся бы нравственному самоубійству... Удивляюсь, какъ Алексѣй одобряетъ ваше положеніе. Судя по тому, чѣмъ пробавляется современная литература (вѣдь и мы здѣсь кое-что читаемъ), я замѣчаю, что уровень нравственныхъ стремленій общества какъ будто понизился: многихъ знакомыхъ голосовъ уже не слышно, словно имъ и сказать нечего; другіе запѣли на иной ладъ... Все это неутѣшительно, — и я радуюсь, что стою въ сторонѣ отъ всякаго переливанья изъ пустого въ порожнее. Скажу больше, я радъ наступающей войнѣ, не потому только, что вижу въ ней возможность возстановить мое положеніе, а потому, что тутъ кипитъ дѣло, серьёзное дѣло, которое способно закалить характеръ человѣка, вызвать наружу всю его энергію, обогатить новыми, свѣжими впечатлѣніями"...

IV.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Морицъ, подъ вліяніемъ новыхъ свѣжихъ впечатлѣній, уже почти ни однимъ словомъ не упомянулъ о своей любви, о своихъ личныхъ надеждахъ и печаляхъ.

„Сегодня мы хоронили первыхъ павшихъ товарищей (писалъ онъ). Вы вѣрно прочли въ газетахъ объ отважномъ дѣлѣ нашихъ пароходовъ и канонерскихъ лодокъ, прошедшихъ подъ самыми батареями Исакчи. Разумѣется, мы—мелкотравчатые—ничего не знали о предполагавшейся экспедиціи, и только наканунѣ вечеромъ Шабашенко пригласилъ меня ѣхать утромъ вмѣстѣ съ нимъ къ Ѳерапонтовской церкви, посмотрѣть что́ будетъ. Я побѣжалъ въ канцелярію узнать, нельзя ли пойти охотникомъ, но встрѣтилъ сухой и положительный отказъ; а мой капитанъ еще посмѣялся

надо мною: „Экой горяченькій! чего торопиться, еще надоѣстъ!— Да завтра врядъ ли что и будетъ". И прибавилъ въ видѣ зарока старый военный афоризмъ: „На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся". Мнѣ стало досадно и грустно, я никакъ не предполагалъ, что *мнѣ* откажутъ, и скрѣпя сердце, поѣхалъ съ капитаномъ въ телѣжкѣ точно на прогулку. Шабашенко взялъ съ собою фляжку водки, кусокъ ветчины и долго хлопоталъ о складномъ ножѣ и маленькой помадной баночкѣ для горчицы. Ужасный чудакъ! у него во всякомъ дѣлѣ первая забота выпить и закусить; для основательности, говоритъ онъ, хоть на смертную казнь идти, а „пожевать" человѣку необходимо. И онъ жуетъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

„Маленькая церковь св. Ѳерапонта, у селенія Сатуново, построена въ память перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай въ 1828-мъ году; отъ Сатунова до рѣки и потомъ вдоль берега идетъ дорога, точно аллея, обсаженная ивами. Мы пошли пѣшкомъ и остановились на берегу недалеко отъ нашей батареи; позади въ камышахъ лежалъ батальонъ, составляющій прикрытіе. Утро было чудесное,—тихое и ясное. Мой капитанъ прилегъ подъ деревомъ, хлебнулъ изъ фляжки и началъ жевать ветчину. Артиллеристы молча сидѣли возлѣ заряженныхъ пушекъ; въ воздухѣ носился особенный, пріятный запахъ горящаго фитиля. Къ избушкѣ пограничнаго кордона начали собираться штабные офицеры, элегантные, чистенькіе, точно на парадъ вышли. Они разговаривали о предметахъ совершенно посторонних, однако частенько взглядывали на часы и направляли бинокли внизъ по Дунаю. Мнѣ казалось, что у всѣхъ въ глубинѣ души шевелился одинъ вопросъ — «будутъ ли стрѣлять съ турецкихъ батарей?» но заговорить объ этомъ всѣ почему-то избѣгали.... Война еще не объявлена, но судя по всѣмъ приготовленіямъ съ нашей стороны, видно было, что дѣло не пройдетъ благополучно. Показался дымокъ передового парохода „Прутъ", всѣ какъ-то особенно встрепенулись, прислуга при орудіяхъ поднялась, разговоры смолкли. Роковой вопросъ висѣлъ на волоскѣ.... Изъ кордона вышелъ генералъ; мы

съ капитаномъ прилегли въ прибрежныхъ кустахъ, какъ школьники; особенно онъ старался, чтобы не замѣтили меня, какъ самую запрещенную контрабанду. Уже слышно было торопливое шлепетанье пароходныхъ колесъ: Шабашенко пытливо посмотрѣлъ на Исакчинскія батареи: „Ишь шельмы!“ прошипѣлъ онъ, и крякнувъ какъ-то значительно, сталъ засовывать ветчину въ задній карманъ. Только-что я хотѣлъ его спросить о чемъ-то, какъ грянулъ первый выстрѣлъ съ Исакчи, и по гладкому стеклу облитой солнцемъ рѣки далеко-далеко зачеркали красивые рикошеты ядра на встрѣчу флотиліи.

„Господи благослови!„ —прошепталъ капитанъ и перекрестился. „Прутъ“, съ канонерками на буксирѣ, стройно приближался, держась ближе къ непріятельскому берегу.—Ахъ, Алёнушка, какъ передать ощущеніе, которое я испытывалъ въ эти мгновенія! Духъ захватывало, на глазахъ слезы выступали... Объ опасности и въ голову не приходило; я сознавалъ только одно, что пароходы *наши* и страстно трепеталъ за успѣхъ *нашего* дѣла... Это чувство солидарности, чувство *общаго дѣла*, съ особенной силой сказывается подъ непріятельскими выстрѣлами. Никого я не знаю изъ тѣхъ, что на флотиліи, а готовъ былъ вплавь броситься на выручку *нашимъ*....

„Съ Ѳерапонтовской колокольни доносился рѣдкій, унылый благовѣстъ къ обѣднѣ и скоро потерялся; выстрѣлы зачастили и слились въ порывистый гулъ и трескъ. Я не сводилъ глазъ съ массы дыма, вспыхивавшей струйками огня; за нею ничего нельзя было разобрать. Кто-то ударилъ меня по плечу, я очнулся; слышу гдѣ-то далеко на рѣкѣ кричатъ „ура“. „Одинъ проскочилъ!“ захлебываясь шепталъ капитанъ. Въ промежуткѣ, пока подходилъ другой пароходъ „Ординарецъ“, съ нашей береговой батареи открыли огонь. Турки тоже начали жарить по берегу. Шагахъ въ шести отъ меня затрещало дерево, на насъ полетѣли щепки; капитанъ повернулся на другой бокъ и взглянулъ на меня съ благосклонною улыбкой. Гранаты съ особымъ сквернымъ шуршаньемъ пролетали надъ нами и ложились далеко въ камыши. Тамъ въ

батальонѣ произошла какая-то мгновенная суматоха; слышенъ былъ крикъ „носилки!“ но вниманіе наше снова обратилось къ Дунаю. „Ординарецъ“ шелъ какъ будто скорѣе и подвергся уже не такому адскому огню, какъ его предшественникъ, но капитанъ увѣрялъ, что это такъ мнѣ показалось,—повторенное впечатлѣніе всегда слабѣе. Опять громъ канонады, трескъ, дымъ и крики. Пройдя Исакчу, „Ординарецъ“ еще долго осыпалъ непріятельскій берегъ выстрѣлами. Исакчинскія батареи отвѣчали вяло, и скоро совсѣмъ прекратили огонь. Когда все кончилось, капитанъ мой поднялся,—„ну, теперь время и до борща“,—сказалъ онъ, съ ужасомъ вспомнивъ, что болѣе часа ничего не жевалъ.

„Пріѣхавъ домой, мы только къ вечеру узнали о нашихъ потеряхъ. И вотъ, вчерашніе обыкновенные люди, сегодня лежатъ передъ нами, какъ герои... А вѣдь странное дѣло—смерть иногда придаетъ совсѣмъ новый, особый смыслъ нашей жизни. Въ числѣ убитыхъ оказался, напримѣръ, юнкеръ Н. Онъ сдѣлалъ такую штуку: на палубу канонерской лодки упала граната, нашъ юнкеръ схватилъ ее и понесъ выбросить за бортъ; но не донесъ—гранату разорвало въ его рукахъ, онъ упалъ навзничь.... Теперь стали припоминать разные случаи изъ его жизни, и всѣ они оказались замѣчательными: этотъ добрый товарищъ, великодушный силачъ, гроза трактировъ и мелкихъ плутишекъ—сталъ пригоденъ въ герои какой-нибудь легенды; даже то, что три дня тому назадъ онъ выигралъ въ трактирѣ на билліардѣ 24 рюмки водки—и то передается съ какимъ-то необыкновеннымъ паѳосомъ. А умри онъ на госпитальной койкѣ, никто бы и не замѣтилъ, что однимъ забулдыгой на свѣтѣ стало меньше. Тяжело мнѣ было смотрѣть на одну молодую женщину, вдову убитаго капитана В., но я не скажу вамъ, о чемъ я думалъ. Догадайтесь! Простите, моя дорогая, что занимаю васъ вещами, быть можетъ, мало для васъ интересными; но я такъ радъ этой военной тревогѣ... Надѣюсь скоро подѣлиться съ вами новостями, въ которыхъ ужъ не буду простымъ зрителемъ. Дѣло только-что начинается“...

Но въ слѣдующихъ письмахъ горячее нетерпѣніе необстрѣлен-

наго новичка постепенно остывало: онъ былъ зачисленъ въ команду, которая заготовляла плавучіе мосты для будущей переправы войскъ за Дунай. Война началась, газеты были наполнены подробностями о Синопскомъ погромѣ, о стычкахъ на Дунаѣ, а онъ ходилъ на темную скучную работу и по вечерамъ игралъ съ Шабашенкой въ преферансъ по десятой копѣйки.

V.

Комнатка, въ которой читались и перечитывались воинственныя письма Морица, была маленькимъ, уютнымъ уголкомъ позади великолѣпнаго магазина madame S. на Невскомъ проспектѣ. Тутъ помѣщалось рѣшительно все хозяйство Алёнушки Слободиной,—хозяйство, конечно, миніатюрное, обличавшее скудныя средства и неприхотливые вкусы хозяйки; но на немъ—на всякой мелочи лежалъ отпечатокъ строгой порядочности и женскаго мастерства красиво сгруппировать самыя незамысловатыя вещицы.— Недалеко отъ кровати, задернутой пологомъ, стоялъ письменный столикъ, какъ видно, предметъ особой сердечной заботливости хозяйки; на немъ, среди принадлежностей письма, самое видное мѣсто занимали портреты брата Алёши и Морица.—Въ углу этажерка съ книгами, дальше диванчикъ и низенькое мягкое кресло, на которомъ Алёнушка любила отдыхать послѣ дневной работы, скрестивъ на груди руки и откинувъ назадъ голову, задумчивая, едва слушающая болтовню снисходительнаго друга и единственнаго гостя Ивана Дмитрича Купянцова. Нельзя не замѣтить еще одну особенность въ комнатѣ Алёнушки, это—отсутствіе того жертвенника, на которомъ вокругъ овальнаго зеркала располагается выставка разныхъ красивыхъ флакончиковъ, баночекъ, душистыхъ баульчиковъ, статуэтокъ и всякихъ фривольныхъ без-

дѣлушекъ,—жертвенника, играющаго весьма важную роль въ жизни большинства женщинъ хорошенькихъ и безобразныхъ, юныхъ и престарѣлыхъ. У Алёнушки было какое-то складное зеркальце, передъ которымъ, конечно, она не засиживалась—недосугъ было, а между тѣмъ въ своемъ вѣчно черномъ платьѣ и съ гладко причесанной головкой, Алёнушка была очень граціозная, хорошенькая дѣвушка.

Обыкновенно около 8-ми часовъ вечера въ эту комнатку являлся Купянцовъ, и если Алёнушка была еще занята въ мастерской, онъ спокойно располагался на диванѣ и закуривалъ папироску. Онъ приносилъ ей свѣжія новости, свѣжія книги и свѣжія конфекты отъ вѣчнаго Балле́, до которыхъ грѣшная Алёнушка была большая охотница. Если случались въ тотъ день письма отъ брата или Морица, то прочитывались вслухъ—и бесѣда незамѣтно уходила къ воспоминаніямъ о недавней старинѣ.

До трагической катастрофы счастливая невѣста Морица совсѣмъ не замѣчала его двоюроднаго брата Купянцова, всегда скромнаго и застѣнчиваго даже въ кругу товарищей. Бывало, тѣ сцѣпятся въ азартномъ спорѣ, шумятъ, хохочутъ, а онъ сидитъ себѣ съ карандашикомъ и втихомолку испеститъ листъ бумаги прихотливыми фантазіями, полными юмора и бойкости. Его всѣ любили и не было человѣка, который бы не радовался сердечно, что судьба пощадила милаго Ваню.—Во все время долгаго заточенія друзей, онъ и Алёнушка, да еще деньщикъ Иванъ жили не своею жизнію—они вмѣстѣ бѣгали, хлопотали—и счастливы были, если удавалось доставить имъ какое-нибудь удобство: книжку, папиросы, чай и сахаръ или фунтикъ бобковаго табаку для Рудковскаго. Впослѣдствіи эта заботливая любовь, сосредоточенная на однѣхъ и тѣхъ же лицахъ, уже исчезнувшихъ, далекихъ, связала ихъ братскою дружбой. Молодые люди не могли опомниться, когда это они стали другъ къ другу въ такія близкія отношенія,—будто выросли подъ одной крышей... и ни разу не оглянулись на исключительность своего положенія...

Поступленіе Алёнушки въ магазинъ озадачило Купянцова.

Съ этого момента онъ сознаалъ, что эта дѣвушка для него слишкомъ дорога... Прежде всего онъ испугался возможности потерять ее, а потомъ ужъ ему пришли въ голову соображенія о неприличности и даже опасности подобнаго шага. Если еще и теперь, двадцать лѣтъ спустя, наше общество смотритъ недовѣрчиво и подозрительно на всякую попытку женской самостоятельности, то что же было тогда?—Впрочемъ, юный художникъ, успокоившійся по первому пункту, отъ котораго больно забилось его сердце, скоро и легко помирился съ неудобствами второго, гдѣ слышались только рутина ходячихъ разсудочныхъ мнѣній...

Сама же Алёнушка рискнула на этотъ шагъ вовсе не въ силу какихъ-нибудь предвзятыхъ теорій (тогда опять-таки и теорій-то женскаго труда еще не было), а просто по личнымъ побужденіямъ и интересамъ: она видѣла въ этомъ прежде всего единственно-возможный для себя выходъ изъ положенія—какъ она выражалась—китайской мандаринши, состоящей на хлѣбахъ у какого-то сказочнаго дѣдушки, о которомъ самъ Алёша не любилъ распространяться опредѣлительно... Потомъ она видѣла передъ собой занятіе, которое ей нравилось, настоящее дѣло, къ которому отнеслась серьёзно, не какъ барышня-бѣлоручка,—уроки-то брата, какъ видно, не пропали даромъ. Она вышла на работу и вмѣстѣ—на волю.

Купянцовъ по темпераменту былъ человѣкъ способный на всякую пассивную добродѣтель, на глубокую самоотверженную преданность, но трусилъ передъ тѣмъ, что́ требовало риска, энергіи. Такія натуры, кроткія и любящія, неспособны взять съ боя то, что имъ нужно; онѣ даже любятъ свое безмолвное страданіе. Купянцовъ даже не далъ замѣтить Алёнушкѣ, что́ творится въ его сердцѣ. Какъ-то разъ онъ пришелъ къ ней не въ мѣру грустный, загадочный.

— Что съ вами, Иванъ Дмитричъ,—кротко и спокойно спросила Алёнушка.

— Мнѣ придется уѣхать...

— Куда?—Зачѣмъ?

— Да все туда же, куда нашъ братъ художникъ еще съ пеленокъ тянется—въ Италію. Что-жъ мнѣ тутъ—суздальскимъ богомазомъ быть, или красивыхъ солдатиковъ лѣпить?...

— Чего-жъ печалиться-то?—Паспортъ въ руки и маршъ!—Счастье, что у васъ средства есть.—Будь я на вашемъ мѣстѣ, съ ума бы сошла отъ радости!

Купянцовъ взглянулъ на нее печально.

— Въ томъ-то и дѣло, что паспортъ въ руки не дается...

— Хлопочите, приставайте. А вы вѣрно отъ первой неудачи струсили?

— Не всѣ такіе храбрые, какъ вы.

— Да, но это очень жаль.

Нѣсколько минутъ длилось тяжелое молчаніе.

— Ну, давайте же продолжать наше чтеніе,—первая очнулась Алёнушка.

— Давайте-съ;—съ тяжелымъ вздохомъ откликнулся онъ и, доставъ книгу, лѣниво принялся за чтеніе; но Алёнушка плохо слушала, безпрестанные переспросы обличали ея разсѣянность.

Поздно вечеромъ она проводила гостя со свѣчей на черное крыльцо и, прощаясь, крѣпко сжала его руку.

— Уѣзжайте въ Италію;—нехорошо, если останетесь... Я даже когда-нибудь скажу вамъ, отчего это нехорошо.

— Зачѣмъ же когда-нибудь?—Скажите теперь, сейчасъ—и я вамъ буду очень благодаренъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... нельзя,—послѣ... Прощайте,—спать пора.

— Прощайте Елена Петровна!—значитъ, когда-нибудь?—Хорошо, я постараюсь, чтобы къ тому времени паспортъ былъ у меня въ карманѣ.

Алёнушка дурно спала эту ночь; ей снилось, что по прежнему она живетъ въ своей квартирѣ, а Купянцовъ въ видѣ тюремнаго сторожа караулитъ ея дверь—и она его отъ всей души ненавидитъ...

Прошли мѣсяцы; послѣдній разговоръ не возобновлялся. Въ заграничномъ паспортѣ Купянцову было рѣшительно отказано: по

забраннымъ справкамъ онъ оказался лицомъ далеко не свободнымъ, хотя и носилъ званіе „свободнаго художника“. Нисколько неутѣшенный водевильнымъ каламбуромъ, Купянцовъ сильно упалъ духомъ,—и чтобы скрыть свою растерянность, рѣже и рѣже посѣщалъ уютную комнатку хорошенькой швеи.

Одинъ разъ Алёнушка встрѣтила его слишкомъ живыми упреками за долгое отсутствіе.

— Да полноте, полноте, не сердитесь!—Ну, виноватъ... Онъ печально улыбнулся и горячо поцѣловалъ ея руку.—И не воображалъ, что мое отсутствіе для васъ такъ важно!—Вѣдь новаго ничего не случилось.

— Такъ вотъ вы какой!—Только съ новостями хотите являться, интересничать,—стыдитесь!—Да почему-жъ вы думаете, что у меня не можетъ быть новостей?—Даромъ что никуда не выхожу, а у меня тоже есть новости, да еще какія, интересныя!

— Вотъ какъ—разсказывайте, разсказывайте...

— Усядьтесь прежде, пейте чай, закурите, а я приготовлюсь къ разсказу. .

— Э, да и вы тоже на эффектъ бьете!

— Да новость-то такого сорта, что объ ней можно до утра проговорить.

— Право?—вы меня интригуете.

— Ну, слушайте. Вчера нашъ магазинъ получилъ огромный заказъ, тысячъ на десять...

— Ха-ха!—ай-да новость!

— Не торопитесь, дружокъ мой, смѣяться,—мы еще, можетъ быть, поплачемъ... Намъ заказано великолѣпное приданое одной счастливой невѣсты... Мы съ madame Léontine поѣхали къ ней на домъ, полную карету нагрузили всѣмъ, что́ есть дорогого, лучшаго. Я была въ хлопотахъ и не спросила куда мы ѣдемъ; представьте же себѣ мой столбнякъ, когда я узнала, что мы въ домѣ Косолаповыхъ...

Купянцовъ бросилъ папиросу, широко раскрылъ глаза.

— Вѣдь вы знаете все старое,—помните, я разсказывала.

Ну, теперь понятно вамъ, съ какимъ невыразимымъ, даже глупымъ волненіемъ ждала я появленія этой невѣсты... Она вышла; дѣйствительно, красавица... Немножко блѣдна и худа, но какой глазъ, какая бровь! Молчитъ она — будто на все сердится, а заговоритъ—такъ бы и кинулся ей на шею... Ужъ какъ она лѣниво, небрежно перебирала всѣ наши тысячныя тряпки!—видно, что все это ей надоѣло и совсѣмъ ненужно. Madame Léontine, по обыкновенію, разсыпалась, а я не сводила глазъ съ этого милаго лица, будто искала на немъ слѣдъ моего маскараднаго поцѣлуя... Ахъ, Иванъ Дмитричъ! —у меня закружилась голова, я боялась натворить какой-нибудь чепухи, боялась нелѣпой, сумасшедшей, совсѣмъ неприличной сцены... Ея голосъ звучалъ для меня знакомой лаской, — маскарадная встрѣча ожила передо мною... И братъ, бѣдный братъ!.. Вотъ и теперь у меня слезы на глазахъ,—вчера тоже должно быть лицо мнѣ измѣнило... Она бросила всѣ наши articles и обратилась ко мнѣ съ тревогой:—Qu'avez vous mon enfant? Vous êtes malade.—И покровительственно взяла меня за руку. Я опомнилась, сообразила все разстояніе между нами... Я ее испугалась, и—знаете ли что?—я ее вдругъ возненавидѣла... Мнѣ показалось, что она тащитъ меня или въ рай, или на эшафотъ... Я несвязно бормотала, благодарила, извинялась, готова была провалиться сквозь землю,—а она остановила на мнѣ такой упорный, нестерпимый взглядъ; мнѣ показалось, что она вотъ-вотъ назоветъ меня по имени—и я умру въ ту же минуту... Я опустилась на первый попавшійся стулъ. Madame Léontine меня выручила, бросила всѣ товары до-завтра и повезла меня домой, оговорившись, что «ma petite Hélène m'est plus chère que toutes les manufactures de la France entière». Дорóгой я разсказала ей все,—я не могла не разсказать, потому что потребность высказаться была сильнѣе меня,—и мнѣ потомъ стало легче,—мы обѣ плакали... Вчера весь вечеръ толковали о томъ же. Отчего вы не зашли вчера?—Вы были мнѣ необходимы. Тутъ, видите ли, вышелъ горячій споръ: Léontine настаиваетъ, что я должна непремѣнно искать

случая объясниться съ Агатой, снять маску, напомнить ей Алёшу— вѣдь онъ еще не совсѣмъ умеръ; наконецъ, быть можетъ une brave couturière найдетъ дорогу къ сердцу бѣдной свѣтской богачки, заставитъ его биться по-человѣчески, спасетъ ее отъ этого самоубійства, что́ называютъ бракомъ по разсчету... Словомъ, цѣлый романъ выходитъ!—Все чувствительно, эффектно, благородно,—но оно совсѣмъ не по-моему, совсѣмъ не по-русски.

— Да, да,—шепталъ Купянцовъ,—манерно, театрально,—французятина.

— Не правда-ли?—По нашему тутъ нужно кончить романъ и пойти своей дорогой. У французовъ совсѣмъ другой складъ ума и понятій: по-ихнему это хорошо, а по нашему просто пошлость. Я не могла этого объяснить madame S., боялась ее обидѣть, сказала только, что мы русскіе, не маркизы и не буржуа, а простые, даже грубые люди. Поддержать-то меня было некому. Вѣдь вы бы меня поддержали, Иванъ Дмитричъ?

— Еще бы нѣтъ!—Да что я?—Тутъ бы пустить Рудковскаго, или вашего брата,—вотъ они бы разработали этотъ сюжетецъ, да кстати и вамъ ручки бы расцѣловали...

— Ну, ну, слишкомъ нѣжно!—Итакъ, это дѣло рѣшеное— съ Агатой я больше не увижусь. Слушайте дальше; является другой вопросъ. Послѣднія порученія и просьбы Алёши для меня обязательны,—это духовное завѣщаніе,—а онъ требовалъ, чтобы я непремѣнно увѣдомляла его обо всемъ, что́ узнаю про Агату,— онъ какъ-то особенно на этомъ настаивалъ. Ну вотъ теперь какъ же—написать ему, или нѣтъ?

— Разумѣется, написать.

— Написать?

— Безъ сомнѣнія!—онъ не изъ тѣхъ, что́ боятся истины— хоть и самой горькой.

— А я не напишу.

Алёнушка рѣзко встала и начала ходить по комнатѣ; ея слова уже не адресовались къ Купянцову, она говорила вслухъ для себя, будто повѣряя собственныя мысли.

— Мнѣ живо представляется его обстановка... «Въ странѣ мятелей и снѣговъ...» Уфъ!—намъ съ вами хорошо тутъ, какой ни на есть комфортъ, интересы, удовольствія—да и то мы подъ часъ раскисаемъ. Онъ пишетъ, что «бодръ и здоровъ», а отчего?—можетъ быть оттого, только оттого, что впереди свѣтятся два-три свѣтлыхъ огонька... И ради какой-то школьнической правды я пойду и задую одинъ изъ этихъ огоньковъ... Нѣтъ, это нечеловѣчески-жестоко,—это все равно, что я бы написала Морицу: милый другъ, я полюбила другого, будьте счастливы...

— Ну, а еслибъ на грѣхъ въ самомъ дѣлѣ полюбили?—нетвердымъ голосомъ выговорилъ Купянцовъ.

— Прежде всего—это невозможно; поймите хорошенько: невоз-мож-но...

— Однако-жъ бываетъ...

— Никогда не бываетъ!—У дрянныхъ людей можетъ быть всякая нелѣпость, такъ на то же они и дрянные люди. Ужъ по-моему коли любить, такъ любить, чтобы не только я сама, но и другіе уважали мою любовь, какъ дѣло серьёзное. А то, помилуйте,—не гнусно ли дурачиться, когда этимъ дурачествомъ вы губите и безъ того уже загубленное существованіе, обкрадываете нищаго, плюете на умирающаго!.. Нѣтъ, это каннибальская забава, а не любовь...

— А помнится, мой братъ Андрюша самъ исповѣдывалъ свободу сердечныхъ отношеній...

— Неправда, неправда! онъ не то говорилъ,—вспыхнула Алёнушка. По его—свобода предполагаетъ равные шансы... А развѣ наши шансы равны?—Да если я напишу ему эти два слова: «будьте счастливы»,—вѣдь это будетъ такая злѣйшая насмѣшка, какой еще ни одинъ палачъ не выдумалъ... Будьте счастливы!—гмъ!

— Да я не противъ этого спорю,—уступилъ Купянцовъ; я только противъ самозакланія, противъ насильственныхъ жертвъ, противъ всякихъ сладкихъ обмановъ... Говоря эти слова, онъ глубоко чувствовалъ, что лжетъ, что говоритъ противъ самого себя.

— Э, да мы съ вами никогда другъ друга не поймемъ, если будемъ говорить экивоками!—Вы должны знать, что Андрюшу я люблю и не могу себѣ представить, какъ это я вдругъ разлюблю его... вотъ и все!—Наши женщины были бы больше достойны уваженія, еслибы отдавали свою любовь хорошимъ людямъ, а не празднымъ шалопаямъ, или ловкимъ кавалерамъ, или кому-нибудь еще похуже... Однако нашъ разговоръ ушелъ Богъ знаетъ куда; вѣдь рѣчь вовсе не обо мнѣ. Довольно!

Во время этого запальчиваго разговора Алёнушка все ходила, не глядѣла на Купянцова; часто поправляя волосы, она ихъ совсѣмъ сбила; лицо ея горѣло, губы дрожали.

Купянцовъ окончательно поникъ. Случайный урокъ былъ слишкомъ внушителенъ; ему хотѣлось упасть на колѣни и просить прощенья у разгнѣваннаго друга,—и все-таки онъ любилъ ее, онъ чувствовалъ свое глубокое несчастье...

— За кого же Косолапова выходитъ?—и вообще, что это за бракъ?

— Я не спросила даже; да развѣ это не все равно!—Сегодня Léontine ѣздила туда, потомъ какая-то ихъ dame de compagnie была здѣсь,—значитъ, секретовъ ужъ нѣтъ. Разсказываютъ, что это какой-то давнишній усердный искатель. Отецъ ея не соглашался, но вотъ уже полгода, какъ его разбилъ параличъ; маменька взяла бразды правленія и все уладила. Агата согласилась, но любви тутъ нѣтъ.

— На что-жъ ей это замужство? Экій нелѣпый складъ жизни-то у насъ, куда ни посмотришь!—Сознаюсь, Елена Петровна, я глупость сморозилъ; чтó возставать противъ честныхъ жертвъ, когда вокругъ насъ сплошь да рядомъ все жертвы—если не безчестныя, то неразумныя, дикія!

— Она, можетъ быть, имѣетъ свои резоны, кто ее знаетъ!—медленно и вдумчиво проговорила Алёнушка.—Разумѣется, я не такъ бы поступила,—ну, да вѣдь чужая душа потёмки... Мнѣ хотѣлось бы ее оправдать,—право, она такая симпатичная... и навѣрное несчастна... Ни за что не напишу ему, ни за что!

Съ этого памятнаго вечера отношенія нашихъ друзей, хотя не измѣнились радикально, но стали болѣе сдержанны, осмотрительны.— Бо́льшая доля осторожности замѣчалась впрочемъ со стороны Купянцова—онъ и бывалъ у Алёнушки рѣже и избѣгалъ разговоровъ, признанныхъ цѣлымъ свѣтомъ опасными для юныхъ сердецъ; а прямодушная сестра Алексѣя шла своей ровной дорожкой, будто ничего не замѣчая, и по прежнему цѣлуя своего добраго Ивана Дмитріевича въ голову за маленькія услуги, въ родѣ коробки конфектъ или билета въ театръ. На одно только она наложила строгій запретъ—на свою переписку съ Морицемъ,—это была ея «святая святыхъ»,—она стала даже умалчивать о томъ, когда почтальонъ приносилъ ей завѣтное письмецо и когда она писала какому-то миѳическому господину Шабашенкѣ. Эта переписка, несмотря на извѣстныя намъ недоразумѣнія и недомолвки, радовала дѣвушку; она ясно видѣла, что любима, «а всѣ недоразумѣнія объяснятся при свиданіи—и даже покажутся смѣшными глупостями, надъ которыми мы вдвоемъ вдоволь нахохочемся».

Но съ того дня, какъ раздались на Дунаѣ пушечные выстрѣлы, и письма Морица приняли тонъ походныхъ мемуаровъ, Алёнушка совсѣмъ закручинилась. Выраженіе Андрюши «опять до лучшихъ дней» стоило ей горькихъ слезъ и безсонныхъ ночей. Послѣдующія письма она уже отдавала прямо въ руки Купянцову, какъ извѣстія, имѣющія общій интересъ, а не жгучія страницы, полныя намековъ никому непонятныхъ, писанныя только для нея одной, для его маленькой Алёнушки...

. . . .

VI.

Дѣла начались на Дунаѣ съ октября. По всѣмъ дорогамъ къ нашей южной границѣ потянулись походныя колонны войскъ, артиллерійскіе парки, тяжелые транспорты боевыхъ снарядовъ,

летѣли курьеры и шныряли провіантскіе чиновники: задвигались всѣ колеса громаднаго военнаго механизма, въ исправности котораго тогда не было никакого сомнѣнія.

Петербургская молодежь покидала свое блестящее иногда положеніе, облекалась въ военное пальто изъ солдатскаго сукна — бывшее тогда модною новинкой, — и поспѣшно отправлялась въ южную армію, напутствуемая благословеніями и громкими пожеланіями —

Добрый путь вамъ за Балканы,
До Царьграда добрый путь!

Эту тему воспѣвали на разные лады тогдашніе стихотворцы и стихотворицы. Настроеніе было самое счастливое; походная возбужденность достигла своего апогея въ давно-знакомыхъ нашимъ войскамъ придунайскихъ княжествахъ, гдѣ—особливо въ Букарестѣ—жизнь была развеселая; русское золото сыпалось въ изобиліи.

Бываютъ моменты во внутренней жизни націй, когда сторонниками войны становятся люди всѣхъ оттѣнковъ: одни въ чаяніи заглушить внѣшнимъ шумомъ тоску безсильнаго недовольства, другіе—самодовольное большинство—въ счастливой увѣренности, что основы ихъ жизни въ предстоящей борьбѣ оправдаютъ свою вѣковѣчность. Тогда о ближайшихъ внѣшнихъ поводахъ международной распри почти никто не думаетъ,—притомъ они всегда слишкомъ сложны, неосязаемы, обставлены дипломатическими соображеніями, совершенно непонятными для массъ, которымъ нужно знамя съ какимъ-нибудь самымъ простымъ лаконическимъ девизомъ. Запутанныя перипетіи восточнаго вопроса едвали были доступны для всенароднаго разумѣнія. Да и зачѣмъ намъ были эти тонкости — совсѣмъ не въ нихъ заключалось дѣло! — Для большинства было совершенно ясно одно — «намъ нечего больше дѣлать, какъ помѣряться силами съ тѣми, кто противъ насъ...» Таково было сознаніе массы, и нужно признаться, что въ этомъ инстинктивномъ сознаніи лежалъ глубокій смыслъ...

Однако въ первыхъ, нѣсколько значительныхъ дѣлахъ, служившихъ какъ-бы прелюдіей къ большой героической симфоніи,

уже промелькивала какая-то неспѣтость, оплошность. Въ одномъ пунктѣ полки одѣлись словно на парадъ, застегнулись на всѣ крючки и пуговки, и правильно маневрируя, зашли въ болотную топь; въ другомъ—части войскъ оказались разобщенными и слишкомъ выдвинутыми отъ резервовъ; въ третьемъ, наоборотъ, не рискнули выдвинуться и дали непріятелю возможность укрѣпиться въ сильной позиціи. Вездѣ обнаруживалось, съ одной стороны, какое-то недоразумѣніе, ненаходчивость, застарѣлая привычка ходить на помочахъ,—а съ другой—боязнь отвѣтственности, сбивчивость общаго плана дѣйствій, запуганная мнительность. Общественное мнѣніе раздражалось неудачами, хоть мелкими, но совсѣмъ нежданными, и вознаграждало себя восторженнымъ поклоненіемъ передъ частными проявленіями личной храбрости и мужества русскаго солдата — этого удивительно-простого и сильнаго человѣка, но отнюдь не риторическаго героя...

Извѣстіе о блистательной переправѣ нашихъ войскъ за Дунай радостно разнеслось по Россіи, какъ счастливое начало новаго поворота войны; всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали энергическихъ движеній, быстрыхъ успѣховъ нашего оружія, но прошло полтора мѣсяца, пока русскія войска, медленно подвигаясь по зеленымъ равнинамъ мирнаго болгарскаго народа, успѣли подойти къ Силистріи.

Въ траншеяхъ подъ Силистріей мы встрѣчаемъ опять нашего пріятеля Андрюшу Морица.

Вѣчный энтузіастъ, онъ теперь, послѣ унылыхъ безконечныхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на постройкѣ плотовъ, попалъ въ самую кипучую дѣятельность и былъ совершенно счастливъ. Еще прежде, при наводкѣ плавучаго моста въ Браиловѣ, онъ столкнулся съ однимъ своимъ школьнымъ товарищемъ, инженеромъ, добрѣйшимъ и серьёзнымъ нѣмцомъ Германомъ Христіанычемъ. Встрѣча ихъ была самая теплая, дружеская, и Морицъ, по настойчивому ходатайству стараго товарища и связямъ его въ главномъ штабѣ, былъ зачисленъ на службу въ инженерный паркъ, назначенный вести осадныя работы подъ Силистріей. Съ этимъ добрымъ чело-

вѣкомъ Морицъ жилъ теперь въ одной палаткѣ, припоминалъ школьныя тетрадки фортификаціи, что-то чертилъ, записывалъ, бѣгалъ по траншеямъ, разводилъ людей на работы и вообще имѣлъ видъ человѣка серьёзно озабоченнаго и душею преданнаго своему дѣлу.

Главный начальникъ осадныхъ работъ, маститый старецъ Шильдеръ замѣтилъ Морица. Онъ самъ былъ энтузіастъ весьма оригинальный и личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Предъ самой войной перейдя изъ лютеранства въ православіе, онъ явился въ армію, какъ человѣкъ облеченный таинственною миссіей; говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что все дѣлается не такъ какъ слѣдуетъ, что онъ одинъ обладаетъ тайною несомнѣннаго успѣха и что эту тайну сообщилъ ему изъ-за гроба покойный императоръ Александръ Павловичъ... Его восторженный мистицизмъ, смѣлая рѣчь, ничѣмъ не стѣснявшаяся, когда онъ принимался обличать прямо въ глаза неспособность и негодность чью-бы то ни было—даже самыхъ крупныхъ лицъ военной іерархіи, — все это невольно приковывало къ нему общее вниманіе, выдѣляло его изъ толпы заурядныхъ, одноформенныхъ посредственностей. Посторонній наблюдатель принялъ бы его за полупомѣшаннаго старика, но въ этой, конечно, ненормальной головѣ кипѣла какая-то своеобразная работа и порой вспыхивали проблески свѣтлыхъ, почти геніальныхъ соображеній. Насколько онъ былъ полезенъ дѣлу—это другой вопросъ, котораго касаться мы не будемъ. Замѣтимъ еще, что этотъ военный чудакъ не только обладалъ личною храбростью — это опредѣленіе было бы слабо и неточно — онъ совсѣмъ былъ лишенъ даже инстинкта самосохраненія. Когда онъ впослѣдствіи былъ раненъ осколкомъ гранаты въ ногу, то передъ ампутаціей особенно заботился и просилъ хирурга непремѣнно отыскать кстати въ ногѣ турецкую пулю, которая сидѣла тамъ съ 1828 года; какъ будто вся цѣль ампутаціи заключалась въ томъ, чтобы ему увидѣть эту интересную штучку...

Его высокая сѣдовласая фигура, часто въ одной бѣлой ру-

бахѣ, съ костылемъ въ рукѣ, появлявшаяся въ самыхъ опасныхъ пунктахъ, пользовалась большою популярностью и наивною, дѣтскою любовью нашихъ солдатиковъ.

— Смотри, смотри, старикъ-то нашъ безъ шапки выскочилъ, бѣдовый!

— Ему нипочемъ! — Надысь, сказываютъ, этакъ-же вышелъ приказанье отдавать, а *онъ* [1]) возьми и зачасти пальбу, тра-та-та-та, и пошло!—ровно чему обрадовался.—Обнаковенно за пальбой словъ-то и не слыхать; нашъ старикъ не стерпѣлъ, слышь, высунулся по поясъ и давай кричать: „Ахъ вы таки-сяки турки поганые, — цыцъ, молчать!“ — да по-нашему ихъ, по-нашему... здо́рово ругается! — да еще костылемъ грозитъ. — Такъ, братецъ ты мой, сказываютъ, что́ смѣху было — и Боже мой!

— Эва!—и ничево не робѣетъ?

— Ему что!—его не зацѣпитъ!—потому, можетъ онъ *слово* знаетъ.

— Да ужъ не безъ того.

Такіе толки ходили промежъ солдатъ въ траншейныхъ канавкахъ.

Впечатлительный Андрюша влюбился въ эксцентричную фигуру стараго генерала; всѣ его чудачества, его прямодушная бранчивость и незнаніе опасностей принимали въ глазахъ молодого человѣка поэтическій оттѣнокъ. Онъ даже невольно усвоилъ себѣ нѣкоторыя его особенности: напримѣръ, Морицъ, бродя за Шильдеромъ всюду и иногда безъ всякой нужды (вдругъ старику пришла фантазія отыскивать слѣды траншей, которыя онъ велъ еще въ 1828-мъ году...), подвергалъ себя опасности даромъ, что́ называется обтерпѣлся и потомъ ребячески франтилъ своимъ молодечествомъ.

Ежедневно являлись въ траншеи изъ главной квартиры очередные адъютанты и ординарцы для доставленія свѣдѣній, а главнымъ образомъ, кажется, для того, чтобы дать блестящимъ молодымъ людямъ случай отличиться. Между ними Морицъ встрѣ-

[1]) Непріятеля солдаты называютъ всегда—*Онъ*.

тилъ двухъ-трехъ старыхъ петербургскихъ знакомыхъ; они казались обрадованными встрѣчей съ человѣкомъ, котораго считали совсѣмъ погибшимъ; съ участіемъ разспрашивали, какъ онъ обрѣтается, приглашали къ себѣ; но случалось, что иной предлагалъ услуги — не нужно ли что-нибудь, мы дескать кое-что можемъ по части наградъ и повышеній... Морицъ вспыхивалъ, намекалъ, что онъ солдатъ, и считаетъ подлостью отнять у солдата егорьевскій крестикъ, какъ дѣлаютъ это многіе состоящіе при штабахъ юнкера, развѣ сама рота ему присудитъ. Послѣ этой вспышки онъ тутъ же ощущалъ потребность дать понять, что онъ вовсе не послѣдняя спица въ колесницѣ, и старался оказать гостю радушное гостепріимство въ Шильдеровскомъ вкусѣ.

— Не хотите ли, я проведу васъ на правый флангъ?—Ближе всего мы подошли къ Змѣиному [1]). Это интересно; пойдемте!—Я всѣ закоулки знаю и покажу вамъ отлично; все дѣло поймете. И онъ тащилъ за собой пріятеля, которому подобное угощеніе было совсѣмъ не по нутру, а отказаться ужасно неловко.

— Вотъ тутъ осторожнѣе, — предостерегалъ онъ, шагая по лабиринту земляныхъ ходовъ. — Это самое подлое мѣсто, — штуцерники крѣпко донимаютъ. — Ну-съ, а здѣсь вотъ ничего, — перебѣжимъ прямо виноградниками.

— Зачѣмъ же, — вправо можно по балочкѣ.

— Такъ будетъ ближе. Не бойтесь!—За мной!—Пригнитесь немного.

Иногда Морицъ просто школьничалъ и потомъ отъ души хохоталъ, оставшись вдвоемъ съ своимъ серьёзнымъ Германомъ Христіанычемъ, который совсѣмъ не одобрялъ подобныхъ шутокъ.

Нагулявшись вдоволь по ложементамъ и баттареямъ, Морицъ предлагалъ гостю отлично-удобный и покойный ночлегъ въ углу своей палатки. Палатки Шильдера и его инженеровъ были разбиты близехонько за боевой линіей; шальныя пули залетали туда безпрестанно.

— Однако у васъ тутъ того—заснешь, да пожалуй и со-

---

[1]) Змѣиное и Арабское—названія передовыхъ фортовъ Силистріи.

всѣмъ не проснешься... замѣчалъ гость, прислушиваясь къ жалобному и ехидному визжанью пуль—точно вокругъ палатки громадные комары жужжатъ.

— Это пустяки!—когда пуля такъ звенитъ, значитъ ужъ на излетѣ; прорветъ шинель и больше ничего. Выпейте стаканчикъ вина и засните.—Извините, вино-то у насъ скверное; вамъ, чай, изъ Калараша привозятъ, а мы чѣмъ попало пробавляемся. Неугодно ли?—Ну, теперь покойной ночи, а я еще сбѣгаю,—ночью будемъ прорѣзывать амбразуры въ новенькой батарейкѣ; турки этого смерть не любятъ. — Туда ужъ я васъ не поведу. — Bonne nuit!

И вооружась своимъ собственнымъ (т.-е. не казеннымъ) карабиномъ, онъ весело убѣгалъ, точно на охоту.

VII.

Удосужился и Морицъ побывать въ главномъ лагерѣ у своихъ штабныхъ знакомыхъ. Тутъ жизнь текла шумно и весело, обставленная нѣкоторыми удобствами, не то что въ траншеяхъ.

Строевые офицеры всегда съ предубѣжденіемъ «взираютъ» на молодежь, состоящую при разныхъ штабахъ, а въ особенности при главной квартирѣ. Инымъ кажется, что это все люди властные, страшно-серьёзные, посвященные во всѣ планы и намѣренія главнокомандующаго,—и бѣдный фронтовой офицеръ долженъ передъ ними держаться всегда нѣсколько на-вытяжку. Другіе убѣждены, что это пустые франтики, бѣлоручки и даже авантюристы, съѣхавшіеся на ловлю отличій,—послѣднихъ армейскіе зоилы въ то время прозвали баши-бузуками... Попадаются, конечно, всякіе, но большинство штабной молодежи подъ Силистріей отличалось совсѣмъ другими качествами; во-первыхъ, это были прежде всего милые, славные ребята и отличные товарищи. Въ походной палаткѣ, за стаканомъ вина легко забывается раз-

ница общественныхъ положеній; любимцемъ кружка становится не тотъ, кто знатнѣе и богаче, а кто даровитѣе, оригинальнѣе, у кого больше душа на распашку; товарищеская бесѣда оживляется бойкою шуткой, заразительнымъ смѣхомъ, острымъ куплетомъ. Морицъ давно уже не бывалъ въ такой большой веселой компаніи, онъ чувствовалъ себя какъ-то хорошо, свободно въ ихъ нецеремонномъ кругу — и передъ ихъ радушіемъ ему было немного совѣстно вспомнить, какъ онъ съ нѣкоторыми школьничалъ въ траншеяхъ.

— Ну что вашъ Шильдеръ, — спрашивали его, — все ругается?

Морицъ улыбнулся; ему ужасно неловко было отвѣчать на этотъ неловкій вопросъ. Онъ попробовалъ-было серьёзно вступиться за своего старика, но ему отвѣчали шутками.

— Видите ли господа, онъ явился на дѣло не такъ, какъ многіе, то-есть, руку подъ козырекъ и «что прикажете?» — Онъ принесъ кое-какія знанія, опытность...

— И сумасбродство.

— Коли хотите, да, и сумасбродство... но въ военномъ дѣлѣ сумасбродство — шансъ успѣха... наудачу хватилъ Морицъ.

— Браво! — совершенно вѣрная мысль! — подхватили многіе.

— Да, господа, это чортъ знаетъ что! — Мы кажется придаемъ слишкомъ много важности этимъ дуракамъ-туркамъ. — Помилуйте, столько времени возиться около передовыхъ укрѣпленій! — Mais il faudrait tenter à l'assaut... Вѣдь это «Арабское», ce n'est qu'un mauvais bicoque — et rien de plus!

— Ужъ это, господа, ваше дѣло — à l'assaut, — промолвилъ Морицъ, закусивъ усъ. — Мы какъ кроты, скромно роемся въ землѣ, а затѣмъ — какъ вы прикажете...

— Мы прикажемъ вамъ выпить съ нами еще по стаканчику, за ваши будущіе эполеты, — шутливо перебилъ хозяинъ палатки; это дѣльнѣе, чѣмъ разсуждать о томъ, кабы бабушка была дѣдушкой, то что́ бы вышло изъ такой оказіи...

Шутка однако не вызвала смѣха. — Всѣ подняли стаканы,

поздравляя Морица съ давно-заслуженной наградой, которую ждали каждый день. Кто-то затянулъ:

En Angleterre
Nous irons,
Chercher la guerre,
Tirer du canon...

И пошла круговая...

Подъ вечеръ, простившись съ веселою компаніей, Морицъ отправился во-свояси. Онъ шелъ пѣшкомъ и дорогой, по старой привычкѣ, перебиралъ впечатлѣнія дня. Какъ человѣку свѣжему, попавшему случайно въ незнакомый мірокъ, ему рѣзко бросились въ глаза нѣкоторыя характерныя особенности этого мірка. Всего страннѣе показалось ему, что тутъ почти не говорятъ о дѣлахъ серьёзно и меньше всего знаютъ о планахъ и предположеніяхъ въ будущемъ; это ихъ какъ будто вовсе и не интересуетъ. А въ промежуткахъ шумной веселости прорываются нотки затаеннаго, темнаго недовольства, нетерпѣнія и легкой насмѣшливости. Какъ будто у всѣхъ на сердцѣ лежитъ что-то тяжелое и печально-покорное... Это—томительное чувство людей, собравшихся сгоряча дѣлать дѣло и мало-по-малу открывшихъ, что дѣло не дѣлается, а чѣмъ помочь ему—никто не знаетъ; они пришли съ пустыми руками... Исполнительность да личная отвага—и больше не могутъ они ничего принести общему дѣлу; а молодыя силы рвутся на просторъ, хочется подвиговъ, славы...

Незамѣтно подчиняясь уже непроизвольному теченію возбужденной мысли, Морицъ наталкивался на выводы неожиданные, на обобщенія слишкомъ широкія.—«Видно ужъ всегда и во всемъ такъ,—думалось ему,—все, что молодо, полно силъ и отваги,—обречено мучиться бездѣйствіемъ... Молчи, жди и не порывайся,—главное не порывайся!—И къ чему ведутъ эти безплодныя, вымученныя порыванья?—Да, за нихъ всегда приходится слишкомъ дорого расплачиваться, слишкомъ дорого!...» И вдругъ передъ нимъ пронеслись знакомые призраки блѣдныхъ лицъ другой, уже давно-расплатившейся молодежи...

— Какъ это нелѣпо, какъ это дико!—вырвалось у Морица вслухъ.—А вѣдь, право, тутъ много аналогіи...

Онъ горько усмѣхнулся.

Идти ему было далеко, дорога неровная, безпрестанно приходилось спускаться въ ямы, подниматься на пригорки, поросшіе кустарникомъ. Сумерки быстро, незамѣтно смѣнились тихою, звѣздною ночью. Онъ присѣлъ отдохнуть, закурилъ папироску и вспомнилъ, что сегодня ему удалось пристроить толстый пакетъ для отправки въ Петербургъ съ курьеромъ, отъѣзжающимъ въ эту ночь. Пакетъ былъ къ Алёнушкѣ;—Андрюша посылалъ ей свой дневникъ, набросанный кое-какъ карандашомъ, и поздравлялъ ее съ имянинами.—«Сегодня у насъ 16-е мая,—нѣтъ, къ 21-му она еще не получитъ,—жаль! Мы теперь такъ рѣдко переписываемся... еще подумаетъ, что я ее забылъ тутъ... А въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не такъ часто объ ней думаю, какъ прежде!.. Объ Шильдерѣ чаще думаю... вотъ оно какое дѣло, всего тебя поглощаетъ... Ахъ, когда же все это кончится!—Счастливый народъ эти господа, которыхъ курьерами посылаютъ!—Если-бъ меня послали курьеромъ, съ тѣмъ чтобы въ Петербургѣ остаться всего одинъ часъ,—мало, а поѣхалъ бы?—Только бы взглянуть на нее, мою голубку!..»

Мысли Морица унесли его далеко отъ этой прекрасной южной ночи.—Одиночные выстрѣлы слышались изрѣдка, будто съ просонья,—привыкшее ухо и не замѣчало ихъ; кругомъ на всемъ лежалъ покой и миръ; ночныя тѣни затянули густою мглой и крѣпость, и лагерь, и всѣ аксессуары батальной картины; съ неба лилось такое кроткое, нѣжное сіяніе: казалось, и войны никакой ужъ нѣтъ, всѣ люди помирились и спокойно наслаждаются ласковой прохладой майской ночи,—точно сонъ хорошій снится...

Морицу опять припомнилось старое,—одинъ сонъ, преслѣдовавшій его много лѣтъ... Будто спитъ онъ въ сыромъ казематѣ, изнуренный, безнадежный; вдругъ надъ головой его раздаются громкіе голоса, онъ открываетъ глаза—вся тюрьма озарена яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, какіе-то добряки вокругъ него хохо-

чутъ здоровымъ, ласковымъ смѣхомъ и объявляютъ, что все это ошибка, недоразумѣніе,—предлагаютъ ему идти на воздухъ, на свободу... Но это былъ только сонъ, глупый, обманчивый сонъ, а дѣйствительно, пробудясь, онъ слышалъ хриплый голосъ сторожа: «баринъ, ночникъ поправьте»... Потомъ и эта дѣйствительность стала сномъ; все прошло и только снится иногда такъ мучительно-ярко... Да вѣдь вотъ и Силистрія пройдетъ, тоже станетъ сномъ,—и я буду пересказывать этотъ сонъ моей Алёнушкѣ... А ну, какъ не пройдетъ?!...

— Однако, что это со мною сегодня?—очнулся Андрюша.—Какія-то все сумасбродныя, фантастическія бредни лѣзутъ въ голову... И все-то она, моя старая печаль просыпается, насильно вплетается въ каждую мысль, въ каждое впечатлѣніе...

Недалеко отъ него послышался мѣрный, тяжелый шагъ многихъ сотенъ ногъ; сѣрая масса пѣхоты двигалась на встрѣчу ему изъ траншей въ лагерь.

— Куда вы, братцы?

— Домой отпустили.—Ноньче знать *онъ* палить не станетъ,—старикъ не велѣлъ.—Отказано!—острили довольные голоса.

— «Ну, вотъ и отлично!»—подумалъ Морицъ. — «Приду, закачу спать до самаго солнца!»

Добравшись домой, онъ не нашелъ своего товарища въ палаткѣ. Деньщикъ объяснилъ, что «ушли, должно, къ Арабскому, туда много господъ прошло».—Андрюша забылъ о намѣреніи хорошенько выспаться, и машинально набросивъ за спину карабинъ, пошелъ куда указалъ деньщикъ. Германъ Христіанычъ повстрѣчался съ нимъ на половинѣ дороги.

— Ты куда, Андрей?

— Шелъ провѣдать, гдѣ ты.—Что это у насъ сегодня больно тихо,—ужъ не затѣвается ли что-нибудь?

— Это все *глюпости*, фанфаронада!—Пойдемъ домой спать. Въ голосѣ добраго нѣмца отзывалась суровая досада.

— Э, нѣтъ—спать не пойду!—Ты не такъ говоришь, чтобы спать идти...

— Повторяю тебѣ—глюпости, невозможнѣйшія фантазіи... Слава Богу, что изъ этого ничего не можетъ произойти: тамъ теперь собрались люди опытные, не допустятъ.

— Да что такое?

Онъ разсказалъ, что кто-то изъ молодыхъ людей, присланныхъ отъ главной квартиры, подалъ мысль внезапно овладѣть Арабскимъ укрѣпленіемъ, на томъ основаніи, что оно давно уже молчитъ и, вѣроятно, оставлено турками.

— Но я не хочу, чтобы и ты раздѣлялъ эти*хъ* глюпост*ей*, строго сказалъ нѣмецъ.—Пойдемъ спать.

— Ага, такъ вотъ оно что!—Un bicoque... bicoque!—насмѣшливо повторялъ Морицъ. Свѣжія впечатлѣнія недавней бесѣды закипѣли въ головѣ его, они видимо подтверждались. Да, это оно, оно,—то самое... непремѣнно такъ и быть должно, — подумалъ Морицъ.

— Знаешь что, Германъ, я пойду посмотрю...

— Вздоръ!—Ты не пойдешь, и смотрѣть тамъ нечего.

— Я сейчасъ,—я ворочусь,—такъ, черезъ полчасика ворочусь...

— Не хотѣлъ бы я тебя пускать... вѣдь я могу приказать...

— Какой ты чудакъ!—Самъ же говоришь, что ничего не будетъ...

— Да, но... ты скоро придешь, даешь честное слово?

— Честное слово! ха, ха... Чтожъ мнѣ тамъ долго-то дѣлать?—Вѣдь я нижній чинъ—моего мнѣнія не спросятъ... а оно любопытно... Такъ до свиданья, дружище!

И легкой походкой Морицъ почти побѣжалъ впередъ.

Собесѣдникъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и громко повторилъ: —Помни же, Андрей Николаичъ, честное слово!—Но тотъ уже скрылся на поворотѣ траншеи.

Придя къ себѣ въ палатку, Германъ Христіанычъ флегматически проглотилъ рюмку коньяку и растянулся на буркѣ. Прошло добрыхъ полчаса, Морицъ не возвращался; нѣмецъ выпилъ вторую рюмку, поворчалъ и заснулъ.

Передъ разсвѣтомъ по всей линіи осадныхъ работъ уже кипѣла жестокая перепалка. На Арабскомъ слышно было «ура», но ружейная трескотня и безпрерывный грохотъ батарей все покрыли. Адъютанты и ординарцы скакали сломя голову узнать, что́ случилось: предполагали всѣ, что турки сдѣлали вылазку, но въ общей суматохѣ ничего опредѣлительнаго узнать было нельзя, даже разспросить некого. Резервы, отпущенные на ночь, бѣгомъ бѣжали впередъ на выручку, но было уже поздно... Храбрецы, вскочившіе въ Арабское, большею частію пали, за ними кинулись другіе,—но дѣло было уже проиграно; всѣ командиры атакующихъ частей перебиты;—гдѣ-то рожокъ протрубилъ сигналъ къ отступленію;—артиллерійскій огонь сталъ еще ожесточеннѣе,—и скоро изъ густого дыма вереницы закоптѣлыхъ и изувѣченныхъ людей потянулись въ разбродъ къ перевязочному пункту. Товарищи выносили раненыхъ,—кого вели подъ руки, кто стоналъ, а кто и стонать уже не могъ; легко раненые съ плачемъ разсказывали: «Эхъ, кабы подмогу дали!—вѣдь я на его пушкѣ сидѣлъ!—Охъ, братцы, смерть моя!—Подсоби родимый, не могу идти-то.—Кабы лезерфы подскочили, а то что-жъ,—наша рота обезсилѣла совсѣмъ»... И на лицахъ, испятнанныхъ кровью и грязью, ощущеніе физическихъ страданій страннымъ образомъ смѣшивалось съ выраженіемъ незлобивой покорной жалобы на горькую неудачу.—«Эхъ, кабы лезерфы!»

Ночь съ 16-го на 17-е мая памятна всѣмъ бывшимъ подъ Силистріей.—Долго доискивались, кто виноватъ въ этомъ неразсчитанномъ дѣлѣ, самовольномъ, невходившемъ ни въ чьи соображенія, но смѣлыя, благородныя головы, бывшія впереди, искупили свою отвагу смертью и тяжелыми ранами. А если читатель вдумается внимательно въ наши страницы, то вѣрно скажетъ: да на что тутъ и виноватые! Такое дѣло было неизбѣжно, необходимо, какъ взрывъ горючихъ газовъ въ спертомъ погребѣ,—нужна только маленькая искра... Не имѣй оно этого смысла, мы и не упомянули-бы о немъ въ нашемъ повѣствованіи, совершенно чуждомъ какой-бы то ни было инкриминаціи личностей...

Германъ прибѣжалъ въ траншеи, когда рукопашная свалка въ Арабскомъ уже прекратилась. Морица онъ не нашелъ:—«Не могимъ знать, кажись туда побѣжали», отвѣчали ему знакомые саперы. Онъ останавливалъ пѣхотинцевъ, возвращавшихся со штурма, но эти ему даже и не отвѣчали, а оглядѣвъ его оторопѣлымъ взглядомъ и махнувъ рукой, бѣжали сами не зная куда. Имъ, обезумѣвшимъ отъ бойни, вѣрно показался сумасшедшимъ этотъ господинъ, пристающій съ пунктуальными разспросами о комъ-то, въ такую минуту, когда человѣкъ еще неясно сознаетъ, цѣла-ли его собственная кожа.

— Ахъ, я дуракъ, дуракъ!—сокрушался Германъ.—Но можетъ быть онъ гдѣ-нибудь тутъ бѣгаетъ, этотъ сумасшедшій!

Идетъ онъ дальше, видитъ—солдатъ, весь оборванный, безъ ружья, съ одною перевязью, соскочилъ въ траншею и потомъ потянулъ съ бруствера что-то тяжелое, сѣрое; оно грузно скатилось съ насыпи. Германъ Христіанычъ разсѣянно глядѣлъ, какъ солдатъ бережно положилъ къ сторонкѣ убитаго товарища и долго заботливо разсматривалъ его сапоги, бѣлье,—какъ будто онъ что-то соображалъ, озирался и боролся съ какимъ-то искушеніемъ, отвратительнымъ для него самого...

— Это мой Морицъ!—вырвалось изъ груди Германа.

— Не могу знать, ваше благородіе. Надо быть, что изъ господъ, потому сорочка на ихъ тонкая, сапоги тоже вонъ... золотое колечко на пальцѣ... Эхъ ты, Боже мой!...

Солдатъ говорилъ это съ кроткою жалостью и вздохнулъ облегчительно, словно вмѣшательство офицера было для него самымъ желаннымъ благодѣяніемъ...

— Гдѣ ты его поднялъ?

— Мы все вмѣстѣ съ ими шли, какъ есть рядомъ. Они и сказываютъ: «Смотри, братецъ, коли что, чуръ не покидать; либо ты, либо я—другъ дружку выноси».—Вижу, что изъ господъ, говорю: на насъ съ вами крестъ-то одинъ, ваше благородіе, въ этомъ вы не сумнѣвайтесь.—Вскочили мы на самый валъ; ну, тутъ принялись жарить—страсть!—Гляжу, баринъ споткнулся,

еще шага три сдѣлалъ, да такъ и упалъ ничкомъ. Я сейчасъ на плечи и поволокъ: съ горы-то легко было. Думалъ, еще живой, анъ вотъ онъ... Ну все-же, ваше благородіе, лучше, потому, эти псы мертвыхъ до-чиста обдираютъ, головы отрѣзаютъ, надругаются всячески.

— Спасибо!—угрюмо промолвилъ Германъ, не сводя глазъ съ бѣднаго друга.—Снесемъ его ко мнѣ, тутъ недалеко.

Неся убитаго, солдатъ робко началъ вымаливать:

— Ваше благородіе, явите божескую милость,—я тамъ ружье обронилъ, какъ-бы мнѣ за это не попало... съ насъ это строго спрашивается, сами изволите знать.—Ужли-жъ я худо сдѣлалъ?—А фитьфебель нешто повѣритъ!—Вы, ваше благородіе, защитите, али квитокъ какой пропишите, что такъ и такъ... За это, можетъ, награда полагается...

— Записку дамъ, не бойся.—Спасибо.

— Радъ стараться, ваше благородіе.

Трупъ положили у палатки. Смерть не обезобразила прекрасныя черты Морица; на губахъ алѣла струйка крови, да надъ лѣвой бровью маленькая ссадина. Едва нашли на груди ранку, пуля попала прямо въ сердце.

— Ты котораго полка?

— Шестой роты, Замосцкаго полка, ваше благородіе.

— А прозываешься?

— Яковъ Финогеновъ.

Германъ написалъ карандашемъ записку и далъ ему какую-то монету.

— Благодаримъ покорно.—А какъ будетъ ихъ фамилія, ваше благородіе?

— Морицъ, Андрей Николаичъ.

— Ну, упокой Господи!... Финогеновъ прекрестился.—Счастливо оставаться!

«Морицовъ, Морицовъ»,—твердилъ нашъ старинный пріятель Личарда. Онъ ушелъ, размышляя съ своей совершенно особенной точки зрѣнія о печальной катастрофѣ, въ которой приве-

лось ему быть участникомъ,—что вотъ только одинъ Богъ спасаетъ человѣка—отъ смерти ли, или отъ чего другого—это все равно... Онъ былъ собою очень недоволенъ...

Около полудня надъ цитаделью Силистріи развѣвался бѣлый флагъ; объявлено было перемиріе для уборки убитыхъ и раненыхъ. Личарда помолился и, вмѣсто того чтобы идти въ лагерь отдыхать, повернулъ назадъ къ мѣсту ночного побоища.—Онъ съ набожнымъ усердіемъ принялся за переборку обезображенныхъ труповъ,—работу, требующую особенной крѣпости нервовъ, но онъ исполнялъ ее какъ очистительную эпитимью, въ которой нравственно нуждался бѣдный, старый Личарда...

IX.

Толстый пакетъ, который посчастливилось Морицу отправить съ курьеромъ, принесъ Алёнушкѣ такую радость, такое счастье, какого она давно ужъ не знавала.

— Что онъ тамъ пишетъ о своемъ Шильдерѣ, да о какихъ-то минахъ и параллеляхъ—это все вздоръ!—А вы вотъ что прочтите, Иванъ Дмитричъ, эту строчку—„надняхъ жду приказа о моемъ производствѣ“... Какъ вы это находите?

— Ну, что-жъ, слава Богу!

— Эхъ вы—«слава Богу!»—передразнила Алёнушка.—Флегматикъ вы противный!—Да вѣдь тутъ вся наша будущность,—вы этого не понимаете?

— Какъ не понять,—понимаю.

— Ну, то-то же?—А знаете что?—я поѣду, я непремѣнно поѣду къ нему... и въ Турцію поѣду;—это можно?

— Въ Турцію нельзя.—Въ арміи женщинъ не полагается.

— Я переодѣнусь мальчикомъ.—Ха-ха-ха!— какая я сума-

сшедшая!—Да это ничего—онъ любитъ сумасшедшихъ... Вонъ Шильдера вѣдь какъ полюбилъ!—а тотъ загробную переписку ведетъ... Дайте, я васъ поцѣлую на радостяхъ!

И она мучила злополучнаго Купянцова.

Радость не долгая гостья—это сказалъ еще одинъ изъ первыхъ людей нашего столѣтія, знатокъ по части радостей,—многострадальный Гейне;—наступило тяжелое время: писемъ отъ Андрюши нѣтъ, нѣтъ даже никакой возможности узнать, что́ съ нимъ, почему не пишетъ... И въ такой-то мукѣ прошло два мѣсяца; бѣдная Алёнушка совсѣмъ истерзалась.—Изъ газетъ извѣстно, что наши войска оставили Силистрію, вышли изъ княжествъ, туча собирается надъ Севастополемъ,—гдѣ-жъ онъ можетъ быть?—Заболѣлъ?—Раненъ?—дальше этихъ предположеній Алёнушка не заходила.—Но все-таки, какже не написать ни строчки!—можетъ быть въ плѣну?..

— Вотъ именно, именно,—утѣшалъ Купянцовъ.—Попалъ въ плѣнъ,—ну, какъ оттуда напишешь?—Вѣдь несчастье наше, что объ нижнихъ чинахъ въ нашихъ газетахъ не печатаютъ!

— Да вотъ и о производствѣ въ офицеры тоже нѣтъ въ газетахъ,—это почему?

— Ахъ вы, странная женщина!—да когда человѣкъ въ плѣну, какъ же его производить въ офицеры?

— А вы развѣ навѣрно знаете, что въ плѣну?

— Нѣтъ, я... то-есть, я не знаю... да вы сами же сказали.

— Неправда!—я ничего не говорила,—это вы сказали.

— И не думалъ!—а вотъ что: можетъ быть, онъ въ руку раненъ, въ правую—вотъ и нельзя писать-то;—физически невозможно.

— А физически невозможно продиктовать письмо, а? другой напишетъ,—что?

— Ну да, конечно, продиктовать можно... бормоталъ сбитый съ толку Иванъ Дмитричъ.—А вѣрнѣе въ плѣну.

— Ахъ, Господи! перестаньте лучше!—самъ ничего не знаетъ, и меня сбиваетъ съ толку... Васъ какъ будто забавляетъ моё горе!—Алёнушка принималась плакать.

Купянцовъ хорошо понималъ, что это молчанiе ничего добраго не предвѣщаетъ и ужъ не пробовалъ утѣшать ее.

Но положенiе его стало совершенно невыносимо, когда онъ получилъ письмо отъ тётки Морица и изъ него узналъ всю истину.

Съ Андрюшей онъ былъ друженъ съ дѣтства; ихъ родство скрѣпилось потомъ въ Петербургѣ сознательною юношескою привязанностью; они прожили вмѣстѣ лучшую, весеннюю пору жизни. Горе Купянцова усложнилось еще тяжелою обязанностью сообщить роковую вѣсть Алёнушкѣ. Онъ понималъ, сколько малодушнаго ребячества въ той комедiи, которую разыгрываютъ добрые люди, стараясь, какъ говорится, приготовить ближняго къ какому-нибудь роковому извѣстiю, и также ясно понималъ, что съ такимъ характеромъ, какъ Алёнушка, подобная игра въ прятки была-бы оскорбительна и просто невозможна,—но, какъ натура слабая, лишенная смѣлой инициативы, не зналъ, что ему дѣлать... Наконецъ, онъ вспомнилъ ея же мысль о безполезной жестокости тушить огоньки, которые свѣтятъ человѣку въ будущемъ,—рѣшился молчать, старательно обходить всѣ прямо поставленные вопросы на счетъ Андрюши—и домолчался до того, что наконецъ Алёнушка однажды прямо встрѣтила его словами: „Нашъ Андрюша убитъ... не говорите мнѣ ни слова, я знаю,—это такъ“...

Купянцовъ опустилъ голову, слезы катились по его щекамъ.

— Не плачьте,—видите, я не плачу... Этого нужно было ждать... Вѣдь онъ самъ ужъ давно прочелъ „отходную нашей мирной молодой семьѣ“... а мы, какъ ребятишки, все на что-то надѣялись,—жизни ждали...

Она долго сидѣла, опустивши голову на руки, поблекшая, безсильная, какъ скошенная травка...

— Но это ужъ слишкомъ!—вдругъ встрепенулась она съ какою-то протестующей энергiей.—Иванъ Дмитричъ, идите домой,—оставьте меня одну... и не приходите ко мнѣ, долго не приходите... Я по городской почтѣ напишу вамъ, когда будетъ можно... Прощайте.

— Елена Петровна, надѣюсь, что мы будемъ благоразумны... вамъ еще есть для кого жить—у васъ братъ.

— Да, братъ... я знаю... за меня-то вы не бойтесь—вынослива!... Только мнѣ нужно одной остаться, совсѣмъ одной... Исполните же мою просьбу, голубчикъ мой,—прощайте!

— Купянцовъ самъ былъ радъ этой добровольной разлукѣ. Затаенная любовь его къ Алёнушкѣ могла бы, пожалуй, когда-нибудь обмолвиться неосторожнымъ словомъ, взглядомъ,—а теперь онъ этого пуще всего боялся. По его убѣжденіямъ, смерть несчастнаго Андрюши положила между ними вѣчную, неодолимую преграду,—«что бы ни случилось впереди, а ужъ я не заговорю съ нею о любви моей,—никогда, никогда!—потому что вѣдь это будетъ разговоръ *его* могилѣ... И не будетъ ли вѣчно шептать мнѣ неотвязный голосъ: «А вѣдь ты все-таки скажи спасибо, что умеръ тотъ, *другой*, братъ твой».

Пока добрякъ Купянцовъ кропотливо перебиралъ свои сердечныя сомнѣнія, задыхался въ ихъ затхлой болѣзненной атмосферѣ, не могъ распутать маленькаго узелка своего личнаго счастія,—Алёнушка дѣлала дѣло...

Уже осенью, въ ноябрѣ онъ получилъ по городской почтѣ коротенькое приглашеніе придти къ Алёнушкѣ.

Въ ея уютномъ гнѣздышкѣ все отзывалось разореніемъ;—небольшой дорожный чемоданчикъ стоялъ уже совсѣмъ застегнутый; на письменномъ столѣ и на этажеркѣ пусто; разорванныя письма разбросаны по полу. Она сама въ дорожномъ платьѣ полулежитъ на диванѣ, положивъ голову на колѣни своей madame Léontine, которая ласковой рукой разглаживаетъ ея свѣтлорусые волосы, подобранные подъ какой-то бѣлый старушечій чепчикъ.

Озадаченный Купянцовъ поблѣднѣлъ, поцѣловалъ ей руки и послѣ долгаго молчанія едва нашелъ силы выговорить:

— Вы ѣдете... къ брату?

— Къ брату—нѣтъ, а къ братьямъ, мой милый Иванъ Дмитричъ,—поправила его Алёнушка.

— Я не понимаю...

— Въ Севастополь ѣду сегодня.—Пожелайте мнѣ силъ, здоровья,—впрочемъ, я молода и довольно сильна...

— Но какъ же это?—Вы...

— Все та же безпокойная головушка,—развѣ не узнаете?—а теперь, поздравьте: сестра Крестовоздвиженской общины.—Насъ сегодня отправляютъ; и то опоздали,—говорятъ, тамъ госпитали переполнены.

Бѣдняжка Купянцовъ совсѣмъ растерялся предъ этой безпокойной головкой. Онъ не находилъ нужныхъ словъ и какъ-то неловко, глуповато обратился къ madame S.

— Et vous, madame, vous nous quittez aussi?

— Je reste, monsieur, je reste—je suis Française... mais, après le 2 décembre j'ai brulée mes navires—съ гальскимъ задоромъ отвѣтила француженка.—Surtout on ne quitte pas facilement un pays, ou l'on trouve des amies, comme mon brave Alionouchka... и она осыпала поцѣлуями дорогую головку.

— Вотъ вамъ мой адресъ, Иванъ Дмитричъ,—пересылайте мнѣ письма Алёши, да и сами пишите. Не поминайте лихомъ; а будемъ живы—встрѣтимся какъ старые друзья...

Мы не пойдемъ вслѣдъ за Алёнушкой. Негромкіе подвиги горсти русскихъ женщинъ, вышедшихъ на дѣятельность дотолѣ новую, неподготовленную, даже встрѣченную недовѣріемъ и грубымъ непониманіемъ,—составляютъ одну изъ дорогихъ страницъ въ только-что начинающейся исторіи нашей женщины. Мы не коснемся тѣхъ еще теплыхъ слезъ, которыя видѣли русскія женщины на суровыхъ лицахъ бойцовъ, умиравшихъ на госпитальной койкѣ.

Не смѣемъ коснуться и той великой борьбы на небольшомъ клочкѣ земли вокругъ Севастополя, которая сама по себѣ составляетъ цѣлую эпопею... Перейдемъ прямо къ тому радостному дню, что вдругъ такъ ярко засверкалъ, разгоняя неповоротливыя тучи дыма, поднявшіяся надъ грудами севастопольскихъ развалинъ...

X.

Въ октябрѣ 1858 года, на бульварѣ одного изъ нашихъ большихъ торговыхъ городовъ, ежедневно около 4-хъ часовъ, встрѣчались два господина, какъ видно пріѣзжіе, возбуждавшіе любопытство туземцевъ.—Ходили они не съ безпечностью праздныхъ фланёровъ, а съ разсчитанною регулярностью дѣловыхъ людей, у которыхъ передобѣденная прогулка входитъ въ программу дневныхъ занятій; казалось, имъ некогда было восхищаться прелестными днями южной осени, они должны были отмѣрять непремѣнно столько-то шаговъ въ минуту,—разумѣется, и разговоръ ихъ не могъ быть праздною болтовней.

— Ecoutez, mon cher Кашириновъ,—вы понимаете, что при моихъ дѣлахъ мнѣ нужны люди и люди,—какъ можно больше людей!—Хоть не могу пожаловаться, вокругъ меня сгруппировались все славные ребята, знаете, сердечные, преданные и мнѣ, и дѣлу; но между ними до сихъ поръ еще не нашлось именно того, что мнѣ нужно,—понимаете, такого человѣка, который умѣлъ бы ловить, такъ-сказать, на лету мои идеи...

— Да, хорошій секретарь вамъ необходимъ.

— Ахъ, совсѣмъ не то!—секретарь, понимаете, это что-то мескинное, чиновничествомъ отзывается, а мы, слава Богу, обновились и должны разомъ отрѣшиться отъ всего, что даже напоминаетъ гнилыя, устарѣлыя формы. Мнѣ нуженъ не секретарь, а какъ бы это выразиться?—нужно сознательное эхо моихъ идей и предположеній, скажу даже—вдохновеній... которыя часто пропадаютъ зря, и я самъ объ нихъ забываю; а вѣдь это страшная потеря... то-есть, я хочу сказать, во всякомъ случаѣ наша культура отъ этого не можетъ быть въ выигрышѣ,—не правда ли?

— О, да, да!—Въ настоящее время, когда можно и должно работать, всякая благая мысль есть уже фактъ,—болѣе или менѣе крупный фактъ нашего развитія.

— Да-съ! вѣдь у насъ, куда ни взглянешь, вездѣ какое-ни-

будь дѣло, такъ сказать, само напрашивается:—гдѣ мы до сихъ поръ проходили мимо безъ всякаго смысла, теперь тамъ видишь съ одной стороны самыя настоятельныя потребности, а съ другой страшныя естественныя богатства, — непочатыя, батинька, непочатыя!—Счастливая мысль иногда придетъ такъ, мимоходомъ,— кому я могу ее передать?—а ее непремѣнно нужно бы записать, потомъ надосугѣ проштудировать, оформить—и вотъ вамъ десятки новыхъ предпріятій величайшей важности! — А журнальныя статьи —досугъ ли мнѣ писать ихъ?—Между тѣмъ оно необходимо: я стою за принципъ полнѣйшей гласности. — Такъ вотъ какого человѣка я ищу,—и врядъ ли найду!—Перо мнѣ нужно-съ, сильное перо!...

Говорившій господинъ былъ уже далеко не юноша. Красивое лицо съ серьёзно-сжатыми губами, холенныя бакенбарды, пріятный органъ, каріе ласковые глаза, сѣренькій костюмъ англійскаго покроя, ловко маскировавшій расположеніе къ тучности,—такова была внѣшность этого господина, а звали его Иванъ Александровичъ Таржеевъ.

Онъ разъѣзжалъ по градамъ и весямъ Южной Россіи съ какими-то грандіозными предпріятіями, долженствовавшими обогатить эту невоздѣланную почву, возбудить дѣятельность населенія, вызвать изъ мрака всякаго рода капиталы. За собою онъ не имѣлъ ни колоссальныхъ капиталовъ, ни финансовой карьеры, ни какой-либо технической спеціальности, — а возникъ вдругъ, будто отвѣчая на запросъ минуты, и развязно принялъ участіе въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, которыя въ то счастливое время выростали какъ грибы послѣ дождя.

Тогда явилась цѣлая фаланга дѣятелей такого сорта.—Таржеевъ былъ хотя не самый крупный между ними, но отличался отъ своихъ сотоварищей тѣмъ, что не поклонялся исключительно богу наживы, а преимущественно гнался за тѣмъ, чтобы упрочить за собою репутацію оффиціально признаннаго умника, общественнаго дѣятеля и патентованнаго филантропа. Ради этихъ цѣлей онъ готовъ былъ многимъ жертвовать, а болѣе всего руб-

лями добрыхъ акціонеровъ. Онъ прохаживался и велъ бесѣду съ давнишнимъ нашимъ знакомымъ Платономъ Сергѣичемъ Кашириновымъ. Этотъ джентельменъ теперь возвращался изъ-за границы, гдѣ пилъ воды и пробовалъ сладость доходовъ своей тихой и мирной Любимовки, доставшейся ему послѣ смерти родителя. Но среди заграничнаго шатанья „правильный" господинъ не забывалъ, что онъ все-таки призванъ упорно чего-нибудь добиваться.— Въ то время повсюду закипѣли толки о нарождавшемся освобожденіи крестьянъ, образовывались различныя партіи; среди русскихъ людей, хлынувшихъ массой въ только-что отворенныя двери Европы, толки разумѣется были смѣлѣе и рѣзче, чѣмъ дома; прислушиваясь къ нимъ, Кашириновъ набрелъ на мысль, что въ настоящее время добиться чего-нибудь можно неиначе, какъ послуживъ отчизнѣ въ уясненіи этого горячаго вопроса. Онъ написалъ брошюрку и напечаталъ ее въ Берлинѣ, скрывъ свое имя подъ скромнымъ псевдонимомъ „Деревенскій дворянинъ". Въ брошюрѣ этой доказывалось, что улучшеніе быта крѣпостныхъ людей (названныхъ, всеконечно — меньшими братьями) — дѣло святое, и что противъ него могутъ говорить только своекорыстные ретрограды и дурные патріоты; но тутъ же осторожный авторъ высказывалъ нѣкоторыя опасенія — съумѣютъ ли эти несовершеннолѣтніе дѣти природы разумно воспользоваться своими правами,—не слѣдуетъ ли прежде обмыть ихъ, причесать, отвести въ школу,—и тогда ужъ наградить ихъ „улучшеніемъ" по усмотрѣнію естественнаго ихъ опекуна — помѣщика, который конечно и землицей ихъ не обидитъ.

Вся эта сладенькая кашица, размазанная на сорока страничкахъ in-16^0, въ минуту своего появленія показалась сентиментальнымъ воздыханіемъ, на нее современная пресса не обратила никакого вниманія, — мало ли въ то время являлось подобныхъ невинныхъ грѣховъ досужества и праздномыслія! Но пусть пресса прошла обиднымъ молчаніемъ эту зеленую брошюрку, пусть начальство не погладило ту головку, изъ которой вылилась такая премудрость, — за то *свои*, то-есть, губернскіе пріятели и сосѣди

заговорили о новой яркой звѣздѣ отечественной публицистики. Одинъ землякъ, жившій съ Кашириновымъ на водахъ въ одномъ отелѣ,—сухопарый старичокъ изъ огорченныхъ,—плѣнился произведеніемъ Платона Сергѣича, обнялъ дорогого автора и почти со слезами прошамкалъ: „Благослови васъ Господи!“ — потомъ купилъ сотню экземпляровъ „Деревенскаго дворянина“ и повезъ домой. Дома брошюра вѣроятно пришлась по вкусу, ибо вскорѣ авторъ получилъ нѣсколько писемъ, приглашавшихъ его немедля возвратиться къ роднымъ пенатамъ, гдѣ все ужъ было подготовлено, чтобы почтить его единогласнымъ избраніемъ (просимъ! просимъ!) въ предводители. Мысль о провинціальныхъ почестяхъ, всегда сдобренныхъ жирными пирогами, ему всегда улыбалась...

Обстоятельства эти были хорошо извѣстны Таржееву; даже зеленая брошюра лежала у него на видномъ мѣстѣ письменнаго стола, — а потому-то предпріимчивый дѣятель и завелъ рѣчь съ искуснымъ публицистомъ о своемъ. такъ сказать больномъ мѣстѣ— о вопіющей потребности имѣть подлѣ себя „сознательное эхо“ или „сильное перо“,—что выходило одно и то же. Онъ угадалъ Каширинова и старался пріобрѣсти его непремѣнно, если не крупными матеріальными выгодами, то славой стать его двойникомъ и дружно проводить въ массу экономическія и промышленныя благодѣянія... Но Кашириновъ понималъ, что двойникъ все-таки есть нѣчто фантастическое и потому уклонялся отъ рѣшительныхъ объясненій, а намеки старался просто не понимать. Онъ намѣтилъ себѣ совсѣмъ другую дорогу и вовсе не соблазнялся быть чьимъ бы то ни было эхомъ, — ему мерещилась впереди самостоятельная сила—сила неуклонныхъ и безкорыстныхъ принциповъ власти, передъ которой, пожалуй, затрещатъ милліоны всѣхъ Таржеевыхъ вмѣстѣ...

На этомъ пунктѣ взаимнаго непониманія они остановились, и умолкли. На встрѣчу имъ шелъ старикъ генералъ, высокій, нѣсколько сутулый, напоминавшій классическую фигуру Ламанчскаго рыцаря; — онъ шелъ въ коротенькомъ пальто, опираясь на суковатую трость, будто прихрамывая и замѣтно оригинальни-

чая полнѣйшимъ игнорированіемъ своего генеральства. Онъ никого не замѣчалъ. съ тѣмъ чтобы и его не замѣтили, оставили въ покоѣ, какъ простого гражданина, вышедшаго на прогулку. Однако наши знакомцы его замѣтили и просвѣтлѣли при этой встрѣчѣ; дружно залепетали они на разные тоны: „mon prince!“ — „ваше сіятельство!“ — и пошли вмѣстѣ съ нимъ, восхваляя взапуски прекрасную погоду. Князь кивнулъ имъ по-пріятельски, но руки не подалъ и, не обращая вниманія на ихъ диѳирамбы южной осени, заговорилъ, будто продолжая вслухъ свои прерванныя размышленія.

— Это странно! Еслибъ я встрѣтился съ французскимъ маршаломъ, у котораго когда-то давно былъ, положимъ prisonnier de guerre — вѣдь я непремѣнно сдѣлалъ бы ему визитъ, какъ доброму знакомому; это такъ, это слѣдуетъ, c'est simple comme bonjour! А то живетъ здѣсь мѣсяцы, ко мнѣ не является, и я объ этомъ не знаю... Non, non, je suis un mauvais gouverneur! Я — не знаю! Et ce drôle de corps полиціймейстеръ,—bah!—c'est toujours notre refrain d'autrefois: слушаю-съ, что прикажете-съ, не могу знать-съ! Surtout—не могу знать... А вотъ я узналъ же, захотѣлъ и узналъ!

— О комъ это вы изволите говорить, ваше сіятельство?— вкрадчиво полюбопытствовалъ Кашириновъ.

— Узналъ и послалъ за нимъ, да-съ, потребовалъ. Чудакъ перепугался, а я нарочно скорчилъ гримасу, прочелъ сердитую потацію—и тутъ же сейчасъ, просто sans façon, позвалъ его завтра обѣдать,—а?! Князь, закусивъ кончикъ языка, взглянулъ на нихъ вопросительно и насмѣшливо.

— Кто-нибудь это изъ *нашихъ* петербургскихъ?—догадывался Таржеевъ.

— Да-а.... mais vous devez le connaitre,—de nom au moins; одинъ изъ тѣхъ.... теперь возвращенъ.... князь какъ будто досадовалъ на недогадливость слушателей. Un certain Слободинъ...

— А-а!—протянули они, услыхавъ знакомое имя, и невольно переглянулись.

— Это мой школьный товарищъ... — Кашириновъ самодовольно улыбнулся.—Какъ я радъ!

— Une bonne tête; объ немъ надо подумать. надо... c'est à nous maintenant... oui! Итакъ, завтра мы обѣдаемъ вмѣстѣ; nous seront dans le pays des connaissances! A demain — И старикъ повернулъ къ своему дому.

— Voilà votre affaire. cher Иванъ Александровичъ!

— Да... прежде я знавалъ его очень хорошо... прихвастнулъ Таржеевъ. — Но каковъ онъ теперь? Тутъ многое нужно комбинировать... и прежде всего создать ему положеніе, представительность,—это первое; а потомъ... посмотримъ. подумаемъ! Таржеевъ ронялъ слова трудно. медленно: заложивъ руки за спину и опустивъ голову, онъ казался погруженнымъ въ такія соображенія, о которыхъ затруднился бы сказать самому себѣ, а не только Каширинову...

XI.

Это было время очень замѣчательное. Всѣ вдругъ закричали о пробужденіи отъ вѣкового сна; всѣ спѣшили, суетились—и всякій тащилъ свою лепту на алтарь общественнаго обновленія, не задумываясь о дѣйствительной цѣнности своей лепты; требовалось только заявить, что и я тоже обновился, что ветхій Адамъ во мнѣ умеръ. Всюду замѣчалась праздничная рѣзвость, просто дѣтская рѣзвость, которая принимаетъ очень сердитую мину, если ей кто-нибудь замѣтитъ, что завтра опять наступятъ будни... Всѣ смѣются надъ вчерашнею фразой о закидываніи враговъ шапками, и въ то же время очень серьёзно собираются закидать шапками глубокую бездну, выкопанную столѣтіями.... О, милое, веселое время! Кто изъ моихъ соотечественниковъ не поддался

хоть на минуту твоему разъемчивому охмѣленію, и кто не принималъ деревянныхъ лошадокъ за настоящія?

Въ такіе моменты общественной жизни всѣ роли страшно перепутываются;—люди не только отрекаются отъ прошлаго, но едва ли отчетливо помнятъ о томъ, что они дѣлали и что говорили вчера. Происходятъ недоразумѣнія комическія, которыя разрѣшаются однакожъ не всегда комически...

Князь немного утрировалъ: Слободинъ не имѣлъ никакихъ основательныхъ поводовъ къ нему явиться и даже счелъ бы это нахальствомъ, на которое вовсе не былъ способенъ. Личныхъ отношеній между ними не было и быть не могло; разница ихъ общественныхъ положеній была неизмѣрима, а ужъ о симпатіяхъ и говорить нечего. Разъ въ жизни они встрѣтились: князь ѣздилъ по службѣ въ одну изъ сибирскихъ губерній, и тамъ совершенно случайно услыхавъ о Слободинѣ, пожелалъ его видѣть. Изъ получасового съ нимъ разговора князь вынесъ впечатлѣніе пріятное, —онъ встрѣтилъ человѣка бодраго, ни на что не жалующагося, съумѣвшаго кое-чему научиться и сохранить свое человѣческое достоинство среди самой неблагопріятной обстановки. Вотъ все, на чемъ князь основывалъ теперь обязанность Слободина къ нему явиться. Нельзя не сознаться, что основаніе черезъ-чуръ слабо. Но такова была въ то время атмосфера, что каждый ощущалъ потребность сдѣлать что-нибудь такое, что шло бы совсѣмъ въ разрѣзъ недавнему прошлому, и вслѣдствіе того, важная особа интересуется личностью темнаго бѣдняка, розыскиваетъ его, заигрываетъ съ нимъ очень тонко, приглашаетъ къ себѣ обѣдать и не безъ самоуслажденія разсказываетъ своимъ знакомымъ объ этой находкѣ; знакомые тоже въ свою очередь обрадованы встрѣчей съ Слободинымъ, готовы прихвастнуть, что въ старину они были съ нимъ хорошіе пріятели и даже сами не безъ грѣха, — по крайней мѣрѣ сочувствовали...

Обстоятельства складывались такъ, что Слободинъ могъ бы войти въ моду и извлечь изъ своего моднаго положенія неисчислимыя выгоды, но—увы!—представитель отживщаго типа не

могъ никакъ приспособиться къ новому складу жизни, глядѣлъ кругомъ какъ-то сомнительно, недовѣрчиво, не умѣлъ попасть въ тонъ—бралъ то выше, то ниже, и вообще въ глазахъ практическихъ людей оказался чудакомъ и простофилей.

На обѣдѣ у князя приглашенныхъ было всего человѣкъ шесть. Разговоръ держался на смѣлыхъ темахъ всевозможныхъ улучшеній родного быта, иногда мелькали ироническія воспоминанія изъ недавней старины: все это было сдобрено умѣренно-приличною дозой либерализма. Алексѣй сидѣлъ съ полнѣйшимъ сознаніемъ, что тутъ онъ совсѣмъ не на мѣстѣ: неумѣлый, неловкій, въ плохо сшитомъ фракѣ, онъ больше вслушивался и отдѣлывался коротенькими фразами. Подъ конецъ обѣда рѣчь какъ-то случайно зашла о положеніи рабочаго люда на сибирскихъ заводахъ и золотыхъ пріискахъ. Слободинъ, задѣтый вопросами князя, пріободрился и съ твердымъ знаніемъ дѣла, недопускающимъ никакихъ споровъ, заговорилъ о бѣдственномъ положеніи многихъ тысячъ народа, о безразсчетномъ изнуреніи ихъ силъ, о систематическомъ спаиваніи и развращеніи этихъ несчастныхъ людей,—наконецъ, о томъ, что несмотря на жестокую эксплуатацію, въ результатѣ не получается и половины той выгоды, какая могла бы быть достигнута при иномъ раціональномъ устройствѣ той же самой суммы труда.

— Да, но вѣдь это частности, мелкія злоупотребленія нашихъ управляющихъ, приказчиковъ и тому подобнаго грязнаго народа. Не слѣдуетъ придавать имъ того значенія... и притомъ противъ нихъ ужъ приняты надлежащія мѣры,—наставительно замѣтилъ князь, и круто повернулъ разговоръ на очевидную выгоду выписывать вина прямо изъ Бордо, изъ первыхъ рукъ, безъ посредства этихъ паразитовъ—коммиссіонеровъ.

Таржеевъ поспѣшилъ съ нимъ согласиться и живо развилъ идею громадной акціонерной компаніи для устройства въ разныхъ городахъ нашего отечества обширныхъ складовъ французскихъ винъ.

Слободинъ чувствовалъ, что сдѣлалъ что-то неловкое—но что?

Онъ не зналъ, что тутъ-же за столомъ одинъ крупный золотопромышленникъ, онъ же и винный откупщикъ—да и какъ было распознать эту особу, когда она громче всѣхъ заявляла свое сочувствіе къ нашему возрожденію и требовала поголовнаго покаянія въ старыхъ грѣхахъ!

Послѣ обѣда князь отвелъ Слободина въ сторону.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Пока ничего.

— Однакожъ надо чѣмъ нибудь-заняться, выбрать профессію.

— Года три тому назадъ, еще *тамъ* я началъ заниматься медициной.

— Ого, вотъ какъ! Но вѣдь это трудно; какія-жъ пособія?

— Никакихъ, князь. Книги, да два-три добрыхъ человѣка изъ ординаторовъ тамошней больницы, вотъ и все. Я едва познакомился только съ азбукой медицины.

— А каѳедра исторіи?—Князь подмигнулъ и щелкнулъ языкомъ, будто поддразнивая.—Это намъ улыбнулось? Но надѣюсь, что мы отрезвились, совершенно отрезвились, да?

— Вы трогаете больное мѣсто, ваше сіятельство... позвольте мнѣ промолчать.

— Князь слегка нахмурился, но мигомъ овладѣлъ собою и продолжалъ очень ласковымъ тономъ:

— У меня есть кое-какая библіотека, не совсѣмъ дурная, а медицинскимъ отдѣломъ даже похвастаюсь. Можете пользоваться ею, очень радъ. Наконецъ, если вы въ чемъ-нибудь встрѣтите надобность, то приходите ко мнѣ во всякое время и говорите прямо, безъ обиняковъ. Мы съ вами должны быть свои люди.

Слободинъ взглянулъ на князя, что называется, во всѣ глаза и не могъ выговорить даже обычной благодарности.

Кашириновъ встрѣтилъ Алексѣя, какъ стараго хорошаго пріятеля, обрадовался несказанно и подвелъ его къ Таржееву.

— Вотъ вамъ и еще старый знакомый.

Но Таржеевъ замялъ рѣчь о старомъ знакомствѣ и закидалъ Алексѣя вопросами о Приамурскомъ краѣ.

Круглое лицо Таржеева, особенно его губы, сжимавшіяся сердечкомъ, его сладкій, пріятный органъ—показались Алексѣю чѣмъ-то до того знакомымъ, даже связаннымъ съ какимъ-то яркимъ моментомъ его прошлой жизни, что, разговаривая съ этимъ великимъ человѣкомъ, Слободинъ выказалъ непростительную разсѣянность, отвѣчалъ небрежно, нисколько не поражался его великолѣпно-широкими взглядами и думалъ только о томъ, „да гдѣ же, любезный другъ, мы съ тобой сталкивались?“ но ничего не могъ припомнить.

Въ семь часовъ всѣ взялись за шляпы. Сходя съ лѣстницы, Таржеевъ фамильярно взялъ Слободина подъ руку.

— Позвольте мнѣ завладѣть вами хоть на одинъ часъ. Зайдемъ ко мнѣ; между моими вѣрно встрѣтите много петербургскихъ знакомыхъ.

Таржеевъ занималъ цѣлый бель-этажъ большого дома; проходя анфиладу комнатъ, Слободинъ видѣлъ съ десятокъ господъ весьма благообразныхъ, съ бородками, какъ видно только-что отрощенными; они ходили по заламъ, куря сигары, и при входѣ Таржеева съ гостями, встрепенулись и зажужжали, но не съ почтительностью подчиненныхъ, а съ нетерпѣніемъ усердныхъ сотрудниковъ, у которыхъ имѣется у каждаго свое очень экстренное дѣло, требующее немедленнаго разрѣшенія.

— Уфъ! — Таржеевъ вздохнулъ и опустился въ кресло. — Отдохнемъ, господа, берите сигары... А какъ вы думаете, Платонъ Сергѣичъ, долго дадутъ мнѣ этакъ-то отдыхать? — подтрунилъ онъ.

— Да вы дурно дѣлаете, что не отвоюете себѣ хоть часъ въ сутки полнѣйшаго отдыха, чтобы и помина не было о дѣлахъ...

— Мудрено это-съ, очень мудрено! — Менѣе всего я себѣ принадлежу... не имѣю никакого права... Видите, видите! — разсмѣялся Таржеевъ, кивнувъ головой на появившагося въ дверяхъ господина съ кипой пакетовъ и папироской въ зубахъ.

— Сегодняшняя почта и телеграммы, — сказалъ вошедшій; да вотъ что, Иванъ Александрычъ, разрѣши пожалуйста, что намъ дѣлать съ Зѣвакинымъ?

— Какой это Зѣвакинъ?—спросилъ Таржеевъ, невнимательно перебирая пакеты.

— Тотъ, помнишь? — ты обѣщалъ ему мѣсто, онъ бросилъ службу и ждетъ.

— А, помню!—да вѣдь ужъ онъ давно опредѣленъ по каменноугольному дѣлу. Ужъ объ этомъ говорено.

— Никогда ты мнѣ не говорилъ; можетъ быть, подумалъ только.

— Вотъ еще!—Я отлично помню. Такъ объяви ему, чтобъ ѣхалъ на 1,200 рублей, — да чтобы поторопился, сегодня же, дѣло спѣшное.

— Изъ разговора съ нимъ вижу, что онъ этимъ не будетъ доволенъ. Человѣкъ семейный, полгода ждетъ...

— Не могу-съ, не могу! — и не говори лучше,—ни копѣйки больше прибавить не могу. Мы совсѣмъ изъ бюджета выйдемъ.

— Да онъ не о прибавкѣ... проситъ только, чтобы жалованье считалось ему съ того времени, какъ онъ службу бросилъ.

— Да, ну это другое дѣло... подумаемъ!—а впрочемъ—Богъ съ нимъ! — человѣкъ бѣдный, вели выдать... Торопите его, да пусть ко мнѣ зайдетъ передъ отъѣздомъ. Да вотъ еще что: отвези княгинѣ тысячу рублей на ея больницу и дѣтскій пріютъ, я тамъ членомъ избранъ, самъ отвези.

Долго еще длилась эта сцена. Алексѣй многому въ ней удивлялся, многаго не понималъ, замѣтилъ только что тутъ на счетъ тысячъ очень свободно и филантропіи достаточно; но оканчательно былъ изумленъ, когда услышалъ вопросъ Таржеева:

— Когда Купянцовъ долженъ быть?

— Писалъ, что черезъ мѣсяцъ явится.

И по окончаніи дѣловой бесѣды не вытерпѣлъ — спросилъ Таржеева:

— Это какой Купянцовъ? Иванъ Дмитричъ, художникъ?

-- Онъ самый; а что васъ удивило? Ахъ, да, вѣдь вы старые знакомые.

— Да, старые... Изъ него могъ выдти порядочный живописецъ, — но что-жъ онъ у васъ тутъ будетъ дѣлать?

— Найдемъ занятія и ему, — приспособимъ! — а между дѣломъ, пожалуй, будетъ намъ картины писать.

Вдругъ Таржеевъ будто что-то вспомнилъ и съ телеграммой въ рукѣ выбѣжалъ изъ кабинета.

Кашириновъ, оставшись наединѣ съ Слободинымъ, завелъ рѣчь о его намѣреніяхъ.—Какъ вы думаете устроиться?

— Право, я еще не подумалъ объ этомъ. Разумѣется, какъ ни ограниченны мои потребности, а заработать ихъ надо: — думаю, уроками заняться.

— Это хорошо, — только эта профессія у насъ пока даетъ дѣйствительно очень скудныя средства... Чтó бы вамъ къ Ивану Александрычу пристроиться!

-- Помилуйте, какъ же это?—Вѣдь я для его дѣлъ совсѣмъ не гожусь,—не имѣю никакой подготовки...

— Объ этомъ не безпокойтесь!—у него великій талантъ каждому найти подходящее дѣло... Если вы хотите, то я съ радостью берусь за это,—позволите мнѣ переговорить съ нимъ?

— Увѣряю васъ, что я въ коммерческихъ дѣлахъ рѣшительно ничего не понимаю... Мнѣ страшно было бы даже и предлагать себя...

— Иванъ Александрычъ на своихъ сотрудниковъ смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ въ старину смотрѣли. Вы, конечно, его не знаете, но я долженъ вамъ сказать, что это человѣкъ самый теплый, сердечный, — а широта его взглядовъ иногда просто изумительна... Напримѣръ, въ сотрудникахъ своихъ онъ ищетъ прежде всего *людей;*—знакомство съ какою-нибудь спеціальностью для него вопросъ второстепенный, а главное ему нужно окружить себя людьми-то хорошими, развитыми, въ гражданскомъ смыслѣ развитыми...

— Безспорно, это отлично, но все-таки я не могу себѣ хо-

рошенько уяснить... Наконецъ, гдѣ-жъ у насъ люди, которые могли бы получить то развитіе, о которомъ вы говорите?...

— Вотъ-вотъ—онъ и хочетъ пособить этому дѣлу. Ему нужно замѣтить въ человѣкѣ только хорошіе зачатки, а ужъ окончательно доразвиться подъ его вліяніемъ можетъ всякій... Онъ хотѣлъ бы создать, такъ сказать, разсадникъ хорошихъ людей.

— Да, эта задача серьёзная... и нелегкая!

— Такъ вы мнѣ позволите?—Наконецъ, сама судьба кажется того хочетъ, чтобъ я относительно васъ исполнилъ слово, данное еще въ юности... Помните наши гимназическіе годы? — Я былъ бы совершенно счастливъ... И мнѣ кажется, для васъ это самое лучшее положеніе. Относительно матеріальнаго обезпеченія будьте совершенно покойны, Иванъ Александрычъ умѣетъ вознаграждать труды...

— Объ этомъ я меньше всего думаю... Но вотъ что важно, за что я буду брать деньги?—Это я долженъ знать положительно.

— Разумѣется!—Прежде я съ нимъ переговорю, а потомъ ужъ вы объяснитесь окончательно.—Только пожалуйста не скромничайте. Тутъ сдѣлка совершенно коммерческая,—спросъ и предложеніе... Итакъ, рѣшено?

— Благодарю васъ... Надѣюсь, что вы передадите дѣло такъ, какъ оно произошло, т.-е. вызовъ былъ съ вашей стороны.

— За кого-жъ вы меня принимаете!

Таржеевъ возвратился съ толпою какихъ-то новыхъ гостей, тоже вѣроятно дѣловыхъ, и какъ-будто забылъ о существованіи Слободина. Пошли толки оживленные, пересыпанные громадными цифрами, сотни тысячъ третировались, какъ сотни копѣекъ. Алексѣй потихоньку скрылся.

Все что онъ видѣлъ и слышалъ подѣйствовало на него немного одуряющимъ образомъ. Съ одной стороны, школа гражданскаго развитія, съ другой—чиновникъ, требующій и получающій деньги за время, въ которое онъ ничего не дѣлалъ и ждалъ назначенія и несмотря на то все-таки поступившій въ оный знаменитый разсадникъ гражданскихъ добродѣтелей.

Толки о заводской обработкѣ какого-то сырья, о милліонныхъ затратахъ, и какая-то княгинина больница, да дѣтскій пріютъ; наконецъ, коммерческая контора, и въ ней живописецъ сидитъ за мольбертомъ—всѣ эти представленія рядомъ никакъ не укладывались въ головѣ простодушнаго Алексѣя.

Едва успѣлъ онъ опомниться отъ заискиваній Каширинова, какъ получилъ еще вызовъ на дѣло.—Ему рѣшительно везло.—Князь предложилъ ему быть редакторомъ мѣстной газеты, которую требовалось поставить въ уровень съ современными задачами, дать ей опредѣленную физіономію и твердую самостоятельность... Какъ ни странно было предложеніе, однако Алексѣй надъ нимъ крѣпко призадумался: журнальное дѣло, поставленное въ благопріятныя условія, казалось ему всегда поприщемъ хорошимъ, а теперь почти единственнымъ, на которомъ онъ могъ бы сдѣлать что-нибудь путное. Переговоривъ еще разъ съ княземъ насчетъ размѣровъ самостоятельности будущаго органа и получивъ завѣренія, въ которыхъ сомнѣваться было бы крайнимъ пессимизмомъ, Слободинъ согласился, къ Таржееву больше не заходилъ и уже не думалъ о поступленіи въ разсадникъ гражданскихъ добродѣтелей. Онъ не обманывалъ себя, сознавалъ всѣ предстоящія ему невзгоды,—но и эти невзгоды его не пугали, онъ былъ даже радъ встрѣтить ихъ лицомъ къ лицу. Но онъ не разсчитывалъ, что и въ самое горячее лихорадочное время общественной жизни, все-таки не перестаютъ существовать извѣстные тормазы, предохранящіе всякую машину отъ соскакиванья съ рельсовъ;—это еще нимало не удивительно, но удивительно, что князь рѣшился ихъ игнорировать. Таково знать было время.

Отъ всей этой непривычной тревоги Алексѣй однакожъ съ любовью возвращался къ нешумнымъ, скромнымъ планамъ жизни, о которыхъ у него до послѣдняго времени шла дѣятельная переписка съ сестрой.—Алёнушка открыла въ Петербургѣ свой магазинъ и зная, что Алёша началъ заниматься медициной, звала его къ себѣ—«жила я долго на твоей шеѣ, а теперь готова съ тобой дѣлиться всѣмъ, что имѣю, а ты кончишь курсъ въ академіи».—Ми-

лая моя Алёнушка, какая ты... благоустроенная головка!—Все у тебя не размашисто, не крупно, но за то жизненно и просто... И онъ лелѣялъ этотъ планъ, предвидя всяческія неудачи въ чужомъ, незнакомомъ городѣ, съ которымъ ничто его не связывало; и попалъ-то онъ въ этотъ городъ совершенно случайно.

Когда пришла радостная вѣсть о возвратѣ, Алексѣй горько призадумался—куда же ему возвратиться?—Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ уголка, гдѣ бы онъ могъ приклонить голову.—Сестра живетъ въ Петербургѣ—городѣ для него недоступномъ.—Къ дѣдушкѣ?—Но кто знаетъ, что теперь съ дѣдушкой, живъ ли еще старичина?... Остаться у него было бы нелѣпостью, но хотѣлось бы очень повидаться, вѣдь это любопытно... а мнѣ все равно по свѣту шляться... Пусть дѣдушка будетъ первой станціей...

Онъ двинулся съ попутчикомъ-товарищемъ на половинныхъ издержкахъ. Пріѣхавъ въ городокъ, откуда можно было добраться до дѣдушкина жилья, Алексѣй узналъ, что жилье это разорено въ конецъ и Дмитрій Логиновъ «съ прочими» уже два года содержится въ тюрьмѣ... Человѣку, извѣдавшему всякую бѣду, тюрьма вовсе не внушаетъ ни ужаса, ни омерзѣнія,—онъ знаетъ ея настоящее горькое значеніе въ русской жизни... Алексѣй спокойно добрался и до тюрьмы, съ большимъ трудомъ выхлопоталъ разрѣшеніе повидаться съ старикомъ—и вотъ это свиданіе дѣйствительно навело на него ужасъ...

Передъ Слободинымъ стоялъ въ арестантскомъ армякѣ семидесятилѣтній старикъ, почти слѣпой, худой, одичалый; онъ, казалось, не сознавалъ дѣйствительности и городилъ какой-то мистическій неудобопонятный сумбуръ. Алексѣй пробовалъ навести его на нить реальныхъ впечатлѣній, старался возбудить его память,—говорилъ о своей матери, о купцѣ Конниковѣ, о письмѣ его къ внуку-студенту, о Ѳедосѣевѣ,—но старикъ твердилъ: «Да, да, знаю»,—и однакожъ не могъ связать этихъ отрывочныхъ представленій въ одно осмысленное цѣлое. Выслушавъ внука до конца, Дмитрій Логиновъ вдругъ поднялся во весь ростъ и проговорилъ какимъ-то ужаснымъ голосомъ: «Да, всѣ пропали, всѣ,

какъ черви капустные!»... и потомъ, качая головой, зашепталъ перепутанные тексты изъ священнаго писанія...

Алексѣй вышелъ отъ дѣда съ ощущеніемъ глубокаго, гнетущаго страданія... «Вотъ куда часто уходитъ крѣпкая душевная мощь человѣка!... А вѣдь когда-то этотъ самый дѣдушка мнѣ представлялся работящимъ американскимъ поселенцемъ, въ лѣсу съ топоромъ, ловкій, смышленый»...

Въ тюремной конторѣ къ Слободину подошелъ священникъ.

— Вы, милостивый государь, сродственникъ ему приходитесь?

— Да.—Меня удивляетъ, зачѣмъ его тутъ держатъ?

— Ежедневно увѣщеваемъ, но видно Господу-Богу не угодно просвѣтить заблудшаго. Другіе видимо тронуты, близки къ покаянію, а онъ упоренъ до неистовства. Меня возненавидѣлъ.

— Его бы скорѣй въ больницу... а, впрочемъ, мертвецовъ не лечатъ!

— Желательно было бы, чтобъ несчастный предсталъ предъ грознаго Судію въ иномъ видѣ, очищенный отъ грубыхъ заблужденій невѣжества. Мы стараемся болѣе кротостію, неистощимымъ долготерпѣніемъ...

Алексѣй смотрѣлъ на окладистую бороду священника и не могъ продолжать разговора... Какое-то давнишнее воспоминаніе мелькнуло въ немъ рѣзко, пронзительно, какъ молнія...

Выходя, онъ спросилъ у сторожей имя священника; отвѣчали: отецъ Павелъ... Ужели это онъ—знаменитый Павелъ!—Слободину припомнилось «ко евреемъ посланіе», Сіонскій, Лука Ѳедоровичъ...

Однако Павелъ сталъ благообразнѣе, глядитъ такъ благодушно, степенно, сыто,—и ряса на немъ хорошая... А можетъ, это и не онъ...

— Не весела же моя первая станція на родинѣ!—сказалъ себѣ Алексѣй, и безъ всякой опредѣленной цѣли поѣхалъ съ товарищемъ въ городъ, гдѣ тотъ имѣлъ родныхъ и соблазнилъ пріятеля благодатью южнаго климата, морскими купаньями и срав-

нительной легкостью заработать средства къ жизни.—«Прежде всего, Алексѣй Петровичъ, отогрѣемся на солнышкѣ, оттаемъ, отдохнемъ, а тамъ и за работу!—Денегъ, сколько надо будетъ, возьмите у меня—ужъ не откажите въ этомъ товарищу!»

Слободинъ горячо готовился къ работѣ, но вдругъ прошли слухи, что мѣстная газета уже отдана въ руки какого-то чиновника изъ просвѣщенныхъ. Князь молчалъ...

Кашириновъ разъ поймалъ Алексѣя на улицѣ:

— Что-жъ вы, Алексѣй Петровичъ, не стыдно ли, не грѣшно ли?—и меня поставили въ такое положеніе...

— Что же я сдѣлалъ?

— Нельзя же исчезнуть, не являться, ничѣмъ о себѣ не напомнить,—такъ нельзя—строго выговаривалъ правильный господинъ.—Князь вамъ обѣщалъ газету, знаю, знаю!—Нашли это неудобнымъ,—ничего не значитъ! Таржеевъ самъ намѣренъ издавать свою газету—вотъ вамъ и дѣло. Я сегодня уѣзжаю восвояси, а вы зайдите къ Ивану Александрычу,—онъ ждетъ васъ.

— Непремѣнно зайду,—отвѣтилъ Алексѣй съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не заходить никогда. Онъ уже зналъ, что секретаремъ, или «сознательнымъ эхомъ» къ Таржееву поступилъ какой-то молодецъ, обладавшій дѣйствительно бойкимъ перомъ и служившій когда-то въ полицейскихъ должностяхъ—вѣроятно, единственно по чувству гражданской доблести...

Наконецъ, князь потребовалъ его къ себѣ полуоффиціальной записочкой.

— Вы не будьте на меня въ претензіи,—не удалось намъ!—но я сдѣлалъ все, что могъ. Видите ли, у насъ еще il n'y a pas d'entente—не понимаемъ другъ друга; нашли, что вы не удовлетворяете тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ редактора газеты,—не въ смыслѣ способностей, а вы понимаете... Это смѣшно вамъ; да?—Я самъ готовъ съ вами смѣяться,—но, увы, это такъ! Я доказывалъ, что подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ, еслибъ вы и вздумали что-нибудь такое, такъ это невозможно, мы еще имѣемъ достаточно силы, чтобъ держать

васъ на мунштукѣ—ха, ха!—Нечего дѣлать, вѣдь не ссориться же?

— Совершенно справедливо. Вспомнивъ о мунштукѣ, я нисколько даже не скорблю...

— Не хотите ли въ мою канцелярію?

— Не гожусь, ваше сіятельство,—плохой изъ меня чиновникъ.

— Пожалуйста не унывайте, и если еще что придумаете, прямо ко мнѣ;—я готовъ!—только не по литературной части, ха-ха!

— Прошу васъ, князь, объ одной милости—выхлопочите мнѣ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ.

— Готовъ, готовъ!—Это весьма удобно.

Алексѣй окончательно пересталъ понимать смыслъ этой дѣйствительности. Въ самомъ ли дѣлѣ это «прогресъ?»—любимое и модное словечко того времени, или это небольше, какъ броженіе на старыхъ дрожжахъ? Личный опытъ еще ничего не доказываетъ, можетъ быть, вина-то на моей сторонѣ: просто-напросто, не пригоденъ только одинъ я, а остальное все въ порядкѣ...

XII.

Пріѣхалъ Купянцовъ. Онъ поспѣшилъ отыскать Алексѣя, но не съ былою юношескою горячностью кинулся къ нему на шею; онъ былъ сдержанъ, печаленъ, неоткровененъ.—Алексѣю это б -силось въ глаза.

— Какимъ чудомъ вы сюда, Купянцовъ? Изъ академической студіи да за конторскіе счеты!... Я тутъ у васъ, господа, право ничего не понимаю; дуракъ-дуракомъ хожу...

— Такъ обстоятельства сложились; имѣньице я передалъ, деньги помѣстилъ въ акціяхъ Таржеева.

— А!—вотъ что!—Да, это другое дѣло.

— Притомъ—и это главное—въ Петербургѣ мнѣ теперь дѣлать нечего... Вотъ вамъ письмо отъ Елены Петровны.

Заговоривъ о сестрѣ, Алексѣй замѣтилъ, что Купянцовъ какъ-то прячется, или равнодушничаетъ весьма неловко.

— Она вѣрно все еще оплакиваетъ своего Андрюшу—началъ Слободинъ.—Да, жаль юношу... вѣдь я любилъ его, какъ сорокъ тысячъ братьевъ!... Но знаете что я вамъ скажу: онъ отлично сдѣлалъ, что наскочилъ на турецкую пулю... Съ его пылкимъ, увлекающимся характеромъ, съ его впечатлительностію и крайнею непрактичностью—куда бы попалъ онъ въ современной толчеѣ?—Я увѣренъ, что онъ кончилъ бы скверно, очень скверно.. а то, пожалуй, вмѣсто турецкой пули угостилъ бы себя собственною, изъ собственныхъ ручекъ,—всяко бываетъ!—Не съ нимъ Алёнушкѣ слѣдовало бы судьбу свою связать—ужъ коли это такъ необходимо—а съ человѣкомъ мягкимъ, податливымъ, который бы только и помышлялъ, какъ-бы преподнести своей женѣ и ребятишкамъ каждое утро по сладенькой конфектѣ!.... Который бы, пожалуй, и работалъ—писалъ бы тамъ стихи, или рисовалъ—и даже волновался бы общими скорбями, но работалъ бы не изъ куска хлѣба, волновался бы слегка, не до зеленыхъ чортиковъ, а такъ себѣ, спокойно, пріятно, какъ счастливый дилеттантъ... Вотъ какой мужъ ей нуженъ.

— Что это, Алексѣй Петровичъ, вы какъ будто подтруниваете?... Купянцовъ горько улыбнулся.

— Простите, родимый, виноватъ,—лежачаго не бьютъ. Вы не трудитесь разсказывать мнѣ, я все понялъ—она вамъ отказала, и ужасно глупо поступила, ужасно глупо!—Я это скажу ей при свиданіи.

— Напрасно! Между нами ужъ нѣтъ ничего недосказаннаго... Я убѣдился окончательно въ моемъ совершенномъ несчастіи...

— Э, полноте!—въ этихъ вещахъ люди каждый день убѣждаются и разубѣждаются. Дѣло поправимое. Мнѣ смѣшно, что моя Алёнка, которую я въ уголъ ставилъ, теперь такъ важничаетъ!—Поди ты съ ней!—вѣдь какимъ молодцомъ она управилась со всѣми дѣлами!

— Она говоритъ, что всѣмъ вамъ обязана.

— Ну, ужъ это сестрицина безешка! Изъ ничего, голубчикъ мой, ничего и не подѣлаешь. Не одна она была у меня... были и другія, гдѣ и любовь могла бы помочь моему вліянію, однако, кажется, ничего не вышло... Ну, довольно объ этой поэзіи! А вотъ на счетъ Таржеевскихъ-то акцій совѣтую вамъ держать ухо остро. Я вѣдь ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ; видалъ, какъ православные сколачиваютъ свои копѣйки, а потому больно *пужаюсь* всякихъ крупныхъ кушей—все думаю, откуда-жъ они берутся?—и недоумѣваю! Даже по сибирской привычкѣ всегда спрашиваю: на серебро, или на ассигнаціи? Надо-мной подсмѣиваются, но чтожъ дѣлать-то! Приходится признать себя дуракомъ... Однако никакой умникъ мнѣ не докажетъ, что онъ, ничего не производя, можетъ увеличить народное богатство хоть на копѣйку ассигнаціей... а въ этомъ вся штука!—Да, милый другъ, вы посматривайте на счетъ акцій-то;—вѣдь тутъ не одна коммерція, а тоже и филантропія, и гражданскія добродѣтели, и больницы,—словомъ, всякіе ингредіенты, способные произвести великолѣпную чепуху...

— Таржеевъ стоитъ солидно; онъ хорошо женился...

— Эге!—кого-жъ это онъ прикарманилъ?

Купянцовъ смутился; ему казалось, что онъ, нечаянно проговорившись, можетъ нанести смертельный ударъ Слободину.

— На mademoiselle Косолаповой,—проговорилъ онъ въ полголоса.

— Вотъ это отлично!—вырвалось у Алексѣя,—однако его голосъ дрогнулъ, нота вышла рѣзкая, надтреснутая...—Это безподобно!—То-то я смотрю, гдѣ я съ нимъ встрѣчался? а это онъ, милашка, въ концертахъ букеты подносилъ... Своего добился... ха-ха!

— По слухамъ, она очень несчастлива; живетъ врознь съ нимъ, постоянно за границей, дѣтей нѣтъ... хотите ее видѣть?— Я привезъ Таржееву ея портретъ.

— Любопытно, любопытно!—давайте сюда ея портретъ, давайте!

— Онъ у меня дома; завтра я вамъ принесу.

— Сбѣгайте, голубчикъ, теперь,—что вамъ стóитъ!—потѣшьте!

Купянцовъ съѣздилъ въ гостинницу, привезъ поясной портретъ Агаты. Долго всматривался Алексѣй въ черты знакомыя, дорогія... въ немъ проснулось старое сумасшествіе—тотъ же поджогъ дома ненавистнаго человѣка, тотъ же поцѣлуй въ театральной залѣ, то же маскарадное безумство...

— Знаете ли что,—этотъ портретъ по всѣмъ правамъ мой... Таржееву онъ совсѣмъ не нуженъ... Солгите, что у васъ его украли,—а не хотите лгать, такъ просто пошлите его ко мнѣ— мы объяснимся...

Купянцовъ растерялся: но Слободинъ не шутилъ, и овладѣлъ портретомъ. Это очень дико, сумасбродно,—но вѣдь онъ былъ живой человѣкъ съ неугасшимъ сердцемъ и своеобычнымъ складомъ понятій...

Конечно, Таржеевъ не пришелъ къ нему за объясненіями, а черезъ мѣсяцъ и Слободинъ, по ходатайству князя, получилъ возможность переѣхать въ Петербургъ, гдѣ его ждала Алёнушка.

Тутъ мы остановимся.

Чѣмъ живучѣе личность, тѣмъ незалечимѣе нанесенныя ей раны; чѣмъ преданнѣе и страстнѣе болѣла она болѣзнями и стремленіями своего времени, тѣмъ сиротливѣе ея положеніе среди вновь-народившагося поколѣнія, которому жизнь указала совсѣмъ

иныя цѣли, задала иныя задачи.... Если человѣку суждено пережить свое время, если онъ еще не усталъ искать новыхъ радостей и находить однѣ лишь старыя печали,—то никто уже не вложитъ въ его грудь смѣлыхъ надеждъ, цѣльныхъ стремленій, той огневой любви и отваги, которыми такъ красна молодость.. Благо ему, если во-время съумѣлъ онъ уступить дорогу другимъ свѣжимъ силамъ и глядитъ на ихъ путь не съ тупою, беззубою враждой, а съ добрыми пожеланіями: вѣдь онъ уже дочитываетъ послѣднюю страницу своей жизни, этой „книги скорбей", наполненной промахами, неудачами, несчастіями, даже паденіями... Не тотъ подниметъ камень на брата, кто самъ нуждается въ оправданіи....

Изъ находящихся въ нашихъ рукахъ отрывочныхъ записокъ Слободина, Рудковскаго и ихъ сверстниковъ видно, что они съумѣли понять свое положеніе среди новыхъ явленій жизни, и стараясь полнѣе уразумѣть свое прошедшее, стали въ симпатичныя отношенія къ настоящему. Этимъ матеріаломъ мы воспользуемся, когда явится къ тому возможность.

КОНЕЦЪ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

APR 74
N. MANCHESTER, INDIANA

LIBRARY OF CONGRESS
00024137715